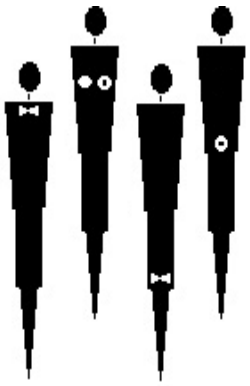
Глава 5.
Описание и анализ русского языка.
Фонетика, фонология, морфология, лексикология, фразеология, семантика, синтаксис.



К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ТРАНСФОРМИРОВАННОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА-ЗАГОЛОВКА С ТЕКСТОМ СТАТЬИ

Аймагамбетова Малика Муратовна
Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан
aimagambetovamalika@gmail.com

ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC RELATIONSHIP OF TRANSFORMED PHRASEOLOGISM-HEADING WITH THE TEXT OF THE ARTICLE

Aimagambetova Malika Muratovna
Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В данной статье говорится о соотношении трансформированных фразеологических единицах в заголовках с текстом статей, о способах их трансформации и функциях. Фразеологические единицы обладают значительным семантическим, стилистическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, что способствует реализации коммуникативных, номинативно-информативных и прагматических свойств устойчивых оборотов в речи и в тексте, особенно в составе газетного заголовка.

ABSTRACT

This article deals with the correlation of transformed phraseological units in headings with the text of articles, on the methods of their transformation and functions. Phraseological units have a significant semantic, stylistic and emotional-expressive potential, which contributes to the implementation of communicative, nominative-informative and pragmatic properties of sustainable speech and text, especially in the newspaper headline.

Ключевые слова: фразеологизм, заголовок, трансформированный фразеологизм-заголовок, семантическое соотношение.

Key words: phraseological unit, headline, transformed phraseologism-heading, semantic relationship.

*Статья подготовлена в рамках гранта № AP05133019 КН МОН РК "Культурные коды современного Казахстана (литературный и медийный дискурсы)"

На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционально-стилистическим направлением лингвистики. Обуславливается это, прежде всего, повышенным интересом науки к коммуникативным функциям языка (Айвазян 2012: 3). Одним из наиболее интересных и значимых (с точки зрения лингвистического анализа современного языка) направлений является исследование фразеологических единиц и их разного рода видоизменений (трансформаций). Как отмечает исследователи, именно фразеологические единицы содержат в себе уникальные сведения о материальном, социальном и духовном мире человека (Багаутдинова 2007: 20). В этом смысле особый интерес вызывает исследование семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов (в особенности, текстов статей СМИ). Так, являясь важнейшими компонентами статей, фразеологизмы-заголовки способны нести в себе определенную эмоциональную нагрузку, направлять читателя на скрытые смыслы, указывать на наличие подтекста, придавать тексту ироническую тональность и т.д. (Тин 2016: 1295). При этом важную роль играет степень соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов, исследование которого (соотношения) позволяет выявить комплекс критериев, определяющих степень этого соотношения.

Кроме того, актуальность данного исследования определяется тем, что процессы, которые происходят на данный момент в русском языке, достаточно активны, новые явления появляются и развиваются стремительно. К такого рода активным процессам, с нашей точки зрения, относится и употребление фразеологических единиц в трансформированном виде в языке СМИ. В то же время, это не только лингвистические, но и социологические, культурологические явления, которые отражают процессы, происходящие в обществе и в сознании носителей языка. В силу своей актуальности, СМИ представляют собой достойный источник материалов для исследования современной русской речи, поскольку они отображают ее непосредственно, в самом процессе развития.

Проблематика данного исследования также имеет актуальный характер. Анализ специфики семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов статей достаточно актуален и представляет литературный и филологический интерес.

Характеризуя степень научной разработанности, следует отметить, что тема «Фразеологизмы» (в той или иной степени) уже многократно исследовалась различными авторами в различных изданиях. В частности, выделяется целый ряд работ, посвященных проблемам понятия фразеологизмов как категориальных единиц языка, их свойств и признаков, а также их соотношения с другими единицами языка (словами, словосочетаниями, предложениями). Так, например, Л.А. Булаховский и А.А. Реформатский отмечали, что

ISBN 978-84-949838-0-1

основным признаком фразеологических единиц является непереводимость на другие языки (Булаховский 1952; Реформатский 1997); А.И. Ефимов выделял образность как основной признак (Ефимов 1954); В.А. Архангельский – внутрикомпонентные связи (Архангельский, 1964: 97); О.С. Ахманова – целостность номинации (Ахманова, 1957); Е.А. Иванникова – лексическую неделимость (Иванникова, 1964); М.М. Копыленко – сочетаемость различных лексем и семем (Копыленко, 1989); Н.М. Шанский выделял воспроизводимость (Шанский, 1996) и т.д.

Другие авторы утверждали, что фразеологизмы обладают целым комплексом признаков. Так, А.М. Бабкин, указывал, что основными признаками фразеологических единиц являются: смысловая целостность, устойчивость сочетания, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность (Бабкин, 1964: 7-36). А.И. Молотков, рассматривая главные категориальные признаки фразеологических единиц, выделяет компонентный состав, грамматическое и лексическое значение (Молотков, 1977: 44-59). Значительное расхождение во взглядах, на наш взгляд, объясняется сложностью фразеологизмов как категориальных языковых единиц.

Особую научную значимость имеют работы, раскрывающие понятия устойчивости и идеоматичности, формы и содержания, тождества и различий фразеологических единиц, знаковых и информативных свойств компонентов, их типологии (Вернер, 1997; Гафарова, 2007; Кулаева, Лискина, 2010; Остапович, 2013; Шиганова, 2015) и т.д. Кроме того, среди исследований, посвященных роли и значению фразеологизмов в СМИ, в большей степени выделяются работы В.Н. Вакурова (Вакуров, 1994), А.Н. Зеленова (Зеленов, 2009), Д.С. Ташимхановой (Ташимханова, 2010), Тина У (Тин, 2016), О.В. Шашковой (Шашкова, 2013) и др. Однако при анализе литературных источников по данной тематике отмечается недостаточное количество полных исследований относительно специфики семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов.

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы в широком понимании (речь идет не только о фразеологизмах, но и об идиомах, фразеологических сочетаниях и выражениях, клише, цитатах, пословицах и поговорках, устойчивых формулах – все они могут быть охарактеризованы как идиоматичные, воспроизводимые и относительно устойчивые единицы языка). Такой подход позволяет объединить термином «фразеологическая единица» практически все устойчивые выражения. В связи с этим мы рассматриваем не только сами фразеологизмы, но и другие устойчивые выражения.

Предметом исследования является специфика семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов, анализ которой позволит рассмотреть

ISBN 978-84-949838-0-1

фразеологические единицы и их видоизменения (трансформации) с точки зрения идиоматичности, воспроизводимости и относительной устойчивости, а также содержания сведений о материальном, социальном и духовном мире человека.

Цель работы – провести детальный анализ фразеологизмов-заголовков и текстов статей СМИ с целью предложения критериев, определяющих степень их соотношения. Заявленная цель определила следующие задачи нашего исследования:

1) рассмотреть основные особенности фразеологических единиц и их видоизменений (трансформаций), использующихся в качестве заголовков текстов статей;

2) исследовать фразеологизмы-заголовки с точки зрения идиоматичности, воспроизводимости и относительной устойчивости, а также предложить классификацию;

3) проанализировать соотношение фразеологизмов-заголовков и текстов статей СМИ, предложить критерии, определяющие степень их соотношения.

Определенная значимость и недостаточная научная разработанность темы определили научную новизну данной работы.

Теоретико-методологическую базу работы составили три группы источников. К первой отнесены учебники и учебные пособия, справочная и энциклопедическая литература. Ко второй – научно-исследовательские статьи в периодических журналах по данной проблематике. И к третьей – специализированные Интернет-ресурсы.

Итак, как справедливо отмечает Г.И. Алиомарова, фразеология публицистического текста и фразеология общенародного языка – это понятия, которые не совпадают не столько в смысле количественного соответствия, сколько в смысле качественного расхождения. Публицистика, как правило, отображает особенности авторской переработки фразеологических единиц, окказиональное употребление устойчивых оборотов, нестандартные контекстуальные связи – все, что отходит от нормативного употребления, что проявляется как противоречие с принятым в литературном языке способом выражения мысли (Алиомарова, 2003: 71-90). В этом смысле фразеологические единицы, которые включают в себя фразеологизмы, идиомы, фразеологические сочетания и выражения, клише, цитаты, пословицы и поговорки, устойчивые формулы, в готовом виде отображают языковой вкус и тенденцию современного русского языка.

Фразеологизмы-заголовки часто подвергаются семантико-структурным преобразованиям, что, в свою очередь, говорит о том, что современные СМИ ориентируются не только на общий читательский вкус, но и на определенные культурные ценности, лежащие в сознании человека. За счет активизации данных культурологических знаний, СМИ стараются вызвать у читателей некие впечатления, ассоциации, тем самым воздействовать на

ISBN 978-84-949838-0-1

них (Бэк Кюн Хи, 2002: 21-59). Газетный заголовок, будучи первым компонентом публицистического текста, передает читателю общее представление о чем будет статья, указывает на основную мысль автора.

Заголовок как важнейшая часть текста, оказывает огромное влияние на построение и содержание текста, а также на его восприятие. Так, по мнению В.П. Жукова, «способность языковых единиц воздействовать на организацию текста зависит, главным образом, от информативной емкости семантически реализуемых единиц <…> чем информативнее те или иные единицы, чем выше их познавательная ценность, тем выше текстообразующая способность таких выражений, и наоборот» (Жуков, 1978: 38-61). Кроме того, заголовок статьи как текстообразующее средство выполняет целый ряд важнейших функций, в частности (Зеленов, 2009: 5-14):

1) выступает в роли путеводителя, поскольку заголовок статьи весьма информативен по своему характеру;

2) привлекает внимание потенциальных читателей, а также ориентирует их в материалах издания;

3) выступает в роли средства активизации фоновых знаний адресата;

4) интригует, вовлекает читателей в языковую и речевую игру;

5) «ведет» эффективную пропагандистскую и агитационную работу, формирует адекватное отношение читателей к предлагаемым материалам;

6) вводит субъектов общения в процесс виртуального диалога, который определяется особенностями языковой личности автора и потенциальных читателей и т.д.

Заголовки статей, являющиеся фразеологическими единицами, кроме всего прочего, отображают тенденции современного русского языка, при этом они (заголовки) очень часто сами подвергаются различным изменениям, и такого рода изменения тесно связаны с использованием фразеологических единиц и одновременным воздействием языковых норм (Шашкова, 2013: 326-331). Тяга к экспрессии в публицистических текстах при использовании фразеологических оборотов – это, главным образом, их преобразование для решения различных коммуникативных задач и выражения той или иной авторской позиции. Такие окказиональные преобразования могут быть охарактеризованы как отклонения от языковых норм. При этом авторские преобразования фразеологических единиц, которые актуализируют прагматические функции текста для СМИ, определяются стремлением автора добиться экспрессивного эффекта за счет преодоления языковых стандартов.

По мнению А.Н. Зеленова, в практике СМИ были сформированы определенные стереотипы употребления заголовков для публикаций разных жанров, а фразеологизмы, как и

ISBN 978-84-949838-0-1

прочие оценочные и экспрессивные заголовки, соотносятся с художественно-публицистическими жанрами (Зеленов, 2009: 5-14). Однако, несмотря на то, что жанровая специфика газетных материалов предусматривает оценочные и экспрессивные заглавия, частотность употребления устойчивых единиц зависит от вкуса и предпочтений авторов.

В качестве примера рассмотрим несколько статей, авторы которых в заголовке используют фразеологические единицы, в частности:

1) «Пейте, люди, молоко!» (автор Г. Ланской);

2) «Алматинский ипподром: быть или не быть?» (автор Н. Садыкова);

3) «Я в художники пойду, пусть меня научат!» (автор Р. Абдыкадырова);

4) «На власть надейся, да сам не плошай» (автор С. Горбунов);

5) «Длинный язык до статьи доведет» (автор Т. Аубакиров);

6) «Любовь спасет мир» (автор Д. Омарова);

7) «Что такое хорошо и что такое плохо?» (автор Р. Шулеева);

8) «Чарын в иллюминаторе» (автор К. Микоян).

Итак, заголовки данных статей представлены конструкциями, которые совпадают по форме с простым предложением. Как показывает материал, практически все фразеологизмы-заголовки обходятся без подзаголовков. Вероятно, сделано это для того, чтобы создать определенную интригу, вынудить потенциальных читателей обратиться к тексту. Как отмечает О.В. Шашкова, фразеологизмы-заголовки способствуют формированию у читателей определенной оценки материала статьи (Шиганова , 2015: 158-162). Кроме того, фразеологические единицы придают тексту большую образность, экспрессивность, диалогичность и информативность. Например, заголовки «Алматинский ипподром: быть или не быть?», «Любовь спасет мир», «На власть надейся, да сам не плошай» и т.д. являются не только оценочными, но и информационно достаточными, в них заключается основная идея статьи. Заголовок в данном случае оказывается оценочно-информационным, главным смысловым элементом которого является оценка факта (в отрицательном либо положительном смысле).

Рассмотрим данные статьи более подробно.

1) «Пейте, люди, молоко!» (автор Г. Ланской);

Данный заголовок является трансформированным вариантом известного выражения «пейте, дети, молоко – будете здоровы!», основной смысл которого заключается в том, что молоко является полезным продуктом, способствующим здоровому и правильному росту ребенка. В статье Г. Ланского «Пейте, люди, молоко!» говорится о возможности создания казахстанско-российского предприятия по выпуску детского питания «из натуральных

ISBN 978-84-949838-0-1

продуктов без использования красителей, загустителей и прочих химических добавок, с учетом потребностей детского растущего организма, обогащенных витаминами, фолиевой кислотой, микроэлементами». Заголовок «Пейте, люди, молоко!» в целом определяет основную мысль статьи, при этом он (заголовок) оказывает определенное эмоциональное воздействие, за счет глагола повелительного наклонения «пейте», обращения «люди», а также использования восклицательной интонации.

2) «Алматинский ипподром: быть или не быть?» (автор Н. Садыкова).

В состав данного заголовка входит устойчивое выражение «быть или не быть?» (с англ. To be, or not to be) – начало известного монолога из пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира. Данное выражение подразумевает наличие определенных колебаний при принятии тех или иных важных решений. Статья Н. Садыковой «Алматинский ипподром: быть или не быть?» посвящена «исторической достопримечательности южной столицы Казахстана» – Алматинскому ипподрому, который находится под угрозой сноса (вместо него, согласно постановлению акимата Алматы, будет построен жилой комплекс с супермаркетом). Соответственно, заголовок «Алматинский ипподром: быть или не быть?» выполняет определенную информативную функцию, отображает основную мысль статьи (будет ли снесен ипподром или нет). За счет использования вопросительной конструкции создается эффект диалогичности и динамичности.

3) «Я в художники пойду, пусть меня научат!» (автор Р. Абдыкадырова).

Данный заголовок перекликается со стихотворением В. Маяковского «Кем быть?», которое имеет форму искренней эмоциональной беседы, определяющей моральные жизненные ориентиры ребенка при выборе профессии. Рефреном стихотворения служит выражение «пусть меня научат» (например, «…столяру хорошо, / а инженеру – / лучше, / я бы строить дом пошел, / пусть меня научат…», «…инженеру хорошо, / а доктору – / лучше, / я б детей лечить пошел, / пусть меня научат…» и т.д.).

В статье Р. Абдыкадырова «Я в художники пойду, пусть меня научат!» рассказывается об Алматинском колледже декоративно-прикладного искусства имени О. Тансыкбаева, о том, что он (колледж) «славится хорошей школой, качественной подготовкой специалистов», что всем обучающимся в нем помогают сохранить и развить таланты. Также в статье делается небольшой исторический экскурс, отмечается, что широкую известность колледжу «принесли его питомцы, известные деятели изобразительного искусства». Заголовок «Я в художники пойду, пусть меня научат!», как и предыдущие заголовки, также является информационно достаточным, в нем заключается основная идея статьи – выбор профессии. За счет

ISBN 978-84-949838-0-1

использования в заголовке элементов восклицания в целом статья приобретает определенную эмоциональную окраску.

4) «На власть надейся, да сам не плошай» (автор С. Горбунов).

Данный заголовок представляет собой видоизмененную пословицу «На Бога надейся, а сам не плошай», которая подразумевает, что нужно надеется не только на Бога или удачу, но и самому прикладывать определенные усилия в решении тех или иных вопросов. В статье С. Горбунова говорится о предпринимателях, которые взяли льготные кредиты на свое дело в рамках программы «Занятость – 2020». Так, значительная часть предпринимателей, на сегодняшний день успешно развивают свой бизнес, отмечается в статье, другая же часть не сумела успешно вложить денежные средства и теперь находится «в конфликтной ситуации с ТОО «Микрокредитная организация «Финансовый центр Павлодара» и исполнительной властью Казахстана». Таким образом, заголовок «На власть надейся, да сам не плошай» выполняет оценочно-информационную функцию, главным смысловым элементом является авторская оценка факта, хотя в заголовке нет прямого указания на основные мысли статьи – проблемы кредитования предпринимательства, а также взаимоотношения бизнес-структур и государственной власти.

5) «Длинный язык до статьи доведет» (автор Т. Аубакиров).

Заголовок данной статьи является трансформированным вариантом поговорки «Язык до Киева доведет», смысл которой на протяжении многих лет менялся и, в конечном счете, стал заключаться в том, что даже если человеку неизвестно точное местонахождение того или иного места или объекта, всегда найдутся люди, которые подскажут дорогу если попросить их об этом.

Статья Т. Аубакирова «Длинный язык до статьи доведет» рассказывает о том, что наиболее важным новшеством, касающимся Уголовного кодекса, стало введение института уголовных проступков. В частности, отмечается, что введение этого института позволяет определять меру ответственности «за распространение информации оскорбительного или клеветнического характера посредством компьютерных систем». Также в статье говорится о том, что «одним из самых животрепещущих вопросов общественности» является вопрос языкового барьера при применении нововведенного так называемого «правила Миранды», который может возникнуть при задержании иностранных граждан, не владеющих русским и государственными языками. Соответственно, заголовок «Длинный язык до статьи доведет» актуализирует прагматические функции текста статьи; при этом трансформация устойчивого

ISBN 978-84-949838-0-1

выражения (поговорки) позволяет автору преодолеть современные языковые стереотипы, а также оказать определенное воздействие на читателя.

6) «Любовь спасет мир» (автор Д. Омарова).

Заголовок статьи перекликается с устойчивым выражением «красота спасет мир», которое принадлежит одному из главных героев произведения великого русского писателя Ф.М. Достоевского – князю Л.Н. Мышкину (роман «Идиот»). Говоря о красоте, которая способна спасти мир, герой романа указывает, прежде всего, на внутреннюю красоту человека, его нравственное и духовное начало.

Статья Д. Омаровой посвящена обзору короткометражного фильма «Луна любит Солнце», автором и режиссером которого стал певец, композитор, актер и продюсер Алишер Сулейменов. Фильм рассказывает о людях, которых объединяет одно – «каждый герой хочет любить и быть любимым». В статье отмечается, что фильм демонстрирует десятки способов проявления любви. Заголовок «Любовь спасет мир», на наш взгляд, не в полной мере отображает содержание статьи, в отличие от вышеназванных заголовков статей. Основная особенность данного заголовка – тяга к экспрессии и высокопарности, которая обуславливается стремлением воздействовать на читателя.

7) «Что такое хорошо и что такое плохо?» (автор Р. Шулеева).

Данный заголовок полностью соотносится с названием стихотворения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», «предназначенного» для юных читателей и выражающегося в наставительных и доверительных интонациях. Композиция данного стихотворения построена на основе антитезы (хорошо/плохо), которая, в своою очередь, позволяет передать ребенку набор нравственных ориентиров.

В статье Р. Шулеевой «Что такое хорошо и что такое плохо?» рассматриваются современные европейские ценности, в частности, отмечается, что в основе глобальных кризисов, возникающих в Европе, и их последствий лежит «кризис ценностных ориентаций и установок человечества, когда в течение последних трех столетий <…> Европа постепенно и незаметно для себя подменила общечеловеческие ценности на индивидуалистические полезности, поставила их соотношение с ног на голову и теперь зашла в тупик». Также в статье затрагиваются проблемы националистических взглядов, плюрализма мнений и толерантности современного общества. Таким образом, заголовок «Что такое хорошо и что такое плохо?» передает основную проблему статьи – что хорошо для человека, а что плохо.

8) «Чарын в иллюминаторе» (автор К. Микоян).

Заголовок статьи К. Микояна «Чарын в иллюминаторе» перекликается с уже ставшим устойчивым выражением «Земля в иллюминаторе» из одноименной песни ВИА «Земляне».

ISBN 978-84-949838-0-1

Песня рассказывает о том, что космонавты очень скучают о своем родном доме, что снится им «не рокот космодрома, / ни эта ледяная синева, / А снится нам трава, трава у дома, / Зеленая, зеленая трава». Статья «Чарын в иллюминаторе» посвящена обзору художественной картины молодого режиссера Вячеслава Лисневского «Проект Gemini». Как отмечается в статье, «Проект Gemini» – это история про космическую миссию, которая призвана остановить разрушительное воздействие на Землю загадочного сигнала с другой планеты. Ландшафт Чарынского каньона и стал в картине тем самым загадочным местом, откуда на Землю идет разрушительный сигнал. Заголовок статьи является трансформированным вариантом известного выражения, предает тексту образность и загадочность вынуждает читателя обратиться к тексту.

Таким образом, анализ данных статей показал, что большинство фразеологических единиц являются трансформированными фразеологизмами, устойчивыми выражениями, пословицами и т.д. Степень трансформации фразеологизма, который выступает в роли заголовка, может быть различной от минимальной (или формальной, когда незначительно изменяется один из его компонентов), до максимальной (когда неизмененным остается лишь один из компонентов фразеологической единицы) (Вакуров, 1994: 17-25).

К первой степени трансформации относятся фразеологической единицы, которые были незначительно структурно изменены (все преобразования осуществляются на уровне его формы), либо их компоненты были переставлены местами. Например: заголовок «Алматинский ипподром: быть или не быть?». В данном случае устойчивое выражение находится в составе словосочетания «алматинский ипподром», что, соответственно, влияет на его репрезентативные функции. С одной стороны, такое структурное изменение фразеологических единиц не влечет за собой никаких семантических изменений, при этом нельзя утверждать, что фразеологизм подвергся семантической трансформации или дефразеологизации. Такого рода сочетания отображают переходные случаи, которое занимают пространство между группой нетрансформированных и трансформированных фразеологических единиц (Багаутдинова, 2007: 8-19).

Ко второй группе относятся фразеологические единицы с преобразованным стержневым компонентом или большей части компонентов. Например: «Я в художники пойду, пусть меня научат!» или «На власть надейся, да сам не плошай» и др. Также к данной группе можно отнести усеченные фразеологические единицы. Например: «Пейте, люди, молоко!». Усечение фразеологических единиц в заголовках статей выступает как тенденция к экономии языковых средств в памяти читателя, знакомого с устойчивой единицей (Кулаева, Лискина, 2010: 176-179), происходит ее восстановление до первоначального варианта.

ISBN 978-84-949838-0-1

К третьей группе относятся фразеологические единицы, представляющие собой более сложную форму преобразования. Изменения касаются как ключевого компонента, так и устойчивой единицы в целом. Например: «Длинный язык до статьи доведет», «Чарын в иллюминаторе» и др. Общим для данной категории трансформированных фразеологических единиц, использованных в заголовке, является то, что к значению устойчивой единицы добавляется значение текста статьи. Экспрессивный эффект в заголовке, в составе которого находится трансформированный фразеологизм, может строиться на взаимодействии слов-компонентов и смешении значений, когда видоизмененный фразеологизм одновременно воспринимается как цельное идиоматическое словосочетание, так и семантически делимое в условиях контекста. Например: «Любовь спасет мир».

В целом ряде фразеологических единиц, несмотря на утрату отдельных компонентов, так или иначе, сохраняется исходная образность и мотивировка. Например: пейте, дети, молоко – будете здоровы! / пейте, дети (люди), молоко. При этом значение фразеологизма расширяется за счет опущения нестержневых компонентов и вставкой на его место других. Например: «Длинный язык до статьи доведет».

Достаточно редки примеры заголовков, в которых автором статьи обыгрывается не только форма фразеологической единицы, но и смысл текста статьи. Например: «Чарын в иллюминаторе» и др. Индивидуально-авторское преобразование фразеологической единицы отличается уникальностью и неповторяемостью произведенных изменений. Авторская игра выстраивается в рамках ограничений компонентного состава фразеологической единицы, а также ее значения, поэтому конечный результат при внешней графической компактности и языковой экономии может включать в себя огромный спектр разнообразных ассоциаций и смыслов (Зеленов, 2009: 9-15). Например: «Любовь спасет мир». Механизмы создания таких типов заголовков, которые включают в себя фразеологизмы, могут быть следующими:

- образование нового слова или словосочетания,
- замена созвучным словом,
- различные многоходовые ассоциации, которые построены на основе парадигматических связей,
- графическое выделение, значимого элемента,
- восстановление значения за счет сходных компонентов и т.д.

Большая часть заголовков состоит только из фразеологизмов, т.е. она воспринимается как языковая единица и используется в готовом виде. Например: «Что такое хорошо и что такое плохо?» Тем не менее, такого рода фразеологическая единица также выступает в роли

ISBN 978-84-949838-0-1

образца для образования вариантов, приспособленных автором газетной публикации к решению определенных коммуникативных задач.

Таким образом, фразеологизм-заголовок является наиболее эффективным средством диалогизации речи благодаря взаимодействию этимологического и актуального значений, соотношения двух языковых картин мира. Нетрансформированный фразеологизм-заголовок воспринимается пишущим в качестве языковой единицы, которая воспроизводится в готовом виде, трансформированный фразеологизм используется пишущим как речевая единица, которая всякий раз воссоздается заново по определенной модели. Язык современных печатных и электронных СМИ является яркой демонстрацией мобильности фразеологического материала. Непрерывные поиски свежей экспрессии и усиления выразительности ведут как к активному употреблению традиционных ФЕ в роли заголовков, так и к неизбежному обновлению применяемых фразеологических средств.

Фразеологические единицы обладают значительным семантическим, стилистическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, что в конечном итоге способствует реализации коммуникативных, номинативно-информативных и прагматических свойств устойчивых оборотов в речи и в тексте, в т.ч. в составе газетного заголовка. Фразеологический оборот, выступая в роли газетного заголовка, нередко оказывается более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание и даже предложение. Текстообразующая роль заголовка-фразеологизма заключается в том, что он, как правило, является структурной и смысловой доминантой текста, во многом предопределяя его стилевую, эмоционально-экспрессивную тональность, а также жанровое своеобразие. Текстообразующий потенциал фразеологизма-заголовка активно используется автором для решения разнообразных коммуникативных задач.

Список литературы

Айвазян О.О. (2012): Коммуникация и речь, Вестник АГУ, 4.

Алиомарова Г.И. (2003): Трансформированная фразеология как текстообразующий элемент единого целого (на матер. худ. деревен. прозы), Диссер. … кандид. филолог. наук, 153.

Архангельский В.Л. (1964): Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов.

Ахманова О.С. (1964): Очерки по общей и русской лексикологии. Москва: «Учпедгиз».

Бабкин А.М. (1964): Фразеология и лексикография, Проблемы фразеологии, 7-36.

Багаутдинова Г.А. (2007): Человек во фразеологии: антропологический и аксиологический аспекты, Автореф. … докт. филолог. наук, 35.

ISBN 978-84-949838-0-1

Булаховский Л.А. (1952): Курс русского литературного языка. Киев: «Радяньска школа».

Бэк Кюн Хи. (2002): Семантико-структурные преобразования устойчивых выражений в заголовках современных газет, Диссер. … кандид. филолог. наук, 236.

Вакуров В.Н. (1994): Фразеологический каламбур в современной публицистике, Русская речь, 6, 17-25.

Вернер А.В. (1997): Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения, Диссер. … кандид. филол. наук, 144.

Гафарова К.Т. (2007): Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках, Дисер. … кандид. филол. наук, Душанбе, 164.

Ефимов А.И. (1954): О языке художественных произведений. Москва.

Жуков В.П. (2009): Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 159с.

Зеленов А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка, Автореф. … кандид. филолог. наук, Великий Новгород, 19.

Иванникова Е.А. (1964): Об основном признаке фразеологических единиц, Проблемы фразеологии, 70-83.

Копыленко М.М., Попова З.Д. (1989): Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка. Воронеж.

Кулаева О.А., Лискина О. (2010): К проблеме устойчивости на фразеологическом уровне, Известия Самарского научного центра РАН, 176-179.

Молотков А.И. (1977): Основы фразеологии русского языка. – Москва: «Наука».

Остапович О.Я. (2013): Идиоматика славянских и германских языков. Мифы и реальность «фразеологических компонентов», Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами, 97-102.

Реформатский А.А. (1997): Введение в языковедение. Москва: «Аспект Пресс», 126-131.

Ташимханова Д.С. (2010): Фразеологизмы как источник прецедентных текстов, Язык, речь, речевая коммуникация. URL: http://www.rusnauka.com/35_ OINBG_2010/Philologia/75702.doc.htm.

Тин У. (2016): Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке, Молодой ученый, 9, 1294-1297.

Шанский Н.М. (1996): Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: «Спец. лит-ра.

ISBN 978-84-949838-0-1

Шашкова О.В. (2013): Структурная трансформация фразеологизмов в заголовках современных СМИ, Пушкинские чтения, 326-331.

Шиганова Г.А., Юздова Л.П., Свиридова А.В., Чепуренко А.А. (2015): Тождество и различие фразеологических единиц разных семантических классов, Вестник ЧГПУ, 2015, 158-162.

ISBN 978-84-949838-0-1

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

Араева Людмила Алексеевна
Кемеровский государственный университет, Россия
araeva@list.ru

Ли Станислав Игоревич
Кемеровский государственный университет
li.stanislav999@yandex.ru

THE WORD-FORMATION CATEGORIZATION IN THE FORMATION OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES)

Araeva Liudmila Alekseevna
Kemerovo State University, Russia

Li Stanislav Igorevich
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности словообразовательной категоризации в разноструктурных языках. Основное внимание уделяется компактным пропозиционально организованным тематическим объединениям производных слов и устойчивых сочетаний, стремящихся к оформлению специализированными формальными средствами: суффиксами, суффиксоидами, префиксами и префиксоидами.

ABSTRACT

In the article features of word-formation categorization in languages with different structures are reviewed. The main attention is paid to compact propositional organized thematic associations of derivative words and stable combinations, which tend to be formalized with specialized formal means: suffixes, suffixoids, prefixes and prefixoids.

Ключевые слова: категоризация, языковая картина мира, суффиксоид, суффикс, пропозициональная структура, пропозиция.

Keywords: categorization, linguistic view of the world, suffixoid, suffix, propositional structure, proposition.

ISBN 978-84-949838-0-1

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 17-04-00253 – ОГН\18.

Введение

Словообразование, по словам В. Гумбольдта, представляет собой «самую глубокую и самую загадочную сферу языка». Производные лексические единицы, как и типизированные устойчивые словосочетания, выделяют те явления и объекты окружающего человека мира, которые имеют значимость и требуют номинации. Производная лексика позволяет «увидеть, как была воспринята определенная реалия в мире «как он есть» - через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и затем поименованы» (Кубрякова 2006: 5). Анализируя производную лексику и устойчивые типизированные словосочетания в аспекте пропозиционально-фреймового моделирования, мы можем понять, какие ментальные механизмы человека задействованы в процессе языковой категоризации действительности. Словообразовательный уровень отличается динамичностью: одним из показателей подвижности словообразовательной системы является внедрение в ее состав строевых единиц языка различного рода.

Словообразовательная категоризация – это механизм, с помощью которого в сознании человека происходит отбор, упорядочивание и закрепление знаний о предметах и явлениях действительности. Словообразование в процессе категоризации действительности предстает как инструмент «ословливания и означивания мира», эта функция словообразования «связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» (Кубрякова 2004: 407).

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили производные лексемы и устойчивые словосочетания, составляющие компактные, пропозиционально организованные тематические объединения (фреймы) в русском, китайском, английском, алтайском, киргизском и телеутском языках, извлеченные методом сплошной выборки из толковых словарей. Телеутский язык относится к тюркским языкам, носители этого языка – коренные малочисленные народы России, которых в настоящее время насчитывается около 2500 человек. Большая часть телеутов проживает на территории Кемеровской области, что позволило собирать производную лексику телеутского языка в полевых экспедициях в местах компактного проживания этого малочисленного народа.

ISBN 978-84-949838-0-1

При анализе материала использовался метод пропозиционально-фреймового моделирования.

Результаты

Познавая мир, называя новый предмет, человек сравнивает (метонимически либо метафорически) его с тем предметом, который уже имеет название. Веками функционирующие языковые формы направляют создание нового производного слова в пределы уже сложившихся категорий (фреймов). Производные слова (дериваты), равно как и устойчивые словосочетания, создаваясь серийно, сохраняются в долговременной памяти, проявляя особенности механизма работы головного мозга человека по аналогии. Не случайно в современных языках значительная часть словарного состава представлена производными лексическими единицами, а также типизированными устойчивыми словосочетаниями.

Семантика дериватов в виде свернутого ословленного суждения – пропозиции (П) - сформирована в пределах единых для представителей современной земной цивилизации логических схем – пропозициональных структур (ПС). Пропозициональные структуры - наиболее абстрактные суждения, в границах которых субъекты и объекты предикативно связаны, проявляя дискурсивность мыслительной деятельности человека. Производные слова, равно как и типизированные устойчивые словосочетания, хранят исходные смыслы, способные порождать новые смыслы и значения в пределах пропозиций, оформленных в конкретном языке характерными для него грамматическими правилами.

В любом языке наряду с ядерными формальными элементами существуют переходные случаи. Например, наряду с суффиксами существуют суффиксоиды, наряду с префиксами есть префиксоиды. В отличие от суффиксов и префиксов суффиксоиды и префиксоиды могут выступать в высказываниях в качестве самостоятельных слов. Но при этом они могут также выполнять функцию префиксов и суффиксов, которая заключается в создании типизированных устойчивых словосочетаний либо производных слов. То есть в принципе неважно, что оформляют суффиксоиды либо префиксоиды (слова или словосочетания). Важно, что с их помощью создаются серийные, созданные по одной структурно-логической схеме производные слова либо устойчивые словосочетания. Появление подобных переходных компонентов делает возможным постоянное ее развитие и пополнение новыми элементами. На уровне словообразования это проявляется в том, что «пропозиционально организованные компактные тематические объединения стремятся к оформлению специализированным формальным средством» (Араева, Адамовская 2017: 83). Таким образом, помимо ядерного, специализированного формального средства возможны и другие формы, что согласуется с

ISBN 978-84-949838-0-1

пониманием естественных категорий Л. Витгенштейна о размытости формально-семантических границ категорий, способствующих динамике языковых процессов (Лакофф 2004).

Компактные тематические объединения, стремящиеся к оформлению специализированными формальными средствами, есть во всех современных развитых языках. Есть объединения, в основе которых в разных языках находятся одни и те же пропозициональные структуры и пропозиции. Это прежде всего тематическая группа «мясо животного».

В русском языке наименования мяса животных, птиц, рыб образуются с помощью суффикса –ин/а/ и его вариантов: -атин/а/, -ятин/а/, -овин/а/, -евин/а/. Ср.: *конина, свинина, поросятина, баранина, курятина, моржовина, медвежатина* и др. В китайском языке данные именования оформляются суффиксоидом 肉[ròu] (мясо): 牛肉 [niúròu]– говядина, 猪肉 [zhūròu]– свинина, 鸡肉 [jīròu]– курятина. В тюркских языках также используется суффиксоид: в киргизском – ети; в телеутском – эди, в алтайском – еди. Ср. в телеутском: *мал эди* – конина, *јыбран эди* - суслятина, *ўй эди* - говядина, *куш эди* –курятина. В испанском языке для обозначения мяса животного используются устойчивые словосочетания, построенные по одной и той же модели, с формантом *carne* (мясо): *carne de ternero, ternero* – теленок; *carne de vaca, vaca* – корова; *carne de cerdo, cerdo* – свинья; *carne de carnero, carnero* – баран; *carne de alce, alce* – лось и др.

Фрейм «ягода», оформляясь в разных языках специализированными формальными средствами, характеризуется как общими, так и различными пропозициональными структурами и пропозициями, что обусловлено территорией, природными условиями и культурными традициями того или иного народа.

Например, фрейм «ягода» в русском языке оформлен так называемым «ягодным суффиксом» –ик/а/, а также суффиксами: -ин/а/ (*смородина*), -иц/а/ (*кислица*), -ух/а/ (*черемуха*), -их/а/ (*облепиха*), -ник (*крыжовник*). Основной суффикс образует с остальными суффиксами однокоренные синонимы: *голубика – голубица; брусника – брусница.*

Пропозициональную организацию фрейма «ягода» в русском языке можно представить следующим образом:

П «ягода по месту произрастания»: *земляника* – ягода, которая растет на земле, близко к земле; *поленика* – ягода, которая растет в поле. ПС «объект – предикат – место»;

П «ягода колючая, как ёж»: *ежевика*. ПС «объект$_1$– свойство – объект$_2$»;

П «ягода, имеющая форму клубня»: *клубника.* ПС «объект$_1$ – признак (форма) – объект$_2$»;

ISBN 978-84-949838-0-1

П «ягода, которую поедают определенные представители животного мира»: *журавлика*. ПС «объект – предикат – субъект»;

П «ягода по наличию в ней специфичных элементов»: *костяника, шиповник.* ПС «объект$_1$ – предикат – объект$_2$»;

П «ягода по цвету»: *голубика, черника.* ПС «объект – признак (цвет)*;*

П «ягода по размеру»: *малина.* ПС «объект по размеру»;

П «ягода, опьяняющая человека»: *пьяника, пьяница.* ПС «объект$_1$ – предикат – объект$_2$».

Фрейм «ягода» в китайском языке оформлен суффиксоидом *莓 [méi]*. Его пропозициональная организация выглядит следующим образом.

П «ягода по цвету»: 黑莓 [hēiméi] – *черника* «ягода черного цвета»; 蓝莓 [lánméi]– *голубика* «ягода голубого цвета». ПС «объект – признак (по цвету)»;

П «ягода по месту роста»: 树莓 [shùméi] – *малина:* 树 [shù] – дерево, куст (ягода, растущая на кустарнике). ПС «объект – предикат – место»;

П «ягода по размеру и цвету»: 小红莓 [xiǎohóngméi] – *клюква*: 小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный (маленькая ягода красного цвета). ПС: «объект – признак$_1$ (по размеру) – признак$_2$ (по цвету)». Клюква в русском языке в настоящее время непроизводное слово;

П «ягода, похожая по цвету на ворона»: 乌莓 [wū méi] – *черника*, 乌 [wū] - ворон (ягода черная, как ворон). ПС «объект$_1$ – предикат – признак (по цвету) – объект$_2$»;

П «ягода, ростки которой напоминают по внешнему виду солому»: 草莓 [cǎoméi] – *клубника*, 草 [cǎo] – *трава, солома.* ПС «объект$_1$ – предикат – признак (по состоянию) – объект$_2$»;

П «ягода, по вкусу напоминающая уксус»: 醋莓 [cù méi] – *крыжовник,* 醋 [cù] – уксус. ПС «объект$_1$ – предикат -признак (по вкусу) – объект$_2$».

В телеутском языке фрейм «ягода» оформляется посредством суффиксоида *јиилеги***.** Пропозициональная организация этого фрейма выглядит следующим образом.

П «ягода по месту произрастания»: клюква – *сас јиилеги* (*сас* – болото; *јиилеги – ягода*); малина – *агаш јиилеги* (*агаш* – куст, дерево); земляника$_1$ – *јалан јиилеги* (*јалан* – поле, луг);

П «ягода, по внешнему виду напоминающая катышки барана»: *қой јиилеги* (*қой – баран) – земляника;*

П «ягода по месту произрастания и по форме, напоминающей форму другой ягоды»: костяника - *јер кызланат* (*јер* – земля; *кызланат* – красная смородина). ПС «объект$_1$ – предикат – место – форма – объект$_2$».

ISBN 978-84-949838-0-1

В английском языке ягода именуется с помощью суффиксоида *berry*. В этом языке распространены названия ягод по животному, питающемуся определенным видом ягод. Ср.: в основе названий ягод *cranberry, gooseberry, cowberry, partridgeberry* – именования представителей животного мира, которые питаются этими ягодами (*журавль, гусь, корова, лиса, куропатка*). В русском языке такие названия единичны (*журавлика, журавлина* – в диалектах). Есть устойчивое словосочетание *волчья ягода*, но в данном случае присутствует метафора – несъедобная ягода, ядовитая, обыденное сознание связывает данное название с коварностью волка. В обыденном сознании присутствует и такое мнение: ягода, которую едят волки. Данную ягоду также называют *волчье лыко, волчеягодник, волчец, бирючина* (бирюком в русских диалектах называют волка). В говорах используется также название ягоды *вороний глаз*. Есть загадка, в которой таится сходство ягоды с цветом и формой глаза вороны: *Из травы под тенью кроны смотрит чёрный глаз вороны.*

Именования ягоды в английском производится также через указание на время ее созревания, воздействие на состояние человека. Ср. *Juneberry* (ирга) – «ягода, которая созревает в июне»; *wineberry (малина)* – «ягода, которая пьянит». Отмечены метафорические именования ягод. *Salmonberry (малина)* – «ягода, похожая на икру лосося», *baked-appleberry (морошка)* – «ягода со вкусом печеного яблока». *Checkerberry* (*гаультерия лежачая)* – «ягода, гроздья которой образуют узор типа “шашечка”»; *cluster-berry (например, рябина)* – «ягода, растущая гроздьями», *strawberry* – клубника «ягода, ростки которой (своей сухостью) напоминают солому» (Араева, Логунов 2011: 91). В китайском языке также обращено внимание на данное свойство клубники: 草莓 [cǎoméi]. В телеутском клубника ассоциируется с ягодой, растущей на земле: *jep juилеги* (*jep* – земля; *juилеги* – ягода). Малина в китайском и телеутском языках называется по месту роста плодов. Ср.: 树莓 *shùméi* – малина (树 – *дерево, куст*; 莓 - *ягода*); *агаш juилеге* – малина (*агаш* – дерево, *juилеге* – ягода).

Во всех рассматриваемых языках зафиксированы наименования ягод по цвету: *черника, голубика*; *blueberry, blackberry*; 黑莓 [hēiméi] – *ежевика* (黑 – черный); 蓝莓 [lánméi] - *голубика* (蓝 – синий, голубой); *карарат* (черная смородина), *кара торбос* (черника). При этом в английском черника синего цвета (*blueberry*), а черная ягода (*blackberry*) – это черная смородина. В китайском языке черной ягодой называют ежевику (Араева, Ли 2014: 125).

Для исследуемых языков характерны словообразовательно-пропозициональные синонимы (Араева 2015) в сфере названий ягод. В словообразовательно-пропозициональных синонимах в зависимости от потребностей ситуации общения актуализируются значимые компоненты фрейма. Например, в русском языке *голубика – пьяника*; *голубица - пьяница*: голубая ягода, оказывающее опьяняющее воздействие на человека. В английском языке такой

ISBN 978-84-949838-0-1

ягодой является малина – wineberry (wine – вино; ягода, опьяняющая, как вино). В китайском языке ежевика: 黑莓 [hēiméi] (黑 [hēi] – черный) – ягода по цвету: черная ягода и 刺莓 [cì méi] (刺 [cì] – колоть) – ягода по внешним признакам: колючая ягода. В одном случае акцент делается на цвет, в другом – на тактильные ощущения от ягоды. Человек познает мир, опираясь на свои органы чувств. Можно сказать, что при наименовании ежевики китайцы задействовали два органа – глаза (зрение) и кожу (осязание). В русском языке при наименовании ежевики на основе метафорических ассоциаций создаётся полипропозициональная структура: $П_1$ «ёж колючий», $П_2$ «ягода колючая, как ёж». В английском языке ежевику называют двумя способами: blackberry (black – черный, ягода черного цвета), dewberry (dew–роса). Интересно отметить, что в русских говорах среди наименований ежевики встречается *росяника*. Название «*росяника*» связано с росой, которой покрываются по утрам стелющиеся плети. Также встречается наименование куманика, родственное диалектному и древнерусскому слову *комонь*, означающему «*лошадь, конь*», то есть это ягода, которой питается конь. Если у ягоды стелящаяся форма, то её называют *росяникой*, если кустовая, то *куманикой*. В зависимости от конкретной ситуации общения человек может выбрать необходимую ему номинацию. Это позволяет избежать языковой дискретности и повысить эффективность коммуникации. В китайском языке клюква названа по характеру произрастания – 蔓越莓 [mànyuèméi] (蔓越 [mànyuè] – ползти, лоза; ползучая ягода). А также по размеру и цвету – 小红莓 [xiǎohóngméi] (小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный; маленькая красная ягода). В русском языке наименование клюквы в настоящее время немотивированно, но в говорах клюкву именуют по журавлю, который, как уточняют жители сел, «живет на болотах и питается клюквой». Отсюда и название – *журавлика, журавлина.* В английском языке клюкву, которая в Англии и Америке выращивается на плантациях, называют *cranberry* (ягода, которой питаются журавли; есть и другое объяснение: цветы клюквы напоминают шею и голову журавля). В телеутском клюкву именуют по месту произрастания: *сас јиилеги* (*сас* – болото, *јиилеги* – ягода): климатические условия таковы, что в местах проживания телеутов есть болота, но нет журавлей. Крыжовник в китайском языке называется 醋莓 [cù méi] (醋 [cù] – уксус) – ягода, напоминающая по вкусу уксус, кислая ягода. Еще одно наименование крыжовника – 鹅莓 [éméi] (鹅 [é] – *гусь*) – ср. в англ. яз. *gooseberry*: *goose* – гусь, гусиная ягода. Англичане из крыжовника готовили соус к жареному гусю.

Таким образом, пересечение происходит в рамках фрейма: функционируют разные мотивирующие признаки, которые актуализируются в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Словообразовательно-пропозициональная синонимия – это

ISBN 978-84-949838-0-1

взгляд на объект действительности с разных сторон, актуализация значимых компонентов фрейма.

Как следует из вышеизложенного, ягоды в разноструктурных языках обозначаются по цвету (Араева, Ли 2014а: 83), месту произрастания, сходству с каким-либо объектом, по животному, питающемуся определенными ягодами, по воздействию на человека, что подтверждает общность дискурсивного мышления людей, относящихся к разным нациям и народностям. Вместе с тем, у каждого народа есть ассоциации, связанные с особенностями культуры, климата, территории.

Таким образом, компактные пропозиционально-семантические объединения (фреймы) присутствуют в разных языках. В одних случаях эти названия формируются в границах одних и тех же пропозициональных структур и пропозиций, в других – наблюдаются различия на уровне пропозиций, связанные с культурными традициями народа, территорией и климатическими условиями. Отмечены компактные пропозиционально-семантические объединения, которые в одних языках имеют индивидуальную оформленность, а в других такая оформленность размыта: есть прототипичные и периферийные для языкового сознания формальные средства. Например, пропозиционально-семантические группы, включающие наименования ягод, цвета в русском языке.

Таким образом, в разноструктурных языках отмечается тенденция закрепления специализированного формального средства за именованиями ягодных культур, составляющих компактные тематические объединения. Это могут быть суффиксы либо суффиксоиды. Суффиксоиды в производных лексических единицах либо в устойчивых словосочетаниях выполняют функцию суффиксов, то есть способствуют серийному созданию наименований реалий одной темы.

Обсуждение

Производная лексика и типизированные устойчивые словосочетания пропозиционально структурированы. Под пропозициональными структурами мы понимаем глубинные структуры мыслительной деятельности, находящиеся в основе построения любого суждения и представляющие различные варианты субъектно-объектных взаимоотношений. Пропозиция является ословленным суждением с обобщенной семантикой на уровне лексико-словообразовательного значения.

В процессе номинации используется определенный образ предмета или явления, вызванный чувствами, уподобление другому известному предмету по внешнему виду.

ISBN 978-84-949838-0-1

Человек создает производные слова и устойчивые типизированные словосочетания в результате вторичной номинации предмета или явления, при этом исходное значение производящей единицы меняется, оно наполняется новыми смыслами. Благодаря уже знакомой информации о предмете производная единица и устойчивое словосочетание сопровождается относительной предсказуемостью.

Процесс познавательной деятельности человека проходит путь от базового эмпирического до логико-понятийного уровня. С помощью словообразовательных средств в результате лингвокреативной деятельности человека происходит упорядочение и закрепление предметов и явлений за определенными категориями и рубриками опыта.

Производные слова, равно как и устойчивые словосочетания, хранят исходные смыслы, способствующие порождению новых смыслов; данные единицы являются результатом свертывания суждения в компактную форму, которая подчиняется грамматическим законам того или иного языка.

Заключение

Находясь в кругу языка и воспринимая мир посредством языка, человек познает окружающий его мир, используя веками сложившуюся языковую форму, детерминирующую ее использование в границах характерных для конкретного языка категорий. Идентичность механизма работы мозга представителей современной земной цивилизации (дискурсивность и аналогия) способствуют созданию в пределах разноструктурных языков идентичных категорий (например, категория «мясо животного»). Вместе с тем территория, климат, культурные традиции, а также форма языка провоцируют появление специфичных для каждого языка категорий, что особенно значимо для переводчиков, а также для лингвистов, выявляющих особенности языковой картины мира различных народов.

Список литературы

Араева Л. А. (2015): Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии), Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Москва-Саратов: ИД «Наука образования», 154 – 164.

Араева Л.А., Адамовская В. А. (2017): Языковая картина мира китайцев: на материале фрейма «семейство бобовых», Языки в диалоге культур. К 70-летию профессора М. Дж. Тагаева. Бишкек: издательство Кыргызско-Российского Славянского университета, 82-85.

Араева Л. А., Ли С. И. (2014а): Пропозициональный анализ категории цвета в китайском, русском, английском, телеутском языках, Международная научная конф. Общетеоретические

ISBN 978-84-949838-0-1

и типологические проблемы языкознания: сб. научных статей. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», №3, 83-88.

Араева Л. А., Ли С. И. (2014): Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русском языках), Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, №27, 124-126.

Араева Л. А., Логунов Т. А. (2011) Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова как источник информации (на материале наименований ягод в английском и русском языках). Актуальные проблемы современного словообразования: сб. научных статей. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 91-94.

Кубрякова Е. С. (2006): Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие, Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Интеграция: Образование и Наука», т. 66, № 2, 3–13.

Кубрякова Е. С. (2004): Язык и знание. Москва: Языки славянской культуры, 407.

Лакофф Дж. (2004): Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 792 с.

ISBN 978-84-949838-0-1

ОБРАЗНАЯ ЭКСПАНСИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

Барбазюк Вера Юрьевна
Военный университет, Россия
vera087@mail.ru

FIGURATIVE EXPANSION OF OCCASIONAL METAPHORS: DYNAMIC ASPECT OF CONSIDERATION

Barbazyuk Vera Yurevna
Military University, Russia

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросам эволюции образных единиц речи. Делается попытка систематизации выделенных случаев образного усиления образных единиц речи в контексте на основе динамических принципов рассмотрения. Материалом анализа послужили статьи М.Эпштейна, опубликованные в электронном издании «Частный корреспондент».

ANNOTATION

This article is devoted to the questions of evolution of figurative units of speech. An attempt is made to systematize isolated cases of figurative reinforcement of figurative units of speech in the context on the basis of dynamic principles of consideration. The material of the analysis was the articles of M.Epshtein, published in the electronic edition "Private Correspondent".

Ключевые слова: метафора, образ, контекст, образное расширение

Keywords: metaphor, image, context, figurative extension

В современной науке метафора изучается в семиотике, поэтике, лексикологии. Интересно, что первые крупные успехи в изучении метафоры связывают с именем Аристотеля, который рассматривал ее (метафору) как один из важнейших элементов человеческого познания. Со временем исследования метафоры и образных единиц речи стали центром внимания ученых разных научных областей, что еще раз свидетельствует о неослабевающем интересе к их изучению.

Стоит отметить и то, что долгое время метафора рассматривалась в стилистическом аспекте как средство «украшения» речи. За пределами внимания оставался тот факт, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и

ISBN 978-84-949838-0-1

в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути… метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» (Лакофф и Джонсон 1990: 387-388). Таким образом, за рамками изучения оставался тот факт, что метафора помогает соединить в единой картине логически несовместимые вещи. Не учитывалось и то, что метафора достаточно жестко подчиняет себе реальность и неразрывно связана с ней.

Безусловно, изучение метафоры с данной позиции является важным и перспективным. Вслед за д.филол.н, профессором Н.В. Ивановым мы полагаем, что в метафоре виртуальная сторона всегда противостоит реальной стороне (Иванов 2001: 76). Более того, в метафоре соотношение виртуального и реального значений не основано на логической эквиваленции, эти значения неравнообъемны.

Метафора – наиболее «послушная» форма образности, с точки зрения условий и параметров ее приспособления к контексту.

Проведенный анализ статей М.Эпштейна позволил выделить различные случаи виртуальной экспансии метафор в контексте. Рассмотрим данные случаи подробнее.

К первому случаю были отнесены случаи простого однократного применения метафоры в контексте. Метафоры представлены словом/ словосочетанием. Данный случай применения метафор достаточно распространен в анализируемых статьях.

- Коррупция, как известно, одна из самых ***трудноизлечимых болезней*** российского общества. [Частный корреспондент 08.09.2017]
- Как ни парадоксально, патриотизм — это ***маска коррупции.*** [Частный корреспондент 08.09.2017]
- Вячеслав Иванов и ***титаны советского возрождения.*** [Частный корреспондент 12.10.2017]
- Сложные вещи легче создают ***иллюзию понимания***. [Частный корреспондент 05.04.2017]
- В постсоветской России пустоводство ***достигло новых высот***. [Частный корреспондент 08.06.2016]
- Такое ***«сиротство»***, казалось бы, уникальное, на самом деле. [Частный корреспондент 14.03.2017]

Как можно видеть, такая метафора не требует каких-либо дополнительных разъяснений, раскрывающих ее смысл. Внутренняя смысловая форма таких образных единиц самодостаточна. Правильное восприятие такой метафоры возможно лишь в рамках общего

ISBN 978-84-949838-0-1

участникам коммуникации лингвокультурного контекста. В примерах представленных выше образные единицы «трудноизлечимых болезней», «маска коррупции», «достигло новых высот», «иллюзию понимания» являются средством негативного представления современного состояния общества; «титаны советского возрождения» ассоциируется с масштабом русских ученых и писателей; «сиротство» с долей сочувствия характеризует обособленность поэта.

Ко второму типу относятся случаи использования нескольких метафор по отношению к одному и тому же объекту.

- Трагедия — ***это борьба с собой, неминуемость утраты, это «или-или»,*** при том, что за каждым «или» встает выбор, чреватый трагедией. [Частный корреспондент 23.09.2013]
- Я сейчас оцениваю не уровень их достижений, ***а масштаб попытки, скачка, порыва...*** [Частный корреспондент 12.10.2017]
- Это своего рода ***эксперимент, стихотворение-центон, плод несостоявшегося «соавторства»*** двух поэтов [Частный корреспондент 05.04.2017]
- Но это не просто ***возрождение давно ушедшего***, а ***новое качество широты, всеохватности***. [Частный корреспондент 12.10.2017]
- Это признаки более глубокого феномена: «***общества навыворот», структурной реверсии социума.*** [Частный корреспондент 08.09.2017]
- Предмет жалости — ***это слабости любимого, его боль, страдание, незнание, неумение... смертность***. [Частный корреспондент 14.02.2016]
- Мы ***расприродниваем, развоплощаем*** себя по мере культурного становления и самовыражения. [Частный корреспондент 10.02.2016]
- Все это и составляет новизну нашего ***котлована, нашего нулевого цикла*** 21 века. [Частный корреспондент 10.02.2016]
- Чем больше страдала природа, тем больше оказывались в выигрыше ее защитники: ***ее верные рыцари, ее меченосцы***. [Частный корреспондент 07.05.2014]
- Елена – абсолютно нормальный человек, ***не злодейка, не сверхчеловек, не Раскольников***, не бредит Наполеоном. [Частный корреспондент 30.11.2011]

Из выше приведенных примеров становится ясно, что образное переименование по большей части связано с тем, что отдельная метафора оказывается неспособной представить все свойства объекта. Отсюда – необходимость образного расширения. Автор стремится как можно точнее охарактеризовать конструктивные свойства объекта через совокупность связанных единой смысловой задачей метафор. Так, метафоры «масштаб попытки», «скачка», «порыва» призваны характеризовать силу изменений, введенных российскими учеными; «общества навыворот», «структурной реверсии социума» дают представление о том, какие

ISBN 978-84-949838-0-1

процессы происходят в жизни общества; «эксперимент, стихотворение-центон, плод несостоявшегося «соавторства» дают представление о том, как автор относится к творческим союзам писателей; «еретиками, иноверцами, нехристями, жидомасонами, капиталистами, антикоммунистами, антисоветчиками, русофобами» призваны как можно точнее и ироничнее представить врагов России.

Третий случай – это случай несвязанного распределения образных единиц в контексте, т.е. использование метафор согласно логике описываемой ситуации: каждый объект получает собственное метафорическое наименование. Метафоры не связаны друг с другом концептуально. Различные образные единицы не связываются в единый сюжет.

- Но в этой простоте — настоящая живость и задушевность, которую Чехов с ***глубокой симпатией, оттененной юмором***, даже сравнивает с ***явлением Афродиты***, видимо, ***преломляя ее через призму беликовской эрудиции***. [Частный корреспондент 03.12.2015]
- Эта женщина ***старше, чем скалы,*** рядом с которыми она находится; ***подобно вампиру***, она уже много раз умирала и познала ***тайны загробного мира.*** [Частный корреспондент 08.04.2015]
- Такой же ***титанизм***, еще мало признанный и совсем не осознанный, присущ ***фигурам, возникающим из мрака коммунистического средневековья и освещенным слабыми сполохами оттепели:*** Сергей Аверинцев, Юрий Лотман, Владимир Топоров, Василий Налимов, Владимир Библер, Георгий Гачев, Лев Гумилев, Георгий Щедровицкий. [Частный корреспондент 12.10.2017]

В приведенных примерах видно, что образные единицы не связаны между собой и взяты из разных областей: 1) «с глубокой симпатией, оттененной юмором…. с явлением Афродиты….. преломляя ее через призму беликовской эрудиции» 2) «титанизм…. фигурам, возникающим из мрака коммунистического средневековья и освещенным слабыми сполохами оттепели» 3) «старше, чем скалы…. подобно вампиру… тайны загробного мира».

В четвертом случае смыслового развития метафоры в контексте, метафоры связаны между собой, образуя некий сюжет, который, однако, продолжает находиться в полной зависимости от реальной ситуации описания: сохраняется полный сюжетный параллелизм между «метафорическим сюжетом» и сюжетной структурой реального контекста:

- Таков нынешний ***всплеск модерной тревоги*** после десятилетий ***постмодерной игровой расслабленности***. [Частный корреспондент 10.02.2016]
- ***«Большой взрыв»*** 2001-го ***дал первотолчок*** вселенной третьего тысячелетия, ***своей расходящейся волной*** определил динамику современной цивилизации. И продолжился

ISBN 978-84-949838-0-1

нулевой цикл новым, не менее ***масштабным взрывом,*** экономическим, - кризисом 2008-2010 гг., который тоже ***волнами расходился от улочки под скромным названием Уолл-стрит, всего в нескольких шагах от взорванных башен Всемирного торгового центра***. [Частный корреспондент 10.02.2016]

- ***Творческая энергия***, ***сдавленная эпохой*** жесточайших репрессий, ***начинает бурлить***, ***выплескиваться из берегов***. [Частный корреспондент 12.10.2017]
- Растет ***могущество техники***, все плотнее ***обступает нас виртуальное царство***, все ***просторнее экраны компьютеров и телевизоров***, множатся зоны беспроволочной связи, - ***коммуникативная прозрачность и переливаемость всего во все, техноутопия*** в стиле О. Хаксли... [Частный корреспондент 10.02.2016]
- Есть люди ***с огромной трасосферой, которая светится их «славой»,*** и есть люди неприметные, с ***маленькой трасосферой,*** но неприметных людей нет. [Частный корреспондент 20.10.2017]
- Запертый в настоящем, я чувствую ***убывание себя, убивание себя временем.*** Я хочу ***жить на просторах времени***, ***странствовать в прошлое и будущее***, помнить других, ушедших, и оставаться в памяти тех, кто придет вслед за мной. [Частный корреспондент 20.10.2017]
- Да, мы рождаемся в ***разных клетках, но и убегаем из них разными путями, и это пространство побегов, а также встреч между беглецами из разных клеток*** и образует культуру. [Частный корреспондент 10.02.2016]
- Система управления ***"бешено буксует"***, т.е. ***при большой затрате энергии производит ничего*** как продукт труда. [Частный корреспондент 08 06.2016]

В приведенных примерах мы усматриваем образную смысловую связь между контекстуально отстоящими друг от друга метафорами: 1) «Большой взрыв»… «своей расходящейся волной» …. «масштабным взрывом»…. «волнами расходился от улочки под скромным названием Уолл-стрит…»; 2) «творческая энергия, сдавленная эпохой ….. начинает бурлить, выплескиваться из берегов»; 3) «могущество техники…. обступает виртуальное царство, просторнее экраны компьютеров и телевизоров….коммуникативная прозрачность и переливаемость всего во все, техноутопия…»; 4) «всплеск модерной тревоги ….. постмодерной игровой расслабленности»; 5) «убывание себя, убивание себя временем… жить на просторах времени, странствовать в прошлое и будущее».

Важно отметить, что в приведенных примерах метафора более весомо, с точки зрения своего выразительного присутствия, заявляет о себе.

ISBN 978-84-949838-0-1

Пятый случай – это расширенная, контекстная аллегоризация метафоры (в метафоре может отсутствовать сюжетная завершенность).

➢ Так возникает ***ценность следа***. След — это самая общая ***категория моего бытия вне меня, это среда, хранящая меня в отсутствии меня самого.*** [Частный корреспондент 20.10.2017]

➢ Адамс вдохновился на создание своей музыки, когда увидел кинокадры горящих небоскребов, из которых вываливаются миллионы бумаг, ***белой метелью застилают небо***, - документы, факсы, графики, циркуляры, письма, записочки***, вся эта бумажная мишура жизни, которая медленно парит и опускается на землю в то время, как души их владельцев возносятся в небо***.

➢ Но эта ***текстуальность полна экзистенциального напряжения***, которое ***вырывается за пределы знаков***, передавая абсолютный трагизм и вместе с тем ***неудержимое движение человеческих душ в иные миры. Знаки, взрывающие знаковость.*** [Частный корреспондент 10.02.2016]

Следует отметить, что образно-поэтическое остранение возникает не вдруг, а подготавливается предыдущим контекстом, где также присутствует определенные метафоры, подготавливающие последующую образную нарративную радикализацию метафоры.

В рамке представлены моменты наивысшего образного аллегорического остранения – т.е. те элементы виртуальной реальности, которые практически невозможно соотнести с элементами реальной ситуации описания. Функция референции в такого рода номинациях предельно ослабевает.

В процессе анализа публикаций М.Эпштейна были выделены и смешанные случаи образной динамики.

➢ Современный стиль - ***сочетание корректности, внешней расслабленности, плюрализма, унаследованных от постмодернизма,*** - с **внутренней напряженностью, повышенным болевым порогом**: ведь **каждая жилка этой гладко сплетенной и ухоженной цивилизации в любой миг может порваться.**[Частный корреспондент 10.02.2016]

➢ Авторы фильма не пытаются нас ***встряхнуть, устыдить, призвать к жизни иной, настоящей***. У них нет этого обличительно-реформационного позыва. Скорее они нас**, как спящих, гладят по головке** и **такие мягкие прикосновения, может быть, нас скорее разбудят, чем сильные толчки, побуждающие срочно что-то делать, бить тревогу**[Частный корреспондент 30.11.2011]

ISBN 978-84-949838-0-1

➢ Как будто **энтропия нашей жизни, постепенно накапливаясь и разрастаясь, вызывает вспышку** ***антиэнтропийной, праведно-злой энергии***, которая сначала проявляется в эскападах и **психовывертах героини**, а потом в **эскападах небесной механики**. [Частный корреспондент 30.11.2011]

В приведенных выше примерах мы можем видеть смешение первого, второго и четвертого случаев образного остранения: 1) «внутренней напряженностью, повышенным болевым порогом» // «сочетание корректности, внешней расслабленности, плюрализма, унаследованных от постмодернизма» // «каждая жилка этой гладко сплетенной и ухоженной цивилизации в любой миг может порваться»; 2) «как спящих, гладят по головке» // «встряхнуть, устыдить, призвать к жизни иной, настоящей» // «такие мягкие прикосновения, может быть, нас скорее разбудят, чем сильные толчки, побуждающие срочно что-то делать, бить тревогу»; 3) «психовывертах героини» // «антиэнтропийной, праведно-злой энергии» // «энтропия нашей жизни, постепенно накапливаясь и разрастаясь, вызывает вспышку».

Проведенное нами исследование показывает, что образ должен изучаться в неразрывной связи со словом и контекстом

Особый интерес представляют случаи «рассеянного» использования несвязных образов (их сочетания подстегивают воображение) и случаи использования связанных между собой образов (т.к. это приводит к усилению своеобразия текста, его оценочности). Более того, можно сделать вывод, что, чем детальнее образ, тем он конкретнее, ощутимее, тем сильнее он действует на воображение и, тем вероятнее, что он плод индивидуального творчества.

Список литературы

Иванов Н.В. (2001): Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск: Пропилеи.

Лакофф Дж., Джонсон М. (2004) Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. Москва: Едиториал УРСС.

ISBN 978-84-949838-0-1

АРГОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Александр Бирих
Трирский университет, Германия
bierich@uni-trier.de

ARGOTIC LEXIS IN RUSSIAN CONTEMPORARY POETRY

Alexander Bierich
University of Trier, Germany

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена различным типам арготизмов (т.е. лексики, восходящей к языку криминального мира) и их употреблению в современной русской поэзии. Собранный материал был проанализирован в следующих аспектах: а) типы арготизмов и их происхождение (общеуголовное арго, воровское арго, арго наркоманов и т.п.); б) идеографическая специфика арготизмов в современной поэзии; с) стилистическое употребление арготизмов и т.п. Каждый аспект рассмотрения материала подробно иллюстрируется примерами.

ABSTRACT

This article aims to deal with types of argotisms (i.e. lexis derived from the language of the criminal underworld) and its use in contemporary Russian poetry. The collected material was analysed under the following aspects: a) types of argotisms and their origin (common criminal argot, argot of thieves, argot of drug addicts etc.); b) ideographic characteristics of argotisms in contemporary Russian poetry; c) stylistic use of argotisms, etc. A number of examples serve the purpose of demonstrating the mentioned aspects of the material analysis.

Ключевые слова: субстандарт, арго, типы арготизмов, современная поэзия, стилистическое употребление арготизмов

Keywords: Substandard, Argot, types of Argotisms, contemporary Poetry, stylistic use of argotisms

1. С 90-х годов XX столетия русский язык испытывает сильное влияние субстандартных языковых вариантов, прежде всего просторечия, различных жаргонов и арго. Благодаря устранению цензуры в 90-х годах, разработке «тюремно-лагерной» проблематики в литературе и прессе, многочисленным фильмам, телевизионным сериям и романам о гангстерах, бандах, киллерах и т.п. элементы жаргона, арго, сленга, обсценной лексики широким потоком хлынули в разговорную речь. Хотя в настоящее время влияние субстандарта и снижается, но в то же время в средствах массовой информации и в литературе отмечается значительное число просторечных лексем, жаргонизмов и арготизмов, постепенно переходящих в разговорную речь. Не является исключением в данном случае и современная русская поэзия, которая изобилует просторечными, жаргонными и арготическими словами и

ISBN 978-84-949838-0-1

выражениями, ср., например, стихотворение Л. Лосева «Нет» с просторечной лексемой *пьянь* и обсценной *мудак*:

Вы русский? Нет, я вирус спида,
как чашка жизнь моя разбита,
я *пьянь* на выходных ролях,
я просто вырос в тех краях.

Вы Лосев? Нет, скорее Лифшиц,
мудак, влюблявшийся в отличниц,
в очаровательных *зануд*
с чернильным пятнышком вот тут.

2. Настоящая статья посвящена рассмотрению лишь одной разновидности субстандартных единиц, а именно: арготической лексике и её употреблению в современной русской поэзии. Термин *арго*, к сожалению, ещё не получил в лингвистической литературе однозначной интерпретации, его дефиниции противоречивы и порой диаметрально противоположны. Так, W. Timroth (1983: 90) считает, что термином *арго* следует называть тайные языки торговцев (например, русских офеней-коробейников) и ремесленников-отходников, а термином *жаргон* язык таких социальных групп, как студентов, солдат, моряков, музыкантов, наркоманов, воров, спекулянтов, заключённых и т.д. В.С. Елистратов (1993: 82) определяет *арго* напротив как „сниженный городской язык“, тогда как М.А. Грачёв (1997: 11-12) понимает под *арго* лексику деклассированных социальных элементов (т.е. преступников, нищих, бездомных, наркоманов и т.д.) и делит его на *общеуголовное*, *тюремное* и *специализированное арго.* В настоящей статье вслед за М.А. Грачёвым под термином *арго* понимается язык уголовного мира и деклассированных групп: воров, мошенников, картёжных шулеров, заключённых, нищих, наркоманов и т.д. (ср. соответствующие немецкие термины *Gaunersprache* и *Rotwelsch*).

Среди субстандартных элементов, проникших в русский язык в конце XX– начале XXI вв., арготизмы занимают первое место. Причинами такого широкого распространения арготической лексики являются, с одной стороны, её повышенная экспрессивность, на что обратил внимание уже Б.А. Ларин (1928 г.), отмечая, что «арготические словечки и конструкции часто имеют такой эмоциональный и волевой заряд, какого литературные языки ни имеют ни для кого, а уж менее всего для говорящих на арго» (Ларин 1977: 187). Арго отличает преобладание стилистически сниженной, грубой, вульгарной лексики и экспрессивно-оценочной, негативно коннотированной фразеологии, за которыми стоит система моральных и социальных ценностей преступного мира, противопоставленная системе ценностей всего остального общества.

В чём конкретно это проявляется? Нетрудно заметить, что большая часть арготической лексики и фразеологии концентрируется вокруг таких понятий как «обокрасть», «ограбить», «убить», «ударить/избить», «доносить», «обмануть», «выпить»,

ISBN 978-84-949838-0-1

«изнасиловать», «употреблять наркотики», «вор», «проститутка» и т.д., т.е именно теми, которые связаны с нарушениями общепринятой морали. Такие семантические доминанты «обусловлены экстралингвистическими корнями арго, носители которого и своими действиями, и своей речью выражают протест против традиционной морали, презрение к правовым государственным институтам, к обществу, к труду, к женщинам, общепринятым нормам поведения и т.п.» (Mokienko/Walter 2014: 2149).

Распространению арготической лексики способствовала, с другой стороны, известная криминализация общества в 90-е годы XX в. и как следствие «расширение сферы влияния уголовного мира, обеспечивающее внедрение в общественное сознание его философии и моральных установок» (Васильев 2003: 158). Проявления этой тенденции можно наблюдать и в русской поэзии конца XX – начала XXI вв., в которой арготизмы занимают большое место. Ср., например, следующий текст Тимура Кибирова («Мы говорим не д**и**скурс, а диск**у**рс…»), большая часть которого состоит из арготизмов, ср. *фраер, феня, финка, перо, покоцать, фильтруй базар* и т.д.:

Мы говорим не д**и**скурс, а диск**у**рс!
И *фраера*, не знающие *фени*,
трепещут и тушуются мгновенно,
и глохнет самый наглый балагур!

И словно *финка*, острый гальский
смысл,
попишет враз того, кто
залупнется!
И хватит *перьев*, чтобы всех
покоцать!
Фильтруй базар, фильтруй базар,
малыш!

2. В поэзию проникают обычно арготизмы, уже получившие распространение в просторечии, молодёжном жаргоне и т.п. Их значение, как правило, расширялось, ср.: *завязать* ‘бросать что-л. делать, кончать с чем-л. раз и навсегда’ (в арго ‘закончить криминальную деятельность’); *заложить* ‘выдать кому-л., открыть кому-л. чужую тайну; предать’ (в арго: ‘предать (выдать) соучастников преступления’); *расколоть* ‘заставить, уговорить кого-л. что-л. купить, отдать и т.п.’ (в арго: ‘заставить говорить правду (обычно преступника)’) и т.д. Большинство из них обозначают: а) ‘милицию или теперь полицию’: *власть, мент, мильтон;* б) ‘алкогольные напитки’: *бухалово, керосин*; ‘водку’: *водяра*; в) ‘деньги’: *бабки, бабло*; *рваный* ‘рубль’; *кусок* ‘1000 рублей’; г) действия, связанные с обманом, избиением, смертью и т.д., ср.: *наколоть, кинуть* ‘обокрасть или обмануть’, *обуть* ‘обмануть’, *гасить, метелить* ‘бить, избивать’, *скопытиться, двинуть кони* ‘умереть’ и т.д. Ср. несколько примеров:

Дома дым коромыслом — комоды *менты* потрошат,

ISBN 978-84-949838-0-1

мемуарная сволочь шипит друг на дружку: не трогай!
Тихо в тайном отеле, только тонкие стены дрожат
от соседства с подземкой, надземкой, железной дорогой (Л. Лосев).
Бабло, бабло, кругом *бабло*…
От верха и до низа!
Оно как цель, как смысл оно…
Бабло – и ешь от пуза! (Д. Малиновский).

Особенно часто встречаются в поэзии следующие арготизмы: *феня* ‘язык криминального мира’, *лох* ‘наивный, глупый человек, жертва преступления’, *обуть* ‘обокрасть или обмануть кого’, *наколоть, кинуть* ‘обмануть’, *расколоться* ‘сознаться в чем-л.’, *засветиться* ‘открыть, выдать, обнаружить себя’ и т.п. Ср.:

Проживатель единственной жизни, ослушник и мот
Выбирает себе в достояние ветер и мед.
Медуницы и осы его *обувают на бабки*.
У него получается легше и много вольней,
На него ополчаются орды сановных свиней,
Он пьянеет с полбанки...» (В. Куллэ «Паучок»).
Лохи живут везде и тут, и там,
Да, в сущности, и мы *лохи* все тоже.
Имеют нас и по утрам, и по вечерам,
И кстати днём, и даже бьют по роже. (А. Когадеев).

В процитированном тексте, а также в современном просторечии *лох* обозначает ‘наивного, доверчивого человека, простака, которого легко обмануть’. Это значение восходит к криминальному арго, в котором *лохом* называли ‘[потенциальную] жертву преступления’. В тюремно-лагерном арго отмечено и другое употребление этого слова: ‘добросовестно работающий заключённый’. Происхождение слова *лох* окончательно не выяснено, обычно его связывают с диал. псков. ‘разиня, шалопай’ (Даль) или языком офеней, в котором оно обозначало ‘мужик, крестьянин’. Характерно, что это слово отмечено и в польском арго (*łoch*), в котором оно имеет следующие значения: 1) ‘мужик, крестьянин’; 2) ‘жертва преступления’ (Stępniak 1993: 294).

3. Рассмотренные лексемы относятся к общей части криминального арго, используемой всеми деклассированными группами. Из специализированных арго особенно сильное влияние на русский язык оказывает через литературу, кино и прессу тюремное и лагерное арго. Общеизвестными являются, например, следующие слова: *урка* ‘преступник, уголовник; заключенный, относящийся к преступному миру’, *зек (зэк)* ‘заключенный’, *шмон* ‘обыск, облава’, *зона* ‘место заключения осуждённых; лагерь’, *баланда, бурда* ‘жидкая невкусная

ISBN 978-84-949838-0-1

похлёбка (обычно в тюрьме)’, *вертухай* ‘надзиратель, караульный в тюрьме или лагере’, *запетушить* ‘совершить (совершать) насильственно (по отношению к кому-либо) акт мужеложства’ и др. Почти все из названных лексем отмечены и в современной русской поэзии:

поле гадания… что выпадает? валет
или шестёрка треф но вали вперёд!
хлопоты злая дорога худые кони
иные вёрсты иные дни
берег твой дальний
там и живу я
где *вертухай* виртуальный
круговую песню поёт
сторожевую (В. Кривулин).

Сюжет стихотворения Л. Лосева «Allegretto: Шантеклер» несомненно навеян стихотворением А.С. Пушкина «Пророк». И в том, и в другом случае речь идёт о преображении человека в «иную особь», способную «глаголом жечь сердца людей» (у Пушкина) и «склевать людскую россыпь», «распространять холод льда, жар солнцепёка» и т.д. (у Лосева). Но если у Пушкина это преображение описано библейской лексикой и фразеологией («шестикрылый серафим», «вещие зеницы», «вырвать грешный язык», «вложить жало мудрыя змеи» и т.п.), то Лосев использует для этого средства тюремно-лагерного жаргона: *запетушить* ‘совершить насильственно по отношению к осуждённому акт мужеложства’ и перевести его тем самым на самую низкую ступень в уголовной иерархии, т.е. туда, где находятся *козлы* ‘осуждённые, сотрудничающие с тюремной администрацией; пассивные гомосексуалисты’, *суки* ‘преступники, порвавшие с «ворами в законе»; предатели преступников’, *петухи* ‘осуждённые, с которым совершили насильственный половой акт; пассивные гомосексуалисты’ и т.п. В современной разговорной речи вместо слова *запетушить* чаще употребляется глагол *опустить* в значении «тяжело оскорбить, унизить достоинство личности», при этом соотнесённость с арготическим значением — ‘совершить с кем-л. акт мужеложства или позорящие его действия (например, окунуть головой в унитаз (*парашу*))’ – несомненно, стимулирует использование этого слова.

Портянку в рот, коленкой в пах, сапог на харю.
Но чтобы сразу не подох, недодушили.
На дыбе из вонючих тел бьюсь, задыхаюсь.
Содрали брюки и белье, *запетушили*.
Бог смял меня и вновь слепил в иную особь.
Огнеопасное перо из пор попёрло.
Железным клювом я склевал людскую россыпь.
Единый мелос торжества раздул мне горло.
Се аз реку: кукареку. Мой красный гребень

ISBN 978-84-949838-0-1

распространяет холод льда, жар солнцепёка.
Я певень Страшного Суда. Я юн и древен.
Один мой глаз глядит на вас, другой — на Бога (Л. Лосев).

Стихотворение «Весна» Г. Сапгира построено на полисемии слова *подснежник.* В криминальном и милицейском жаргоне *подснежниками* называют трупы, найденные весной под растаявшим снегом. «Столкновение прямого значения слова (названия цветка) с переносным жаргонным задаёт смешение образов живого и мёртвого, вульгарного и сентиментального, светлого и мрачного» (Зубова 2010: 77):

скелет ползал и собирал подснежники на лугу — весна!
подснежники ползали по лугу — скелет их собирал
весна собирала скелеты на лугу
весна собирала скелет подснежника
подснежники ползали ползали… да подснежники ли это?
луга ползали по лугам — весна!
скелет весь в подснежниках — это весна

5. Через молодёжный жаргон в поэзию проникли некоторые слова и выражения из жаргона наркоманов, ср.: *сидеть на игле* ‘регулярно употреблять наркотики (внутривенно)’, *колоться* ‘употреблять внутривенно наркотики’, *ловить кайф* ‘получать удовольствие; приходить в состояние блаженства (первоначально – после принятия наркотиков)’, *колеса* ‘наркотики в форме таблеток’, *косяк* ‘сигарета или папироса с наркотическим веществом’, *обдолбанный* ‘в состоянии наркотического опьянения’ и т.д. Ср., напр.:

И если мысль не равнозначна слову,
тогда зачем мы ловим этот кайф? (А. Еременко);
Прапорщик, пройдя афган,
разве что-нибудь напишет,
до смерти он жизнью выжат
и обдолбан, коль не пьян (В. Кривулин);
Когда-то думал о семье,
О доме маленьком, уютном,
Теперь я плотно на игле,
и жизнь моя в растворе мутном.
Хотел другую жизнь прожить,
Другую выбрал я дорогу,
Но удалось игле сломить,
И душу я отдам не Богу. (Е. Галицкий).

С арго наркоманов связано, по-видимому, и выражение *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* ‘приятно проводить время, отдыхая, расслабляясь’. Глагол *оттягиваться / оттянуться* означает в языке наркоманов ‘принимать наркотики’ (Вальтер, Мокиенко 2007: 478). Учитывая разговорное значение слова *тянуть* ‘медленно, с наслаждением курить,

ISBN 978-84-949838-0-1

вдыхая табачный дым’ (*тянуть сигарету;* ср. также у В. Высоцкого: «Ах! Время – как махорочка, / Всё *тянешь, тянешь*, Жорочка…»), можно предположить, что *оттягиваться* первоначально имело значение ‘курить сигарету или папиросу с наркотическим веществом (марихуаной или гашишем)’. Иное объяснение переносного значения слова *оттягиваться* находим у М.А. Грачёва (2003: 636), который связывает его с арготическим *оттягивать* ‘совершать половой акт’. Фразеологизм *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* особенно популярен в языке молодёжи, из которого он и попал в современную поэзию. Ср.:

Сникерснуть
Сделать паузу – скушать Твикс
Оттянуться по полной
Почувствовать разницу
Попробовать новый изысканный вкус
Быть лидером
Мочить в сортире
Не дать себе засохнуть… (Т. Кибиров)

6. Приведённые примеры показывают, насколько богато представлена арготическая лексика в современной русской поэзии. Важным поэтому представляется прежде всего выявление состава арготизмов, а также арготических ключевых слов, наиболее часто встречающихся у различных авторов. К дальнейшим аспектам изучения арготизмов в современной русской поэзии относится их тематическая или идеографическая классификация и описание их источников. С помощью идеографических блоков возможно выявление концептуальных доминант арготической лексики и тем самым реконструкция специфической арготической картины мира в современной поэзии.

Важным аспектом изучения арготизмов в современной русской поэзии является также описание их функций в поэтическом тексте. Понятно, что некоторые из них, как, например, экспрессивная или концептуальная функции, встречаются и в других видах текстов. Несомненно, однако, что в поэзии встречаются особенности употребления арготизмов, характерные лишь для поэтических текстов. Очевидно поэтому, что описание такой комплексной системы как арготическая лексика в поэзии возможно лишь с учётом всех названных аспектов.

Список литературы

Васильев А.Д. (2003): Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. Москва: Флинта.

Елистратов В.С. (1993): Наблюдения над современным городским арго, Вестник Московского университета, 9, 1, 80-87.

ISBN 978-84-949838-0-1

Грачев М.А. (1997): Русское арго. Нижний Новгород: издательство Нижегородского университета.

Грачев М.А. (2003): Словарь тысячелетнего русского арго. Москва: РИПОЛ КЛАССИК.

Зубова Л.В. (2010): Языки современной поэзии. Москва: Новое литературное обозрение.

Ларин Б.А. (1977): О лингвистическом изучении города, История русского языка и общее языкознание. Москва, Просвещение, 175-189.

References

Mokienko V./Walter H. (2014): Soziolekte in der Slavia, Die slavischen Sprachen, Bd. 2. Berlin: de Gruyter Mouton, 2145-2170.

Stępniak K.; Podgórzec, Z. (współpraca) (1993): Słownik tajemnych gwar przestępczych. London.

Timroth W. von (1983): Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat). München: Otto Sagner.

ISBN 978-84-949838-0-1

РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР, *ИЛИ* ЧТО СЛЫШАТ ОТ НАС НОСИТЕЛИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
n.bogdanova@spbu.ru

RUSSIAN ORAL SPEECH IN THE DIALOGUE OF CULTURES, *OR* WHAT DO SPEAKERS OF OTHER LANGUAGES HEAR FROM US

Natalia Bogdanova-Beglarian
Saint-Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика современной русской речи, с которой в первую очередь сталкивается иноязычный учащийся в среде изучаемого языка. На корпусном материале рассматриваются все типы функциональных единиц, которые используются в повседневном общении: *собственно речевые*, отвечающие за содержательную сторону текста; *условно-речевые*, помогающие говорящему порождать и структурировать дискурс, а также оценивать результат такого порождения; и *неречевые*, отражающие трудности спонтанной речи. Особое внимание уделено тем из условно-речевых единиц, которые названы в статье *прагматическими маркерами* (*прагматемами*): они порождаются говорящим автоматически, составляют значительную часть устного дискурса и могут создавать в русско-нерусском общении целый ряд коммуникативных помех.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of modern Russian speech. The corpus material covers all types of functional units that are used in everyday communication: speech proper, responsible for the content side of the text; conditionally speech, helping the speaker to generate and structure the discourse, and non-verbal, reflecting the difficulties of spontaneous speech. Particular attention is paid to those of the conditionally speech units, which are named as pragmatic markers: they are generated automatically by the speaker, form the significant part of the oral discourse, and can create in the Russian-non-Russian dialogue a whole series of communicative barriers.

Ключевые слова: русская разговорная речь, повседневное общение, функциональные единицы, прагматический маркер, коммуникативная помеха, диалог культур.

Keywords: Russian colloquial speech, everyday communication, functional units, pragmatic marker, communicative barrier, dialogue of cultures.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

ISBN 978-84-949838-0-1

В свете все возрастающих в современном мире миграционных процессов и сопутствующих им межъязыковых и межкультурных контактов возрастает и интерес исследователей к специфике той формы языка, на которой по преимуществу и осуществляются эти контакты – к специфике русской разговорной речи. Мы, как правило, не замечаем, КАК ГОВОРИМ, но непременно должны думать о том, КАК нас СЛЫШАТ и ВОСПРИНИМАЮТ носители других языков.

Приблизиться к пониманию того, как именно мы говорим, позволяет Звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ и фиксирующий максимально естественную речь носителей языка «на магнитофонном уровне достоверности» (Винокур 1988: 47) (методика 24-часовой записи, речь человека «с диктофоном на шее»). Сегодня это 1250 час. звучания, около 130 информантов и примерно 1000 их коммуникантов, 1 млн. словоформ в расшифровках (см. подробнее об ОРД: Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017, 2018; Русский язык повседневного общения… 2016; Baeva et al. 2018). Корпус ОРД, в отличие от большинства существующих устных корпусов русского языка, содержит не монологические тексты, а фрагменты реальной коммуникации, протекающей, как правило, в диалогическом (полилогическом) режиме, ср.: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться…» (Бахтин 1979).

Анализ корпусного материала хорошо показывает, что единицы, которые мы используем в повседневном общении, неоднородны: это и *собственно речевые единицы* (полнозначные лексемы), и *условно-речевые единицы* (служебная лексика, вводные и дискурсивные слова), и *неречевые единицы* (речеподобные звуки типа *э-э, м-м*; паралингвистические элементы (смех, вздохи, кашель, цоканье языком, причмокивание); оговорки, обрывы и под.). Причем употребительность собственно речевых единиц, отражающих содержательную сторону речи, в некоторых ситуациях в разы ниже, чем остальных, ср. (значимые единицы в примере выделены; об особых знаках расшифровки (транскриптов) материала ОРД (**Н, (), (э), @, (...), *П* и под.) см. подробнее: Русский язык повседневного общения… 2016: 242-243):

- *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут /* ***тут сложнее гораздо*** */ @ да // @* ***потому что*** */ значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п...* ***по моим / понятиям*** *значит /* ***я же не отличу*** *так скажем /* ***таджика от узбека*** *что называется / @ да да да // @ да ?* (И39, муж., фотограф).

Однако уже и *речевые единицы*, использующиеся в повседневном общении, выявляют много интересного для лингвиста-исследователя и абсолютно непонятного – для

ISBN 978-84-949838-0-1

воспринимающего русскую речь иностранца. Так, в устном дискурсе можно отметить расширение круга значений того или иного слова (***гуляющая*** *штатная единица*; ***забить*** *на все лекции*), появление новых единиц, как лексических (***монстрозный*** *собор,* ***внуча***, ***шизеть***), так и более крупных, тяготеющих к идиоматичности (*красавица с накладными мозгами; вылилось в такой гадюшник, в хлам определить, тусоваться по гуглу, влезать в просрочку*), активизация старых словообразовательных моделей (*гонево, орево, кидалово* – см. об этом подробнее: Богданова-Бегларян 2015), изменение коннотации той или иной единицы, ср.: *Чувак* – жарг., молод. ‘друг, приятель, знакомый, «свой человек»’ ⇒ нейтр. ‘какой-то молодой человек, мужчина, человек’ (по данным Н. А. Осьмак, именно так воспринимают это слово 64,5 % современных носителей языка разного пола и возраста – см.: Осьмак 2014, 2017).

Заметный эволюционный путь буквально на наших глазах проходит в устной речи и, например, лексема *блин*: от бранного слова («детского ругательства»), эвфемистического заменителя грубой инвективы (Словарь современного русского города 1993: 34; Елистратов 2002; Химик 2004: 48), через статус просторечного, но уже привычного и очень распространенного междометия (Словарь современного русского города 1993: 34; БТС 2009; slovoborg.su; teenslang.su; и мн. др.), с положительной или отрицательной коннотацией:

- ***блин*** */ я вчера кассету смотрел* (позитивная эмоция);
- *нам надо было* ***блин*** *! где Мойка ?* (негативная эмоция) –

до вполне нейтральной, орнаментальной (может быть, ритмообразующей – эта гипотеза требует экспериментальной проверки на корпусном материале) клитики:

- *ах эта контора* ***блин*** *такая-сякая*;
- *после той ... той аварии* ***блин*** */ я понял* ***блин*** */ что рано мне ещё на машине ездить*.

Такое, во многом не междометное, а именно клитическое, употребление в разговорной речи нецензурной лексики не раз отмечалось исследователями, ср.: «в этой функции нецензурные слова произносятся вставочно, для “связки слов”, они не выделяются в потоке речи интонационно, не выделяются громкостью, фонетически примыкают к предыдущему или последующему слову, используются фактически безоценочно и в известной степени – орнаментально, для придания речи эмоциональности» (Стернин 1999: 182-183). Наши корпусные исследования показывают, впрочем, что клитические употребления слова *блин*, во-первых, преобладают в современной речи над междометными и, во-вторых, утрачивают уже и всякий элемент эмоциональности (подробнее см.: Богданова-Бегларян 2014а).

Еще больше нового выявляют *условно-речевые единицы*, особенно *прагматические маркеры* (ПМ), или *прагматемы*, которые практически не обладают лексическим значением, слабо связаны с грамматикой (о «грамматических атавизмах» ПМ см.: Богданова-Бегларян

ISBN 978-84-949838-0-1

2018), но очень важны с точки зрения прагматики. Они помогают говорящему порождать и структурировать дискурс, выражают его отношение к самому́ процессу речепорождения или позволяют оценить результат этого процесса (см.: Богданова-Бегларян 2014б). В отличие от хорошо описанных в литературе *дискурсивных слов/маркеров* (см., например: Баранов и др. 1993; Дискурсивные слова… 1998, 2003; Schourup 1999; Traugott 2007; Массалина 2009; и мн. др.), которые Б. Фрезер определяет как класс лексических единиц, морфологическими источниками которых являются союзы, наречия и предложные обороты (Fraser 1990, 1999), ПМ функционируют почти исключительно в устной речи, порождаются на уровне речевых автоматизмов, отсутствуют в словарях кодифицированного языка даже на периферии словарных статей на базовое слово в их составе и характеризуются исключительно через ту функцию (функции), которую они выполняют в повседневной речи. ПМ в устной речи, как правило, полифункциональны и структурно вариативны. Приведем соответствующие примеры – в соответствии с той типологией ПМ, которая выстраивается на материале ОРД (см. подробнее: Богданова-Бегларян 2014б):

- *хезитативы* (ХЕЗ), как правило, поисковые; кроме вербальных (*это самое, как его (её, их), ну это, щас-щас-щас, (я) не знаю, короче, там*), могут быть и неречевыми (*а-а, м-м*);
- *дискурсивы* – маркеры начала (*стартовые* – СТАРТ) или конца (*финальные* – ФИН) текста/реплики, а также *навигаторы* (НАВИГ) по тексту (*вот, значит, всё*);
- *метакоммуникативы* (МЕТ) – контактные глаголы и прочие контактоустанавливающие маркеры (*знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите, заметь/заметьте, (я) не знаю, да*);
- *маркеры саморкоррекции* (САМОКОРР) – *это самое* и под.;
- *ксенопоказатели* (КСЕН) – маркеры, вводящие в повествование чужую речь (в широком понимании этого термина, т. е. не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» – Левонтина 2010: 284) (*вот, такой/такая/такие, типа (того что), вроде (того что), видишь/видите ли*);
- *заместители чужой речи или ее части* (ЗАМЕСТ ЧР) – *бла-бла-бла, ля-ля-тополя, тэ-тэ-тэ*);
- *заместители перечислительного ряда или его части* (ЗАМЕСТ ПР) – *и так далее, то-сё, пятое-десятое, все дела, (и) всё такое (прочее)*;

ISBN 978-84-949838-0-1

- *аппроксиматоры* (АППР) – маркеры «нечеткой номинации» (Подлесская 2013); в терминах Дж. Лакоффа, – *Hedges* (англ. ‘намеренно уклончивое выражение’), «слова, функция которых состоит в том, чтобы делать понятия более или менее четкими» (Lakoff 1973: 421) (*типа, как бы*);
- *ритмообразующие прагматемы* (РИТМ) (следующие примеры размечены с учетом относительной изохронности фрагментов устного текста):
    - *девять тысяч* ***там*** | *с копейками*;
    - ***вот*** *мне* ***там в этом*** | *() пенсионном отделе* | */ одна* ***вот*** *женщина* | *говорит*;
- *рефлексивы* (РЕФЛ) – маркеры любого рода нетривиальности сказанного или готовящегося к произнесению (кроме словарных *что называется, как говорится, так сказать* и под.) – *или как это? или как их? скажем так*.

Вот как могут выглядеть спонтанные тексты, размеченные (проаннотированные) с точки зрения ПМ:

1) *я подошла* ***(э)*** (ХЕЗ) */* ***ну*** (ХЕЗ) *() первая у кого я спросила / это к Саша_Малахова% / она* ***такая*** (КСЕН) */ да-да-да / Катя% взяла у меня *Н четыре с половиной*;
2) ***ну*** (СТАРТ) *она мне сказала / что да* ***вот*** (КСЕН) */ она* ***вот*** (КСЕН) *случайно / ну вот так вот сложились обстоятельства / и она что-то* ***там*** (ХЕЗ) *не понимает /* ***и так далее*** (ЗАМ ПР) *что (...)* ***вот*** (ФИН);
3) *она мне не говорит что /* ***типа вот*** (КСЕН/АППР) */ попроси у Вики% погасить взаимопомощь / и дай мне в долг / а я тебе потом отдам*;
4) *про* ***этого самого*** (ХЕЗ) ***(...) (э-э)*** (ХЕЗ) ***как его ?*** (ХЕЗ) ***(...) (м-м)*** (ХЕЗ) ***(э-э)*** (ХЕЗ) *судью Ди*;
5) *и она ему говорит / *П* ***ой*** (КСЕН) */ дядя_Никита% / а у него* ***как бы*** (ХЕЗ) */ *П вообще у них такая история /* ***вот знаешь*** (МЕТ) */ вот как всё-таки / зависит много / от людей*;
6) *я говорю / Кирилл% / только винчестер оставь / он* ***там*** (ХЕЗ) ***типа*** (КСЕН) ***это*** (ХЕЗ) */ он ... а он* ***такой*** (КСЕН) */ а он загруженный ? я говорю / так ты сам его загружал / @ угу // @ и вообще он новый / на двести гигов / а он* ***такой*** (КСЕН) */ а / *П понял*;
7) ***ну да*** (СТАРТ) *// это* ***знаешь*** (МЕТ) */ как водопроводчик / которого спрашиваешь / *П что нужно сделать / чтоб* ***типа*** (КСЕН) *унитаз работал нормально / *П а(:) он / ничего не может объяснить // то есть он* ***такой типа*** (КСЕН/АППР) */ а / ничего* ***там*** (ХЕЗ) */ ржавый гвоздь вставлю / и ... *В*;
8) *то есть они знают что (...)* ***знаешь*** (МЕТ) ***как бы*** (АППР) *это борьба за местом под солнцем # *Н всё-таки* ***ты знаешь*** (МЕТ) *//* ***знаешь*** (МЕТ) */ у него больше здравого смысла *Н если человек работает то он работает /* ***я не знаю*** (ХЕЗ) *// Де... Денис% / @* ***я не знаю...*** (ХЕЗ) *@ Денис% здесь такой же наёмный рабочий / как и мы с тобой.*

Видно, насколько обильно наша повседневная речь «усыпана» прагматическими маркерами, насколько разнообразны эти ПМ, хотя и вполне поддаются систематизации на основе их функции в дискурсе. Видны также их полифункциональность, как в примерах (3), (7) (КСЕН/АППР), и «композициональность», когда маркеры с одной и той же функцией

ISBN 978-84-949838-0-1

(функционально синонимичные) выстраиваются в длинную (чаще всего хезитационную) цепочку – как в примере (4) (*про* ***этого самого (...) (э-э) как его ? (...) (м-м) (э-э)*** *судью Ди*).

Из примеров видно также, как много других коммуникативных помех для иноязычного носителя содержит в себе наша повседневная речь. К ним можно отнести, например, грамматическое рассогласование (попросту – грамматические ошибки носителей русского как родного): *первая у кого я спросила / это* ***к Саша_Малахова%*** (1); *борьба* ***за местом*** *под солнцем* (8). По нашим данным, частотность ошибки (отклонения от нормы любого типа) в устной речи сопоставима с частотностью имен существительных (Полевая лингвистическая практика 2010), что можно объяснить следующими соображениями: «в процессе устной коммуникации самой важной задачей говорящего является как можно быстрее передать максимум информации. Для решения этой задачи ему приходится жертвовать правильностью речи. Даже носители языка с самым высоким УРК (уровнем речевой компетенции. – *Н. Б.-Б.*) часто поступаются нормативностью в процессе порождения УР (устной речи. – *Н. Б.-Б.*), поддерживая, однако, разумный баланс между скоростью и правильностью» (там же: 125).

Сложности при понимании текста может вызвать и такое, например, сочетание, как *погасить взаимопомощь* (3). См. также обилие явно непонятных для иноязычных учащихся единиц разного уровня в следующих контекстах (единицы, требующие преподавательского комментария, выделены шрифтом):

- **В она привозила с собой этого немца / который () вот* ***явный немец*** */ а* ***косил под русского Ваньку*** *// ему первые два дня было запрещено говорить // *С потом (...) *В он... # **под дурачка косил** ? # он был **первым парнем на деревне** // там к сему (...) / к нему все девки (...) @ пока не проговорился @ к нему все девки приставали // пока не проговорился / да / по-немецки / *П пока молчал*;
- *угу // это я на колонке угостил (э-э) немца // *П салом // *П выпьет водки // он долго не хотел / а потом как* ***подсел на это сало*** */ короче // *С и давай* ***один бутерброд за другим наворачивать*** *// просто за друг... (...) перед другими людьми уже неудобно было // *В так* ***попёрло его*** **В*;
- *ну после пломбировки тоже с... как-то* ***святое / что он болит***;
- *у нас это конечно / *П так не очень дёшево / #* ***в районе четырёх***;
- *после* ***резекции*** *конечно желательно так это ()* ***выгадать*** */ чтобы у вас потом *В три-четыре дня были свободны / чтобы вы могли дома* ***отлежаться оклематься***;
- *столько сделать /* ***перелопатить / мама не горюй грубо говоря***;
- *ну это(:) () господи ! это () н... ()* ***находка для шпиона*** **Н*;
- *давай ты сядешь на табуретку / вот сюда ? # там же Галя% сидит # *Н дали табуретку присесть / да // да* ***я*** *знаешь /* ***пешком постою***;
- *ой / ты знаешь / я этого клиента забыла* ***в экс отнести***.

Думается, что преодолеть подобные коммуникативные помехи в межъязыковом (русско-нерусском) общении можно только одним способом: введением в учебные материалы и в практику преподавания русского языка как иностранного (РКИ) (вероятно – на достаточно

ISBN 978-84-949838-0-1

продвинутом уровне обучения и желательно с русским преподавателем) текстов реальной, естественной повседневной русской речи, во всем ее функциональном и содержательном своеобразии. Помочь в этом может обращение к речевым корпусам, которых сейчас становится все больше, в том числе – к корпусу ОРД.

Возвращаясь к прагматическим маркерам, отметим, что фактически все подобные единицы (*это самое, как его (её, их), типа того что, скажем так, или как это?* и др.) показывают (вербализуют) сам процесс порождения речи, что открывает богатые возможности для исследований в области когнитивистики и психолингвистики. Уже поэтому отношение к ним как к «словесному мусору» простительно разве что наивному носителю языка. Лингвист должен бесстрастно фиксировать и анализировать подобные единицы (ср.: «Естественное желание каждого неравнодушного к предмету своих научных изысканий лингвиста – схватить эту рождающуюся на наших глазах и быстро ускользающую речевую реальность, зафиксировать момент, а потом уже – попытаться разобраться в том, откуда это, как это меняет наши представления о мире и о нас, кому это нужно и зачем…» – *Иссерс* 2012: 8), преподаватель РКИ должен научить иностранцев правильно их воспринимать (прежде всего именно воспринимать и понимать, отнюдь не произносить!), отделяя, что называется, «зерна от плевел» (речевые единицы – от прагматических маркеров), переводчик должен учитывать их специфику, чтобы не потерять разговорную «окраску» текста (ср., например, английские аналоги многих русских ПМ: *anyway, you know, listen, look, well, like y'see* и под.).

Полный набор таких единиц русского дискурса, с подробным описанием особенностей их функционирования и «привязкой» к говорящему и/или коммуникативной ситуации, может быть полезен также в системах автоматического распознавания, синтеза или обработки устной речи, для нужд лингвистического портретирования (как отдельной языковой личности, так и целого социума), а также в целях лингвистической или судебно-криминалистической экспертизы.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Е. В. Рахилина (1993): Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Москва: Помовский и партнеры, 208 с.

Бахтин М. М. (1979): Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 424 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014а): Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: блин с лингвистической и социолингвистической точек зрения, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 13 (20). По материалам ежегодной

ISBN 978-84-949838-0-1

Международной конференции Диалог-2014 (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.), В. П. Селегей (гл. ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 76-82.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014б): Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология, Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 3 (27), 7-20.

Богданова-Бегларян Н. В. (2015): Не ГОНЕВО, а лингвистическое ОПИСАЛОВО одной разговорной словообразовательной модели (раздумья над корпусным материалом), Коммуникативные исследования, 3, 67-81.

Богданова-Бегларян Н. В. (2018): Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи, Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Москва: Изд-во УРСС (в печати).

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. (2015): Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи, Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века, 2, Д. Шумска, К. Озга (ред.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. (2017): Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи, Анализ разговорной русской речи (АР^3-2017). Труды седьмого междисциплинарного семинара, Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин (науч. ред.). Санкт-Петербург: Политехника-принт, 14–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. (2018): Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы, Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Изд-во ИРЯ РАН (в печати).

БТС (2009) – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Кузнецова. ГРАМОТА.РУ, http://www.slovari.gramota.ru (дата обращения 28.07.18).

Винокур Т. Г. (1988): Устная речь и стилистические свойства высказывания, Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов, Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская (ред.). Москва: Наука, 44-84.

(1998): Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания, К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Москва: Метатекст, 448 с.

(2003): Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. Сборник статей, К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Москва: Азбуковник, 206 с.

ISBN 978-84-949838-0-1

Елистратов В. С. (2002): Словарь русского арго (материалы 1980-1990 гг.) [Электронный ресурс]. ГРАМОТА.РУ, http://www.padabum.com (дата обращения 28.07.18).

Иссерс О. С. (2012): Люди говорят… Дискурсивные практики нашего времени. Омск: Омский государственный ун-т, 276 с.

Левонтина И. Б. (2010): Пересказывательность в русском языке, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 9 (16). По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.), А. Е. Кибрик (ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 284-289.

Массалина И. П. (2009): Дискурсивные маркеры, Известия Калининградского государственного технического ун-та, 15, 211–217.

Осьмак Н. А. (2014): Лексические особенности спонтанной речи; опыт лексикографического описания (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 235 с. (машинопись).

Осьмак Н. А. (2018): Чувак и чувиха в современной повседневной речи, Коммуникативные исследования, 1 (15), 35-45.

Подлесская В. И. (2013): Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12 (19). По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. В. П. Селегей (ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 619-632.

(2010): Полевая лингвистическая практика. Учебно-методический комплекс сложной структуры. Часть 2. Методические указания по обработке, многоуровневой разметке и лингвистическому анализу корпуса звучащих текстов на русском языке, А. С. Асиновский (отв. ред.), Н. В. Богданова (науч. ред.). Санкт-Петербург: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 142 с. (2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.

(1993): Словарь современного русского города, Б. И. Осипов (ред.). Москва: Русские словари. АСТ Астрель. Транзиткнига, 565 с.

Стернин И. А. (1999): Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения, Жанры речи. 2. Сборник научных статей. Саратов, Государственный учебно-научный центр «Колледж», 178-185.

Химик В. В. (2004): Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – Санкт-Петербург: Норинт, 768 с.

ISBN 978-84-949838-0-1

References

Baeva, E., Blinova, O., Bogdanova-Beglarian, N., Martynenko, G., Sherstinova, T. (2018): Towards the Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech, SPECOM 2018. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI. Springer, Switzerland, in print.

Fraser, B. (1990): An Approach to Discourse Markers, Journal of Pragmatics, 14, 383-395.

Fraser, B. (1999): What are Discourse Markers, Journal of Pragmatics, 31, 931-952.

Lakoff, G. (1973): Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts, Journal of Philosophical Logic, 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 458-508.

Schourup, L. (1999): Discourse Markers, Lingua, 107, 227-265.

Traugott, E. C. (2007): Discussion Article: Discourse Markers, Modal Particles, and Contrastive Analysis, Synchronic and Diachronic, Catalan Journal of Linguistics, 6, 139-157.

URL: http://www.slovoborg.su (дата обращения 28.07.18).

URL: http://www.teenslang.su (дата обращения 28.07.18).

ISBN 978-84-949838-0-1

СРАВНЕНИЯ С ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ *БОЛЬШОЙ* И *МАЛЫЙ* В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Боева Наталия Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
nboeva@mail.ru

COMPARISONS WITH PARAMETRIC ADJECTIVES LARGE AND SMALL IN THE ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGY

Boeva Natalia
St.Ptersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются сравнительные конструкции, где в качестве признака сравнения использованы параметрические прилагательные *большой и малый*. Собранный материал позволяет нам говорить о разнообразии характеризуемых предметов и явлений (субъектов сравнения) и эталонов , используемых для характеристики размера.

ABSTRACT

This paper is focused on the comparative constructions , where parametric adjectives big and small are used as a sign of comparison. The collected material allows us to speak about the diversity of the characterized objects and phenomena (subjects of comparison) and the standards used to characterize the size.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, сравнение, эталон, лингвокультурология.

Key words: parametric adjectives, comparison, standard, linguoculturology.

Сравнение и сравнительные конструкции составляет объект изучения разных наук: логики, литературоведения, риторики, лингвистики, при этом каждая из наук выделяет в объекте отдельный аспект изучения. В отечественной лингвистике теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в 60-ые годы 20 века. Одним из первых на них обратил внимание В. В. Виноградов как на особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью (В.В. Виноградов 1938). По словам В. М. Мокиенко «Включение их в одну из самых динамичных структурно-семантических частей общей

ISBN 978-84-949838-0-1

фразеологической системы оправдано уже самой природой сравнения. Оно – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Сравнение экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Именно образность и яркость позволяют предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» (Мокиенко 2016:38). В лингвистике сравнение рассматривается как языковая единица, выражающая сопоставление двух предметов, имеющих общий признак, с целью выяснения их сходства или различия, а также указания на интенсивность проявления признака предмета. Реализуется это сопоставление средствами различных уровней языка – лексического, фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического.

Мы вслед за В. В. Красных эталон понимаем как мерило, с которым сравнивают и по которому оценивают некий феномен (свойство, признак, предмет, действие, этические и эстетические категории (Красных 2016:349). Эталоны отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Эталон-всегда образец, с которым сравнивают что-то, уподобляя это образцу.

Концепты «Размер» и «Величина» являются универсальными категориями культуры. Современные художественные и публицистические тексты показывают большую частотность квалификации предметов с точки зрения их размера. Мы видим большое разнообразие как характеризуемых предметов и явлений (субъектов сравнения), так и эталонов, используемых для характеристики размера.

В данном случае мы остановим свое внимание на сравнениях с параметрическими прилагательными «большой» и «малый», которые рассматриваются в семантическом и лингвокультурологическом аспекте. В нашем исследовании нас интересуют следующие вопросы: 1) определение участков языковой картины мира, в рамках которых функционируют сравнения с параметрическими прилагательными «большой» и «малый»; 2) определение эталонов, которые используют представители русской языковой картины мира для обозначения предметов и явлений, выраженных прилагательными «большой» и «малый» в сравнениях современного русского языка.

Конечным практическим результатом исследования явилось установление эталонов большого и малого размера в сравнительных конструкциях русского языка.

В структурном отношении рассматриваются сравнительные единицы с трёхкомпонентной формулой сравнения (субъект сравнения, основание сравнения, и объект сравнения, вводимый союзом *как*).

ISBN 978-84-949838-0-1

Из Национального корпуса русского языка было отобрано около 600 сравнительных конструкций, с параметрическими прилагательными «большой, огромный» и «малый, маленький» Весь собранный материал исследовался в два этапа.

На первом этапе было проанализировано семантическое наполнение левой части сравнения (субъекта сравнения), что позволило определить те участки языковой картины мира, в рамках которых функционируют сравнения с параметрическими прилагательными «большой» и «малый».

Наиболее многочисленной группой являются сравнительные конструкции, где субъектом являются соматизмы. «Соматический, или телесный, код культуры- один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира <…>, так как тело человека-древнейший способ самопознания человека» [Ковшова 2013:182]. Наименования тела человека в целом, его внешних и внутренних частей и органов входят в компонентный состав большого числа русских фразеологизмов: *светлая голова, не покладая рук, рукой подать, сесть на шею, ушами хлопать, ни ногой, под ногами, на носу*; пословиц: *Сколько голов-столько умов; дурная голова ногам покою не дает; слушай ухом, а не брюхом* и др. С их помощью человек выражает своё восприятие окружающего мира, пространства, времени. См. примеры: *Не люблю я, граждане, писать эти самые вступления к журналу. Иной редактор, наверное, сядет, фрачные фалды откинет, почешет себе бакенбарды и давай писать вступление. Руки шустрые, голова большая, как самовар, глаза вдумчивые и немного грустные от скорби за судьбы человечества. А я что-то не могу.*

Описание глаз, их формы и выражения важно для носителей любого языка. Сравнения с компонентом «*глаз, глаза, глазища, очи, зрачки*» составляют самую многочисленную группу среди соматизмов, так как зрение для человека является одной из высших ценностей. Концепт «Глаза» является важным телесным кодом. См. примеры*: Да и вся она была не столько худая, сколько именно маленькая: и нос у нее, с горбинкой, тоже был маленький, и руки маленькие, только глаза были большие, как крупные вишни, да толстая черная коса…* В русской картине мира большие глаза являются эталоном красоты. В то время как большие уши и большой рот являются «антиэталоном» красоты. См. примеры *: … она, совсем не старая на вид, была как старуха (еще розоволицая, но с отдельными какими-то ужасными чертами, вроде этой челюсти или дряблых ушей, больших, как полуснятые носки), — так или иначе, девочка боялась ведьмы…* Итак, мы видим, что сравнительные конструкции с соматическими компонентами, выраженные параметрическим прилагательным «большой», имеют скорее негативную коннотацию, чем позитивную, за исключением «большие глаза», «большое сердце» и «большая душа».

ISBN 978-84-949838-0-1

Обратимся к компаративным единицам с соматическим компонентом, выраженным прилагательным «малый, маленький».

См. примеры:

Она приблизилась к их облупленному круглому зеркалу на стене комнаты, взглянула и показа лась себе отвратительной: какой-то толстый нос, какие-то толстые губы, какой-то низкий лоб, щеки висят — тьфу! <…>

Нет, нечего ей ждать от жизни— и поделом… Глаза какие-то маленькие, как щелки, — тьфу! «Боже мой, какая я уродина!» — горько подумала Сашенька

или еще один пример:

В это избранное общество допускался только один мужчина — комендант дома, он же сче товод Юго-Западнойдороги, — человек с пышной фамилией — пан Себастиан Ктуренда-Цикавский. То был всегда петушащийся стриженый ежиком человечек снафабренными усик ами сутенера и маленькими, как пуговки, заносчивыми глазами.

Из приведенных примеров мы видим, что сравнительные конструкции с соматическими компонентами, выраженные параметрическим прилагательным «малый, маленький», имеют скорее негативную коннотацию, чем позитивную. Использование прилагательного *заносчивый* в данной конструкции придает большую экспрессию и усиливает негативную оценку.

Мы полностью согласны с Мокиенко В.М, который говорит, «чтобы быть ярким, образ должен быть актуальным(общепонятным) и зримым. Вот почему ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека или духовной сферы жизни, например, мифологии » [Мокиенко 2003: 4]

Второе место в нашей классификации по количеству составляющих группу единиц занимает тематическая группа с субъектом сравнения -- артефактом.

Наиболее частотным субъектом сравнения в нашем материале является *платок (большой, как полотенце, простыня, пеленка, салфетка, наволочка, скатерть)*.

Мотивирующим фактором в использовании сравнений с предметом *платок* является нарушение параметризации, так как эталоном сравнения остаются предметы одной с ним тематической группы. См. примеры: *И сразу было представлено непрошеное доказательство: нос покраснел, лицо скривилось, пришлось поспешно извлечь платок, оказавшийся большим, как полотенце…*

На втором этапе было проанализировано семантическое наполнение правой части сравнения (объекта сравнения), что позволило нам определить эталоны, которые используют

ISBN 978-84-949838-0-1

представители русской языковой картины мира в сравнительных конструкциях с прилагательными «большой» и «малый, маленький». Эталоны сравнений весьма разнообразны и многочисленны. Они образуют несколько тематических групп.

Первой самой многочисленной группой являются сравнения, в которых в качестве эталона используются артефакты. Чаще всего используется в качестве эталона признака «большой» следующие предметы : *котел(5),лопата(3),чемодан(3),бревно(3).*

Чаще всего с *котлом* ассоциируется большая голова ,она часто встречается в соматических устойчивых выражениях, с котлом сравнивают также большой подбородок.

В « Большом словаре русских народных сравнений» мы находим следующее сравнение: «голова(у кого)как(что, с)пивной котёл народн.,Арх.,Мурман.Фольк.Ирон. О чьей-то большой и круглой голове(обычно тупоумного и грубого человека). (Мокиенко В.М.,Т.Г.Никитина 2008:299)

В приведенном ниже примере нет прямого сравнения большой головы с котлом, но шлем, который надевают на голову имеет отношение к голове, таким образом, опосредованно голова все равно сравнивается с котлом. Автор использует прилагательное *безобразные* (шлемы), тем самым усиливая экспрессию ,чтобы придать еще большую карикатурность создаваемому образу.

См. примеры: *Впечатление карикатуры подчеркивалось еще тем, что на голове у этих русских были безобразные английские шлемы — большие, как котел и твердые, как дерево*.

В сравнительных конструкциях с прилагательными «малый, маленький» в качестве эталона используются следующие предметы: куколка, пуговица, наперсток, кнопка, бисер, бородавка .Выше мы говорили, что эталоном большой головы является котел, эталоном маленькой головы является бородавка. См. примеры:

Напротив сеней, подле воды, в боте (долбленой лодке) сидел Коля Пимных. Голова у Пимных маленькая, как бородавка, аудилище в руке висело, как плеть. Котел является также эталоном большого подбородка, эталоном маленького подбородка является пельмень. См. пример*: Лагудов оказался статным упитанным дядькой с густой седеющей шевелюрой. Драматический облик портили обрюзгшие щеки* и *маленький, как пельмень, подбородок.*

Очень часто эталон выражен уменьшительно-ласкательной формой существительного, которая усиливает экспрессию, например маленькие глаза сравниваются с изюминками. См. пример:

Андрей стоит перед ним и преданно смотрит

прямо в глаза. А глаза у Зайчихина маленькие, как изюминки.

— Сейчас ты будешь спать, спать, спать….

ISBN 978-84-949838-0-1

Второй группой по многочисленности являются сравнения, где эталоном *большого* служат слова, относящиеся к природным реалиям, естественным природным образованиям. Чаще всего используется в качестве эталона большого размера *гора, море, небо.* Эталоном малого являются зоонимы, часто выраженные в уменьшительно-ласкательной форме кузнечик, лягушонок, мышка, цыпленок, птенец, чижик, воробушек, червяк.

См. примеры: *Желания Надьки сбылись. Наполовину… С Кулеминой Шуша ходила в театры Кулемина была маленькой, как мышка, но рассудительной и грустной, как слоненок.*

Третьей группой по многочисленности являются сравнения, в которых эталоном *большого* являются здания, строения, сооружения. Чаще всего используется в качестве номинации эталона слово «дом»(7).

Сравнивая что-либо с домом, человек стремится выразить масштабность.

В « Большом словаре русских народных сравнений» мы находим : (большой)как дом. Об очень большом и просторном строении нежилого типа(сарае, чердаке, подвале и т.п.)(Мокиенко В.М.,Т.Г.Никитина 2008:172)

У каждого народа дом (в смысле помещения, постройки) имеет свой образ , для одних это каменная или деревянная постройка, для других это юрта, для жителей тундры это яранга. Каким бы ни был дом, использование этого эталона мотивировано различием в масштабе . Мотивирующий образ остается прежним, чтобы выразить масштаб субъект часто сравнивают с домом.

См. примеры: *Имел место высший тундровый этикет. Вечерний блеск огня под чайником, слабый треск горящей полярной березки, запах кирпичного чая, запах шкур яранги, тишина ночной тундры. Как дети, мы любили ночью толковать об интересных и страшноватых вещах. Я слушал про озеро, которое иногда вздувается страшным бугром и бугор тот лопается, распространяя зловоннейший запах, и «о большом, как яранга», буром медведе, который ходит в горах.*

Реализации в тексте в основном совпадают со словарными: но есть исключения, см.например:*он увидел пританцовывающую от нетерпения матрону в безвкусном алом платье с огромным, как витрина, декольте. Увядшее лицо дамы было покрыто толстым сл оем косметики и напоминало маску безжалостного сфинкса.*

Неожиданное и далекое сопоставление предметов(в данном случае декольте и витрины) очень экспрессивны, что придает дополнительную эмоциональную окраску образному сравнению.

Таким образом анализ субъекта (левой части) сравнения показал, что сравнения с признаком *большой* чаще всего функционируют в соматических конструкциях с компонентом

ISBN 978-84-949838-0-1

глаза(глаз, очи, зрачки, глазища), именно сравнительная конструкция *большие (огромные)глаза(глаз, очи, зрачки, глазища), как…* является самой частотной .

Анализ семантического наполнения правой части сравнительной конструкции(объекта, эталона)не выявил яркого «эталона-лидера», который бы характеризовал большой размер. В качестве эталона большого размера носитель русского языка чаще всего использует *гора(9), дом(7), лошадь(3) (конь, конское копыто, конский хвост ,лошадиные глаза); море(6),котел(5), слон(5)(спина слона), медведь(4), небо(4), лопата(3), чемодан(3), бревно(*3).

Анализ 600 сравнительных единиц подтвердил тот факт, что главным мотивирующим признаком использования сравнительных конструкций с параметрическими прилагательными «большой ,огромный» и «малый , маленький» является а)нарушение параметризации объекта, б)коннотативный аспект. При нарушении параметров объекта у говорящего возникает экспрессия и формируется ассоциативная связь, что позволяет ему использовать в своей речи эталоны, характерные для данной языковой картины мира.

Список литературы

Ковшова М.Л. (2013): Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»

Красных В.В. (2016): Словарь и грамматика лингвокультуры. Москва: Гнозис.

Мокиенко В.М.(2003): Словарь сравнений русского языка. Санкт- Петербург: Норинт.

Мокиенко В.М. (2016) : Устойчивые сравнения в системе фразеологии, монография. Санкт-Петербург-Грайфсвальд.

Интернет ресурсы :

Виноградов В.В.(1938): Грамматика / В.В. Виноградов "Русский язык" тексты. URL:http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=26 (дата обращения 15.01.2018)

Мокиенко В.М.,Никитина Т.Г.(2008)Большой словарь русских народных сравнений. https://docviewer.yandex.ru/url=ya-disk-publi=Mokijenko_Nikitina_Bolshoj_slovar_rus_nar_sravnenij.djvu&page=383&c=576db012403d (дата обращения 18.01.2018)

Национальный корпус русского языка. http://www.ruscorpora.ru/

ISBN 978-84-949838-0-1

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКОВ

Булгакова Ольга Анатольевна
Кемеровский государственный университет, Россия
bulgakova.o.a@yandex.ru

Денисова Эльвира Степановна
Кемеровский государственный университет, Россия
elvdenisova@yandex.ru

DYNAMICS OF FUNCTIONING OF ZOOLEXEME IN PHRASEOLOGISMS OF RUSSIAN, CHINESE AND TELEUT LANGUAGES

Olga Bulgakova
Kemerovo State University, Russia

Elvira Denisova
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию особенностей восприятия и функционирования зоофразелогизмов и зоолексем русского, китайского и телеутского языков. Для сравнения восприятия зоолексем носителями русского, китайского и телеутского языков был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлены сходства и различия ассоциативных связей зоонимов с лексемами, характеризующими людей анализируемых лингвокультур. Результаты анализа показали, что далеко не все значения зоолексем определенной лингвокультуры отражены в словарях и справочниках, а восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в разных языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов. Незнание данных особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

ABSTRACT

The article is devoted to the disclosure of the features of perception and functioning zoophrazelogisms and zoolexeme of Russian, Chinese and Teleut languages. To compare the perception of zoolexeme by native speakers of Russian, Chinese and Teleut language, a free associative experiment was during which the similarities and differences in the association of zoonyms with lexemes characterizing people of analyzed lingvocultures. The results of the analysis showed that not all values are zoolexeme certain linguocultures are reflected in dictionaries and reference books, and perception and use of the same zoolexeme in different languages have semantic differences due to the specifics of linguistic pictures of the world of these peoples. Ignorance of these features of perception and use

ISBN 978-84-949838-0-1

these phraseological units can manifest themselves in intercultural communication and to complicate the dialogue.

Ключевые слова: зоофразеологизмы; зоолексемы; номен; языковая картина мира; лингвокультура; ассоциация.

Keywords: zoophrazelogisms; zoolexeme; nomen; the linguistic view of the world; lingvoculture; association.

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

Взаимоотношения человека с животным миром имели и имеют важное значение для развития человеческого общества, а чувства и переживания человека, возникающие в процессе познания животного мира и выстраивания своих отношений с этим миром, нашли отражение в языке в образовании фразеологизмов. Фразеология любого языка содержит сложную эмоциональную гамму, отражающую культурное историческое наследие и особенности восприятия мира. В последние десятилетия утвердился подход к значению, «выявляющий и объясняющий, что знает человек, когда он знает/полагает, что знает значение слова, какие процессы и их продукты связаны со становлением и функционированием значений у человека и о каких формах репрезентации значения в сознании индивида может идти речь» (Залевская 2000: 98).

Устойчивые выражения с зоонимическим компонентом составляют значительную часть фразеологического фонда русского, китайского и телеутского языков и образовались в результате длительных наблюдений человека за поведением и внешним видом животных. Фразеологические единицы всегда антропоцентричны, так как они возникают не столько для того, чтобы описать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение.

Для выявления динамики функционирования фразеологизмов в речи носителей разных языков и определения когнитивных признаков, являющихся актуальными для обыденного сознания информантов, мы провели свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие русские (75 человек), китайские (56 человек) и телеутские (55 человек) носители языка. Материалом для исследования послужили 18 зоонимических наименований: собака, кошка, крыса, корова, свинья, баран, овца, петух, курица, лиса, волк, медведь, тигр, лев, черепаха, ворона, сова, сорока.

ISBN 978-84-949838-0-1

Эксперимент проводился методом анкетирования. Информантам предлагалось выполнить следующее задание: «Напротив названия каждого животного напишите человеческие качества, с которыми вы ассоциируете это животное».

В ходе анализа полученных результатов анкетирования мы выяснили, что восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском, китайском и телеутском языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, историческими событиями, эстетическими представлениями. Незнание особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

Наибольшее сходство ассоциаций у носителей исследуемых лингвокультур было отмечено у зоонимов: крыса/鼠/камак, свинья/猪/чочқо, баран/公羊/қуча, волк/狼/пӧри, лиса/狐狸/тижи тӯлкӯ, лев/狮子/қарақула. Больше всего отличий оказалось у таких зоонимов, как: корова/牛/ ӱй, овца/母羊/қой, черепаха/龟, собака/狗/ийт.

Наш анализ начнём с характеристики ближайших к людям главных помощников и любимцев – собаки и кота. На первый взгляд, переносные значения этих номенов должны быть маркированы только положительными коннотациями. Однако анализ выявляет противоположное: «антропоморфные» ассоциации, связанные с собакой и кошкой, почти во всех случаях негативные.

В китайском языке номен ***собака*** (кит. ***狗*** gou) используется как ругательное слово достаточно широкого диапазона обозначения: 狗才 goucai – "бездельник, негодяй"; 狗男女 gounannu – "собака, бесстыдный человек, сука"; 狗妇 goufu – "сука" (о женщине); 狗猪 gouzhu – букв. "собака и свинья" в значении "подонок"; 狗鼠 goushu – букв. "собака и крыса" в значении "подлый, низкий человек"; 狗腿子 goutuizi – "предатель". Поэтому в китайском языке образ собаки приобретает преимущественно негативное вторичное осмысление.

В русском языке компонент «собака» во фразеологизмах также используется скорее в отрицательном, насмешливом, шутливом смысле – жить как кошка с собакой (отражение неуживчивости собаки, ее нетерпимость), как собак нерезаных (в значении «много»); как собака голоден (голодное состояние человека сравнивается с вечно голодной бездомной собакой); как собака (очень сильно, до крайности, например, устал, голоден, замёрз); вот, где собака зарыта (причина); каждая собака (всякий, каждый, любой); ни одна собака (абсолютно никто); нужен как собаке пятая нога (бесполезность), собаке под хвост (без толку); собаку съел

ISBN 978-84-949838-0-1

(профессионал в своем деле); собачья радость (восторг); как собака на сене (ассоциация с предельно жадным человеком).

Негативное отношение к собакам свойственно и фразеологизмам телеутского языка. Например, фразеологизм *ийттиң киндеги айағы* (букв. "*собачья задняя нога*") употребляется, когда человек (его действия, его работа, он сам) лишний. Исторически собака в понимании телеутов олицетворяет никчемность, бесполезность. Старшее поколение, называя человека собакой, выражает ему полную неприязнь. Не зная менталитета телеутского народа, русский человек не сможет понять смысл данного фразеологизма, так как в русском языке есть похожий фразеологизм *как собаке пятая нога.* Собака в понимании русского народа олицетворяет верность, и у нее нет ничего лишнего, поэтому пятой ноги у нее никогда не будет. Спутниками кочевников собаки не были, эта роль принадлежала коням, кочевой народ ценил своего верного коня, являющегося для телеутов священным животным, спутником жизни.

Осмысление номена ***кошка*** во фразеологизмах китайского языка пошло по пути развития негативных ассоциаций, в чем не последнюю роль сыграли мифологические представления китайцев о кошке – ***猫*** mao – как об опасном существе, имеющем демоническую силу. Это нашло отражение в таких языковых формах, как: 猫儿溺 maorni – "коварные, темные намерения, интриги"; "заговор", 猫鬼 mao gui – "колдовство, злые чары".

В русском языке компонент «кошка» во фразеологизмах также используется скорее в отрицательном, шутливом смысле: как кот на сало – «льстиво, с желанием»; как кошка с собакой – «недружно, постоянно ссорясь, ругаясь»; «будто черная кошка пробежала» – между кем-то испортились отношения, произошла ссора; «живуч как кошка» используется в значении «крепок, устойчив, способен выдержать многие трудности»; «кошки скребут на душе» означает «плохое настроение, состояние беспокойства и чувство тревоги»; «купить кота в мешке» означает «приобрести товар, ничего не зная о нем, его достоинствах и недостатках».

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним «кошка» были ответы мягкость и нежность, в то время как в китайскоязычной группе такими ответами были: 矫情 (самоуправность) и 独立 (самостоятельность, независимость). В русской лингвокультуре номен «кошка» имеет скорее положительную коннотацию, чем негативную, в китайской – либо негативную, либо нейтральную.

Неизменной "частью" жилья издавна были не только собаки и кошки, но и крысы.

ISBN 978-84-949838-0-1

Так, зооним крыса, согласно результатам анкетирования, имеет самую негативную коннотацию. Во всех группах большинство информантов ассоциируют крысу с подлостью. Однако если в русскоязычной и телеутской лингвокультуре данное качество связано с предательством, то в китайской – с вороватостью (贼精).

Во фразеологизмах китайского языка ***крыса*** (кит. ***鼠*** shu) получила устойчивые негативные коннотации. В китайском языке эмотивная сема ограниченности и ничтожности в переносных значениях 鼠 shu выражена ярче и передаёт оскорбительную семантику "подлец, негодяй, вор": 鼠目寸光 shumucunguang (букв. "глаза крысы не видят дальше, чем на один цунь"), образно – «ограниченный человек»; 鼠 肚 鸡肠 shu-du ji-chang (букв. "утроба крысы и куриные кишки"), образно – «ограниченный, низкий человек»; 鼠 肝 虫 臂 shu-gan chong-bi (букв. "печень крысы, лапки насекомого") в значении «ничтожное существо».

В русском языке номен «крыса» в большинстве своем имеет негативную коннотацию. Как правило сравнение человека с крысой заключает значение человека подлого, предателя, ср.: бежать как крысы с корабля – о том, кто покидает кого-либо (что-либо) в трудную минуту, в беде; беден как церковная крыса – очень, до крайней степени беден; канцелярская крыса – чинуша, бюрократ, формалист.

Обратимся к характеристике зоонимов, связанных с сельскохозяйственной деятельностью человека.

Ассоциативное осмысление номена «***корова***» в русскоязычной и китайскоязычной группах отличается. В русской лингвокультуре номен «корова» имеет негативную смысловую окраску и может быть использован для обозначения неразумной, неприятной, неуклюжей женщины. Ассоциируется чаще всего с полной женщиной, что подтверждают такие ответы информантов, как толстая и жирная.

Совершенно иная ситуация в китайской лингвокультуре. Корова для китайцев – символ трудолюбия и упорства. Человека, который упорно идёт к своей цели, обозначают как "тот, кто имеет коровий характер" – ***牛***脾气 niu piqi. Сказать китайской девушке, что у нее глаза «как у коровы» – значит сделать комплимент.

Важное место занимала корова и в жизни телеутского народа. Так, лексема ***ÿй*** в телеутском языке обозначает как дом, жилище, так и корову, что обусловлено важностью той роли, которую играла корова-кормилица в жизни семьи. Как говорят телеуты, корова – это то, на чём держится дом.

ISBN 978-84-949838-0-1

По данному зоониму результаты эксперимента практически полностью совпадают со словарными значениями фразеологизмов во всех языках.

Зооним ***овца*** также различается по ассоциативному осмыслению. В русской лингвокультуре он имеет негативную коннотацию и чаще всего характеризует человека глупого, а вот в китайской – овца ассоциируется с кротостью и покорностью (温顺).

Одна из основных домашних птиц, ***курица*** (кит. ***鸡*** ji), в китайском языке образно обозначает недалекого, ограниченного, слабого человека: 鸡肚候肠 ji du hou chang – "недалекий человек", 鸡鹜 jiwu – "обычный человек (обыватель)". Однако зооним курица может означать также материнскую заботу и любовь. Иногда курица характеризует хорошую жену – 嫁鸡随鸡，嫁狗随狗 (выйти замуж за петуха – стать как курица, выйти замуж за собаку – поступать как собака (в данном случае собака означает презренного человека)).

В русской лингвокультуре зооним курица также может означать заботливую мать, но с некоторой долей иронии (как курица с яйцами, т.е. очень суетливая). Зооним курица в русском языке используется для обозначения речи испуганной или болтливой женщины: раскудахталась как курица; человека, который чем-либо очень дорожит: как курица с яйцом носится; смешно выглядящего человека: похож на мокрую курицу; человека с неразборчивым почерком: как курица лапой нацарапала; плохо видящего человека: слепая курица.

У русскоязычных информантов номен «курица» вызвал негативные ассоциации. Курицей в русской лингвокультуре называют девушку (женщину) невежественную, суетливую. В китайской языковой группе многие информанты отказались от ответа, а остальные разошлись во мнениях. В этом может проявляться как влияние западной культуры, так и различие в личных ассоциациях: слабость, ничтожность, бесполезность, хозяйственность, заботливость, хлопотливость.

Как в русской, так и в китайской лингвокультурах у ***петуха*** (***公鸡***) есть общее коннотативное значение: петуха рассматривают как символ задиристости и боевитости. Это выражается в русском сравнении: сцепиться как два петуха и в китайской пословице 两鸡相斗 (два петуха в одном доме делают жизнь невыносимой).

В русской лингвокультуре лексема петух используется для обозначения мужчины гомосексуальной ориентации, такое ассоциативное осмысление данной лексемы пришло из

ISBN 978-84-949838-0-1

тюремного жаргона. В китайскоязычной группе наиболее популярными ответами стали лексемы «высокомерие» (骄) и «пунктуальность».

Образно-ассоциативное осмысление ***свиньи*** в китайских фразеологизмах (кит. ***猪*** zhu) не связано с коннотациями нечистоплотности, неблагодарности, эгоистичности и некультурности, что присуще европейскому языковому ареалу. В основном, данная лексема имеет значение ограниченности и тупости: 猪猡 zhuluo – восток. диал., руг. "кабан, свинья" (о дурном, тупом человеке); 猪头三 zhutousan – диал. руг. "свинья, идиот".

Отношение славянских народов к свиньям также было противоречиво. Упитанная и плодовитая свинья – воплощение сытости, богатства и благополучия, и во фразеологизмах с компонентом-зоонимом «свинья» содержится только отрицательная коннотация: свинья в ермолке – «грязный, жадный, с низкими помыслами человек», как свинья в апельсинах – «человек, абсолютно не понимающий чего-либо», подложить свинью – «сделать большую неприятность кому-либо» (Жуков 1980: 144).

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним свинья был ответ неаккуратность, тогда как в китайской – лень и глупость.

Теперь рассмотрим зоофразеологизмы, связанные с названиями диких животных, зверей и птиц.

Волк (кит. ***狼*** lang) символизирует жестокость, безжалостность и жадность не только в европейском, но и в китайском культурном ареале. Так, об алчном человеке говорят: "他是狼贪 Ta shi lang tan" (букв. "Он – волчья жадность"). Жестокий, агрессивный человек описывается как имеющий "сердце волка и лёгкие собаки" – 狼心狗肺 lang xin gou fei или просто обозначается как 狼心 lang xin (букв. "сердце волка"); о человеке жадном, безжалостном, с огромными амбициями говорят: 狼字野心 lang zi ye xin – волчьи амбиции.

В русском языке также часто встречаются зоофразеологизмы с использованием лексемы «волк»: волк в овечьей шкуре – «лицемер, прячущий под маской добродетели свои злые намерения»; пожалел волк кобылу – «о человеке, не способном пожалеть кого-либо»; старый волк, травленый волк – «очень опытный, бывалый человек, которого трудно обмануть или перехитрить».

Номен «волк» как у русскоязычных, так и у китайскоязычных информантов репрезентует негативные коннотативные смыслы. Общие ответы в обеих группах: жестокость

ISBN 978-84-949838-0-1

(凶狠), дикость(野性), кровожадность, одиночество, так как агрессивные люди не уживаются в обществе.

Лексема ***медведь*** в китайском языке (***熊*** xiong) демонстрирует как мелиоративные, так и пейоративные образные ассоциации, связанные с этим животным. С одной стороны, медведь выступает общекультурным символом мужской храбрости, доблести и силы: 熊罷 xiongpi (букв. "медведи"), образно – «бойцы, храбрые солдаты», 熊心豹胆 xiongxin baodan (букв. "сердце медведя, желчный пузырь барса"), образно – «храбрость, отвага»; 熊虎 xionghu (букв. "медведь и тигр"), образно – «храбрый полководец».

С другой стороны, на диалектной основе с зоонимом 熊 xiong развились коннотации никчёмности и тупости: 熊货 xionghuo – "негодяй, дурак, дрянь", 熊包 xiongbao – "дрянь, неспособный, ничтожный человек".

В русском языке медведем называют человека неуклюжего, неловкого. Фразеологизм «медвежья услуга» означает услугу неумелую, бесполезную, приносящую вместо пользы вред. «Медведь на ухо наступил» – кто-либо совсем лишён музыкального слуха. «Делить шкуру неубитого медведя» – заранее рассчитывать на результат еще неосуществленного дела. «Медвежий угол» – глухое, лесистое место.

Ассоциативное осмысление лексемы медведь различно в русскоязычной и китайскоязычной группах.

В русской лигвокультуре «медведь» означает человека сильного, но неуклюжего. Может иметь как позитивную, так и негативную коннотацию в зависимости от контекста. В китайскоязычной группе самой распространенной ассоциацией стали лексемы, указывающие на такие качества, как сила и здоровье (强壮, 彪悍).

В китайском языке ***тигр*** (***虎*** hu) занимает одно из самых почетных мест, выступая носителем храбрости, отваги, величественного достоинства и власти. Последняя, по поверьям древних китайцев, в буквальном смысле слова написана у тигра на лбу, где полосы тигриного окраса образуют иероглиф 王 wang – "король, царь". Древние китайцы верили, что тигр имеет большой ум, а прожив пятьсот лет, становится совсем белым, как седой дедушка. В древнем Китае тигр слыл истребителем демонов, поэтому его скульптурное изображение часто размещали у городских ворот и входа в храмы, его голову рисовали на стенах домов и монастырских стен, а также вышивали на детской одежде. Тиграм даже приносили жертвоприношения в знак благодарности за то, что они поедали диких свиней, которые опустошали поля и были настоящим бедствием для китайских крестьян. Все приведенные

ISBN 978-84-949838-0-1

этнокультурные ипостаси нашли отражение в языке: 1) храбрость, мужество: 虎士 hushi – «храбрый человек, герой», 虎将 hujiang – «храбрый полководец, военный начальник», 虎劲 hujin – «сильный духом, мужественный»; 2) благородство: 虎驾 hujia – «величественный, вызывающий благоговение»; 虎头 hutou (букв. "голова тигра"), образно – «благородный человек с высокими душевными порывами» (Eberhard 1997: 102).

При всем уважении китайцев к тигру, он также внушал им ужас и, символизируя строгость и жестокость, ассоциировался с опасностью, о чем свидетельствуют следующие языковые единицы: 虎口 hukou (букв. "пасть тигра"), образно – «гиблое место, опасное положение», 虎狼 hu lang (букв. "тигр и волк"), образно «жестокий злодей», 虎口拔牙 hu kou ba ya (букв. "вырывать зубы тигру"), образно – «заниматься опасным делом».

В русском языке зоолексема тигр имеет такие устойчивые характеристики, как «свирепый, разъяренный, злой». Назвать человека тигром будет означать присвоение ему следующих качеств: жестокость, свирепость, «настоящий зверь».

Несмотря на то, что у китайцев тигр ассоциируется с жестокостью, всё же назвать китайца тигром значит сделать ему комплимент.

Лексема ***черепаха*** (***龟*** gui) ассоциируется у китайцев с долголетием (龟 龄 guiling), силой и выдержанностью. В древних китайских мифах черепаха − символ Вселенной, она стоит рядом с единорогом и фениксом − сверхъестественными существами. По китайским поверьям, черепаха не помнит даты своего рождения и своих родных, поэтому, назвав кого-то в Китае 龟 gui (черепаха), можно человека оскорбить.

По данным, полученным в ходе эксперимента, у русскоязычных информантов номен «черепаха» репрезентирует в основном негативные коннотативные смыслы. Черепахой называют человека медлительного, нерасторопного. Кроме этого, черепаха в русской лингвокультуре ассоциируется с мудростью. В китайскоязычной группе многие информанты отказались от ответа. Как было выявлено в ходе эксперимента, в современной лингвокультуре номен «черепаха» имеет чаще всего негативную коннотацию, если употребляется по отношению к человеку. Одним из популярных ответов китайскоязычных информантов была лексема 混蛋 (сволочь, мерзавец). Назвать китайца черепахой – значит оскорбить его.

Сова, в понимании русского человека, олицетворяет мудрость, а для телеутов сова – воплощение глупости: *Ойлу қуш – глупая птица*. Между тем наблюдаются случаи соответствия телеутского и русского мировидения, как например, во фразеологизме *қара қуш*

ISBN 978-84-949838-0-1

азраған – черная птица пригрела (кормила). Черная птица, то есть ***ворона***, по преданию многих народов, является предвестником беды. Данный фразеологизм употребляется телеутами тогда, когда говорят, что человек – обладатель нехороших качеств, т. е. кто-то сильно ошибся в человеке. Он предал друга, его черная птица кормила. Другой, чуть менее негативного нрава, птицей является ***сорока***. Во фразеологизме *саңысқан јырарға – прогонять сороку* слово саңысқан (*сорока*) имеет значение лень, возникает значение – кто-то кому-то прогоняет лень. Похожий фразеологизм с*аңысқан јыраған (букв. "гонять сороку*") имеет другое значение. Так говорят о человеке, который просто гоняет сороку, то есть выполняет бесполезную работу. Во фразеологизмах русского языка сорока ассоциируется с болтливым человеком, сплетником (*сорока на хвосте принесла),* вороватым человеком *(сорока-воровка).*

Проведённый нами анализ позволяет сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность народа. Животные являются мерилом как физических, так и нравственных человеческих качеств, что и отразилось во фразеологизмах. При использовании названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные. Результаты анализа показали, что восприятие и употребление фразеологизмов могут иметь семантические, структурные и когнитивные отличия, обусловленные степенью образованности носителей языков, способом метафоризации объектов действительности, спецификой языковых картин мира и т. д. Учёт изменений фразеологических значений и особенностей восприятия и употребления устойчивых словосочетаний поможет наладить процесс межкультурной коммуникации, устранить недопонимание и облегчить диалог.

Список литературы

Жуков В. П. (1980): Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва: Просвещение.

Залевская А. А. (2000): Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / Языковое сознание и образ мира. Москва: Институт языкознания РАН, 39-54.

Eberhard W. (1997): Times Dictionary of Chinese Symbols. Singapore: Federal Publications.

ISBN 978-84-949838-0-1

МЕТАГРАФЕМИКА В СОЗДАНИИ ЭМОТИВНОГО КОДА РУССКОГО РАССКАЗА XXI ВЕКА

Вяткина Светлана Вадимовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
s.vyatkina@spbu.ru

METAGRAPHICS IN CREATION OF THE EMOTIVE CODE OF THE RUSSIAN XXI-st CENTURY STORY

Svetlana Vyatkina
St.-Petersburg state university, Russia

АННОТАЦИЯ

Характеристика ментальной модели восприятия эмотивного кода современного русского рассказа дается на основе анализа опубликованных в литературных журналах (2005-2017 гг.) текстов. Знаки препинания рассмотрены как средство акцентуации в эмотивном коде рассказа, выявлена роль метаграфемики в формировании эмотивных смыслов.

ABSTRACT

Characteristics of the mental model of the emotional code perception of the modern Russian short story is given on the basis of an analysis of the texts published in literary journals (2005-2017). Punctuation marks are considered as a means of accentuation in the emotive code of a story, the role of metagrafics in the formation of emotive meanings is revealed.

Ключевые слова: эмотивный код текста; текст рассказа; метаграфемика; деконструкция текста; ментальная модель восприятия текста.

Keywords: emotional text code; text of the short story; metagrafics; text deconstruction, mental model of text perception.

Проявляющийся в последние годы интерес к графическому и пунктуационному оформлению современного текста предопределен новым осмыслением текста, что связано с такой технической возможностью его создания, как компьютерный набор. Всеобщая компьютеризация и интенсивная интернет-коммуникация, предполагающая письменную фиксацию онлайн общения, заметно меняет как графическое оформление текста (невербальное средство передачи смысла), так и представление о способах декодирования заложенных в тексте смыслов. В данном случае объектом рассмотрения является система графических средств, передающих эмотивные смыслы в тексте современного русского рассказа.

ISBN 978-84-949838-0-1

1. Художественное произведение «по всем использованным средствам **должно** обеспечить у адресата формирование его **ментальной модели**» (Кубрякова 2004: 516-517). При этом необходимо учитывать особенности восприятия текста писателем и адресатом его произведения на определенном этапе развития общества. Не менее важной составляющей ментальной модели восприятия текста является эмотивный код произведения — концептуально и прагматически обусловленная система сигналов различных эмоций, «отражающая авторскую интенцию и общий пафос произведения, формирующая эмоциональную тональность текста» (Болотнова 2009: 328).

Рассуждая о современной текстовой культуре, философ и культуролог К. Г. Фрумкин отмечает: в мире, насыщенном электронными коммуникациями, сформировалось клиповое мышление (т. е. мышление сиюминутного восприятия, минутной реакции). С одной стороны, клиповое мышление помогает быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами, обладает достоинством скорости обработки информации при предпочтении нетекстовой, образной информации, требует виртуозности и реактивности, обеспечивает большую скорость обработки информации, что необходимо человеку в информационном обществе. С другой стороны, данный тип мышления приводит к неспособности современного человека воспринимать длительную линейную последовательность текста и отражает безэмоциональность (Фрумкин, 2010). Данный тезис предопределил обращение к художественному тексту небольшого объема – к тексту рассказа.

Сопоставляя клиповое и понятийное (словесно-логическое) мышление, психологи выделяют такие моменты их противопоставления, как а) умение быстро переключаться на новый раздражитель ↔ сосредоточенное внимание на одном объекте; б) высокая скорость восприятия информации ↔ высокий уровень анализа и синтеза информации; в) поверхностное изучение объекта или явления ↔ способность длительного восприятия однотипной и одностильной информации и умение вербализовать воспринятую информацию; способность одновременно выполнять несколько операций ↔ умение принимать решения и ставить цели (Горобец, Ковалев, 2015: 99). Клиповое мышление – результат воздействия на современного человека подаваемой СМИ по телевидению и в интернете информации, которая может отражать бесстрастность информирующего, его ориентацию на содержание сообщаемого. Передача эмотивных смыслов уступает информированию.

Вопрос о влиянии интернет-коммуникации на человека интересует многих психологов (например: Шабшин 2005, Усачева 2014, Королева 2004), отмечающих, что интернет-коммуникация характеризуется затрудненностью эмоционального компонента общения при стойком стремлении к эмоциональному наполнению текста (выражается в создании

ISBN 978-84-949838-0-1

специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами в скобках после основного текста послания) (Усачева 2014: 278). В интернет-коммуникации снимается ряд барьеров общения, обусловленных характеристиками партнеров по коммуникации (внешний облик, пол, возраст, социальный статус, внешность), при этом реальное невербальное поведение оказывается исключенным из процесса общения, а чувства, отношение к происходящему можно не только выражать, но и скрывать (Королева 2004: 172). Данные психологические характеристики читателя эпохи интернета не может не учитывать и писатель.

2. В связи с вышесказанным целесообразно рассмотреть своеобразный эксперимент с формой текста — произведение Василины Орловой «Прямая речь» (Орлова 2017), представляющее собой записанные автором реплики разных людей, разбитые на различные тематические группы, имеющие строгое шрифтовое выделение автора, которое и воспроизводится; **Женское — мужское** распадается на фрагменты ***Женское. Беременность — роды — дети***; ***Женское. Мужчина***; ***Женское — внешность***; ***Мужское. О женщинах***; ***Любовь***. Так строится все произведение. Тексту предпослано авторское предисловие, без которого восприятие текста читателем практически невозможно: «Я собирала речи, на русском и отчасти на суржике, в 2004 — 2008 годах. География — Россия (Москва и Московская область, Сибирь, Дальний Восток) и Украина (Киев и Дударков, село под Киевом). Собирала как есть, не глядя, хороши ли, плохи ли речи, хорошо ли в них выглядят люди, согласна ли я с ними. Теперь, в Остине, пересмотрев их, я вижу, что в каждом коротком речении отразился особый мир. Антрополог Кейтлин Стюарт считает, что исследование частных опытов дает нам “преизобилие маленьких миров”. Писательница София Федорченко в книге “Народ на войне” использовала, возможно, одна из первых, этот метод — метод вербальной фотографии, метод запечатления цитаты без автора. Писательница Светлана Алексиевич, которую в каком-то смысле, возможно, назвали бы антропологом, этнографом, во многих своих книгах использует этот метод».

Рубрицированный текст представляет собой отделенные двойным вертикальным пробелом закавыченные реплики разных людей, отражающие спонтанность говорения и поданные без редакторской правки, например: *«У меня тоже — знакомый. Развелся с женой, потому что она ему девочку родила. Нашел причину. Она выходит из роддома — и куда ей? Я с ним больше не общаюсь, хватит. Наслушался… Хоть сценарий пиши»*.

Эмоциональная насыщенность реплик и спонтанность рассказывания графически передается знаками тире, вопросительным знаком при риторическом вопросе, многоточием. Конситуативность воспроизведенных высказываний в некоторых случаях провоцирует

ISBN 978-84-949838-0-1

появление в скобках авторского комментария к реплике, например: *«Молоко перегорело». (Забеременела вторым ребенком — первый отказался от груди.)*.

Ни редакция журнала, ни сам автор не указывают жанр произведения, но все же перед читателем своеобразно структурированный текст, напоминающий фотоальбом: разные лица, разные ситуации представлены как стоп-кадры. Ознакомившись с авторским предисловием, а затем с предложенным текстом читатель сам должен определить, о чем автор хотел ему сказать. Знаки препинания в данном случае — способ воспроизвести эмоциональность и спонтанность речи говорящих.

3. Собственно художественный текст имеет жанровое определение, в данном случае – рассказ. Любопытно сопоставить фотографию спонтанных реплик с манерой «рассказывания» в «Трех днях блондинки» А. Аркатовой. Начало текста:

> В выходной день самое главное — выйти из дома. И не то чтобы как можно раньше, а просто хотя бы выйти. Мусор вынести, например, или лук купить внизу. Но это не всегда. Хорошо еще, если у тебя запланировано. Например, выставка «Пушкин и обезьяны» в Дарвиновском музее. Туда-то еще — раз! — и собралась, раз — и с первого раза по погоде оделась. И едешь в одну сторону долго так с пересадками, а обратно едешь уставшая, сонная, голодная и новую лексику во рту перекатываешь. И твой искусственно просветленный мозг распознает очертания скрытых смыслов.
> А если ничего не запланировано, то главное что? Главное, чтобы не было солнца. Вот так. Потому что когда светит солнце прямо с утра — это конец.

Текст структурирован: автор делит его на 3 озаглавленных фрагмента: **ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 1. СОЛНЦЕ И ДРУГИЕ**; **ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 2. ХОДЫНКА, БАССЕЙН, СВАДЬБА**; **ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 3. РАЗВОД, НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК, КУРЬЕР**. Сами названия фиксируют пережитое рассказчицей за день. А. Аркатова мастерски воспроизводит спонтанность последовательного детального монологического повествования своей героини. Эмоциональная доминанта текста – самоирония.

4. Одной из самых ярких синтаксических особенностей современных произведений является их деконструкция. (Явления деконструкции, во многом предопределенные компьютерной работой с текстом, описаны на материале крупных произведений: романов, автобиографической прозы (Николина, 2009: 238-292), но характеристика эмотивного кода крупных произведений затруднена.) Она оформляется и графически. Художественное произведение апеллирует к образному мышлению читателя и эмоциональному восприятию содержания. Для декодирования смысла рассказа читателю необходимо наряду с вербальной структурой текста осмысливать метаграфемы, определяющие коммуникативно-смысловую

ISBN 978-84-949838-0-1

организацию текста, и учитывать влияние интернет-коммуникации на форму и структуру современного художественного произведения.

В структурировании и организации текста важнейшее значение имеет метаграфемика (Шубина, Антошинцева, 2005: 58-60), понимаемая достаточно широко как

1) знаки конца предложения (или их отсутствие), характеризующие особенности микросинтаксиса текста (уровень предложения);
2) абзацное членение текста;
3) средства рубрицирования текста: озаглавливание фрагментов текста с различным шрифтовым выделением (полужирный шрифт, использование во всем названии только прописных букв, разная степень слитности выделенных как заглавие слов со следующим за ним текстом),
4) отделение фрагментов текста двойным вертикальным пробелом и / или звездочками.

Знаки уровня предложения и метаграфемы уровня текста (2 - 4) обеспечивают формирование эмотивного кода небольшого по объему текста рассказа.

Особенности метаграфемики современного русского рассказа определяются, во-первых, новым осмыслением автором текста как ориентированного на устность рассказывания истории и / или на связанный с отражением клипового сознания современного человека фрагментарный, а не линейный тип текста.

Во-вторых, степень деконструкции текста может быть различной, что отражается и в передаче эмотивных смыслов, поэтому анализ функций метаграфем требует учета степени деконструкции самого текста рассказа.

5. При минимальной деконструкции текста, воспроизводящего онлайн восприятие персонажем фрагмента действительности и сохраняющего временную перспективу, эмотивный код реализуется в первую очередь синтаксически, что оформлено с помощью знаков препинания: многоточия, тире, точки при парцелляции высказывания. Эмотивная доминанта рассказа В. Маканина «Ночь… Запятая… Ночь» (детальный анализ см.: Вяткина 2017: 87-88), например, может быть охарактеризована как тревожное ожидание женского счастья героиней рассказа Зинаидой. Синтаксической особенностью нарратива является преобладающий в тексте свободный косвенный дискурс, графически оформленный многоточием (сигнал паузы, незаконченности высказывания), восклицаниями, вопросительными знаками с многоточием – сигналами пауз хезитации, например (выделение курсивом в цитируемом фрагменте – С. В.):

ISBN 978-84-949838-0-1

> Как только Зинаида поднимется на второй и двинется по коридору ему навстречу, он, конечно, сразу же посторонится… *Уступая комендантше (женщине!) дорогу… Интеллигентный! Чувствует остро...* Стоя вполоборота, еще и дружески ей улыбнется. *И что?.. И что сказать дальше?.. И где тогда его шея?*
> *Глупость какая! Одернуть его не за что...* Перед сном человек может прохаживаться сколько хочет. Ходи себе и думай. *Тем более что на втором плотный, сжирающий звуки дорогой ковер, и....* (Маканин.)

Для сюжетного повествования характерна эмотивная пунктуация: знаки препинания (многоточие, восклицательный и вопросительный знаки, нулевой знак вместо концевого), знак абзаца сигнализируют об эмоциональном состоянии нарратора / персонажа. Эмотивный код создается средствами синтаксиса: парцелляцией, риторическими вопросами, вопросно-ответными конструкциями и т. п. Эмотивная пунктуация – средство усиления эмотивной доминанты связанного текста.

6. При максимальной деконструкции текста (бессюжетный раскрошенный текст), которая ярко проявляется в рассказах: «Телеграммы из Альтоны» и «Неведение» А. Иванова, «Вертикальный кольцеброс» (подробный анализ см.: Вяткина 2016: 111-116), — эмотивный код лексически, как правило, не эксплицируется. Средство его создания — метаграфемика. Это воплощается в игнорировании автором знаков конца предложения и прописных букв в начале (А. Иванов 2014), в изменении шрифтового рисунка и озаглавливании фрагментов текста (А. Лебедев 2015), в нарочитом использовании вертикального пробела.

Отсутствие знаков конца предложений декодируется читателем как минус-прием, маркирующий передачу эмоционального состояния персонажа (чувства одиночества, непонятости, ненужности, ощущение суетности своего бытия). Особенно ярко минус-прием представлен в тексте небольшого по объему рассказа (1200 слов) А. Иванова «Телеграммы из Альтоны» (подробный анализ см.: Вяткина 2017: 88-89). Текст рассказа состоит из 19 оформленных абзацным членением фрагментов с дополнительным вертикальным пробелом, например:

> у меня мало друзей, и те выдуманные (надеюсь, они мне это простят и вернутся к своим акварелям, писулькам, сцене, забудут меня окончательно); потому что такой я человек —
>
> мои друзья... один из них наивно верит, что только с ним я — настоящий, а прочим скармливаю двойников, костюмы, жесты, ничего не значащие улыбки, но это проявление его собственной солипсической натуры: с ним я наименее я

ISBN 978-84-949838-0-1

Декодирование эмотивного смысла рассказа возможно только в результате анализа заглавия, метеграфемики и структуры текста в целом: перед читателем крик души человека об одиночестве в чужом городе, им владеет страх перед предстоящей премьерой своего произведения. Телеграммы (вполне условная номинация) — это сигнал SOS, эксплицированный только в конце рассказа: «*меня охватывает страстное желание покончить с собой (сравнимое по тяге разве что с желанием ширнуться)*». Чувство страха — эмотивная доминанта рассказа.

7. В рассказе А. Иванова «Неведение» большего объема (2 189 слов) четче прослеживается сюжет, эмотивный код отчасти вербализован:

> Он прикрыл глаза: страх, один из самых первых — от змейкой завинчивавшейся воды, уходящей с клекотом.
> Его обдало льдом кошмара: уши лопались и глаза прорезались.

В то же время деконструкция текста очевидна: он представляет собой 9 фрагментов-зарисовок разного объема, отделенных друг от друга двойным вертикальным пробелом и тремя звездочками. Читатель должен сам связать фрагменты, чтобы на фоне многочисленных бытовых зарисовок осмыслить описываемое эмоциональное состояние героя (Ракитина), так как синтаксис рассказа (короткие предложения, часто именного строя) служит для фиксации персонажем всего, что он воспринимает онлайн, например:

> Дым вылетает и тает. Тяжелая сигарета. Хмурая непогода на сердце и прозрачная осень. Припадочный ветер.
> Что-то хотел записать...
> Дом хлюпнул дверью. Выпустил человека.
> Даже если вспомню, записать некуда.
> Слепые окна равнодушно отсвечивают. Луч перечеркивает. Голуби взлетают над бульваром. Ветер срывает листья. Голуби, листья, провода, ветки. Дым. Ветер.

Сознанием Ракитина фиксируются мелочи, детали быта, в то время как он сам мучительно ждет предстоящей операции на сердце. Неведение, незнание исхода вызывает постоянную тревогу персонажа, поэтому внешний мир постепенно утрачивает для него значение. Кульминацией оказывается последний фрагмент рассказа:

> Но ведь неведомое находится повсюду. Оно не только по ту сторону, уже за пределами брызнувшей жизни, в холоде, где капли свертываются в лед; оно и тут, под солнцем, под кожей, бьется, как мягкий горячий зверек, — тук — тук — тук, кто там? Неведомое... Жизнь — то же Неведомое. Рядом со мной, во мне, в дрожащих пальцах, в пепле, вкусе табака, в желтом свете фонаря на моем лице.

ISBN 978-84-949838-0-1

Сердце — на волоске — покачивается...

Автор рассказа графическими средствами характеризует утратившую для героя значимость суетной жизни, переключая внимание читателя на внутреннюю жизнь персонажа, наполненную тревогой и страхом.

Выводы.

Проведенный анализ призван продемонстрировать разное представление художника о тексте малой формы. Раскрепощенность творца, во многом связанная с практикой интернет-коммуникации, позволяет создавать тексты, максимально отражающие устное рассказывание (А. Аркатова), детально отражающие восприятие происходящего персонажем (В. Маканин), экспериментировать со структурой текста, используя различные приемы его деконструкции (А. Иванов). При этом эмотивные смыслы произведений, даже лексически слабо эксплицированные, передаются художником средствами метаграфемики, компенсирующими лексическую безэмоциональность.

По замечанию В. И. Тюпы, рассказ не навязывает определенной перцептивной стратегии, предполагая встречную коммуникативную активность адресата, от которого требуется «установка на известного рода солидарность с авторским сознанием» и «совместимость собственного личного опыта адресата с жизненным опытом героя» (Тюпа 2013: 107). Но анализ метаграфемики текста современного рассказа позволяет декодироватья эмотивные смыслы текста.

Источники

Аркатова А. Вертикальный кольцеброс. Литературная икра, Новый мир, 2014, 7. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/7/8a-pr.html

Аркатова А. Три дня блондинки. Рассказ, Новый мир, 2015, 7. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/7/6ark.html

Иванов А. Неведение, Звезда, 2011, 12. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/12/iv9.html

Иванов А. Телеграммы из Альтоны, Новый мир, 2014, 5. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/5/6i.html

Маканин Вл. Ночь… Запятая... Ночь…, Новый мир, 2010, 1. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/ma4.html

ISBN 978-84-949838-0-1

Лебедев А. На гобеленах, // Новый мир, 2015, 5. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/2leb.html

Орлова В. Прямая речь. Часть I, Новый мир, 2016, 5. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/5/pryamaya-rech-chast-i.html

Список литературы

Болотнова Н. С. (2009): Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Москва : Флинта: Наука, 2009.

Вяткина С. В. (2016): Отражение клипового сознания в синтаксисе современной прозы, Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2016, 111–116.

Вяткина С. В. (2017): Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа, Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 7 (168), Петрозаводск, 2017, 86-92.

Горобец Т. Н., Ковалев В. В (2015) «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти, Мир психологии, 2015, 2, 94-100.

Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети интернет на личностные особенности пользователей, Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2004, 4 (9), 168-179.

Кубрякова Е. С. (2004): Язык и знание: На пути получения знаний о человеке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Языки славянской культуры, 2004.

Николина Н. А. (2009): Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография. Москва : Гнозис, 2009.

Тюпа В. И. Жанр / Дискурс. Москва: Intrada, 2013.

Усачева А. В. (2014): Психологические особенности интернет-коммуникаций, Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014, 1, 277-281.

Фрумкин К. Г. (2010) Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры, Ineternum, Москва, 2010, 1, 26–36, URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (дата обращения: 10.01.1016).

Шабшин И. (2005): Психологические особенности общения в интернете, Московский психотерапевтический журнал, 2005, 1, 159-182.

ISBN 978-84-949838-0-1

Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. (2005): Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации: монография. Санкт-Петербург: ПетроПресс, 2005.

ISBN 978-84-949838-0-1

СИМВОЛИКА ВКУСА В РУССКОЙ, СЕРБСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Голяк Светлана Владимировна
Белградский университет, Сербия
svetlanagoljak@yahoo.co.uk

Пейович Анджелка
Белградский университет, Сербия
andjelka.pejovic@fil.bg.ac.rs

SYMBOLIC REPRESENTATION OF TASTE IN RUSSIAN, SERBIAN AND SPANISH LEXIS AND PHRASEOLOGY

Golyak Svetlana Vladimirovna
University of Belgrade, Serbia

Pejovic Andjelka
University of Belgrade, Serbia

АННОТАЦИЯ

Символика вкуса пищи (сладкого, горького, кислого и соленого), отраженная в переносе вкусовых ощущений на другие виды восприятия, исследуется в работе на материале лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков. Выявляются общие направления переосмысления вкуса в трех языках, а также некоторые межъязыковые различия, связанные с национальными традициями, вкусовыми привычками.

ABSTRACT

The symbolic representation of taste of food (sweet, bitter, sour, and salty), as reflected in the transfer of taste perceptions to other kinds of perceptions, is examined by studying lexis and phraseology materials in the Russian, Serbian, and Spanish languages. The study sheds light on some common trends in re-interpreting the concept of food taste in the three languages, as well as differences across languages, associated with national traditions and food preferences.

Ключевые слова: вкус, символ, эталон, лексика, фразеология, русский, сербский, испанский.

Keywords: taste, symbol, paragon, lexis, phraseology, Russian, Serbian, Spanish.

*Работа со стороны А. Пейович выполнена в рамках научного проекта «Динамика и структура современного сербского языка» (№ 178014), финансируемого Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

ISBN 978-84-949838-0-1

1. Перенос вкусовых ощущений на другие виды восприятия и формирование на этой базе различных характеристик и оценок (эстетических, утилитарных, моральных) отражены во многих языках: так, сладкое обычно обозначает что-либо приятное; горькое – неприятное; безвкусное, пресное значит и неинтересное и т.д. В данной работе символика вкуса исследуется на материале лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков. Целью работы было выявление как общих направлений переосмысления вкуса (сладкого, горького, кислого, соленого), так и межъязыковых различий, связанных с национальными традициями, вкусовыми привычками. Соответственно основными методами в работе были сопоставительный и лингвокультурологический.

Сопоставление образной лексики и фразеологии разных языков показывает, что на глубинном уровне здесь мало межъязыковых различий. Выявляются общие направления семантической деривации, одинаковые «структурно-семантические модели» во фразеологии (Мокиенко 1989: 53). Межъязыковые различия на данном уровне объясняются прежде всего «несовпадением техники вторичной номинации» (Добровольский 1997: 37). Образные единицы различных языков отражают одинаковый способ когнитивного освоения действительности, и в них представлены общие базовые метафоры (Лакофф, Джонсон 1987); «макрометафорические концептуальные модели» (Зыкова 2014).

Конкретно-языковая реализация общих моделей во фразеологии, рассматриваемых на концептуальном и семантическом уровнях, может различаться в зависимости от эталонно-символической функции лексем-компонентов, связанных с определенными реалиями. Фразеологизмы выступают как своего рода мера вещей, или «оязыковленные эталоны» (Ковшова 2016: 182). Например, в рамках переноса ‘вкусный’ → ‘привлекательный’ одинаков ли набор соответствующих эталонов в русском, сербском и испанском языках? В связи с этим в работе ставилась задача выявить и сравнить «вкусовые» эталоны ряда качеств (привлекательности, ценности и т.д.) в исследуемом материале.

Материал был взят из основных толковых и фразеологических словарей русского, сербского и испанского языков (сокращенные обозначения словарей приведены в списке литературы). Материал составили следующие единицы трех указанных языков: 1) лексемы со значениями ‘вкус’, ‘сладкий’, ‘горький’, ‘кислый’, ‘соленый’: напр., рус. *вкус*; серб. *укус*; исп. *gusto, sabor* и т.д.; 2) словообразовательные дериваты данных лексем: напр., рус. *сладость, подсластить* и т.д.; 3) названия отдельных продуктов с выраженным вкусом и блюд: напр., рус. *сахар, мед*; 4) устойчивые сравнения с указанными лексемами; 5) фразеологические обороты, связанные с темой еды, вкусовых ощущений. Были проанализированы переносные значения лексем и образное основание устойчивых сравнений и фразеологизмов-метафор.

ISBN 978-84-949838-0-1

2. ‘Вкус’, ‘вкусный’ / ‘безвкусный’. ‘Вкусная еда’ во фразеологии.

2.1. Вкус как одно из пяти внешних чувств человека является способом познания и оценки, человеческой мерой вещей. Об этом свидетельствует и переносное употребление лексем со значением ‘вкус’, ‘ощутить вкус’ в современности и истории.

Слова со значением ‘вкус’ в исследуемых (как и других) языках используются в контексте эстетики, обозначая чувство прекрасного, чувство меры, умение это оценить. Подобное переосмысление вкуса является весьма органичным, независимо от путей появления переносных значений лексем в конкретных языках.

Так, В. В. Виноградов отмечает, что «слово *вкус*, первоначально обозначавшее действие по глаголу *вкусить* <…>, а затем соответствующее ощущение от вкушаемой, принимаемой пищи <…>, около середины XVIII века получило переносное отвлеченное значение под влиянием франц. *goût*, нем. *Geschmack*», и «это европейское, интеллигентское значение и употребление слова *вкус* привело к образованию нового, богатого фразеологического гнезда в русском литературном языке XIX в.» (Виноградов 1999: 96–97). Приводя и критические замечания А. С. Шишкова в связи с употреблением слова *вкус* в новом ключе, В. В. Виноградов, тем не менее, подчеркивает «тесную органичную связь» между старорусским и новым значениями слова. Он указывает, что заимствование только ускорило естественные процессы в русском языке, поскольку «внутренняя семантическая эволюция слова *вкус* на русской литературной почве привела бы к тому же результату (ср. историю значений слова *чутье*)» (Виноградов 1999: 98).

В современном русском языке «эстетическое» переносное значение фиксируется как у слова *вкус*, так и его дериватов, а также у ряда оборотов: *вкус* ‘способность человека к эстетическому восприятию и оценке; развитое чувство красивого, изящного’; *(делать что-л.) со вкусом, кто-л. со вкусом, безвкусный, безвкусица* и др. (БАС II: 610–611; I: 454). Сербская лексема *укус* и ее дериваты имеют похожие значения: *укус* ‘чувство прекрасного; чувство меры, лоск’ (РСЈ: 1391); *човек од укуса* ‘человек со вкусом’; *укусан* ‘сделанный со вкусом, красивый, гармоничный’ (РСЈ: 1391); *неукусан, безукусан* ‘безвкусный’; *укусно* ‘уместно, прилично’: *Није укусно упадати у реч* «Безвкусно перебивать» (РСЈ: 1391).

Особенностью испанского языка является употребление двух существительных в значении ‘вкус’: *gusto* и *sabor*, имеющих некоторое разделение функций. В значении вкуса пищи обычно используется слово *sabor*; именно его дериват *sabroso* служит характеристикой ‘вкусный’. Слово *sabor* имеет переносное значение ‘впечатление’ (ср. *послевкусие*), известен и оборот *dejar algo mal sabor de boca a alguen* (досл. «оставить плохой вкус в чьем-л. рту»)

ISBN 978-84-949838-0-1

‘оставить плохое впечатление или вызвать неприятное чувство’ (DRAE: *sabor*); ср. эквивалент *оставить в душе неприятный осадок* (Левинтова 1985: 606). С другой стороны, эстетика выражается словом *gusto*, имеющего значения ‘способность почувствовать или оценить что-л. как красивое или некрасивое’: *Diego tiene buen gusto* «У Диего хороший вкус»; а также ‘качество, делающее что-л. красивым или некрасивым’: *traje de gusto* «стильный костюм», *adorno de mal gusto* «безвкусное украшение» (DRAE: *gusto*).

История слов *gusto* и *sabor*, а также глаголов со значением ‘ощутить вкус’ и под. обнаруживает тесную связь восприятия пищи, с одной стороны, и познания и оценки мира, с другой: известна эволюция значений лат. *gustus*; отметим также, что исп. *sabor* восходит к лат. *sapor*, означавшему: ‘вкус чего-л.; *sine sapore* (о человеке): без вкуса, тупоумный <…>’; ср. также *sapĕre* ‘ощущать вкус; быть мудрым, благоразумным; понимать, смыслить что-л.’ (DRAE: *gusto*; Тананушко 2015: 1000). Пробовать, ощущать вкус издавна означает познавать мир; это проявляется с первых шагов знакомства ребенка с миром. Ср. рус. *вкусить* ‘устар. есть, пить; перен. испытать’ и библейский оборот *вкусить от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’; серб. *окусити* ‘попробовать; перен. ощутить, испытать на своем опыте’; исп. *saborear* ‘<…> не спеша, внимательно пробовать вкус еды или питья; не спеша, с удовольствием ощущать что-л. приятное’ (БАС II: 613, XX: 633; РМС IV: 118; DRAE: *saborear*); рус. *пробовать* – серб. *пробати* – исп. *probar*.

2.2. Вкус также переосмысливается как желание или склонность к чему-либо (чаще в русском и испанском материале в сравнении с сербским): ср. рус. *вкус* ‘склонность, интерес, пристрастие к чему-л.’, исп. *gusto* ‘4) личное желание, выбор <…>; 12) склонность к чему-л.’ (БАС II: 610–611; DRAE: *gusto*); рус. *прийтись по вкусу* ‘отвечать желаниям, склонностям, привычкам кого-л.’; рус. *по чьему-л. вкусу* – серб. *по нечијем укусу* – исп. *a sabor, a sabor de su paladar, a gusto*; обороты со значением ‘стать любителем чего-л., пристраститься к чему-л.’: рус. *войти во вкус* – исп. *tomar el gusto* (досл. «взять вкус чего-л.»), *encontrarle gusto a algo* (досл. «найти вкус в чем-л.») (Млт: 88; БАС XX: 560; DRAE: *sabor, gusto*).

Восприятие вкусной еды как удовольствия широко отражено в исследуемом материале: рус. *вкусный* ‘доставляющий удовольствие, нравящийся’ (БАС II: 612); *вкус к жизни* (мотив радости, удовольствия от жизни); исп. *relamerse de gusto* (досл. «облизываться от удовольствия») ‘испытывать большое удовольствие от еды или чего-л. другого’ (DRAE: *gusto*). При этом отметим тот факт, что только в испанском материале ‘удовольствие’ выделяется как отдельное переносное значение самой лексемы *gusto*, причем в качестве первого из переносных: ‘удовольствие или приятное ощущение вследствие чего-л.’ (DRAE: *gusto*). Данное слово активно используется в целом ряде экспрессивных выражений и

ISBN 978-84-949838-0-1

этикетных формул: *con mucho gusto* ‘с большим удовольствием’ (в качестве согласия и под.); *mucho gusto* (досл. «большое удовольствие») ‘очень приятно’ (при знакомстве, прощании); *dar gusto* ‘доставить удовольствие, угодить’: *Me encanta darte gusto* «Обожаю доставлять тебе удовольствие» и др. (DRAE: *gusto*). Тема удовольствия во фразеологизмах с дословным значением вкусной еды рассматривается ниже в п. 2.4.

2.3. Отсутствие вкуса, помимо эстетического контекста, негативно переосмысливается в переносах: ‘безвкусный’, ‘неопределенного вкуса’ → ‘неинтересный’, ‘без выраженных свойств’: рус. *ни рыба ни мясо* – серб. *ни риба ни месо* – исп. *no ser ni carne ni pescado*; (Млт: 403; Оташ: 799; DRAE: *carne*); исп. *desaborido* ‘безвкусный <…>; о человеке: скучный, невыразительный’ (DRAE: *desaborido)*; а также образы, связанные с неопределенным вкусом еды и непонятным способом ее приготовления: серб. *ни слано ни папрено* (досл. «ни соленое, ни перченое»); *ни печен ни куван* (досл. «ни печеный, ни вареный») (РМС V: 843).

Отсутствие вкуса еды часто обусловлено недостаточным количеством приправ, прежде всего соли. Так же характеризуется неинтересный рассказ, речь и под.: рус. *пресный* – исп. *insípido*: *пресный анекдот – un chiste insípido*; ср. исп. *soso* ‘несоленый; без живости, очарования’ (БАС XIX: 704; DRAE: *insípido, soso*). О символике соли речь пойдет ниже.

2.4. Фразеологические образы очень вкусной еды употребляются для описания привлекательности (чаще женской) или чего-либо приятного, желанного, ценного. Умение это оценить отражено в русском фразеологизме *губа не дура у кого* ‘о человеке, умеющем выбрать для себя самое лучшее, выгодное, воспользоваться чем-л. ценным, полезным’; данный оборот связан с поговоркой: *У него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко* (РусФраз: 170). Компонент *губа* связывает здесь тему питания и оценки вещей, умения разобраться, сделать выбор.

Человек или предмет оцениваются как сулящие удовольствие, выгоду в выражениях: рус. *лакомый/жирный кусок/кусочек* – серб. *мастан комад/залогаj* (досл. «жирный кусок») (Млт: 218; РМС III: 309); исп. *buen bocado* (досл. «хороший кусок») ‘человек, физически привлекательный’ (DFDEA: 193); ‘исключительность чего-л., напр., выгодное дело’ (DRAE: *bocado*); серб. жарг. *добар комад* ‘привлекательная девушка, женщина’ (Imami 2003: 176); ср. также в фольклоре: рус. *На лакомый кусок всяк накинет роток*. При употреблении оборота в значении привлекательной женщины (в русском часто с деминутивом *кусочек*) ее внешность рассматривается с точки зрения «полезности» для мужчины, получения удовольствия (БФС: 347). Акцент делается на теле, отсюда использование слов *кусок, кусочек* (мяса).

Привлекательность объекта характеризуют выражения: рус. *пальчики оближешь* ‘1) очень вкусное, аппетитное <…>, о пище, питье и т.п.; 2) очень красив, хорош, интересен,

ISBN 978-84-949838-0-1

приводит в восхищение, о ком- или чем-л.’ – серб. *да прсте полижеш* – исп. *para chuparse los dedos* (Млт: 291; Оташ: 763; DFDEA: 372). Удовольствие от такого человека уподобляется наслаждению, получаемому при обмакивании хлеба в тарелку и поедании таким образом вкусного блюда: исп. *de toma pan y moja* (досл. «подбирать хлебом») (DFDEA: 729).

Реакция при виде или представлении аппетитного блюда, образно передающая желание, отражена в выражениях: рус. *слюнки текут (потекли) у кого* – серб. *иде / удара (некоме) вода на уста* – исп. *hacérsele (una) agua la boca* (Млт: 437; РМС VI: 595; DRAE: *boca*); рус. *глотать слюнки* (Млт: 108); серб. *расту (некоме) зазубице* (РМС II: 119). Показательны и гастрономические глаголы в оборотах: рус. *есть / пожирать глазами кого-л.* (Млт: 155); серб. *гутати погледом* (досл. «глотать взглядом») (РМС IV: 525); а также серб. *да га поједеш* – исп. *para comérselo* (досл. «(хочешь) съесть его/ее»), употребляемые обычно по отношению к ребенку или молодым людям (девушке, парню) (РМС IV: 617; DFDEA: 299).

В качестве конкретных образов вкусной еды в значении привлекательного, желанного, ценного объекта выступают названия сладостей и реже других лакомств: рус. *конфетка* ‘о ком-л., чем-л. хорошем, красивом, привлекательном’ (БАС VIII: 395); исп. *bombón* ‘шоколадная конфета; молодая, очень привлекательная особа’ (DRAE: *bombón*), аналогичным образом в живой речи используются серб. *бомбона* ‘конфета’, *bollicao* ‘рогалик с какао’ и др. Те же эталоны входят в состав сравнений и других устойчивых оборотов: рус. *как конфетка* ‘об эффектно, модно, аккуратно и красиво одетом человеке (чаще ребенке или женщине)’ (Мокиенко 2003: 183); рус. *сделать конфетку из чего-л.* ‘что-л. плохое, негодное сделать хорошим, изменив, переделав до неузнаваемости’: (БАС VIII: 395); серб. *као шећер, као од шећера* «как сахар(ный)» ‘очень милый, красивый, приятный’ (РМС VI: 949 исп. *(dulce) como la miel / el azúcar / el almíbar* «сладкий как мед / сахар / сироп» или *más dulce que la miel / el azúcar /el almíbar* «слаще меда / сахара / сиропа» (DFDEA: 646, 169, 133).

В испанском материале отмечены нехарактерные для русского и сербского языков эталоны красоты и привлекательности: *(ser) canela fina / canela en rama* (досл. «хорошая корица / веточка корицы»), *estar como un queso* (досл. «быть как сыр»), *estar jamón* (досл. «быть хамоном») ‘быть привлекательной внешности’ (DFDEA: 239, 557).

Далее в переосмыслении конкретных вкусов выделим только приоритетные направления в силу ограниченного объема работы.

3. ‘Сладкий’.

3.1. Сладкий вкус ассоциируется с приятным чувством, удовольствием, в том числе чувственным, что обусловило развитие соответствующих переносных значений лексем: рус.

ISBN 978-84-949838-0-1

сладкий ‘4) приятный для слуха, обоняния, осязания <…>; доставляющий чувственное удовольствие’: *сладкий голос, сладкий поцелуй*; ‘5) исполненный счастья, радости’: *сладкое мгновение*; ‘6) заставляющий испытывать удовольствие (о чувствах, мыслях, состоянии человека)’: *сладкие мечты, сладкий сон* (БАС17 XIII: 1141–1142); серб. *сладак* ‘2) а) желанный, полный удовольствия, радости, счастья’: *сон, молодость*; ‘б) приятный для глаз, ушей <…>; симпатичный’: *голос, шутка*; ‘3) а) милый, ласковый; б) прелестный, вызывающий симпатию’ (РМС V: 839); исп. *dulce*: ‘4) приятный, милый, умильный: *сладкий голос*; 5) естественно приветливый, услужливый, мягкий’ (DRAE: *dulce*).

Между исследуемыми языками наблюдаются отличия в референтной отнесенности и частотности некоторых из данных характеристик в речи. Так, сербское прилагательное *сладак* часто употребляется по отношению к предметам (прежде всего в женской речи), а также людям (в первую очередь детям или молодым людям). В русской и испанской речи в таких случаях обычно используются другие характеристики (рус. *милый, симпатичный, прелесть, очаровательный*; исп. *mono, simpático* и под.): например, серб. *слатке ципеле* – рус. *симпатичные туфли* – исп. *unos zapatos muy monos* и т.д.

Положительно окрашенные переносные значения имеют и дериваты рассматриваемых лексем: рус. *сладостный, сладость*; серб. *сласт, сластан, слаткиш*; исп. *dulzura* ‘сладость; нежность, радость; <…> ласковое, приятное слово’ (DRAE: *dulzura*), а также обозначения сахара и меда как основных сладких продуктов: рус. *мед* ‘о приятных словах’, *медовый* ‘приятный, сладостный’, *сахарный* ‘приятный в чувственном отношении’: нар.-поэт. *сахарные уста* (БАС XXIV: 485; IX: 653 и 633); серб. *мед* ‘удовольствие’; серб. *меден* и исп. *meloso* ‘приятный’; серб. *шећер* и *шећерни* (РМС III: 325, 327; VI: 949; DRAE: *meloso*).

Образ меда из всех «сладких образов» чаще всего вносит ассоциации, связанные с удовольствием: исп. *quedarse alguien a media miel* (досл. «у кого-л. осталась половина меда») ‘быть прерванным в процессе получении удовольствия’; исп. *dejar a alguien con la miel en los labios* (досл. «оставить кого-л. с медом на губах») ‘не дать наслаждаться начатым’ (DRAE: *miel*) – ср. концовку русских сказок: *И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*. Известна чувственная символика меда, отраженная и в образе начала супружеской жизни: рус. *медовый месяц* – серб. *медени месец, медени дани* – исп. *luna de miel*. Мед присутствует в образах изобилия, «райской» жизни, что восходит к текстам старинных апокрифов: серб. *мед и млеко (тече)* (досл. «мед и молоко течет»); ср. также серб. *пала му секира у мед* (досл. «у него топор в мед упал») ‘получил большой доход, крупно повезло’ (РМС III: 325); в испанском языке образ лакомства с медом выражает значение чего-либо желаемого, ценного: *miel sobre hojuelas* «мед на слоеном тесте» (DRAE: *miel*).

ISBN 978-84-949838-0-1

3.2.1. Сладкий, или чаще чрезмерно сладкий, приторный вкус может получать негативную трактовку, что в русском и сербском материале, в отличие от испанского, отражено уже в значении самих лексем *сладкий* и *сладак*: рус. *сладкий* ‘7) умильный, приторно-ласковый, чрезмерно любезный’ (*улыбка, голос, слова*) (БАС17 XIII: 1140); серб. *сладак* ‘1д) лицемерно любезный, льстивый, снисходительный’ (РСЈ: 1237); ср. также коннотации лексем во фразеологии: серб. *сладак на језику* ‘сладкоречивый’; *слатко лице правити* (досл. «сладкое лицо делать») ‘подлизываться, стараться понравиться’ (РМС II: 592; V: 839). В этом значении употребляются и производные лексемы, в том числе сложные слова: рус. *слащавый* – серб. *сладуњав* – исп. *dulzón* (а также слова с другим корнем: рус. *приторный* – серб. *отужан* – исп. *empalagoso*); ср. рус. *сладкоречивый* – серб. *слаткоречив*.

Образы сахара и меда также используются в данном отрицательном значении или являются амбивалентными: они служат для характеристики красноречивости, приятного поведения, однако чаще употребляются в ироническом ключе. В значении ‘слащавый, льстивый’ употребляются лексемы: рус. *мед, медовый, сахар, сахарный*; серб. *меден*; исп. *meloso*, а также фразеологизмы: рус. *сахар медович* ‘о льстивом или старающемся казаться благожелательным, допропорядочным человеке’; серб. *мед му тече с уста /с језика, с усана* (досл. «мед течет у него из уст /с языка, губ» ‘(обычно с ирон. оттенком) о том, кто говорит красиво, кто сладкоречив, кто много красиво обещает’; исп. *hacerse alguien de miel* (досл. «кто-л. превратился в мед») и др. (БАС XXIV: 479–480; РМС III: 325; DRAE: *miel, meloso*).

3.2.2. В русском и сербском материале корень *слад-* используется в сложных словах, обозначающих пристрастие к чувственному удовольствию: рус. *сладострастие, сластолюбие, сладострастный* – серб. *сладострашће, сладострастан* и др. По мнению Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, «целый комплекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствие или морально ожидаемую погоню за ними, включает в себя корень слад- <…>. Это соответствует общеязыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм разврата (при том, что склонность к острой или соленой пище оценивается просто как индивидуальное вкусовое пристрастие)» (Зализняк, Шмелев 2003: 348–349). Испанское *dulce* не имеет негативно маркированных переносных значений; связь сладкого и склонности предаваться чрезмерному удовольствию в его словообразовательном гнезде не выявлена.

4. ‘Горький’ и ‘кислый’.

4.1. Горький и кислый вкусы противопоставлены сладкому. Горький вкус, вызывающий неприятные ощущения, используется для обозначения чего-л. трудного, неприятного. Горький

ISBN 978-84-949838-0-1

вкус имеет не только горькая еда, но и желчь, полынь и другие объекты, формирующие образы с негативной символикой. Это отражено в переносных значениях слов (рус. *горький*, серб. *горак*, исп. *amargo*), а также во фразеологии: серб. *јести горак хлеб* (досл. «есть горький хлеб») ‘трудно жить, с трудом зарабатывать на жизнь’ (РМС II: 601); рус. *(ис)пить горькую чашу до дна* ‘в полной мере испытать трудности, лишения’ – серб. *испити / попити горку чашу* (РМС II: 498). Данные обороты отражают библейскую символику: чаша как сосуд, наполненный гневом Бога; горькая чаша как христианский символ страданий; *испить (чашу)* как выражение идеи единения, сопричастия (БФС: 280).

Действие «сделать блюдо горьким или приготовить горькое блюдо кому-л.» выражает значение ‘навредить кому-л., вызвать неприятность’: серб. *загорчати* – исп. *amargar*; ср. серб. *загорчати радост* – рус. *отравить хорошее настроение*; серб. *умесити коме горку погачу* (досл. «замесить для кого-л. горький хлеб»); исп. *amargarle el caldo (a alguien)* (досл. «сделать горьким суп для кого-л.») (DRAE: *caldo*); ср. рус. *насолить*. Данные выражения вписываются в общий контекст приготовления пищи кому-л. с каким-либо добавлением как способа воздействия, прежде всего с желанием навредить кому-л. (Мршевић-Радовић 1987: 108; Пејовић 2015: 98–99).

4.2. Кислый вкус в русском и сербском материале связан прежде всего с унылым настроением: рус. *кислый* ‘испытывающий / выражающий уныние, скуку <…>, недовольный чем-л.’: *кислое выражение лица*; серб. *кисео* ‘выражающий недовольство, плохое настроение, мрачный, хмурый’ (БАС VIII: 78; РМС II: 712). Подобное настроение передают глаголы: рус. *киснуть* и серб. *киселити се*; а также обороты: рус. *сделать кислую мину* – серб. *направити кисело лице* со значением недовольства (Млт: 131; Оташ: 417, 468).

Испанские прилагательные *agrio* и *ácido* ‘кислый’ описывают не унылое настроение, а используются в значении ‘резкий’, ‘едкий’ (в переносном смысле): напр., *genio agrio* ‘желчный карактер’, *respuesta agria* ‘резкий ответ’ (DRAE: *agrio, ácido*). Вместе с тем имеется оборот исп. *mascar las agrias* (досл. «жевать цитрусовые») со значением ‘прикрывать недовольство или плохое настроение’ (DRAE: *agrio*).

5. ‘Соленый’.

Соль является основной приправой, без которой пища остается пресной, безвкусной, а также средством сохранения пищи, очищения, тем самым издавна соль представляет большую ценность для человека. В Библии соль олицетворяет чистоту: в Старом Завете связь между Богом и еврейским народом называется «соленым союзом», а в Новом Завете Иисус призывает своих учеников быть «солью земли», т.е. нести истину Христа, духовную пищу. Для древних

ISBN 978-84-949838-0-1

римлян соль символизировала интеллект, остроумие, изобретательность, даже сарказм, а также дружбу и гостеприимство (Ševalije, Gerbran 2009: 856–857). В славянской народной культуре соль является символом достатка, магическим средством, ассоциируется с умом, дружбой и др. (Славянские древности V: 113).

Данная символика соли широко отражена в исследуемом материале: рус. *соль земли* ‘самое главное, самое ценное, самое важное (о людях)’ – исп. *la sal de la tierra* (Млт: 446; Zholobova: 2015); серб. *со соли* (досл. «соль соли») ‘суть чего-л., самое важное’ (PCJ: 1251). В контексте остроумия или других способностей человека используются слова и обороты: рус. *соль* ‘то, что составляет остроту слов, речи; остроумие’ (БАС17 XIV: 239); рус. *аттическая соль* ‘книжн. тонкое, изящное остроумие; изящная шутка’ (Млт: 445); исп. *sal* ‘остроумная манера говорить; хорошие манеры’; исп. *salado* ‘остроумный или шутливый’ (DRAE: *sal*, *salado*); серб. *имати соли у глави /у тикви* (досл. «иметь соль в голове /в тыкве») ‘быть сообразительным, разумным’ (Оташ: 858); исп. *estar alguien hecho de sal* (досл. «быть сделанным из соли») ‘быть остроумным, веселым, в настроении’ (DRAE: *sal*).

Наряду с собственно остроумием, образы соли выражают значение пикантности или грубой непристойности: исп. *sal gorda / gruesa* (досл. «крупная соль») ‘грубая или примитивная, непристойная острота’; исп. *sal y pimienta* (досл. «соль и перец») ‘пикантная, непристойная или злая шутка’ (DFDEA: 904). Словари фиксируют значение ‘непристойный’ у слов рус. *соленый* и серб. *слан*, при этом в живой речи для этого чаще используется характеристика ‘жирный’ и под.: например, рус. *сальный анекдот*; серб. *масна шала* (досл. «жирная шутка») и т.д. (РМС III: 309).

Традиции гостеприимства, дружбы связаны с обычаем угощения гостя хлебом с солью, описанным античными авторами (Lejavitzer Lapoujade 2008). Эти образы отражены и во фразеологии исследуемых языков: рус. *водить хлеб-соль /хлеб и соль с кем-л.* ‘находиться в дружеских отношениях’; серб. *дочекати (некога) с хлебом и сољу* ‘встретить гостеприимно кого-л.’; *јести с неким хлеб и со* ‘жить в согласии и дружбе’; рус. *забывать хлеб-соль чью, какую* ‘проявлять неблагодарность по отношению к тому, кто оказал гостеприимство и расположение’; рус. *несолоно хлебавши* ‘обманувшись в своих ожиданиях’; исп. *negarle (a alguien) el pan y la sal* (досл. «отказаться дать кому-л. хлеб с солью») ‘отвергнуть кого-л., отрицать чьи-л. заслуги’ (Млт: 507; 74, 160; DFDEA: 730).

Соль и соленый вкус во всех трех языках также часто используются в образах воздействия: рус. *насолить кому-л.* – исп. *salar* ‘навредить’ на Кубе, в Колумбии, Мексике (БАС XI: 350; DRAE: *salar*); см. о связи приготовления пищи и влияния на кого-л. в п. 4.1; серб. *солити некоме мозак / памет* (досл. «солить кому-н. мозги / ум») ‘ирон. поучать кого-л,

ISBN 978-84-949838-0-1

навязывать свое мнение’; ср. исп. *poner sal a alguien en la mollera* (досл. «добавить соли кому-л. в голову / мозги») ‘вразумить кого-л., наказав’ (DRAE: *sal*).

6. Анализ образной лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков подтверждает важное значение вкуса как способа познания и оценки мира человеком, что восходит к глубокой древности. «Ощутить вкус», «попробовать» означает испытать различные ощущения, получить знания, «вкусить от древа познания добра и зла», т.е. научиться отделять одно от другого. На базе вкусовых характеристик сформирован целый ряд других оценок.

Вкус переосмысливается в контексте эстетики (хороший / плохой вкус), а также желаний и склонностей человека. Вкусная еда, прежде всего сладкая, прочно связана с идеей удовольствия, что широко отражено в лексике и фразеологии исследуемых языков. Значение вкуса как удовольствия в испанском материале оформлено в качестве узуального переносного значения лексемы *gusto* и в целом ряде этикетных формул.

Обозначения вкусной еды, сладостей, а также других лакомств служат эталонами красоты, привлекательности (чаще всего ребенка или женщины, реже мужчины) или чего-либо приятного, желанного, ценного (объекта, жизни в целом). При этом в испанском материале содержатся некоторые эталоны привлекательности, не характерные для родственных русского и сербского языков (корица, сыр, хамон).

Прилагательные, обозначающие сладкий вкус, широко используются для характеристики объектов, которые нравятся; при этом отличительной особенностью сербского языка является активное употребление данных оценок по отношению к предметам, а также детям или молодым людям. Образы сладких продуктов (в первую очередь меда) отражают чувственную символику, передают значения удовольствия, счастья, а также ценности кого-л. или чего-либо.

Негативное переосмысление сладкого вкуса связано с идеей льстивости, неискренности. Как правило, речь идет о чрезмерно сладком, т.е. приторном вкусе. Данная идея оформлена и в переносном значении рус. *сладкий* и серб. *сладак*, в отличие от исп. *dulce*, имеющем только положительные коннотации. Ряд славянских лексем, включающих корень *слад*-, выражает идею осуждаемого стремления к чрезмерному удовольствию; в испанских аналогах данная связь не выявлена.

Горький и кислый вкусы, воспринимаемые как неприятные, используются преимущественно в сходных образах негативных ситуаций. Кислый вкус в русском и сербском языках больше, чем в испанском, выражает идею уныния, недовольства, тогда как в испанском

ISBN 978-84-949838-0-1

материале происходит сближение значений ‘кислый’ и ‘острый, едкий’, на базе чего сформированы характеристики язвительности человека, его характера, речи.

Соль как основная приправа и древнейший символ присутствует в целом ряде образов, восходящих ко многим верованиям, обычаям, ритуалам и т.д. При помощи данных оборотов передаются различные значения, а наиболее часто – значения ценности, сути чего-л., остроумия, гостеприимства и др. Описания невкусной и несоленой еды служат метафорами неинтересного, невыразительного и под.

Русский и сербский как родственные языки обнаруживают бóльшую степень подобия в исследуемом материале по сравнению с испанским языком, однако в нескольких случаях в выявлена бóльшая близость образов в современном русском и испанском материале (особенности переносного употребления лексем со значением ‘вкус’, ‘невкусный’).

Список литературы

БАС: Большой академический словарь русского языка (2004–2017), 1–24. М.–СПб: Наука.

БАС17: Словарь современного русского литературного языка (1950–1965), 1–17. М.–Л.: Наука.

БФС: Большой фразеологический словарь русского языка (2009). Отв. редактор В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС.

Виноградов В. В. (1999): История слов. М.: РАН.

Добровольский Д. О. (1997): Национально-культурная специфика во фразеологии (I), Вопросы языкознания, 6, 37–48.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. (2003). Компактность vs рассеяние в метафорическом пространстве языка, Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 344–349.

Зыкова И. В. (2014): Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. Автореферат … дис. доктора филол. наук. М.: РАН.

Ковшова М. Л. (2016): Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М., ЛЕНАНД.

Лакофф Дж., Джонсон М. (1987): Метафоры, которыми мы живем, Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 126–170.

Левинтова Э. И., ред. (1985): Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. язык.

Млт: Молотков А. И., ред. (1986): Фразеологический словарь русского языка. М.: Рус. язык.

Мокиенко В. М. (1989): Славянская фразеология. М.: Высшая школа.

Мокиенко В. М. (2003): Словарь сравнений русского языка. СПб: Норинт.

ISBN 978-84-949838-0-1

Мршевић-Радовић Д. (1987): Фразеолошке глаголско-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику. Београд: Филолошки факултет.

Оташ: Оташевић Ђ. (2012): Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј.

Пејовић А. (2015): Контрастивна фразеологија шпанског и српског језика, Крагујевац: ФИЛУМ.

РМС: Речник савременог српскохрватског књижевног језика (1967–1976). Т. 1–6. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска.

РСЈ: Речник српскога језика (2007). Нови Сад: Матица српска.

РусФраз: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Русская фразеология: историко-этимологический словарь. Под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

Славянские древности (2014). Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отнош.

Тананушко (2015): Латинско-русский словарь. Минск: Харвест.

References

DRAE: Real Academia Española (2014): Diccionario de la lengua española (23.ª edición). Madrid: Espasa. Электронное издание, доступное на сайте: www.rae.es

DFDEA: Seco M., André O.; Ramos G (2004): Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. Madrid: Aguilar.

Imami P. (2003): Beogradski frajerski rečnik. Beograd: NNK International.

Lejavitzer Lapoujade A. (2008): El pan y la sal: hacia una poética del gusto en el epigrama de Marcial, Acta Poética 29/1, 203–222.

Ševalije Ž., Gerbran A. (2009): Rečnik simbola. Beograd: Stylos.

Zholobova A. (2015): La fraseología desde la dimensión cultural, XLinguae Journal, 8/1, 11–27.

ISBN 978-84-949838-0-1

ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Григорянова Татьяна
Экономический университет в Братиславе, Словакия
tatjana.grigorjanova@euba.sk

PROCESSES OF TERMINOLOGIZATION AND DETERMINOLOGIZATION OF ECONOMIC VOCABULARY

Grigorjanová Tatjana
Ekonomická univerzita v Bratislave, Slovensko

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются процессы терминологизации и детерминологизации экономической лексики современного словацкого и русского языков. Автор статьи отмечает активность данных процессов, приводящих к взаимовлиянию профессионального и обиходно-разговорного языков. Указанные процессы тесно связаны с тенденциями демократизации и интеллектуализации литературного языка.

ABSTRACT

The article deals with an analysis of processes of terminologization and determinologization of economic vocabulary in modern Slovak and Russian languages. The author of the article notes the activity of these processes, leading, to mutual interference between professional and common language, and are closely related to the tendencies towards democratization and intellectualization of the language.

Ключевые слова: языковые процессы, интеллектуализыция, демократизация, терминологизация, детерминологизация.

Keywords: language processes, intellectualization, democratization, terminologization, determinologization.

* Печатается в соответствии с грантом VEGA 2/0067/18 *Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch* и KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifík modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Введение

Динамические процессы являются частью естественного эволюционного развития системы языка, но в некоторых переломных периодах развития общества они отличаются повышенной интенсивностью. Наиболее заметно это проявляется на лексическом уровне, который наиболее чувствительно реагирует на социально-политические, культурные и

ISBN 978-84-949838-0-1

экономические изменения в обществе. Одной из тенденций в развитии современных языков является стремительное увеличение терминологической лексики, употребляемой не только в профессиональной, но преимущественно в непрофессиональной сфере.

В этой связи проявляются две основные тенденции в развитии лексической системы, – тенденция к демократизации и тенденция к интеллектуализации. Тенденция к демократизации затрагивает область разговорного языка и сопровождается проникновением разговорной и сленговой лексики в общеупотребительную лексику. Тенденция к интеллектуализации отличается активным использованием профессиональной лексики, в том числе и узкоспециализированных терминов, неспециалистами. Это свидетельствует об укреплении статуса и возрастающем значения профессионального языка в обществе. Эти тенденции, в свою очередь, тесно связаны с процессами терминологизации непрофессиональной и детерминологизации профессиональной лексики.

В статье уделяется внимание процессам терминологизации и детерминологизации профессиональной экономической лексики на материале современного словацкого и русского языков. В настоящее время экономическая терминология выходит за рамки чисто профессиональной коммуникации и в актуализированной форме активно используется в различных непрофессиональных коммуникативных ситуациях и соответствующих речевых жанрах.

Терминологизация

Термин является исключительно эффективным средством передачи информации. С точки зрения информационного содержания термин выражает в сжатой форме описание или дефиницию определенного понятия. Это компактный носитель информации, способствующий языковой экономии, которая в настоящее время также считается характерным явлением развития языка.

Под терминологизацией понимается языковой процесс, при котором слово из общеупотребительной лексики приобретает статус термина в определенной профессиональной области (Horecký, Buzássyová, Bosák 1989: 260), причем в результате его адаптации в новом контексте меняется семантика слова и формируется новое терминологическое значение (Poštolková 1984: 92).

Например, лексема *карусель* в значении «развлекательный аттракцион в форме вращающейся кольцевой конструкции» относится к общеупотребительной лексике. Однако в последнее время она стала использоваться в более специфическом значении для названия вида налогового мошенничества, при котором несколько взаимосвязанных компаний незаконно

ISBN 978-84-949838-0-1

обогащаются на возмещении государством налога на добавленную стоимость (*daňový podvod typu „kolotoč“ // налоговая карусель*). Это относительно новое терминологическое словосочетание из юридической и экономической области, которое находится на ранней стадии терминологизации. В словацких текстах оно часто выделяется кавычками и пока не фиксируется в соответствующих терминологических словарях. Как и многие другие терминологизированные единицы этот новый термин возник в результате процесса метафоризации по аналогии с движением по кругу (движение фиктивных счетов-фактур по кругу фирм). Постепенное усваивание лексемы в профессиональной области подтверждают производные прилагательные *kolotočový // карусельный* в сочетаниях *kolotočový podvod // карусельная схема*.

В процессе терминологизации значение общеупотребительной лексемы подвергается более точной дифференциации, спецализаци и последующему сужению значения. Например, для названия биржевых маклеров, спекулирующих на повышении или понижении курса акций на фондовом или криптовалютном рынке, используются общеупотребительные лексемы *býk* // *бык* и *medveď* //*медведь,* которые таким образом терминологизировались за счет сужения значения, ограничения лексической сочетаемости и большей специализации. Позже появились также терминологические сочетания *býči, medvedí trh // бычий, медвежий рынок* и др. Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с семантической калькой из английского *(bulls, bears).*

Еще одним примером проявлением специализации термина является присоединение к нему иного компонента или компонентов, например, уточняющих определений, в результате чего возникают составные наименования (Poštolková 1979: 17).

Некоторые терминологические сочетания можно разложить на компоненты (*colná bariéra, daňová imunita // таможенный барьер, налоговый иммунитет*), иные представляют собой единое целое и, как правило, они фразеологизированы (*biele goliere, modrý žetón // белый воротник, голубая фишка*).

Способы терминологизации

Некоторые лингвисты (например, Poštolková 1980: 54-55) выделят семантическую, словообразовательную, синтаксическую и смешанную синтактико-семантическую терминологизацию. К семантическому типу терминологизации можно отнести процессы, связанные с сужением или расширением лексического значения общеупотребительной лексемы, куда входит в первую очередь метафоризация, метонимизация, а также заимствование терминов из других терминосистем, что сопровождается изменением значения

ISBN 978-84-949838-0-1

(Гринев-Гриневич 2008: 123). Семантический способ терминологизации считается весьма продуктивным. Однако важно, чтобы между объектом терминологической номинации и предметом, название которого было использовано в качестве термина, наблюдалась общая связь (Циткина 1988: 46).

Основное внимание мы уделяемметафоризации как семантическому процессу, основанному на модификации значения лексической единицы путем переноса наименования от одного предмета, явления на другой, основанного на сходстве (Валгина 2003: 88). Как отмечает С. В. Гринов-Гриневич (2008: 126), значение непрофессиональной лексемы, как правило, изначально метафоризируется на основе внешнего сходства, а позже – на основе функционального сходства называемых предметов или явлений. Например, лексемы *nožnice, pyramída, prázdniny, kobra, коридор, буферный, корзина* терминологизировались посредством метафоризации в рамках терминологических сочетаний *cenové nožnice (ножницы цен), finančná pyramída (финансовая пирамида), daňové prázdniny (налоговые каникулы), daňová kobra (налоговая кобра), валютный коридор*, *буферное государство*, *потребительская корзина* и др.

К терминологизациии можно отнести и транстерминологизацию, т. е. перенос терминов из одной терминосистемы в другую, сопровождающийся определенным семантическим сдвигом. В принципе, мы имеем дело с межотраслевой омонимией или полисемией в результате заимствования имеющегося термина терминосистемой другого направления (Masár 1991, s. 150). Например, словацкий термин *amortizácia* используется в нескольких значениях: 1. погашение долга; 2. моральный износ; 3. официальное заявление о недействительности документа. Русская лексема *эвакуация* кроме значения „организованный вывоз жителей, техники и т.п. из опасной зоны“ приобрела в словосочетании *эвакуация машины* новое значение „вид наказания за нарушение правил парковки в форме вывоза на штрафную площадку“. Интересно отметить, что в словацком языке такой аналогии мы не находим.

Детерминологизация

Детерминологизация выступает в качестве противовеса терминологизации. Это языковой процесс превращения термина в общеупотребительное слово. Термин, выступая в нетерминологическом контексте, теряет свою специфику, характерные черты, такие как систематичность, точность, уникальность, номинация. Он становится более образным, семантически неопределенным, менее точным, приобретающим свойства

ISBN 978-84-949838-0-1

общеупотребительного слова и входящим в состав общеупотребительной лексики (Poštolková 1980: 55).

Детерминологизация направлена на повышение степени понимания текста. Детерминологизированная лексика теряет свою смысловую определенность, приобретает более общее значение, изменяет свою семантику, стилистическую характеристику, лексическую сочетаемость и переходит от научного стиля к публицистическому, в частности разговорному (Buzássyová, 1983: 135 – 136).

Исследования в области детерминологизации проводятся в нескольких направлениях. Традиционный подход к этому явлению, основанный на концепции А. А. Реформатского (1967), понимает детерминологизацию как процесс, в котором термин, переходя в сферу обиходного языка, настолько меняет свою семантику, что теряет свои существенные свойства и перестает быть термином. Сторонники окказионального подхода (например, Капанадзе 1965, Фомина 2001 и др.) придерживаются мнения, что лексема выступает в качестве термина только в рамках своей узкоспециализированной области, и все случаи ее проникновения за пределы соответствующей терминологической системы следует отнести к детерминологизации. Другие лингвисты (например, Валгина 2003, Лейчик 2000 и др.) под детерминологизацией понимают трансформацию семантического содержания терминологической единицы в результате метафорического переноса наименования в общеупотребительном языке, что в конечном итоге приводит к созданию нового значения.

Постоянное взаимодействие между общеупотребительной и профессиональной лексикой проявляется также в том, что сфера применения отдельных терминов расширяется. Находясь в нетипичных контекстах, узкоспециализированные термины приобретают новые значения, становятся менее точными и более абстрактными. В результате полной детерминологизации термины теряют свои характерные свойства и становятся частью общеупотребительной лексики. Например, лексемой *эмбарго* в экономической и правовой сфере выражается форма запрета на экспорт и импорт определенных товаров в определенные страны. В настоящее время этот термин стал использоваться в более широком смысле в публицистическом стиле для обозначения запрета на любые действия, о чем свидетельствуют словосочетания: *informačné, letecké, privatizačné embargo, embargo na reklamu, информационное эмбарго.* В таких случаях исходный термин сохраняет свой статус термина в определенной терминосистеме, но одновременно используется в обиходном языке как детерминологизированная единица. Такое параллельное функционирование лексемы в качестве терминологической и нетерминологической единицы Б. Поштолкова относит к явлению межсистемной омонимии (Poštolková 1980: 56).

ISBN 978-84-949838-0-1

Благодаря процессу детерминологизации значительно обогащается словарный запас литературного языка, что тесно связано с тенденцией к демократизации языка, причем, в то же время, процесс детерминологизации можно рассматривать как проявление интеллектуализации языка.

Детерминологизация экономической лексики в публицистическом стиле

Термин, который не является общеизвестным, требует определенного способа включения в непрофессиональный текст. Поэтому принято выделять несколько этапов детерминологизации термина. На первом этапе термин деспециализируется. Это значит, что узкоспециализированная лексема проникает в непрофессиональный текст, причем продолжает сохранять свое основное терминологическое значение, изменив только сферу своего применения, и начинает выполнять другие функции в нестандартном для нее контексте. Таким образом, она реализует свой скрытый смысловой потенциал и стилистические возможности, которые могут проявиться в новом контексте. Термин может быть использован без объяснения его значения, если предполагается, что частым использованием он может стать достаточно понятным для реципиентов, или может сопровождаться пояснительным комментарием. Высокая степень употребления термина в новом контексте происходит на втором этапе адаптации термина в обиходном языке, что уже является его детерминологизацией. Е. В. Кузнецова выделяет три этапа детерминологизации: 1) использование термина в публицистическом дискурсе; 2) адаптация термина за счет изменения его значения и использования в нетипичном контексте в переносном значении; 3) полная детерминологизация слова, которое теряет свое узкоспециализированное значение приобретая новое производное значение, становится нейтральным (Кузнецова 1989: 176-177).

Процессы детерминологизации отражают растущие требования общества, предъявляемые к общему уровнью знаний носителей языка. Этому в значительной степени способствует популяризация научных достижений и знаний, которые становятся доступными для широкой общественности. Роль посредника в предоставлении этой информации играют средства массовой информации.

Публицистический стиль специфичен тем, что специальная проблематика интерпретируется в нем в упрощенной популяризированной форме. Термины (в том числе экономические), которые в нем используются, предназначены не только для специалистов, но и для непрофессионалов. В публицистическом стиле термины могут употребляться как в прямом, так и в переносном, метафорическом значении. Если термин используется в публицистическом тексте в переносном значении, он оказывает сильный экспрессивный

ISBN 978-84-949838-0-1

эффект на реципиента. Термин, который в основном неэмоционален, как правило, приобретает за счет метафоризации значительную эмоционально-выразительную и оценочную коннотацию.

Процентное выражение терминологических единиц из разных профессиональных областей, используемых в первую очередь в средствах массовой информации, неодинаково. Некоторые термины проникают в эту сферу более активно, что связано не только с развитием и популяризацией определенной специфической области, но и с актуальной социально-политической ситуацией в обществе.

В этой связи Н. Н. Мелех (2004: 54-56) выделяет информационно-приоритетное и информационно-актуальное поле. Информационно-приоритетное поле определяется как терминологическое поле из такой терминологической области, которая в определенный период играет существенную роль в жизни общества, и поэтому это поле и является главным источником, из которого мигрируют термины в обиходный язык.

Исходя из сплошной выборки практического языкового материала, можно констатировать, что очень активно детерминологизируются термины из области медицины (*finančný kolaps, inflačný šok, daňová imunita, финансовая агония, анемичная экономика)*, спорта (*hra na burze, ekonomickí hráči, аутсайдеры торгов, инфляция галопирует)*, архитектуры *(finančná pyramída, cenový strop рыночная ниша, валютный коридор)*, техники *(úverová brzda, úverová špirála, ножницы цен, экономический рычаг)*, военной области *(cenová intervencia, cenová vojna, маневры на рынке, защита валюты)* и других. Проникновение большого количества экономических терминов в общеупотребительную лексику обусловлено глобальными процессами в мировой экономике, которые затрагивают общество в целом, и поэтому эта область является важным источником обогащения общеупотребительной лексики *(import demokracie, politický kapitál, дефицит времени, кредит доверия).*

В информационно-актуальное поле входят важные события, которые непосредственно влияют на все общество и инициируют высокую частотность использования определенных терминов или терминологических сочетаний, которые были усвоены носителями языка за относительно короткое время. Как правило, этот процесс сопровождается каким-то сильным эмоциональным фактором. В разных промежутках времени любое терминологическое поле может стать информационно-приоритетным и под влиянием определенного события оно может актуализироваться (Мелех 2004: 54-56). Например, в 1990-е годы в Словакии таким событием была приватизация государственных предприятий, в которой могли принимать участие все не лишенные правоспособности граждане. Тогда посредством СМИ до сведения широкой общественности были доведены новые терминологические сочетания типа *kupónová*

ISBN 978-84-949838-0-1

privatizácia, prvá vlna, druhá vlna, previs akcií, malá privatizácia, veľká privatizácia, investičný kupón, kupónová knižka и т. п. Не так давно Европейский Союз, включая Словакию, пострадал от глобального финансового кризиса, последствия которого очень серьезно проявились сначала в Греции. Ожесточенные дискуссии по поиску решения этой проблемы и возможного финансового участия Словакии в финансовой помощи Греции способствовали появлению новых терминов, таких как *prvý, druhý, dočasný, trvalý euroval, finančný stabilizačný mechanizmus, dlhová kríza, záchranná pôžička* и т. п. В России в 1998 году произошло важное событие, которое отрицательно повлияло на все общество в результате принятия финансовых мер, повлекших за собой общую девальвацию рубля и финансовую несостоятельность государства. Такую ситуацию принято в экономической области называть термином дефолт. В Словакии этот термин знают только специалисты, но обычные пользователи языка испытывают затруднения при толковании его значения. Однако в России значение слова *дефолт* понятно почти всем носителям языка, поскольку указанное выше событие существенно затронуло подавляющую часть населения в виде невыплаченной заработной платы или пенсии, потери жизненных накоплений и резкого снижения уровня жизни.

Заключение

Терминологической лексике отведено важное место в лексической системе языка. Будучи элементами терминосистем, термины существенно отличаются от общеупотребительной лексики. Однако терминологическая и общеупотребительная лексика находятся в тесном контакте, подвергаясь взаимному влиянию, что в свою очередь инициирует процессы терминологизации и детерминологизации. При этом много одних и тех же лексем или словосочетаний используются параллельно в профессиональной и непрофессиональной сферах.

Это взаимовлияние проявляется не только в количественном, но и в качественном плане. С одной стороны, в обиходном языке появляются новые терминологические лексемы без терминологического значения, а с другой стороны, в терминологическую систему проникают элементы обиходного языка, выступающие в качестве наименований новых явлений. Важным источником обогащения словарного запаса литературного языка является и экономическая терминология.

Список литературы

Валгина Н. С. (2003): Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие Москва: Логос.

ISBN 978-84-949838-0-1

Гринев-Гриневич С. В. (2008): Терминоведение. Учебное пособие. Москва: Академия.
Капанадзе Л. А. (1965). Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики, Развитие лексики современного русского языка. Москва: Наука, 23–36.
Кузнецова Э. В. (1989). Лексикология русского языка. Учебное пособие. Москва: Высшая школа.
Лейчик В. М. (2000): Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века, Вопросы филологии. Москва: Институт языкознания РАН, № 2, 20–30.
Мелех Н. Н. (2004): Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику: Экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и руссских текстов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорск.
Реформатский А. А. (1967): Термин как член лексической системы языка. Проблемы структурной лингвистики. Москва: Наука.
Фомина М. И. (2001): Современный русский язык. Лексикология. Москва: Высшая школа.
Циткина Ф. А. (1988). Терминология и перевод. К основам сопоставительного терминоведения. Львов: Издательское объединение «Вища школа» (ЛГУ).

References

Buzássyová K. (1983): Dynamika v odbornej terminológii, Jazykovedný časopis, 34, 132-143.
Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. (1989): Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Veda: Bratislava.
Masár I. (1991): Príručka slovenskej terminológie. Bratislava: Veda.
Poštolková B. (1979): K terminologizaci slovní zásoby v češtině, Slovo a slovesnost, Vol. 40, No. 1, 11– 8.
Poštolková B. (1980). K specifičnosti významu termínů, Slovo a slovesnost, Vol. 41, No. 1, 54-56.
Poštolková B. (1984): Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny. Praha: Academia.

ISBN 978-84-949838-0-1

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОРОЖДЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКОГО АНЕКДОТНОГО ТЕКСТА: ЧЕРНЫЙ ЮМОР В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Диасамидзе Виктория Григорьевна
Батумский государственный университет, Грузия
victoria.diasamidze777@mail.ru

GENERAL AND PARTICULAR REGULARITIES IN THE PROCESS OF JOKE TEXT GENERATION: BLACK HUMOUR IN RUSSIAN AND FRENCH LINGUOCULTURES

АННОТАЦИЯ

Исследование современного городского фольклора способствует сравнительному изучению поведения коммуникантов различных лингвокультурных социумов. В корпусах исследованных нами анекдотов черного юмора значителен разрыв в русском и французском материалах. Французский чёрный юмор лидирует с перевесом втрое по сравнению с данными русских текстов. Как русские, так и французские тексты носят биофильную направленность, выполняя защитную функцию; в редких случаях они имеют некрофильную ориентацию, демонстрирующую проявление силы и агрессии. Содержание текстов тональности мрачного мироощущения не свойственно анекдотам обоих корпусов текстов. В этом плане русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора. Количественный перевес текстов французского материала объясним давностью традиции, восходящей к сюрреализму Бретона.

ABSTRACT

The study of modern urban folklore contributes to the comparative study of the communicative behavior of various linguo-cultural societies. There is a significant difference between Russian and French jokes of black humor. French black humor jokes are found three times as much as compared to Russian joke texts. Both Russian and French black humour jokes have a biophilic orientation and exercise the protective function. Nevertheless, on very rare occasion, necrophilic orientation can also be observed and is displayed through manifestation of force and aggression. Overall, gloomy tonality for the world perception is not characteristic for both text bodies. In this respect French and Russian jokes are etimologically close to the traditional understanding of humour.

Ключевые слова: городской фольклор, «черный юмор», корпусы текстов, сюрреализм Бретона, анекдот.

Keywords: modern urban post-folklore, jokes, black humor, comparative analysis.

ISBN 978-84-949838-0-1

Целью исследования является сравнительная характеристика закономерностей черного»юмора и анализ его особенностей в русском и французском лингвокультурных социумах. Актуальность работы состоит в том, что она способствует заполнению лакун в изучении самого продуктивного явления современного постфольклора и выявляет лингвокультурную дифференциацию и универсалии двух различных социумов на обширном лингвистическом материале. Наличие этого явления в современном городском постфольклоре в той или иной тональности – агрессивной, философской, мрачной и др. в различных социокультурных условиях и у разных этносов свидетельствует о единении человечества перед неизбежной реальностью в жизни.

А.Х. Маслоу, один из психологов, серьезно исследовавших позитивные измерения человеческого, считает, что одной из основных характеристик обычного человека, у которого ничто не отнято, является философское, невраждебное чувство юмора, ибо человек, который не может создавать, хочет разрушать (Маслоу 2008: 25). Этим компенсаторным насилием он мстит жизни за то, что она его обделила и отняла способность позитивно проявлять свои специфические человеческие силы, как считает Эрих Фромм, говоря о различных формах насилия. Именно деструктивность отчаяния, возникшая в результате разочарования в вере и любви к жизни, делает человека циником (Фромм 2010: 248). Отметим тесную связь элементов насилия, присутствующих в чёрном юморе, с некрофильной социальной ориентацией, означающей в широком понимании влечение ко всему неживому. «Для некрофила характерна установка на силу, - отмечает Э. Фромм. – Сила есть способность превратить человека в труп... В конечном счёте, всякая сила покоится на власти убивать.., отнять свободу.., «всего только» унизить... Кто любит жизнь, основной полярностью в человеке является полярность мужчины и женщины, для некрофилов существует совершенно иная полярность... Для них существует только два пола: «могущественные и лишенные власти, убийцы и убитые» (там же: 32).

«Игра с внеэтическим пространством, которая состоит в нарушении этики смеха в эстетических целях, создает особый жанр – черный юмор», подчеркивает Н.Г.Брагина (Брагина 2007: 623). В жанре анекдота этот «поджанр» занимает особое место, а в некоторых социумах - одно из центральных мест по частоте встречаемости в исследуемых текстах.

Необходимо учитывать и мнение этологов, в частности, Лоренца, помогающее пролить свет на связь смеха с агрессией и понять некоторые нюансы черного юмора. Связывая смех с агрессией, ученый утверждает, что смех современного человека происходит из фен**о**мена исходной животной агрессивности (Лоренц 1994). Ту же мысль мы находим у Н.Г.Брагиной, полагающей неслучайным фактом то, что группа слов, описывающих агрессивный смех – самая многочисленная (Брагина 2007: 615). Критик и теоретик истории кинокомедии Р.

ISBN 978-84-949838-0-1

Юренев приводит около сорока оттенков смеха в зависимости от характера эмоций, сопутствующих юмору. Любопытно отметить, что из приведенного списка лишь менее половины оттенков смеха носят положительный характер (Юренев 1980). В то же время юмор по определению, в отличие от смеха, всегда по своей сути доброжелателен и выражает позитивное отношение к предмету осмеяния. В этом плане появление в фольклоре XX века т.н. черного юмора даёт повод к размышлению об уровне душевного комфорта и состоянии психического здоровья человеческой общности. С другой стороны, смех и смерть неразлучны, ибо это понятия вечные и философские и не зря философы полагают, что нет ничего ужаснее, чем мир без смеха. Н.Д.Арутюнова отмечает, что «уже в античности смех, вырываясь на волю, соединял в себе безграничные страсти, идущие в противоположных направлениях – к зарождению и расцвету живой жизни и к её увяданию и смерти» (Арутюнова 2007: 5). Таким образом, черный юмор совмещает в себе две ипостаси бытия, - печальный опыт прошлого и неистребимую надежду в будущее, ибо «наш опыт пессимистичен, но наша вера – оптимистична» (Андреев 1978: 285-286).

На почве печального опыта двух мировых войн в 60-е годы прошлого века зародилось одноимённое литературное течение «поколения aquarius», с проявлениями этического и анархичного протеста. Однако теоретическое оформление феномена следует отнести именно к предвоенному десятилетию. Сам термин «черный юмор» появился в XX веке от французского словосочетания *humour noir*. В 1880-е годы встречается у символиста Гюисманса, однако в широкое употребление введён адептами сюрреализма и в первую очередь, А. Бретоном, составившим в 1939 году «Антологию чёрного юмора» (Бретон 1999).

Что же произрастает на почве русского и французского юмора и насколько велик в нем «розарий» тоски и печали? Сравнение общей массы коротких юмористических текстов, содержащих черный юмор, показывает, что русский и французский черный юмор лежат на периферии других тем и не занимают «зрачок», центральную часть обсуждаемых тем городского постфольклора. В отобранных нами корпусах анекдотов обоих языков, с точки зрения количественного присутствия в них «черного юмора», отметим значительный разрыв в русском и французском текстовых материалах. В русском фактическом материале, взятом из периодических сборников и рубрики «Чёрный юмор» в интернете (Серия сборников «Анекдоты»: 2004-2017), такие анекдоты, которые трудно назвать веселыми историями, составляют всего четыре процента от всего материала объёмом в одну тысячу текстовых единиц, то есть всего около сорока текстов.

Прежде всего, отметим, что в подавляющем большинстве проанализированных случаев чёрный юмор выполняет, скорее, защитную функцию. Традиционное присутствие в народном

ISBN 978-84-949838-0-1

духе погребального комизма можно объяснить стремлением преодолеть уныние и подавленность «синдрома выгорания». Этим объясняется специфика чёрного юмора, связанного с посещением обителей печали: *—Ходит охранник по кладбищу и читает: "Здесь покоится...., здесь спит..." Почесал затылок и говорит: "...! Все отдыхают, один я работаю!"* или другой текст о морге: *— Приходит человек в морг по печальной надобности, спускается — а на столе возле входа три трупа мужчин лежат и все трое во весь рот улыбаются. Посетитель обращается к патологоанатому: мол, у вас здесь — морг или цирк, чего это они все улыбаются? — А,... первый пошел в казино, проигрался в пух и прах, перезанял, на последние купил жетон, бросил в "Однорукого" и джек-пот выпал. он от счастья и... — А со вторым что? — Этот вообще примерный семьянин, тридцать лет уговаривал жену... Наконец уломал. И на вершине блаженства от инфаркта к нам и отправился, дело известное, бывает. — Ну а третий чего улыбается? — Этого молнией шарахнуло... — Ну и?.. — Думал, что его фотографируют.*

Трагикомическая «диалектика» особенно свойственна французскому народному характеру, позволяя говорить об искромётном галльском юморе. Регистр французского черного юмора намного вариативнее и по содержанию, и по степени «литературности» текстов, а также превосходит количеством традиционных рубрик. Заметим, что во Франции почти ежегодно выходят Энциклопедии и Большие Словари анекдотов и специализированные Словари Черного юмора, содержащие истории на злобу дня (Le Grand Dictionnaire des blagues: 2012 ; L'Encyclopédie des blagues : 2012).

Как показал фактический материал, французский чёрный юмор лидирует с перевесом более, чем втрое и составляет 13 % от равного и общего количества исследованных текстов. То есть, если в русском современном городском фольклоре каждый 40-й анекдот можно отнести к разряду т.н. черных, то во французских фольклорных коротких текстах мрачная тематика затрагивается в 130 текстах на тысячу, то есть почти в каждом тринадцатом. Отметим, что во французском Большом Словаре Анекдотов печальный опыт жизненного пути, страх смерти, тревоги, всевозможные фрустации, составляют отдельную статью среди прочих сорока рубрик.

Максимум образцов французского черного юмора приходится на «серый» юмор, не содержащий прямой агрессии (1), касающийся в основном несчастных случаев разного рода, сходных с русским материалом, затем следует также мизогинная и матримониальная тематика(2). Приведем лишь некоторые из них (1) — *Как можно назвать женщину, знающую, где бывает её муж каждый вечер ? —Только вдовой! ; —Жокей погиб в ДТП и его жена пришла в морг на опознание. Санитар приподнимает одну, вторую, третью простынь и снова*

ISBN 978-84-949838-0-1

и опять не он. Наконец,подняв четвёртую, жена узнаёт: —Да, это мой бедный жокей-неудачник и, как всегда, не в первой тройке! (—Comment appelle-t-on une femme qui sait ce que fait son mari tous les soirs? —Réponse: une veuve. —Un jockey a eu un accident de voiture mortel et sa femme vient l'identifier à la morgue. Le légiste soulève le premier drap, la femme dit: — Non, ce n'est pas lui! Il soulève le deuxième drap: — Non, ce n'est pas lui!! Le médecin soulève le troisième drap: — Non, c'est encore pas lui!!! Enfin, il soulève le quatrième drap: — Oui, c'est lui! Mon pauvre petit jockey de mari, jamais dans les trois premiers! Как русский, так и французский чёрный мизогинный юмор в основном направлен на «belle mere», т.е. тёщу, что косвенно указывает на принадлежность текстов современного городского фольклора трикстерам андроцентричного общества (2) *: — Смотри,смотри —на твою тёщу лев напал!—Сам напал!— Пусть сам и выкручивается! ; —Весна. Беседуют на лавке двое. —Смотри, как красиво. Все появляется из земли, оживает. — Не говори глупости. На той неделе я схоронил тёщу...(C'est le printemps. Deux gars sur un banc discutent: — Regarde, c'est superbe.Tout sort de la terre, tout revit. — Ne dis pas de bêtises, j'ai enterré ma belle-mère cette semaine…).*

О русском «чёрном юморе» правильнее было бы говорить как о способе вúдения жизни, в том числе её трагических начал. «Лучшие» темы по количеству содержащегося трагизма – война, тюрьма, болезнь или смерть. Именно трагизмом, по мнению Ю.Карабчиевского, измеряется глубина анекдота; автор отмечает, что самый глубокий юмор свойствен народам самой трудной судьбы (Карабчиевский 1985: 84). Приведём ещё один пример из русского юмора на выстраданную тему: *— Япония обратилась к России с желанием пересмотреть результаты Второй Мировой Войны. Россия:— А давайте мы вам перепокажем!* В то же время русский черный юмор зачастую напоминает карнавал перевёрнутых ценностей, где участники дискурса затрагивают темы пограничных миров и состояний. Приведём в качестве примеров следующие тексты, содержащие скрытую или явную угрозу: (1) *— Вот, приятель книжку дал почитать о России при Иване Грозном - о жестоких пытках и казнях того времени. — Он, наверное, историей увлекается? — Да нет, я ему 2 штуки баксов должен;* (2) *— Звонок в аварийную горгаза: — Сынки, что такое? Плиту с утра включила, а газ не горит! — Бабуля, а вы спичку зажигали? — Ой забыла, сейчас зажгу... .*

«Чернота» французского юмора носит мягкий, ретушированный характер: ни в одном из текстов не обыгрывается происходящее как бы в настоящем, прямое убийство или насилие. Печальный исход рассматривается либо гипотетически, либо комментируется post factum, как имевший место в прошлом. Лишь в исключительных случаях смерть происходит в результате насилия или агрессии, но при этом во встреченных трёх эпизодах, вопреки ожиданию, один из «агрессоров» - мифический персонаж, другой- новобрачная, третий – жестокий родитель...

ISBN 978-84-949838-0-1

Источниками потенциальной угрозы в русском чёрном юморе, как правило, являются просто те, кто рядом : приятель, соседи, бабуля, члены семьи и обладатели самых различных профессий: врач, землекопы, крестьяне, нерадивый монах: — *Дело происходит в одном из регионов, где монастыри находятся в горах, на которые возможно забраться лишь в люльке, поднимаемой снизу двумя монахами с помощью веревки. Один турист всё же отважился посетить эти памятники культуры. Когда люлька дошла до середины, турист увидел, что верёвка уже порядком поистрепалась. Он спрашивает у сопровождающего монаха: — Скажите, как часто вы меняете верёвку? — Как только порвётся – так и меняем...* Изредка, всего в трёх случаях, действующими лицами являются те, чья деятельность связана с оружием - солдат, десантник, охотник: — *Охотник другу: — Иди посмотри, что за зверя я уложил! Тот, возвратившись: — Что за зверь, не знаю, но по паспорту фамилия его Сидоров...* Лишь три места действия текстов имеют прямое отношение к теме смерти: плаха, кладбище и морг, а единственный непосредственный киллер-палач всего лишь исполняет служебный долг или весьма своеобразно празднует свой «ДР»: — *На день рождения киллера приходит братва, дарят длинную коробку с большим бантом. Радостный киллер срывает обёрточную бумагу — а там серебряный футляр — Вау! Ну, класс! —А ты открой! Открывает — супермодная винтовка, лазерный, оптический прицелы, титановые патроны, разные навороты. — Ну, друзья! знали чем старика порадовать! — Да ладно, ты достань винтовку. Поднимает ствол — а под ним заказ на миллион, фото, информация, всё как положено. — Да-а-а! Не знаю, как вас благодарить! — И это ещё не всё! Спускаются в подвал, включают свет, там на стуле сидит связанный подарок с заклеенным скотчем ртом. У именинника уже глаза горят, он за новую винтовку... — Подожди, ты скотч отклей! Тот снимает скотч и заказанный жалобным голосом: —Happy Birthday tou you, Happy Birthday tou you,... .*

Что касается топонимики событий или их упоминаний, то действие происходит в доме, в школе, в больнице, а также на шоссе, поле и даже в библиотеке, Службе Доверия - везде, где могут подстерегать случай или судьба: — *Разговаривают бабушки на скамейке у подъезда: — Слыхали, вчерась школьник за городом мину нашёл? — Да, слышно было хорошо. — Телефонный разговор: ... — Да режься!!! — ... — Да колись, да хоть глотай колёса!!! ... — Да топись ты, вешайся. Мне всё равно!!! (Со злостью бросает трубку) Проходит несколько минут. Звонок. Подымает трубку и добрым голосом произносит: — Служба Доверия. Слушаю Вас ...*

В количественном отношении тематическое распределение русских юмористических текстов идёт по убывающей следующим образом. В большинстве случаев (24%) речь в них идёт о несчастных случаях или об их угрозе: падение по неосторожности, ДТП, пожар, газ,

ISBN 978-84-949838-0-1

э/ток, атомная станция, отравления и т.п. Далее следует тематика, связанная с происшествиями на авиатранспорте и подготовкой парашютистов (11%) (*— А если у меня парашют не раскроется? — Укладчик парашютов не получит премию; — По салону самолёта проходит пилот с парашютом. Пассажирка интересуется:"Что случилось???" Пилот отвечает :"Да так, ерунда, неприятности на работе."). Далее следуют в равном соотношении мизогинная и связанная с суицидом тематика (6%)(— Муж: "Ты какая-то стала злая, раздражительная. Мне кажется, тебе пора куда-нибудь съездить!" — Жена: " Да, пора. Как ты думаешь, куда мне съездить?" Муж:" Я думаю, ... в челюсть!"* ; *—Телефон доверия. Измученный консультант-психотерапевт уже 4-й час общается с мужчиной, у которого жуткая депрессия: — А про самоубийство вы не думали? — Нет… — А вы подумайте, подумайте! и т.п.).*

Любопытно отметить тот факт, что в роли информанта о возможной или предстоящей опасности, о произошедшем несчастном случае, во французском и русском чёрном юморе выступают, за редким исключением, мужчины. Потенциальные жертвы, пострадавшие либо от несчастного случая, либо тяжёлой болезни – тоже в основном мужчины (игрок, пациент, спортсмен, школьник, пираты, друзья, сыновья). Таким образом, французы оставляют воображаемые неприятности на долю мужчин. Впрочем, исключение делается лишь для belle mère/тёщи, что даёт основание полагать, что сфера циркуляции подобных текстов – исключительно мужская компания, в которой нередка ненормативная лексика. Отметим её разнообразие и «цветистость» на фоне достаточно скудного французского репертуара. Если пуанта во французских текстах переносится в финал всей истории и в ней вся соль, то в русских текстах ненормативной лексикой акцентуировано примерно 16% встреченных текстов составляет она «соль» анекдота.

Философская и защитная направленность чёрного юмора свойственна французскому мировосприятию, носящему, скорее, биофильную, социальную ориентацию, по Э.Фромму, определившую её, как «любовь ко всему живому по своей сути» (Фромм 2010: 25). Приведём в качестве иллюстрации следующий пример французского текста: — *Напротив кладбища соорудили бар. Его владелец вывесил плакат, гласящий: «Что не говори, здесь получше, чем напротив!», на что смотритель смиренного кладб**и**ща незамедлительно отреагировал другим: « Что не говори, но к нам возвращаются все, кто был напротив!» (Un bar a été construit devant un cimetière. Le propriétaire a installé une enseigne qui dit: “Quoi qu’on dise, quoi qu’on fasse, on est mieux ici qu’en face!”Lorsque celui qui entretient le cimetière a vu l’enseigne, il en a également fait poser une devant celui-ci: “Quoi qu’on dise, quoi qu’on fasse, tous ceux qui sont ici viennent d’en face!”).*

ISBN 978-84-949838-0-1

Таким образом, в обоих сравниваемых корпусах текстов речь о смерти чаще всего идёт в плане гипотетического будущего или прошедшего времени. В подавляющем большинстве русского чёрного юмора речь идёт об убийствах, покушениях, каннибализме, отравлении, готовящемся ограблении или даже о ядерном испытании. Места действия говорят сами за себя: тюрьма, госпиталь, минное поле, магазин оружия (1), печально известный Чернобыль (2) : (1) —В магазине оружия: *Заходит покупатель в магазин, товары разглядывает, удивляется, продавцу замечает: — Какая-то странная у вас комбинация товаров: только саксофоны и револьверы... Как они друг с другом увязываются-то? Продавец поучающе: — Совсем не странная, увязывается всё прекрасно: как только кто-нибудь покупает саксофон, вскоре приходит сосед и покупает револьвер! (2): — Представляешь в Москве: коррупция побеждена окончательно, налоги никто не платит, хулиганов нет и можно спокойно гулять по улицам, всюду зелень, тишина и спокойствие, все живут свободными... — Зачем представлять, есть такой город... Чернобыль называется...* Ещё один пример на ту же тему: *—Идет экскурсия по атомной электростанции. За стеклом два сотрудника, упакованные в специальные противорадиационные костюмы, очень аккуратно несут маленький тюбик. Мужчина спрашивает у экскурсовода: — Извините, а что будет, если они уронят этот тюбик? — Да в принципе ничего не будет... В радиусе 115 километров.*

В подобных редких для сопоставляемых корпусов текстах присутствует элемент бравады со смертью. Она происходит «здесь и сейчас», присутствуя в сюжете короткой юмористической истории: *— Звонок в дверь. Хозяин открывает, перед ним два парня, один с камерой, другой с микрофоном. — Вы курите? — Курю. Один из пришельцев достаёт ствол и стреляет в хозяина. Поворачивается в камеру: — Вы ещё курите? Тогда мы идём к Вам!* Или пример одного французского текста: *— Папа, почему бабушка такая странная ? — Молчи и копай, сынок! (—Papa, pourquoi Mémé a l'air si bizarre ? — Tais-toi et creuse, fiston!).* Следует заметить, что обоим корпусам юмористических текстов не характерны нарушения этических норм и запретов, связанных с детьми, к примеру: *— Детский сад на прогулке в лесу. Воспитательница: — Дети, если кушаем ягодки, то срываем по две... Одну ешьте, а вторую — для судмедэкспертизы...; — Мальчик, ты опрокинул снежком наши стаканы. — Дяденьки, я больше не буду! — Да, мальчик, больше ты уже не будешь...*

Таким образом, русский и французский чёрный юмор носят биофильную направленность, выполняя защитную функцию и не имея ярко выраженной некрофильной ориентации с целью демонстрации силы и агрессии. В них не нарушаются общечеловеческие табу и не наблюдается бравада игрой со смертью. Содержание чёрного юмора с тональностью мрачного мироощущения не свойственно анекдотам изученных корпусов текстов и носит

ISBN 978-84-949838-0-1

весьма гипотетический условный характер, что объясняет участие фантастических персонажей в некоторых текстах обоих языков : (1) — *Сидят два кирпича на крыше: старый и молодой. Молодой с грустью смотрит вниз. К нему подползает старый кирпич. — Чего такой грустный? — Да, Иваныч опять каску надел. Эх, вы, молодежь, ничего вы не умеете, всему вас учить надо. Смотри, как надо: "Иваныч!!!" — А???... (2)—31 декабря. Некто ставит табуретку и накидывает верёвку на люстру. Вдруг распахивается дверь и вваливается пьяный Дед Мороз. Плюхается на диван, смотрит на несчастного и спрашивает: — Чего это ты там делаешь? — Да жизнь — кошмар, не могу я больше, надоело!!! Решил вот... Дед Мороз говорит: — М-да... Ну, раз ты все равно на табуреточке, расскажи, что ли, стишок…*

Суммируя вышесказанное, заметим, что русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора, социальная функция которого состоит в использовании его как антистрессовой защиты, когда смешное смягчает грусть. Для русской юмористической традиции чёрный юмор свойствен в меньшей степени. Ярко выраженная философская позиция отношения к переходу в мир иной, как к неизбежной данности, зачастую окрашивает тональность этого юмора лукавой грустинкой. Приведём один из примеров: *На улице дождь, ветер. Мужик (М) сидит дома. Вдруг раздаётся стук в дверь. М. подходит, открывает дверь: «Ах!» На пороге Смерть, но в то же время – что-то непонятное: на черепе какие-то бантики, саван в рюшечках-кружавчиках, коса с фенечками. М. спрашивает: - Ты кто?! – Не видишь, что ли, я – Смерть! – Какая-то ты нелепая...».*

Чёрный юмор в критике власти, правительства почти не встречается в корпусе французских и русских анекдотов (исключая жёлтую прессу) и критические высказывания о власти составляют в них редкое исключение; пример из русского корпуса текстов: – Какой конец верёвки нужно бросить тонущему депутату? – (С презрением) – Оба.

Итак, в корпусах исследованных нами анекдотов, с точки зрения количественного присутствия в них «черного юмора», значителен разрыв в русском и французском материалах: французский чёрный юмор лидирует с перевесом почти втрое по сравнению с данными русских текстов. Французским текстам анекдотов в большей мере свойственно соблюдение речевого этикета вне зависимости от ситуации, поскольку французская лингвокультура характеризуется высокой требовательностью к соблюдению тактичности. В текстах же русского чёрного юмора одну пятую часть составляют короткие юмористические истории с использованием грубой и ненормативной лексики.

Как русский, так и французский чёрный юмор носят, скорее, биофильную направленность, выполняя защитную функцию, лишь в редких случаях отмечена выраженная некрофильная

ISBN 978-84-949838-0-1

ориентация, демонстрирующая силу и агрессию. Содержание черного юмора с тональностью мрачного мироощущения не свойственно анекдотам обоих корпусов текстов. В этом плане русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора, для них не характерен чёрный юмор на грани сарказма, иронии и насмешки. Количественный перевес изучаемых текстов на французском материале объясним давностью литературной и устной традиции, восходящей к сюрреализму Бретона.

Список литературы.

Андреев Л.Г. История зарубежной литературы. М.: Высшая школа,1978.

Арутюнова Н.Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма/Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 5-17.

Брагина 2007 Брагина Н.Г. Комическое и безобразное. Области концептуального рассогласования//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 614 – 626.

Бретон А. Антология чёрного юмора. М.: Карт бланш, 1999.

Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. Мюнхен: Страна и мир,1990.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс,1994.

Маслоу А.Х.Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.

Серия сборников «Анекдоты». Минск: Современный литератор, 2004-2017.

Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010.

Юренев Р. О комедии. М.: Искусство.1980

URL: http//www.anekdotov.net/anekdot/black/ (retrieved: 20.05.18) ;

http//www.anekdotovstreet.com/chernyy-yumor/(retrieved: 20.05.18).

References

Le Grand Dictionnaire des blagues – 2012. Paris: Editions, ESI, 2011.

L’Encyclopédie des blagues – 2012. Paris: Editions, ESI, 2011.

ISBN 978-84-949838-0-1

НЕ ПО ХОРОШУ МИЛ, А ПО МИЛУ ХОРОШ: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Игорь Дреер
Университет имени Бен-Гуриона в Негеве, Израиль
dreer@post.bgu.ac.il

BEAUTY LIES IN LOVER'S EYES: ON THE MEANINGS OF SHORT AND LONG FORMS OF ADJECTIVES IN MODERN RUSSIAN.

Igor Dreer
Ben-Gurion University of the Negev, Israel

АННОТАЦИЯ

В современном русском языке краткая форма прилагательных (далее КФ) – это маркированный член морфологической категории прилагательных, которые употребляются в предложении в роли сказуемого и традиционно либо выражают вре́менные, случайные признаки предмета или лица (далее носителя свойства), либо имеют обобщенное значение наличия признака. С другой стороны, полная форма прилагательных (далее ПФ) употребляется в предложении в роли определения и обозначает преимущественно классифицирующий, т.е. постоянный признак. Цель данного анализа, выполненного в рамках теории языкового знака, – сформулировать общие (инвариантные) значения КФ и ПФ и продемонстрировать на примерах связь между предложенными инвариантами и употреблениями обеих форм в различных языковых контекстах и ситуациях.

ABSTRACT

In Modern Russian, the short forms of adjectives are a marked member of the morphological category of adjectives that are used as a predicate in sentences. They either traditionally designate temporary, occasional features of an object or a person, or give the generalized indication of the existence of a feature. On the other hand, the long forms of adjectives are used primarily as an attribute in sentences to designate a classifying, i.e. constant feature. The purpose of this analysis, carried out in the framework of the theory of the linguistic sign, is to formulate general (invariant) meanings of the short and long forms of adjectives in Modern Russian as well as to illustrate the relationship between the suggested invariant meanings and the use of both forms in different linguistic contexts and situations.

Ключевые слова: полные и краткие имена прилагательные, инвариант

Keywords: long and short adjectives, invariant

ISBN 978-84-949838-0-1

Введение

Говоря о значениях КФ и ПФ в современном русском языке, все больше оспаривается мнение, согласно которому ПФ обозначает постоянный, классифицирующий признак, а КФ – временный признак, проявление которого локализовано обозначенной ситуацией (см. Виноградов 2001: 220; Шахматов 1963: 291; РГ 1980, I: 557). Известно, что, с одной стороны, КФ может обозначать постоянный (вневременной) признак (*Жизнь прекрасна*) наряду со значением вре́менного, непостоянного признака (*После дождя эти сады особенно прекрасны*) (Камынина 1999: 93). С другой стороны, ПФ может выражать как постоянный признак, всегда присущий носителю свойства (*Жизнь здесь прекрасная*), так и непостоянный, временный признак (*Погода была прекрасная*).

Современные исследования осуществляются, в основном, в двух направлениях. Первое включает описание правил, предписывающих или запрещающих употребление КФ и ПФ, главным образом, в предикативной позиции (Всеволодова 1971, 1972; Никольс 1985; Руде 2005; Guiraud-Weber 1993; Gustavsson 1976; Nichols 1981), хотя сфера их функционирования не ограничивается предикативным употреблением. КФ широко используется как препозитивное и постпозитивное определение – и не только в поэтическом языке (*Колеблется воздух, Прозрачен и чист* (Заболоцкий) (РГ 1980, II: 186), см. также (Roudet 1998: 299). Второе направление пытается выделить общее значение КФ и ПФ на основе анализа ряда периферийных значений и типов употребления обеих форм (Воейкова, Пупынин 1996; Groen 1998; Sakhno 2001; van Schooneveld 1983).

Согласно точке зрения М. Всеволодовой, М. Гиро-Вебер, С. Густавссона и Дж. Никольс, выбор КФ или ПФ в именной части сказуемого определяется совокупностью различных факторов: лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, прагматических. В отличие от М. Всеволодовой, С. Густавссона и Дж. Никольс, которые ограничиваются описанием обуславливающих факторов или моделей (контекстов), М. Гиро-Вебер предлагает их свести к двум различным моделям в зависимости от типа и формы связки. Такой (бисинхронный) метод предусматривает, что каждая из моделей А и В включает некоторое множество правил, как пересекающихся, так и отличающихся друг от друга. Модель А не предполагает употребления КФ, но и не исключает ее совсем из речи говорящих, тогда как примеры с КФ хорошо представлены в менее употребительной модели В, в которой встречаются также и ПФ.

Р. Руде объясняет выбор предикативных КФ или ПФ структурой предложений.

ISBN 978-84-949838-0-1

«…для предикативного прилагательного краткая форма употребляется тогда, когда предложение, в которое оно входит, представляет собой чисто квалифицирующую модель (А); полная же форма будет употребляться, когда мы имеем дело с предложением бытийно-квалифицирующего типа (БА) или таксономически-квалифицирующего типа (ВА)». (Руде 2005: 81)

Там же Руде оговаривается, что такая аргументация может столкнуться с проблемой, когда «трудно решить, с каким типом предложений, таксономическим или бытийным, мы имеем дело» с учетом всего многообразия возможных выражений синтаксических отношений.

В своей работе С. Сахно подчеркивает необходимость принимать во внимание механизм предикативных отношений, которые играют существенную роль в употреблении КФ и ПФ (Sakhno 2001: 78). Семантическое различие между ПФ и КФ, по мнению Сахно, может быть представлено в виде оппозиции «с(о)вершившейся» предикации (prédication «effectuée»), соответствующей КФ, и «упомянутой» предикации (prédication «mentionnée»), соответствующей ПФ (там же: 84). В первом случае предикативные отношения утверждаются в момент высказывания. Отсюда вытекает их новизна и категоричность. Во втором случае предикативные отношения между субъектом и его свойством представлены как предполагаемые, установившиеся до момента высказывания, которое их просто актуализирует. Исходя из предложенных семантических различий, объясняется использование КФ и ПФ в определенных ситуациях.

С точки зрения М. Воейковой и Ю. Пупынина, семантическое различие между ПФ и КФ основывается, прежде всего, на различии в аспектах признака. ПФ выражает дифференцирующий и интегрирующий аспекты признака, т.е. как то, что отличает одного носителя свойства от других носителей, так и то, что объединяет его с классом подобных ему носителей (Воейкова, Пупынин 1996: 53-54, 56). КФ выражает актуализированный аспект признака, т.е. «речь идет о проявлении свойств данного предмета, которые являются актуальными с точки зрения воспринимающего лица» (там же: 57). По справедливому замечанию М. Воейковой и Ю. Пупынина, важное семантическое отличие КФ от ПФ заключается в том, что КФ «обычно выражает именно одно из свойств в ряду других, т.е. выделяет одно свойство из целого комплекса свойств субстанции», с чем связана «определенная динамика обозначаемого свойства, возможность его наступления, прекращения или смены другим свойством» (там же: 57-58).

Сходную точку зрения высказывает в своей статье Б. Грун. По мнению автора, КФ выражает скорее свойства данной, конкретной ситуации, в которой актуализируются и проявляются внутренние свойства субъекта, тогда как ПФ обозначает свойства, постоянно

ISBN 978-84-949838-0-1

присущие субъекту, и тем самым классифицирует его (Groen 1998: 152-153). Поэтому общее значение КФ часто проявляется в такой актуализирующей ситуации, которая подразумевает то или иное ограничение (restriction). Однако это необязательное условие для использования КФ (там же: 153). Далее автор иллюстрирует влияние общего значения КФ, определенного как ‘выражение свойства, названного применительно к ситуации’ (evocation of the quality mentioned with reference to a situation) (там же: 169) на выбор КФ в различных языковых контекстах и ситуациях.

Исследование К. ван Схонефельда основывается на принципах инвариантности языкового знака, т.е. поиска и определения единого общего значения, которое охватывало и объясняло бы все частные типы употребления граммем. Автор применяет эти принципы к анализу КФ и ПФ в нидерландском языке в сравнении с современным русским языком (van Schooneveld 1983: 404-405). Говоря о семантической разнице КФ и ПФ при предикативном употреблении, ван Схонефельд опирается на точку зрения Р. Якобсона, согласно которой ПФ подразумевает сравнение признаков носителей определенного класса, тогда как КФ абсолютизирует такое сравнение, т.е. соотносит свойства носителя со всеми носителями, обладающими каким-либо свойством (там же: 421). Ван Схонефельд утверждает, что прилагательные как часть речи выражают свойства, которые в своей продолжительности существуют за рамками их восприятия. По сравнению с ними, наречия выражают свойства, которые развиваются во времени и, как правило, не наблюдаются в своей продолжительности. Автор приходит к выводу, что КФ по своему значению приближается к наречиям образа действия на *–о*, т.е. выражает свойства, воспринимаемые непосредственно в данной, конкретной ситуации, в то время как ПФ обладает адъективными свойствами, т.е. указывает на свойства, имеющие продолжительный характер. Развивая точку зрения Р. Якобсона, ван Схонефельд утверждает, что свойство, выраженное прилагательным в ПФ, распространяется только на совокупность субъектов, обозначенную лексическим значением данного субъекта. В то же время КФ выражает свойство субъекта в момент восприятия, выделяя данный субъект на фоне всех возможных субъектов с любым лексическим значением слова (там же: 423-424).

Как видим, многие исследователи сходятся во мнении, что ПФ выражает некие особые свойства носителя, позволяющие его дифференцировать, т.е. отличить от других носителей. А. Исаченко, в частности, считает функцию классификации типичной для ПФ предикативного прилагательного:

«В предложении *Китайский язык очень трудный* утверждается (а) что существует класс трудных языков, и (б) что именно китайский язык включается говорящим в этот класс, мыслится им как элемент данного класса». (Исаченко 1965: 196)

ISBN 978-84-949838-0-1

В отношении значения КФ такого единодушия нет, но все же просматривается некоторая ситуативность свойства, выраженного КФ, т.е. его привязанность к данной, конкретной ситуации.

Далее мы предложим анализ значений КФ и ПФ, выполненный в рамках теории языкового знака, разработанной учеными лингвистического кружка Колумбийского университета (далее КЛК) (см. Diver 1995; García 1975; Tobin 1990, 1995). Мы попытаемся сформулировать общие (инвариантные) значения КФ и ПФ и продемонстрировать на примерах связь между предложенными инвариантами и частными употреблениями обеих форм.

Теория языкового знака (КЛК)

Чтобы сформулировать общее значение грамматической формы, прежде всего необходимо определиться, что собой представляет язык. Это определение влечет за собой все последующие теоретические и методологические допущения. Говоря о языке, мы имеем в виду знаковый инструмент, структура которого обусловлена как его коммуникативной функцией, так и психологическими характеристиками его носителей (Dreer 2007: 258). Это определение подразумевает два допущения: (а) язык служит средством человеческого общения, и (б) язык отражает человеческое поведение. Иными словами, структура и характер языка являются прямым результатом его коммуникативной функции. Поскольку человеческое общение нуждается в некотором наборе воспринимаемых сигналов, каждый из которых связан с определенным концептуальным содержанием (Contini-Morava 1995: 2), мы рассматриваем языковой знак (который, согласно Соссюру (1977: 100), представляет собой неразрывное единство означающего и означаемого), как основную аналитическую единицу. Слова и предложения слишком разнообразны для этой цели в отличие от конкретных языковых знаков, без помощи которых «мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого» (там же: 144). Коммуникативный фактор также объясняет дистрибуцию (распределение) языковых единиц: знак реализуется в речи в силу того, что его инвариантное значение обладает целевой направленностью, т.е. оно передает информацию, которая служит определенной коммуникативной цели. Говорящий использует инвариантные значения различной степени абстрактности для передачи бесконечного множества конкретных сообщений. Однако связь между инвариантным значением и передаваемыми сообщениями – косвенная: содержание целого сообщения оказывается сложнее всех значений образующих его компонентов, вместе взятых. Таким образом, задача адресата – сделать вывод о содержании целого сообщения, исходя из набора лексических единиц и сопутствующих

ISBN 978-84-949838-0-1

грамматических значений, предлагаемых говорящим в каждом конкретном случае. Разрыв между инвариантным значением знака и его конкретными реализациями в речи ликвидируется умозаключительными способностями человека, которые и составляют человеческий фактор в нашем определении языка. Человеческий фактор отражает стремление человека к достижению максимального общения с затратой наименьших усилий.

КФ и ПФ прилагательных в современном русском языке

По нашему мнению, противопоставление понятий КФ и ПФ представляет собой грамматическую систему, позволяющую говорящему принять решение (а адресату сделать вывод) о типе дифференциации носителя (или носителей), с которым(и) соотносится данное свойство. Следуя терминологии У. Дайвера (Diver 1985/1986: 45-46), мы назовем эту систему «*Системой дифференциации*», в рамках которой ПФ с основным значением «*внешняя дифференциация*» позволяет выделить носителя данного свойства из ряда других, в том числе однородных носителей (т.е. указать, что именно этим свойством данный носитель отличается от других носителей).

«Конструкции с предикатами – полными прилагательными регулярно выражают именно дифференцирующее свойство… В содержании таких высказываний прослеживается следующая «формула»: существует класс предметов, существует также конкретный предмет (или несколько предметов) из данного класса, отличающиеся определенным свойством». (Воейкова, Пупынин 1996: 56)

КФ с основным значением «*внутренняя дифференциация*» не подразумевает соотнесения с классом других носителей данного свойства. Напротив, КФ подчеркивает конкретное свойство некоторого носителя, выделяя одно это свойство из ряда других его свойств.

«У конструкций с предикатами – краткими прилагательными имеется собственный положительный семантический признак. …это актуальное проявление свойства». (Воейкова, Пупынин 1996: 57)

В этой бинарной морфологической категории КФ – это маркированный член: она специально подчеркивает проявление определенного свойства, безотносительно к какому-либо отрезку времени (сейчас и/или всегда), т.е. КФ может называть как локализованный во времени признак в предложениях конкретной референции, так и вневременной признак при универсальном употреблении. ПФ, будучи немаркированным членом, специально не выражает данный аспект того или иного свойства, подчеркивая лишь его дифференцирующий характер, но способна выразить его, используя дополнительные языковые средства.

ISBN 978-84-949838-0-1

Рамки статьи не позволяют нам остановиться на всех частных случаях употребления КФ и ПФ, поэтому ниже мы кратко рассмотрим наиболее важные коммуникативные цели, которые ставит говорящий, используя противопоставление внутри семантической зоны «*Система дифференциации*».[1]

Как говорилось выше, актуализация одного свойства в ряду других посредством КФ предполагает его динамику, «возможность его наступления, прекращения или смены другим свойством» (Воейкова, Пупынин 1996: 57-58), тогда как выражение дифференцирующего свойства посредством ПФ предполагает, что речь идет о постоянном свойстве его носителя. Иными словами, противопоставление внутри *Системы дифференциации* позволяет использовать КФ и ПФ для выражения соответственно вре́менного признака (как в примере 1) и постоянного признака (как в примере 2). В (3) обе формы представлены в общем контексте, но с тем же коммуникативным замыслом: КФ '*болен*' указывает на то, что сейчас человеку плохо (а в прошлом такого ощущения не было), тогда как ПФ '*больной*' подразумевает, что теперь это уже вообще больной человек.

(1)Даша решила, что юноша не профессионал […], вел себя слишком суетливо, бегал вокруг жениха с невестой […], при этом пытался развеселить снимающихся однообразными восклицаниями: «Улыбаемся! Все **счастливы**! Улыбаемся! Все **довольны**!» (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010)

(2)Увидев Русалку, круглолицый Пузырь расплывается в ухмылке. —Эй, ты **счастливая**? — кричит он. — Вот прямо сейчас? — Нет, вообще. (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

(3)Через короткое время после той встречи узнал, что тяжело он **болен** и, **больной**, из больницы пишет самоироничные, как всегда «доходчивые» и совершенно какие-то по-детски искренние стихи. (Виктор Астафьев. Зрячий посох, 1978-1982)

Важно понимать, что временность/постоянство свойства не являются инвариантными значениями КФ и ПФ, поскольку первая не всегда указывает на временное свойство, а последняя способна в определенном контексте выражать временную локализованность признака, как в примере (4). Здесь КФ '*спокоен*', означающая *внутреннюю дифференциацию*, подчеркивает постоянное проявление свойства, а ПФ '*спокойный*', означающая *внешнюю дифференциацию*, подразумевает, что такое проявление свойства отличает собеседника от всех других (в частности, от его коллег, друзей, компаньонов).

1 Все примеры взяты с сайта Национального корпуса русского языка: http://www.ruscorpora.ru/index.html.

ISBN 978-84-949838-0-1

(4)Так, нет? Молчишь. Всегда молчишь. И всегда **спокоен**. Чего ты такой **спокойный**? Конкуренты нас обходят, в стране черт-те что происходит, тьма скандалов каждый день! Тебе бы надо подсуетиться — для твоей же выгоды! (Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов, 1999)

Сказанное выше в той же степени верно для вневременных высказываний, которые сообщают адресату о постоянстве признака, присущего носителю. Когда речь идет о носителях, которые не могут быть классифицированы, но которые постоянно проявляют то или иное свойство, используется КФ со значением «*внутренняя дифференциация*». (5) может служить неплохим примером:

(5)И вот они живут уже довольно давно втроем, Лиля, Коля и выросшая дочь Даша, которая с подросткового возраста работает, а Коля является фактически сиделкой, но не ропщет, а посмеивается в своей обычной манере: «Любовь **наказуема**!» (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010)

Но как только говорящий воспринимает носителя не как общее понятие (любовь вообще), а как его конкретную реализацию, которую можно соотнести с классом других подобных объектов (цыганская любовь), т.е. дифференцировать, употребляется ПФ, означающая *внешнюю дифференциацию*. Такое использование ПФ представлено в (6):

(6)Цыганская любовь **короткая**, **быстрая**. Отлюбил, ополоснулся, отчалил. (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010)

При этом если прилагательное в составной части сказуемого находится в препозиции к субъекту, то оно, как правило, будет стоять в КФ, как в примере (7), т.к. коммуникативная задача таких сообщений – выделить проявление определенного свойства, одновременно представив его как данность.

(7)**Богат** да и **точен** русский язык! (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008)

Семантическое противопоставление КФ и ПФ используется говорящим для субъективной оценки носителей через оценку их свойств: чрезмерность проявления признака представлена в примерах (8)-(9), а указание на его категоричность/смягченность – в примерах (9)-(10). Если в (8) КФ подчеркивает, что субъект является намного меньшим по возрасту, чем допустимо для любовных отношений (*внутренняя дифференциация*), то в (9) ПФ подчеркивает, что субъект является намного меньшим по возрасту по сравнению с другим субъектом (*внешняя дифференциация*).

ISBN 978-84-949838-0-1

(8)— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь, дурочка! Не успела вылезти из пеленок, а туда же — любовника ей! Ты еще слишком **мала**, а твоему кандидату в любовники голову надо оторвать, если он этого не понимает! (Мариам Петросян. Дом, в котором…, 2009)

(9)Рядом с вами понимаю, что я так… практиканточка. — Ты Женя. — Странно: вы Олег Николаевич, знаменитый Тулин — и вдруг я рядом. Я все время чувствую, что я слишком **маленькая**. (Даниил Гранин. Иду на грозу, 1962)

Что касается выражения более категоричной/смягченной характеристики свойства, то эта особенность КФ и ПФ была отмечена еще В. Виноградовым:

«…значение краткой формы может быть усиленным, более категорическим, так как ею выражается не постоянный, пассивный признак, мыслимый как общая, отвлеченная категория бытия, а признак конкретный, переменный, развивающийся во времени, эволюционирующий». (Виноградов 2001: 221)

Как уже говорилось, значение КФ «*внутренняя дифференциация*» позволяет говорящему акцентировать свойство, т.е. вызвать у адресата представление о его важности и, как следствие, категоричности. Значение ПФ «*внешняя дифференциация*» несколько смещает акцент с проявления самого свойства на его дифференцирующий характер, как бы смягчая данное свойство для адресата. Все сказанное наглядно демонстрируют примеры (10)-(12). Если в (10) ревность субъекта граничит с паранойей, то в (11) субъект относится к ревности супруга скорее с симпатией. В (12) КФ ‘*жесток*’ характеризует только субъекта (Левия Матвея), тогда как ПФ ‘*жестоким*’ сравнивает его с другим субъектом (Иешуа Га-Ноцри).

(10) Раньше он был **ревнив** и проверял женщин на верность. Чего только не делал! … Как-то, чтобы проверить любовницу, отвез ее на дом к знакомому судмедэксперту. Были взяты анализы. (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо, 2007)

(11) — Сережка у меня, мама Глая, добрейшая душа. Он, когда видит старого человека с протянутой рукой, так страдает! Всем бы хорош, но **ревни-ивый**! Ой, мама моя, какой **ревнивый**! (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000)

(12) Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, — Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось. — И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты **жесток**, а тот **жестоким** не был. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2, 1929-1940)

Противопоставление значений КФ и ПФ позволяет говорящему выражать возможность проявления какого-либо свойства в противовес его актуальному (дифференцирующему) проявлению, как показано ниже. В (13) КФ ‘*умна, коварна*’ в придаточном уступительном усиливает возможное проявление свойств (ума и коварства) носителем (крысой) при любых

ISBN 978-84-949838-0-1

обстоятельствах, которому противопоставляются свойства другого носителя (человека), выраженные сравнительной степенью прилагательных в ПФ.

(13) Никакие ловушки, мною употребляемые, шмару взять не могли …, отраву, взятую с колбасного завода, умная тварь игнорировала. Но как бы ни была тварь **умна** и **коварна**, все же человек — тварь еще более **умная** и **коварная**. (Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998)

Известно, что часто прилагательные имеют множество контекстных или переносных значений, производных от основного лексического значения и с виду сильно отличающихся от него. Поскольку в основе таких переносных значений лежит аналогия, сравнение свойств носителя с другими носителями, то в этих случаях, как правило, употребляется ПФ. Сравним примеры (14)-(15), где прилагательное '*глухой*' употреблено в «прямом» смысле как в КФ (14), так и в ПФ (15) с примерами (16)-(17), где оно же фигурирует в «переносном» смысле исключительно в ПФ.

(14) Ни о чем подобном Свинецкий и слышать не хотел, да он и вообще был **глух** после контузии. (Дмитрий Быков. Орфография, 2002)

(15) — А кто там у вас? — подозрительно спрашивает Шакал. — С кем вы там разговариваете? Я, между прочим, не **глухой.** (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

(16) — Андрюша, тебе плохо? — присев рядом с ним, спросила Аля. — Наверное. — Андрей наконец нарушил молчание, но голос был **глухой**, такой же странный, как и лицо. (Анна Берсенева. Полет над разлукой, 2003-2005)

(17) В этом месте в излучине Оки располагаются два узких, как ящерицы, острова, – место **глухое** вполне даже летом. (Александр Иличевский. Перстень, Мойка, Прорва, 2005)

Свойства носителей могут проявляться в различных обстоятельствах, выражаемых в предложении распространением, которое часто влечет за собой употребление КФ, т.к. оно конкретизирует наступление, прекращение или смену признака, тогда как ПФ выражает скорее «общую характеристику» и «исключает, чтобы признак, обозначаемый ею, был связан с определенной ситуацией» (Руде 2005: 94, 95). Приведем несколько примеров такого распространения:

Распространение придаточным предложением:

(18) Оба они совсем еще молодые, чуть старше двадцати, были **горды** тем, что им поручена ответственная задача впереди скачущих хайдаров, то есть разведчиков. (М. Б. Салимов. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010)

Распространение инфинитивом:

ISBN 978-84-949838-0-1

(19) Но вы ведь **бессильны** поймать этого знаменитого Пупыря… (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина, 2001)

Распространение именительным падежом:

(20) Виноград точно так же стекловатно **волокнист**, как персик, а персик так же **безвкусен**, как огурец. (Татьяна Соломатина. Сонина Америка, 2010)

Распространение родительным падежом с предлогом ‘для’ и без него:

(21) Считаю, что люди без чувства юмора **опасны** для общества и должны быть от него изолированы. (Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц, 1990-2002)

Распространение предлогами ‘по, к’ с дательным падежом:

(22) Он был **равнодушен** к еде и неряшлив в одежде, носил под ногтями траур и подолгу не менял носков. (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

Распространение предложным падежом:

(23) Геннадий был тверд, как железный обруч. Мал ростом, могуч, **широк** в кости. (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008)

Заключение

В заключение мы бы хотели подчеркнуть, что теория языкового знака, принятая в настоящей статье, переносит акцент с описания отдельных языковых фактов, отвечающих на вопросы ‘*где?*’ и ‘*как?*’, на поиск инвариантных значений КФ и ПФ, которые бы могли объяснить, *почему* обе формы используются в языке так, а не иначе. Постулирование этих значений и демонстрация на примерах связи между предложенными значениями и употреблениями обеих форм является наиболее важным моментом настоящей статьи.

Рамки статьи не позволили нам остановиться на проблеме использования творительного падежа ПФ, который конкурирует с КФ и именительным падежом ПФ. Мы отсылаем читателя к работе (Руде 2005: 96-101).

Список литературы

Виноградов В. В. (2001): Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва: Русский язык.

Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. (1996): Предикативная качественность, Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Санкт-Петербург: Наука, 53-65.

Всеволодова М. В. (1971): Употребление кратких и полных прилагательных, Русский язык за рубежом, 3, 65-68.

ISBN 978-84-949838-0-1

Всеволодова М. В. (1972): Употребление кратких и полных прилагательных, Русский язык за рубежом, 1, 59-64.

де Соссюр Ф. (1977): Труды по языкознанию. Москва: Прогресс.

Исаченко А. В. (1965): Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук. Часть 1.

Камынина А. А. (1999): Современный русский язык. Морфология. Москва: Изд-во МГУ.

Никольс Дж. (1985): Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике, Новое в зарубежной лингвистике, 15, 342-387.

Руде Р. (2005): Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке, Вопросы языкознания, 3, 80-101.

Русская грамматика. (1980): Москва: Наука. Том I.

Русская грамматика. (1980): Москва: Наука. Том II.

Шахматов А. А. (1963): Синтаксис русского языка. The Hague: Mouton.

References

Contini-Morava E. (1995): Introduction: on Linguistic Sign Theory, E. Contini-Morava, B. Sussman Goldberg (eds), Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory. Berlin: Mouton de Gruyter, 1-31.

Diver W. (1985/1986): The Grammar of Modern English. TS. New York: Columbia University.

Diver W. (1995): Theory, E. Contini-Morava, B. Sussman Goldberg (eds), Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory. Berlin: Mouton de Gruyter, 43-114.

Dreer I. (2007): Expressing the Same by the Different: the Subjunctive versus the Indicative in French. Amsterdam: Benjamins.

García E. C. (1975): The Role of Theory in Linguistic Analysis: The Spanish Pronoun System. Amsterdam: North Holland.

Groen B. M. (1998): The Use of the Long and Short Adjectival Forms in Contemporary Standard Russian, A. A. Barentsen. Dutch Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists. Amsterdam: Rodopi, 24, 151-174.

Guiraud-Weber M. (1993) : La méthode bisynchronique dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne, Revue des études slaves, 65, fascicule 1, 81-95.

Gustavson S. (1976): Predicate adjectives with the copula byt' in modern Russian. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Nichols J. (1981): Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. Berkeley: University of California Press, Vol. 97.

ISBN 978-84-949838-0-1

Roudet R. (1998) : Esquisse d'une comparaison de l'emploi des formes courtes des adjectifs en russe et en tchèque, Slavica occitania, 6, 283-307.

Sakhno S. (2001) : Les formes de l'adjectif attribut en russe: prédication « effectuée » versus prédication « mentionnée », Revue des études slaves, 73, fascicule 1, 77-95.

Tobin Y. (1995): Invariance, Markedness and Distinctive Feature Analysis: A Contrastive Study of Sign Systems in English and Hebrew. Amsterdam: John Benjamins.

Tobin Y. (1990): Semiotics and Linguistics. London: Longman.

van Schooneveld C. H. (1983): The Relation between Adjective and Adverb in Dutch and in Russian, B. J. Amsenga. Miscellanea Slavica: To Honour the Memory of Jan M. Meijer. Amsterdam: Rodopi, 403-429.

ISBN 978-84-949838-0-1

ЭМОТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ С. ДОВЛАТОВА И ИХ ПЕРЕВОД НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Е Сянлинь
Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
verayeh@nccu.edu.tw

Сюй Каваи
Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
kawai@nccu.edu.tw

Цай Цзели
Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
jltsai@nccu.edu.tw

THE CONSTRUCTIONS OF EMOTION IN S. DOVLATOV'S WORK AND THE CHINESE TRANSLATION

Hsiang-lin Yeh
National Chengchi University, Taiwan

Kawai Chui
National Chengchi University, Taiwan

Jie- li Tsai
National Chengchi University, Taiwan

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается эмотивное пространство произведения С. Довлатова «Чемодан», проводится анализ семантических ролей в конструкциях с эмотивным предикатом в тексте Довлатова и его переводе на китайский язык. Результат анализа показал, что в китайском языке употребляют больше агентивного описания эмоциональных событий, чем в русском языке. Выявление предпочтения агентивных или пациентивных конструкций при описании эмоциональных событий в двух языках позволяет представить их различия в языковой и культурной концептуализации эмоций.

ABSTRACT

The present study investigates the emotion concepts in S. Dovlatov's "Suitcase" by analyzing the semantic roles of the constructions with emotion predicates in Dovlatov's work and those in its Chinese translation. The analysis shows that the occurrence of agentive constructions for describing emotion events is higher in Chinese than in Russian. The diverse structural preferences across the two languages provide a better understanding of cross-linguistic and cross-cultural conceptualizations of emotion.

Ключевые слова: эмотивная конструкция, семантические роли, художественный текст, перевод, С. Довлатов

ISBN 978-84-949838-0-1

Keywords: construction of emotion, semantic roles, literary work, translation, S. Dovlatov

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и технологий Тайваня (MOST) №105-2923-H-004-001-MY3.

В данной работе рассматриваются эмотивные конструкции в произведении С. Довлатова «Чемодан», проводится сопоставление таких конструкций в тексте Довлатова и его переводе на китайский язык.

Выбор цикла юмористических рассказов «Чемодан» как материала для анализа мотивирован тем, что произведения Сергея Довлатова насыщены эмоциональными описаниями героев в разных ситуациях и дают нам обильный объем данных для анализа. Для сопоставления русского языкового материала с китайским языком был использован перевод Лю Сяньпина, изданный впервые в 2005 году (Лю 2005). Сопоставление оригинала с переводом проводится для того, чтобы выявить специфичные для каждого языка лингвистические и национально-культурные характеристики как важные элементы языковой концептуализации.

Как отмечает Анна Вежбицкая в сопоставительных работах по концептуализации эмоций, в английском языке предпочитают адъективную конструкцию, тогда как в русском языке предпочитают глагольную конструкцию. Разница между двумя языками отражает ориентацию носителей английского языка на пассивно переживаемое человеком состояние и ориентацию носителей русского языка на душевное движение (Wierzbicka 1999: 17-18).

Для нас интересно выяснить, имеются ли в русском и китайском языках какие-нибудь структурные предпочтения, с помощью которых выявляется специфика языковой и культурной концептуализации эмоций.

Наш анализ проводится с точки зрения семантических ролей, а именно «экспериенцера» и «стимула» (Talmy 2007), участвующих в описании эмоциональных событий. Семантическая роль экспериенцер – это «участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т. п. информацию» (т.е. воспринимающий/чувствующий субъект). Семантическая роль стимул – это «источник информации для экспериенцера» (т.е. источник чувства или объект восприятия) (Плунгян 2011: 115). В описании эмоциональных ситуаций, таким образом, в роли экспериенцера выступает участник события, который испытывает ту или иную эмоцию, а в роли стимула, соответственно, выступает источник этой эмоции.

Работа «Эмоция страха и специфика ее выражения в русском и китайском языках» (Е, Сюй и Цай 2017) также ориентирована на поставленные выше вопросы, но анализ проводился

ISBN 978-84-949838-0-1

на основании языкового корпуса. Грамматико-семантический анализ русских слов *бояться, страшно, пугать* и семантически сходных с ними китайских слов показал, что в отличие от русского языка все конструкции китайского языка допускают в роли номинативного субъекта как экспериенцера, так и стимул с учетом возможности использования показателя каузатива, глагола чувства или показателя страдательного залога. При сопоставлении слова *страшно* и его китайского аналога *кэ̌пà* выявлено, что общая для обоих языков характеристика заключается в акценте на стимул.

Следует отметить, что яркая национально-культурная специфика наблюдается при сопоставлении русского слова *пугать* и его китайского аналога *сѝ*. Языковые данные говорят об акценте у русского слова на стимул и у китайского слова на экспериенцера. В русском языке во всех конструкциях присутствуют стимулы, при этом в 27% случаев экспериенцеры не упоминаются. В китайском же языке в 56% конструкций стимул не упоминается. В 79% случаев экспериенцер выражается существительным в номинативном падеже.

В данной работе мы также рассматриваем концептуализацию эмоций на межъязыковом уровне, но на основании другого материала, т.е. художественного текста и его перевода, при этом материал не ограничивается эмоцией страха, а касается всех разных эмоций, которые встречаются в тексте Довлатова. С точки зрения позиций экспериенцера и стимула по отношению к эмотивному предикату различаются два типа описания эмоциональных событий – агентивный и пациентивный. Агентивным мы называем предложение, где позицию подлежащего занимает экспериенцер; пациентивным – предложение, где позицию подлежащего занимает стимул. Представляем следующие примеры:

Таблица 1. Два типа описания эмоциональных событий

Агентивный тип описания	Пациентивный тип описания
1.1. N nom (exp)-Vi-N dat (stim)	1.2. N nom (stim)-Vt-N acc (exp)
Я всегда завидовал тем*, кому это удается.*	***То****, что я увидел,* ***поразило меня.***

В конструкции 1.1. экспериенцер занимает позицию подлежащего, а стимул в форме дательного падежа, соответственно, занимает позицию дополнения, и, таким образом, конструкция определяется как агентивная. В конструкции 1.2. участвуют номинативный стимул *то* как подлежащее и экспериенцер в винительном падеже *меня* как дополнение. Такая конструкция определяется как пациентивная. По нашему материалу, общее количество агентивных эмотивных конструкций в русском языке составляет 80%; в китайском языке их

ISBN 978-84-949838-0-1

количество больше – более 88%. И соответственно пациентивные описания составляют примерно 20% и 12% в двух языках.

Таблица 2. Количество агентивных (А) и пациентивных (Р) эмотивных конструкций в двух языках

	Русский язык		Китайский язык	
А	309	80,1%	340	88,1%
Р	77	19,9%	46	11,9%
	386	100,0%	386	100,0%

Сопоставив конструкции русского и китайского языков, мы получаем такое соотношение количества агентивных и пациентивных типов описания эмоциональной ситуации в русском и китайском языках:

Таблица 3. Соотношение количества А и Р в двух языках

Русский язык	Китайский язык		
А	А	303	98,1%
	Р	6	1,9%
		309	100,0%
Р	А	37	48,1%
	Р	40	51,9%
		77	100,0%

Как мы видим из таблицы 3, среди 309 агентивных описаний эмоциональных событий в русском языке подавляющие случаи (98,1%) при переводе на китайский язык остаются агентивными. Представляем один из примеров:

Таблица 4. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (exp)-Vi	N nom (exp)-Vi
Я похолодел от страха.	*我'Я' 嚇得'так испугаться' 渾身'весь' 發冷'похолодеть'。*

ISBN 978-84-949838-0-1

Описание становления эмоционального состояния *«Я похолодел от страха»* переводится на китайский язык буквально как *«Я так испугался, что весь похолодел»*. Здесь наблюдается соответствие в двух языка агентивного типа описания события. Лишь в единичных случаях (их менее 2%) агентивные конструкции в русском языке при переводе на китайский становятся пациентивными.

Таблица 5. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (exp)-N dat (stim)-Vi	N nom (stim)-Causative *shi*-N (exp)-Vi
Весной снег растаял. "Запорожец" стал плоским, как гоночная машина. Крыша его была продавлена детскими санками. ***Цыпин этому почти обрадовался:*** *— За рулем я обязан быть трезвым. А в такси я и пьяный доеду.*	*這'Это' 使'показатель каузатива' 齊平'Ципин' 很'очень' 開心'обрадоваться'。*

Как показано в таблице 5, агентивная конструкция *«Цыпин этому почти обрадовался»* в переводе на китайский звучит дословно как *«Это сделало Ципина обрадовавшимся».* Номинативный стимул *это* и аккузативный экспериенцер *Ципин*, который стоит после показателя каузатива, составляют пациентивную конструкцию.

Что касается пациентивных описаний эмоциональных событий, то среди 77 таких конструкций в русском языке 48% случаев при переводе на китайский язык переходят на агентивные. Представляем один из примеров:

Таблица 6. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (stim)-N acc (exp)-Vt	N (stim)-N nom (exp)-Vt
Мое дело отвести вас на Иоссер. ***Остальное меня не волнует.***	*其餘事情'Остальное' 我'я' 不'не' 關心'волноваться'。*

Последний фрагмент примера в таблице 6 переводится на китайский дословно как *«Об остальном я не волнуюсь»*. Позиция экспериенцера *я* непосредственно перед предикатом указывает на его синтаксическую роль как подлежащий и стимул *остальное* как дополнение, что соответствует конструкции агентивного типа.

ISBN 978-84-949838-0-1

Почти 52% пациентивных описаний при переводе на китайский остаются пациентивными. Рассмотрим один из примеров в таблице 7.

Таблица 7. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
Vi-N dat (exp)-N nom (stim)	N nom (stim)-Causative *tǎo*-N (exp)-Vi
— Ваш любимый писатель? — ***надоедал финкам Рымарь.***	*雷馬里'Рымарь' 開始'начинать' 討 'показатель каузатива' 芬蘭人'финки' 嫌'надоедать' 了'показатель прошедшего времени'。*

В данном примере китайский перевод звучит приблизительно как *«Рымарь начинал вызывать у финок раздражение»*. При употреблении показателя каузатива экспериенцер *финки* занимает позицию дополнения, и описание остаётся пациентивным.

Таким образом, на основании сравнения художественного текста с его переводом мы получили представление о предпочтении при описании эмоциональных событий в двух типологически разных языках. На данном этапе результат анализа показывает, что в китайском языке употребляют больше агентивных конструкций при описании эмоциональных событий, чем в русском языке. Большинство агентивных конструкций в русском языке переводятся на китайский без изменения, в то же время почти половина пациентивных описаний в русском языке при переводе переходят на агентивные. Таким образом, с помощью анализа семантических ролей в конструкциях с эмотивным предикатом было выявлено предпочтение пациентивного взгляда в русской эмотивной картине мира и предпочтение агентивного взгляда в китайской. Это позволяет представить различия в языковой и культурной концептуализации эмоций в двух языках.

Список литературы

Е Сянлинь, Сюй Каваи, Цай Цзели (2017): Эмоция страха и специфика ее выражения в русском и китайском языках. VII международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР», 9-14 октября 2017. Владивосток.

Лю Сянпинь. (2005): Чемодан. Пекин: Жэньминь вэньсюэ.

Плунгян В. А. (2011): Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет.

ISBN 978-84-949838-0-1

References

Talmy L. (2007): Lexical Typologies, Shopen T. (Ed.) Language Typology and Syntactic Description. Cambridge: Cambridge University Press, 66-168.

Wierzbicka A. (1999): Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge: Cambridge University Press.

ISBN 978-84-949838-0-1

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕМАТИКИ ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА И ПОЛА ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Земичева Светлана Сергеевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
optysmith@gmail.com

THE CORRELATION BETWEEN THE TOPIC OF A DIALECT TEXT AND THE SPEAKER'S GENDER (BASED ON THE MATERIALS OF TOMSK DIALECT CORPUS)

Svetlana Zemicheva
National Research Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

На материале записей устной речи сельских жителей, сделанных в диалектологических экспедициях в сибирском регионе в течение 70 лет, проверяется гипотеза о взаимосвязи пола говорящего и выбора тематики текста. Выявлены типично женские, типично мужские и гендерно нейтральные темы. Для исследования использован материал тематически размеченного электронного корпуса.

ABSTRACT

The hypothesis on the correlation between the gender of the speaker and the topic of the text is tested. Typically female, typically male and gender neutral topics are identified. Thematically marked electronic corpus based on the records of oral speech of rural residents made in dialectological expeditions in the Siberian region for 70 years was used for the study.

Ключевые слова: русские говоры Сибири; Томский диалектный корпус; тематическая организация диалектного текста.
Keywords: Siberian dialects of Russian; Tomsk dialect corpus; thematic organization of the dialect text.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Корпусная лингвистика – активно развивающаяся отрасль науки. При этом всё чаще ставится задача отражения в корпусе региональной специфики языка. С этой целью создаются региональные корпуса (Clua 2006) и корпуса диалектной речи.

Томский диалектный корпус (http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo) – электронный ресурс, созданный на материале записей устной речи сельских жителей. Обследовался обширный регион Среднего Приобья – местности, расположенной по течению реки Оби (по современному административному делению это территория Томской и Кемеровской областей

ISBN 978-84-949838-0-1

в Западносибирском регионе России). Информантами выступали носители русского языка старшего поколения, чья речь имеет диалектные особенности. Время записи – 1946-2016 гг. Цель создания корпуса – исследование народно-речевой культуры и крестьянской ментальности, отражённой в текстах сибиряков. Важной особенностью ресурса является его *полнотекстовый* формат. Виды разметки, реализованные на момент написания статьи, включают *паспортную* (пол, год и место рождения, уровень образования информанта), *тематическую* и *разметку по типу текста* (диалог информантов, полилог информантов, лингвистический опрос, ситуативные вкрапления, фольклор).

Тематическая разметка присутствует почти во всех созданных или проектируемых диалектных корпусах русского языка, однако перечни тем не совпадают на разных ресурсах. Так, в диалектном подкорпусе национального корпуса русского языка выделено 58 тем, среди которых «Быт, «Война», «Досуг», Природа», «Семья» и др. (URL:http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html).

В Томском диалектном корпусе тематическая разметка осуществлялась на основе следующих принципов:

1) тема маркируется на уровне отдельного текстового фрагмента, а не текста в целом.
2) список тем включает 72 наименования и «атематический фрагмент», которым помечаются фрагменты, не отвечающие критерию связности (чаще всего они встречаются в ранних записях);
3) список тем иерархичен, насчитывает 3 уровня обобщения: макротема – тема – микротема;
4) используется «мягкая» разметка с возможностью присвоения одному и тому же фрагменту нескольких тематических меток

В начале каждого текста списком даётся перечень тем, привязанных к конкретным фрагментам, при выборе темы из списка соответствующие фрагменты подсвечиваются (см. рис.1).

ISBN 978-84-949838-0-1

Темы:

Условия жизни | Образование | Одежда и обувь | Деньги и документы | Вера и суеверия | Работа | Ловля рыбы | Выращивание растений | Язык и речь | Транспорт | Покупки и продажа | Другие соцгруппы | Страны, города сёла | Шишкобой | Прочие работы | Домашние вещи | Еда | Сбор дикоросов | Праздники | Выращивание животных | Заготовка кормов | Обычаи и обряды | Местность | Атмосферные явления | Природа | Мораль | Прошлое и настоящее | Досуг | Дом и усадьба | Стихийные бедствия

Жанры:

Жили бедно, учились в чарочках с опушками. Я училась при царе. Был у меня похвальный лист. Приходская школа
С. 29
была, три класса. Водили нас в церкву, я пела на крылосе.
Раньше в крестьянстве работали много. На подёнщину ходили. За двадцать копеек в день. А пуд муки аржаной стоил тридцать копеек, как сходишь два дня, так больше пуда.
Рыбачили неводами, свои делали. Сеяли конопле', дёргали, мочили, сушили, вязали на и'глицах – дошечка така', наматывашь нитку и вяжешь. Вязали режовки – сети.
С. 30
Лодка была – завозка, они длиннее. Были раньше, щас нет. Рыбачить-то раньше откупали озёры. И вот на ети озёры, когда лёд станет, едешь неводить. Приезжали купцы скупать или сами в Томск ходили. Зимой лёд долбишь пешнями. Конец железный, вострый. Рыбу из матки саком выкидывали. Есь ишо самолов, удочки, только большие. Без наживки, рыба
С. 31
хвостом и зацепит её. Раньше больше рыбы было: муксун, стерлядь. Ну раньше запрета не было. Сети плавальные, режовки, частушки, они и щас есь.
На шишку ездили артелями, двадцать копеек фунт. Били ботом – жердь с лесиной прибитой. На когтях ходили по кедрам. Орешки продавали купцам, сначала кали'ли.
Были азямы, зипуны. Азям – из шерсти кругом, ткали
С. 32
сами. Надее'тся сверху пальта и мороз уже никакой не продерёт. Чарки' с голяшками и шерстяные чулки и валенок не надо. Сами и мыло варили. Базарного не было. Напечёшь пепла и заваривашь, настаивается как смола чёрная и мешаешь с требухой, салом. По сто комов наваривали. Глиняные чашки были, деревянные ложки, туески. Глиняные корчаги для кваса.
С. 33
Корчажный квас хороший. Из своего аржаного хлеба. Ва выстоишь хлеб размочен, положишь сена и сливашь. Сперва сусло сбежит. Кулагу делали или с калиной или со смородиной, после обеда пьешь. Щас не сделашь, мука-то не такая. Хлеб от испечёшь таперь такой! Сами сеяли, был конь с сохой. Молотили деревянными молотильнями. Большинство молотили на озере.

Рисунок 1. Скриншот текста, размеченного по темам.

Всего в Томском диалектном корпусе выделено 73 темы, представляющих «зоны актуального внимания сельского жителя» (по В.Е. Гольдину). Из них 16 имеют статус макротем (ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ; РАБОТА; БЫТ; ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ; ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ; ПРИРОДА; ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА; СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА; ОБРАЗОВАНИЕ; КРИМИНАЛ; ПРОИСШЕСТВИЯ; ТЕХНИКА; ТРАНСПОРТ; ДЕНЬГИ И ДОКУМЕНТЫ; ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ; АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ).

ISBN 978-84-949838-0-1

Далее макротемы при необходимости членятся на собственно темы. Это центральный уровень разметки, выделено 54 темы. Наиболее обширна макротема «Работа», включающая 13 тем: «Обработка почвы», «Выращивание растений», «Заготовка кормов», «Выращивание животных», «Лесозаготовка», «Охота», «Ловля рыбы», «Шишкобой», «Сбор дикоросов», «Обработка льна», «Женские работы по дому», «Мужские работы по дому», «Прочие работы», «Профессия». Набор тем отражает основные занятия сельского населения. При необходимости выделяется 3й уровень тематической иерархии – микротемы («Рукоделие» как часть «Женской работы», «Пчеловодство» в теме «Животноводство»). Детализированы также макротемы «Личность и социум», «Быт», «Человек духовный», «Природа», «История и политика». Например, в составе макротемы «Человек духовный» выделяются темы «Досуг», «Праздники», «Вера и суеверия», «Обычаи и обряды», «Язык и речь», «Мораль», «Характер человека». «Атематический фрагмент» маркирует отрезки текста, тему которых определить невозможно (отдельные слова или не связанные между собой фразы, наиболее характерные для ранних записей).

Существуют и теоретические разработки в сфере исследования тематики диалектной коммуникации. В частности, было показано, как происходит тематическое развёртывание диалектного текста в динамике (Косицина 2013). Изучалась также тематическая специфика диалектной речи на фоне литературной (Буранова 2015). Взаимосвязь темы текста и пола говорящего на материале русской диалектной речи, насколько нам известно, не изучалась, чем обусловлена *новизна* настоящей работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют темы типично женские и типично мужские. Для её проверки был проведён поиск по каждой теме корпуса с одновременным наложением фильтра «пол». Результаты представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Отметим, что Томский диалектный корпус не сбалансирован по гендерному принципу. Из 1000 текстов, включённых в него к моменту написания статьи, более 2/3 являются женскими, 1/3 – мужскими. В связи с этим сравнивалось не абсолютное, а относительное количество определённых тематических фрагментов среди женских и мужских текстов.

Важно отметить, что для большей части тем относительные цифры примерно совпадают (см. табл.1). В таблице приведены: общее число фрагментов данной темы в мужских текстах; процент этих фрагментов среди всех мужских текстов; общее число фрагментов данной темы в женских текстах; процент этих фрагментов среди всех женских текстов. Последняя колонка представляет собой частное от деления столбцов 3 и 5. Она показывает, насколько процент данных текстов выше у мужчин, чем у женщин. Чем эта цифра больше, тем более значительны отличия между мужчинами и женщинами в количестве фрагментов по данной теме.

ISBN 978-84-949838-0-1

Коэффициент меньше 1 указывает на преобладание темы в женских текстах, больше 1 – в мужских. В группу гендерно нейтральных попали темы, где этот коэффициент близок к 1 (от 0.8 до 1.2).

В таблице макротемы выделены заглавными буквами, темы – строчными. Проценты приводятся с точностью до сотых долей, итоговый коэффициент – с точностью до десятых.

Таблица 1.Гендерно нейтральные темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М %	Ж всего	Ж %	М% / Ж%
О себе	153	52,76%	464	66,00%	0,8
Жители села	98	33,79%	245	34,85%	1,0
Заготовка кормов	85	29,31%	241	34,28%	0,9
Выращивание животных	120	41,38%	318	45,23%	0,9
Прочие работы	153	52,76%	351	49,93%	1,1
Профессия	76	26,21%	226	32,15%	0,8
Дом и усадьба	105	36,21%	337	47,94%	0,8
Домашние вещи	96	33,10%	309	43,95%	0,8
Покупки и продажа	91	31,38%	248	35,28%	0,9
Условия жизни	14	39,31%	364	51,78%	0,8
Вера и суеверия	87	30,00%	276	39,26%	0,8
Язык и речь	173	59,66%	343	48,79%	1,2
Мораль	67	23,10%	210	29,87%	0,8
Природа	16	5,52%	38	5,41%	1,0
Домашние животные	110	37,93%	291	41,39%	0,9
Растения	85	29,31%	225	32,01%	0,9
Погода и атмосферные явления	63	21,72%	185	26,32%	0,8
Стихийные бедствия	31	10,69%	67	9,53%	1,1
Колхозы и совхозы	101	34,83%	230	32,72%	1,1
Репрессии	46	15,86%	93	13,23%	1,2
Великая отечественная война	116	40,00%	274	38,98%	1,0
Страны, города, сёла	116	40,00%	232	33,00%	1,2
Образование	117	40,34%	325	46,23%	0,9
Криминал	29	10,00%	78	11,10%	0,9
Техника	51	17,59%	105	14,94%	1,2
Транспорт	104	35,86%	205	29,16%	1,2
Атематический фрагмент	94	32,41%	278	39,54%	0,8

В эту группу вошли многие частотные темы диалектного дискурса («О себе», «Жители села», «Дом и усадьба», «Колхозы и совхозы», «Образование», «Криминал»). Сюда попали также некоторые виды работ («Выращивание животных», «Сенокос», «Профессия»),

ISBN 978-84-949838-0-1

макротема «ПРИРОДА» и отдельные темы в её составе («Домашние животные», «Растения», «Погода», «Стихийные бедствия»). Хотелось бы обратить внимание, что в число нейтральных тем по результатам подсчётов вошла «Великая отечественная война». Объяснить это можно масштабностью данного события, оно коснулось как мужчин, так и женщин, в значительной степени повлияв на их жизнь. В эту же группу вошли темы «Техника» и «Транспорт», хотя можно было ожидать, что они окажутся специфически мужскими.

В группу типично мужских тем были включены те, для которых коэффициент отношения частотности в мужских и женских текстах составляет 1,5 и более (см. табл.2). «Самыми мужскими» темами оказались «Пчеловодство» (почти в 4 раза чаще у мужчин, чем у женщин), «Охота», «Исторические личности» (почти в 3 раза чаще). В таблице они выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. Мужские темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М%	Ж всего	Ж%	М% /Ж%
Обработка почвы	69	23,79%	112	15,93%	1,5
Пчеловодство	**35**	**12,07%**	**22**	**3,13%**	**3,9**
Лесозаготовка	91	31,38%	163	23,19%	1,4
Охота	**132**	**45,52%**	**116**	**16,50%**	**2,8**
Ловля рыбы	**173**	**59,66%**	**207**	**29,45%**	**2**
Шишкобой	**58**	**20,00%**	**60**	**8,53%**	**2,3**
Мужские работы по дому	15	5,17%	23	3,27%	1,6
Вода в природе	108	37,24%	158	22,48%	1,7
Местность	67	23,10%	100	14,22%	1,6
Животные	15	5,17%	11	1,56	3,3
Дикие животные	**114**	**39,31%**	**107**	**15,22%**	**2,6**
Экология	19	6,55%	24	3,41%	1,9
История и политика	51	17,59%	69	9,82%	1,8
Исторические личности	**44**	**15,17%**	**37**	**5,26%**	**2,9**
Революция, гражданская война	37	12,76%	54	7,68%	1,7

Проведенные подсчёты позволяют довольно чётко выявить доминанты мужского диалектного дискурса. Во-первых, это специфически мужские типы работ: обработка почвы, пчеловодство, лесозаготовка, рыбная ловля, охота, сбор кедрового ореха. Как правило, это работы, связанные со значительными физическими усилиями, а также с пространством за пределами дома (лес, река). Таким образом, диалектные тексты создают стереотипное

ISBN 978-84-949838-0-1

представление о мужчине как существе, направленном во внешний мир. С этим связана и частотность тем «Дикие животные», «Вода в природе», которые в текстах часто соседствуют с рассказами об охоте, рыбалке. Показательно, что именно в мужских текстах чаще появляются рассуждения на экологические темы: *Кедра'. Но кедру' эту не резали раньше ши'бко. Она сперьва' её считали как она плодовое дерево. Его берегли. А потом это стали срезать. Вот щас много его уничтожили. А оно ведь действительно плодовое.* (муж., 74 года. Шегарский район, Мельниково, 1985).

Направленность «вовне» проявляется и в том, что мужчины чаще говорят о политической жизни. Последнее проявляется в бо'льшей, по сравнению с женщинами, частотности тем «Революция и гражданская война», «Исторические личности» в составе макротемы «История и политика» и этой макротемы в целом. Среди исторических личностей при этом чаще всего упоминается руководитель Белого движения во время гражданской войны 1917 г. адмирал Александр Васильевич Колчак, проводивший активные военные действия на территории Сибири: *Сначала пришла сове'тска власть, потом колчаковцы. Они уежжа'ли в Тюмень по Оби. Колчак мобилизовал всё окрестное население.* (муж., 50 лет, Парабельский район, Нарым, 1972) Неоднократно встречаются также рассказы о Сталине, который в 1912 в течение месяца отбывал ссылку в селе Нарым Томской области. Этот исторический факт породил легенды среди местных жителей: *А, правда, приходил какой-то пришелец. Говорил нашему Люберцеву, что он ему дядя родной. Так тот что-то не хотел его признавать. Щас-то он помер. Жена Серафима его жива. Правда, ска'зыват, что тот Сталин приходил. Позже по портретам узнали. Давно эт было. Нет, сельсовета, конечно, не было. Чё-то то ли пятый год был, то ли восьмой. В о'бчем, кода' студентов-то в Сибирь гнали. Вот тода'. <…> А хто его знат. Может, и правда то Сталин приходил. Хто щас скажет. Я-то вишь дома тогда не был. (муж., Кривошеинский район, Першино, 1958 г.)*

Иные тематические доминанты выделены в речи женщин (см. таблицу 3). Для удобства в ней сначала приводятся данные о женщинах, затем о мужчинах; последняя колонка показывает, во сколько раз та или иная тема встречается в женских текстах чаще, чем в мужских.

Таблица 3. Женские темы диалектной коммуникации

Тема	Ж всего	Ж %	М всего	М %	Ж% / М %
Семья и родственники	575	81,79%	173	59,66%	1,4
Межличностные отношения	193	27,45%	42	14,48%	1,9
Характер человека	98	13,94%	23	7,93%	1,8

ISBN 978-84-949838-0-1

Выращивание растений	406	57,75%	108	37,24%	1,6
Женские работы по дому	**204**	**29,02%**	**18**	**6,21%**	**4,7**
Рукоделие	**221**	**31,44%**	**35**	**12,07%**	**2,6**
Быт	111	15,79%	28	9,66%	1,6
Одежда и обувь	375	53,34%	95	32,76%	1,6
Еда	447	63,58%	111	38,28%	1,7
Человек физический	275	39,12%	74	25,52%	1,5
Болезнь	376	53,49%	107	36,90%	1,4
Досуг	305	43,39%	75	25,86%	1,7
Праздники	**304**	**43,24%**	**56**	**19,31%**	**2,2**
Обычаи и обряды	**220**	**31,29%**	**26**	**8,97%**	**3,5**

Наиболее значимы отличия в темах, связанных с работой. Так, тема «женская работа по дому» (сюда были включены текстовые фрагменты о стирке, уборке, приготовлении пищи) встречается у женщин почти в 5 раз чаще, чем у мужчин. В 2,6 раза чаще встречается микротема «Рукоделие» (сюда были включены рассказы о вязании и шитье, прядении и ткачестве). Отметим, однако, что упоминание этих видов работ в мужских текстах не исключается полностью. К типично женским видам работ можно отнести также выращивание растений, хотя количественные показатели гендерных различий здесь меньше.

Значимые отличия отмечены в темах «Обычаи и обряды» а также «Праздники» – они встречается у женщин чаще в 3,5 и 2,2 раза соответственно. Таким образом, в исследуемом сибирском регионе именно женщины выступают хранительницами традиционной культуры. Приведём фрагмент такого текста: *«О, сёдня там у Аньки, будет просватанье», все бежим, как придётся, де, как-то будут говорить, да как будут сватать. [А как проводили всё это?] Ну, прихо'дют родители, этих, жениха, покло'нются там, боженьке, начинают: «Вот так-то так-то, Марья Ивановна, Иван Михалыч, там кто, вот по таким-то делам, у вас дочка у нас сыночек, вот нам надо как-то подружиться, породниться», и начинают, начинают.* (жен., 81 год, Томский район, Батурино).

Наличие среди «женских» тем таких как «Семья и родственники», «Межличностные отношения», «Характер человека» подтверждает стереотипное представление об ориентации женщины на «ближний круг» а также заинтересованности в психологических аспектах жизни человека. Характерный пример текста, посвящённого межличностным отношениям: *Ну вот эти мячики мы очень любили играть, бегать. С нами мужики взрослые, парни, женатые всё, с нами. Ну жили всё мы очень дружно. Если горе случилося, то всей деревней помогали. Если похороны были, свадьба, уже всей деревней. А теперь же ведь случись у тебя, горе-то тебе, если у тебя нет ложки муки, а другого есть, значит никто не прита'шшыт вам этого. А у нас было такое, дружные мы были. И нас всё звали это карагазы, оне' так вроде бы*

ISBN 978-84-949838-0-1

староверые, оне', значит, такие дружные (жен., 41 год, Шегарский район, Мельниково, 1984).

Вполне ожидаемо, что женщин также больше волнует быт (темы «Еда», «Одежда и обувь» и макротема «Быт» в целом встречаются в их текстах чаще).

Чаще в женских текстах затрагиваются темы «Болезнь» и «Человек физический». Содержание последней нередко составляют сетования на возраст (*Руки-то как грабли, и в иголку-то не вдернёшь. Глаза не видят*) а также рассказы о рождении детей (*Вечером али днём ли картошку окучивала тут я, а ночью у меня живот заболел. И лежим с мужем и: «Ой, чё-то у меня живот болит». Он: «А ты, – грит, – водички солёной попей, и перестанет болеть». Ну правда, я это… встала, сходила на улицу. Нет, живот болит, свекровке сказала. Она гыт: «Ой, баньку истопим и, и родишь». А такая избёнка ма'ленька была, ну маленько побольше вот как все. А такая орава десять человек. Думаю, ну как я тут рожать буду, все мальчишки». Ну от тут медичку позвали, она посмотрела и говорит – а трамвай ходил по речке, по Парабели, речной трамвай – она говорит: «Сёдня трамвай пойдёт, и поедем в Парабель, и там рожать будешь. И я, – гыт, – с тобой поеду, если чё, дак дорогой приму». Ну я доехала, правда, благополучно, на квартиру пришли мы. Ночью чё-то начало меня схватывать, муж меня повёл в больницу. Ну и родила я Любушку себе. [То есть в больнице рожали, не дома?] В больнице, в больнице, ага. А вторую я рожала дома. Это в декабре было, тоже как раз в субботу, всё прибрала, помыла, баньку истопила, помылись, и схватки начались. Ну медика так же вызвали, и с медиком родила. Ещё одну девочку родила.* – жен., 86 лет, Парабельский район, Парабель, 2012).

Выводы: Томский диалектный корпус представляет собой новый и достаточно репрезентативный ресурс для изучения народной речи, в том числе в ряде новых аспектов (дискурсивном, гендерном). Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о существовании в диалектной коммуникации типично мужских и женских тем, выявленных на фоне нейтральных. К мужским темам отнесены «Шишкобой», «Охота», «Дикие животные», «Пчеловодство», «Исторические личности», которые встречаются в текстах мужчин в 2-4 раза чаще, чем в текстах женщин, и ряд других, отличия между которыми менее значимы. Женскими темами, по результатам подсчётов, являются темы «Обычаи и обряды», «Праздники», «Женские работы по дому», «Рукоделие», которые встречаются в 2-5 раз чаще в женских текстах, и ряд других. Таким образом, материалы записей диалектной речи свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании типичных гендерных ролей «мужчины-добытчика», ориентированного на внешний, «большой» мир, социум и «женщины-хранительницы домашнего очага», чьё внимание сосредоточено на быте, семейной жизни,

ISBN 978-84-949838-0-1

традициях и внутреннем мире человека. Дальнейшее исследование заявленной проблематики требует уточнения ряда вопросов, в частности – степени влияния собирателя на выбор темы диалектной коммуникации; ослабления/усиления диспропорции мужских и женских текстов с течением времени; реализации мужчинами и женщинами разных коммуникативных стратегий при раскрытии одной темы и др.

Список литературы

Clua E. (2006): New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD). New perspectives on Romance linguistics. Vol. 2 (Phonetics, phonology, and dialectology), 31–47.

Буранова А.И. (2015): Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной: на материале русского языка: автореферат дис. ... канд.филол. наук: 10.02.19 / Буранова Анна Игоревна. Саратов. 23 с.

Диалектный корпус национального корпуса русского языка URL:http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html (дата обращения: 12.03.2018).

Косицина Ю.В. (2013): Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Косицина Юлия Владимировна. Кемерово. 26 с.

Томский диалектный корпус: Демо-версия [Электронный ресурс] URL: http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo (дата обращения: 12.03.2018).

ISBN 978-84-949838-0-1

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАР»

Зорина Екатерина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ekaterina.zorina@hotmail.com

EXPLETIVE CONSTRUCTIONS IN THE NOVEL “ZHELEZNY PAR” BY P. KRUSANOV

Zorina Ekaterina
St. Petersburg University, Russia

АННОТАЦИЯ

Изучение структуры художественного повествования предполагает рассмотрение грамматических особенностей в нарративном аспекте. Первостепенной задачей здесь оказывается локализация точки зрения говорящего, для чего необходимо обращение к синтаксическим особенностям повествования. Структура повествования в романе «Железный пар» усложнена на формальном уровне: роман «построен» из двух перволичных повествований, в каждом из которых есть свой повествователь и актуализируются определенные синтаксические конструкции. Вставные конструкции в повествовании от лица героя Руслана выполняют функцию формирования модального плана, на котором реализуется диалог «автор-читатель» в эмотивном аспекте. Это некие надтекстовые комментарии, обращенные к читателю как к участнику художественной коммуникации.

ABSTRACT

The fiction narrative studying is focused on the grammar features of the text. The key here is the position of the narrator. The analysis can be conducted through the syntax structure. The narration of the novel “Zhelezny par” consists of two first person narrations with the certain syntactic structures marked in the modal aspect. The expletive constructions in one of the “narrations” form the level of the author-reader dialogue in the emotive aspect. The constructions include the overtext statements directed to the reader as a part of the fiction communication.

Ключевые слова: художественный текст; художественное повествование; синтаксис текста; эгоцентрические элементы языка; вставная конструкция; точка зрения

Key words: narration; fiction narrative; narrator; syntax; egothentrics; expletive constructions; point of view

Изучению синтаксиса современного художественного текста посвящено огромное количество литературы. Исследования грамматики на материале художественных произведений позволили сделать много важных выводов и наметить дальнейшие пути развития лингвистики и филологии. Определенными этапами здесь стали работы В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, Е. В. Падучевой, Б. Ю. Успенского, В. Шмида,

ISBN 978-84-949838-0-1

М. Я. Дымарского и многих других. Внимание к художественному тексту в лингвистическом аспекте привело к формированию целого ряда направлений исследования: исследование категории диалогичности, категории «чужой речи», категории модальности; синтаксических единств, больших чем предложение, и многих других вопросов, рассмотрение которых позволило определить целый ряд синтаксических структур. Основным путем развития науки здесь является описание и изучение субъекта речи.

Признание важности категории субъекта привело к выделению экспрессивной (эмотивной) функции языка как одной из основных функций, выделенных Р. О. Якобсоном среди других в схеме речевой коммуникации (Якобсон 1975: 203). Язык становится не только средством информативного, но и личного (фатического) общения.

Как отмечает Е. М. Галкина-Федорук, сферы человеческой психики «выражаются и обслуживаются языком, который неразрывен с мышлением, необходимо связан с эмоциональными и волевыми движениями человека», поэтому особую важность приобретает разграничение понятий, связанных с эмоциональностью и другими явлениями, которые называются «экспрессивными» (Галкина-Федорук 1958: 104–105).

На пути к изучению экспрессии в грамматике безусловно, важным явилось признание того, что «грамматика не существует вне текста», а также особое внимание к синтаксису как «организующему центру грамматики» и описание грамматики в коммуникативном аспекте, которое в отечественной лингвистике получило отражение в работах Г. А. Золотовой и ее учеников. А также теория эгоцентриков, разработанная Е. В. Падучевой (1996).

Таким образом, сегодня изучение реализации субъекта речи на синтаксическом уровне необходимо обращается к эмоциональным элементам языка. Однако эмоциональность как таковая признается чисто психологической категорией.

Для описания реализации эмоций на уровне языка В. И. Шаховский вводит понятие эмотивности. Эмотивность определяется как «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» (Шаховский 1987: 24).

На синтаксическом уровне понятие эмотивности связано с понятием экспрессивности. Впервые о субъективно-экспрессивных формах синтаксиса сказал В. В. Виноградов (Акимова 1990: 84-86). А накопленный далее опыт и теоретические знания позволили описать целый ряд конструкций и синтаксических структур. Идеи В. В. Виноградова получили развитие в 1960-ые гг. с появлением и самого термина «экспрессивный синтаксис», который, как пишет Г. Н. Акимова, «применяется при описании отдельных синтаксических явлений письменной речи», то есть экспрессивных синтаксических конструкций (Акимова 1990: 79, 86-87).

ISBN 978-84-949838-0-1

Дальнейшее изучение экспрессии на синтаксическом уровне шло в русле определения и описания этих конструкций – конструкций экспрессивного синтаксиса.

Г. Н. Акимова говорит о том, что в основе всех конструкций экспрессивного синтаксиса лежит тенденция к аналитизму, которая является основной для всего синтаксического строя современного русского языка. «Ведущим среди экспрессивных построений является процесс сегментации» (Акимова 1990: 90). Расчленение синтаксической цепочки приводит к тому, что конструкция, состоящая из отдельных частей, вмещает бОльшее количество информации, так как появляется возможность для формирования имплицитных смыслов. Конструкции экспрессивного синтаксиса образуют открытый ряд и описаны многими исследователями. Однозначно к конструкциям экспрессивного синтаксиса относят: парцелляцию, сегментацию и Именительный темы, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции и особые случаи словорасположения.

Обращаясь к современному состоянию грамматической науки, следует признать, что при описании языкового материала имеются два возможных подхода:

1) отождествление понятий, тогда экспрессивность включает в себя эмоциональность и образность, которые служат средством усиления впечатления (О. В. Александрова, В. В. Виноградов, Т. В. Матвеева, Р. Р. Чайковский и др.);

2) однако на материале сопоставительных исследований рядом ученых делается вывод о разграничении понятий (В. Г. Гак, Е. М. Галкина-Федорук, И. А. Скрипак). Так Е. М. Галкина-Федорук считает, что экспрессивное шире эмоционального: эмоциональные средства служат только для выражения чувств человека, а экспрессивные усиливают выразительность и изобразительность речи не только при выражении эмоций, но и при передаче мыслей субъекта (Галкина-Федорук 1958: 107–108). В связи с этим при анализе конструкций экспрессивного синтаксиса вводится понятие актуализации.

Основой для разведения понятий также может служить аспект адресата. Тогда оказывается, что эмотивность по сути выражает те чувства, которые испытывает человек по своей воле, а экспрессивность связана с убеждением и воздействием на волю адресата: экспрессивными средствами говорящий будто «вызывает» чувства у собеседника (Коростова 2009: 91).

На материале художественного текста в центре внимания исследователя оказывается читатель и «образ читателя» - термин А. Ю. Большаковой.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таким образом, наряду с экспрессивным синтаксисом формируется направление, сосредотачивающее свое внимание в большей степени на проявлении эмоций в речи - эмотивный синтаксис. Эмотивный синтаксис определяется как система «синтаксических структур, заключающих в себе потенцию эмоциональности, которая может реализоваться в момент актуализации в силу условий антропологического характера, играющих в конкретном случае решающую роль» (Турбина 2013: 5).

Следует сказать, что синтаксис современного художественного текста представляет собой интересный материал для исследования в грамматическом аспекте. Повествование современных художественных текстов характеризуется целым рядом терминов как нелинейное, многоплановое, многослойное, сложное по структуре, организуемое «образом автора». Так или иначе указанные характеристики связаны с анализом реализации повествующего субъекта. Нарушения синтагматической связности в художественном тексте оказывается шире каких-либо определяемых конструкций и должно анализироваться в аспекте замысла автора с привлечением эмотивного аспекта.

Структура повествования в романе «Железный пар» усложнена уже на формальном уровне: роман «построен» из двух перволичных повествований, в каждом из которых есть свой повествователь. Эти «части» повествования последовательно сменяются друг друга. Роман начинается перволичным повествованием от лица одного из главных героев. Вторая часть оформлена как записи в тетради героя Руслана Грошева. Формально роман организован следующим образом: текст тетради в тексте романа. При этом сюжет построен так, что только на странице 109 читателю становится понятно, что главные герои-повествователи братья-близнецы (об этом тоже говорится не прямо). С этого момента читатель начинает и ему приходится находить связи в сюжетных линиях частей повествования; мысленно возвращается назад, так как начинает понимать некоторые сюжетные движения и отдельные высказывания уже в контексте повествования всего романа, а не отдельной «части».

При таком построении повествование можно определить как нелинейное, расчлененное. Здесь следует обратить внимание на ряд синтаксических особенностей повествования. Повествование в романе реализует описательный тип речи и оформляется репродуктивным регистром. Однако в каждой «части» актуализируются определенные синтаксические конструкции.

В повествовании от лица брата Руслана (которое оформлено как тетрадь его записей) особую роль играют высказывания, оформленные как вставные конструкции. Конструкции маркированы в модальном аспекте. Большое количество конструкций содержат пояснения, связанные с собственно языковым строением текста. Такие высказывания можно

ISBN 978-84-949838-0-1

квалифицировать как высказывания, содержащие лингвистическую рефлексию. Надо отметить, что явление филологической рефлексии в текстах Павла Крусанова типично и всегда связано с поиском как бы верного слова **у повествователя**. Однако модальная окраска высказываний, заключенных в скобки, обращена **к читателю**, которому предлагается понять, какую функцию выполняют данные конструкции в смысловом аспекте.

Ряд вставных конструкций в романе содержит высказывания уточняющего, информационного характера:

1. Да, опасаюсь ходить под окном. А оно ровно там – в Поварском: старый дом с фонарями **(иначе – эркерами, это у строителей архитектуры одно и то же)** через два этажа – со второго на третий. (с. 16)

Почти всегда такие комментарии ничего не добавляют к сюжетному повествованию романа.

Вставные конструкции могут пояснять синтаксическую конструкцию, когда потенциально в ней заложено двоякое прочтение, однако интересно, что на уровне смысла такое прочтение невозможно: в следующем примере уточнение, что читает НЕ кошка, с точки зрения здравого смысла, является избыточным.

2. Иногда на подоконник усаживается кошка полосатой масти (или кот). Она читает **(не кошка)** и, вероятно, иной раз забывается над книгой. (с. 17)

Пояснения в скобках и здесь не имеют непосредственного отношения к тексту основного повествования.

В части конструкций содержатся синонимы к словам основного предложения. Такая постановка синонимов позволяет автору обратить внимание на смысловые оттенки, которыми они отличаются:

3. Все эти вехи **(этапы)** большого пути. (с. 39)

«Вехи» и «этапы» отличаются как семантически, так и стилистически.

Ряд подобных конструкций реализует еще и функцию реактивного регистра, то есть синонимичный комментарий, заключенный во вставку, передает прямую субъективную

ISBN 978-84-949838-0-1

оценку. Синонимы здесь носят текстовый и субъективный характер: *светлые – дельные*; *паузы-разрывы*. Во второй вводной конструкции присутствует также и метатекстовый комментарий: *а правильно сказать*. В третьей вставной конструкции, которая заключает в себе другую конструкцию экспрессивного синтаксиса – лексический повтор с синтаксическим распространением, - содержится модально окрашенное наречие «открыто». Все это выявляет авторскую позицию по отношению к повествованию:

5. В отличном результате названного принципа легко может убедиться и каждый современный человек – самые светлые **(дельные)** мысли приходят нам на ум тогда, когда мы в движении, а не летим или плывем, приятно грея – не сказать обидно – в уютном кресле зад. (с. 44)

6. В рекламных паузах **(а правильно сказать – разрывах)** художественных сериалов бесследно исчезают кадры и целые иной раз сцены! У нас крадут **(и крадут открыто)** минуты ценного эфира … (с. 93)

Конструкции с синонимами могут содержать вопрос, обращенный за пределы повествования. Интересно, что в данном случае конструкция работает в модальном плане читателя только в том случае, если читатель способен воспринимать как прямое, так и переносное значение слова «артерия»:

7. Планета возродится как здоровый организм с первозданным небом и синими артериями **(или венами? ведь синие под кожей – вены?)** вод. (с. 43)

Высказывания, оформленные как вставные конструкции, сбивают с толку читателя на уровне сюжетного повествования, так как постоянно как бы прерывают ход рассуждения героя, пишущего тетрадь, но выполняют функцию формирования модального плана, на котором обычно реализуется диалог «автор-читатель». Это некие надтекстовые комментарии, обращенные к читателю как к участнику художественной коммуникации. Более того, автор предполагает читателя, готового воспринимать текст, построенный таким образом.

Отдельно следует сказать, что в тексте тетради Руслана Грошева имеются высказывания, оформленные как вставная конструкция внутри вставной конструкции. И такие построения связаны именно с сюжетным повествованием, с рассуждениями героя, то есть не выходят за пределы повествования на модальном уровне. Так повествование получает следующее

ISBN 978-84-949838-0-1

оформление: тетрадь героя, включенная в текст романа; комментарий в тетради; комментарий к комментарию в тетради + высказывания, ориентированные на читателя. Но такая однозначность есть не всегда, так как формально повествователь в тексте все-таки один:

8. Просто я ставлю во главу краеугольным камнем честность самоотчета **(отсюда и тетрадь) четвертая уже)**, куда я заношу мысли в порядке производства в гончарне разума и чувств. (с. 16)

9. Откуда? Я ведь уже обжегся так, что выгорел внутри до головешки **(брат выкрал у меня мои мечты (писал об этом: первая тетрадь, страницы 3-12))**, и знаю, как скроен мир этих отъявленных притворщиц: из фальши, видимости, зова неусмиренных тел, стремления блеснуть и получить порцию липких (клейких) слов в награду. (с. 18)

Первая вставная конструкция в обоих примерах логично объясняет рассуждения основного повествования, а вторая – комментирует первую. На модальном уровне, очевидно, героем движет желание упорядочить свои мысли, скрупулезно и честно записав их в тетрадь, а через это упорядочить и весь мир, который рухнул из-за безответной любви.

Следующий пример требует отдельного комментария:

10. Бодуля как-то сообщил **(меня с ним свел злосчастный брат, и мы довольно часто с ним (с Бодулей, разумеется, не с братом) беседуем на кухне, организованной в подсобке его букинистического заведения),** что «Философия общего дела» русского мыслителя Федорова по своей революционной сущности не уступает «Капиталу». (с. 64)

Подобные построения иллюстрируют единство повествователя в тексте тетради и во вставных конструкциях, обращенных к читателю. Здесь также имеется лингвистическая рефлексия: комментарий, касающийся синтаксической структуры **(с Бодулей, разумеется, не с братом)**, но данный комментарий заключен в рамки внешней вставной конструкции, как графически, так и с точки зрения смысла. То есть комментарий остается пределах одного модального плана.

Как известно, изучение структуры художественного повествования предполагает рассмотрение грамматических особенностей в нарративном аспекте. Усложнение художественной коммуникации приводит к сдвигу интерпретации эгоцентрических элементов: слов и конструкций, которые содержат отсылку к говорящему. Первостепенной

ISBN 978-84-949838-0-1

задачей здесь оказывается локализация точки зрения говорящего. Так как в тексте романа категория точки зрения реализуется многопланово, целесообразным оказывается обращение к эмотивному аспекту. Высказывания, оформленные как вставные конструкции, не участвуют в формировании сюжета; не передают концепцию автора в содержательном плане; не формируют самостоятельного повествовательного плана.

Конструкции работают на уровне диалога автор – читатель, где автор, оставляя за собой главенствующую роль, воздействует на адресата. Однако воздействие это имеет целью не сформировать какое-то представление или подвигнуть к каким-то содержательным размышлениям, а воздействовать на эмоциональное состояние адресата. Вставные конструкции заставляют читателя отвлекаться от сюжетного повествования, не давая при этом почвы для содержательных рассуждений. Читателю предлагается рефлексировать не над сюжетом, а над эмоциональном впечатлении от текста романа. То есть диалога между автором и читателем как такового не происходит: даже эмоциональная сфера адресата оказывается во власти автора. Но именно так и формируется концепция романа: повествование получает единство благодаря семантико-грамматическим связям маркированных синтаксических конструкций; расчлененность повествования оказывается мнимой; повествователь является единым. Суть такого построения повествования в формировании эмоции от прочитанного текста у читателя. В тексте напрямую не задаются вопросы и не предлагаются ответы; важна эмоциональная рефлексия.

Таким образом, синтаксическая экспрессия реализуется не в аспекте актуализации, заданной автором, а в эмотивном аспекте, который предполагает эмоциональное воздействие на читателя. Традиционное рассмотрение художественного повествования с опорой на синтаксическую структуру: сюжет; повествовательная форма; особенности реализации субъекта – оказываются только основой для анализа в эмотивном аспекте.

Список литературы

Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.

Галкина–Федорук Е. М. (1958): Об экспрессивности и эмоциональности в языке, Сборник статей по языкознанию. Москва: Наука, 103–124.

Коростова С. В. (2009): Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии, Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 103, 85–92.

ISBN 978-84-949838-0-1

Падучева Е. В. (1996) Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). Москва: Школа «Языки русской культуры».

Турбина О. А. (2013): Природа эмотивного синтаксиса и его категорий, Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2, 4–9.

Шаховский В.И. (1987): Категоризация эмоций в лексико–семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета.

Якобсон Р. О. (1975): Структурализм «за» и «против», Лингвистика и поэтика. Москва: Издательство «Прогресс», 193-230.

ISBN 978-84-949838-0-1

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА КОНЦЕПТА „УСПЕХ“ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Иванова Неля Стефанова
Университет им. Проф. д-ра Асена Златарова, Бургас, Болгария
nelya_ivanova@yahoo.com

AXIOLOGICAL SPHERE OF THE CONCEPT "SUCCESS" IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

АННОТАЦИЯ

В современном обществе вследствие динамичного развития и значительных перемен появилось стремление очень интенсивно обсуждать *„новую культуру успеха*”, а также говорить о „*позитивном”* или „*перфектном*” успехе как о социокультурном феномене, характеризующем жизненные стратегии современных людей. В докладе учитывается тот факт, что отношение к успеху, его содержанию, способу достижения и формам проявления, к его носителям традиционно обособляет культурные модели поведения человека и коммуникации в обществе, которые нередко постулируют культ к успеху и превращают его в национальную философию. В фокусе исследования находятся атрибутивные словосочетания с лексемой *успех* в русском и близкородственном ему болгарском языке, которыми выражается эксплицитная оценка говорящих по отношению успеха, а также имплицитные способы передачи оценки этого явления в семантике номинативных компонентов словосочетаний с лексемой *успех*

ABSTRACT

In modern society, as a result of dynamic development and significant changes, there was a desire to discuss "a new culture of success" very intensely, and also talk about "positive" or "perfect" success as a socio-cultural phenomenon characterizing the life strategies of modern people. The report takes into account the fact that the attitude to success, its content, the way of achievement and the forms of manifestation, to its bearers traditionally identifies the cultural models of human behavior and communication in society, which often postulate the cult to success and turn it into a national philosophy. In the focus of the study are attributive phrases with a lexeme “success” in Russian and closely related to him Bulgarian language, which expresses an explicit evaluation of those speaking on the relation of success, as well as implicit ways of conveying the evaluation of this phenomenon in the semantics of nominative components of word combinations with lexeme “success”.

Ключевые слова: концепт „успех“, оценки, русский язык, болгарский язык

Keywords: the concept of success, evaluations, Russian, Bulgarian

Успех является достижением желанной цели и результатом целенаправленных усилий человека. И вместе с этим, успех является потребностью, благом, жизненной философией.

ISBN 978-84-949838-0-1

Достижение успеха – важный социальный ориентир современного человека, имеющий отношение к смыслу жизни, житейским целям и стратегиям, к ощущению счастья и удовлетворения жизнью.

Отношение к успеху, его содержанию, к способу достижения и формам проявления, к его носителям традиционно обособляет культурные модели поведения человека и коммуникации в обществе, которые нередко постулируют культ к успеху и превращают его в национальную философию.

В современном обществе вследствие динамичного развития и значительных социальных перемен появилось стремление очень интенсивно обсуждать *„**новую культуру успеха***", а также говорить о „***позитивном***" или „***перфектном***" успехе как о социокультурном феномене, характеризующем жизненные стратегии современных людей.

В созвучии с этим, современные концепции рассматривают *личность как „мощную константу успеха",* а успех как „гармонию *между личностью и средой".* Именно „***успешная личность***" создает „семантику культурной среды, которая является истинным отражением самого человека", считают философы (Розенберг 2001: 7)

Само сочетание прилагательного ***успешный*** с одушевленными существительными, называюшими субъектов в самом генерализованном представлении /***личность/человек/,*** в русском и болгарском языках является сравнительно новым творением, маркирующем сдвиги в социокультурных приоритетах общества (об этом также Левонтина 2008, Новиков 2011).

Подобные изменения и появление новых фрагментов в языковой картине мира русских и болгар привлекают еще пристальнее внимание к вербальной сфере концепта *успех* и, конкретнее, к оценочным словам в аттрибутивных словосочетаниях с лексемой „успех". Особенно интересно провести сопоставительные параллели, поэтому анализ лингвистической информации русского, болгарского, а также английского языка, нам кажется актуальным.

Следует сказать, что в самом прототипическом понятии об успехе содержится элемент оценки (позитивной), так как успех (согласно словарным определениям) – это ***положительный*** результат*, **благоприятный** исход, **удачное** завершение чего-л. (победа в поединке, хорошие результаты в школе*), в англ. ***хороший*** *результат,* ***степень достигнутого****: a degree of succeeding, a good result),* в болг.: ***сполучливо*** *постигане на цел****, сполука*** *в начинание, в постигането на цел*).

В словарных определениях, некоторые из которых мы процитировали выше, ***успех*** представлен как позитивное явление **эксплицитно** (преимущественно в аттрибутивных словосочетаниях), и **имплицитно** (в семантике номинативных компонентов в словосочетаниях): напр., в болгарском словарном определении: ***сполука*** *(успех, благополучие,*

ISBN 978-84-949838-0-1

добро), в русском: ***удача*** *(счастье, везение, счастливый исход, успех),* ***победа*** *(успех, надмощие),* ***одобрение*** *(признать уместным, добрым),* ***признание*** *(не отрекать добро, ценить талант и заслуги, оказывать почет),* ***повысить*** *(сделать* ***больше, выше****, увеличить силу или степень чего-либо)*.

В английских словарных статьях употребляются также самые разнообразные критерии оценки успеха: согласно вертикальной шкале (***high, low***), в количественном ***(much***) и качественном измерении (***any, a real success story, great, huge success***).

При этом качественную оценку получает как достижение, так и субъект достижения: *become* ***popular****, doing* ***well*** *and becoming* ***famous, rich***.

Но больше всего критериев оценки и множество самых разнообразных качественных определений, „успех” получает в реальной речевой практике.

Наблюдения над современной публицистикой и медийным дискурсом показывают, что сущность успеха раскрывается в метафорах: *успех* имеет количество, качество, форму, внешний вид, масштаб, уровень, степень, процентный состав, цену, вкус, виды и др., сам успех “превращается” *в* критерий, показатель, тест, ориентир:

„Успехът *на един живот* ***се мери*** *с това, дали човек е щастлив” // „Успех жизни измеряется тем, счастлив ли человек“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012:157)*

„Парите ***мерило*** *ли са* ***за успеха****?” // „Измеряют ли деньги достигнутый успех?“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 96, 144)*

„Каква е ***цената на успеха****? Цената на успеха винаги друг я определя” // „Какова цена успеха? Цену успеха всегда определяют другие“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 96)*

„Как ***изглежда успехът*** *– има ли* ***цвят****, има ли* ***мирис****?” // „Как выглядит успех? Имеет ли он цвет, запах?“*

„Няма цвят, няма мирис. Много е важно да мислиш” // Не имеет цвета, не имеет запаха. Очень важно уметь думать“. (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 183)

„Неуспехът е *най-големият* ***тест*** *за един човек” // „Неуспех является важнейшим тестом для любого человека“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 166)*

„ ***Успехът*** *е* ***97% работа*** *и* ***3% талант*** *“ // „Успех – это 97% работы и 3% таланта“. (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 77)*

*„****Шанс****! Шанс 50:50” // „Успех – это шанс. Шанс 50:50“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 104)*

„Какво е успехът? ***Успехът е нищо****.* ***Успех е да намериш себе*** *си” // „Что такое успех? Успех – это ничто. Успех означает найти себя“ (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 16)*

ISBN 978-84-949838-0-1

„Что является **критерием усп**еха? *У этой проблемы две стороны — внешняя и внутренняя“. (Рубинштейн 2007: 36)*

*„**Единой планки успеха** нет и быть не может. Происходит это оттого, что **масштаб успеха** — понятие очень относительное. **Настоящий успех абсолютен** для любой системы координат, а не только для личной” (Трунин, 2006)*

В речевой практике наблюдается также огромное количество атрибутивных словосочетаний с лексемой „успех“.

Словарь русской идиоматики (Academic, 2011), например, содержит данные о 47 таких словосочетаний:

***баснословный** успех, **безумный** успех, **беспримерный** успех, **бешеный** успех, **большой** успех, **бурный** успех, **великий** успех, **внушительный** успех, **впечатляющий** успех, **выдающийся** успех, **головокружительный** успех, **грандиозный** успех, **громадный** успех, **замечательный** успех, **значительный** успех, **исключительный** успех, **колоссальный** успех, **крупный** успех, **наибольший** успех, **настоящий** успех, **небывалый** успех, **невероятный** успех, **невиданный** успех, **неимоверный** успех, **немалый** успех, **необыкновенный** успех, **необычайный** успех, **неописуемый** успех, **неслыханный** успех, **оглушительный** успех, **огромный** успех, **ошеломляющий** успех, **полный** успех, **поразительный** успех, **потрясающий** успех, **серьезный** успех, **сногсшибательный** успех, **совершенный** успех, **солидный** успех, **стопроцентный** успех, **сумасшедший** успех, **триумфальный** успех, **удивительный** успех, **фантастический** успех, **феноменальный**, успех, **чрезвычайный** успех, **шумный** успех’.*

Примечательным фактом отражения феномена успеха на страницах и русской, и болгарской современной прессы является персонификация его сущности: об успехе люди говорят как о человеке. Но это человек исключительной породы – у него гиперболизованы до крайности все черты, все характеристики.

Успех имеет ***размеры*** */р. крошечный, маленький, большой, крупный, громадный; б. малък, голям, огромен/**, внешний вид** /р. солидный, полный; б. солиден, красив, пълен/**, рост** /р. высокие успехи**;** б. висок, нисък/**, характер** /р. скромный, серьезный, верный; б. жесток, скромен, верен, лъжлив/***, **ментальный статус** /р. безумный, бешеный, сумасшедший; б. нормален/**, материальный статус** /благополучный; мизерен/**.**

Но самое большое число определений зафиксировано в сфере функциональной природы успеха - *его **воздействия на окружающих:** на их **зрение** /р. блестящий, блистательный, невиданный; б. явен, неявен, видим, виден, бляскав, искрящ/, на их **слух** / р. оглушительный, громкий; б. мълчалив, шумен, оглушителен/, на **равновесие** воспринимающего /р.*

ISBN 978-84-949838-0-1

головокружительный, сногсшибательный, ошеломляющий, потрясающий; б. зашеметяващ, потресаващ/.

Экспрессия современной речи порождает даже некоторые „опасные“ для очевидцев „формы успеха“, которые содержат угрозу для их жизни: ***смазващ, размазващ успех*** */букв. раздавливающий, уничтожающий/:*

*„**Бляскав и смазващ успех** на нашите волейболисти”.*

*„**Смазващ успех** на новия албум на групата ...” (материалы печати).*

В британской речевой практике очень часто как успех, так и его оппозитная сущность – неуспех (и в особенности субъект, испытавший его), - получают качественную оценку в словосочетаниях с прилагательными ***good, bad, wrong*** *(хороший, плохой, неправильный)*:

*„Well, I think there are actually two kinds of success: **good success and bad success.** Someone may seem to be successful, but there is no guarantee that it's **a good success**. Probably that's **a bad one**. Hence, it is important for us to distinguish between these two kinds of success to make sure that we are not falling to **the wrong one**” // „Я думаю, чо есть два вида успеха: хороший и плохой успех. Кто-то может выглядеть успешным, но нет гарантии того, что это хороший успех. Вполне возможно, что это плохой успех. Следовательно, для нас важно разграничивать эти два вида успеха, чтобы не выбрать неправильный“.* (Смит, 2004: 174)

В связи с этим В.И. Карасик, сравнивая русскую и английскую лингвокультуры, указывает на факт принципиального отличия в них **оценки субъекта, потерпевшего неуспех.** Отсутствие удачи в русской лингвокультуре, пишет он, связано с обреченностью *("неудачник в жизни, по жизни, в любви, бедный, вечный, во всем"*, МАС). Такие люди, пишет автор, вызывают сожаление. В английском ***loser*** осмысливается как „потерявший или проигравший состязание”, для англичан очень важно, чтобы человек мог превозмогать неуспехи с достоинством: “***A good loser*** *is a person who behaves well and does not show their disappointment when they are defeated*; ***a bad loser*** *is a person who complains when they are defeated“* (Collins English Dictionary). Человек, потерпевший неуспех, не должен показывать своего разочарования и, что более важно, он не должен жаловаться. Критически оценивается неумение субъекта преодолевать трудности и неуспехи (Карасик 2002: 166)

Совет относиться к успеху и неуспеху, как к двум сторонам одной и той же сущности, содержится в знаменитой поэме “If” („Если“), 1910 г., британского писателя и поэта Р. Киплинга, являющейся /по словам журналиста Дж. Уонзолла/ любимой для всех англичан. Хотя поэма адресована лично сыну писателя, она воспринимается как апофеоз этической житейской философии и послание каждому британцу.

ISBN 978-84-949838-0-1

Неслучайно, что именно эти строчки поэмы Р. Киплинга об успехе и неуспехе записаны на сакральном для англичан месте – на теннисных кортах Уимбллдона.

"… If you can dream—and not make dreams your master;
If you can think—and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build 'em up with worn-out tools …"
" …И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
... И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушенье, сможешь снова-
Без прежних сил – возобновить свой труд ...."
(„If" Rydiard Kipling, 1910, перевод С. Маршака)

Динамично меняющийся фрагмент языковой картины болгар в сфере обозначения успеха и неуспеха характеризуется наличием калькированных из английского языка слов, которые наполняют содержанием новые явления в нашей жизни.

Этот факт особенно заметен в языке медий:

„***Правосъдие за лузъри***" (заголовок в газете „Стандарт" (номер 6779 от 30 .11. 2011).

В эту сферу входят также слова „лайфкоуч" (тренер для успеха в жизни), „дауншифтинг" (отказ от успеха) и др.

В своей диссертационной работе, посвященной концепту «успех» в русской и американской лингвокультурах, русский исследователь А. Андриенко анализирует успех как ценность и обращает внимание на факт, что в русском медийном дискурсе наиболее употребительной является пара антонимов ***истинный*** (***подлинный, настоящий***) и ***ложный*** успех. Для русского человека, пишет она, становится принципиальным различать успех *„настоящий"* и *„ложный*", «ведь именно настоящий успех обладает ценностью» (Андриенко 2009):

*«**Успех мнимый и подлинный**, различать эти понятия очень важно… **Подлинный** успех всегда предполагает наличие внутренней удовлетворенности, идущей из глубины человеческого существа, веру в себя и в свои возможности»* (Ключников 2002: 15).

А. Андриенко также указывает на наличие таких прилагательных с признаком отрицательной оценки в русском языке, как: ***дурной, незаслуженный, пустой,***

ISBN 978-84-949838-0-1

незначительный успех, что говорит о полярности ценностной составляющей успеха в русском обществе. Это, согласно автору, можно объяснить исторически сложившимся скорее отрицательным отношением к концепту «успех» в русской культуре (Иванова, Андриенко, 2014: 12)

Тем не менее, несмотря на употребление прилагательных с отрицательной оценкой в сочетании с ключевой лексемой *успех,* концепт «успех» в русском медийном дискурсе в широком смысле, отмечает А. Андриенко, несет положительное значение, рассматривается как ценность, благополучие и предмет стремлений:

«Истинная успешность – это, во-первых, сплав более-менее благоприятных внешних обстоятельств, внешних условий; во-вторых, более-менее благоприятное внутреннее состояние» (Ключников 2002: 189).

Итак, для нас было важно наблюдать, как носители русского, болгарского, а также английского языка говорят об успехе, какие языковые средства ими используются для воплощения своих взглядов, каким образом на базе этих данных можно смоделировать содержание концепта „успех“, параллельно изучая значимое в установках и ценностях современных носителей болгарского, русского и английского языков по отношению наблюдаемого феномена.

Разделяя позицию Н.Д. Арутюновой о том, что „оценки представляют собой специальный когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту, чтобы определить его значение для жизни и деятельности субъекта” (Арутюнова, 1999), мы считаем, что ценностям и формулируемым на их основе оценкам следует уделять большое внимание в процессе изучения любого языка как иностранного.

Список литературы

Андриенко А.А. (2009): Концепт „успех” в американской и русской культуре. Автореферат дисс-ции на ... уч. с-ни канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

Арутюнова Н.Д. (1999): Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры.

Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. (2012): Моделът на успеха 22. Или как да успяваш в България. София: Училище за успех.

Иванова Н., Андриенко А. (2014): Концепт „успех” в ценностном и языковом измерениях в болгарской, русской, британской и американской лингвокультурах. Съпоставително езикознание, София: 1, 5 – 20.

Карасик В.И. (2002): Культурные доминанты в языке. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 166 – 205.

ISBN 978-84-949838-0-1

Ключников С.Ю. (2002): Фактор успеха: Новая психология саморазвития. Москва: Беловодье.

Левонтина И.Б. (2008): Шум словаря. Москва: „Знамя”, 8.

Новиков В.И. (2011): Словарь модных слов. Москва: Аст-пресс книга.

Розенберг Н.В. (2001): Архитектоника успеха в культуре. Автореферат дисс-ции на ... уч. с-ни канд. филос. Наук. Тамбов.

Рубинштейн Н. (2007):Тренинг жизненного успеха. Москва: Эксмо.

Смит / Smith S. (2004): Money for life. Success Planner. Chicago: Dearborn Trade Publishing.

Трунин Р.А. (2006): От мечты до успеха. Москва: Эксмо.

ISBN 978-84-949838-0-1

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ КЛЮЧЕВОГО КОНЦЕПТА ХЛЕБ В РАЗНЫХ ТИПАХ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Иванцова Екатерина Вадимовна
Томский государственный университет, Россия
ekivancova@yandex.ru

THE VARIAETY OF THE KEY CONCEPT BREAD IN DIFFERENT TYPES OF RUSSIAN SPEECH CULTURE

Ivantcova Ekaterina Vadimovna
Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье ключевой концепт русской культуры ХЛЕБ рассматривается в аспекте изучения константных для всех представителей русского этноса характеристик и вариантных различий в отдельных его стратах. Материалом для анализа послужили данные устной повседневной речи рядовых носителей языка, представляющих разные типы речевой культуры: городского населения, владеющего литературным языком, и диалектоносителей сельской местности.

ABSTRACT

In the article the Russian culture's key concept "bread" is considered to be an aspect in investigation of the Russian ethnic representatives' constant references and variant differences in its separate stratas. The material of the research is presented in the facts about ordinary speakers' everyday oral communication. The speakers are presented by townsfolk, using literary language, and village inhabitants, using dialects.

Ключевые слова: концептосфера, хлеб, русский язык, говоры, литературный язык

Keywords: conceptosphere, bread, Russian language, dialects, literary language

*Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Изучение ключевых концептов национальных культур – одна из актуальных проблем современной науки о языке. К числу таких концептов относится ХЛЕБ. Этот элемент концептосферы различных этносов входит в класс первичных, базовых (по М.В. Пименовой), тесно связан и с материальной, и с духовной сторонами культуры; как культурная константа характеризуется устойчиво существующими длительное время чертами (Степанов 1997: 84). В то же время каждый этнос, наряду с общими закономерностями, имеет свои варианты реализации таких констант; более того, внутринациональные сообщества также дают основания говорить об их вариативности. Эта вариативность является предметом настоящего исследования.

ISBN 978-84-949838-0-1

Концепт ХЛЕБ в русистике изучался как внутриэтнически (Синячкин 2002), так и в сопоставительном аспекте с английской, англосаксонской, американской, немецкой, таджикской лингвокультурными общностями (Решке 2012, Мирзоева, 2016, Плисов, 2016 и др.). При его анализе авторы опирались в первую очередь на письменные источники: толковые словари литературного языка, собрания пословиц и поговорок, художественные тексты русских писателей (Синячкин 2002, Дружинина 2016). Обращаясь к народно-речевой культуре, ученые в качестве главного источника привлекали известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля; рассматривался также диалектный материал говоров Среднего Прииртышья (Зинковская 2006, Мирзоева 2016). В то же время данные устной речи рядовых говорящих, представляющих собой основную массу носителей национального языка, на диалектном материале изучены слабо, а на литературном пока не рассматривались вообще.

В настоящей статье концепт ХЛЕБ анализируется с опорой на повседневную речь рядовых носителей русского языка в ситуациях неофициального общения. Ставилась задача сопоставления реализации данного концепта у носителей литературного языка, живущих в городе, и диалектоносителей, жителей сельской местности.

Источниками речевого материала послужили данные подкорпуса устной речи и диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ); в связи с незначительным объемом областных текстов в НКРЯ привлекался также создаваемый учеными ТГУ Томский диалектный корпус – архив экспедиционных записей речи носителей русских говоров Среднего Приобья (ТДК). Для адекватного сопоставления в подкорпусе устной речи горожан, очень пестром по своему составу, была сделана выборка контекстов, записанных в бытовой коммуникации.

1. Материал дискурсивной практики носителей сопоставляемых типов речевой культуры показывает, что максимально широко концепт ХЛЕБ вербализуется в **диалектной языковой среде.** Именно здесь он полноценно представлен в системе значений, отражающей все ипостаси проявления этого понятия в национальной культуре.

Денотативный слой концепта, соотносимый с этим значением, включает ряд его общих и частных номинаций. Растущий хлеб в диалектном дискурсе обозначается прежде всего родовой лексемой *хлеб (хлеба');* в НКРЯ встречается, кроме того, слово *жито,* обозначающее всякий хлеб в зерне или на корню и более конкретные виды зерновых. Среди видовых наименований относимых к хлебу культур отмечены как наиболее частотные злаки *рожь, пашени'ца/пшеница, ячмень,* не являющаяся злаком *греча* ‘гречиха’, а также названия злаковых растений по времени посева *озимые (зимовка)* и *яровые.*

ISBN 978-84-949838-0-1

Хлебопашество как основное занятие крестьян *(Раньше занимались хлебопашеством)* соотносится с обширным полем обозначений трудовых процессов, связанных с выращиванием хлеба, – от подготовки земли под пашню до получения зерна нового урожая: землю *обрабатывали (корчевали, копали лопатами, пахали* сохой, позднее плугом)*;* хлеб *выращивали* (*сеяли, пололи*, поспевшие зерновые *убирали: косили/жали, снопы вязали на полях, скирдовали, на конях возили* или *на себе таскали* собранный урожай), затем *молотили, сушили*…

В речи сельчан запечатлен коллективный и личный опыт жизни крестьянина, в которой родители приобщали детей к труду с раннего детства: *Меня жать повели семи годов, я ещё не умела, поставили в бороздку: «Ну вот ты жни, дак колос не оставь да и не окроши»; Потом стала работать, маленькая, пошлют колос собирать, хлеб полоть на поля. Вот нас увезут туда на целый день, мошкара' ест, а мы работаем*. Концепт ХЛЕБ в народной среде, несомненно, имеет связи не только с концептом ТРУД, но и с концептом ТРАДИЦИЯ. Привычный цикл трудовой деятельности крестьян, при котором затраченные силы обеспечивали их одним из главных продуктов питания до следующего полевого сезона *(А раньше от что: полоса своя, жито кажное дак нажнут, да соберутся, оммолотят, да в гувно в анбары сносят свой хлеб, намелют да пекут, едят),* воспринимался как сложившаяся столетиями норма жизни. Сворачивание земледелия расценивается как исчезновение *порядка*, поддержание которого – основа традиционной народной культуры: *На земли порядка нету, теперь хлеба не сеем, ничё… ну пусь там где-то что-то, а здесь хоть бы животноводство можно держать ведь – всё прекратили*.

Закономерным следствием включенности выращивания хлеба в личную сферу земледельца и тяжелого труда, вложенного в получение урожая *(А серпом раньше хлеб жали. Ух, тяжело было. Всё на руках; Ноччю стирдова'ли, дня не хватало; жнёшь-жнёшь, пошто'-то итека'ли руки шибко, итойдёт, ить работа-та чижёла; Да вручную жали, да вручную молотили молотилками, вот так, всё везде выгребешь, чтоб зёрнышко никуда не улетело, хлеб берегли, как он трудом-то доставался везде. (…) тяжело кусок доставался),* является развитый аксиологический слой концепта. Ценность хлеба обусловлена связями концепта ХЛЕБ и с концептом ЖИЗНЬ: *Приехали туда, а там мороз ударил, хлеб побило, хлеб убило и всё, жить нечем было. Гибель* хлеба в условиях неурожая влекла за собой голод и возможную гибель крестьянской общины. Оценки растущего хлеба и потенциального урожая всегда носят прагматический характер: *Весна холо'дна была. А хлеба хороши'; Худой хлеб уродился / не налилось ничё одна пелёва.* Эстетические оценки не зафиксированы.

Диалектные тексты о выращивании хлеба репрезентируют и разнообразные лингвокультурные смыслы, отраженные в приметах, обрядах, верованиях носителей

ISBN 978-84-949838-0-1

традиционной культуры. Качество будущего урожая предсказывается во многих народных прогнозах: *Комары толкут к хорошей погоде и если высоко над землёй толкут – значит к высоким хлебам, а низко – значит к маленьким хлебам; На голой лес гром – тожо скота… тожо будёт для хлеба, для урожая*. Показательно, что во втором высказывании *хлеб* становится ситуативным синонимом к *урожай.* В новогоднем обряде обсыпания зерном хлеб приобретает символическое значение достатка семьи: *Родные пришли, ворота на палке, палку сломали и кучей завалились, и к нам, в Новый год этот. И всё пшеницей нас обсыпали. (…) И они нас пришли обсыпали, и давай угощать мы их. И опять вот так справили Новый год. [А зачем обсыпали?] Как? А это что, это чтоб всё было по'лно. Да, в этом году чтоб всё было по'лно, вот так.*

Не менее значимое место в сознании диалектоносителя занимают представления о хлебе как продукте питания.

Денотативный слой этой области концепта представлен лексемой *хлеб* со значением ‘вид несладкой выпечки из дрожжевого теста на основе муки (чаще всего пшеничной или ржаной’ и названиями разновидностей этой выпечки. В зависимости от того, из какого зерна была смолота мука, выделяется базовая оппозиция *ржаной/аржано'й – пшеничный/пашени'чный* хлеб с синонимичной ей парой антонимов *чёрный – белый* хлеб; для хлеба из высококачественной белой муки, напоминающей крупинки, отмечена номинация *крупчатка*. В некоторых говорах для пшеничного хлеба сохранялось древнее обозначение *пирог (Аржано́й был хлеп, а пашани́чный – пиро́х),* за которым теперь закрепилась иная семантика. В диалектах зафиксированы названия хлеба, различавшегося местом и способом выпечки, формой и размером (*подовый хлеб*, *хлеб на капустных листах*, *ленивый хлеб, калач, шарабан*, *каравай* и др.), часто встречается описание их признаков.

Единичный продукт несладкой выпечки из муки, изготавливаемый в русской печи, обозначался лексемой *хлеб (хле'бы сажали в печь), булка (булочка)* или *буханка (буханочка);* магазинный хлеб называется также *кирпичом.* В числе обозначений частей испеченного хлеба отмечены *кусок (кусочек), корка (корочка), мякиш (мякишок), крошка.* Отдельную номинацию *сухари (сухарики)* имеет особая разновидность разрезанного на части и высушенного хлеба, значимая как способ сохранения черствеющей или не доеденной выпечки для последующего использования.

В синтагматических связях обозначений хлеба находят отражение нормативные свойства этого пищевого продукта: свежесть, пышность, ароматность, вкус. Отмечены и общие оценки *(Мама пекла хороший хлеб (…), а другую поставили, шестьсот грамм, [стучит по столу кулаком — ‘твёрдый’] и его только топором разрубить надо, ну он нехороший хлеб),*

ISBN 978-84-949838-0-1

и множество частноценочных характеристик *(Хлеб раньше вкусный был. Хлеб выставят – дух приятный, а щас… Калач-то состряпашь, его вот сожми, а он вот так разойдётся; А он высокой, да мягкой. Хорош хлеб!; Да как вытащишь хлеб из пещки, да вот такой румяный, зажаристый, вот радости было!; Таки булки здоровые были – пышные).* Заметим, что здесь встречаются не только прагматические, но и эстетические оценки. Аксиологический слой концепта характеризуется осознанием высокой ценности хлеба. Он считается главным видом пищи, основой пищевого рациона. Наряду с собственно пищевой значимостью, такое восприятие обусловлено и вложенным в него трудом, и включенностью в сферу своего: *Раньше ещё спишь, хозяйка уже на ногах – стря'пат; Пекли хлеб. Раньше ведь не было в магазинах хлеба*. Традиционная крестьянская культура предполагала не только выращивание зерновых, но и выпечку домашнего хлеба, входящую в обязанности хозяйки. В диалектном дискурсе нередко описываются ситуации выпекания хлеба в своей семье, в том числе самим повествователем. Многочисленны номинации процесса с родовым названием *стряпать* или *печь* хлеб: *варили* из хмеля дрожжи, *заводили, заквашивали* квашню/тесто закваской, *месили* тесто, помельником *выметали* печь, *хлéбы сажáли ф печь*. Ценностные коннотации лексемы *хлеб* отражают также диминутивные формы *хлебец, хлебушек, мякишок, булочка* и подобные, распространенные в речи диалектоносителей.

Частотны при реализации этого смысла концепта оппозиции *раньше/теперь* и *свой/покупной*, свидетельствующие о тесной связи концептов ХЛЕБ, ВРЕМЯ и СВОЁ: *Корку счас не разжуёшь. А раньше, если корочка засохнет, станешь ись, положишь в рот, а он так и рассыпа'тся; И хлеб, дак хлеб-то был не такой, как сеча'с мы едим в То'мскем. (…) Его отрежешь, вон и не крошится, ничё, а щас чуть маленько его отрезать нельзя; А хлеб какой вкусный был. Такого щас хлеба нету; Вы знаете, хлеб, он чем был лучше – выпечка была своя. (…) Конечно, с сегодняшним не сравнишь; Хлеб покупа'м, но и сами пекём. Свой хлеб какой-никакой, всё одно вкусней. Сам подмешаешь чё в тесто, а в магазине из чего попало сделан.*

Оценочная составляющая концепта поддерживается в народной культуре и исторической памятью, вобравшей в себя коллективный опыт предшествующих поколений о *бесхлебице* как следствии неурожая и личный жизненный опыт крестьян о полуголодном существовании их самих и их детей в годы войны: *Путявого хлеба в войну не видели; А как питались-то? Что мы ели? Да что дадут – хлеба граммов триста, а то и совсем уж двести граммов – и эт на весь-то день для человека, которы[й] весь день работат; Хлеб пекли: с ведро картошки, чашечку муки; Я не помню, чтоб у нас было вдоволь хлеба там…*

С хлебом как продуктом питания в народно-речевой культуре связаны разнообразные лингвокультурные смыслы, воплощаемые в обрядовых и магических действиях: в дискурсе

ISBN 978-84-949838-0-1

описывается «забытый хлеб», помогающий забыть горе, страдание *(Забытой-то хлеб йили чтобы забыть. Например вот человека забыть)*; гадания *(Иголку улепят в шерстяну нитку, поставят хлеб да соль, печину и уголь),* первый выгон скотины *(Вот буханку хлеба такую испёкут, каравай, соли солоницу на каравай и вот пойдёт скотину выгонять),* свадебный обряд *(В избу-ту заходят молодые, дак испекут каравай такой красивой хлеба, и кто больше кусит: жених или невеста кусают),* похоронный обряд *(вот когда провожают душу. Был тако принято кусочек хлеба, на этот хлеб соль крестом де делали и куда-то водички)* и поминальный обряд *(«Ты меня уж приди на могилку-ту да и помяни: "Помяни, Господи, там Марью Петровну хлебом и солью, там вечная ей память, вечный покой!"),* наговоры от болезней *(Она мне вот нашептала на хлеб, кусоцек на хлеб, да на соль, вот, на, говорит, прижимай, где зуб болел, прижимай и залезай на пець, и всё (...) я только на пець зашла, у меня сразу же зуб затих, ну, сходу, я сразу же заснула)* и т.д. В большинстве случаев хлеб упоминается в сочетании с солью; оба продукта у славян обладают сакральными и магическими свойствами (Славянские древности 2012. Т. 5: 434–437). В этой же комбинации они употребляются и в обрядах, связанных с содержанием животных: *Идёшь по волости вот, ну, хотя бы по деревни, собираешь у коровы шерсть и муки берёшь у хозяйки, потом перемешаешь всё и в печь. Такой же хлеб, потом коровам раздаёшь. Чтоб коровы ходили в стаде дружно.* Обряды с хлебом восходят к глубокой древности и отражают специфику культуры славянского этноса.

Образный слой лексемы *хлеб* в диалектном дискурсе представлен минимально. Во фразеологизме *зарабатывать на кусок хлеба (Мне вот семьдесят лет, а я всё работаю, кусок хлеба зарабатываю)* прочитывается семантика ‘пища вообще, пропитание’ на основе метонимического переноса. Частотная в деревенской среде просьба о деньгах в долг *на булку хлеба* не позволяет однозначно сказать, имеется ли в виду в этих случаях любая пища или же самый распространенный и сытный вид выпечки *(Даа, дак это торкаются-торкаются денег на булку хлеба [просят]).* Как можно видеть, смысловые области рассматриваемого концепта явно отражают конкретность мировосприятия действительности диалектоносителями.

2. Материалы **бытового дискурса городской речи** показывают довольно существенно отличающуюся картину вербализации концепта ХЛЕБ.

В палитре смыслов концепта хлеб как злаковое растение здесь почти не отражен. Единичные высказывания, зафиксированные в устном подкорпусе НКРЯ, связаны с воспоминаниями об участии в сельскохозяйственнных работах тех, кто провел свое детство в деревне *(полевые бриγады были / вот // Я ещё помню в школу ходила / семь классов я тут закончила / (...) / мы пшеницу пололи / ещё помню я жала… серпом хлеб // Оот так вот*

ISBN 978-84-949838-0-1

перевёсла делали / делали эти оот …снопы / а потом таскали эти снопы), и спонтанным пересказом художественного текста *(крестьяне / занимаются / э-э серьёзными видами сельского хозяйства: / они / сеют хлеб, / м-м / э-м пасут коров, / ну вот, э-э / сады разводят…).* Оценочные характеристики растущего хлеба, связанные с ним обряды, поверья, приметы в этих контекстах отсутствуют.

В материалах устной речи горожан на первый план выдвигается преставление о хлебе как продукте питания.

Денотативный слой этой составляющей концепта, как и в диалектном дискурсе, широк. Названия хлеба встречаются обычно в двух ситуациях: покупка хлеба и семейное общение.

Микродиалоги покупателей с продавцом в магазине фиксируют многочисленные наименования видов хлебобулочных изделий: *Здравствуйте. Дайте / пожалуйста / хлеб украинский; У вас за шестнадцать черный есть?; Столовый есть хлеб?; Есть городские? Серого нет хлеба?; Две по семь и четвертинку орловского.* В таких высказываниях имеют место официальные обозначения сортов хлеба *(орловский, столовый, украинский, московский, балаковский турецкий),* названия по виду муки *(серый, чёрный, белый)*, замещающие их указания на цену *(за шестнадцать; по сорок копеек)* или их комбинации. В бытовой коммуникации между родственниками упоминания сортов редки; как правило, используются прилагательные *серый, белый, чёрный: Посмотри / там хлеб нужен? – Да / и белый и черный.* Здесь частотна констатация отсутствия хлеба в доме *(У нас дома хлеба совсем нет)* и конструкции с глаголом *купить/взять (Я сейчас думаю сходить в магазин/ у меня захон… закончился хлеб – ну-нужно купить; А у нас магазин на Жуковке был/ я зашёл/ я гв/ «А можно булку взять хлеба?»).* Таким образом, в городском дискурсе, в отличие от сельского, хлеб выступает только как продукт потребления.

Названия единиц выпечки хлеба немногочисленны: *булка, буханка, каравай*; в речи эти номинации не семантизируются как общеизвестные. Встречаются обозначения частей формового хлеба: *корочка, кусочек, горбушка, ломоть*; *сухари* упоминаются в основном среди магазинных покупок.

Круг оцениваемых с позиций нормы свойств хлеба более узок, чем у диалектоносителей: отмечается только степень его мягкости *(Мне тоже нравится этот магазин, там всегда мягкий хлеб и выпечка*; *Это из чёрствого хлеба / это совсем другое)* и вкус *(Абсолютно, безвкусный хлеб; Хлеб какой пресный/ вообще несоленый/)*. Они выстраиваются в оппозиции с диаметрально противоположными коннотациями: *мягкий – чёрствый, свежий, свежий – вчерашний, вкусный – безвкусный, пресный*. Встречаются также утилитарные оценки цены

ISBN 978-84-949838-0-1

хлеба *(Эх и времена пошли сейчас / бывало / хлеб стоил копейки / а теперь!).* Эстетические оценки испеченного хлеба не отмечены.

Аксиологический слой концепта хлеб у горожан тоже достаточно развит. В городской среде сохраняется паремия *хлеб – всему голова,* декларирующая главенство, чрезвычайную важность этого пищевого продукта в жизни людей: *Они сейчас повысят на хлеб/ и действительно компенсируют/ хлеб всему голова// а потом отсюда всё будут считать// хлеб повысили в два раза/ значит и мясо тоже// а потом уже без компенсации//.* Ценностный статус хлеба у старшего поколения поддерживается воспоминаниями о недостатке хлеба в тяжелые военные годы и получении его по карточкам: *Вот я всё своё детство стояла за хлебом в очереди// огромные очереди/ вот у меня и воспоминания моего детства//; хлеб много значил и те продукты/ которые давали в институте по карточкам.* Память наших современников хранит и знание о блокадном Ленинграде, когда ощущался прежде всего недостаток хлеба: *А то будем как в голодном Ленинграде/ по корочке хлеба будем выдавать.* Вместе с тем оценочность выпеченного хлеба в обществе потребления ослаблена за счет того, что здесь отсутствует связь с концептом СВОЁ. Диминутивные формы к лексеме *хлеб* в устном корпусе НКРЯ есть *(Дай хлебушек белый нам тоже. – Берите хлебушек. (…) Давайте салатику*; *Что ты жрёшь опять? – Хлебец… Хочу и тебя угостить… [Разговор двух студенток]),* но гораздо реже, чем в его диалектном подкорпусе и ТДК. Редко вербализуется и оппозиция *раньше – теперь*, соотносимая с концептом ВРЕМЯ.

Лингвокультурный слой концепта, связанный с хлебом как продуктом питания, в городской среде носит иной характер, чем в среде носителей местных говоров. В нем не выявлены приметы; единственное упоминание обряда встретилось только при пересказе фильма, где урядника *встречают хлебом-солью.* Слабый отголосок славянских верований можно увидеть в сохранившемся и в наши дни прецедентном тексте детской игры: беря в руки божью коровку, дети говорят: «Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба, черного и белого, только не горелого». Мифологическая подоплека этого обряда забыта, но в записанном фрагменте речи 20-летней девушки с рефлексией над данным текстом отражается осмысление хлеба как главного для русского этноса, национально-специфичного продукта питания: *Бред какой-то / я представляю китайца / который уговаривает божью коровку принести ему хлеба / чёрного или белого / скорее бы он попросил риса.* В аллюзиях горожан к библейским текстам упоминаются устойчивые словосочетания *хлеб насущный* и *добывать хлеб свой в поте лица/в трудах*: *когда от этого зависит твой доход / твой хлеб насущный / тогда ты непроизвольно подстраиваешься [рассказ предпринимателя]; Мне тут дали сборник рецензировать/ (…) и вот одна из статей посвящена Библии// (…) когда/ Адам и Ева*

ISBN 978-84-949838-0-1

согрешили/ то там было сказано/ что Адаму/ нужно будет после этого/ в трудах добывать хлеб свой// – В поте лица своего//. Встретилась также трансформация восходящего к временам римской империи выражения *хлеба и зрелищ*, автором которого является Ювенал: *[№ 3] Это всегда было в женском характере. Они требовали зрелищ / [№ 2] Крови и хлеба. [№ 3] Крови / хлеба. Ходили на бой быков / Смотрели на гибель гладиаторов / понимаешь.*

Образный слой концепта ХЛЕБ в разговорной речи жителей города, как и у диалектоносителей, незначителен. Ряд фразеологизмов также отражает семантику ‘пища, пропитание’. В их числе – *кусок хлеба (Как мы жили / не спрашивайте. Вот сейчас всё плохо / плохо / плохо / но кусок хлеба есть / и что-то надеть есть), попрекать куском хлеба* (*Я ей говорю / ты чё (…) / куском хлеба меня попрекать будешь?);* это же значение прочитывается в выражении, восходящем к цитате из Ювенала. Во фразеологических библеизмах *хлеб насущный, добывать хлеб свой в поте лица* хлеб соотносим также со смыслом ‘необходимые для жизни, существования средства’: *[Разговор о поступлении в институт] – Большинство / ребят идут после этого на режиссерский факультет. – Потому что / ну это такое проходящее дело мало ли что такое случилось с голосом еще и ни… ты собственно говоря остался без куска хлеба [со смехом]).* Семантически близок к ним относительно недавно появившийся фразеологизм *заработать на кусок хлеба с маслом: Почему-то я уверена / что тут у меня будет возможность заработать на свой кусок хлеба с маслом…* Компонент *масло* вносит семы достаточности вознаграждения за труд, удовлетворенности размером заработка.

Сравнительный анализ вербализации концепта ХЛЕБ в дискурсе городского населения, владеющего литературным языком, и диалектоносителей из сельской местности позволяет сделать следующие выводы.

К константным чертам концепта, имеющим сходные признаки в рассматриваемых формах русского национального языка, можно отнести наличие а) ядерного репрезентанта концепта – многозначной лексемы *хлеб* – и ряда его дериватов; б) состава понятийных признаков, среди которых первоочередное значение для различных страт социума имеет представление о хлебе как продукте питания и его характеристиках; в) ценностных признаков концепта, осознаваемого как имеющего для человека особую витальную значимость; г) лингвокультурных смыслов, соотносимых с фольклорными истоками культуры этноса; д) слабое развитие образного слоя концепта в условиях повседневной коммуникации.

Сопоставление выявляет варианты данного элемента концептосферы, отражающие его трансформации. Лексические средства выражения концепта находятся в рассматриваемых дискурсах в отношениях пересечения, имеют общее ядро и несовпадающую периферию. В крестьянской ментальности важное место занимают представления о хлебе как злаковом

ISBN 978-84-949838-0-1

растении, дающем зерно, и самом зерне, почти не репрезентированные в речи горожан. Связи с концептом ТРУД, СВОЁ, ТРАДИЦИЯ в народно-речевой культуре проявляются более ярко. В диалектах значительно шире, чем в литературном языке, отражены символические смыслы концепта – «достаток», «гостеприимство», «жизнь», связанные с русской обрядностью, прецедентными фольклорными текстами. В бытовой речи носителей литературного языка отмечены аллюзии к письменным – библейским и художественным – источникам.

Диахронические трансформации концепта ХЛЕБ отражаются в архаизации части его языковых репрезентантов (более длительно сохраняемых говорами) и появлении новых единиц, в том числе фразеологических, постепенном редуцировании его аксиологической и символической составляющих в сознании носителей кодифицированного языка.

Список литературы

Дружинина Е. В. (2016). Символизация как способ концептуализации (на примере репрезентации концепта «хлеб» в лирических текстах А.Л. Решетова). XXI век – время молодых. Пермь, 17–20.

Зинковская Л. С. (2006). Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX – начала XXI в.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск.

Мирзоева З. Д. (2016). Концепт «ХЛЕБ /НОН» в русском и таджикском языках: дис. … канд. филол. наук. Душанбе.

Плисов Е. В. (2016). Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2 (28), 20–31.

Решке Н. А. (2012). Концепт «ХЛЕБ/BREAD» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей. Общество: философия, история, культура. 3, 91–94.

Синячкин В. П. (2002). Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь (1995–2012). / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. Москва: Международные отношения.

Степанов Ю. С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры».

ISBN 978-84-949838-0-1

КОНЦЕПТ «ЗАКОН» В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ)

Ивина Мария Константиновна
Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулёва, Россия
octavian75@yandex.ru

Селиверстова Елена Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
selena754@inbox.ru

THE CONCEPT "LAW" IN THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA (THROUGH THE PRISMA OF LEXICAL COMPATIBILITY)

Maria Ivina
Military Academy of Material and Technical Support named after A. V. Khrulev, Russia

Elena Seliverstova
St.-Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье на примере публицистических текстов из Национального корпуса русского языка и отдельных периодических изданий рассматриваются вербализаторы концепта «Закон» в их контекстном окружении – преимущественно в сочетании с глаголами, что позволяет говорить о стереотипных представлениях носителей языка, складывающихся в отношении законов, их нарушения или законопослушного поведения, выявляются экспрессивные и эмоционально-оценочные коннотации. Язык СМИ как система, формирующая нормы и обогащающая русский язык современной лексикой, служит и источником новых семантических приращений, среди которых преобладают отрицательные. Выявляются отдельные признаки, характеризующие частные аспекты представления концепта.

ABSTRACT

In the article, using the example of journalistic texts from the National Corpus of the Russian language and some periodicals, verbalizers of the concept "Law" are examined in their contextual surroundings – mainly in combination with verbs, which allows us to speak about stereotyped representations of native speakers that evolve in relation to laws, their violation or law-abiding behavior, reveals expressive and emotionally-valued connotations. The language of the media as a system that forms norms and enriching Russian with modern vocabulary is also a source of new semantic attractions, among which negative ones predominate. Separate features that characterize the particular aspects of the concept presentation are identified in the course of analysis.

Ключевые слова: СМИ, концепт, закон, семантика, глагол, сочетаемость.

Keywords: media, concept, law, semantics, verb, compatibility.

Язык современных СМИ – безусловно, не только российских – явление специфическое. С одной стороны, он универсален: будучи «усредненным языком нации», он охватывает всю жизнь нации – все, что представляет общественный интерес (Солганик 2012: 17), практически все явления жизни общества, поэтому к сообщениям СМИ предъявляется требование быть предельно понятными, доступными. Очень точно эта мысль выражена Никласом Луманом: «…Они (масс-медиа) генерируют описание реальности, конструкцию мира, и это и есть реальность, на которую ориентируется общество» (Луман 2009: 252). С другой стороны, именно в язык СМИ «вбрасываются» новые оценочно-экспрессивные лексические единицы – при представлении на суд публики злободневных сюжетов, заострении наиболее актуальных тем. Язык СМИ, представляющий собой «широкое функционально-стилевое единство» и объединяющий языковые средства разных функциональных стилей (прежде всего газетно-публицистического), а также нелитературных средств (просторечие, жаргоны)» (Там же: 12), следует рассматривать как систему, участвующую в формировании новых норм в языке, лексическом обогащении и изменении русского языка. Журналист, с одной стороны, использует существующие в языке лексические единицы, а с другой – расширяет семантические и валентностные возможности слова, высвечивает новые грани концептов и понятий, отражающих мировоззрение и мировосприятие носителями языка окружающего мира и происходящего в нем, явления этноментального порядка.

Так, например, согласно данным наших наблюдений, термин *закон*, номинирующий важнейший правовой регулятор в обществе, утрачивает в целом свои строго юридические признаки: под законом все более понимается любое юридическое правило независимо от вида и уровня нормативного правового акта и органа, его издавшего, а также нормы поведения.

В качестве феномена современной отечественной правовой культуры исследователями отмечается наличие у ее носителей представления о необязательности закона, именуемое «правовым нигилизмом» (ср. выражение Дм. Галковского «чудеса законопослушания»), которое имеет глубокие исторические корни: оно связано с неприятием традиционным российским правосознанием формализации права на западный манер, его обособления от морали и исключения из него нравственных ценностей (Маховиков 2015: 19).

Проявления правового нигилизма, трактуемого как «релятивизация аксиологических установок сознания в правовой сфере, по отношению к праву» (Бугаенко 2014: 354), имеют различные формы выражения, среди которых – неверие в эффективность законов, осознанное игнорирование требований закона и несоблюдение установленных норм, противопоставление права (правды, идеала) закону (нормативному акту) (Шергенг 2005: 100), что, в свою очередь, объективируется в языке с помощью таких словосочетаний, как *подменять закон* (чем-л.),

ISBN 978-84-949838-0-1

смеяться над законом, прогнуть закон, надругаться над законом, сломать/ подмять закон и др. Характер использования глаголов с общей семантикой подчинения (насилия) требует отдельного рассмотрения. Приведем пример: «Вот только что в Подмосковье обнаружили не вполне обычного ветерана войны. <…> Этот лейтенант стал служить у немцев, да не просто так, а в карательном батальоне. По совести-то старик – предатель, а по закону – ветеран. <…> Можно, конечно, *прогнуть закон* и сказать: «Удостоверение на стол! И разговаривать с тобой нечего», но тут, все-таки, некоторый подвох. В законе никаких правил лишения нет. (Владимир Березин. Закон и благодать // Взгляд. Деловая газета. 04.06.2013).

В качестве одной из характерных черт русской души «наплевательство» и его отражение в языке стало предметом изучения не только юристов, но и отечественных лингвистов. Так, по мнению А.Д. Шмелева, сквозь русское «Плевать!» наряду с безразличием просвечивает идея ничегонеделания, «плевания в потолок» – порой предмета особой гордости, поскольку возвышает «плюющего» над житейской суетой (Шмелев 2002: 100-102). В выражении «плевать на закон» идея «ничегонеделания» преломляется в идею незаконного ничегонеделания, т.е., выражаясь строго юридически, в неисполнение установленных законом обязанностей, что влечет за собой неблагоприятные, юридически значимые последствия.

Анализ процессов вербализации лексическими средствами концепта «Закон», объективируемого в текстах современных российских СМИ, позволяет выявить как стереотипно-нейтральные, так и субъективно-оценочные представления носителей языка, ассоциативные ряды и связи, раскрывающие характер восприятия и осмысления концепта *закон* в русской лингвокультуре. Анализ проводится на материале публицистических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка и отдельных Интернет-источниках. Далее мы подробнее остановимся на одном из аспектов нашего более широкого исследования – отражении сквозь призму сочетаемости с глаголами русского языка представлений об отношении к закону.

Среди используемых со словом *закон* глаголов следует выделить отдельные группы слов: глаголы, способствующие реализации положительного (нейтрального) отношения к закону (1) и нигилистского – отрицательного отношения (2), а также указывающие на необходимость совершенствования законов как необходимом условии для их соблюдения.

В группу используемых со словом *закон* глаголов с положительным или нейтральным значением входят, во-первых, «нормативные» глаголы, вносящие семантику «законопослушности» – должного отношения к закону в гражданском обществе: *соблюдать закон, следовать закону (букве закона), подчиняться закону* и др. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

ISBN 978-84-949838-0-1

«В документе, аргументированном и жестком, ставится под сомнение стремление арбитражных судей *следовать закону*» (Евгений Толстых. До лампочки // «Совершенно секретно», 05.05.2003). «Протоирей Всеволод утверждает, что Церковь и ранее соблюдала закон о митингах» (Александра Сопова. Крестные ходы пройдут согласно новому закону о митингах // Известия, 13.06.2012). «Возвращаясь к вопросу про условные сроки, скажу, что Я всегда подчинялся закону» (Андрей Ванденко. Генеральный прокурор России Владимир Устинов: Беру под козырек и делаю! // Комсомольская правда, 25.02.2003).

В отношении среднего гражданина тема законопослушания развивается крайне редко, поэтому использование в контекстах таких выражений, как *дружить (с законом); ладить (с законом)* и др., свидетельствует о желании говорящего акцентировать намеренно-положительное отношение к закону. Сам факт такого намерения говорит о допустимости и иного поведения, в этом можно усмотреть намек на прямо противоположное отношение к закону, наблюдавшееся, например, у определенного субъекта ранее, или отмечаемое у других людей, мысленно сравниваемых с говорящим, или косвенное указание на типичное до некоторой степени поведение в определенной сфере жизни и деятельности – в бизнесе и торговле, в политике, в криминальном мире.

Основная же особенность употребления словосочетаний *ладить с законом* и *дружить с законом* состоит в том, что в текстах СМИ они преимущественно встречаются с отрицательной частицей *не* (*не дружить / не ладить*).

Глагол *ладить*, синонимичный выражению *быть в ладах* с кем-л., чем-л., выступает в значении ‘жить согласно, дружно; быть в ладу’ (СРЯ.2: 160), а отрицательная модель имеет, соответственно, противоположное значение – *быть не в ладах* с чем-л. означает ‘быть в разладе, иметь трудности при общении с чем/кем-л., противоречия во взглядах, позициях’ (Тихонов.1: 534).

Анализ текстов СМИ позволил выявить отдельные ситуации, характеризуемые с помощью этого устойчивого выражения. Так, возможным является указание на противоречие между двумя нормативными правовыми актами, один из которых более высокого уровня, например: «Выступая на Совете Федерации, замгенпрокурора Сабир Кехлеров даже заявил, что *закон* о создании СК *не в ладах с Конституцией и международными нормами…*» (И к прокурору не ходи // Труд-7, 08.09.2007). В данном случае замену юридических терминов общепринятой лексикой можно объяснить стремлением журналиста сделать сообщение понятным любому читающему.

Изменения, происходящие с течением времени в окружающем мире, влекут за собой и изменения в правовом обеспечении общественной жизни. Это провоцирует порой ситуации,

ISBN 978-84-949838-0-1

когда существующий закон не может регулировать общественные отношения и квалифицируется в юриспруденции как *«мертвый закон»:* провозглашаемые им нормы не соответствуют реалиям времени, т.е. закон устарел и нуждается во внесении в него изменений и дополнений либо не учитывает всех возможных сложностей в определенном вопросе. Ср.: «Даже детально расписанный *закон* не может всего предусмотреть и зачастую оказывается *не в ладах и с реалиями жизни,* и со здравой логикой, и с правами человека» (Виктор Баранец. Кому лопата милее автомата? // Комсомольская правда, 27.06.2007). Интересно отметить, что словосочетанием «мертвый закон» оперируют практически как термином: «Для того чтобы налоговая амнистия не провалилась, необходимо доверие к власти. Пока же не устранены причины, приведшие к нынешнему положению дел, рано обсуждать размеры платежа в бюджет при легализации доходов. “Иначе мы получим *мертвый закон*, а государство сможет говорить, что предприняло шаги навстречу бизнесу, а он на них не отреагировал”, – предостерегает г-н Беляков» (Екатерина Аккерман. Налогоплательщиков заманивают в западню // РБК Daily, 14.06.2006).

Быть с законом не в ладах – заниматься предосудительной, наказуемой деятельностью, допускать правонарушения – могут и отдельные лица: «…Правда, таким *он* был не всегда: *с законом не ладил* и даже отсидел восемь месяцев в тюрьме» (Алина Аляутдинова. Бэтмен спасает мир. За еду // Комсомольская правда, 14.03.2012); «Теперь, когда пролилась кровь, выяснилось, что *оба* и до армии *были с законом не в ладах*» (Сергей Ищенко. Дезертирство со смертельным исходом // Труд-7, 05.04.2001).

Глагол *дружить* (‘находиться с кем-либо в дружбе’ (СРЯ.1, 1983: 449), т.е. в дружеских, приятельских отношениях, быть друзьями’), обнаруживает в сочетаниях со словом *закон* широкий семантический спектр. Толковый словарь приводит также значение: 2. Перен. Любить что-н., иметь пристрастие к чему-н. (разг.) (Ожегов, Шведова 1992), что следует учитывать при трактовке отдельных примеров. Однако при огромном «арсенале» в русском языке лексических единиц для изображения отношений дружбы связь между субъектами, предполагаемая словом «друг», является наиболее крепкой (Вежбицкая 2001:112).

Сегодня в России «дружат» с законом как физические, так и юридические лица: «…Однако *с законом* этот фонд *дружит*, за рамки не вылезает, в “бархатных” переворотах не замечен» (Александр Коц. Запад уже дал деньги на «цветную» революцию в России // Комсомольская правда, 27.02.2007); «Они оделись в костюмы корсаров и ходили рядом с памятником Ленину с плакатами “*С законом дружи* – не трожь гаражи!”» (Итоговый выпуск (вечерний). – Екатеринбург // Новый регион 2, 11.01.2006).

ISBN 978-84-949838-0-1

Словосочетание *дружить* с *законом* составляет сейчас серьезную конкуренцию нейтральному выражению *соблюдать закон*. С одной стороны, оно вполне укладывается в устойчивую модель, обнаруживаемую, например, в обороте *дружить* с *головой*, отмечающем, как правило, некий «непорядок» и характеризующем необъяснимое поведение, нелогичные поступки, странные высказывания, непонимание простых вещей и др. Ср.: «Глава Минобрнауки призвала “дружить с головой” при планировании выпускных (заголовок) Ранее Ольга Васильева также критиковала излишние траты на организацию пышных праздников (подзаголовок)» (L!fe#Новости; URL: https://life.ru/t/ – дата 15.04.2018).

Интернет-источники подтверждают и достаточно активное использование выражений *дружить/ не дружить с мозгами* (примеры заголовков в материалах Интернет-источников: Как *подружиться с мозгами*? Помогите, кто *дружит с мозгами*; Если ваша соседка *не дружит с мозгами…* и др.), *дружить/ не дружить с памятью* ... (примеры заголовков: Так давайте *дружить... с памятью* (статья о том, как тренировать память); Если *голова с памятью не дружит*), *с крышей не дружит* (выражение приводится в качестве синонима в ряду к слову *глупый, выжил из ума, без царя в голове, с головой не дружит* (Тришин 2013)) и проч.

Аналогичным образом выражение «кто-либо не дружит с законом» – а именно в конструкции с отрицанием и глаголом несовершенного вида) мы обнаруживаем его чаще всего – свидетельствует о непорядке в отношениях с законом и, следовательно, о неправовых поступках и очевидной в этой связи запятнанности.

Однако случаев «отсутствия дружбы» с законом существенно больше. Следует отметить, что в данном случае выражение «они не дружат» используется преимущественно в качестве объяснения в ситуации, когда речь, в сущности, идёт об информации негативного свойства, которую следует (полезно) знать о тех людях, с кем приходится иметь дело, поскольку она может сказаться на ходе общего мероприятия. Так, под пристальным оком журналистов оказываются, в первую очередь, как отдельные чиновники, так и целые организации: «Лидер “Справедливой России” Сергей Миронов сообщил, что правороссы предлагают лишить Илью Пономарева депутатского кресла. <…> Сергей Миронов также утверждает, что господин Пономарев *“не дружит с законом”*» (Сергей Горяшко. «Справедливая Россия» хочет лишить Илью Пономарева депутатского мандата // Коммерсант, 22.09.2014). «Пока шло расследование, около 15 человек оказались в списке обвиняемых. Среди них — областные прокуроры, сотрудники областного ГУВД и МВД России, а также коммерсанты <…> речь идет о дискредитации не просто какой-то второстепенной структуры, а высшего надзорного органа в государстве. А если он у нас *не совсем дружит с законом*, то как он может вообще надзирать за соблюдением закона другими должностными лицами и

ISBN 978-84-949838-0-1

структурами?» (Алена Кузнецова. Все фигуранты "игорного дела" освобождены из-под стражи // Коммерсант, 10.12.2012);

«…Против бывшего мэра ЗАТО город Железногорск Андрея Катаргина возбуждено новое уголовное дело. <…> То, что Андрей Васильевич и на новом месте успел засветиться, доказывает, что он все же *не дружит с законом*» (Бывшего мэра Железногорска вспомнили в Краснодаре. В Прокуратуре; URL: https://www.kommersant.ru/doc/605236 – дата 15.05.2018);

«…Затем после проведения аудиторских проверок поснимал чиновников, которые *не дружили с законом* и разворовывали казну…» (Владислав Дорофеев. Геннадий Коняхин: я с плохим прошлым, но избран народом // Коммерсант, 30.09.1997);

«Александр Алексеевич Хабаров <…> депутат и бизнесмен, кандидат педагогических наук и крупный авторитет среди тех, кто *не очень дружит с законом…*» (Сергей Авдеев. Главный уралмашевец задержан для допроса // Известия, 15.12.2004).

Помимо чиновников, отсутствие «дружбы» с законом отмечается у следующих субъектов:

– лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения во время управления транспортным средством: «Нужно максимальные усилия направить на то, чтобы отделить законопослушных граждан-автомобилистов от тех, которые *не готовы дружить с законом*, то есть от тех, кто употребляет алкоголь» (Альбина Хазеева. "Единая Россия" не отказалась от "сухого закона" для автомобилистов // Коммерсант, 15.10.2012); «Мы сейчас выступаем не просто за отмену “нулевой” промилле, а за введение градации. <…> Нужно отделить законопослушных граждан от тех *людей, которые не привыкли дружить с законом*» (Алена Кузнецова. Премьер-министр разрешил себя убедить // Коммерсант, 15.05.2012);

– представителей бизнес-сообщества: «Ужесточение контроля над банковской системой может сказаться на футбольных инвестициях как законопослушных *бизнесменов*, так и тех, *кто не в полной мере дружит с законом…*» (Кирилл Журенков. Кризисный сезон // Коммерсант, 13.07.2009);

– отдельных юридических лиц: «В отношении *“Омскэнерго”* возбуждено уголовное дело за уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах <…> Выемка финансовых документов в отсутствие руководителя компании – это обычная практика для тех, кто *не дружит с законом* и обслуживает не государство, а чьи-то интересы» (Ирина Рыбальченко. "Омскэнерго" обвинили в неуплате налогов // Коммерсант, 06.03.2003);

– реже физических лиц: «…результатом преступной деятельности правоохранителя явилось незаконное возбуждение двух уголовных дел <…> Лжесбытчиками оказывались *те,*

ISBN 978-84-949838-0-1

кто тоже не всегда дружит с законом» (Иван Ефимов. Наркотики победили полицейского // Известия, 26.01.2011).

Использование именно этого нетерминологического выражения вместо словосочетания *соблюдать закон*, констатирующего лишь факт определенного положения дел, связанного с нарушением закона, с одной стороны, вносит в текст ноту иронии и скепсиса, а с другой – снижает звучание официально-обвинительной семантики, свойственной юридическому термину: «…Но раздачи LSD и даже агитации за легализацию наркотиков не будет – *владельцы РВС дружат с законом*» (Алена Антонова. Клубная критика. Ночные игры для взрослых и свободных // Коммерсант, 24.08.2001). Именно поэтому допустимым является его использование и в текстах с некоторой долей интимизации общения между собеседниками. Показательным в этом смысле является, например, включение в программу обучения в школе уроков на тему «Дружим с законом»: Акция «Дружим с законом» в ГУО «Папернянская СШ» (заголовок) (URL:http://papernya.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=13321 – дата: 15.05.2018); «Я провожу беседы в школах и объясняю ребятам, что нужно *дружить с законом* – не нужно совершать преступления…» («Признание-2015» получили трое полицейских из Бурятии; URL:http: // gazeta-n1.ru/news/38952 – дата: 15.05.2018).

Достаточно нейтральное, т.е. безоценочное, отношение, реализуют в сочетании со словом *закон* глаголы с общей семантикой «внесение изменений», которые могут быть актуальными по разным причинам:

1) в свете появления новых реалий. Ср.: «Депутат от “Нардепа” Валерий Зубов, бывший губернатор Красноярского края, предложил *обновить закон* “Об установлении звания Героя РФ” – предусмотреть награждение «за выдающиеся достижения в области хозяйственного и социально-культурного строительства» (Михаил Виноградов. Крепкие хозяйственники – герои. Депутат предложил давать высшую награду страны за трудовые достижения (2002) // Известия, 16.04.2002);

2) в связи с потребностью в детализации отдельных статей и параграфов закона. Ср.: «Предлагается подправить Закон об обязательном страховании автогражданской ответственности (ОСАГО), когда мелкие аварии рассматривались бы на месте без участия инспекторов ГАИ» (Владислав Писанов. Последний балл // Труд-7, 10.06.2004).

Глагол *почистить* – ‘делать чистым, чище, удалив пыль, грязь и т. п. (с поверхности чего-либо), освободить от чего-либо ненужного, лишнего’, применительно к термину *закон* означает приведение в соответствие с другими нормативными правовыми актами, устранение несоответствий, противоречий и т.п. Например: «Не кажется ли вам, что нужно еще раз *почистить закон*? Нет, не кажется, – отрезал глава комитета. – Мы оставили это в законе,

ISBN 978-84-949838-0-1

чтобы тем депутатам, которые не понимают, что такое государственный язык, было разъяснено, что речь как раз идет о русском языке!» (Дмитрий Камышев. "Просто позориться не надо!" // Коммерсант, 06.02.2003); «Поправки ЦБ, Минфина и Минэкономразвития позволят *почистить закон* о кредитных историях…» (Центробанк начал борьбу с ложными кредитными историями; URL:http://izvestia.ru/news/543678 - дата: 15.05.2018); «Нужно *почистить закон* и привести его в соответствие с другими законодательными актами» (Наталья Кочеткова. Гласность раздавалась как привилегия // Известия, 18.06.2010).

Хотя нельзя не заметить, что любая попытка вмешаться в сферу законотворчества может окрашиваться в определенном контексте в иронические тона. Ср.: «В Петербурге хотят *подправить закон* о тишине (заголовок) <…> За четыре месяца привести в порядок обещают больше четырех миллионов квадратных километров дорог. Это 150 самых «прохудившихся» городских магистралей. <…> Чтобы уложиться в поставленные сроки, ремонтники должны будут работать круглосуточно» (Ирина Тучинская. Шуметь ночью нельзя. Ремонтировать дороги – можно // Комсомольская правда, 01.06.2010).

Итак, мы ограничили свое внимание на данном этапе исследования лексическим окружением основного вербализатора концепта «закон» в текстах СМИ, а именно глаголами, при которых лексема *закон* выступает в качестве объекта, т.е. в условиях реализации общей семантики ‘совершение манипуляций с законом’.

В целом риторика СМИ позволяет говорить о том, что большинство описываемых газетными текстами действий, совершаемых субъектами в юридическом поле и оформляемых соответствующими глаголами, имеют, с одной стороны, явную антиправовую направленность, что подтверждается не только частым использованием со словом «закон» глаголов, использование которых характеризует противоправную деятельность граждан и негативное отношение к законопослушанию (*обойти, прогнуть, насмехаться, подменять, убить* и др.), но также употреблением глаголов с положительной в целом семантикой, но в конструкциях отрицания правомерности определенной деятельности (*быть не в ладах, не дружить с законом*). И те, и другие глаголы («позитивные» менее многочисленны) служат выразительным средством для эмоционально-окрашенного, экспрессивного показа ситуации несоблюдения (нарушения) требований действующего законодательства. В литературе по этому поводу справедливо подчеркивается, что современный текст масс-медиа базируется на ярком стиле изложения материала, «гиперчувственность медиапроизведения провоцирует выбор эмотивной лексики, способной вызвать соответствующую реакцию аудитории» (Ерофеева 2014: 74).

ISBN 978-84-949838-0-1

Проанализированные контексты позволяют говорить и о некотором изменении вербального оформления модальности долженствования в отношении соблюдения закона. Людей, «дружащих с законом», можно характеризовать не только как не имеющих по факту нарушений, но и как законопослушных в целом и – тем самым – достойных доверия и расположения.

Утверждение о том, что правосознание большинства в современном российском обществе является антиправовым, не представляется в полной мере обоснованным. Думается, во-первых, что ситуация не столь пессимистична и безнадежна и можно говорить о возрастании роли закона и откровенном, прямом – без иронии – поощрении законной деятельности. Во-вторых, сегодняшний журналист заостряет внимание на фактах, выходящих за пределы нормы – в том числе правовой, поскольку нормативно-правильное законопослушное поведение новостного интереса не представляет.

Тема настоящей работы не исчерпана: она продолжается в аспекте учета других этномаркированных представлений об отношении к соблюдению закона, репрезентируемых современными российскими СМИ.

Список литературы

Вежбицкая А. (2001): Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва.

Луман Н. (2009): Самоописания. Москва: Логос, Гнозис.

Маховиков А.Е. (2015): О правовом нигилизме в российском правосознании: философско-правовой аспект, Ценности и смыслы, 1 (35), 19-31.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1992): Толковый словарь русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/53170 (дата обращения: 14.05.18)

Солганик Г.Я. (2012): Введение, Язык СМИ и политика. Москва: Издательство МГУ, 8-26.

Словарь русского языка (1983), СРЯ: Москва: Русский язык.

Тришин В.Н. (2013): Словарь синонимов ASIS. URL: http://trishin.ne (дата обращения: 14.05.18)

Тихонов А.Н. (2004): Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х тт. Москва: Флинта, Наука.

Шмелев А.Д. (2002): Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры.

ISBN 978-84-949838-0-1

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ

Оксана Канерва
Университет г. Турку, Финляндия
oksana.kanerva@utu.fi

ON SYNTACTIC INDEPENDENCE OF RUSSIAN ONOMATOPOEIC VERBAL INTERJECTIONS

Oksana Kanerva
University of Turku, Finland

АННОТАЦИЯ

Традиционный взгляд на синтаксическое оформление большинства междометий в разных языках утверждает, что они либо формируют междометные предложения, либо входят в состав простого предложения в качестве вводных или вставных компонентов. Характерной чертой данных конструкций является их синтаксическая независимость. В русском языке, тем не менее, звукоподражательные глагольные междометия ведут себя по-другому. Анализ Национального корпуса показывает, что конструкции с ними значительно реже выступают в форме вводных и вставных компонентов и не всегда отделены знаками препинания. Целями данной статьи является: (1) оспорить утверждение о синтаксической обособленности звукоподражательных глагольных междометий; (2) экспериментально доказать, что они способны интегрироваться в синтаксическую структуру предложения и выполнять синтаксические функции.

ABSTRACT

Traditionally, interjections across languages are believed to constitute either interjectional sentences, or form interjectional clauses as a part of simple sentences. Characteristic feature of such constructions is their syntactic independence. In Russian onomatopoeic verbal interjections, nonetheless, behave differently. Analysis of the Russian National Corpus shows that constructions with them rarely act as inserted or introductory clauses and are not necessarily separated from the host construction by punctuation marks. The purpose of this article is 1) to challenge the statement about syntactic independence of Russian onomatopoeic verbal interjections; 2) to prove experimentally that they can be syntactically integrated and act as members of a sentence.

Ключевые слова: звукоподражательные глагольные междометия; вводные конструкции; вставные конструкции; синтаксическая интеграция; пунктуация; синтаксические функции; русский язык

Keywords: onomatopoeic verbal interjections; inserted clause; introductory clause; syntactic integration; punctuation; syntactic functions; Russian.

ISBN 978-84-949838-0-1

Вступление

Синтаксис звукоподражательных глагольных междометий представляет собой малоисследованную область русской грамматики. В то время как изучению этого аспекта было посвящено сравнительно небольшое количество работ (см. Середа 2005, Никитина 2012, Виймаранта 2015, Кор Шаин 2008), пунктуационное оформление данных языковых единиц не рассматривалась и вовсе. До настоящего момента звукоподражательные глагольные междометия русского языка в основном анализировались с точки зрения их семантики (Виймаранта и др. 2016, Wierzbicka 2003, Карцевский 1984).

Прежде всего, давайте обратимся к определению междометий**. Междометия** – это неизменяемые и синтаксически обособленные языковые формы, которые зачастую указывают на «изменение эмоционального и когнитивного состояния говорящего» (Heine et.al. 2013: 171) (перевод автора). **Междометием также называется** «общепринятая лексическая форма, которая (обычно) сама по себе выступает в качестве высказывания, (как правило) не формирует конструкций с другими классами слов, (зачастую) односложная, и (в основном) не содержит словоизменительных словообразовательных морфем» (Wilkins 1992: 124) (пунктуация оригинала, перевод автора).

В то время как **большинство междометий** выражают «эмоциональное состояние, действие, отношение или реакцию на ситуацию» (Ameka 1992: 106) (перевод автора), все **глагольные междометия** «обозначают частые, резкие или стремительные движения и могут служить образцом для окказиональных новообразований» (Шведова 1980: §1701).

Ряд авторов относят звукоподражательные слова и “иконические репрезентативы” (Ameka 1992: 112) (т.е. животные выкрики и имитирующие звуки) к междометиям (Bally 1950, Kryk 1992, Cuenca 2006).

Вывод: слова типа “бряк”, “хрусть” и “щелк”, с которыми соотносятся основы глаголов “брякать/брякнуть”, “хрустнуть/хрустеть” и “щелкать/щелкнуть”, принадлежат к разряду звукоподражательных глагольных междометий. Они и являются объектом данного исследования.

Синтаксическое оформление междометий в типологическом аспекте

Разобравшись с лексическим значением междометий, давайте перейдем к их грамматическим характеристикам.

В типологическом аспекте распространено мнение, что для синтаксического оформления междометий характерным является то, что они формируют **междометные предложения, т.е.** выступают «не составляющими частями, а эквивалентами предложений»

ISBN 978-84-949838-0-1

(Cuenca 2000: 31) (перевод автора) или “минимальными предложениями” (Bloomfield 1933: 176) (перевод автора).

Как часть предложения междометия зачастую формируют **«парентетические конструкции» (**Ziv 1985: 190, Petola 1983: 107–108), которые входят в состав основного высказывания как **независимые** синтаксические компоненты (Kaltenböck 2007, Peterson 1999, Espinal 1991, Burton-Roberts 1999), **комментируют** происходящее (Quirk et al. 1985: 1112), и «могут быть **опущены** без нарушения структуры предложения или его значения» [Biber et al. 1999: 1067) (перевод автора).

Вывод: традиционно междометия считаются синтаксически обособленными.

Синтаксическое оформление междометий русского языка

Междометия русского языка зачастую формируют либо междометные предложения (Валгина и Светлышева 1993: §2.9.2), либо вводные и вставные конструкции (Германович 1966: 93), которые в свою очередь входят в состав более широкого понятия под названием «парентетические внесения» (Александрова 1984). По мнению А.И. Германовича (там же), “в составе простого предложения интонационно обособленные междометия имеют функцию модального компонента, т.е. употребляются как вводные и вставные компоненты”.

Водные слова и сочетания слов выражают отношение говорящего к высказанной мысли, могут содержать общую оценку ситуации, различные указания на источник сообщения или на связь с другими сообщениями. Они синтаксически мобильны, т.е. могут находиться в начале, середине, в конце предложения. Вставные конструкции содержат дополнительные сообщения, попутные сведения, замечания, уточнения, пояснения или поправки и могут располагаться лишь в его середине или в конце (Виноградов 1960: § 1205, Розенталь Джанджакова, Кабанова 1999: § 99-100, Валгина и Светлышева 1992: §2.8).

В грамматической теории «четких критериев различия «вводности» и «вставности» не существует до сих пор» (Александрова, 1984: 49). Если, по мнению одних авторов (Виноградов 1966: § 1205, Валгина и Светлышева 1992: §2.8), вводные и вставные конструкции выпадают из состава предложения, выступая в качестве придаточных частей; то другие утверждают (Коцарь 1966: 15), что вводные конструкции синтаксически обособлены, а вставные могут быть как синтаксически связаны, так и не связанны с основным предложением. Согласно Валгиной, вставные конструкции могут оформляться и как «придаточные части предложения», и «как члены предложения, с сохранением синтаксической связи, такие «члены предложения» выключены из его состава» (Валгина 2003: § 85).

ISBN 978-84-949838-0-1

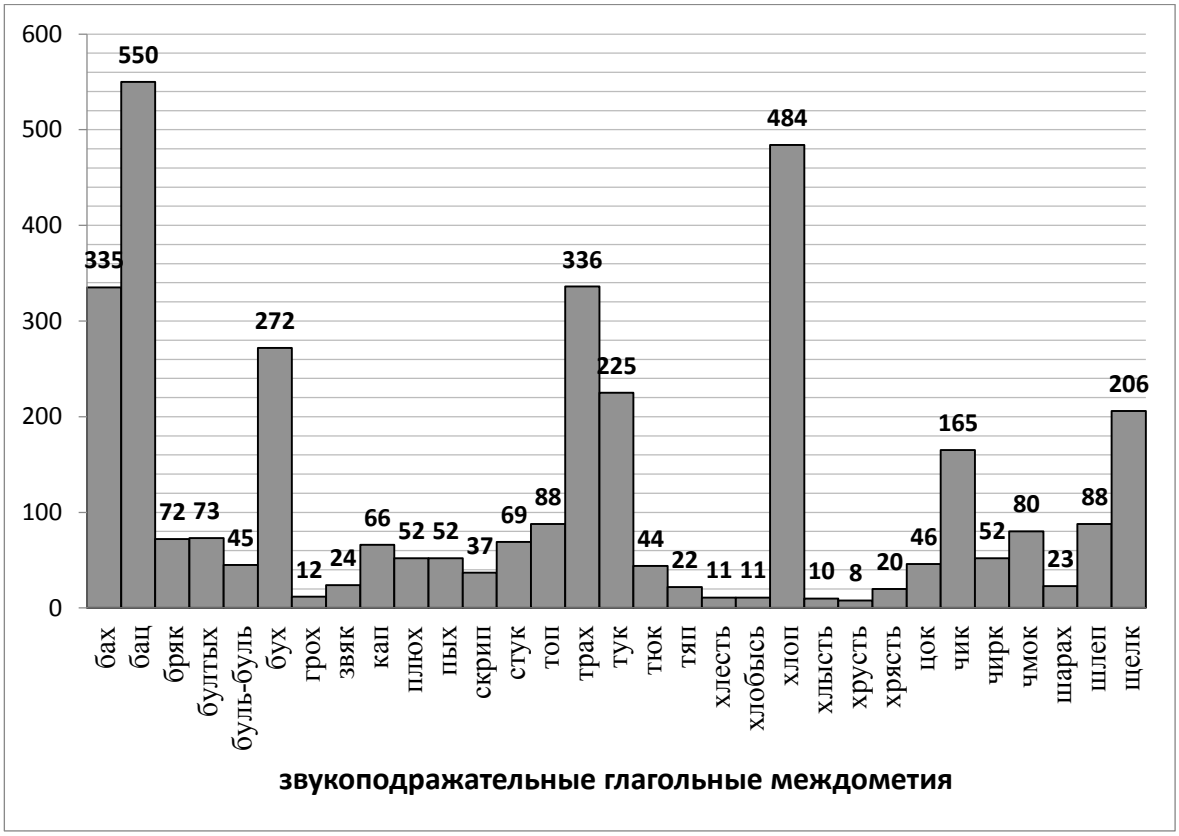
Синтаксическое оформление глагольных междометий русского языка

Согласно Академической грамматике 1980, глагольные междометия русского языка могут либо «свободно вводиться в предложение как слова, синтаксически с ним никак не связанные», либо могут быть «синтаксическим компонентом предложения или входить в состав того или иного его члена» (Шведова 1980: § 2217). ЗГМ в свою очередь имеют те же синтаксические особенности, но «вносят значение неожиданности, внезапности, неподготовленности» (Там же: § 2219).

Вывод: в русском языке звукоподражательные глагольные междометия зачастую формируют междометные предложения или вводные и вставные конструкции, которые могут быть либо синтаксически обособленными, либо интегрированными.

Материал

Материал для исследования был собран с помощью **Грамматического словаря Зализняка** (1977), **Большого современным толковым словарем русского языка Ефремовой** (2006). Также был проанализирован список, предоставленный в работе Середы (2005: 159). В результате чего, был получен список из 35 звукоподражательных глагольных междометий. Поиск по **основному Корпусу** русского языка показал, что предложения с 4 междометиями (шарк, шмяк, хряп и бреньк) в нем не представлены (см. Kanerva 2018).



ISBN 978-84-949838-0-1

Рисунок 1. Результаты поиска в НКРЯ

Звукоподражательные глагольные междометия русского языка имеют любопытную особенность, с одной стороны являются синтаксически обособленными от основной части предложения, а с другой стороны, способны интегрироваться в структуру предложения и выполнять синтаксические функции.

Количественный анализ корпусных данных показывает, как распределяются эти признаки. Предложения со звукоподражательными глагольными междометиями объедены согласно двум типам синтаксических структур: 1) ЗГМ отделены знаками препинания от основной части предложения; 2) ЗГМ не отделены знаками препинания от основной части предложения.

Таблица 1.Типы синтаксических структур со звукоподражательными глагольными междометиями

	Междометные предложения/вводные или вставные слова и сочетания слов, %	Междометия без знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, %
бах	83,8	16,2
бац	68,9	31,1
бряк	36,1	63,9
бултых	26	74,0
буль-буль	66,7	33,3
бух	54,4	45,6
грох	66,7	33,3
звяк	79,2	20,8
кап	87,9	12,1
плюх	55,8	44,2
пых	75	25,0
скрип	81,1	18,9
стук	71	29,0
топ	67	33,0
трах	76,5	23,5
тук	84,4	15,6
тюк	63,6	36,4
тяп	54,5	45,5
хлесть	36,4	63,6
хлобысь	63,6	36,4

ISBN 978-84-949838-0-1

хлоп	50,0	50,0
хлысть	0,0	100,0
хрусть	75,0	25,0
хрясть	35,0	65,0
цок	87,0	13,0
чик	72,1	27,9
чирк	42,1	57,9
чмок	50,0	50,0
шарах	39,1	60,9
шлеп	68,4	35,2
щелк	76,7	23,3

Вывод: в основном ЗГМ синтаксически обособлены. В то же время в Корпусе присутствует достаточно большое количество предложений с синтаксически интегрированными единицами (в соотношении 61,09% к 39,01% соответственно)

Метод

Лингвистический эксперимент, детально описанный в статье Канерва и Виймаранта (2018), представлял собой тест на подбор эквивалентов. Он был проведен в трех группах испытуемых по 10 участников, носителей русского языка, в каждой группе. Общее количество респондентов составило 30 человек. **Стимульный материал** для данного субституитивного теста был подобран из Национального корпуса и состоял из 30 предложений.

Тест должен был проверить, могут ли звукоподражательные глагольные междометия русского языка выполнять синтаксические функции. Анализ результатов должен был установить, отражают ли знаки препинания, выявленные в ходе эксперимента функции данных языковых единиц в предложении.

Результаты исследования показали, что ЗГМ в случае **отсутствия** знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, заменялись глаголами (н-р, ударить, упасть, плюхнуться).

Если после ЗГМ стояли знаки препинания **конца предложения** (а именно, восклицательный знак, точка, многоточие, вопросительный знак), то в большинстве случаев они заменялись существительным (н-р, звон, удар, всплеск).

Запятая подразумевает повторение в зависимости от контекста (глагол, либо существительное, либо наречие).

Двоеточие указывало на то, что ЗГМ получали пунктуационное оформление по принципу прямой речи и заменяли глаголами (н-р сказать, произнести, выпалить).

ISBN 978-84-949838-0-1

Тире: неоднородное распределение признаков (требуются дальнейшие исследования)

Вывод из эксперимента: Звукоподражательные глагольные междометия способны выполнять синтаксические функции. Расстановка знаков препинания после анализируемых междометий отражает эти функции.

Выводы

ЗГМ русского языка могут быть как синтаксически обособленными, так и интегрированными. Когда они синтаксически интегрированы, тогда эти языковые единицы выполняют функцию сказуемого и являются членом предложения.

Список литературы

Александрова О.В. (1984): Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учебное пособие. М.: Высшая школа.

Валгина Н.С., Светлышева В.Н. (1993): Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Высшая школа.

Валгина, Н.С. (2003): Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа.

Виймаранта Й., Александрова А. А. и др. (2016): «Водные» звукоподражания в финском и русском языках, Язык и культура, 1 (33), 6–24.

Виноградов В.В. 1960: Грамматика русского языка. М.: Издательство Академии наук СССР.

Германович А.И. (1966): Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Радянська школа.

Ефремова Т.Ф. (2006): Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест.

Зализняк А.А. (1977): Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык.

Канерва О., Виймаранта Й. (2018): Функциональная мотивация знаков препинания со звукоподражательными глагольными междометиями, Вестник Томского государственного университета. Филология, 52, 83-97.

Карцевский С. (1984): Введение в изучение междометий, Вопросы языкознания, 6, 127-137.

Кор Шаин И. (2008): Плюх! – плюх – плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных, Инструментарий русистики: корпусные подходы, под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 152–162.

ISBN 978-84-949838-0-1

Коцарь Э.Б. (1966): Вводные слова и словосочетания, вводные предложения, вставные конструкции. Учебно-методическое пособие для слушателей отделения повышения квалификации редакторов. М.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. (1999): Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо.

Середа Е. В. (2005): Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта: Наука.

Шведова Н.Ю. (1980): Русская грамматика. М.: Наука.

References

Ameka, F. K. (1992): Interjections: The universal yet neglected part of speech, Journal of Pragmatics, 18(2/3), 101–118.

Bally, Ch. (1950): Linguistique générale et linguistique française. Berne, Francke.

Biber, D. et al. (1999): Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman.

Bloomfield, L. (1933): Language. London: George, Allen & Unwin. Sapir, Edward, 1921. Language. New York: Harcourt, Brace, & Co.

Burton-Roberts, N. (1999): Language, linear precedence and parentheticals. The Clause in English, edited by P. Collins and D. Lee. Amsterdam: John Benjamins, 33-52.

Cuenca, M. J. (2000): Defining the indefinable? Interjections, Syntaxis, 3, 29-44.

Espinal, M.(1991): The representation of disjunct constituents, Language, 67 (4), 726–62.

Heine, B. et.al. (2013): An Outline of Discourse Grammar. Functional Approaches to Language, edited by Sh. Bischoff and C. Jany. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 155–206.

Kaltenböck, G. (2007): Spoken parenthetic clauses in English. Parentheticals, edited by N. Dehé & Y. Kavalova. John Benjamins, 25-52.

Kanerva O. (2018): Syntactic value of dash with onomatopoeic verbal interjections, Scando-Slavica (in review).

Kryk, B. (1992): The pragmatics of interjections: The case of Polish no”, Journal of Pragmatics 18: 193-207.

Nikitina, T. (2012): Russian verboids: A case study in expressive vocabulary, Linguistics, 50 (2), 165-189.

Peltola, N. (1982): Comment Clauses in Present-Day English. Annales Academiae Scientiarum Fennicae/Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia, Series B, 223, 101-113.

Peterson, P. (1999): On the boundaries of syntax. The Clause in English, edited by P. Collins and D. Lee, Amsterdam: John Benjamins, 229-250.

ISBN 978-84-949838-0-1

Quirk, R. et.al. (1985): A Comprehensive Grammar of the English Language. Harlow: Longman.

Viimaranta J. (2015): Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian. Paper presented on 13.12.2015 at Slavic Cognitive Linguistics Conference. Oxford.

Wierzbicka, A. (2003): Interjections across cultures. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Mouton de Gruyter, 285–340.

Wilkins, D. (1992): Interjections as deictics, Journal of Pragmatics, 18, 119-158.

Ziv, Y. (1985): Parentheticals and Functional Grammar. Syntax and Pragmatics in Functional Grammar, edited by A.M. Bolkestein et al. Dordrecht: Foris, 181–199.

ISBN 978-84-949838-0-1

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВ)

Карольчук Мажанна
Университет в Белостоке, Польша
karolczuk.m@poczta.onet.pl

PROVERBS AND PROVERBIAL SAYINGS ON THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE (ANALYSIS OF POLISH TEXTBOOKS FOR JUNIOR HIGH SCHOOL STUDENTS)

Karolczuk Marzanna
University of Bialystok, Poland

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам использования пословиц и поговорок на уроке иностранного языка и презентации результатов анализа учебников русского языка, изданных в Польше в 1999-2013 годах. Учебные пособия предназначены для учеников гимназии. Анализ 116 отобранных паремий указывает на то, что они могут дать ключ к пониманию национального менталитета, ценностной картины мира русского народа, однако требуют поиска рациональных путей их дидактической организации.

ABSTRACT

The article deals with the use of proverbs and sayings in a foreign language lesson and presents of the results of the analysis of the Russian language textbooks published in Poland in 1999-2013. The textbooks are intended for junior high school students. Analysis of 116 selected proverbs and proverbial sayings indicate that they can provide a clue to understanding of national mentality, a *value priorities* of the world of the Russian people, but they require a search for rational ways of their didactical organization.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, анализ учебников, гимназия, ценностная картина мира.

Keywords: proverbs, sayings, textbooks' analysis, junior high school, *value priorities.*

Давно известно, что мудрость и дух народа проявляется в его пословицах и поговорках. Их знание способствует лучшему пониманию образа мыслей и характера другой культуры, а также более совершенному владению иностранным языком. И. М. Снегирев (2003: 140) отмечал, что «нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер».

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что изучение иностранного языка, в том числе и русского в польской аудитории, должно учитывать не только языковые знания, речевые

ISBN 978-84-949838-0-1

навыки и умения. Следует отметить, что введение пословиц и поговорок в учебный процесс может углублять знания о народе – носителе языка, способствует развитию межкультурных умений учеников и положительного отношения к другому человеку, создает творческую атмосферу в аудитории (Карольчук 2017: 92).

Цель данной статьи – рассмотреть функции пословиц и поговорок, вопросы использования их на уроке иностранного языка и представить результаты анализа учебников русского языка для гимназистов, изданных в Польше в 1999-2013 годах.

Познавательная, воспитательная и образовательная функции паремий

Паремии имеют большую общественную ценность, которая состоит в познавательном и воспитательном значении, если их использовать в образовательном процессе, на уроке иностранного (русского) языка. Пословицы и поговорки позволяют реализовать в процессе изучения русского языка как иностранного принцип соизучения языка и культуры. Однако, использование этих языковых единиц на уроке предполагает объяснение их семантического содержания и ситуации, в которой они употребляются. В литературе подчеркиваются следующие познавательные и образовательные функции пословиц и поговорок:

– являются текстом, основынным на закреплении древнейших ситуаций, переносе и закреплении этих ситуаций на другие случаи жизни (Кацюба 2013);

– составляют память народа, в них отразилась его история, обычаи, быт, верования (Конышева 2017);

– являются хранилищем прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепками исчезнувших теперь образов и представлений (Мокиенко 2015);

– дают характеристику всех сторон жизни общества, представляют многостороннюю картину существования страны (Конышева 2017);

– выражают моральное сознание, менталитет, дух этноса (Соколова 2015);

– дают представление о воззрениях и взглядах народа и о его понимании явлений действительности (Конышева 2017);

– дают ответы на вопросы: как культура отражена в языке и какую культурную ценность заключают в себе языковые единицы (Кацюба 2013);

– скрывают культурный, социальный, исторический опыт данного народа, его мировоззренческие, поведенческие особенности; являются материалом, способствующим росту эффективности процесса межкультурной коммуникации (Юсупова, Кузьмина 2017).

Эти языковые единицы характеризуют самые важные для человека стороны жизни, причем, как отмечают Ф.Н. Алефиренко и Н.Н. Семененко (2009: 244), «характеризуют не

ISBN 978-84-949838-0-1

беспристрастно, а эмоционально выражают множество оттенков отношения к базовым ценностям». Они отражают народное видение и понимание окружающего мира, принятые у народа нормы поведения, которые являются указателем направления в повседневной жизни, особенности национального менталитета (Пугачева 2011а: 196). Менталитет определяется И.Т. Дубовым (1993: 20) как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него». Менталитет народа отражается «в особенностях его быта, истории, культуры, традиций, обычаев, а главным образом в системе различных единиц речи» (Веретягин, Веретягин 2012: 1). В литературе отмечается, что менталитет охватывает также межнациональные и универсальные черты. Таким образом, не все пословицы и поговорки имеют культурно-национальный колорит. Некоторые паремии не обнаруживают связь с культурой и менталитетом народа, имеют общечеловеческое значение (Чернощенкова 2009: 82). Следовательно, они обладают воспитательным потенциалом, например:

– служат ясным выражением суждений о реальной действительности; в них что-то утверждается или отрицается, раскрываются свойства предметов и явлений; дают возможность развивать характерные воззрения на определенные предметы и явления, на реальную действительность; обсуждают явные положительные и отрицательные явления в жизни, утверждают или критикуют, восхваливают или осмеивают, служат воспитанию положительных идеалов, развивают умение анализировать события, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия, формируют нравственные идеалы (Конышева 2017);

– содержат краткие рекомендации на различные случаи жизни, указания как нужно поступать (Мокиенко 2015);

– передают важнейшие представления о ценностях, как семья, труд, любовь к Родине и др. (Мамышева, Блягоз 2013).

Познавательная и воспитательная функции паремий влияют на формирование образовательной функции пословиц и поговорок в дидактическом процессе, когда учащийся готовится к использованию их в коммуникации и развивает межкультурную компетенцию.

Пословицы и поговорки на уроке русского языка – результаты анализа учебников

С целью проверки присутствия пословиц и поговорок на уроке русского языка как иностранного в польской аудитории, были проанализированы 5 типов учебников («Эхо», «Прогулка», «Кл@ссно!», «В Москву», «Времена»), изданных в Польше в 1999-2013 годах. Все учебные пособия предназначены для учеников гимназии. В нашем исследовании мы

ISBN 978-84-949838-0-1

попытались найти ответы на следующие вопросы: 1) Присутствуют ли пословицы и поговорки в учебниках? 2) К каким тематическим группам относятся отобранные паремии? 3) Какие знания, умения, виды речевой деятельности они развивают? 4) Какие знания о России и россиянах они углубляют? Какую ценностную картину мира русского народа они представляют?

В 5 типах учебников мы обнаружили 116 пословиц и поговорок (таблица 1). Анализ учебных пособий для гимназии показывает, что в качестве дидактического материала паремии используются в довольно большом количестве. Учебник «Эхо» предлагает учителю и ученикам 32 пословицы, представленные в 9 упражнениях; «Прогулка» – 51 в 7 упражнениях; «Кл@ссно!» – 10 в 2 упражнениях; «Времена» – 15 в 6 упражнениях; «В Москву» – 8 в одном упражнении. Данные единицы, прежде всего, являются средством закрепления фонетических навыков, повторения грамматических явлений и тренировки лексики. В вышеуказанных дидактических материалах встречаются задания типа: а) прочитай пословицы и подбери к ним польские эквиваленты; б) послушай пословицы и поставь ударение; в) прочитай пословицы и выбери из них те, в которых говорится о лентяях; г) прочитай пословицы и подчеркни прилагательные; д) прочитай пословицы и скажи, как ты их понимаешь; д) послушай, прочитай пословицы и переведи их на польский язык. В учебниках отсутствует толкование паремий, т.е. ученики не получают комментария при самостоятельной семантизации пословиц и поговорок, который помогал бы выявить их смысл, понять русскую культуру, взаимоотношения в обществе, отношение людей к окружающему миру, ценности в своей и чужой культурах. Проанализированные пословицы можно распределить по нескольким тематическим группам. Тематическое разнообразие пословиц и поговорок, находящихся в учебниках, могло бы способствовать развитию знаний в области русской культуры, формированию межкультурной компетенции и, в большей степени, развитию четырех видов речевой деятельности. К сожалению, авторы учебных пособий не использовали потенциала языкового материала, каким являются паремии.

Таблица 1. Результаты анализа учебников русского языка

Учебник	Тематические группы	Количество паремий
«Эхо»	«Родина, дом»	11
	«черты характера, межличностные отношения»	6
	«учеба, образование»	7
	«спорт»	5
	«здоровье»	3

ISBN 978-84-949838-0-1

«Прогулка»	«черты характера, межличностные отношения»	12
	«труд»	11
	«времена года»	8
	«здоровье»	6
	«обычаи»	6
	«учеба, образование»	5
	«Родина, дом»	2
	«друг»	1
«Кл@ссно!»	«здоровье»	8
	«спорт»	2
«Времена»	«времена года, природа»	4
	«черты характера, межличностные отношения»	4
	«Родина, дом»	3
	«обычаи»	2
	«учеба, образование»	2
«В Москву»	«черты характера, межличностные отношения»	8

Ценностная картина мира русского народа в пословицах и поговорках

Общечеловеческие ценности составляют основу жизни личности, определяя смысл и содержание ее существования как в прошлом, так и в *современном глобализированном мире. Как показало наше исследование, в учебниках русского языка, изданных в Польше присутствуют многочисленные паремии, в которых* отражена ценностная картина мира русского народа и они могут быть использованы на уроке иностранного языка как одно из источников и средств формирования толерантных отношений.

Русские пословицы и поговорки выражают любовь русских к родине. Однако «родина» объединяет два значения. Во-первых, это родина-страна, Россия с ее историей и культурой. Во-вторых, это родина-сторона, место, где человек родился, вырос. Любовь выражается в привязанности к важным местам, болезненной ностальгии при расставании с родиной. Второе значение входит в понятие «малая родина», которое объединяет места детства и юности, деревни, поселки и городки, родной дом, улицу, школу, друзей. Н. В. Баско (2014: 58) добавляет, что «символом родины для русских является белая береза и река Волга, поле колосящейся пшеницы и золотой купол церкви на фоне яркого голубого неба». Понятие «дом» занимает важное место в русской картине мира. В ней отражается культурная модель мироустройства в целом и отдельного человека в частности. Дом ассоциируется с семьей и родственниками, является символом постоянства, надежности, чувства безопасности (Пугачева 2011б: 46). Русский патриотизм это не только любовь к своей стране, ее истории, природе, культуре, но и своеобразное понимание судьбы России, ее «особого пути». В учебниках, мы обнаружили пословицы, в которых отражается вышеуказанная ценность, например: *Каждый кулик свое болото хвалит*; *Человек без родины – соловей без песни*; *Родная*

ISBN 978-84-949838-0-1

сторона – мать, чужая – мачеха; *В гостях хорошо, а дома лучше*; *Где родной край, там и рай*; *Не дом хозяина красит, а хозяин дом*; *Каково на дому, таково и самому*; *Не место красит человека, а человек место* («Эхо»); *На чужой сторонушке рад родной воронушке*; *На чужой земле и весна не красна*; *Невесело птичке в золотой клетке* («Времена»); *Всякая птица свое гнездо любит* («Прогулка»).

Трудолюбие это одна из особенностей русского человека. Русский народ всегда ценил труд, работу как основу жизни. Труд является главным приоритетом в жизни особенно крестьянства, показателем достатка в доме, а лень высмеивается как главный человеческий порок (Крылова 2014: 146, Гречановская, Крутых 2014: 38). Однако, русский человек может быть и ленив, что, как замечается в литературе, лень «является неоднозначной особенностью русского народа» (Гречановская, Крутых 2014: 38). Отдых также необходим, как и труд. Без отдыха снижается качество выполнения работы (Пугачева 2011б). Как показывают современные исследования (Петров 2008), с одной стороны, только интересная работа приносит духовное удовлетворение, с другой стороны, стоит заниматься любой работой, которая обеспечивает достижение материального благополучия. Труд, отдых, лень отражены в многочисленных паремиях в учебнике «Прогулка»: *Всякая работа мастера хвалит*; *Терпение и труд все перетрут*; *Лень – мать всех пороков*; *Человек худеет от заботы, а не от работы*; *Кто не работает, тот не ест*; *Не за свое дело не берись, а своим делом не ленись!*; *Работа не волк – в лес не убежит*; *Кончил дело – гуляй смело!*; *Лентяй и сидеть устает*.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что учеба, образование в жизни русского человека играют очень важную роль. Даже образование и учебу он относит к духовным ценностям, подчеркивает их необходимость и значимость. Итак, согласно традиционному пониманию паремий, учиться можно и даже нужно всю жизнь; учеба является нелегким процессом; мудрость и образование свидетельствуют о человеке, а не внешний вид; усвоение знаний происходит во время повторения материала; не надо бояться ошибок – ведь мы на них учимся, например: *Век живи – век учись*; *Ученье свет, неучение тьма*; *Не стыдно не знать, стыдно не учиться* («Прогулка»); *Без муки нет и науки*; *Для ученика нет старости*; *Учение образует ум, а воспитание нравы*; *По одежде встречают, по уму провожают*; *Знание лучше богатства*; *На ошибках учатся*; *Повторение – мать учения* («Эхо»); *Повторение – мать ученья*; *Учиться никогда не поздно*; *Ум хорошо, а два лучше* («Времена»).

В пословицах и поговорках отражены традиции и обычаи, которые в свою очередь открывают национальный характер, менталитет, отношения между людьми, способы мышления. В России возрождается традиция праздновать христианские и народные праздники. В проанализированных учебниках мы нашли паремии, которые относятся к

ISBN 978-84-949838-0-1

традициям празднования Масленицы и посещения бани. Масленая неделя – это со времен язычества любимый, самый веселый народный праздник, настоящий русский карнавал (*Масленица неделю гуляет*; *Не житье, а масленица*, «Времена»). В свою очередь, с давних времен посещение бани является неотъемлемым атрибутом зимнего закаливания и хорошего настроения. Для русских мыться в бане это не просто гигиена, но и очищение и омоложение души и тела, о чем говорится в паремиях: *В бане веник дороже денег*; *Хорошая баня лучше сытного обеда*; *Баня без веника – что клумба без цветов*; *Баня все грехи смоет*; *В бане мыться, заново родиться*; *Душистый пар не только тело, но и душу лечит* («Прогулка»).

Немало паремий содержит в своем составе концепт «здоровье». Нельза не согласиться с О. А. Рагимовой и Е. М. Лысенко (2014: 30), что здоровье это «форма гармоничного взаимодействия человека с миром на уровне его законов существования». Отношение к деньгам у русского человека негативное, в первую очередь он заботится о своей душе и о своем здоровье. Здоровый образ жизни и одухотворенная красота человека являются ценностями, характерными для традиционной русской культуры. И. П. Гладилина и Г. М. Королева (2012: 4) подчеркивают, что «духовно-нравственное здоровье определенным образом связано с физическим». Здоровье влияет на активное, творческое и полноценное поведение личности в обществе. Прямым олицетворением этих устоев являются такие пословицы, как: *Больной – и сам не свой*; *Здоровье дороже богатства*; *Тот здоровья не знает, кто болен не бывает*; *В здоровом теле здоровый дух*; *Крепок телом – богат и делом* («Эхо»); *Здоровье дороже денег* («Прогулка»); *Где здоровье, там и красота*; *За деньги здоровье не купишь*; *Кто не болел, тот здоровью цены не знает*; *Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – многое потерял, здоровье потерял – все потерял* («Кл@ссно!»).

Русские пословицы содержат советы, как вести себя, как заботиться о здоровье, например: *Отдай спорту время, а получи здоровье*; *Со спортом не дружишь – не раз о том потужишь* («Эхо»); *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле – проживешь сто лет на земле*; *Лучше дышать свежим воздухом, чем пить лекарства*; *В дом, куда не заходит солнце, заходит врач*; *Майская трава больного лечит*; *Кто съест корень морковки, у того прибудет капля крови* («Прогулка»); *Движение – спутник здоровья*; *Где кашель, там и болезнь*; *Лучшего средства от хвори нет: делай зарядку до старости лет* («Кл@ссно!»).

В России дружба считается важной категорией в сфере глубоких, истинных общественных отношений. Этот феномен ценится с особой значимостью русским человеком независимо от общественных и политических трансформаций. Бывают ситуации, когда отношения между друзьями являются более открытыми, чем между членами семьи. Хотя дружба является одной из главных ценностей в сознании русских, а «слово *друг* как

ISBN 978-84-949838-0-1

лексический репрезентант концепта *дружба* является одним из самых важных слов в словарном запасе русского языка, о чем свидетельствует уже его частотность» (Шутковски 2010: 283), то в проанализированных учебниках мы нашли только одну пословицу с концептом «друг»: *Старый друг лучше новых двух* («Прогулка»).

Особое место занимают пословицы и поговорки, которые содержат образы животных. В литературе обращается внимание, что это «закономерно, поскольку с древних времен человек и животное живут в тесном взаимодействии друг с другом» (Бичер (2014). Посредством животных характеризуются особенности внешности и характера человека. Паремии с зоонимическим компонентом иносказательно обращают внимание на нравы личности, образ мышления, ее менталитет, осуждают качества характера, способствующие разобщению людей или указывают на положительные черты человека. В текстах этих пословиц и поговорок присутствует оценочная составляющая, то есть одобрительная или неодобрительная оценка. Итак, в исследованных пословицах 1) отражаются такие отрицательные черты человека, как неуклюжесть, растерянность, глупость, торопливость, враждебность, сердитость, лицемерие (*Слон, попавший в посудную лавку*; *Он смотрит, как баран на новые ворота*; *Они стали делить шкурку неубитого медведя*; *Она на всех волком глядит*; *Делай так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты!*, «В Москву»), 2) указывается на отсутствие способностей, например музыкального слуха (*Ему медведь на ухо наступил*, «В Москву»), 3) характеризуются положительные качества, например решительность, смелость (*Он сразу берет быка за рога*, «В Москву»), 4) оценивается внешний вид (*Сидит, как на корове седло*, «Прогулка»), 5) предостерегается от поспешных выводов (*Первая ласточка весны не делает*, «В Москву»). В исследуемых учебниках мы нашли и другие паремии, в которых отражается внешность и внутренние качества человека, межличностные отношения, даются советы как поступать в жизни, оцениваются ситуации реальной действительности, в их структуре встречаются соматизмы *(палец, сердце).* Таким образом, они обладают воспитательным потенциалом, например: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*; *С кем поведешься, то того и наберешься*; *Не красная изба углами, а красна пирогами*; *Москва не сразу строилась* («Эхо»); *Дерево высыхает, камень рассыпается, а человек все выносит*; *Человек не живет, чтобы есть, а ест, чтобы жить*; *У дитя заболит пальчик, а у матери сердце*; *Ты лучше голодай, чем попало ешь. И лучше будь один, чем вместе с кем попало* («Прогулка»); *Первый блин комом*; *Ум хорошо, а два лучше* («Времена»).

Анализ отобранных паремиологических единиц, несомненно, не является исчерпывающим, однако, указывает на то, что пословицы и поговорки могут дать ключ к пониманию национального менталитета и, в связи с этим, требуют более внимательного

ISBN 978-84-949838-0-1

изучения на уроке русского языка в польской школе. Национальный менталитет, ценности данного народа недоступны непосредственному восприятию, а паремии приоткрывают и воссоздают образ нации. На примерах отобранных пословиц и поговорок можно определить образ русской личности, которая формируется под влиянием различных факторов, например: патриотизма, любви к Родине, к труду; уважения к науке, мудрости, образованию; привязанности к праздникам, традициям, обычаям; *заботе о здоровье. Эти факторы могут помочь сформировать положительное отношение к представителям другой нации.*

В заключение отметим, что эффективность использования паремий на уроке русского языка как иностранного во многом зависит от рациональной организации учебного процесса. Соответствующая дидактическая адаптация пословиц и поговорок позволит развивать умения и навыки речевой деятельности, формируя при этом межкультурную компетенцию учеников.

Список литературы

Алефиренко Ф. Н., Семененко Н. Н. (2009): Фразеология и паремиология. Учебное пособие. Москва: Флинта: Наука.

Баско Н. В. (2014): Русские пословицы и поговорки о родине как отражение национальной ментальности (лингвистический и методический аспекты), Вестник Новгородского государственного университета, 77, 57-59.

Бичер О. (2014): Пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом в системе языка и лингвострановедческого знания, Universum: Филология и искусствоведение, 6(8). URL: https://cyberleninka.ru/article/v/poslovitsy-i-pogovorki-s-komponentom-zoonimom-v-sisteme-yazyka-i-lingvostranovedcheskogo-znaniya (дата обращения: 12.11.17)

Веретягин Н. Ю., Веретягин М. Ю. (2012): Отражение особенностей национального менталитета в русских и английский пословицах.
URL: https://www.sworld.com.ua/konfer29/435.pdf (дата обращения: 12.11.17)

Гладилина И. П., Королева Г. М. (2012): Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества, Армия и общество, 4(32). URL: https://cyberleninka.ru/article/v/rol-traditsionnoy-narodnoy-kultury-v-konsolidatsii-sovremennogo-obschestva (дата обращения: 22.02.18)

Гречановская А. А., Крутых Е. В. (2014): Житейская психология: русский менталитет в пословицах, Международный журнал экспериментального образования, 6, 37-38.

Карольчук М. (2017): Паремии на уроках русского языка в средней школе в Польше (анализ учебников), Традиции и инновации в методике преподавания иностранных языков, т. 2, ред. E. Dźwierzyńska, M. Dziedzic. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 88-100.

ISBN 978-84-949838-0-1

Кацюба Л. Б. (2013): Нравственные ценности русских паремий как фактор духовной безопасности, Вестник Челябинского государстаенного университета, 21(312), Филология, Искусствоведение, 80, 277-280.

Конышева А. В. (2017): Использование пословиц при обучении иностранному языку в вузе, Современные технологии в образовании: материалы международной научно-практической конференции, 23–24 ноября 2017 г., ч. 2, ред. Б. М. Хрусталев. Минск: Белорусский национальный технический университет, 195-199. URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/38161/Ispolzovanie_poslovic_pri_obuchenii_inostrannomu_yazyku_v_vuze.pdf?sequence=1 (дата обращения: 25.03.18)

Крылова Э. О. (2014): Семантическое осмысление пословиц и поговорок о труде в русском и английском языках, Международный журнал экспериментального образования, 6, 146-147.

Кудина Н. Л. (2014): Пословицы и поговорки на уроках русского языка для персоговорящих студентов, (в:) «Контрастивные исследования и прикладная лингвистика», Материалы Международной научной конференции, ч. 2, ред. А. В. Зубов, Т. П. Карпилович, Минск: Минский государственный лингвистический университет, 168-171.

Мамышева З. З., Блягоз З. У. (2013): Воспитательный потенциал пословиц и поговорок в формировании ценностных ориентаций у младших школьников в поликультурной образовательной среде, Вестник Адыгейского государственного университета. Педагогика и психология, 2(117). URL: https://cyberleninka.ru/article/v/vospitatelnyy-potentsial-poslovits-i-pogovorok-v-formirovanii-tsennostnyh-orientatsiy-u-mladshih-shkolnikov-v-polikulturnoy (дата обращения: 12.11.17)

Мокиенко В. М. (2015): Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии), Вестник Кемеровского государственного университета, 1-1(61)/2015, 101-105.

Петров А. В. (2008): Ценностные предпочтения молодежи: диагностки и тенденции изменений, Социологические исследования, 2, 83-90.

Пищулина Т. А. (2011): Лингвокультурологический анализ английских пословиц и поговорок с антропонимами, Язык и межкультурные коммуникации (материалы III Международной научной конференции), ред. В. Д. Стариченок, Г. Кундротас, И. П. Кудреватых, Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 247-248.

Пугачева Л. С. (2011а): Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филолгов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека»), Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 129, 192-198. URL:

ISBN 978-84-949838-0-1

http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskiy-minimum-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-filologov-russkim-frazeologizmam-poslovitsam-i-pogovorkam-na-materiale (дата обращения: 12.11.17)

Пугачева Л. С. (2011б): Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека»), Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 1, 45-51.

Рагимова О. А., Лысенко Е. М. (2014): Историко-философский анализ понятия здоровья в естествознании и русской философии, Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 1-1, т. 14, 27-32.

Снегирев И. М., (2003): Обозрение пословиц, Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике, ред. Ю.Г. Круглова. Москва: Высшая школа, 133-140.

Соколова Л. В. (2015): Русские пословицы и поговогки о языке и речевом этикете, Международный научный журнал «Инновационная наука», 6(6), т. 2, 162-166.

Чернощенкова В. О. (2009): Лингвокультурный аспект пословиц, Язык и культура, 1(5), 80-85.

Шутковски Т. (2010): Дружба и друг в языковой картине мира (на материале паремиологических трансформ), Studia Rossica Posnaniensia, XXXV, 281-287.

Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д. (2017): Анималистические паремиологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языках, Филологические науки. Вопросы теории и практика, 3(69), ч. 3, 193-196.

ISBN 978-84-949838-0-1

«ИДУТ ЛАВИНЫ ОДНА ЗА ОДНОЙ»: К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ЛАВИНА’

Кользун Лидия Юрьевна
Лотарингский университет, CNRS, ATILF, Франция
lidia.kolzoun@gmail.com

Крылосова Светлана Геннадьевна
Национальный институт восточных языков и культур (INaLCO), CREE, Франция
svetlana.krylosova@inalco.fr

Польгер Ален
Лотарингский университет, CNRS, ATILF, Франция
alain.polguere@univ-lorraine.fr

AN AVALANCHE OF PROBLEMS: TOWARDS A LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF NOUNS MEANING ‘AVALANCHE’ IN RUSSIAN AND FRENCH

Lidia Kolzoun
University of Lorraine, CNRS, ATILF, Nancy, France

Svetlana Krylosova
National Institute for Oriental Languages and Civilizations (INaLCO), CREE, France

Alain Polguère
University of Lorraine, CNRS, ATILF, Nancy, France

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются семантические различия между французскими и русскими лексическими единицами, влияющие на сочетаемость этих единиц в тексте и, следовательно, представляющие трудности при преподавании и изучении русского / французского языка как иностранного. Сопоставляются русское существительное ЛАВИНА и его французский эквивалент AVALANCHE. Делается вывод о том, что основное различие между ними состоят в «коммуникативной инверсии» центральных компонентов их значений. Показано, как это различие может быть отражено в лексикографическом толковании изучаемых существительных. В заключение рассматривается влияние этого различия на развитие полисемии русской и французской вокабул.

.

ABSTRACT

ISBN 978-84-949838-0-1

This paper deals with subtle semantic differences between French and Russian lexical units which have important consequences on these units' combinatorial behaviour in sentences and, therefore, that are a challenge in the context of foreign language learning/teaching. We analyse the specific case of the Russian noun LAVINA 'avalanche' and its French counterpart AVALANCHE, which leads us to show that there semantic difference lies in a "communicative inversion" of the central component of their meaning. We show how this difference can be modelled in the lexicographic definition of both nouns. Finally, we examine the consequences this difference has on the polysemy of the corresponding Russian and French vocables.

Ключевые слова: толково-комбинаторная лексикология, лексикография, лексическая сеть, русский язык, французский язык, толкование, полисемия.

Keywords: explanatory combinatorial lexicology, lexicography, lexical network, russian language, french language, lexicographic definition, polysemy.

Введение

Лексикографическое толкование русских существительных, обозначающих явления природы, не раз привлекало внимание лингвистов (см., например, статьи ВЕТЕР, ДОЖДЬ, МЕТЕЛЬ в ТКС 1984; Левонтина 2004; Урысон 2010 и др.). Данная статья написана в русле перечисленных исследований, но в отличие от них имеет сопоставительный характер: мы проанализируем базовые значения рус. сущ. ЛАВИНА и фр. сущ. AVALANCHE и попытаемся проследить логику развития их полисемии.

На первый взгляд может показаться, что большой разницы в значениях *лавина* и *avalanche* нет: из русско-французских и французско-русских словарей следует, что они соответствуют друг другу. Однако опираясь только на данные двуязычных словарей, адекватно передать по-русски фразу (1a) не удаётся, поскольку в традиционных словарях обычно не описывается лексическая сочетаемость заглавных слов (см. подчёркнутое):

(1) a. *<u>Une avalanche s'est déclenchée</u> dans le massif de la Chartreuse (Isère).*

b. **В горах Шартрез (французский департамент Изер) <u>произошла лавина</u>.*

Задача данной статьи предложить такое максимально полное лексикографическое описание этих существительных, которое позволило бы объяснить подобные трудности. В основе исследования лежат принципы толково-комбинаторной *лексикологии (Mel'čuk et al. 1995)*. Большинство примеров для анализа были взяты из «Национального корпуса русского языка» и корпуса «Frantext», мы опирались также на данные лингвистических экспериментов.

В первой части статьи вводится необходимая терминология (*лексема*, *вокабула*, *базовая лексема вокабулы*, *центральный и периферийный компоненты толкования*). Во второй части предлагаются толкования базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE, а также описываются их семантические различия и сочетаемость. Наконец, в третьей части

ISBN 978-84-949838-0-1

рассматривается связь между семантическими различиями базовых лексем и полисемией вокабул.

1. Предварительные замечания

Введём несколько основных терминов, применяемых в толково-комбинаторной лексикологии, чтобы затем представить *Лексические сети французского* и *русского языков* и описать принципы, в соответствии с которыми строятся наши толкования.

1.1. Терминология: лексема, вокабула, лексикографическое толкование

Под **лексемой** понимается элементарная лексическая единица языка, т. е. слово, взятое в одном из своих значений вместе со всеми морфологическими, синтаксическими и лексико-комбинаторными свойствами, присущими именно этому значению (Mel'čuk 1993: 97–107; Polguère 2016: 51). Группа лексем, которые имеют одно и то же означающее и существенную общую часть в означаемых, объединяется в одну **вокабулу** (Mel'čuk et al. 1995: 155–156). Так, вокабула ЛЫЖИ содержит две лексемы. Первая — ЛЫЖИ I — обозначает 'приспособление для перемещения X-а по снегу […]' (*X катается на лыжах*); вторая — ЛЫЖИ II — имеет метонимическое значение: 'спортивное занятие, состоящее в автономном перемещении X-а на ЛЫЖАХ I' (*У X-а разряд по лыжам*). Толкование лексемы ЛЫЖИ II включает ЛЫЖИ I, что позволяет объединить их в одну вокабулу. **Базовая лексема вокабулы** — это лексема, толкование которой включено, по крайней мере частично, в толкование других лексем вокабулы, так что именно вокруг неё строится полисемическая структура вокабулы.

Лексикографическое толкование лексемы является представлением смысла этой лексемы. Формально это иерархическая структура семантических компонентов, где строго определены положение каждого компонента и типы его связей с другими компонентами. В вершине толкования находится центральный семантический компонент, к которому в иерархическом порядке присоединяются один или несколько периферийных компонентов (см. Mel'čuk, Polguère 2016). **Центральный семантический компонент** (он же — родовой компонент: genus proximum) представляет собой минимальную перифразу толкования, которая содержит указание на семантический класс определяемой лексемы, при этом он принадлежит к той же части речи, что и определяемое. В приведённом выше толковании лексемы ЛЫЖИ II центральным компонентом является 'спортивное занятие'. **Периферийные семантические компоненты** позволяют отличить одну лексическую единицу от других, семантически с нею связанных.

ISBN 978-84-949838-0-1

1.2. Лексические сети французского и русского языков

Работа над *Лексической сетью французского языка* (RL-fr) началась в 2010 г. в научно-исследовательском центре ATILF Государственного Совета по научным исследованиям Франции (CNRS) при Лотарингском университете в г. Нанси (Франция). RL-fr представляет собой электронный лексический ресурс, в котором каждая лексическая единица получает исчерпывающее формальное описание и соединяется с другими единицами посредством стандартных лексических функций ЛФ (Жолковский, Мельчук 1965, Мельчук 1974; Mel'čuk 1996). ЛФ позволяют формально описать парадигматические и синтагматические отношения внутри Сети. Цель создания RL-fr — дать представление о структуре лексики, а также предоставить лексикографу удобные средства для формального описания лексических единиц (лексем и идиом) и установления связей между ними (Lux-Pogodalla, Polguère 2011).

По аналогии с RL-fr с 2014 г. в Париже и Нанси разрабатывается *Лексическая сеть русского языка* (RL-ru). Работа ведётся в рамках соглашения, заключённого между лабораторией ATILF CNRS, г. Нанси и Институтом восточных языков и культур INaLCO (исследовательский центр CREE), г. Париж (Krylosova 2017).

1.3. Лексикографические толкования в толково-комбинаторной лексикологии

При работе над *Лексическими сетями русского* и *французского языков* толкования лексем строятся в соответствии с принципами, сформулированными И. А Мельчуком в работах Мельчук, 1997: 25–27; Mel'čuk 2013: 279–306; см. также Mel'čuk, Polguère 2016: 62–78:

● принцип адекватности (определяющее должно быть необходимо и достаточно для однозначной идентификации определяемого во всех возможных случаях его употребления);

● принцип однозначности (любой элемент в составе определяющего может иметь ровно один смысл, и любой смысл выражается в составе определяющих ровно одним элементом);

● принцип разложимости (любой смысл должен определяться только через более простые смыслы);

● принцип максимальных блоков (определяющее должно состоять из возможно более ёмких смыслов);

● принцип унификации (описание многозначных слов, т. е. вокабул, принадлежащих одному семантическому типу, должно строится по одному образцу).

Требуется, чтобы толкования из RL-ru и RL-fr могли быть использованы при обучении соответственно русскому и французскому языкам и как родному, и как иностранному. Поэтому в случае конфликта между стремлением соответствовать перечисленным принципам

ISBN 978-84-949838-0-1

и общедоступностью толкования выбор делается в пользу последнего. В то же время упрощение толкований не должно заходить слишком далеко: они рассчитаны на студенческую аудиторию, хорошо владеющую не только своим родным языком, но и несколькими иностранными языками (по меньшей мере, в рамках школьной программы). О специальных «педагогических» толкованиях см. Milćević 2016, Sikora 2016.

2. Описание базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1

Сравним определения базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE (*снежная лавина*) в толковых словарях рус. и фр. языков, чтобы затем предложить наши собственные толкования лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1, введённые в RL-ru и RL-fr.

2. 1. Толкования сущ. ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1в словарях рус. и фр. языков

В таб. 1 представлены определения исходных значений (базовых лексем) сущ. ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 из наиболее известных толковых словарей рус. и фр. языков.

Таблица 1. Толкования исходных значений ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в словарях

ЛАВИНА I.1 в русских словарях	**AVALANCHE I.1** во французских словарях
Ожегов: Массы снега, снежных глыб, низвергающихся с гор	**Larousse** : chute d'une masse de neige qui se détache de la montagne et dévale sur un versant en direction de la vallée
БТС: Массы снега, низвергающиеся с гор с огромной разрушительной силой	**Le Robert** : masse de neige qui se détache d'une montagne, qui dévale en entraînant des pierres, des boues. ♦ chute de cette masse de neige
МАС: Масса снега, низвергающаяся с гор с огромной разрушительной силой	**TLFi** : A. Chute soudaine et brutale d'une masse de neige qui se détache de la montagne et s'abat sur la vallée. B**.** La neige qui constitue cette masse.

Из таблицы видно, что в трёх словарях рус. языка центральным компнентом толкования существительного *лавина* является ‘масса (массы) снега’ (в Ожегов 2015 — ‘массы снега, снежных глыб’). Таким образом, рус. *лавина* относится к семантическому классу ‘сущность’.

В правой половине таблицы ситуация выглядит сложнее. 1. Авторы французского Ларусса выделяют в качестве центрального компонента существительного *avalanche* ‘сход массы снега’; 2. Авторы Робера считают центральным компонент ‘масса снега’ (но при этом отмечают, что в некоторых употреблениях *avalanche* может означать и ‘сход этой массы’); 3. Наконец, лексикографы TLFi делят исходное значение сущ. *avalanche* на два подзначения,

ISBN 978-84-949838-0-1

центральным компонентом толкования первого из которых является ‘сход массы снега’, а второго — ‘снег [из которого состоит эта масса]’. Таким образом, Ларусс однозначно относит *avalanche* к семантическому классу ‘событие', два других словаря — к классам ‘сущность’ и ‘событие’.

В данном случае мы склонны согласиться с авторами Ларусса (*avalanche* — это ‘событие’) и поставить под вопрос правомерность выделения у этого существительного значения ‘масса снега’. Примеры, приводимые в пользу «сущностной» природы *avalanche*, кажутся нам сомнительными. Рассмотрим один из них. В Робере значение ‘масса снега’ иллюстрируется фразой (2a).

(2) a. *Le hameau fut enseveli* <u>*sous une avalanche*</u>.

b. *Деревушка оказалась погребённой* <u>*под лавиной*</u>.

Казалось бы, вывод очевиден: *sous une avalanche* значит *под массой снега*. Однако во фр. языке предлог *sous* ‘под’ может использоваться и с «событийными» сущ. (ср. *enseveli sous une chute de casseroles* (**погребённый под падением кастрюль)*, а значит пример (2a) нельзя использовать в качестве аргумента в пользу того, что центральным компонентом фр. *avalanche* может быть ‘масса снега’.

Таким образом, по нашему убеждению, центральным компонетом толкования рус. сущ. лавина является ‘масса снега’ ([сущность]), а центральным компонентом толкования фр. сущ. avalanche является ‘падение’ ([событие]). Собственно, этим и объясняется невозможность дословного перевода таких фраз и словосочетаний как témoin d’avalanche (*свидетель лавины, правильно свидетель схода лавины), une avalanche s'est déclenchée (*произошла лавина, правильно произошёл сход лавины) и т. д. В отличие от фр. языка, в рус. языке лавины не *начинаются, не *кончаются, не *длятся и не *происходят.

2. 2. Вокабулы ЛАВИНА и AVALANCHE в Лексических сетях рус. и фр. языков

На момент написания данной статьи полисемические структуры вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE были представлены в *Лексических сетях русского* и *французского языков* следующим образом (таб. 2):

Таблица 2. Полисемия вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE в RL-ru и RL-fr

ЛАВИНА	AVALANCHE
ЛАВИНА I.1 *лавина, которая идёт на Y* ‘<u>огромная масса снега</u>, ● которая стремительно перемещается вниз	**AVALANCHE I.1** *avalanche qui arrive sur Y* ‘<u>glissement</u> accidentel <u>d'une très grande masse de neige</u>

ISBN 978-84-949838-0-1

по склону горы на Y ● (и наносит ущерб Y-у)': *Со склона соседней горы сорвалась лавина.*	● qui se détache d'une montagne ou d'un élément du relief similaire ● qui se déplace rapidement sur cet élément du relief ● qui atteint Y **(**et lui cause des dommages**)'**: *Une avalanche s'est produite hier dans le massif alpin en provoquant la mort d'une personne.*
ЛАВИНА I.2 *лавина X-а/-ов, которая идёт на Y* 'огромная масса вещества или предметов X, ● которая перемещается вниз по склону горы': *После взрыва с гор сошла большая лавина камней и щебня.*	**AVALANCHE I.2** *avalanche de X qui arrive sur Y* 'glissement accidentel d'une très grande masse de X ● qui se détache d'un élément du relief élevé ● qui se déplace rapidement sur cet élément du relief ● qui atteint Y **(**et lui cause des dommages**)**: *Une Toulousaine tuée par une avalanche de pierres.*
ЛАВИНА II *лавина X-а/-ов, которая падает на Y* 'большое количество X-а/-ов, ● которые падают на Y ● единой массой': *Сверху на Петю обрушилась лавина книг.*	**AVALANCHE II** *avalanche de X sur Y* 'chute accidentelle d'une grande quantité de X ● qui tombent sur Y': *Une avalanche de livres s'effondra sur Simon.*
ЛАВИНА III.1 *лавина X-а/-ов, которая передвигается к Y-у* 'большое количество X-а/-ов, ● которые передвигаются к Y-у ● единой массой ● по поверхности земли': *В густом облаке пыли показалась конная лавина.*	
ЛАВИНА III.2 *лавина X-а/-ов, которые воздействуют на Y.* 'большое количество *X-а/-ов*, ● которое воздействует на Y': *Иван Петрович был раздавлен лавиной сплетен, жалоб и прочих карьерных неприятностей.*	**AVALANCHE III** *avalanche de X sur Y.* 'grande quantité de faits X ● qui peuvent affecter, ou qui affectent Y': *Une avalanche de coups de poing s'abattit sur la porte d'entrée.* **AVALANCHE IV** *avalanche de X sur Y* 'effet intense que produit X sur Y ● comme si c'était une avalanche I.1 qui se déverse sur Y': *Ma mère était enfermée dans une chambre, enfouie sous l'avalanche de sa maladie mentale.*

2.3. Анализ толкований базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в RL-ru и RL-fr

ISBN 978-84-949838-0-1

Проанализируем пропозициональную форму лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 и сравним центральные и периферийные компоненты их толкований. (см. таб. 2).

2.3.1. Пропозициональная форма

В соответствии с принципами толково-комбинаторной лексикологии, в случае предикатных и квази-предикатных лексем толкование в RL-ru и RL-fr даётся не просто для лексемы, а для её пропозициональной формы. **Пропозициональная форма** —это выражение, состоящее из лексической единицы и переменных, которые представляют её семантические актанты (Мельчук 2012: 111).

Как видно из таб. 2, нами толкуется не лексема ЛАВИНА I.1, а пропозициональная форма *лавина, которая идёт на Y.* Переменная Y здесь является потенциальным местом происшествия, как *отель* в примере *В отеле, на который сошла лавина*, *всё ещё надеются найти живых.* Смысл ‘снег’ в толковании лексемы ЛАВИНА I.1 не представлен переменной, а прямо включён в значение лексемы; поэтому пропозициональная форма лексемы ЛАВИНА I.1 не имеет переменной X (‘снег’ — это встроенный актант, см. об этом Polguère 2012).

Фр. лексема AVALANCHE I.1 имеет схожую пропозициональную форму. Интересно, однако, отметить, что в рус. яз. словосочетание *снежная лавина* допускается (т. е. ‘снег’ внутри смысла ‘лавина’ может быть продублирован прилагательным *снежный*), а во французском выражение ?*une avalanche de neige* кажется сомнительным и возможно только при введении дополнительной характеристики, касающейся X-а (например, *une avalanche d’une neige lourde et glacée* ‘лавина тяжёлого заледенелого снега’). См. часть 3.

2.3.2. Центральный и периферийные семантические компоненты

В разделе 2.1. было показано, что центральные семантические компоненты лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 не совпадают (для ЛАВИНА I.1 центральным компонентом является ‘масса снега [которая сходит]’, а для AVALANCHE I.1 — ‘сход [массы снега]’. Это различие неизбежно влияет на сочетаемость рус. и фр. существительных и может вызвать трудности при переводе.

Для того, чтобы выявить периферийные компоненты лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1, мы проанализировали сочетаемость этих сущ. Нас интересовали такие словосочетания и выражения, как *удар лавины, souffle d’avalanche*; *жертва схода лавины*, *miraculé d’avalanche*; *pris dans une avalanche*; *лавина смела* и т. д. Выделенные нами периферийные компоненты толкований ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 представлены в таб. 3

ISBN 978-84-949838-0-1

(в скобках (+) указан слабый компонент, наличие которого не является обязательным).

Таблица 3. Периферийные компоненты толкований ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в RL-ru и RL-fr

	огромная	отрывается от горы	быстро перемещается	премещается по склону горы	наносит ущерб
ЛАВИНА I.1 'масса снега', которая	+	—	+	+	(+)
AVALANCHE I.1 'сход (падение) массы снега', которая	+	+	+	+	(+)

Легко заметить, что в толкованиях лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 не совпадает только один периферийный компонент — указание на то, что лавина «отрывается от горы». Ввод этого компонента в толкование AVALANCHE I.1 обусловлен наличием ряда употреблений, связанных с началом схода лавины (они не встречаются в рус. яз.): *départ d'une avalanche* (**начало лавины*), *avalanche se détache* (**лавина отделяется*), *avalanche se décroche* (*лавина срывается*).

3. Сравнительный анализ полисемии вокабул

Анализ значений базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 позволил нам выявить тот **семантический потенциал** (термин Г. И. Кустовой, см. Кустова 2004: 58), который может реализоваться в производных значениях интересующих нас лексем и повлиять на развитие полисемии внутри вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE. Мы исходим из того, что набор **кополисем** (термин А. Польгера) внутри вокабул и их значения не могут быть абсолютно непредсказуемыми, потому что производные значения включают компоненты исходного, т. е. базового, значения «которые заранее известны» (Кустова 2004: 59). Посмотрим, например, как различие центральных компонентов (рус. 'масса' и фр. 'сход') оказало влияние на развитие полисемии ЛАВИНА и AVALANCHE (см. таб. 2).

1. **ЛАВИНА I.2** и **AVALANCHE I.2** (*каменная лавина*, *avalanche de pierre*). В целом это значение в рус. и фр. языках совпадает, но, как и в базовых лексемах, центральным компонентом толкования для рус. ЛАВИНА I.2 является 'масса', а для фр. AVALANCHE I.2 — 'сход, скольжение вниз', что неизбежно влияет на сочетаемость этих сущ. Ср. **Не менее*

ISBN 978-84-949838-0-1

четырёх человек погибли в результате грязевой лавины в Колумбии. В пропозициональной форме обеих лексем эксплицитно задан актант X (*песок*, *щебень*, *глина* и т. д.), этим они отличаются от пропозициональных форм ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1.

2. **ЛАВИНА II** и **AVALANCHE II** (*лавина книг*, *avalanche de livres*). Как и в предыдущем случае, единственным (немаловажным) отличием между рус. и фр. лексемами являются центральные компоненты толкования: ‘большое количество X-ов’ для рус. и ‘падение большого количества X-ов’ для фр., поэтому по-русски нельзя сказать, например, **Лавина тарелок длилась всего две секунды*. В обоих языках актант X может быть выражен и исчисляемым, и неисчисляемым сущ. (*лавина воды*, *avalanche d’eau*). Любопытно, что именно в этом значении рус. сущ. *лавина* употребляется в словосочетании *лавина снега.* Ср. *В Новом Уренгое лавина снега, сошедшая с крыши, накрыла мужчину* при сомнительном употреблении в базовом значении (ЛАВИНА I.1) ?*Вчера вечером в швейцарских Альпах лавина снега накрыла пятерых лыжников* (правильно *снежная лавина*).

3. **ЛАВИНА III.1** (*конная лавина*). Значение ‘то, что передвигается единой массой (по поверхности земли)’ (синонимы *море*, *поток*) отдельно выделяется только для рус. яз. Тот факт, что X в некоторых случаях может быть выражен не только сущ. в род. пад. (*лавина солдат*), но и прилагательным (*танковая, конная лавина*), свидетельствует о высокой степени освоения этого значения рус. языком. Интересно, что толковые словари рус. яз., выделяющие это значение сущ. ЛАВИНА, отмечают стремительность движения передвигающейся массы (Ожегов). Отметим однако, что «эта» *лавина* в рус. яз. может *ползти*, значит высокая скорость движения не должна быть обязательным периферийным компонентом толкования.

Во фр. яз. такое употребление встречается крайне редко. Это расхождение между рус. и фр. яз., на наш взгляд, связано с различием центральных компонентов базовых лексем (‘масса’ в рус. яз. и ‘скольжение [этой массы] сверху вниз’ во фр.яз.).

4. **ЛАВИНА III.2** и **AVALANCHE III** (*лавина комплиментов*, *avalanche de compliments*). Значение ‘большое количество X-а/-ов, воздействующее на Y’ выделяется как в рус., так и во фр. языках (*лавина аплодисментов, ударов, телефонных звонков*). Между тем, между рус. и фр. лексемами есть существенная разница, и касается она выбора актанта X. Рус. *лавина* в этом значении довольно свободно сочетается и с исчисляемыми и с неисчисляемыми сущ. В последнем случае скорее в значении ‘интенсивное проявление чувства или состояния’ (син. *волна*): *лавина нежности*. Во фр. яз. словосочетания, построенные по модели *лавина* + неисчисл. сущ. (*avalanche d'amour*), встречаются и в корпусе Frantext, и в других источниках, однако у ряда носителей фр. языка такие употребления вызывают сомнения. Ср., например, комментарии к примерам, включающим словосочетание *avalanche d’amour* ‘лавина любви’:

ISBN 978-84-949838-0-1

«Речь идёт о любви нескольких человек» или «Речь идёт о множестве разных доказательств (проявлений) любви». Как и в предыдущем случае, эту разницу между рус. и фр. языками можно объяснить несходством центральных компонентов базовой лексемы: в рус. языке *лавина любви* — единая «масса», во французском *avalanche d'amour* — множество событий.

5. **AVALANCHE IV (****лавина жары*)**.** Сразу следует оговориться, что метафорическое употребление *avalanche* в значении 'интенсивное воздействие X-а на Y' во фр. яз. встречается очень редко (исключительно в художественных текстах) и не всегда принимается «наивными» носителями. Как видно из примера (3а), в отличие от других значений, в AVALANCHE IV акцентируется не 'перемещение сверху вниз' и не 'большое количество', а скорее 'мощное воздействие'. Ср. также пример в таблице 2.

(3)a. *On avançait sous l'avalanche de la chaleur*.

b. *Мы шли по гнетущей жаре* (букв. **под лавиной жары*).

Таким образом, основой для этого редкого употребления послужил не центральный компонент толкования AVALANCHE I ('сход'), а компонент 'мощное воздействие на Y'.

Проследив развитие полисемии ЛАВИНА и AVALANCHE от наблюдаемого (*лавина грязи*) к ненаблюдаемому (*лавина любви*), мы можем сказать, что центральные компоненты базовых лексем, вне всякого сомнения, повлияли на развитие полисемии наших вокабул. В то же время, мы видим, что в основе расширения значения может лежать любой другой (периферийный) компонент толкования базовой лексемы (и даже элементы, не вошедшие в толкование, которые известны говорящему, потому что он знаком с соответствующей прототипической ситуацией).

Заключение

Вернёмся к наблюдению, сформулированному во введении: двуязычные словари в качестве эквивалента рус. *лавина* дают фр. *avalanche* и наоборот. Правы ли авторы словарей? По-видимому, да. В случае с сущ. *лавина* и *avalanche* мы имеем дело с проявлением довольно регулярной, привычной носителям сопоставляемых языков, полисемии (ср., например, 'вещество' и 'падение этого вещества' в сущ. *снег* и *neige*), только на этот раз на межъязыковом уровне. Вне контекста, безусловно, рус. *лавина* соответствует фр. *avalanche.*

В то же время, различие центральных компонентов базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE («сущностный» для рус. и «событийный» для фр.) неизбежно влияет на сочетаемость этих лексем. Эта особенность должна учитываться, кроме прочего, при преподавании русского и французского языков как иностранного и при переводе.

ISBN 978-84-949838-0-1

Различие центральных компонентов базовых лексем в определённой степени влияет и на развитие полисемии внутри вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE, на «набор кополисем», поскольку именно от того, каким было базовое значение, зависит то, «что с ним можно сделать, какие производные значения из него можно получить» (Кустова 2004: 54). С другой стороны, наш анализ показал, что в развитии полисемии определяющим необязательно является именно центральный компонент базовой лексемы, им может стать один из периферийных компонентов: сдвиг семантического акцента может быть обусловлен фокусом внимания говорящего. Таким образом, не всегда можно с точностью предсказать, какое новое значение «вызревает» внутри вокабулы, но при этом, по-видимому, можно выявить возможные пути развития кополисем.

***

Сердечно благодарим И. А Мельчука Л. Н. Иорданскую, В. И. Томашпольского, Е. В. Акборисову за ценные замечания, высказанные при подготовке этого текста. Спасибо участникам секции «Описание и анализ русского языка» МКР-Барселона 2018 за содержательное и конструктивное обсуждение доклада. Конечно, ответственность за все ошибки и неточности целиком лежит на авторах статьи.

Список литературы

Апресян Ю. Д. (1995): Лексическая семантика. Синонимические средства языка. т. 1, 2-е изд., испр., Москва: ЯСК.

Жолковский А. К., Мельчук И. А (1965): О возможном методе и инструментах семантического синтеза, Научно-техническая информация, 6, 23–28.

Кустова Г. И. (2004): Типы производных значений и механизмы языкового расширения, Москва: ЯСК.

Левонтина И. Б. (2004): Словарная статья МЕТЕЛЬ, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, Москва — Вена: ЯСК, 535–548.

Мельчук И. А. (1974): Опыт теории лингвистических моделей Смысл-Текст, Москва: Наука.

Мельчук И. А. (1997): Курс общей морфологии, т. 1, Москва — Вена: ЯСК.

Мельчук И. А. (2012): Язык: от смысла к тексту, Москва: ЯСК.

Урысон Е. В. (2010): Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия, Проспект активного словаря русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, Москва: ЯСК.

References

Krylosova S. (2017): Du projet d’élaboration d’un Réseau lexical du russe (RL-ru), Karpovskie naučnye čtenija, Minsk: IVC Minfina, 11, 1, 243–246.

ISBN 978-84-949838-0-1

Lux-Pogodalla, V., Polguère, A. (2011): Construction of a French Lexical Network. Methodological Issues, Proceedings of the First International Workshop on Lexical Resources, Ljubljana, P. 54–61.
Mel'čuk I. (1993): Cours de morphologie générale, vol. 1. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions.
Mel'čuk I., Clas A., Polguère A. (1995): Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire. Louvain-la-Neuve: Duculot.
Mel'čuk, I. (1996): Lexical Functions : A Tool for the Description of Lexical Relations in the Lexicon, Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing , Language Companion Series 31, Amsterdam/Philadelphie : J. Benjamins, 37–102.
Mel'čuk I. (2013): Semantics From meaning to text, vol. 2, Amsterdam/Philadelphie : J. Benjamins.
Mel'čuk I. (2015): Semantics: From meaning to text, vol. 3, Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins.
Mel'čuk I., Polguère A. (2016): La définition lexicographique selon le lexicologie explicative et combinatoire, Cahier de lexicologie, 2, 109, 61–91.
Milćević J. (2016): La définition lexicographique pédagogique : enjeux et difficultés, Cahier de lexicologie, 2, 109, 93–116.
Polguère A. (2012): Propriétés sémantiques et combinatoires des quasi-prédicats sémantiques, Scolia, Université des sciences humaines Strasbourg, 26, 131–152.
Polguère A. (2016): Lexicologie et sémantique lexicale. Notions fondamentales. Troisième édition, Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal.
Sikora D. (2016): Activité(s) de définition dans l'apprentissage d'une langue seconde, Cahier de lexicologie, 2, 109, 117–144.

Словари

БТС — (2014): Большой толковый словарь русского языка. гл. ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Норинт.
МАС — (1999): Словарь русского языка. под ред. А. П. Евгеньевой, 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
Ожегов — Ожегов С. И. (2015): Толковый словарь русского языка: АСТ.
ТКС — Мельчук И. А., Жолковский А. К. (1984): Толково-комбинаторный словарь русского языка, Вена, Wiener Slavistischer Almanach.
Larousse — Le Larousse, URL: http://www.larousse.fr/ (consulté le 18 juin 2018)
Robert — Le Grand Robert de la langue française, version 4.1.
TLFi — Trésors de la Langue Française informatisé. ATILF - CNRS & Université de Lorraine. URL: http://www.atilf.fr/tlfi (consulté le 18 juin 2018)

ISBN 978-84-949838-0-1

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ЭТНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИНОНИМОВ КОНЦЕПТА «ТРУСОСТЬ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Керексибесова Урсула Валерьевна
Кемеровский государственный университет, Россия
kereksibesova@gmail.com

STABLE EXPRESSIONS AS ETHNOSEMANTIC REALIZATION OF SYNONYMS OF CONCEPT «COWARDICE» IN DIFFERENT STRUCTURED LANGUAGES

Kereksibesova Ursula
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье через анализ паремий в русском, китайском и тюркских языках обнаружены этносемантические компоненты синонимов, реализующих концепт «трусость». Пословицы и поговорки, являясь культурным кодом нации, выявляют уникальный взгляд на мир и его интерпретацию русскими, китайцами и тюрками. Вместе с тем устойчивые высказывания актуализированы в границах пропозициональных структур, эксплицируя идентичность механизма работы мозга людей, говорящих на разных по структурному устройству языках.

ABSTRACT

In the article, through the analysis of paremias in Russian, Chinese and Turkic languages, ethnosemantic components of synonyms that realize the concept of «cowardice» were found. Proverbs and sayings, being the cultural code of the nation, reveal a unique view of the world and its interpretation by the Russians, the Chinese and the Turks. At the same time, stable statements are actualized within the boundaries of propositional structures, showing the identity of the mechanism of the brain of people speaking different structured languages.

Ключевые слова: концепт, синонимы, пропозиция, пропозициональная структура, разноструктурные языки.

Keywords: concept, synonyms, proposition, propositional structure, different structured languages.

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №17-04-00253 – ОГН\18.

Паремия присуща всем языкам современного мира. «Устойчивые выражения емко, образно, эмоционально интерпретируют явления окружающего мира. На основе анализа фразеологизмов разных этносов можно выявить особенности мировоззрения нации, народности, понять дух нации, обусловленный языком, в котором он реализован. С одной

ISBN 978-84-949838-0-1

стороны, люди современной цивилизации выражают мысль в словах по одним и тем же абстрактным логическим схемам, пропозициональным структурам, с другой – под влиянием внутреннего формально-семантического устройства каждого конкретного языка и культурных концептов, представленных в языке, - пропозициональные структуры реализуются в свойственных конкретному языку вербализованных пропозициях, проявляющих его самостийность» (Араева 2014: 20).

В данной статье мы стремимся через анализ паремий выяснить, как реализуется семантическое пространство синонимов в пределах концепта «трусость» в китайском, русском и тюркских языках. В отличие от русского, алтайского, киргизского языков телеутский язык – язык коренного малочисленного народа России. В настоящее время насчитывается чуть больше 2500 телеутов, примерно 1500 телеутов обосновались в с. Беково Беловского района Кемеровской области. Язык используется только в бытовом общении. Телеуты в результате ассимиляции с русской культурой забывают свои обычаи, традиции и язык. Проблема сохранения этнической культуры языков коренных малочисленных народов является актуальной задачей. Представители коренного населения Севера – телеуты включены в программу ЮНЕСКО «Охрана малых народов мира». Проблемой сохранения языка и культуры телеутов с 2007 года занимается кафедра стилистики и риторики Кемеровского государственного университета под руководством профессора Араевой Людмиоы Алексеевны. Опыт работы по сохранению телеутской лингвокультуры описан в: (Араева, Булгакова, Калентьева, Керексибесова, Крейдлин и др. 2016; Араева, Крейдлин, Проскурина 2017). Анализируемые в данной статье паремии извлекались из бесед с жителями с. Кош-Агач (Республика Алтай), г. Бишкек (Киргизия), с. Беково. Использовались словари, а также материалы из интернет-ресурсов. Телеутские пословицы и поговорки собирались в экспедициях в с. Беково.

Рассматривая синонимы и устойчивые выражения к слову трусливый в разных языках, мы выявляем, как понимается это качество человека в разных культурах. Наряду с общими чертами, выявляется также специфическое в понимании трусости у разных народов. «Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения. Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его. Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познаётся в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» (В. фон Гумбольдт 1801: 601). Путем рассмотрения паремий о трусости и

ISBN 978-84-949838-0-1

синонимов к этому слову, мы обогащаем знания о разных культурах, что будет способствовать пониманию разных культур при межкультурной коммуникации.

Анализ семантического пространства синонимов через пословицы и поговорки, являющиеся своеобразным культурным кодом нации, позволяет увидеть особенности языковой картины мира китайцев, русских и тюрков, особенности познания ими мира. Это исследование может быть полезным переводчикам, людям, изучающим рассматриваемые языки, а также лингвистам, занимающимся анализом разноструктурных языков.

Синонимы, реализующие концепт «трусость», присутствуют в языковом сознании представителей разных лингвокультур, в которых трусость порицается, считается недостойной человека. При этом семантическое пространство синонимов, репрезентирующих данный концепт, в каждом языке оказывается достаточно уникальным, что обусловлено бытом, культурными традициями народов. Культурные традиции, составляющие национальное достояние, образно представлены в пословицах и поговорках. Эти устойчивые выражения дают возможность осмыслить культурные стереотипы конкретного народа.

Синонимы к слову *трусливый* в русском языке: *боязливый, пугливый, робкий, несмелый* (Апресян 2003: 56). Данные слова имеют различительные смысловые признаки. «Для боязливого более характерно чувство тревоги, чем страха. Оно является постоянным фоном его восприятия действительности: субъект все время ожидает, что может произойти нечто плохое для него, и поэтому находится в постоянном напряжении. Пугливый импульсивно и бессознательно реагирует даже на слабое внешнее воздействие, чаще всего на внезапное изменение ситуации, проявляя это в непроизвольных движениях или негромких восклицаниях» (Апресян 2003: 56). Пугливый в китайском языке: *惊恐的 jīngkǒng de* букв. *удивиться до страха*; 惊吓 *jīngxià* букв. *удивится до испуга*. В алтайском языке: *чочып* букв. *пугаться*. Во всех языках данные слова подразумевают бессознательную реакцию на внешнее воздействие.

«Робкий и несмелый, в основном круге употреблений характеризуют свойства личности, а не биологической природы субъекта. Робкие люди не любят проявлять инициативу, склонны к пассивности, стремятся причинить как можно меньше беспокойства окружающим, предпочитают не привлекать к себе внимания, говорят немного и негромко. Данное свойство часто ассоциируется со скромностью, поэтому может оцениваться положительно. Для прилагательного несмелый наиболее характерна ситуация, когда субъект из-за неуверенности в себе отказывается от совершения полезных или нужных поступков» (Апресян 2003: 57). В китайском языке слова, обозначающие робкого и несмелого человека: *生生怯生生*

ISBN 978-84-949838-0-1

qièshēngshēng букв. *бояться нового*; *怯懦 qiènuò* букв. *боязливый и робкий*; *怯生 qièshēng* букв. *стесняться незнакомых*. Примечательно, что данные слова в китайском языке используются только по отношению к детям и молодым людям, так как данное качество проявляется из-за отсутствия достаточного опыта.

«Трусливый тоже характеризует свойство личности, состоящее в том, что человек, руководствуясь примитивным инстинктом самосохранения, всеми силами старается избежать опасности, даже в ситуации, когда это противоречит этическим нормам. Трусливый испытывает чувство страха, которое почти не в силах преодолеть, даже когда он осознает, что должен сделать это. С неспособностью смотреть в лицо опасности связана однозначно отрицательная этическая оценка субъекта свойства трусливый и самого этого свойства» (Апресян 2003: 57). Трусливый в алтайском, телеутском и киргизском языках: *коркынчак, коркок*. В китайском языке: *胆小 dǎnxiǎo* досл. *маленький желчный пузырь* в значении *трусливый*.

Соматизмы в разных лингвокультурах играют важную роль, что не является случайным: человек, познавая мир, категоризуя, концептуализируя его, опирается на свой телесный опыт. В частности, в киргизском языке разные части гор обозначаются с помощью соматизмов (Тагаев 2014: 169). Как отмечает Е. В. Рахилина: «практически во всех языках человек моделирует ориентацию предметов в пространстве, так сказать, по себе» (Рахилина 2008: 14).

В наивной картине мире многих народов внутренние состояния и ощущения человека, вызываемые каким-либо внешним воздействием, локализуются в каком-то органе человеческого тела. Для китайцев желчный пузырь является пристанищем такого чувства, как смелость и пугливость. Соответствующие коннотации передают указания на отклонения в размере этого органа. Например, *胆大 dǎndà* досл. *большой желчный пузырь* используется в значении *храбрый, смелый*, а *胆小 dǎnxiǎo* досл. *маленький желчный пузырь* используется в значении *трусливый и робкий*. Отсюда, выражение *夺胆 duódǎn* досл. *лишиться желчного пузыря* используется в значении *растеряться, струсить*. Кроме этого, примечательно наличие выражения *胆怯 dǎnqiè* досл. *желчный пузырь боится,* также обозначающего *трусость*. В китайском языке встречаются такие выражения со словом *胆 dǎn желчный пузырь*: *胆寒 dǎnhán* досл. *желчный пузырь дрожит* в значении *перепугаться; 胆虚 dǎnxū* досл. *пустой желчный пузырь* в значении *трусливый, несмелый, робкий.* Кроме этого, в

ISBN 978-84-949838-0-1

китайской медицине выделяется такая болезнь, как недостаточность желчного пузыря, недостаточный желчный синдром - болезненное состояние от недостаточности жёлчного Ци. Проявления: бессонница с дисфорией, пальпитация, склонность к испугу и подозрению. Связь желчного пузыря с чувством страха также отмечается в книге «Южная история» (Li Yanshou 1974). Во времена династии Цин в провинции Шаньдун старик решил сходить в гости к родственникам, но по приходу домой неожиданно умер. Тело у него было зеленого цвета, что позволило выдвинуть гипотезу об отравлении этого человека во время трапезы родственниками. После вскрытия тела выяснилось, что старик умер из-за того, что у него лопнул желчный пузырь. По дороге домой старик увидел, как убивают людей, его также хотели убить, но ему удалось добежать до дома. Старик был так перепуган, что у него лопнул желчный пузырь, в результате чего тело покрылось зеленым цветом (Li Yanshou 1974).

Для русской лингвокультуры такой соматизм, как *сердце,* является пристанищем многих эмоций и чувств, в том числе страха и боязливости: *сердце в пятки уходит; сердце обмерло; сердце замерло в груди; сердце дрожит, как овечий хвост; сердце оборвалось; сердце ёкнуло в груди; сердце не на месте* и др.

Во всех рассматриваемых языках существуют выражения, обозначающие трусливого человека через такой орган, как глаза. В алтайском языке: *коркыган торбоктыҥ көстӧри тосток* букв. *у напуганного бычка глаза выпученные*; *коркынчак кӧзин тозырайта кӧрӧр, коркыбас кӧзин кезе кӧрӧр* букв. *боязливый глаза выпучив смотрит, небоязливый глазами прямо смотрит*. В киргизском языке: *кӧз – коркок, кол – баатыр* букв. *глаза – трус, рука – храбрец; коркконго кош кӧрҥнӧт, кошогу менен беш кӧрҥнӧт* букв. *испугавшемуся все двойным кажется, а с тем, что к нему привязано, пятерным кажется*. В русском языке: *у страха глаза велики*. В китайском языке выражение *触目惊心 chùmù jīngxīn то, что бросается в глаза, пугает сердце* свидетельствует о связи внешних воздействий с внутренними ощущениями через глаза.

Такой соматизм, как сердце, также представляет вместилище и очаг эмоций. Ощущения одной части тела могут вызывать реакцию другой, например, в китайском языке: *心惊肉跳 xīnjīng ròutiào* досл. *сердце испугалось, мясо задрожало* в значении *перепугаться до смерти*; *心惊胆寒 xīn jīng dǎn hán* досл. *сердце испугалось, желчный пузырь задрожал* в значении *трепетать от ужаса*.

«Трусливый может отказаться от активных действий, которые от него ожидаются, или, поддавшись страху, совершить поступки, приносящие вред окружающим» (Апресян 2003: 57).

ISBN 978-84-949838-0-1

Это также отмечается в алтайском языке: *коркынчак анчы анг ўркўдер, коркынчак кижи јон чочыдар* букв. *трусливый охотник напугает животных, трусливый человек испугает народ*.

Во всех лингвокультурах присутствуют устойчивые выражения, обозначающие трусливого человека через сравнение с поведением животных, но в каждой это сравнение проявляется достаточно специфично. Так, например, в китайском языке трусливый человек сравнивается с мышью. В китайском языке: *胆小如鼠 dǎnxiǎo rúshǔ* досл. *быть трусливым, как мышь*. Тогда как в русской и тюркских лингвокультурах трусливым выступает заяц. В русском языке: *труслив, что заяц, блудлив, что кошка; заяц трус — и тот охотиться любит; заяц самого себя боится; пуганый заяц и пенька боится.* В алтайском языке: *койонныг јўрегин јиген* букв. *заячье сердце съел; коркынчак кижи койонго тўнгей, турумкай кижи тууга тўнгей* букв. *трусливый человек – как заяц, стойкий человек – как гора*.

Наряду со сравнением трусливого человека с поведением животных, в тюркских языках присутствуют пословицы и поговорки, описывающие поведение трусливого человека по отношению к различным животным. Так как тюркские народы в основном занимались охотой и скотоводством, объектом в данном случае выступают наиболее часто встречающиеся животные. Так, например, в алтайском и телеутском языках: *коркыбас айуныг бажына адар, јыланныг куйругынаг тудар* букв. *бесстрашный медведю в голову выстрелит, змею за хвост поймает; коркыбас айуга бычак уулар, коркынчак коныска мылтык алар* букв. *бесстрашный на медведя нож направит, трусливый на жука ружье возьмет; коркынчак кулун ажыра бӧрўдег јажынар* букв. *трусливый за своим жеребенком от волка спрячется.*

Во всех рассматриваемых культурах отмечается, что трусливый человек боится смерти. Так, например, в китайском языке: *贪生怕死 tānshēng pàsǐ* букв. *цепляться за жизнь и бояться смерти* в значении *трусливый*. В алтайском языке: *коркок миң өлөт, баатыр бир өлөт* букв. *трус умирает тысячу раз, герой умирает один раз.* В русском языке: *трус умирает тысячу раз, а смелый один; за трусом смерть охотится.*

В русской и тюркских лингвокультурах присутствуют пословицы и поговорки, в которых отмечается, что трусливый человек может быть смелым только тогда, когда он защищен каким-либо предметом. В алтайском языке: *коркынчак кыр ажыра јудуругын кӧргўзер, кыр ажыра сӧзин угузар* досл. *трусливый из-за горы кулак свой покажет, из-за горы свое слово скажет*; *коркынчак очок ажыра кекенер, кыр ажыра шыйдам кӧргўзер, јеңгниг ичинде јудуругын тўўнер* букв. *трусливый из-за очага угрожает, из-за горы дубину покажет, в рукаве свой кулак сожмет*. В русском языке: *трус храбр за печью*. Единая пропозициональная структура для данных устойчивых выражений – «субъект по отношению

ISBN 978-84-949838-0-1

к объекту», пропозиция «трус храбр, когда прячется за каким-либо предметом». Предметы в этих устойчивых выражениях являются культурно обусловленными. Печь является характерным предметом быта для исконно русской культуры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие *трусость* во всех рассматриваемых лингвокультурах понимаются по-разному. Каждый народ вкладывает в эти понятия свои отличительные значения. Эти отличительные черты основаны на мировоззрении, привычках, обычаях и культуре народа.

Все паремии, в которых отмечены жадность, глупость, леность, хитрость, привести в одной работе невозможно. Тем не менее, приведенные пословицы и поговорки свидетельствуют о том, что пропозициональные структуры знания, тот глубинный уровень, который направляет мысль человека в реализацию высказывания, для анализируемых лингвокультур един. Это: субъект по действию”; “субъект по отношению к объекту”; “субъект по отношению к результату”; “субъект по отношению к средству”. Пропозиции же, ословленные суждения (термин Л. Вайсгербера), могут быть как общими, так и различными. Общим является то, что, например, трусливый человек боится смерти. Во всех лингвокультурах присутствуют устойчивые выражения, обозначающие трусливого человека через сравнение с поведением животных. В русской и тюркских культурах присутствуют пословицы и поговорки, где отмечается, что трусливый человек может быть смелым только тогда, когда он защищен каким-либо предметом. В то же время культура каждого народа накладывает национальное видение проявления трусости через предметы, которые характерны для той или иной нации. Сравнение образа жизни трусливого человека с поведением животных в Китае происходит через образ мыши, тогда как в русской и тюркской культурах через образ зайца. *Печь* является характерным предметом быта для исконно русской культуры. Именование данного предмета используется в русских пословицах и поговорках, тогда как в алтайской и киргизской лингвокультурах данный предмет заменяется образом *горы*.

Список литературы

Апресян Ю. Д. (2003): Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 1298.

Араева Л. А. (2016): Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КГУ.

Араева Л. А. (2014): Мир во фразеологизмах мира, Слово. Текст. Время. XII. “Фразеология в идеолексии и системе славянских языков. К 200-летию Тараса Шевченко”. Грайфсвальд, 15–23.

ISBN 978-84-949838-0-1

Джапанов А. А. (2016): Кыргызско-русский словарь (фразеологизмы, идеоматики, пословицы и поговорки). Бишкек, 376.

Ошанин И. М. (1983): Большой китайско-русский словарь (БКРС). Москва: Наука, 3822.

Рахилина Е. В. (2008): Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 416.

Тагаев М. Дж. (2017): Образ мира в языковом сознании киргизов через призму телесного кода культуры, Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета / Серия “Гуманитарные науки”, 17, 169-170.

Li Yanshou (1974): Southern History. China: Zhonghua Book Company Press.

ISBN 978-84-949838-0-1

АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКИМ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ НА УРОКАХ РКИ

Ольга Кишиневская
Карлов университет, Прага, Чешская Республика
olgakishinevskaia@gmail.com

AUTHENTIC VIDEO MATERIALS ON RUSSIAN PHRASEOLOGY LEARNING AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Olga Kishinevskaia
Charles University, Prague, Czech Republic

АННОТАЦИЯ

В статье освещается проблема преподавания русской фразеологии на уроках русского языка как иностранного. Уделяется большое внимание эффективности использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения данному разделу и аутентичных видеоматериалов, в частности. Кроме того, в работе предлагается несколько видеофрагментов и упражнений, позволяющих наиболее эффективно обучать фразеологическим единицам на занятиях по РКИ.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of Russian phraseology teaching at the lessons of Russian as a foreign language. Focusing on the effectiveness of using communicative informative technology in the language teaching process, in particular, the authentic video materials. Furthermore, it is offered a few video fragments, that allow to teach for Russian phraseology in the most efficient way at the lessons of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: фразеология, аутентичность, видеоматериалы, информационные технологии.

Keywords: phraseology, authenticity, video materials, information technology

Построение учебного процесса – сложная и длительная работа, в том числе, если речь идет о преподавании русского языка как иностранного. На данный момент не существует единого подхода к обучению иностранных студентов - несмотря на большое количество методических разработок, нет универсального пособия, подходящего всем преподавателям, всем студентам и соответствующего различным условиям обучения. Как правило, успешный

ISBN 978-84-949838-0-1

и опытный преподаватель пользуется большим количеством различных собственных разработок, основанных на множестве различных пособий и своем собственном опыте.

Современный мир и различные инновационные разработки привнесли большой вклад в процесс обучения иностранным языкам. Сегодня стало доступно практически бесконечная информация, содержащаяся в интернет-пространстве. Преподаватели из самых разных стран могут предлагать свои разработки, находить новые идеи, делиться своим положительным и негативным опытом, и т.д. Кроме того, со временем появились различные методики, предполагающие применение информационных технологий на занятиях. Это изменило весь процесс обучения иностранным языкам и открыло большое количество возможностей не только перед преподавателями, но и самими студентами. Теперь многое стало доступно через Интернет: появились различные обучающие программы, видео- и аудиоматериалы, мобильные приложения и т.д.

Отдельно следует отметить расширение возможности использования аутентичных ресурсов преподавателями и студентами, обучающими и обучающимися вне языковой среды. Под аутентичными ресурсами мы понимаем «материалы, созданные носителями языка для носителей языка для неучебных целей» (Савинова, Михалева 2007: 117). Это различные новостные статьи, материалы ЖЖ, фильмы, мультфильмы, записи телевизионных программ и т.д. С их помощью происходит погружение студента в иноязычную среду, более близкое его знакомство с реальным языком носителей и их культурным фоном. «В лингвистическом аспекте аутентичные тексты характеризуются своеобразием лексики: в них присутствует много местоимений, частиц, междометий, слов с эмоциональной окраской, словосочетаний, рассчитанных на возникновение ассоциативных связей, фразеологизмов, модных слов; и своеобразием синтаксиса: краткость и неразвернутость предложений, фрагментарность, наличие структурно-зависимых предложений, употребленных самостоятельно. Также возможна недосказанность, обрыв начатого предложения, предпочтение отдается простым предложениям» (Савинова, Михалева 2007: 117).

Благодаря аутентичным материалам иностранный студент получает информацию не только о том, как используется та или иная единица в речи, но и то, какие мимика, жесты и интонация и т.п. могут ее сопровождать. Дается информация о реальной коммуникации, со всеми ее ошибками и несовершенствами, с одной стороны, и многообразием и красотой, с другой. Знакомство с неподготовленными текстами позволит иностранному студенту узнать то, как мыслит носитель языка, как он логически строит свою речь, каким культурным фоном обладает. Все это в будущем позволит иностранному студенту самому строить свою речь не по шаблону, а так, как это делает носитель.

ISBN 978-84-949838-0-1

Хотя внедрять аутентичные тексты в процесс обучения имеет смысл уже с самого начала, в полной мере их применение возможно только на продвинутых этапах изучения языка, когда студент обладает необходимым набором лингвистических и культурных знаний.

Большим преимуществом среди аутентичных ресурсов обладают видеоматериалы. К ним можно отнести художественные и документальные фильмы, мультфильмы, сериалы, различные видеоролики и клипы, фрагменты телевизионных передач, интервью, эфиров и т.д. Исследователи Л. Ю. Денискина и Ю. М. Чернышова выделили 6 функций аутентичных видеоматериалов, к которым отнесли:

1. Информационную (аутентичные видео обладают большим количеством языковой и культурной информации);

2. Мотивационную, под которой исследователи понимают как внутреннюю, «самомотивацию», так и внешнюю, направленную на стимуляцию иностранного студента к обучению;

3. Моделирующую: «Использование видео позволяет моделировать множество ситуаций, имитирующих условия естественного общения»);

4. Иллюстративную, которая заключается в отображении студентам того, как могут быть применены на практике полученные знания;

5. Развивающую, которая выражается в совершенствовании навыков восприятия и обработки информации;

6. Воспитательную (студенты изучают новую культуру, обучаются налаживать межкультурную коммуникацию и т.д.). (Денискина, Чернышова 2012: 70)

Одним из главных аргументов в пользу применения видео на занятиях по русскому языку как иностранному является восполнение ситуации языковой среды. В особенности это важно, если речь идет о студентах, изучающих русский язык за пределами страны, в которой данный язык является государственным или вторым государственным. Далеко не каждый студент может себе позволить хотя бы временное проживание в стране носителей, именно поэтому такое «искусственное» погружение в языковую среду имеет особую важность и актуальность.

При просмотре видео студенты получают информацию не только о реальном речевом и культурном поведении носителей, но и отмечают для себя типичные для носителей черты, в том числе их жесты, мимику, интонацию и т.д. В это же время «эффект присутствия» и «эффект сопереживания» (термины А. В. Макаровских) персонажам видео вызывает эмоциональную реакцию у студентов. (Макаровских 2012: 106) Студенты сопоставляют себя с героями видеоряда, предвосхищают некоторые реплики, эмоционально реагируют на происходящее, что способствует лучшему усвоению материала.

ISBN 978-84-949838-0-1

Помимо этого, благодаря видео студенты могут научиться понимать иностранный юмор, что является показателем знания иностранного языка на высоком уровне. Не менее важна и отработка построения правильной интонации. Так, например, студенты могут узнать, как при помощи одной только интонации можно поменять весь смысл высказывания. Так, например, ответ на вопрос «Ты пойдешь гулять?», выраженный утвердительной частицей «Конечно!» может означать как согласие, так и отрицание, выраженное с помощью иронической интонации.

Регулярное использование видео в процессе обучения языку помогает снять или, как минимум, снизить языковой барьер. Студент, получивший достаточное количество информации о разнообразных речевых ситуациях, начинает чувствовать себя более уверенно при личном общении.

Важно также учитывать, что современное поколение студентов, работающее в основном с электронными носителями, быстро теряет интерес к однообразным формам работы и внедрение видеоряда вызывает, в большинстве случаев, положительную реакцию с их стороны, повышает их интерес и мотивацию.

Кроме того, как отметили Ю. Р. Вольфсон и А. Е. Вольчина «…визуальность становится существенным фактором конструирования социальных практик: взаимодействия социальных групп, элит и активно-пассивного большинства, социального мимезиса, подражания, социализации…» (Вольфсон, Вольчина 2015: 186).

Помимо большого количества плюсов, связанных с применением информационных технологий в обучении, можно обнаружить и некоторые минусы. Так, например, исследователи Н. В. Маханькова и Р.Ф. Фаткулина к недостаткам относят готовность предлагаемого материала: «обучающийся перестает испытывать потребность думать и рассуждать и, в конечном счете, – учиться» (Маханькова, Фаткулина 2015: 91). Специалисты советуют ограничивать количество времени, отведенное на использование информационных технологий в пользу традиционных подходов, предусматривающих общение студентов между собой и преподавателем. (Маханькова, Фаткулина 2015: 92). Преподавателю важно учитывать указанные опасные моменты, поскольку, как показывает опыт, студенты быстро привыкают получать информацию в готовом виде. Им не приходится самостоятельно находить информацию, извлекать подтекст и скрытые смыслы. Вследствие этого понижается их исследовательские способности, они начинают воспринимать видеоматериал исключительно как средство развлечения, что понижает эффективность обучения. А. Н. Щукин справедливо указывает, что «исключительная эмоциональность киноизображения часто отвлекает от

ISBN 978-84-949838-0-1

извлечения учебной информации, заключенной в фильме <…> …занятия, идущие вслед за демонстрацией фильма, проходят с меньшей активностью студентов» (Щукин 1981: 100).

Относительно новой разработкой сети Интернет, которую можно было бы использовать при обучении русскому языку как иностранному, являются подкасты. Под подкастами мы, вслед за А.Г. Соломатиной, понимаем «вид социального сервиса Интернета нового поколения Веб 2.0, позволяющий пользователям сети Интернет прослушивать, просматривать, создавать и распространять аудио- и видеопередачи во всемирной сети». (Соломатина 2011: 102). Другими словами, это «аудио- или видеофайл, записанный человеком и выложенный в сети Интернет, который доступен для просмотра или прослушивания и скачивания на электронный носитель» (Погуляев 2017: 63). Следует отметить, что большинство существующих на данный момент русскоязычных подкастов носит аудиальный характер, т.е. направлены исключительно на слуховое восприятие.

Большим плюсом подобных ресурсов является их доступность: «В отличие от телевидения или радио, подкаст позволяет прослушивать аудиофайлы и просматривать видеопередачи не в прямом эфире, а в любое удобное для пользователя время. Зайдя на сервер подкастов, пользователь может просмотреть выбранный подкаст в сети или скачать выбранный файл на свой компьютер» (Сысоев 2014: 189). Как правило, подкасты тематически объединены, что упрощает их поиск и работу с ними. Также важным аргументом в пользу применения указанного ресурса на занятиях по русскому как иностранному является их лаконичность (чаще всего это аудио/видеозаписи небольшие по длительности).

Учитывая ограниченность времени на каждую из тематик и необходимость изучения большого количества материала, представляется целесообразным использование видео длительностью не более 10-ти минут. Опыт показывает, что за это время у иностранных студентов будет возможность познакомиться поближе с изучаемым языковым и/или культурным явлением, при этом урок не успеет приобрести исключительно развлекательный характер, так как останется время на отработку полученной информации.

Чаще всего подкасты представлены в виде аутентичных аудио или видеозаписей, созданные для носителей языка и не преследующие какие-либо методические цели. Однако существует и такой вид подкастов, как учебные: «аудио или видеозапись, созданная учащимися на иностранном языке в соответствии с языковым и тематическим содержанием учебной программы и размещенную на сервере подкастов для дальнейшего использования в учебном процессе». (Соломатина 2011: 103) На данный момент существует небольшое количество учебных подкастов, которые можно было применить для изучения русского языка как иностранного. Среди них можно выделить, например, подкасты «РКИ для всех», «А

ISBN 978-84-949838-0-1

spoonful of Russian», «Learn Russian Step by step», «One minute Russian», «Speaking Russian», «Russian Made EASY» и т.д.

Безусловно, учебный процесс должен комбинировать в себе разные методы и подходы, иначе ситуация погружения в языковую среду будет неполной: находясь в стране изучаемого языка, человек занимает не только роль пассивного наблюдателя, ему самому приходится продуцировать речь и активно участвовать в жизни общества.

Лингвокультурная насыщенность видеоресурсов позволяет за ограниченное время передать большое количество информации, что особенно актуально для такого сложного раздела русского языка как фразеология. Под фразеологическими единицами мы понимаем «образные выражения, устойчиво воспроизводимые в речи, выполняющие, как и слова, номинативную функцию в языке» (Баско 2002: 3). Для успешного изучения фразеологических единиц русского языка студентам важно четко понимать, что означает та или иная единица, в каком контексте возможно ее употребление, с какими культурными фактами она связана, какой интонацией сопровождается и т.д. Другими словами, помимо грамматики и стилистики, иностранному студенту необходимо принять во внимание целый ряд экстралингвистических факторов. Такая насыщенность фразеологического материала требует большое количество времени и труда для ее усвоения. Это приводит к тому, что многие преподаватели избегают данный раздел, или освещают его очень коротко, раскрывая семантику только небольшого количества фразеологических единиц.

Применение видео при обучении русской фразеологии позволяет учитывать многие из этих факторов. Студент, просматривающий видеофрагмент, получает наглядное представление о том, что означает та или иная фразеологическая единица, как ее использует носитель и т.д. Получив такое большое количество информации о предложенной единице, о специфике ее употребления, студент сам начинает активно ее использовать в своей речи, что и является целью обучения.

Однако для достижения такого эффекта важно не только познакомить учащихся с той или иной фразеологической единицей посредством видео, но и закрепить ее с помощью различных форм работы и упражнений.

Одной из трудностей подготовки к процессу обучения является подбор материала. В бесконечном пространстве русскоязычных фильмов, мультфильмов, телепередач и других ресурсов сложно то, что будет подходить для обучения.

Чаще всего преподаватели стараются выбирать актуальные видео, отражающие культурные реалии современного носителя языка. При этом они не отказываются и от шедевров советского кинематографа, наполненного большим количеством устойчивых

ISBN 978-84-949838-0-1

выражений разного порядка. Так, например, исследователь М.А. Ходаковская предлагает использовать для изучения русской фразеологии следующие фильмы и мультфильмы: «1-й курс – м/ф «Жил был пес», «Гора самоцветов. Жихарка», х/ф «Бриллиантовая рука», «В бой идут одни старики»; 2-й курс – м/ф «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Простоквашино» х/ф «Кавказская пленница», «Мы из будущего»; 3-й курс – м/ф «Летучий корабль», х/ф «Пушкин. Последняя дуэль», «Остров»; 4-й курс – «Собачье сердце», «Ирония судьбы…», «Служебный роман». (Ходаковская 116)

Не меньшую ценность представляют собой и экранизированные русские народные сказки, насыщенные большим количеством разнообразных эпитетов (добрый (-ая, -ое, -ые) молодец, конь, дело; богатырский конь, меч, сон; уста сахарные; брови соболиные), формул-связок (долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается), глагольных синтагм (поклонился/поклонилась на все четыре стороны; ухо к земле приложил/приложила), и, конечно же, фразеологических единиц (за тридевять земель в тридесятом царстве; не разевай роток на чужой медок; хрен редьки не слаще; утро вечера мудренее) (Матвеенко 2013: 76). При их просмотре иностранный студент получает большое количество исторической и культурной информации, знакомится с коренными для русского народа образами Иванушки-дурачка, Ивана-Царевича, Бабы-Яги, Кащея Бессмертного, Елены Прекрасной и другими героями фольклора. Важно при этом понимать, что языковой материал, содержащийся в сказках, может быть слишком сложен для обучающихся, поэтому представляется целесообразной демонстрация небольшого фрагмента с предварительным анализом сложных моментов и дальнейшей их отработкой.

Визуализация некоторых предметов русского быта помогает студентам лучше понять русскую культуру, характер мышления носителей. В дальнейшем это «позволит учащимся выйти на уровень межкультурного диалога и ориентироваться в различных ситуациях общения». (Матвеенко 2013: 79) Следует отметить и набравшие в последнее время большую популярность мультфильмы кинокомпании «Мельница» про русских богатырей («Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и т.д.). Однако преподавателю следует принять во внимание, что, хотя сюжет предложенных мультфильмов и построен на основе фольклорных образов, тем не менее, он далек от оригинальных событий, описываемых в былинах. С другой стороны, важным аргументом в пользу использования этих фильмов, является современная речь большинства персонажей мультфильмов, наполненная большим количеством фразеологических единиц («не по дням, а по часам», «Пир на весь мир», «край света», и т.д.) Или другой мультфильм

ISBN 978-84-949838-0-1

этой же кинокомпании «Иван-Царевич и Серый Волк», где встречаются такие устойчивые выражения как «серый кардинал», «с глазу на глаз» и т.д.

Одним из самых насыщенных информацией ресурсов является портал youtube. Здесь мы может найти огромное количество и полнометражных мультфильмов, и коротких видеофрагментов, и обучающих видеоуроков и т.д. Так, например, на портале имеется канал «Пословицы и поговорки», содержащий видео, в тексте которых встречаются указанные фразеологические единицы: это мультфильмы о деревне Простоквашино, о Бременских музыкантах, о Чебурашке и Крокодиле Гене, о Летучем Корабле. Вместе с тем на канале имеется цикл видеозаписей, в которых посредством сюжетов русских народных сказок объясняются пословицы и известные народные выражения. К сожалению, указанный портал еще недоработан, на нем имеется некоторое количество неподходящего для обучения видео.

Виды работы, направленные на отработку фразеологизмов, могут быть самые разнообразные, например:

- вычленение фразеологической единицы из контекста видео;
- просмотр фрагмента фильма/мультфильма и т.п. с выключением звука на моменте произнесения изучаемого фразеологизма. При этом студентам предлагается, исходя из контекста и ситуации, предложить свои варианты устойчивой единицы. Упражнение направлено на развитие языкового чутья студентов и более четкого понимания тонкостей семантики и специфики употребления некоторых единиц;
- подбор синонимичных/антонимичных фразеологизмов; (выполнение упражнений предусматривает наличие материала для справок с возможными вариантами ответа) (Ходаковская 117)
- подбор нового контекста к изучаемой единице: студенты извлекают фразеологизм из предлагаемого видеоряда и пробуют подобрать к нему новый уместный контекст. При выполнении студенты сами проверяют насколько полно и правильно они поняли изучаемую единицу и одновременно тренируют ее активное употребление в речи;
- подбор (при наличии) аналога в родном/английском языке;
- соотнесение используемого в видеофрагменте выражения и вариантов его толкования;

Вместе с тем можно использовать интересные упражнения, предложенные исследователем А. К. Новиковой, направленные на «…выявление переносного значения фразеологизма путем сопоставления с прямым значением составляющих слов (одного из компонентов), выявлением связи между ними. Например: 1) указать, какие из приведенных словосочетаний являются свободными, а какие устойчивыми, с последними составить

ISBN 978-84-949838-0-1

предложения…2) с каждым из данных словосочетаний составить по два предложения с тем, чтобы в первом словосочетание было свободным, а во втором устойчивым…» (Новикова 2012: 20)

Еще одним способом обучения фразеологическим единицам может стать домашнее задание, заключающееся в том, чтобы студенты написали небольшое сочинение, темой которого может стать одно или несколько изученных на занятии выражений. Таким образом студенты еще раз проверяют и закрепляют полученные знания, и еще раз тренируют умение активно употреблять фразеологические единицы в своей устной и письменной речи.

В зависимости от программы обучения и уровня владения языком упражнения могут дополняться и модернизироваться.

Важными условиями достижения успешного результата при выполнении указанных упражнений является заблаговременная и качественная подготовка материала и высокая профессиональность преподавателя. Необходимо при этом учитывать, что в условиях современных требований к обучению иностранному языку, как правило, ограниченности времени на изучение каждого из разделов языка, представляется невозможным выделения целого урока на отработку одной единицы. В зависимости от цели обучения будет предусматриваться различная наполняемость занятия. Так, например, если фразеологизмы изучаются в контексте курса обучения русскому языку в целом, то имеет смысл предложить для просмотра видеофрагмент, соответствующий изучаемой теме и концентрирующий внимание не только на устойчивых словосочетаниях, но и на других изученных/изучаемых явлениях. С другой стороны, если обучение проводится в контексте курса по фразеологии русского языка, то целесообразным было бы использовать несколько видеофрагментов, концентрирующих внимание на разных фразеологических единицах, объединенных одной тематикой.

Таким образом, в нашем исследовании мы выделили несколько типов видеоматериалов, которые можно было бы включить в процесс обучения фразеологизмам русского языка, указали положительные и отрицательные моменты применения описанного метода и предложили некоторые упражнения, которые, по нашему мнению, могли бы быть успешно применены на занятиях по русскому как иностранному. При этом необходимо еще раз отметить важность использования аутентичных ресурсов, которые не только способствуют развитию языковых умений иностранных студентов, но и обогащает их знания об изучаемой стране и мире в целом.

ISBN 978-84-949838-0-1

Список литературы

Щукин А. Н. (1981) Методика использования аудиовизуальных средств.— М.: Русский язык,— 128 с.

Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник (2007) / сост.Н.В. Баско. - 2-е изд. — М.: Флинта : Наука, — 272 с.

Савинова Н. А. (2007): Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции / Н. А. Савинова, Л. В. Михалева // Вестник Томского государственного университета. № 294. С. 116-119. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000473901

Соломатина А. Г. (2011) Учебные подкасты как средство развития умений говорения и аудирования учащихся // Вестник ТГУ. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnye-podkasty-kak-sredstvo-razvitiya-umeniy-govoreniya-i-audirovaniya-uchaschihsya (дата обращения: 05.06.2018).

Новикова А.К. (2012): Лингводидактическая система обучения китайских студентов-филологов русской фразеологии с использованием видеоматериалов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.

Макаровских А. В. (2012): Формирование интереса к изучению иностранного языка и будущей профессии через аутентичные материалы: на примере обучения студентов-химиков Томского политехнического университета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 106–108

Денискина Л.Ю., Чернышова Ю.М. (2012): Аутентичные видеоматериалы как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов-филологов // Экология Центрально-Черноземной области Российской Федерации, № 1 (28). - С. 69-74.

Матвеенко В. Э. (2013): Использование русских народных сказок в процессе обучения студентов-филологов РКИ с учетом современных технологий // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-russkih-narodnyh-skazok-v-protsesse-obucheniya-studentov-filologov-rki-s-uchetom-sovremennyh-tehnologiy (дата обращения: 01.06.2018).

Сысоев П. В. (2014): Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. №2 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podkasty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 05.06.2018).

Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. (2015): Визуальное восприятие в современном обществе или куда движется галактика Гуттенберга? // СИСП. №4 (48). URL:

ISBN 978-84-949838-0-1

https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-vospriyatie-v-sovremennom-obschestve-ili-kuda-dvizhetsya-galaktika-guttenberga (дата обращения: 01.06.2018).

Маханькова Н. В., Фаткулина Р. Ф. (2015): Стандарты нового поколения: инновационные технологии в обучении иностранным языкам и культуре // Многоязычие в образовательном пространстве. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-novogo-pokoleniya-innovatsionnye-tehnologii-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-i-kulture (дата обращения: 30.05.2018).

Погуляев Ф. В. (2017): Методические функции видео-подкастов в обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. №3 (167). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-funktsii-video-podkastov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 05.06.2018).

Ходаковская М.А. (2017): Художественные и мультипликационные фильмы при обучении фразеологии на уроках РКИ//Актуальные научные исследования в современном мире. №3-6 (23) с. 114-119

https://www.youtube.com/channel/UCY-UEp1krT_jjrUz4G2YdTA/featured

https://www.fluentin3months.com/russian-listening-resources/

https://russianpodcast.eu/

https://russianmadeeasy.com/

http://www.airingpods.com/search/?q=russian

ISBN 978-84-949838-0-1

СОВПАДАЮЩИЕ ОБРАЗЫ И ИСХОДНЫЕ СМЫСЛЫ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ИДИОМАХ

Ковшова Мария Львовна
Институт языкознания РАН, Россия
kovshova_maria@list.ru

IDENTICAL IMAGES AND BASIC TRADITIONAL SENSES OF PAREMIA AND IDIOMS

Maria Kovshova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования являются полностью или частично совпадающие образы в русских идиомах, загадках и пословицах. Цель исследования состоит в том, чтобы в ходе лингвокультурологического анализа выявить исходные смыслы традиционной культуры. Обосновывается идея о том, что сформировавшееся в традиционной культуре символьное прочтение тех или иных предметов или явлений закрепляется в устойчивых образах, сходных в паремиях и идиомах.

ABSTRACT

The article deals with the peculiarities of the cultural semiotics, reflected in proverbs, sayings, riddles and idioms on the base of the notions formed in the ethnoculture. Linguocultural analysis explicates multiple ways of codifying traditional senses in paremia's semantics and idioms' semantics.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, загадки, идиомы, образы, исходные смыслы.

Keywords: proverbs, sayings, riddles, idioms, images, basic traditional senses.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Идиомы, пословицы, поговорки и загадки имеют много отличительных содержательных и формальных признаков. Пословицы и поговорки – логически и синтаксически законченные образные изречения народа, имеющие пояснительный или назидательный смысл в отношении происходящего. Идиомы – единицы языка, состоящие из двух и более компонентов, утративших своё лексическое значение; идиомам присуща высокая степень переосмысления и устойчивость; образность, оценочность, экспрессивность. Загадки – иносказания, короткие игровые тексты, в которых даётся нарочито усложнённое описание одного предмета

ISBN 978-84-949838-0-1

посредством описания другого на основе отдалённого сходства между ними. Пословица (поговорка) имеет право поучать – она выражает не мнение отдельного лица, а массовую народную оценку действительности, создает поучительную формулу, прилагаемую к разным конкретным ситуациям. Идиома в своей семантике или контексте почти всегда выражает оценочную позицию, отношение к происходящему. Загадка свободна от кодирования этических и духовных категорий – загадка кодирует предметный мир с развлекательно-игровой целью (Ковшова 2016).

Однако эти разные знаки языка и культуры могут в своей семантике хранить некие, назовем их – исходные смыслы, на которые указывают совпадающие образы и тексты паремий и идиом. Идентичный или во многом похожий текст может функционировать и как загадка, и как пословица или поговорка, и как идиома. Ср., например:

Загадка. *Зимой и летом одним цветом* (сосна, ель) (Рыбникова 1931: 272, № 481). Пословица о нищете. *Зимой и летом одним цветом* (Даль 1957: 104). Поговорка. *Зимой и летом одним цветом* – ‘О чём-л. неизменном, постоянном’ (Мокиенко, Никитина 2008: 725).

Пословица. *Шуба нова, да в подоле дыра* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004). Загадка. *Шуба нова́, на подоле дыра* (лёд и прорубь) (Климова 1999: 16, №138).

Идиома. *Адамовы лета* – ‘С давних пор’ (Мокиенко, Никитина 2008: 359). Поговорка. *Адамовы лета с начала света* (Аникин 1986: 14).

Идиома. *Тюха да Пантюха (Матюха) да Колупай с братом* – ‘О группе ленивых работников’ (Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2004: 77). *Тюха-Пантюха* – ‘Невежда, неумеха’ (Там же). Загадки. *Два вола еловы, Два сына поповы: Тюха да Матюха* (соха) (Садовников 1876: № 1193). *Два кола еловы, Два сына поповы, Тюха да Матюха* (соха) (Митрофанова 1968: 72).

Поговорка о щегольстве. *Курочка Ивашка о семидесяти рубашках: ветер дунул – и зад знать* (Даль 1957: 586). Загадки. *У нашей Параши сорок рубашек; вышла на улицу, ветер подул, и спина гола* (курица) (Даль 1957: 966). *Харитонова жена под тыном шла, семьсот рубах нашла, ветер подул, все рубахи раздул* (курица) (Аникин 1986: 43).

Поговорки, пословицы. *Швея Софья – на печи засохла* (Даль 1957: 510). *Старица Софья о всём мире сохнет, никто об ней не вздохнет* (Там же: 623). Загадки. *Старица Софья весь век сохла, Не пила, не ела, всё вверх глядела* (кол) (Митрофанова 1968: 91). *Мать Софья День сохнет, А ночью отдо́хнет* (печная заслонка) (Садовников 1876, № 143а).

Пословица. *Зимой – Кузьмой, а летом – Филаретом* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 457). Загадка. *Зимой Фомой, а летом Филаретом* (берёза) (Митрофанова 1968: 64).

ISBN 978-84-949838-0-1

Загадки. *В Москве рубят, к нам щепки летят (а в деревню щепки летят)* (письмо). *В Москве рубят, а сюда щепки летят* (телеграф) (Рыбникова 1931: 373, 379). Пословица. *В Москве рубят, а сюда (а к нам) щепки летят* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 556).

Наличие сходных образов в паремиях и идиомах не представляется случайным. Язык зарождается в культуре, растет и развивается в обществе, в культуре; семантика языковых единиц не может не быть связана с семантикой культуры, в которую язык включен и с которой он взаимодействует. Возникновение паремий и идиом обусловлено формой коллективного мышления, синкретизмом традиционной культуры. Паремии и большинство идиом зарождались в одной культурной, народной, среде, возникали на одной бытовой почве, свойства предметов и явлений, познанные в деятельности, получали переосмысление, обретали символьное значение в традиционном сознании. Сходные образы в идиомах и паремиях указывают на их смысловые связи, существенные для понимания русской традиционной культуры и русской ментальности, в целом. Слово в образных знаках, тех, что имеют связь с традиционной культурой, «отображает традиционные смыслы, а не изображает непосредственно существующее» (Мальцев 1981: 19–23). Вопросы формульности языка фольклора и языковых моделей в идиомах опираются в своем решении на концепцию исторической поэтики (Веселовский 1989), формалистический метод (Пропп 2001), функционально-структуральную концепцию (Богатырев 2006), концепцию структурно-семантических моделей во фразеологии (Мокиенко 1980), культурно-семиологическую концепцию в паремиологии (Топоров 1994), лингвокультурологический метод во фразеологии (Телия 2004). Наше исследование основывается на ключевом для лингвокультурологии положении, согласно которому в разных словесных знаках разными способами объективируется семантическая сущность культуры. В знаках языка содержится культурная информация: «1) культурные семы, т.е. культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика, социально маркированные реалии и т.п.) <…>; 2) культурные концепты, значения которых – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей; 3) культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе; 4) культурные коннотации – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т.п. прототипами языка культуры» (Телия 1995: 14–15). Для полноты описания культурной значимости паремий и идиом «необходимо выявить в их значении все имплицитные культурные смыслы, являющиеся тем звеном, которое служит посредником между языком и культурой» (Телия 1999: 9).

ISBN 978-84-949838-0-1

По нашей гипотезе, семантика паремий и идиом заключает в себе особый компонент – исходные смыслы, из которых происходит и с которыми соотносится актуальное значение словесных знаков, их семантические и формальные инновации. Под исходными смыслами понимается некая сумма содержательных признаков, которые в семантике словесных знаков составляют более ранний культурно-смысловой «слой», связывающий семантику словесных знаков с семантикой традиционной культуры. Исходные смыслы входят тонким «слоем» в семантику паремий и идиом, привнося в значение знака суть того ценностно-смыслового содержания, которое создано в народной культуре и утверждено традицией. Любые инновации осваиваются современным сознанием путем их интерпретации в существующей системе кодов и смыслов; образы идиом и паремий «не отпускают» какие-то важные для сознания базовые представления о мироустройстве и раз навсегда принятых правилах организации мира.

Так, поговорка *Афанасьи беспоясны* (кто опояски при рубахе не носит) (Даль 1957: 586) выражает идею нарушения норм, правил в одежде и содержит порицание по отношению к тем, кто не следует обычаям. Данное порицание формируется в результате референции поговорки к предметной области культуры, к истории костюма, его символической значимости в народной жизни. Пояс обеспечивает защиту тела от холода, поддерживает одежду, которая укрывает тело, опоясывание одежды завершает одевание; развязывание пояса ведет к раздеванию, обнажению тела. Согласно обычаям, находиться без пояса на народе считалось крайне неприличным. Распоясать человека насильно означало обесчестить его (Лебедева 1989). На объективные утилитарные качества пояса наслаиваются мифологические воззрения. Так, согласно поверьям, одежду без пояса носят демоны, косматые, волосатые и беспоясые (Толстая 2011: 280). Образ без пояса был одним из основных признаков инфернальности; по одежде без пояса можно опознать ведьм, вурдалаков и т.п.; ср.: Все идут косматые, волосатые и беспоясые. <…> – «А куда вы пошли?» - «А пошли мы людей губить, костей ломать и сыру землю глодать» (Аникин 1998: 274). Даже спать в отдельных областях ложились подпоясавшись – в целях оберега от нечистой силы; также «существовало и представление, что ангел примет спящего человека за сноп, если у него не снят пояс и не расстегнуты пуговицы» (Толстая 2011: 445). В поговорке *Афанасьи беспоясны* образ человека без пояса не воспринимается в суеверном ключе, но используется для описания нарушения обычаев, норм, правил; ср. также: *развязно везти себя, быть развязным; распоясаться*. В идиомах с образами человека беспоясого и беспоясного семантика развивается в смежных сферах этики и эстетики; ср.: *Афанасий беспоясый* – ‘Неряшливый человек’; *Татарин беспоясный* – ‘Неопрятный, неаккуратный, небрежный человек’ (Алексеенко, Белоусова, Литвинникова

ISBN 978-84-949838-0-1

2004: 58; 61). В последнем выражении прямо обозначен образ чужого, который не знает обычаев, не соблюдает нормативных требований. Важно подчеркнуть, что в образе подпоясанной одежды как знаке костюмной традиции культура кодирует более общий смысл – значимость следования традициям во всех сферах жизни. Ср. также областную идиому: *ни креста, ни пояса нет* на ком. – 'Человек без стыда и совести' (Там же: 154). В загадках со сходным образом, как правило, все подпоясаны, одобрение или неодобрение данному явлению не выражается. Тем не менее, стереотипные представления об устройстве костюма, о том, что верхняя одежда должна быть подпоясана, остаются исходными координатами в построении многочисленных загадок и их вариантов. Ср. лишь некоторые из них: *Маленький Афанасий травкой подпоясан* (сноп) (Даль 1957: 962). *Тысяча братьев одним кушаком подпоясаны* (сноп) (Климова 1999: 53, №112). *Что на поле одним пояском связано?* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Митрофанова 1968: 78). *Маленький Ерофейка подпоясан коротенько, по полу скок-скок, под лавкой скок-скок и сел в уголок* (веник) (Климова 1999: 48, №9). *Четыре брата одним кушаком подпоясаны, под одной крышей стоят* (стол) (Там же: 61, №17). *Сам я дубовый, а пояс мой – ивовый* (бочонок) (Там же: 38, №5). *Сто один брат, все в один ряд, одним кушаком подпоясаны* (изгородь) (Аникин 1986: 45).

Те, кто не подпоясался, в образах загадок противопоставлены большинству или даже всему миру, т.е. народу. Ср.: *Сыны подпоясаны, мать нет* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Митрофанова 1968: 78). *Все бояре подпоясаны — воеводы распоясаны* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Там же: 79). *Весь мир подпоясан, один староста распоясан* (снопы и овин) (Даль 1957: 600). Образы в загадке всегда условны: в загадке и староста не староста, и золотой кафтан не золотой кафтан, и пояс не совсем пояс, но сохраняется главное – быть подпоясанным. Ср.: *Лежит мужичок в золотом кафтане, Подпоясан, а не поясом, Не поднимешь – так и не встанет* (сноп) (Аникин 1986: 48). Условность описания денотата в загадке объясняется ее прочтением в костюмном коде культуре, где пояс не столько указывает на костюмный предмет, сколько вызывает соединенные с ним символические значения, а именно следование культурным традициям, пояс является знаком «своих» (Ковшова 2015). Быть подпоясанным – отвечать требованиям культуры, и не только в костюмной сфере; быть беспоясым, беспоясным – вступать в противоречие с культурой. Быть подпоясанным правильно при любых семантических инновациях в паремиях и идиомах; быть беспоясым, беспоясным всегда неправильно. Ср.: *Без рук, без ног, подпоясанный* (сноп) (Рыбникова 1931: 121). *Бедному одеться – только подпоясаться* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 46). *Беспоясному за пояс не положишь* (Там же: 710). Ассоциация с поясом как первоначальным видом одежды, набедренной

ISBN 978-84-949838-0-1

повязкой добавляется в общую «копилку смыслов»: с поясом – значит, одетый, т.е. защищен. Ср. поговорку, полную горькой иронии по поводу одежды нищего: *Ещё тот не наг, кто лыком перевязан* (Аникин 1988: 94). Важно отметить, что русское сознание всё хочет видеть подпоясанным, даже если для этого в качестве пояса используется абсурдная дубинка. Ср.: *Идёт мужик: дубинкой подпоясан, котомкой подпирается* (молва, слава) (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90).

Итак, исходный смысл о значимости традиций кодируется в образах подпоясанных денотатов; по данным паремий и идиом, соблюдение обычаев и хранение традиций и в настоящее время есть смысловая константа русского мировоззрения. Несмотря на современную свободу в костюмной сфере, на открытость в современном обществе чужому и иному, в русских паремиях и идиомах правильный мир по-прежнему предстает подпоясанным. Пока жив всегда позитивный образ подпоясанной одежды и всегда негативный образ беспоясного (беспоясого) в паремиях и идиомах, жив и исходный смысл значимости обычаев своей культуры; паремии и идиомы цепко держат его в своей глубинной семантике, не отпускают. Тем самым, для русской ментальности ценностью остается верность традициям, консервативность, неприятие того, что нарушает традиции, и, наверное, не только в костюмной сфере. Лингвокультурологический анализ сходных образов выявляет самый тонкий, «ранний» слой в семантике единиц, имеющих разные значения и при этом объединяемые исходным смыслом, вокруг которого они могут быть собраны. Данный исходный смысл входит как особая импликатура в семантику паремий и идиом; его можно описать в самом общем виде как прескрипцию: «Нужно соблюдать правила, присущие твоей культуре».

В пословицах, поговорках, идиомах и загадках с костюмными компонентами обнаруживаем и другой исходный смысл – смысл закономерности изменений всего существующего в мире. Отсутствие изменений, однообразие в мире человека, в том числе в его манере одеваться, и окружающем природном мире входит в противоречие с исходным смыслом культуры. Сформулируем его в самом общем виде: «Всё изменяется, изменения естественны и закономерны. Старое уходит, сменяется новым».

В пословицах и поговорках данный исходный смысл, извлеченный из наблюдений о мире, повторяется неоднократно: *В одном перье веку не изживёшь* (Даль 1957: 292). *В одной шерсти и собака не проживёт* (Там же). *Новьё погнало старьё* (Мокиенко, Никитина 2008: 437). *Снову сарафан на всё пригожается, а обносится – по подлавочью наваляется* (Даль 1957: 298). *На нови хлеб сеют, на старь навоз возят* (Там же). *Чем старый серп зубрить, не лучше ли новый купить?* (Там же).

ISBN 978-84-949838-0-1

В идиомах исходный смысл выходит в семантический «фокус», ср.: *в одном платье* – ‘Без изменений, без перемен’ (Мокиенко, Никитина 2008: 503).

В загадках исходный смысл кодируется особенно часто. Так, представления о цикличности изменений в природе уподоблены представлениям о закономерности смены одежды человеком. Ср.: *Кто в году четыре раза переодевается?* (земля) (Климова 1999: 12, №64). *Матушкой весной в цветном платьице, мачехой зимой в одном саване* (черёмуха) (Даль 1957: 955). В современной загадке мотив переодевания не исчезает, а развивается, превращаясь в мотив выбора модной одежды, ср.: *Эта модница лесная часто свой наряд меняет: в шубке белой зимой, вся в серёжках весной, сарафан зелёный летом, в день осенний в плащ одета. Если ветер налетит – золотистый плащ шуршит* (берёза) (http://riddle-middle.ru/zagadki/14). Истоки возникновения исходного смысла обновления выявляются в ходе референции образов загадок к предметной области традиционной культуры – мифологемам «мать», «мачеха», «зима», «весна»; к архетипическим оппозициям «жизнь/смерть», «начало/конец». Цветовая символика, обусловленная онтологией природных явлений, в загадке выражает противопоставление цветного – бесцветному; образы переосмысливаются в понятиях жизненного, активного, и безжизненного, спокойного. Ср.: *Не хилела, не болела, а саван надела* (земля под снегом) (Климова 1999: 12, №70). В загадках по-разному обыгрывается мотив утраты одежды; ср.: *Платье потерялось, а пуговки к зиме остались* (рябина) (Там же: 78, №164). *Его весной и летом все видели одетым. А осенью с бедняжки сорвали все рубашки* (лес) (http://riddle-middle.ru/zagadki/53).

На своем образном языке загадка указывает на нарушение «приказа», который «отдает» природа: *Все паны скинули кафтаны (жупаны), один пан не скинул кафтан* (ель, сосна) (Даль 1957: 955). *Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан* (сосна) (Там же). Однообразие в природе противоречит представлению о необходимости обновления; ср.: *Что летом и зимой в рубахе одной?* (ель, сосна) (Климова 1999: 73, №44). *Чудное дерево! И зимой, и летом зелено, высоко торчит, далеко глядит, весной цветет, летом плод дает, осенью не увядает, зимой не умирает* (ель, сосна) (Там же: 73, №42). *Зимой и летом одним цветом* (ель, сосна, пихта, кедр) (Рыбникова 1931: 133).

Идентичный образ эксплицирует тот же, что и в загадке, исходный смысл в пословицах, поговорках и идиомах. Необходимость обновления эксплицируется в оценочном компоненте пословиц, поговорок и идиом. Негативная коннотация пословицы *Зимой и летом одним цветом* проявляется в самом названии рубрики, под которой она помещена в сборнике В.И. Даля: «Бедность, убожество» (Даль 1957: 104). Поговорка *Зимой и летом одним цветом*, казалось бы, передает нейтральное значение – ‘О чем-л. неизменном, постоянном’ (Мокиенко,

ISBN 978-84-949838-0-1

Никитина 2008: 725). Однако примеры употребления поговорки говорят об обратном; ср. (НКРЯ): «Откуда цифры? Почему «*зимой и летом – одним цветом*»? Придумывание же всяких исключений для пенсионеров/непенсионеров якобы для облегчения их участи на практике лишь породит соблазны для всевозможных махинаций, а в ответ – для ужесточения мер учета и контроля, что также будет сделано за наши же деньги» (Георгий БОВТ. Электричество – по карточкам // Комсомольская правда, 2013.08.27). Значение поговорки контекстно зависимо, но ее негативная оценочность сохраняется; ср. (НКРЯ): «Если этикетка содержит реальные сведения о качестве молока, у потребителя есть выбор, если же производитель печатает этикетки миллионными тиражами, а потом "бодяжит" в пакеты неизвестно что (*зимой и летом — одним цветом*!)» (Сергей Алексеев. Молоко в Москве: летом – 'живое', зимой – восстановленное! // Известия, 2006.12.13).

Идиома – «строевая» единица языка, которую зачастую можно заменить эквивалентным по значению словом, выражающим основное значение: *зимой и летом одним цветом* – однообразно; одинаково. Будучи идиомой, выражение *зимой и летом одним цветом* не претендует на интеллектуально-игровую функцию загадки, у нее отсутствует назидательность пословицы. Будучи идиомой, выражение *зимой и летом одним цветом* теряет синтаксическую самостоятельность и предикативную цельность, перестает быть контекстно зависимой, но зато и семантика идиомы сужается, становится более определенной; указывает прежде всего на внешний вид человека. Ср. (НКРЯ): «Ходил *зимой и летом одним цветом*: одежонка сермяжных сукон» (Б. В. Шергин. Изящные мастера (1930–1960)); «<…> бабка — вечная дежурная по дворовой скамейке, *зимой и летом одним цветом*» (Дарья Симонова. Первый (2002)). Вершинным компонентом в семантической структуре идиом является оценочность; однообразие противоречит исходному смыслу культуры, формирующему установку на изменение и обновление. Ср. (НКРЯ): «Вот только захотят ли их дочки 11 лет быть в школе “*зимой и летом одним цветом*”?» (Елена ВАВИЛОВА. В Татарстане учеников переодели в советскую форму // Комсомольская правда, 2010.08.31). Для этого ему нужно давать достойную зарплату, его нужно одеть, как положено, потому что он ходит у нас *зимой и летом – одним цветом*. [Комсомольская правда, 2012.10.23].

Тем самым, в образе загадки *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие в мире природы прицельно констатируется. В пословицах и поговорках *зимой и летом одним цветом* содержится нравоучение и предупреждение, апеллирующее к знаниям о законах природы. В идиоме *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие перенесено на мир человека; идиома, в силу знаковой специфики, не только характеризует, но и дает оценку внешнему виду человека, а также его образу жизни, характеру, привычкам.

ISBN 978-84-949838-0-1

Выводы

Важным указанием на существование исходных смыслов как базовой первоосновы в семантике паремий и идиом является такое проявление их содержательного и формального сходства, как наличие в них сходных образов, с помощью которых традиционная культура не только маркирует, но и обнаруживает свои смыслы. В отличие от культурных сем, исходные смыслы не «привязаны» к безэквивалентной лексике, обозначающей идиоэтнические реалии. В отличие от культурного фона, исходные смыслы не проявляются в виде ассоциаций, возникающих в дискурсе. В отличие от культурных концептов, исходные смыслы представляют собой означивание связей между предметами и явлениями действительности и нормами культуры. В отличие от культурных коннотаций, исходные смыслы формализуются в виде предписаний. Близкие прескрипциям культуры, исходные смыслы закладывают основу для их развития. Исходные смыслы могут быть сформулированы в самой общей форме правил, запретов. Важной функцией исходных смыслов представляется то, что их неявное существование в паремиях и идиомах делает данные знаки «живучими» в диалоге с чужим влиянием и с любыми инновациями, которые меняют многое в структуре и семантике паремий и идиом, но не затрагивают этот тонкий смысловой «слой», который и является ключом к ментальности.

Список литературы

Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. (2004): Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. Москва: ООО ИТИ Технологии.

Аникин В.П. (1988): Русские пословицы и поговорки. Москва: Художественная литература.

Аникин В.П. (1986): Русский фольклор. Москва: Художественная литература.

Аникин В.П. (1998): Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Москва: Изд-во МГУ.

Богатырев П.Г. (2006): Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). Москва: ИМЛИ РАН.

Веселовский А.Н. (1989): Историческая поэтика. Москва: Высшая школа.

Даль Вл. (1957): Пословицы русского народа. Москва: Гос. изд-во художественной литературы.

Ефимова Л.В. (1989): Русский народный костюм. Москва: Сов. Россия.

Климова Т. (1999): Загадки народов России Москва: РОСМЭН.

ISBN 978-84-949838-0-1

Ковшова М.Л. (2015): Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Москва: Гнозис.

Ковшова М.Л. (2016): К вопросу о связи загадок и поговорок, Когнитивные исследования языка. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 470–476.

Лебедева А.А. (1989): Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв., Русские: семейный и общественный быт. Москва: Наука, 229–242.

Мальцев Г.И. (1981): Традиционные формулы необрядовой лирики, Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. Вып. XXI. Ленинград: Наука, 13–37.

Митрофанова В.В. (1968). Загадки. Ленинград: Наука.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2008): Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО ОЛМА Медиа Групп.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. (2010): Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО ОЛМА Медиа Групп.

Пропп В.Я. (2001): Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт.

Рыбникова М.А. (1931): Загадки. Москва–Ленинград: Academia.

Садовников Д. Н. (1876): Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева.

Телия В.Н. (1995): О методологических основаниях лингвокультурологии, Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. Москва–Обнинск, 102–104.

Телия В.Н. (1999): Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры, Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 13–24.

Телия В.Н. (2004): Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка, Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. Москва: Языки славянской культуры, 19–30.

Толстая С.М. (2011): Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва: Международные отношения.

Топоров В.Н. (1994): Из наблюдений над загадкой, Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. 1. Москва: Индрик, 10–117.

Источники примеров в сети Интернет

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru.

ISBN 978-84-949838-0-1

http://riddle-middle.ru/zagadki/14

http://riddle-middle.ru/zagadki/53

http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90

ISBN 978-84-949838-0-1

ОБРАТНЫЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Константинова Нина Анатольевна
Кемеровский государственный университет, Российская Федерация
konst-nina@yandex.ru

Лебедева Наталья Борисовна
Кемеровский государственный университет, Российская Федерация
nlebedevab@yandex.ru

REVERSE MACHINE TRANSLATION AS A INSTRUMENT FOR DESCRIPTION OF THE VERBAL SEMANTICS (ON MATERIAL OF THE CONSTRUCTIVE VERBS OF RUSSIAN LANGUAGE)

Konstantinova Nina
Kemerovo State University, Russian Federation

Lebedeva Natalia
Kemerovo State University, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается обратный машинный перевод как инструмент описания денотативного слоя глагольной семантики в межъязыковом пространстве. Метод обратного машинного перевода предполагает пропустить глагольную лексему через трансляционную цепочку: русская лексема – перевод на иностранный язык – обратный перевод на русский. Такое межъязыковое преобразование позволяет соотнести семантический объем русской лексемы с трансляционными вариантами. Семантико-деривационное развитие слова в межъязыковом аспекте даёт возможность выявить скрытые семантические кванты и охарактеризовать его семантический потенциал.

ABSTRACT

The article focuses on the reverse machine translation as a instrument for description of the denotative layer of the verbal semantics in the interlingual space. The method of reverse machine translation involves passing the verbal lexeme through the translation chain: the Russian lexeme - translation into a foreign language - the reverse translation into Russian. Such interlingual transformation allows to correlate the semantic volume of the Russian lexeme with the translational variants. Semantic-derivational development of word in interlingual aspect allows to lock at the semantic shifts, to reveal hidden semantic quanta and to describe its semantic potential.

ISBN 978-84-949838-0-1

Ключевые слова: семантика, обратный машинный перевод, семантическая деривация, межъязыковое пространство

Keywords: semantics, reverse machine translation, semantic derivation, interlingual space

Беспредельность, нелимитированность семантического объёма лексического значения слова, невозможность чётко определить его границы и исчерпывающе описать все его семантические компоненты позволяет рассматривать лексическое значение слова как семантическую бесконечность, считает И.А. Стернин (Стернин 1985:46).

Деривационная энергетика слова может реализовываться разными способами. С одной стороны, слово, как динамическая единица языка, обладает внутренней способностью к семантическому развитию и новые лексико-семантические варианты возникают на основе существующих и зачастую зафиксированы в толковых словарях. Другим способом деривационного развития слова можно рассматривать его выход в межъязыковое семантическое пространство. Данное положение основывается на концепции межъязыковой эквивалентности, восходящей к идеи В. фон Гумбольдта о едином, непрерывном потоке, образуемом разными языками. В. Гумбольдт писал: «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» (Гумбольдт 1984:73).

Семантика слова, как считает Н.Д. Голев, представляет собой непрерывный динамический деривационно-мотивационный процесс (Голев 1989). Лексическая динамика соотносится с представлением В. Гумбольдта об активном характере словарного запаса языка. «Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока язык живет в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции <...> Словарный запас представляет собой единое целое, поскольку его породила единая сила, и процесс этого порождения непрерывно продолжается» (Гумбольдт 1984:112).

Деривационно-мотивационный процесс начинается с исходной семантики. В этом процессе каждое слово выступает носителем потенциала функционирования как деривационно-исходного слова, так и деривационно-производного слова. Словообразовательный механизм находится в постоянной готовности к действию, и его включение зависит как от спорадически возникающей потребности в лексических неологизмах, так и от повседневного речеупотребления. Данный факт может быть

ISBN 978-84-949838-0-1

распространён и на межъязыковое пространство, в котором слово прирастает новыми значениями в результате функционирования одновременно в двух или более языках.

В данной работе мы представляем опыт описания денотативного слоя глагольной семантики в межъязыковом пространстве с помощью метода обратного машинного перевода. Метод обратного машинного перевода предполагает пропустить глагольную лексему через следующую трансляционную цепочку: русская лексема – перевод на иностранный язык – обратный перевод на русский. Такое межъязыковое преобразование позволяет соотнести семантический объем исходной русской глагольной лексемы с её «трансляционными вариантами» и выявить возможные скрытые семантические кванты, которые имплицитно содержатся в исходной единице, но подчас не замечаются носителями языка.

Данный методологический подход является развитием идеи В. Гумбольдта о «текучести семантики», о едином, непрерывном потоке, образуемом разными языками, что позволяет рассматривать семантику в межъязыковом пространстве на материале нескольких языков. Межъязыковое пространство представляет собой в данном случае некое «зеркало», в котором отражаются семантические сходства и различия языковых единиц. Известно, что некоторые специфические особенности языка эксплицируются только при сопоставлении, поскольку наше внимание приковано к тому, что изменяется, в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним.

Деривационные связи между языковыми единицами разных языков являются объективной реальностью, следовательно, понятие "границ" деривационного поля слова в пределах одного языка до определённой степени можно считать условным. Вхождение слова в систему другого языка - это один из этапов его деривационного функционирования в единой семиотической среде по сравнению с языком-источником.

В данном исследовании обратный машинный перевод рассматривается и как метод, и как лингвистический источник для осуществления исследовательских целей, где компьютерная программа является источником получения языкового материала. Следует заметить, что в работе мы не акцентируем внимание на специфике машинного перевода на предмет системных отношений между исходным языком и языком перевода и не анализируем перевод с точки зрения совершенствования качества переводного продукта, поскольку это не входит в круг задач исследования. Нам важен исходный язык, в данном случае русский, и его отражение в зеркале других языков.

Известно, что системы машинного перевода работают при участии человека. По мнению Н.Д. Голева, машинный перевод с одного естественного языка на другой моделирует работу человека-переводчика и является, частным случаем проявления языкового сознания

ISBN 978-84-949838-0-1

составителя программы, равно как и данные, полученные в результате металингвистического обобщения семантики слова составителями толковых словарей (Голев 2017:1). «Показания» компьютера, как считает Н.Д. Голев, можно приравнять к «показаниям языкового сознания», которым часто обозначают данные, полученные в результате апелляции к носителям языка и их реакциям. Компьютерная программа опредмечена сознанием её составителей, и этот факт позволяет соотнести её с языковым сознанием рядового носителя языка. Данные машинного перевода являются своеобразным обобщением речевого материала, а наличие элементов обобщенности, искусственности даёт некоторые преимущества показаниям обратного машинного перевода и не является препятствием для получения объективных сведений о естественном языке и речевой деятельности (Голев 2017:2).

В нашем исследовании при переводе мы использовали сервис Google-переводчик, который имеет богатый автословарь, включающий в себя как двуязычные словари, словарь синонимов, так и картотеки слов и устойчивых выражений, которые машина составляет на основе обработки больших объёмов параллельных текстов, за счёт чего словарные статьи машинного словаря получаются достаточно подробными.

Алгоритм машинного перевода в Google-переводчике строится по двум типам:

1) на основе правил (rule-based), является традиционным и используется большинством разработчиков систем машинного перевода ПРОМТ в России.

2) на основе статистики (statistical-based), т.е. на сравнении больших объёмов языковых пар, под которыми понимают языковые единицы на одном языке и соответствующие им единицы на втором языке. Чем больше в распоряжении имеется языковых пар, тем качественнее результат статистического машинного перевода.

В нашей работе метод обратного машинного перевода апробируется на корпусе конструктивных глаголов русского языка, которые относятся к группе денотативных. Интегральным семантическим компонентом конструктивных глаголов является *«создание какого-либо продукта в ходе выполнения определённых креативных манипуляций»*.

Лексико-семантическая группа конструктивных глаголов представлена тремя подгруппами:

1) глаголами созидания, например: строить, шить;

2) глаголами материального созидательного видоизменения объекта, например: декорировать, украшать;

3) глаголами нематериального созидательного видоизменения объекта, например: сочинять, творить.

ISBN 978-84-949838-0-1

Для анализа нами был взят глагол созидания *лепить* и его обратный машинный перевод со славянских языков (украинский, белорусский, болгарский, македонский, сербский, словенский, чешский, словацкий, польский) и германских языков (немецкий и английский). Близкородственные и неблизкородственные языки были выбраны намеренно с целью оценки достоверности результатов исследования.

По данным толкового словаря русского языка С.И. Ожегова были выделены лексико-семантические варианты глагола *лепить*:

1) создавать какое-либо изображение из мягкого, пластичного материала, например, лепить что-то из глины;

2) приклеивать, прилеплять, например, лепить марки на конверты;

3) размещать при письме буквы, строчки, слова тесно, без промежутков, например, лепить слова;

4) беспорядочно, небрежно, бессмысленно располагать, сооружать, нагромождать, например, лепить дома;

5) на лету налипать на что-л., например: снег лепит в окна.

6) совершать многократно, последовательно, одно за другим что-л. нежелательное, неугодное, малоприятное, например: он лепит нелепость за нелепостью.

Мы проанализировали первый лексико-семантический вариант глагола *лепить*, который актуализирует сему «*создавать какое-либо изображение из мягкого, пластичного материала*». При анализе денотативной структуры глагола мы основывались на представлении о глагольной семантике как полиситуативной структуре, разработанной Н.Б. Лебедевой, согласно которой каждый язык выражает определённый набор ситуаций, которые преимущественно закодированы глаголами (Лебедева 2010:27).

Денотативная структура глагола *лепить* включает следующие компоненты:

1) **субъект** – исполнитель, активный деятель, который создаёт изображение;

2) **объект** - эстетический образ, который включает два элемента: а) ментальный образ-цель в начале процесса; б) результат в конце процесса;

3) **материал -** мягкий, вязкий, пластичный;

4) **инструмент/способ –** ручной способ изготовления;

5) **процесс изготовления –** ручной.

С помощью сервиса Google-переводчик глагол *лепить* был переведён с русского языка на славянские языки. В результате перевода были получены следующие трансляционные варианты:

украинский - *ліпити, ліплячи, зліплювати*;

ISBN 978-84-949838-0-1

белорусский – *ляпіц*;

болгарский – *извайвам*;

сербский – *изваја*;

македонский – *sculpt*;

словенский – *skulptura*;

чешский – *vyrezavat; tvarovat, vytvarovat*;

словацкий – *tvarovat*;

польский – *lepic*.

Далее переводные эквиваленты были вновь переведены на русский язык. В ходе обратного перевода мы выявили следующие особенности:

1) украинские глаголы ліпити, *ліплячи, зліплювати,* белорусский *ляпіц* и польский *lepic* при обратном машинном переводе вернулись к исходному варианту перевода - *лепить*. В данном случае мы имеем дело с закрытым типом обратного машинного перевода, когда происходит возвращение к исходному значению.

2) болгарский глагол *извайвам,* сербский *изваја,* словенский *sculptura*, македонский *sculpt* были переведены на русский язык *ваять,* что означает «*высекать из камня, дерева или отливать из металла скульптурные изображения*» В данном случае, денотативный компонент *«мягкий, пластичный материал»* нейтрализуется в твёрдый материал, например, камень, дерево, металл.

3) чешский глагол *vyrezavat* был переведён на русский язык *вырезать*, т.е. «*сделать, начертить что-либо режущим, острым предметом».* В данном примере денотативный компонент *«ручной способ изготовления»* дополняется инструментальным, когда воздействие на материал осуществляется, например, с помощью ножа, резака.

4) словацкий глагол *tvarovat* был переведён *формовать,* т.е. *«изготавливать, отливая, штампуя, придавать литейную форму».* В данном случае денотативный компонент *«ручной способ изготовления»* дополняется промышленным, литейным способом.

Второй, третий и четвёртый примеры представляют собой открытый тип обратного машинного перевода, когда происходит удаление от исходного значения глагола по одному из ядерных компонентов, т.е. происходит модификация одного из признаков денотативной структуры. Однако выделяется и полузакрытый тип, когда значение возвращается к исходному, но на определённом этапе имеют место отдельные модификации. Следует заметить, что всегда есть определённая переходная зона.

ISBN 978-84-949838-0-1

Следующим исследовательским шагом был перевод глагола *лепить* на германские языки – немецкий и английский. Если в первом случае мы анализировали близкородственные славянские языки, то в данном случае была выбрана совершенно другая языковая семья.

Обратный машинный перевод глагола *лепить* на немецкий язык дал следующие трансляционные варианты:

formen - придавать форму, формировать, формовать, лепить;

modellieren - моделировать, вылепить, лепить, формовать;

kneten - месить, замесить, мять, лепить, массировать.

Анализ семантики трансляционных вариантов позволил выявить у глагола *лепить* как близкие к словарному варианту значения, например, *формовать*, так и дополнительные семантические признаки, например:

1) *«мять, месить вязкий материал»* - акцент на процессуальную фазу изготовления;

2) *«массировать»* - изменение объекта воздействия: неодушевлённый объект воздействия сменяется одушевлённым (массировать можно только человека).

Обратный машинный перевод на английский язык глагола *лепить* дал следующие трансляционные варианты:

sculpt - лепить, ваять;

sculpture - лепить, ваять, высекать, украшать скульптурной работой;

mold- формировать, формовать, лепить, отливать в форму;

model - моделировать, лепить, создавать модель по образцу, формовать;

mould - формировать, формовать, лепить, отливать в форму.

Анализ семантики трансляционных вариантов показывает наличие вариантов значения близких к словарному. Однако появляется эстетический компонент: цель процесса лепки – создание объекта с целью украшения чего-либо скульптурной работой.

Ниже в таблице 1 представлена сравнительная характеристика денотативной структуры конструктивного глагола *лепить* на основе данных толкового словаря и обратного машинного перевода.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 1. Сравнительная характеристика денотативной структуры глагола *лепить*

Данные толкового словаря	Данные ОМП
субъект – исполнитель, активный деятель	указан
объект – неодушевлённый, эстетический образ, представленный в виде ментальной модели	указан + одушевлённый объект (человек)
материал - мягкий, вязкий, пластичный	указан + твёрдый материал (камень, дерево, металл)
Инструмент/способ – ручной способ изготовления	указан + инструментальный способ (нож, резак) + промышленный способ (литейный, штамповка)
не указан	**процесс изготовления** - формовать, моделировать по образцу
не указан	**цель** - создание какой-либо объекта с целью украшения чего-либо

В заключение следует заметить, что вопрос о том, что же конкретно обозначает глагол, всегда будет открытым. По мнению Н.Б. Лебедевой, глагол имеет «плазмовидную» природу, где наряду с достаточно определённым семантическим ядром имеется «растекающееся по разным линиям амёбообразное поле» (Лебедева, 1999:13). Денотативная глубина соотносимых лексем в разных языках не всегда будет совпадать, поскольку по-разному отражается языковая картина мира. И в этом случае метод обратного машинного перевода позволяет проникнуть в глубинные слои денотативной семантики глагола и выявить скрытые кванты значения.

В этой связи актуально суждение В. фон Гумбольдта о природе познания и задачах лингвистического исследования: «Как бы мы ни фиксировали, как бы мы ни выделяли, как бы мы ни дробили, ни расчленяли в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка. Ввиду этой особенности языков описание их формы не может быть абсолютно исчерпывающим, но оно достаточно, чтобы получить о языке общее представление. Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности. Пренебрегая этим путем, он непременно проглядит множество моментов, и они останутся неизученными, без объяснения останется и масса фактов, и, наконец, отдельные факты будут представляться изолированными там, где в действительности их соединяет живая связь» (Гумбольдт 1984: 72).

ISBN 978-84-949838-0-1

Список литературы

Голев Н.Д. (1989): Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во ТГУ.

Голев Н.Д. (2017): Обратный машинный перевод: исследовательские и прикладные возможности (постановка проблем). Статья 1. ОМП как источник материала для решения лингвистических задач. Сайт Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ. URL: http://www.rgf.kemsu.ru/articles/1513 (дата обращения: 28.08.2018).

Гумбольдт В. (1984): Форма языков. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс.

Лебедева Н.Б. (2010): Полиситуативный анализ глагольной семантики. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: http://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 28.08.2018).

Стернин И.А. (1985): Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

ISBN 978-84-949838-0-1

СИНТАКСИС И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Коровкина Марина Евгеньевна
МГИМО, Россия
mekorovkina@gmail.com

SYNTAX AND THE LANGUAGE WORLD VIEW (ON THE BASIS OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)

Marina Korovkina
MGIMO-University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности синтаксиса русского, английского и испанского языков в их взаимосвязи с языковыми картинами мира, выражающиеся в межъязыковых асимметриях. Эти межъязыковые асимметрии обусловлены спецификой концептуализации и категоризации действительности носителями того или иного языка и наблюдаются на всех языковых уровнях, в том числе и на синтаксическом (грамматическом). В статье также проводится сравнительный анализ наиболее важных с точки зрения стиля лингвоспецифичных синтаксических конструкций, объясняющихся спецификой языковых картин мира, например, широкое распространение бессубъектных конструкций в русском языке, грамматический анимизм в английском и присутствие обоих феноменов в испанском языке.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of the syntax of the Russian, English and Spanish languages and their interrelation with the languages' world views, which are expressed in inter-language asymmetries. The asymmetries can be explained by the differences in the conceptualization and categorization by Russian, English and Spanish speakers and are observed at all language levels, including the syntax (grammar). The article makes a comparative analysis of the most important lingua-specific syntactic constructions attributable to the specifics of the language world views, for example, widespread constructions without subject in the Russian language, grammar animism in English, and the presence of both phenomena in Spanish.

Ключевые слова: синтаксис, языковая картина мира, межъязыковые асимметрии, бессубъектные конструкции, грамматический анимизм

Key words*:* syntax, language world view, inter-language asymmetries, syntactic constructions without subject, grammar animism

Синтаксические особенности языков, вызывающие межъязыковые асимметрии, обусловлены различиями в языковых картинах мира представителей того или иного лингвосоциума, спецификой в их концептуализации и категоризации действительности. Они проявляются на всех языковых уровнях и выражаются лингвоспецифичными конструкциями и концептами. В каждом языке можно обнаружить лингвоспецифичные конструкции на

ISBN 978-84-949838-0-1

уровне синтаксиса, что имеет особое значение с точки зрения стиля языка. Например, в русском языке широкое распространение получили бессубъектные конструкции. Некоторые ученые (Балли Ш., 2003; Гак В.Г., 1998) объясняют это преобладанием в данном языке феноменологического или импрессионистского подхода, для которого характерно обилие безличных глаголов, часто обладающих переходным смыслом. Например, *по реке несет лед, несет пар из бани* (Балли 2003: 188). В.Г. Гак считает, что при феноменологическом подходе «феномен интерпретируется как внутренняя деятельность» (Гак, предисловие к Балли 2003: 14). Другой концептуальный подход, обнаруживаемый в языке, – каузальный, он отличается тем, что «феномен вызывает идею агенса, производящего транзитивное действие, способное влиять на объект» (Балли 2003: 186).

Анализ синтаксиса современного русского языка показывает, что феноменологическая тенденция продолжает сохраняться, и даже личные глаголы могут употребляться по типу безличных (*Мне не спится*). С одной стороны, это объясняется усложнением мышления и, соответственно, грамматических форм. «С другой стороны, некоторые виды безличных предложений остаются в языке в виде реликтов более старых форм мысли» (Галкина-Федорук 1958: 151). Эту точку зрения поддерживает и Ю.Степанов, по мнению которого архаичные языковые формы восходят к древним индоевропейским языкам, в которых еще не было расчленения между внешним и внутренним миром человека: «… это – не мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» (Степанов 2004: 220). Ш.Балли признает доказанным факт, что в общеиндоевропейском языке было гораздо больше безличных глаголов, чем в более современных языках. При этом «русский имел их больше немецкого, немецкий – больше французского, а французский – больше английского» (Балли 2003: 193).

Таким образом, сложная картина развития категории безличности проявляется как в сохрании архаичных, реликтовых синтаксических конструкций, выражающих безличность, так и в усложнении мышления, языка и речи, связанных с увеличением употребления безличных предложений в современном русском языке. Например, активно используются инфинитивные конструкции с предикатами необходимости и возможности, рефлексивные конструкции, инфинитивные конструкции без модальных слов. А.Вежбицкая объясняет такое распространение в русском языке бессубъектных конструкций особым психическим складом его носителей: «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем это события, которые

ISBN 978-84-949838-0-1

человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять…» (Вежбицкая 1997: 76).

Это представление А. Вежбицкой согласуется с результатами исследований по концептуальному анализу русскозычной картины мира, выполненных Н.К. Рябцевой: «Действующие в мире силы сильнее человека, неподконтрольны ему… и осмысляются как направляемые особыми, нечеловеческими, сверхчеловеческими явлениями, «силами», которые ненаблюдаемы, неочевидны, их субъект невидим и потому таинствен, мистичен» (Рябцева 2005: 92). Такое мнение объясняет необязательность наличия подлежащего – агенса действия в предложениях русского языка.

Другой чертой, характерной для стилистики русского языка, является тенденция к номинализации, выражающаяся в предпочтении номинативных признаков в описании предметных ситуаций, что ведет к широкому использованию существительных, в том числе и отглагольных. По своему семантическому значению отглагольные существительные не могут быть субъектом действия, при этом они часто играют роль подлежащего в предложении. Данная тенденция также связана с бессубъектностью, так как подобные предложения имеют только формальное грамматическое подлежащее, а по сути являются бессубъектными. Ср.: *Развитие Москвы идет быстрыми темпами. – Москва быстро развивается.*

Иногда отглагольные существительные образуют целые цепочки с другими существительными, представляющие собой особые лингвоспецифичные конструкции русского языка: *В нашей стране коммерческие банки стали создаваться* ***в период формирования основ рыночной экономики.*** По наблюдению Н.К. Рябцевой, такие цепочки существительных в основном отражают определительные отношения: «Генитивная конструкция весьма продуктива и способна к практически бесконечному наращиванию, к инкорпорации большого числа составляющих» (Рябцева 1996: 47).

На наш взгляд, указанные стилистические особенности русского языка (обилие отглагольных существительных и цепочек существительных в родительном и других падежах, связанные, о чем уже было сказано выше, с преобладанием номинативных признаков в описании предметных ситуаций) полнее передают смысловые нюансы. Стремлением передавать смысловые нюансы объясняется и все большее распространение сочетаний двух существительных в русском языке. Это могут быть фразеологически связанные сочетания типа *оказание помощи, одержание победы, нанесение поражения, оказание влияние (услуги, давления)*, или когда первое в сочетании существительное может быть производным от глагола с общим значением действия, например: *достижение независимости (результатов), реализация планов (программ), предоставление займа (кредитов, независимости),*

ISBN 978-84-949838-0-1

образование компаний (предприятий). По мнению В.Г. Гака, словосочетания *оказание помощи, одержание победы* (вместо глаголов *помочь, победить*) становятся более употребительными в русском языке, так как они способны «выражать оттенки значений с более тонкими нюансами, чем отдельные слова» (Гак 1998: 397).

Рассмотрим некоторые синтаксические особенности английского и испанского языков.

Самой главной чертой синтаксиса английского языка является фиксированный порядок слов и обязательное наличие подлежащего. В связи с этим для английского языка характерен грамматический анимизм – метафоризация подлежащего, когда в его роли выступает неодушевленное существительное (называющее место, причину, орудие действие и т.д). Оно только заполняет валентность подлежащего, а реальный субъект действия отсутствует.

При подобном неодушевленном подлежащем используется антропоморфный глагол. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, подлежащее может выражать временн**о**й период: *The GDP growth exceeded 7 per cent. Moreover,* ***the past year saw*** *a long-awaited growth of investments (more than by 17 percent compared with 20XX).* В этом случае неодушевленные существительные сочетаются с десемантизированными глаголами английского языка *to see, to signal, to witness,* обозначающими чувственное восприятие и действия, чья семантика логически связана с семантикой таких существительных. Другая группа десемантизированных глаголов английского языка, также используемых в сочетании с подлежащими-синтаксическими метафорами, выражает причинно-следственные отношения. Это глаголы *to cause, to lead to, to bring about, to spark, to result in/from, to trigger (off), to provoke, to entail* и множество других, в которых причина и следствие входят в состав компонентов смысла (каузировать – *to make do smth, to force to do smth).* Необходимо подчеркнуть, что в русском языке причинно-следственные связи передаются не столько глаголами, сколько предлогами, в основном сложными (*из-за, в результате, по причине, за счет, от)*. Ср.:

Из-за *корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний* ***произошло*** *резкое падение инвестиций. – Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse* ***triggered/caused*** *a drastic drop in investments.*

Японские фирмы повезли туда оборудование и технологии, обучили китайских специалистов, ***в результате чего*** *поднялась не только японская, но и местная экономика. – Japanese companies brought the equipment and new technologies and trained Chinese specialists,* ***which resulted*** *in the economic recovery of both Japan and China.*

Существительные – синтаксические метафоры, отражающие место протекания действия, в английском языке сочетаются с разнообразной в семантическом отношении группой

ISBN 978-84-949838-0-1

глаголов, из которых наиболее частотными являются *to host, to face, to include, to account for, оборот there is.* Например:

In 1997 indirect marketing ***accounted for*** *only 3.9 percent of the total Russian advertising market.*

Russia ***is hosting*** *a FATF mission that will decide whether Russia should remain on the black list of countries unwilling to fight against money laundering.*

These institutions ***include*** *savings and investments funds and insurance companies.*

Вторая характерная стилистическая особенность английского языка, в противоположность русскому, заключается в предпочтительном использовании вербальных признаков при описании предметной ситуации. Поэтому часто отглагольные существительные русского языка соотносятся в английском языке с глаголами. Например:

Причем после завершения президентской кампании *вновь будут преобладать враждебные поглощения –* ***After the presidential campaign is over,*** *hostile takeovers will once again prevail.*

Это свойство проявляется также и в широком употреблении неличных форм глаголов (в основном герундиев и инфинитивов), которые также соотносятся с существительными русского языка. Приведем некоторые примеры.

Отглагольное существительное в русском языке – инфинитив в английском:

В планах проведения реформы предусмотрены ***меры по предотвращению*** *влияния региональных и местных властей на судебное производство и* ***по увеличению*** *финансирования судов и судебных чиновников на местах, а также* ***по обеспечению их независимости*** *от источников финансовой поддержки на региональном уровне. – Reform includes* ***measures to protect*** *the judicial system against the influence of regional and local authorities,* ***to increase*** *financing of courts and court officials in the regions* ***to make them independent*** *of their financial support at a local or regional level.*

Отглагольное существительное в русском языке – герундий в английском:

Фундаментальные цели ***совершенствования*** *государственной службы,* ***усиления подотчетности и внедрения культуры исполнения*** *с акцентом на эффективности и снижении затрат четко прописаны в правительственной программе. - The government is aimed* ***at improving*** *the civil service* ***making it more accountable and performance-oriented*** *with a focus on cost-effectiveness.*

Указанные стилистические особенности английского языка - вербальность признаков в описании ситуации и обязательность подлежащего, часто представляющего собой синтаксическую метафору – свидетельствуют о специфичности ментального мира

ISBN 978-84-949838-0-1

англоязычного лингвосоциума, отражающейся на языковой (и концептуальной) картинах мира. По мнению А.Вежбицкой, в английском языке все события представляются так, как будто «мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем» (Вежбицкая 1997: 56). В свою очередь Н.К. Рябцева замечает, что «в английской картине мира выделяется не то, что правит миром и изменяет его, а какие изменения в нем происходят и каков их результат» (Рябцева 1996: 29). Именно поэтому так важен субъект действия: «субъект предложения… представляется как отчетливо выделенный из окружающего его фона» (Степанов 2004: 220), а глагол, в свою очередь, «стремится к тому, чтобы стать (конкретным) знаком отношения между агенсом и объектом» (Балли 2003: 194). Такие отношения наблюдаются при преобладании транзитивной или каузальной тенденции (термины Ш.Балли) в языке, что ярко выражено в английском языке, в отличие от феноменологической тенденции языка русского. В последнем «действие, выраженное глаголом, сосредоточено на субъекте» (там же), что препятствует развитию переходности и, как уже было сказано выше, ведет к увеличению числа бессубъектных конструкций.

Грамматический анимизм свойствен не только английскому, но и некоторым другим европейским языкам. Встречается это явление и в испанском языке: ***Este artículo propone*** *analizar…* В. Иовенко объясняет его использованием «в предложении в функции подлежащего имен событийной семантики» (Иовенко 2013: 88). По мнению этого автора, такая особенность наиболее ярко проявляется в испанском языке при оформлении каузативных отношений. «Каузатив в западноевропейских языках, как правило, «объективен», в том смысле, что он направлен от субъекта к объекту, которому сообщается новое действие или состояние» (там же). Например: ***La comunicación interna ha actuado*** *al servicio de la empresa,* ***intentando*** *crear estados de opinión irreales y a la vez interesados…*

Своеобразием синтаксиса испанского языка является свободный порядок слов, как и в русском языке. При этом испанский глагол обычно располагается вначале предложения (там же: 124). На наш взгляд, свободный порядок слов делает возможной бессубъектность, поэтому в испанском языке употребляются и бессубъектные конструкции, но они не получили столь широкого распространения, как в русском. Например: *El impacto de este mecanismo* ***no se debe devaluar*** *…, En este sentido* ***se entiende*** *que hoy en día la comunicación debe trascender dentro de la empresa…;* также конструкции с глаголом *haber*.

Еще одно важное свойство испанского языка связано с предпочтением вербальных признаков описания ситуации, что сближает его с английским языком. Так, В.Иовенко приводит следующие доказательства глагольных тенденций испанского языка: 1. более высокую частотность употребления в текстах глаголов; 2. использование избыточных с

ISBN 978-84-949838-0-1

семантической точки зрения предикатов *suceder, ocurrir, haber, ser*; 3. широкую распространенность неличных форм глаголов (там же: 130). Например:

Recientemente, se ha descubierto *la importancia de la comunicación interna* ***al considerarla*** *como instrumento de gestión de los Recursos Humanos.*

Вместе с тем в испанском языке более активно, чем в английском, употребляются цепочки отглагольных существительных, что его сближает с русским. Например:

…los medios de comunicación … suelen ser ***la fuente del conocimiento de una empresa*** *y de donde obtienen información.*

В заключение можно сделать следующие выводы: в синтаксисе испанского языка выделяются черты, сближающие его с русским: свободный порядок слов и наличие бессубъектных конструкций, хотя они и не получили такого широкого распространения, как в русском. В то же время для испанского языка характерно такое явление как грамматический анимизм, но далеко не в той же степени, как в английском. Что касается вербальных-номинативных признаков описания предметной ситуации, испанскому языку присущи обе эти черты, с преобладающим упором на вербальные признаки. В отношении исследованных синтаксических конструкций русский и английский языки – это два полюса, между которыми расположен испанский. Принадлежащий к романской группе языков, он в какой-то степени обладает и чертами германской группы, но в то же время в некоторых аспектах ближе к русскому языку.

Список литературы

Балли Ш. (2003): Язык и жизнь. Москва: УРСС.

Вежбицкая А. (1997): Язык, культура, познание. Москва: Русские словари.

Гак В.Г. (1998): Языковые преобразования. Москва: Языки русской культуры.

Галкина-Федорук Е.М. (1958): Безличные предложения в современном русском языке. Москва: Изд-во МГУ.

Иовенко В. (2013): Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. Москва: МГИМО-Университет.

Комиссаров В.Н. (2002): Современное переводоведение. Москва: ЭТС.

Рябцева Н.К. (1996): Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. Москва.

Рябцева Н.К. (2005): Язык и естественный интеллект. Москва: Academia.

Степанов Ю. (2004): Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект.

ISBN 978-84-949838-0-1

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В МЕТАТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Кустова Галина Ивановна
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Московский государственный педагогический университет, Россия
galinak03@gmail.com

MENTAL VERBS IN METATEXT

Galina Kustova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow State Pedagogical University, Russia

АННОТАЦИЯ

На материале Национального корпуса русского языка рассматриваются метатекстовые (вводные, парентетические) конструкции с ментальными глаголами мнения (путативными: *думать, полагать, считать*) и знания (фактивными: *знать, понимать*) во 2-м лице. Показано, что если пропозиции, ассоциированные с вводными глаголами 1-го лица (*думаю, знаю*), принадлежат 1-му лицу (говорящему), то пропозиции, ассоциированные с вводными глаголами 2-го лица (*думаешь, знаешь*), не принадлежат 2-му лицу (адресату), как можно было бы предположить, а тоже принадлежат говорящему. Внутри группы вводных ментальных глаголов 2-го лица основное различие состоит в том, что глаголы мнения употребляются, главным образом, в вопросах, а глаголы знания – в сообщениях.

ABSTRACT

The paper deals with metatext (parenthetical) constructions with mental verbs (znat' 'know', ponimat' 'understand', dumat' 'think', schitat' 'believe', polagat' 'suppose') in the 2nd person. The following problems are considered: is there a semantic correlation between the proposition and metatext constructions? It was shown that some metatext constructions are used only in interrogative sentences.

Ключевые слова: метатекст, вводные слова, парентезы, адресат, ментальные глаголы

Key words: metatext, parentheticals, addressee, mental verbs

*Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003, осуществляемого в МПГУ.

Введение

В статье мы рассмотрим некоторые особенности конструкций вида *Зачем, думаешь, он туда поехал?*; *Такой, знаете, симпатичный котенок*. В литературе они называются по-разному: парентезы, см. (Urmson 1963); вводные конструкции (также – вводные слова / сочетания слов / предложения / выражения, ср. (Русская грамматика, т. II, § 2221), а также (Апресян 1995а), (Виноградов 1947), (Иорданская, Мельчук 2007: 372), (Ляпон 1986: 47–54), (Остороумова, Фрамполь 2009), (Пешковский 2001)); метатекстовые конструкции, см.

ISBN 978-84-949838-0-1

(Wierzbicka 1971). Последние могут иметь узкое понимание (как средства организации текста, ср. *кстати, между прочим, впрочем*) или широкое понимание – как элементы, находящиеся вне синтаксической структуры, «над ней». В данной работе метатекстовые конструкции будут пониматься широко.

Будут рассматриваться метатекстовые конструкции с глаголами мнения и знания во 2-м лице – *думаешь* / *~те, полагаешь* / *~те, считаешь* / *~те, знаешь* / *~те, понимаешь* / *~те* на фоне аналогичных конструкций с глаголами в 1-м лице. Это противопоставление поможет выявить специфику конструкций 2-го лица в двух отношениях. Во-первых, 1-е и 2-е лицо – естественное противопоставление основных коммуникативных ролей в рамках речевого акта. Местоимения, глаголы и высказывания 1-го и 2-го лица имеют ряд принципиальных отличий, связанных с несимметричностью ролей говорящего и адресата. Во-вторых, мнение (путативные глаголы) и знание (фактивные глаголы) – это естественное противопоставление в группе ментальных глаголов с точки зрения статуса подчиненной пропозиции: при матричном путативном глаголе пропозиция имеет нейтральный (неассертивный) статус, при матричном фактивном глаголе пропозиция фактивная (см., в частности, (Karttunen 1973), (Апресян 1995б), (Апресян 1995в), (Падучева 1985)). На уровне текста эти противопоставления подробно исследовались, однако на уровне метатекста эти группы единиц обычно рассматриваются отдельно друг от друга. В списках метатекстовых конструкций они попадают в разные группы. Формы 1-го лица *думаю, знаю* включаются в группу модальных компонентов (*Он, думаю, откажется от нашего предложения*). Формы 2-го лица *знаешь, понимаешь* обычно считаются контактоустанавливающими: используются с целью «выразить доверительный характер отношений» (ср. (Скобликова 2006: 78); (Апресян 1995б: 242)); в (Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 118–119) эти формы рассматриваются как акцентирующие: «служат для подчеркивания, выделения того, что высказывается»; согласно (Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 263), функция данной группы – призывать к вниманию. В (Русская грамматика, т. II, § 2221) эти характеристики объединяются: у соответствующих вводных глаголов усматривается «значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании <…> с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника»; отмечается, что *знаешь, понимаешь* могут употребляться как асемантические, «пустые вставки». Наконец, формы 2-го лица *думаешь, считаешь, полагаешь* вообще не попадают ни в какие группы при классификации вводных конструкций.

Задача настоящей работы – выяснить, как трансформируется противопоставление ментальных глаголов на уровне метатекста и сохраняется ли связь с исходными текстовыми

ISBN 978-84-949838-0-1

употреблениями. Под текстовыми употреблениями будут пониматься употребления ментальных глаголов в качестве матричных с зависимой клаузой: *Думаю, что он согласится*; *Ты думаешь, что он согласится?* Соответственно, метатекстовые употребления можно считать соотносительными с текстовыми: *Он, думаю, согласится*; *Он, ты думаешь, согласится?*

В текстовом употреблении матричный глагол 1-го лица вводит пропозицию (содержание сознания) говорящего, т.е. то, что думает или знает говорящий, матричный глагол 2-го лица – пропозицию адресата. Было бы логично предположить, что это свойство ментальные глаголы сохраняют и в функции вводных. Однако, как будет показано ниже, в метатекстовом употреблении с ментальными глаголами происходят парадоксальные изменения.

Глаголы мнения *думаешь, считаешь, полагаешь*

Итак, текстовые глаголы мнения 1-го лица вводят пропозицию (мнение) говорящего: *Я думаю / считаю / полагаю, что он не подходит для этой работы*. Высказывания с глаголами 2-го лица совершенно несимметричны (и это относится как к мнению, так и к знанию) высказываниям 1-го лица в том смысле, что они прагматически неестественны: в первом случае (*я думаю*) говорящий сообщает адресату свое мнение, во втором (*ты думаешь*) он сообщает адресату мнение адресата. Но говорящий, во-первых, может не знать мнение адресата, во-вторых, даже если знает, сообщение оказывается информационно избыточным. Следовательно, для такого речевого акта нужны специальные условия и обоснования. Например, говорящий хочет актуализировать пропозицию P, которая ему уже известна: *Ты по-прежнему думаешь / считаешь / полагаешь, что он не подходит для этой работы?*; *Ты же считаешь, что он не подходит для этой работы, зачем же ты его пригласил?* Если говорящий не знает мнения адресата, он может задать вопрос: *Ты считаешь, что он не подходит для этой работы?* Но в этом случае говорящий сам «составил» пропозицию P, чтобы выяснить, есть ли такое мнение у адресата. И пока это не известно, пропозиция P не принадлежит адресату.

Итак, прагматически естественной для форм 2-го лица является ситуация, когда говорящий не знает мнения адресата и спрашивает о нем. Отсюда два важных свойства высказываний с глаголами мнения 2-го лица: эти предложения вопросительные; пропозиция, вводимая глаголом 2-го лица, имеет нейтральный (неутвердительный) статус и принадлежит не адресату, а говорящему.

Аналогичную картину мы видим на уровне метатекста: высказывания с глаголами мнения 2-го лица вопросительные и пропозиция, вводимая глаголом 2-го лица, принадлежит

ISBN 978-84-949838-0-1

не адресату, а говорящему. При этом среди высказываний с этими глаголами встречаются несколько типов:

– собственно вопрос (говорящий хочет узнать мнение адресата): *Куда, ты думаешь, он уехал?*; *Кому, думаешь, он звонил?*; — *А сколько, ты думаешь, будет стоить эта машина?* [Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)];

– подготовительный вопрос (говорящий не спрашивает, а, наоборот, намерен сообщить адресату новую информацию, но хочет подготовить его к тому, что информация будет неожиданной): — *И куда, ты думаешь, он уехал?* — *Куда?* — *В Барселону!*;

– риторический вопрос и другие экспрессивные вопросы: *Взять меня — столько мне хорошего сделал Юрий Михалыч, а я, ты думаешь, хоть раз ему позвонил, сказал спасибо?* [«Столица», 1997.09.02] = не позвонил.

Аналогично ведут себя и другие путативные глаголы: — *В России, полагаете, будет легче, чем в Японии?* [Советский спорт, 2010.01.18]; — *В целом, считаете, этот сезон для вас удался?* [Известия, 2013.05.22].

Итак, предложения с вводными глаголами мнения 1-го лица (*думаю*, *считаю*, *полагаю*) и вводными глаголами мнения 2-го лица (*думаешь*, *считаешь*, *полагаешь*) не соотносятся напрямую. Предложения с глаголами 1-го лица – как в текстовом, так и в метатекстовом режиме – обычно являются повествовательными и передают мнение говорящего, а сами глаголы *думаю*, *считаю*, *полагаю* относятся к группе модальных показателей недостоверности, предположительности. Высказывания с глаголами 2-го лица обычно функционируют в качестве вопроса и не передают мнение адресата (поскольку говорящий его не знает), а содержат реконструкцию этого мнения, сформированную говорящим и требующую верификации.

Глаголы знания *знаешь, понимаешь*

Знаешь / знаете

Употребление *знаешь*, как и *думаешь*, в режиме сообщения прагматически странно, и такое высказывание предполагает определенные условия. Это может быть «цитирование» знания адресата с целью его актуализации или в экспрессивных высказываниях, ср.: *Поскольку ты уже знаешь, что он уехал, давай не будем об этом говорить*; *Ты ведь знаешь, что это невозможно, зачем об этом говорить? Знаешь* может также употребляться в вопросительных высказываниях – как с союзными зависимыми клаузами, ср. *Ты знаешь, что он уезжает?*, так и с косвенно-вопросительными, ср., *Ты (не) знаешь, когда собрание?*

В метатекстовом режиме *знаешь*, в отличие от *думаешь*, сочетается не с вопросом, а с сообщением:

ISBN 978-84-949838-0-1

— *Какой-то, знаете, он у меня невезучий. На других посмотришь — прямо в руки всё идёт* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Я ведь, ты знаешь, писать письма не умею [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)]

Интересно, что пропозиция, связанная с глаголом *знаешь* 2-го лица, не является знанием адресата – это информация из прошлого или из внутреннего опыта говорящего, т.е. знание самого говорящего, который передает это знание адресату. В работе (Апресян 1995б: 425–426) описан особый тип текстового употребления *знаешь*, который довольно близок к рассматриваемому метатекстовому. Он встречается в вопросах: *Знаешь, почему он обиделся? Потому что ты его не пригласил*. Конечно, подобные предложения могут быть и обычным вопросом, но речь идет о другом: говорящий обладает определенной информацией, уверен, что у адресата этой информации нет, но на всякий случай спрашивает, – чтобы убедиться, что адресат не знает, а заодно и подготовить адресата к сообщению новости (это можно назвать предваряющим вопросом). К метатекстовому *знаешь* эта конструкция близка тем, что она тоже связана со знанием адресата, правда, еще не сообщенным. С другой стороны, текстовая конструкция вопросительная и содержит вопрос именно о знании адресата, тогда как метатекстовая не совместима с вопросом: **А ему, знаешь, это (не) понравится?* – и передает знание самого говорящего.

Происходит ли в метатекстовой конструкции десемантизация *знаешь* или глагол сохраняет свою семантику?

В грамматиках и учебных пособиях вводное *знаешь* характеризуется именно как десемантизированная единица (контактоустанавливающая, как, например, *слушай*, или акцентирующая, как, например, *учти*, *пойми* и т.п.).

Что касается контакта, *знаешь* скорее не устанавливает, а поддерживает контакт (этот вводный элемент используется не в начале коммуникации, а в продолжении). Но основной функцией метатекстового *знаешь* / *~те* можно считать все-таки подчеркивание, выделение, акцентирование информации, на которую говорящий хочет обратить внимание адресата, которую он считает важной или интересной.

Вводное *знаешь* имеет довольно разные употребления в зависимости от интонации (редуцированное, с понижением тона, с интонацией вставочности, или экспрессивное, с повышением тона) и от смысла основного высказывания. Впрочем, по письменному тексту, при отсутствии интонационной разметки, далеко не всегда можно судить об интонации. Интонация может зависеть и от структуры вводного компонента: это может быть вводное предложение (*ты знаешь*; *вы знаете*) или просто глагол (*знаешь* (*ли*), *знаете* (*ли*)).

ISBN 978-84-949838-0-1

Максимально редуцированное *знаешь / знаете* выступает просто как маркер выделения некоторой информации:

Что заслужил, тем и награждён, товарищ старшина. Старшина безмятежно откинулся на мягкий мох кочки. — А я, знаете, ещё нет. Не удостоился. Разве что у партизан получу [Василь Быков. Болото (2001)]

Посидел так, знаешь, подумал, и решил— да ну этого депутата вместе с его дочками [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

— А что за роман у этого парня? — Да я, знаете, не читал. Но знаю, что исторический [Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)]

Экспрессивное *знаешь* произносится с повышением тона, близким к вопросу. Как и настоящий вопрос, оно призвано вовлечь адресата в диалог, вызвать у него определенную реакцию:

Но, ты знаешь, самое смешное состоит в том, что ничего определенного и не получилось… [Петр Кожевников. Жрец // «Звезда», 2003]

— Что с Аликом? — Ой, ты знаешь, Алик тоже здесь! Это целая история [Андрей Кучаев. В германском плену // «Октябрь», 2001]

А ещё, знаете, перед показом я жутко волновалась: хотелось выглядеть достойно на фоне профессиональных моделей [«Дело» (Самара), 2002.05.26]

Адресат узнает новую информацию, и эта информация становится его знанием – о фактах (*Я, знаете, тоже там был*), о мнении говорящего (*Я, знаете, так не считаю*). Предложение может быть даже побудительным – это все равно мнение говорящего: *Знаешь, ты все-таки позвони ему* – ‘говорящий считает, что адресату следует позвонить’, ср.: *Ты бы все-таки позвонил ему*; *По-моему, ты должен позвонить*: *знаешь* смягчает побуждение, переводя его как бы в режим изложения точки зрения.

Вводному *знаешь* и другим подобным метатекстовым элементам приписывается также функция маркера доверительности. Что скрывается за термином «доверительность»? Говорящий строит высказывание так, как будто допускает, что слушающий знает о его жизни, его истории и даже его мыслях, он как бы включает слушающего в свой внутренний мир (ср. понятие личной сферы говорящего, введенное в (Апресян 1995г)). Очень важно, что речь идет о личной сфере и фактах, существенных для самого говорящего (и / или для данного разговора с адресатом), о его личном, заинтересованном отношении к этим фактам. В сочетании с тривиальными, наблюдаемыми, так сказать «голыми», фактами *знаешь* звучит странно, ср.: ?*Вчера, знаете, был дождь*; ?*За углом, знаешь, трамвайная остановка*.

ISBN 978-84-949838-0-1

Наконец, есть случаи, когда говорящий апеллирует к опыту и знаниям адресата: *Она там с одним фертом ходила, знаешь, из этаких, из свободных художников* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] – говорящий предполагает, что адресат видел таких свободных художников, имеет представление о них.

Таким образом, можно считать, что десемантизация вводного *знаешь*, о которой говорится во многих пособиях, несколько преувеличена. Есть случаи, когда говорящий сообщает информацию из своего личного опыта, которую адресат точно не знает, а есть случаи, когда говорящий апеллирует к прошлому опыту (т.е. знанию) адресата, хотя в обоих случаях говорящий сообщает свое собственное знание.

Понимаешь / понимаете

Метатекстовое *понимаешь / понимаете* имеет два интонационных варианта, связанных с двумя разными типами употребления.

В одном типе *понимаешь* относится к группе так называемых слов-паразитов, ср. *значит, вот, так сказать* и под.: *У Маслюковых, понимаешь, засиделся. Мужики собрались* [А. И. Пантелеев. Ночные гости (1944)]; *Напился, понимаешь, друга искалечил, теперь о курсах мечтает!..* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)], произносится пониженным тоном, часто в редуцированном варианте. Этот тип мы рассматривать не будем.

В другом типе *понимаешь* употребляется как «нормальный» вводный глагол, аналогичный *знаешь*, произносится с повышением голоса, близким к вопросу, т.е. с «апеллятивной», «экспрессивной» интонацией (как и в случае экспрессивного *знаешь*), ср.: *Так жизнь моя сложилась, понимаешь, такое непростое место, где я вырос* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Вводное *понимаешь*, как и *знаешь*, связано не с пропозицией адресата, а с пропозицией говорящего, – т.е. знанием, которое говорящий сообщает адресату.

Текстовое *понимаешь* отличается от *знаешь* тем, что *понимаешь* вводит информацию, которая не очевидна, требует мыслительных усилий или объяснений (ср.: «…Для понимания обычно требуется определенная мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта» (Апресян 1995б: 414)).

В метатекстовом режиме это противопоставление не всегда прослеживается, вернее – оно может присутствовать в достаточно завуалированном виде.

Самый наглядный случай – ситуации, которые требуют объяснения, которые непонятны без дополнительной информации; здесь *понимаешь* естественно и при его замене на *знаешь* общий смысл высказывания существенно меняется: — *Мне нужно было бы забежать в музей, ну хоть на пять минут. У меня, понимаете, ключи. Люди не смогут уйти домой* [Ю. О.

ISBN 978-84-949838-0-1

Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] – здесь, действительно, требуется объяснение, и оно дается в предложении, содержащем *понимаете*, ср. странное *?У меня, знаете, ключи*; *— Я раньше по-немецки всё понимал, — сказал дед. — А сейчас вот звук знакомый, а ничего не разберу. К нам, понимаешь, сюда в шестнадцатом австрияков пригоняли. Так вот я ими и командовал, сторожил их* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)] – здесь человек объясняет, почему он раньше понимал немецкую речь.

В других случаях предложение с метатекстовым *понимаешь* не содержит объяснения, а является констатацией факта, но этот факт сам по себе сложный, требующий размышлений, приводящих к его пониманию: *Но… они другие, понимаешь, — не в том банальном смысле, что смена поколений, а во всем другие: иная эпоха, новая тачскрин-цивилизация* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

Наконец, есть группа случаев, когда метатекстовая конструкция *понимаешь* / *понимаете*, на первый взгляд, просто призвана акцентировать какой-либо факт, подчеркнуть его важность, выделенность, ср.: *Крышу прошлые хозяева по всем документам починили, а по факту не починили: деньги на ремонт потрачены, понимаете, а дырки в крыше остались* [«Огонек», 2013]. В данном случае речь идет об очевидном, наблюдаемом факте (дырки в крыше), однако замена *понимаете* на *знаете* и здесь неуместна, нежелательна и меняет смысл, поскольку приводится не просто факт, к которому говорящий хочет привлечь внимание, а такой факт, который имеет причину, может быть объяснен, и адресат должен сам сделать выводы из имеющегося в тексте материала или на основе жизненного опыта. Ср. также: *Ты понимаешь, для начала он снял линолеум, меня не спросив… Пока косметолог рассказывала о ремонте дома, который устроил муж, я подремала. — Ну и, понимаешь, он раздолбал всю квартиру, пока я была на море* [«Русский репортер», 2013] – состояние квартиры связано с ремонтом.

Таким образом, *понимаешь* вводит информацию, которую адресат должен не просто узнать (принять к сведению), а использовать для объяснения, осмысления, понимания чего-л. В этом смысле выбор именно *понимаешь*, а не *знаешь*, семантически мотивирован.

При этом парадокс состоит в том, что *знаешь* и *понимаешь* вставляются в предложение, содержащее новую информацию, которую адресат еще не знает, – а будет знать (и сможет использовать для объяснения) только после момента речи, т.к. получит ее из данного предложения.

Заключение

ISBN 978-84-949838-0-1

Итак, рассмотренный материал показывает, что несмотря на известную редуцированность вводных ментальных глаголов (по сравнению с текстовыми употреблениями) как в синтаксическом, так и в семантическом аспектах, они все-таки сохраняют семантическое противопоставление мнение vs. знание.

Пропозиция, которая ассоциирована с метатекстовыми *думаешь*, *считаешь*, *полагаешь*, не является мнением адресата (как в контексте глаголов 1-го лица) и вообще не является мнением, поскольку имеет статус вопроса, – но предложение с этими вводными глаголами является вопросом именно о мнении. Эти глаголы выполняют важную функцию, т.к. без них это будет вопрос о знании: путативные глаголы «блокируют» исходное предположение вопроса ‘адресат имеет информацию P’. Таким образом, глаголы мнения 2-го лица (*думаешь*, *считаешь*) не могут быть устранены в метатекстовом режиме (так же, как и соответствующие матричные глаголы в текстовом режиме).

Пропозиция, которая ассоциирована с глаголами *знаешь*, *понимаешь*, не вводит знание адресата, но она все-таки связана со знанием – знанием говорящего, – а в некоторых случаях говорящий апеллирует и к знанию адресата.

При этом метатекстовые элементы *знаешь* и *понимаешь* являются в каком-то смысле избыточными, т.к. вставляются в достоверные сообщения, поэтому *знаешь* и *понимаешь* могут быть заменены на какие-либо другие единицы, ср.: — *Что с Аликом?* — *Ой, ты знаешь, Алик тоже здесь!* → — *Ой, ты представляешь, Алик тоже здесь!*, а могут быть устранены из высказывания без нарушения его достоверности (повествовательное предложение без специальных модальных показателей типа *вряд ли*, *кажется*, *думаю* и под. по умолчанию передает достоверную информацию).

Глаголы *знаешь* и *понимаешь*, действительно, выполняют функцию привлечения внимания собеседника (как это отмечается в синтаксической литературе) – но не в том же смысле, как, например, *слушай*; *знаешь* и *понимаешь* маркируют информацию как важную, которую говорящий подчеркивает и на которую поэтому слушающий должен обратить внимание.

Итак, анализ глаголов знания и мнения 2-го лица показывает, что в метатекстовых конструкциях они ведут себя парадоксально: они практически никогда не вводят пропозицию (мнение или знание) 2-го лица (адресата), как это ожидалось бы – ведь ментальные глаголы 1-го лица в метатекстовых (как, впрочем, и в текстовых) конструкциях вводят пропозицию 1-го лица (говорящего). Такое парадоксальное поведение форм 2-го лица объясняется, в первую очередь, тем, что они ориентированы на диалог, т.е. отвечают за взаимодействие с адресатом и воздействие на него, – в отличие от форм 1-го и 3-го лица, ориентированных на нарратив.

ISBN 978-84-949838-0-1

Вообще, поведение рассмотренных глаголов 2-го лица в метатексте – одно из многочисленных свидетельств того, что языковые формы, связанные с адресатом, имеют в языке особый статус и особые функции, которые и объясняют их языковую эволюцию (например, превращение в «иллокутивы», см., в частности, (Кустова 2012)).

Список литературы

Апресян Ю.Д. (1995а): Прагматическая информация для толкового словаря // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 135–155.

Апресян Ю.Д. (1995б): Проблема фактивности: знать и его синонимы // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 405–433.

Апресян Ю.Д. (1995в): Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. Москва: ЯРК, 389–404.

Апресян Ю.Д. (1995г): Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 629–650.

Виноградов В. В. (1947): Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва.

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. (2007): Смысл и сочетаемость в словаре. Москва: ЯСК.

Кустова Г.И. (2012): Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. Москва: ЯСК, 349–366.

Ляпон М. В. (1986): Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. Москва: Наука.

Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. (2009): Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. Москва: Изд. СГУ.

Падучева Е.В. (1985): Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука.

Пешковский А. М. (2001): Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. Москва: ЯСК.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник (2006): Под ред. В.В. Лопатина. Москва.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. (1994): Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Москва.

Русская грамматика (1980): в 2-х тт. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука.

ISBN 978-84-949838-0-1

Скобликова Е.С. (2006): Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Москва: Флинта: Наука.

References

Karttunen L. (1973): La logique des constructions anglaises à complément predicative, Languages, 30, 56–80.

Urmson J. O. (1963): Parenthetical verbs // Ch. E. Caton (ed.) Philosophy and ordinary language. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 220–240.

Wierzbicka A. (1971): Metatekst w tekscie // Wierzbicka A. O spójnośći tekstu. Wrocław-Warszawa, 105–121.

ISBN 978-84-949838-0-1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Лежнева Ольга Владимировна
Российский экономический университет им Г.В. Плеханова. Смоленский филиал, Россия
okleshneva@yandex.ru

PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE FICTION TEXT IN A MENTAL MAP FORM FOR THE LINGUISTIC WORLD MAP

Lezhneva Olga
PLEKHANOV Russian University of Economics, Smolensk Branch, Russia

АННОТАЦИЯ

Текст художественного произведения представляет собой определенный "слепок" языковой картины мира на конкретном временном отрезке. Путем комплексного исследования фразеологических единиц из текста художественного произведения разработаны ментальные карты фразеологической картины текста для более наглядного представления общеязыковой картины современного литературного языка, а также национальной и культурной картины мира США в конце XX века.

ABSTRACT

Any fiction brings the impression of the linguistic world map during the certain period of time. With the help of complex study of phraseological units, taken from the text of the fiction, mental maps are made. They can serve for complex visual impression of the linguistic world map of modern language in the USA at the end of XX century, and give an image of national and cultural aspects of the country.

Ключевые слова: фразеологические единицы, языковая картина мира, визуальное представление

Keywords: phraseological units, linguistic world map, complex visual impression

Язык служит средством выражения наших мыслей и чувств, следовательно, выполняет функцию выражения деятельности мысли. Но язык по отношению к словесному мышлению выполняет еще одну, чрезвычайно важную функцию: он непрерывно участвует в самом формировании мысли. Язык не только средство выражения мысли, но и орудие формирования ее. С точки зрения функции языка: язык есть средство объединения людей и как таковое, средство формирования, выражения и сообщения мысли (Левченко 2001: 136). Любой национальный язык (то есть язык всей нации) представляет собой совокупность разнообразных явлений, таких как литературный язык, просторечие, территориальные и

ISBN 978-84-949838-0-1

социальные диалекты, жаргоны. Лексика общества воплощает в себе уровень культурного развития данного народа, способы восприятия мира. Лексика тесно связана с культурой общества и оказывает влияние на мировоззрение людей (Вербицкая 2007: 7). Язык не только связан с культурой, он растет из нее и выражает ее – данный постулат подтверждают в своих лингвистических исследованиях, как русские, так и зарубежные ученые (Вейсгербер Л., Леви-Строс К., Бартминьский Е., Вернадский В.И., Брюкнер А., Иванов В.В., Топоров В.Н., Толстой Н.И. (Маслова 2001: 65). Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому, что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры (Маслова 2001: 27). Роль языка состоит не только в передаче сообщения, но, в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии Леонтьева А.Н. (Леонтьев 1961: 256), то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике (Маслова 2001: 27). Национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, то есть, оставаясь в круге, описанным вокруг нас языком (Гумбольдт 1989: 310). Поэтому разные нации, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур (Вейсгербер 1993: 32).

Произведение Энн Тайлер – это мир идей, мыслей автора, который воплощен в слове. Поэтому изучение содержания во взаимосвязи с формой выражения, изучение языка и стиля писателя способствует более глубокому пониманию языковой культуры в целом. Текст произведения является непосредственно образцом общеязыковой картины, современного литературного языка, что представляет собой ценный материал для всестороннего изучения языка как «диалектического синтеза с широкой основой народно-разговорного языка» (Алексеенко 1989: 37). При прочтении текста произведения процесс понимания, следования авторским мыслям сопровождается чувственными восприятиями – зрительными, слуховыми, осязательными, активизацией воображения. Это объясняется образностью речи, разнообразием эмоций, для выражения которых автор активно употребляет ФЕ. Согласно результатам исследования, Энн Тайлер широко использовала ФЕ в качестве испытанного средства эффективного воздействия на читателя, для создания образности, эмоциональности, наглядности и убедительности. Методом сплошной выборки из русскоязычного текста

ISBN 978-84-949838-0-1

художественного произведения были обнаружены 726 ФЕ на 220 страницах романа. Текст произведения органически сочетает в себе системы репрезентированных в нем функциональных стилей языка и индивидуальную систему авторского стиля, то есть типологическое и индивидуальное. В процессе исследования установлен и описан фразеологический состав текста художественного произведения. Произведена попытка лексико-грамматической и семантико-стилистической классификации ФЕ из произведения: описаны их грамматические особенности, характеризованы их функции в тексте. Материал исследования обладает обширным иллюстративным материалом и большим идиоматическим потенциалом. Выводы проведенного исследования, подтвержденные статистическими подсчетами, позволяют утверждать, что игра стиля оригинала практически полностью сохранена в переводе. Богатый фразеологический материал произведения рассматривается в качестве объекта фразеологии. Фразеология – одна из важнейших составных частей образно-эмотивной системы языка Энн Тайлер.

Вторичная номинация ФЕ в переводе романа воспринимается в процессе анализа текста как факт, как материал, требующий научного осмысления, но не как отдельный аспект научного исследования, не как проблема переводческого характера. На наш взгляд, только полный анализ ФЕ из текста оригинала и его перевода может дать полную картину фразеологической системы романа Энн Тайлер «Обед в ресторане «Тоска по Дому». Статистический анализ показал, что межстилевые фразеологические единицы составляют треть фразеологического запаса языка Энн Тайлер, что в общих чертах отражает общеязыковую картину. Выявленный пласт книжной фразеологии в тексте богат и тематически разнообразен, в контексте художественного произведения они обладают яркой окраской, что придает речи живость и образность. В материале исследования наблюдаются книжные ФЕ метафорического характера с возвышенной экспрессивно-стилистической окраской, каждая ФЕ обладает яркими выразительными оттенками, которые автор реализует в конкретной речевой ситуации и употребляет в качестве оценочных и характеристических средств для усиления действенности на читателя, передачи ярких образов в контексте произведения. В тексте так же выявлено минимальное количество терминологических книжных ФЕ, в составе которых наблюдаются терминологические и профессиональные компоненты-лексемы ставшие общеупотребительными. Данные ФЕ употребляются автором в своем непосредственном значении, их употребление оправдано контекстом произведения. Автор использует их для индивидуализации речи персонажей, в некоторых случаях подчеркивает яркие образные сравнения при повествовании. Компонентный анализ ФЕ показал отсутствие жаргонизмов и арготизмов в их составе. Народно-разговорные

ISBN 978-84-949838-0-1

фразеологические единицы в тексте произведения представляют собой образные, экспрессивные ФЕ, которые обладают немного сниженным, а иногда и фамильярным оттенком. Автор использует их для выражения конкретного отношения персонажей произведения к определенным событиям или предметам. В народно-просторечных фразеологические единицах из текста преобладают компоненты-лексемы со сниженной стилистической окраской, присутствуют вульгаризмы, которые носят яркую экспрессию отрицания и в некоторых случаях выражают эмоции крайнего негодования. Компонентный анализ просторечных фразеологических единиц показал отсутствие компонентов-лексем жаргонного и арготического характера. В речи Энн Тайлер просторечные ФЕ функционируют редко и выполняют номинативную, эмоционально-экспресивную и конативную функции при обращении персонажей друг к другу.

Образность идиостиля Энн Тайлер глубоко органична – вся образная система произведения базируется на применении фразеологических единиц, в компонентном составе которых преобладает нейтральная лексика и глагольные компоненты-лексемы, вследствие чего автор ярко и динамично ведет повествование и воздействует на читателя. Каждый конкретный случай применения ФЕ в тексте произведения при повествовании, как в индивидуальной речи персонажей, так и в собственно речи автора, обусловлен принципом функциональной целесообразности употребления единиц языка. Посредством образных представлений Энн Тайлер домысливает или преувеличивает признаки изображаемых денотаций, ассоциативно соединяет предметы и явления действительности на основании близости или общности впечатлений от них. В результате образ точно и эмотивно передает авторскую мысль, авторское отношение к изображаемому, следовательно, образность изложения – важнейшее средство эмотивного в языке автора.

Результаты исследования позволили составить двуязычный фразеологический тезаурус ФЕ Энн Тайлер. Который, в свою очередь, послужил источником для разработки нескольких ментальных карт с разными аспектами освещения материала, что позволяет получить более наглядное представление общеязыковой картины мира Соединенных Штатов Америки в конце XX века и комплексно осветить национальные и культурные аспекты жизни среднестатических граждан страны.

Метод ментальных карт представляет собой особую технику визуализации мышления, построенную на создании эффективных альтернативных записей. Существуют и другие названия данного метода: «карты ума», «интеллект-карты», «карты разума», «карты памяти». Данная методика базируется на принципе «радиантного мышления», которое связано с ассоциативными мыслительными процессами. Отправная точка - это центральный объект

ISBN 978-84-949838-0-1

(мысль, идея, задача). Радиант - это точка небесной сферы, от которой как будто отходят видимые пути тел, движущихся с одинаково направленными скоростями. Отсюда можно сделать вывод, что «радиантное мышление» отражает бесконечное множество всех возможных ассоциаций, а ментальные карты позволяют зафиксировать их на различных носителях (интернет ресурс: 2018). Ментальные карты в данной статье представлены в двух экземплярах и представляют собой диаграммы в виде древовидной схемы. Первая карта отображает общую классификацию ФЕ в семантико-стилистическом и лексико-грамматическом аспектах. Вторая карта отображает лексико-грамматическую классификацию ФЕ, что позволяет увидеть разнообразие ФЕ из текста произведения в полном объеме и сразу получить комплексное представление. Центральная ветвь первой и второй карты представляет собой основную идею, затем ветви делятся на более мелкие, и отображают полный состав ФЕ из текста произведения с примерами и статистическими данными. Предоставить карты в данной статье не представляется технически возможным, поэтому приводим примеры из презентации доклада:

Разговорные ФЕ дают представление *о бытовой картине мира*:

• Все расплывалось перед глазами и Перл пошла к врачу выписать очки. Тот сказал, все дело в сосудах. Но врач не сомневался, ***дело поправимое***.

• Прокатиться на «колесе»! Сейчас, в 1944 году, велосипеды ***встречались на каждом шагу***, но совсем другие, совсем не похожие на тот, первый. • В 1931 году болезнь эта считалась очень опасной. Перл совсем ***потеряла голову***.

• Наступило лето, дети целыми днями пропадали на улице, ***бог знает***, что они могли там натворить.

Об эмоциональном отношении к жизни главных персонажей произведения:

• Большинство его одноклассников родились и выросли здесь, в Балтиморе, между ними завязалась дружба, о которой он, Коди ***и мечтать не мог***.

• На другой день к вечеру Дженни приехала в Балтимор. Она ***сожгла за собой все мосты***: уволилась с работы, отдала золотых рыбок и забрала вещи.

• Перл понимала, некоторые считают, будто ***он ей не пара***

Об отношениях между героями произведения:

• - ***Что же*** это ***творится на белом свете***? Выходит, я недостаточно хороша для своей родной дочери?

• Как же она будет с ней разговаривать? Но для Эзры Дженни была ***готова на все***. Она кивнула в знак согласия.

ISBN 978-84-949838-0-1

• Перл догадывалась, что здесь, в Балтиморе ее считали нелюдимкой, этакой ведьмой с Кэлверт-Стрит. ***Подумать только***!

Об общем уровне жизни среднего класса населения:

• - А люди кругом смотрят и думают: «Бедная миссис Тулл, ей не по карману купить дочери даже дешевое платье с искусственными цветами. Целый день работает в лавке ***как каторжная***, а по ночам ломает себе голову: на чем бы сэкономить?»

• Что касается Коди, то этот ее брат явно ***пошел в гору***.

• На автовокзале Дженни не стала дожидаться городского автобуса, взяла такси и ***с шиком*** добралась до дому.

О семейных ценностях того времени:

• - Я ***всей душой*** хочу, чтобы Эзра женился. Видит бог.

• Он воображал, как вернется в пятницу домой с работы, а дети выбегут ему навстречу, и ***чувствовал себя на седьмом небе***.

• - Если бы у меня не ***хватила ума*** оставить девичью фамилию, - сказала Дженни, - мой медицинский диплом был бы похож на записную книжку с адресами людей, которые только и делают, что переезжают.

О повседневных традициях:

• - ***Подумать только***, - сказал Джо. – Я каждое воскресенье поднимаюсь ни свет ни заря, чтобы отвезти его в церковь, а он, видите ли, прогуливает!

• - ***И ты тоже хороша***! Выхожу в воскресенье из церкви, а ты стоишь с этой Мелани Миллер, одноклассницей из церковной школы.

• Коди пнул ногой столб. ***Все бы отдал***, лишь бы она походила на других матерей: сплетничала бы на кухне с подругами, они бы накручивали ей волосы на бигуди.

Об отношениях между родителями, детьми, внуками:

• - Не такая уж старая… Она просто показывает, что я ***ничего не стою***. Старая грымза.

• - Она любит этих детей так же, как и первую. Будто начала все сначала. Прямо ***в голове не укладывается***, как ничего не было. Смотрю – и не верится.

•- Не торопись сынок, - посоветовал отец, - все надо делать, ***как следует***.

На примере **межстилевых ФЕ** мы прослеживаем те же категории жизненных ценностей, которые были упомянуты выше, равно как и **культурную картину мира**:

• Бек послан ей господом ***в награду за*** посещение баптисткой молельни. ***К ужасу*** своей семьи она стала прихожанкой этого молитвенного дома.

• Ухаживая за Перл Бек не появлялся без шоколада и цветов, а чуть позже и без более серьезных, ***с его точки зрения***, подарков – проспектов с описанием товаров корпорации.

ISBN 978-84-949838-0-1

• Ничего не поделаешь, компания ***ни дня*** не может обойтись без него.

Примеры из карты №2: **Глагольные конструкции**

• Он послал ее к другому окулисту, тот – еще к кому-то.… В конце концов, они ***пришли к выводу***, что помочь ей ничем нельзя.

• Но и появление Эзры не ***стало*** ей ***уроком.***

• Ее окружало множество поклонников, правда, все почему-то ***теряли*** к ней ***интерес***

Адвербиальные ФЕ весьма пестры и разнообразны, и привносят в произведение неповторимую окраску эпохи того времени:

• Каждое утро Перл отправлялась на работу в лавку братьев Суини. Сидела за кассой не снимая шляпки – будто забежала на несколько минут, чтобы ***в виде одолжения*** немного помочь им.

• Когда мать позвала ужинать, он ***твердым шагом*** вошел в кухню, исполненный решимости отказаться есть вместе с отцом в его спальне.

• - И вот, наконец, мы отыскали именно то, что надо, - продолжала она, - такое приятное серое платье с кружевным воротничком ручной вязки. Как раз ***в*** ее ***стиле.***

Именные ФЕ

• Он искусно комментировал действия игроков, рассказывал матери, что происходит на поле, обсуждая с ней ***ход игры***.

• - Я думал, это вы прислали нам по почте заказ. Вот ваша подпись: Эзра Тулл. «Да, я намерен приобрести ***вечное прибежище*** для себя и своих близких. Надеюсь, ваш агент посетит меня».

• «Согласна» - и подписалась. Ответ ее был образцом ***деловой переписки.***

В заключение хотелось бы отметить, что ментальные карты как способ представления практических исследований по работе с художественным текстом значительно облегчают детализирование и организацию всех составляющих, что позволяет получить полное представление о семантико-стилистическом и лексико-грамматическом составе ФЕ из текста произведения, что, в свою очередь, позволяет сделать выводы о текущем положении общеязыковой картины США в конце XX века, равно как и национальном, культурном, бытовом уровне развития страны, а так же позволяет выделить направления для дальнейшего исследования.

Список литературы

Алексеенко М.А. (1989): Фразеология ленинской речи и способы ее перевода. Львов: Изд-во Львов. ун-та.

Вейсгербер Й. Л. (1993): Родной язык и формирование духа. Москва: Русский язык.

ISBN 978-84-949838-0-1

Вербицкая Л. А. (2007): Русский язык сегодня, Президиум МАПРЯЛ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 7.

Гумбольдт В. (1984): О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества, Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 310.

Левченко М.Н., Лахтюхова О.П. (2001): Теория языкознания. Москва: Народный Учитель, 136.

Леонтьев А. Н. (1961): Человек и культура. Москва: Наука, 256.

Маслова В. А. (2001): Лингвокультурология. Москва: Академия, 65.

Тайлер Э. (1986): Обед в ресторане Тоска по Дому. Москва: Радуга.

URL: http://fb.ru/article/138026/mentalnaya-karta-kak-sposob-vizualizatsii-myishleniya (дата обращения: 20.05.2018)

ISBN 978-84-949838-0-1

ИНТЕРНЕТ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

Ломакина Ольга Валентиновна
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов, Россия
rusoturisto07@mail.ru

INTERNET IN PHRASEOLOGY AND PHRASEOLOGY IN THE INTERNET

Olga Lomakina
St. Tikhon's Orthodox University, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье показано взаимовлияние Интернета и фразеологии русского языка, проанализированы случаи использования как новой, появившейся в сети мнимой фразеологии, так и особенности употребления фразеологических единиц и крылатых единиц в вербальном компоненте Интернет-мемов. Приведённые примеры доказали, что фразеология обладает богатым функциональным потенциалом.

ABSTRACT

The article shows the interaction of the Internet and the phraseology of the Russian, analyzed the cases of using both the new imaginary phraseology that appeared in the network and the use of phraseological units and winged units in the verbal component of Internet memes. The above examples have proved that phraseology has a rich functional potential.

Ключевые слова: Интернет-дискурс, Интернет-мем, фразеологические единицы, крылатые единицы, демотиватор

Keywords: Internet discourse, Internet memes, idioms,Catchwords (winged words), demotivator.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064

Введение

Язык современности немыслим без влияния новых информационных технологий, одним из ярких проявлений которых является всемирная сеть, получившая оригинальные названия в разных языках, в России – Рунет. Вовлечённость бо́льшей части россиян в Интернет позволяет говорить о его влиянии как на сознание пользователей, так и на язык в целом.

Поскольку фразеологические ресурсы языка содержат данные о национальной картине мира, менталитете народа, его ценностных установках, то становятся неотъемлемым элементом в ряде Интернет-жанров, прежде всего в Интернет-мемах и его формах –

ISBN 978-84-949838-0-1

демотиваторах, комиксах, плакатах, карикатурах. Приведём одно из компрессионных определений Интернет-мема: «семиотически сложное образование, содержащее вербальный и невербальный компоненты и функционирующее в Интернет-среде в качестве особого вида полимодального текста» (Канашина 2016: 4). Демотиваторы, в отличие от других форм мемов, трёхкомпонентны и содержат следующие элементы: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительная надпись, набранная мелким шрифтом. Таким образом, можно говорить о демотиваторе как многоярусном тексте, поэтому характеристика его вербального компонента представляется наиболее интересной (см., например, Ломакина 2018).

К настоящему моменту имеются отдельные исследования, содержащие изучение функций, структуры, стилистических особенностей, а также социально-политических посылов демотиваторов (см. работы Л.В. Бабиной, И.В. Бугаевой, Ю.Ю. Даниловой, Д.Р. Нуриевой, Ф.Г. Фаткуллиной и др.), однако отсутствует целостное описание фразеологической составляющей в демотиваторах, что позволяет говорить об актуальности настоящего исследования.

Цель данной статьи – показать взаимовлияние Интернета и фразеологии русского языка, проанализировав случаи использования как новой, появившейся в сети мнимой фразеологии, так и особенности употребления фразеологических единиц (ФЕ) и крылатых единиц (КЕ) в вербальном компоненте Интернет-мемов.

Методология исследования. Амбивалентностью массива анализируемого материала и сложностью его поиска, связанного с отсутствием индекса популярности фразеологизмов, которые могут быть использованы в создании Интернет-мемов, продиктован доминирующий методологический принцип – приём сплошной выборки из сетевых источников (http://www.demotivatory.ru, http://www.yandex.ru – в Рунете). Кроме того, использовались элементы дискурсивного, семного анализа, лингвопрагматического анализа. Верификация материала проходила по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2009).

Практическая значимость полученных выводов имеет лексикографическую перспективу: Интернет-мемы демонстрируют функциональный потенциал фразеологии (Ломакина 2017: 248) и могут стать иллюстративным материалом в составе словарной статьи паремиографического, крылатографического и собственно фразеографического словаря.

Основная часть

ISBN 978-84-949838-0-1

Первое направление исследования – это определение роли Интернета на фразеологический состав языка. Польская исследовательница Я. Тарса в статье «Русская и польская сетевая фразеология» использует понятие *сетевого фразеологизма*, под которым понимает устойчивое сочетание, источником которого является Интернет или которое прошло процесс фразеологизации во всемирной сети (Тарса 2018: 304-305). Процесс появления новых фразеологизмов может иметь различные временные рамки, характеризоваться с точки зрения актуального употребления (активное / пассивное употребление, нахождение в ядре или на периферии фразеологического состава). Наиболее распространёнными доказательствами фразеологизации Интернет-мемов и свободных сочетаний благодаря сети становятся следующие: частотность; раскрытие функционального потенциала путём варьирования плана содержания и / или плана выражения, употребления в других жанровых или стилистических разновидностях.

Я. Тарса к первой группе исследователь относит фразеологизм *Билл умный. Будь как Билл*, в Рунете – *Петя умный. Будь как Петя*, что позволило лингвисту сделать вывод об интернациональном характере единицы (Тарса 2018: 305). На наш взгляд, уместнее говорить о фразеосхеме *Это X. X делает что-то. X умный. Будь как X*. Подобные единицы обладают устойчивостью, раздельнооформленностью, коннотативно окрашены, однако семантически опустошены, что даёт основания назвать данное языковой явление примером **мнимой фразеологии**. Вместе с тем нельзя не отметить, что рамку Интернет-текстов (рис. 1-2) может организовывать ФЕ:

Рис. 1, 2.

В первом примере используется ФЕ *держать язык за зубами*, во втором – *прорубить окно в Европу*, что характеризует Петю положительно. Кроме того, изображение Петра I имеет социокультурную нагруженность.

ISBN 978-84-949838-0-1

Благодаря скорости Интернет-образы получают широкое распространение, а порой кажется, что Интернет-мемы проходят процесс фразеологизации в языке. Флешмоб *Меня интересуют только мыши*, проходивший в пространстве сети, имел многочисленные примеры, однако в настоящее время единица полностью ушла из языка и не может быть отнесена к фразеологическому фонду языка. Демотиватор, приведённый ниже, доказывает это: визуальный и вербальный элементы взаимно дополняют друг друга, не рождая иных ассоциаций.

Рис. 3

Более продуктивным, на наш взгляд, является изучение функционального (в т.ч. трансформационного) потенциала фразеологии в Интернет-текстах: «обстоятельное филологическое комментирование <…> разнородного интернетовского “массового творчества” позволило бы вскрыть социолингвистическую его мотивацию, продемонстрировать разнообразие типов трансформаций» (Мелерович 2011: 256]. Авторы демотиваторов активно используют тематическое многообразие русской фразеологии. В ряде случаев при помощи вербального и визуального компонентов постулируется следующая тематика: загадочность русской души, особенность русского национального характера, дураки и дороги как две беды российской жизни. Превалируют отрицательные образы, что, на наш взгляд, связано с желанием сформировать определённый имидж России. Выбор соответствующих фразеологических средств объясняется ещё и тем фактом, что фразеология, как известно, в большей степени содержит отрицательные оценки.

КЕ *В России две беды – дураки и дороги* (Н.В. Гоголь) является одним из самых частотных элементов демотиваторов (рис. 4-6).

Рис. 4, 5

ISBN 978-84-949838-0-1

Рис. 6

Во всех примерах КЕ представлена в трансформированном виде: происходит усечение компонентного состава КЕ за счёт сокращения и выделения ключевых компонентов. В первом случае вербальный компонент *Две беды – дураки и дороги* дополнен комментарием, сформулированном в вопросительном предложении *Америка выбрала хорошие дороги, что же выбрать России?* Таким образом, автор апеллирует к авторитету США как идеальной стране, при этом визуальный компонент подкрепляет вербальный. В основе вербального компонента рис. 5 – пример комплексного преобразования КЕ (*Две беды России встретились и дураки*). Третий пример представляет собой контаминацию ФЕ *два в одном* и варианта рассматриваемой КЕ – вычленение компонентов КЕ *дураки и дороги.*

Следующая группа примеров также отражает негативное отношение автора к российской действительности. КЕ *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству* из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» и КЕ *Умом Россию не понять* – первая

ISBN 978-84-949838-0-1

строка одноимённого стихотворения Ф.И. Тютчева – иллюстрируют состояние российских дорог (рис. 7-8).

Рис. 7, 8

В следующих демотиваторах (рис. 9-10) актуализируется значение армии для страны. В первом случае инверсированный вариант КЕ *Было гладко на бумаге, – // Да забыли про овраги* (Л.Н. Толстой) используется в качестве комментария для того, чтобы показать отличие реального положения дел от идеального. Второй пример содержит инвариант КЕ *Хочешь мира готовься к войне* (Корнелий Непот), используемый автором в качестве слогана.

Рис. 9,10

Снисходительное отношение к молодому поколению отражается в следующих демотиваторах (рис. 11, 12) В первом примере в качестве вербального компонента используется вариант пушкинизма *Здравствуй, племя, младое, незнакомое*. Автор прибегает к замене прилагательного *младой* на *молодой*, что направлено, вероятно, на упрощение инварианта КЕ с целью облегчения восприятия демотиватора в целом, а значит, с прагматической целью. Во втором примере в основе вербальной составляющей инвариант КЕ *Не хочу учиться, хочу жениться* – слова Митрофанушки из комедии Д. И. Фонвизина

ISBN 978-84-949838-0-1

«Недоросль». КЕ *Не хочу жениться! Хочу учиться!* представляет собой комплексный вариант: инверсия и синтаксическое преобразование сложносочинённого предложения в два простых. Благодаря визуальному компоненту, усиливается свойственная инварианту ирония по отношению к молодому поколению, полному инфантилизма.

Рис. 11, 12

Заключение

Следствием Интернет-эпохи стал полимодальный текст, являющийся предметом изучения Интернет-дискурса. Нельзя отрицать наличие новых ФЕ, появившихся в сети или благодаря сети, однако ряд из них относятся к т.н. мнимой фразеологии: при частоте употребления, реализации трансформационного потенциала языковые единицы лишь условно можно отнести к фразеологии. Фразеологические ресурсы языка, будучи ярким и экспрессивным языковым средством, актуализируются в Интернет-пространстве, раскрывая свои потенциальные возможности. Превалирование крылатики над идиоматикой объясняется грамматическими и семантическими особенностями КЕ. Анализ проанализированных примеров иллюстрирует мнение С.Г. Шулежковой о наличии корреляции «между установившимися в языковом коллективе нравственными и эстетическими ценностями <…> и составом фонда КЕ национального языка и характером их функционирования в речевой практике» (Шулежкова 2002: 264).

Список литературы

Канашина С.В. (2016): Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в Интернет-коммуникации. Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. филол. Наук по спец. 10. 02. 04 – германские языки. Москва

ISBN 978-84-949838-0-1

Ломакина О. В. (2018): Крылатика в Интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 254-260.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. (2017): Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы, Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. Москва, 247-254.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. (2011): Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.

Тарса Я. (2018): Русская и польская сетевая фразеология, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 304-308.

ISBN 978-84-949838-0-1

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С КОНТРОЛЕМ

Лютикова Екатерина Анатольевна
МГУ им. М. В. Ломоносова / Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина / МПГУ, Россия
lyutikova2008@gmail.com

Татевосов Сергей Георгиевич
МГУ им. М. В. Ломоносова / МПГУ, Россия
tatevosov@gmail.com

EMBEDDED SCOPE IN RUSSIAN CONTROL CONSTRUCTIONS

Ekaterina Lyutikova
MSU / Pushkin State Russian Language Institute / MPSU, Russia

Sergei Tatevosov
MSU / MPSU, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются проблемные диагностики подъема / контроля в инфинитивных конструкциях с глаголами речи, среди которых — узкая сфера действия адресата, выраженного отрицательным или неопределенным местоимением, по отношению к инфинитивному обороту. Во-первых, мы представляем новые данные о русских инфинитивных конструкциях, свидетельствующие о том, что лицензирование отрицательных местоимений и других элементов с узкой сферой действия представляют собой два разных феномена. Во-вторых, мы предлагаем анализ обоих феноменов. Мы рассматриваем отрицательные местоимения в этих конфигурациях как отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO. Другие элементы с вложенной сферой действия лицензируются только в директивной конструкции, включающей в себя синтаксическую репрезентацию речевого акта и его участников.

ABSTRACT

The paper discusses controversial diagnostics of raising / control in Russian infinitival constructions with speech act matrix verbs that involve embedded scope of the Addressee argument expressed by negative and indefinite pronouns. Our contribution to the topic is twofold. First, we present new data from Russian infinitival constructions suggesting that *ni*-licensing and other embedded scope phenomena have to be treated apart. Secondly, we propose analyses for both of them. We argue that *ni*-pronouns are negative floating quantifiers construed with PRO. Other elements with embedded scope are licensed in the directive consturction that involves syntactically represented speech act coordinates comprising Author and Addressee.

Ключевые слова: контроль; подъем; сфера действия; отрицательные кванторы; речевой акт; директивная конструкция; русский язык.

Keywords: control; raising; scope; negative quantifiers; speech act; directive construction; Russian.

ISBN 978-84-949838-0-1

* Работа над статьей велась в рамках проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика» в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

1. Контроль и подъем в русских инфинитивных конструкциях

Актантные инфинитивные конструкции во многих языках, в том числе и в русском, характеризуются определенными ограничениями на выражение и референцию подлежащего: инфинитивный оборот часто не может иметь выраженного подлежащего, а подразумеваемое подлежащее референциально не свободно, но определенным образом соотносится с именной группой в главной клаузе. Так, в примерах (1a-b) подлежащее инфинитивного оборота соотнесено с подлежащим главной клаузы, а в (2a-b) — с дополнением главной клаузы.

(1) a. Я хотел уехать.

b. Я мог уехать.

(2) a. Доктор заставил его нырнуть… [НКРЯ]

b. Отец строго велел ему делать уроки. [НКРЯ]

Тип референциальной соотнесенности в актантных инфинитивах в общем случае задается синтаксическими характеристиками предиката главной клаузы (матричного предиката). От матричного предиката зависит также, какую синтаксическую имплементацию получает «отсутствующее» подлежащее инфинитивного оборота и его соотнесенность с аргументом в главной клаузе. Традиционно выделяется два семантико-синтаксических класса матричных предикатов (Rosenbaum 1965, Bresnan 1972, Chomsky 1973, Postal 1974, Chomsky 1981, Lasnik and Saito 1991): предикаты контроля, при которых реализуется конструкция с контролем выраженного нулевым местоимением PRO подлежащего инфинитивного оборота со стороны аргумента матричного предиката, ср. (3a), и предикаты подъема, при которых подлежащее инфинитивного оборота подвергается подъему в главную клаузу, оставляя после себя след (3b). При предикатах подъема возможны также конструкции, в которых подлежащее инфинитивного оборота остается *in situ*, однако управляется из главной клаузы — так называемые ECM-конструкции, или конструкции с исключительным падежным маркированием (3c).

(3) a. Bill persuaded **John**$_i$ [PRO$_i$ to leave].

b. Bill expected **John**$_i$ [t_i to leave].

c. Bill expected [**John** to leave].

Существует целый ряд диагностик, позволяющих определить, строится ли конкретная синтаксическая конфигурация на основе контроля или подъема / ECM. Наиболее универсальные из них приведены в Таблице 1.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 1. Диагностики контроля и подъема

	Контроль	Подъем / ECM
Селективные ограничения на соотнесенный аргумент главной клаузы	матричный и вложенный предикат	вложенный предикат
Подлежащно-глагольные идиомы	не допустимы	допустимы
Пассивизация в зависимой клаузе	влияет на условия истинности	не влияет на условия истинности
Сфера действия соотнесенного аргумента	главная клауза	главная и зависимая клауза

Далее в этой работе мы обратимся к проблеме синтаксической интерпретации русских актантных инфинитивных оборотов, соотносимых с дополнением матричного предиката, таких как в примерах (2a-b). Во многих предшествующих работах (см., например, Козинский 1985; Babby 1998; Lasnik 1998; Stepanov 2007; Летучий 2018) указывается, что эти конфигурации имеют свойства конструкций объектного контроля, то есть имеют синтаксическую структуру (3a). В пользу такого решения говорят различные диагностики. Во-первых, матричный предикат накладывает селективные ограничения на дополнение главной клаузы, ср. *Он вынудил друга* / **письмо прийти вовремя*. Во-вторых, немногие имеющиеся в русском языке подлежащно-глагольные идиомы (напр., *жаба душит, крыша едет, головы полетят*) не могут быть использованы в таких конфигурациях в своем непрямом (идиоматическом) значении (*Я запрещаю жабе тебя душить* ≠ ‘Я запрещаю тебе жадничать’). Примеры из (Бурукина 2017) с матричными предикатами *помогать* и *мешать* (*Я не помешал чёрной кошке пробежать между ними*) также кажутся нам неидиоматичными. В-третьих, пассивизация в зависимой клаузе оказывает влияние на условия истинности предложения (*Я попросил психиатра обследовать пациента ≠ Я попросил пациента быть обследованным психиатром*). В-четвертых, при замене инфинитивного оборота проформой *это* дополнение главной клаузы сохраняется, а значит, не входит в инфинитивный оборот (Летучий 2018): *Врач запретил ему* [*нырять без очков*] ~ *Врач запретил ему* [*это*].

Единственная диагностика, которая ведет себя противоположным образом и свидетельствует не в пользу объектного контроля, а в пользу подъема, — это сфера действия дополнения матричного предиката. Эти данные мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

ISBN 978-84-949838-0-1

2. Сфера действия именной группы — адресата в инфинитивных конструкциях с контролем

В работах С. Минора (2008, 2011, 2013) отмечается, что ряд русских матричных предикатов, таких как *велеть, приказать, посоветовать* и др., допускают интерпретацию дативного дополнения (адресата) в составе инфинитивной клаузы. Вложенная сфера действия адресата демонстрируется С. Минором для следующих типов именных групп: квантифицированные именные группы (4), *нибудь*-местоимения (5) и отрицательные местоимения (6).

(4) Учитель велел **двум мальчикам** сбегать за помощью (2 > велел, велел > 2)

(5) Врач посоветовал **кому-нибудь** сходить за лекарствами (*∃ > посоветовал, посоветовал > ∃)

(6) Петя приказал **никому** сюда не заходить (**ни* > приказал, приказал > *ни*)

Легко видеть, что в примерах (4)-(6) требуется, чтобы именная группа — адресат матричного предиката в начале деривации находился в зависимой клаузе. Действительно, предложение (4) неоднозначно, и при второй интерпретации — *учитель велел, чтобы (какие-то, любые) два мальчика сбегали за помощью* — именная группа *два мальчика* должна оказаться внутри сферы действия модального оператора, связанного с инфинитивным оборотом. *Нибудь*-местоимение, представленное в (5), лицензируется только в антиверидикативном контексте (ср. * *Врач посоветовал кому-нибудь отдых*) и, следовательно, грамматичность (5) свидетельствует об исходной позиции адресата в составе зависимой клаузы. Наконец, *ни*-местоимения возможны только в клаузах с сентенциальным отрицанием (ср. **Петя приказал никому зайти*), а значит, в примере (6) местоимение *никому* лицензируется в инфинитивном обороте, содержащем отрицательную частицу *не*.

С. Минор предлагает анализировать рассматриваемые примеры как «смешанные конструкции», где именная группа с вложенной сферой действия возникает и остается в зависимой клаузе, однако управляется предикатом главной клаузы и получает от него падеж и семантическую роль. Таким образом, одна именная группа реализует семантические роли как вложенного, так и матричного предиката, чем и объясняются свойства, характерные для контроля.

Такой анализ обладает определенными недостатками. Во-первых, он требует нестандартного допущения, что тематические отношения могут устанавливаться в нелокальной конфигурации. Во-вторых, как и при любых вариантах анализа контроля через подъем (Hornstein 1999), возникают сложности с интерпретацией частичного и разделенного контроля. Наконец, важнейшая, на наш взгляд, проблема состоит в том, что предлагаемый

ISBN 978-84-949838-0-1

анализ не способен ограничить «смешанные конструкции» контекстом матричных предикатов речи.

3. Новые наблюдения

Решение проблемы мы видим в тщательном анализе феномена вложенной сферы действия аргумента матричного предиката и исчисления синтаксических конфигураций, в которых он наблюдается. Важнейшее новое наблюдение состоит в том, что лицензирование отрицательных местоимений и лицензирование прочих феноменов, требующих сферы действия во вложенной клаузе, таких как интенсиональная интерпретация квантифицированных именных групп и дизъюнкции и лицензирование *нибудь*-местоимений, происходит в разных синтаксических контекстах. Отрицательные местоимения возможны не только при матричных предикатах речи (7), но и в других конфигурациях с контролем, например, при каузативных предикатах объектного контроля (8) и даже при импликативных предикатах субъектного контроля (9).

(7) Я **просил** никого (/*кого-нибудь) не выходить из помещения! [НКРЯ]

(8) Сладким угощением были блины и конфеты, а горячий чай **помог** никому (/*кому-нибудь) не замерзнуть.

[https://lianozovo.mos.ru/presscenter/news/detail/2594309.html]

(9) **Удалось** никому (/*кому-нибудь) не разболеться.
[nashforum.1bb.ru/viewtopic.php?id=1149&p=3]

С другой стороны, прочие единицы со сферой действия в зависимой клаузе — квантифицированные и дизъюнктивные именные группы и *нибудь*-местоимения — имеют общие условия лицензирования и допустимы в одних и тех же синтаксических контекстах.

(10) Нас двое братьев — я и Густав. <…> Когда отец понял, в какую сторону дует ветер, он приказал **одному из нас** (/^{OK}кому-нибудь из нас / ^{OK}мне или Густаву) стать наци. [НКРЯ]

(11) Я попрошу **синьора или синьор** (/^{OK}кого-нибудь) вынуть одну из вилок… [НКРЯ]

Легко видеть, что эти контексты ограничиваются инфинитивными конструкциями с предикатами объектного контроля (ср. неграмматичную замену в (9)). Далее, среди матричных предикатов объектного контроля выделяется две семантических группы: предикаты речи (*просить, велеть, приказать, рекомендовать*) и каузативные предикаты (*вынудить, заставить, помочь, помешать*). В (Karttunen 1971: 357) английские аналоги этих предикатов противопоставляются по признаку импликативности: каузативные предикаты являются импликативными, то есть имплицируют истинность (или ложность) ситуации, описываемой зависимой клаузой (ср. *Отец вынудил меня уехать → Я уехал*), в то время как предикаты речи

ISBN 978-84-949838-0-1

относятся к не-импликативным (из *Отец велел мне уехать* не следует с необходимостью ни *Я уехал*, ни *Я не уехал*). Именно предикаты речи оказываются совместимы с аргументами, имеющими сферу действия в зависимой клаузе; каузативные предикаты не допускают таких аргументов, ср. неграмматичность замены в (8).

Можно сделать и еще более тонкое наблюдение. Среди глаголов речи выделяется семантический класс глаголов, демонстрирующих конативную видовую альтернацию: в форме несовершенного вида они описывают речевое действие, являющееся попыткой каузации, а в форме совершенного вида — успешную каузацию. Это видовые пары *уговаривать ~ уговорить*, *упрашивать ~ упросить*, *умолять ~ умолить*, *соблазнять ~ соблазнить* и т.п. (интересно, что такая корреляция вида и импликативности в данном классе глаголов отмечается и для финского языка (Lauranto 2017)). Соответственно, при этих матричных предикатах адресат со сферой действия во вложенной клаузе возможен только в несовершенном виде, ср. (12).

(12) a. Рыжая тенью металась у стен, горьким плачем **умоляя** кого-нибудь помочь ее Мальчику. [НКРЯ]

b. * Она **умолила** кого-нибудь помочь ее Мальчику.

Таким образом, итоговая дистрибуция феноменов вложенной сферы действия аргумента матричного предиката по семантико-синтаксическим контекстам выглядит в соответствии с Таблицей 2.

Таблица 2. Дистрибуция феноменов вложенной сферы действия

	Предикаты объектного контроля			
	Каузативные	Альтернирующие		Речи
		СВ	НСВ	
отрицательные местоимеия	+	+	+	+
Прочие феномены:	—	—	+	+
— нибудь-местоимения	—	—	+	+
— квантиф. группы	—	—	+	+
— дизъюнкция	—	—	+	+
Пример	*вынудить / вынуждать*	*уговорить*	*уговаривать*	*советовать / посоветовать*

Учитывая выявленные нами содержательные обобщения о дистрибуции феноменов вложенной сферы действия, мы можем сформулировать основные положения, которые должны быть имплементированы в анализе. Во-первых, лицензирование отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия должно объясняться

ISBN 978-84-949838-0-1

независимо друг от друга. Во-вторых, импликативные предикаты и предикаты речи проецируют инфинитивные конструкции с разными синтаксическими свойствами, и из синтаксической репрезентации этих различий должна следовать возможность либо невозможность феноменов вложенной сферы действия. В следующем разделе мы наметим анализ, который удовлетворяет этим требованиям.

4. Проспект анализа

Начнем изложение с анализа отрицательных местоимений, лицензируемых во всех конфигурациях с контролем (примеры (7)-(9)). Мы предполагаем, что отрицательные местоимения в этих контекстах представляют собой отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO инфинитивного оборота; PRO, в свою очередь, контролируется имплицитным аргументом в главной глаузе. Отрицательные плавающие кванторы ведут себя сходным образом с другими плавающими кванторами, такими как *сам*, *один*, *оба*, *каждый*, *все*, в отношении дистрибуции и падежных характеристик. Таким образом, предложению (6) мы сопоставляем структуру (13):

(13) Петя приказал *pro*$_i$ [$_{CP}$ PRO$_i$ никому$_i$ сюда не заходить].

В пользу этого анализа говорят следующие факты. Во-первых, только такие отрицательные местоимения, которые могут выступать как плавающие, допустимы в инфинитивных конструкциях с контролем, ср. (14)-(15).

(14) Мы никто (/^{OK}ни один /*никакой ребенок) не заразились больше, а сколько людей умерло, Павличек, если б ты знал! [НКРЯ]

(15) Горячий чай помог никому (/^{OK}ни одному из нас /*никакому ребенку) не заболеть.

Во-вторых, падежные характеристики отрицательных местоимений в этих контекстах аналогичны таковым у плавающих определителей (Babby 1998): допустим либо приинфинитивный датив, либо падеж контролера, ср. (16)-(17).

(16) Из возраста девочки давно выросла, поэтому прошу *pro*$_i$ — [PRO$_i$ никому$_i$ не провожать меня. [НКРЯ]

(17) Председатель попросил *pro*$_i$ [PRO$_i$ никого$_i$ не обижаться]… [НКРЯ]

В-третьих, инфинитивный оборот образует составляющую, включающую отрицательное местоимение, что видно, например, при сочинении (18).

(18) Председатель велел *pro*$_i$ [PRO$_i$ запереть дверь] и [PRO$_i$ никому$_i$ не выходить].

Наконец, спорадически встречаются конструкции с фонологически выраженным адресатом в главной клаузе и отрицательным местоимением в инфинитивном обороте, такие как (19):

ISBN 978-84-949838-0-1

(19) Председатель велел нам$_i$ [PRO$_i$ никому$_i$ не вставать].

Таким образом, отрицательные местоимения в конструкциях с контролем возможны всегда, когда инфинитивный оборот содержит отрицание; если аргумент матричного предиката при этом выражен нулевым анафорическим местоимением (*pro*), а падеж плавающего квантора совпадает с падежом нулевого аргумента в главной клаузе, создается видимость лицензирования отрицательного местоимения в позиции аргумента главной клаузы. В действительности, однако, отрицательное местоимение находится в инфинитивном обороте и лицензируется стандартным образом.

Иначе устроено лицензирование прочих феноменов вложенной сферы действия — *нибудь*-местоимений, квантифицированных и дизъюнктивных именных групп. Конфигурации, в которых они возможны, ограничиваются не-импликативными глаголами речи. Важнейшее наблюдение, на котором основывается наш анализ, состоит в том, что такие же семантические отношения между адресатом речи и содержанием речи обнаруживаются в императивных конструкциях с неопределенными вокативами — именными группами, используемыми как обращения, ср. (20).

(20) a. Врача! **Кто-нибудь**, вызовите «Скорую помощь»! [НКРЯ]

b. Эй, **Веков или кто-нибудь**, позвоните, пусть мне принесут сельтерской! [НКРЯ]

c. **Кто-нибудь**, да помогите уже ему!
[https://pikabu.ru/profile/ilitp?scrollto=first&f=rating&page=15]

Находясь вне императивной клаузы (что видно по просодической границе между обращением и императивом, а также по позиции императивных частиц, ср. (Aikhenvald 2010), (Espinal 2013)), неопределенные вокативы, тем не менее, находятся в сфере действия модальности императива; более того, неопределенные вокативы лицензируются только в контексте императивов и гортативов.

(21) **Кто-нибудь**! Давайте поговорим! Не дайте мне деградировать! [http://www.liveinternet.ru/community/devka_c_palkoi/post5997233/]

Наш анализ опирается на указанную общность между императивными конструкциями и инфинитивными конструкциями с глаголами речи. Мы предполагаем, что прямые юссивные конструкции (императивы) и косвенные юссивные конструкции (вложенные инфинитивы с глаголами речи, директивы) обладают общими структурными характеристиками. Опираясь на многочисленные работы последних лет, посвященные синтаксической репрезентации прагматических характеристик высказывания (Speas and Tenny 2003; Hill 2007, 2014; Haegeman and Hill 2013), мы считаем, что основные параметры речевого акта, включающие роли Говорящего и Адресата, кодируются в синтаксисе в виде прагматических проекций (saP

ISBN 978-84-949838-0-1

/ SAP) на левой периферии клаузы. Эти проекции присутствуют в независимом предложении, а также в некоторых косвенных речевых актах, и в частности, в инфинитивных конструкциях с глаголами речи. В инфинитивных конструкциях с каузативными предикатами эти проекции отсутствуют, вследствие чего они ведут себя отлично от конструкций с глаголами речи в отношении лицензирования феноменов вложенной сферы действия.

Лицензирование неопределенных вокативов и адресатов с вложенной сферой действия мы представляем себе следующим образом. В соответствии с анализом, предложенным в (Zanuttini 2008; Zanuttini, Pak and Portner 2012; Alcázar and Saltarelli 2014), мы рассматриваем императивы как расширенные глагольные проекции, вложенные под юссивную вершину, которая кодирует модальность, связанную с императивами, гортативами или промиссивами. Подлежащие императивов порождаются внутри глагольной области, как и обычные декларативные подлежащие; однако, в отличие от обычных подлежащих, они могут подниматься выше, в позицию Адресата речевого акта (Spec, SAP), за счет чего возникает возможность лицензирования неопределенных вокативов, находящихся в сфере действия императивной модальности (см. (22)).

(22) $[_{saP}\ldots[_{SAP}$ Addressee$_i$ $[_{ForceP}$ JUSSIVE … $[_{vP}$ Performer$_i$ *v* $[_{VP}$ …]]]]]

Глаголы речи принимают структуру (22) в качестве клаузального комплемента, образуя директивную конструкцию. Отличия во внутренней структуре между императивной и директивной конструкцией состоят в том, что императивы лицензируют номинатив подлежащего, в то время как директивы не способны приписать собственному подлежащему падеж. Соответственно, фонологически выраженное подлежащее инфинитивной клаузы может лицензироваться только функциональной структурой главной клаузы; при этом, однако, дополнение-адресат в главной клаузе должно быть имплицитным аргументом, поскольку в противном случае падежный потенциал функциональных вершин будет израсходован на него. Таким образом, лицензирование феноменов вложенной сферы действия в директивной конструкции происходит тогда, когда квантифицированная или дизъюнктивная именная группа, или *нибудь*-местоимение является подлежащим директивной конструкции и поднимается в позицию Адресата. Соответствующая структура представлена в (23).

(23) $[_{vP}$ *v* $[_{ApplP}$ Appl $[_{VP}$ V $[_{saP}$ …$[_{SAP}$ DP$_i$ $[_{ForceP}$ JUSSIVE … $[_{vP}$ ~~DP~~$_i$ *v* $[_{VP}$ …]]]]]]]]

Альтернативная структура (24) возникает, если подлежащее директивной конструкции выражено нулевым местоимением PRO, связанным логофорическим контролем (Landau 2015) с дополнением-адресатом в главной клаузе; в этом случае дополнение может быть

ISBN 978-84-949838-0-1

фонологически выражено и всегда имеет широкую сферу действия по отношению к директивной модальности.

(24) $[_{vP}\ v\ [_{ApplP}\ (DP_i)\ Appl\ [_{VP}\ (DP_i)\ V\ [_{saP} \ldots [_{ForceP}\ JUSSIVE \ldots [_{vP}\ PRO_i\ v\ [_{VP} \ldots]]]]]$

Таким образом, намеченный нами анализ учитывает как отличия в способах лицензирования отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия, так и отличия в структурных характеристиках инфинитивных актантов предикатов речи и других матричных предикатов. Важной особенностью анализа, позволяющей объяснить синтаксические свойства конструкций с предикатами речи, является допущение о синтаксической репрезентации параметров речевого акта. Это позволяет связать семантический класс матричного предиката со структурными характеристиками директивной конструкции.

Особый интерес представляет обнаруженная нами связь между импликативностью и недопустимостью феноменов вложенной сферы действия, в том числе и у глаголов речи с конативной альтернацией. Мы предполагаем, что импликативность исключает выражение каузируемого имплицитным аргументом, вследствие чего структура (23) оказывается нереализуемой не только при глаголах каузации, не подразумевающих функциональных проекций речевого акта, но и при глаголах речи.

Список литературы

Бурукина И. С. (2017): О возможности подъёма подлежащего в русском языке. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 34–44.

Козинский И.Ш. (1985): Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке. Типология конструкций с предикатными актантами. Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 112–116.

Летучий А.Б. (2018): Подъём и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале интерпретации местоимений). Рукопись.

Минор С.А. (2008): Типология подъема аргумента в конструкциях с сентенциальными актантами. Дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ.

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Интернет-ресурс. URL:www.ruscorpora.ru, (дата обращения: 14.08.2018).

ISBN 978-84-949838-0-1

References

Aikhenvald, A. (2010): Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press.

Alcázar, A., Saltarelli, M. (2014): The syntax of imperatives. Cambridge: Cambridge University Press.

Babby, L. (1998): Subject control as direct predication. Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Connecticut Meeting, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 17–37.

Bresnan, J. (1972): Theory of Complementation in English Syntax. Doctoral dissertation, MIT.

Chomsky, N. (1973): Conditions on transformations. A Festschrift for Morris Halle, ed. by S. Anderson and P. Kiparsky. New York: Holt, Reinhart and Winston, 232–286.

Chomsky, N. (1981): Lectures on govenment and binding. Dordrecht: Foris.

Espinal, T. (2013): On the Structure of Vocatives. Vocative!: Addressing between System and Performance, ed. by B. Sonnenhauser and P. Noel Aziz Hanna. De Gruyter Mouton, 109–133.

Haegeman, L., Hill, V. (2013): The syntactization of discourse. Syntax and its limits, ed. by R. Folli, C. Sevdali and R. Truswell. Oxford: Oxford University Press, 370–390.

Hill, V. (2007): Vocatives and the Pragmatics–syntax Interface. Lingua, 117, 2077–2105.

Hill, V. (2014): Vocatives: How Syntax Meets with Pragmatics. Leiden, Boston: Brill

Hornstein, N. (1999): Movement and Control. Linguistic Inquiry, 30: 69–96.

Karttunen, L. (1971): Implicative verbs. Language, 47, 340—358.

Landau, I. (2015): A two-tiered theory of control. Cambridge (Mass.): MIT Press

Lasnik, H. (1998): Exceptional case marking: Perspectives old and new. Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 187–211.

Lasnik, H., Saito, M. (1991): On the subject of infinitives. Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, ed. by L. Dobrin, L. Nichols and R. Rodriguez. Chicago: Chicago Linguistic Society, 324–343.

Lauranto, Y. (2017): The projected directive construction and object case marking in Finnish. Eesti- ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri, 8(2), 155–190.

Minor, S. (2011): Control and ECM combined: An unusual control pattern in Russian. Paper presented at CASTL Colloquium (Nov. 2011).

Minor, S. (2013): Controlling the Hidden Restrictor: A Puzzle with Control in Russian. Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42), ed. by S. Keine and S. Sloggett. Oxford: Oxford University Press,

Postal, P. (1974): On Raising. Cambridge (Mass.): MIT Press.

ISBN 978-84-949838-0-1

Rosenbaum, P. (1965): The grammar of English predicate complement constructions. Doctoral diss., MIT.

Speas, P., Tenny, C. (2003): Configurational properties of point of view roles. Asymmetry in grammar, vol. I: Syntax and semantics, ed. by A. Di Sciullo. Amsterdam: Benjamins, 315–345.

Stepanov, A. (2007): On the Absence of Long-Distance A-Movement in Russian. Journal of Slavic Linguistics, 15(1), 81–108.

Zanuttini, R. (2008): Encoding the addressee in the syntax: Evidence from English imperative subjects. Natural Language and Linguistic Theory, 26, 185–218.

Zanuttini, R., Pak, M., Portner, P. (2012): A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects. Natural Language and Linguistic Theory, 30, 1231–1274.

ISBN 978-84-949838-0-1

МАКРОКОНЦЕПТ «РОД, СЕМЬЯ» В РУССКОЙ ПАРЕМИЙНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Марфина Жанна Викторовна
Луганский национальный аграрный университет, Украина
lib_lnpu@ukr.net

MACROCONCEPT «GENUS, FAMILY» IN THE RUSSIAN PAREMIC PICTURE OF THE WORLD

Marfina Zhanna Viktorovna
Lugansk National Agricultural University, Ukraine

АННОТАЦИЯ

В статье представлена методика лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа фразеопаремийных текстов, предопределяющая установление концептуальных цепочек как семантических звеньев воплощения смыслов, восходящих к макроконцепту «Род / семья». Таким образом, предложено устанавливать фреймовые структуры и сценарии развития процесса познания микроколлективами – семьями, родами – социальных ценностей бытия. Вербализаторы макроконцепта «Род / семья» соотнесены с внутренней семантикой названий артефактов, эмоций, оценок, тактильных и психологических ощущений. Учтены связи концептуальных цепочек з базовыми концептуальными оппозициями «добро – зло», «свой – чужой». В представленном материале отражены архетипичные, сакрализированные и общечеловеческие ценностно-аксиологические координаты оценки роли семьи в жизни сообществ, в частности русского.

ABSTRACT

The technique of the linguoculturologica and linguocognitive analysis of phraseoparemic texts predetermining establishment of conceptual chains as semantic links of the embodiment of the meanings which are going back to the macroconcept "Genus/ family" is presented in this article. Thus it is offered to establish frame structures and scenarios of development for process of cognition by microcollectives – families, clans– the social values of existence. Verbalizes of the macroconcept "Genus / family" are correlated with internal semantics of names of artifacts, emotions, assessment, tactile and psychological feelings. The connections of conceptual chains with basic conceptual oppositions "good – the evil", "your own-someone else's are considered. In the presented material archetypic, sacralized and universal human value -axiological coordinates of assessment of a role of family are reflected in life of communities, in particular Russian.

Ключевые слова: фразеопаремийная картина мира, концептосфера, макроконцепт, концептуальная цепочка, сема, концептуальная оппозиция, фразема, паремия.

Keywords: phtaseoparamia picture of the world, sphere of concepts, macroconcept, conceptual chain, seme, conceptual opposition, phrazema, paremia.

ISBN 978-84-949838-0-1

В последнее время лингвисты все чаще обращаются к вопросам моделирования фрагментов языковой картины мира. Его неотъемлемой составляющей является фразеопаремийный комплекс национального языка, т. е. система фразеологизмов и паремий как стабильных, стереотипных выражений, «образов ситуаций», сентенций, умозаключений, которые не всегда легко дифференцируются, а кроме того, образуют близкие по структуре и содержанию тематические группы. Именно этот комплекс микротекстов наиболее четко представляет информацию о традиционных ценностях, взглядах, культурных стереотипах народа, национальном менталитете, национально-языковых особенностях и пр. (Колоиз, Малюга, Шарманова 2014: 337), об образе мышления, жизненных и морально-нравственных установках того или иного народа, особенностях формирования и развития его культуры. Это, как известно, обусловлено спецификой *фразеологических* единиц, которые, по утверждению ученых, представляют «наиболее конденсированное выражение в языке ее национально-культурного компонента, а, следовательно, их анализ под углом выражения ими языковой картины мира дает возможность проследить взаимосвязь языка, мировоззрения и ментальности нации» (Демьяненко 2011: 252). Важным является и то, что «система ценностей в *паремиях* предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. В этом плане требует определенного акцентирования тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей, отраженных в паремиях, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа» (Балова, Кремшакалова 2011).

Фразеопаремийные тексты – это целостные лексико-грамматические комплексы, содержание которых предопределено конфигурацией семантики каждой из составляющих. Тексты такого рода отражают сгустки умозаключений, суждений, оценок, взглядов различных поколений, их базовой средой формирования являлся сельский быт, деятельность в котором предопределена родоцентрическими отношениями и акциями, направленными на его сохранение, продолжение, расширение и т. под. Соответственно система базовых смыслов жизнедеятельности – повседневной и ритуально-обрядовой – откладывалась и сформировала в концептуальной и соответственно языковой картинах мира отдельный сегмент – концептосферу **«Род / семья»**. Данная концептосфера вербализируется в названиях родства, во фразеологизмах, паремиях, загадках, повседневных метафорах, символах, народнопесенных текстах, в повседневных дискурсивных практиках (быт, политика, реклама).

ISBN 978-84-949838-0-1

Стоит подчеркнуть, что концептосфера «Род / семья» как одна из универсальных реализована в любой языковой картине мира. Вопреки различиям в отношении к институту семьи, семейным и родственным ценностям, существующим в культурах разных народов, указанная концептосфера сохраняет свои ключевые позиции практически во всех языках мира. Она сформировалась как сегмент повседневного языкового сознания и широко представлена в частности в русской фразеопаремийной картине мира, тексты которой интерпретируют, формируют вербальное выражение стержневых макроконцептов *род / семья*, отражают архаичное и актуальное в лингвокультурном, социокультурном наполнении вербализаторов понятия «род / семья»– названий различных степеней родства.

Именно лингвокультурологическое содержание фразем и паремий указанной концептосферы рассматривали в своих работах Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Н. И. Мазай С. А. Кошарная, Т. Е. Владимировоа, А. Ш. Василова, Т. Р. Аникеева и др. Заслуживают внимания и многочисленные исследования, посвященные анализу, в т. ч. и сопоставительному, реализаций макроконцептов *род / семья* во фразеопаремийных картинах мира различных языков мира (В. Д. Ужченко, В. И. Кононенко, Ю. С. Макарец, О. М. Слипчук – украинского; Е. Ю. Бабина, Р. В. Саттарова – английского; Г. А. Гуняшова – немецкого; Л. В. Борисова – чувашского; Р. Д. Шамилева – чеченского; А. С. Головин – русского, английского, немецкого, З. А. Бигдакирова – татарского, турецкого, английского; С. М. Адамова – английского, лакского; Т. А. Шайхуллин – арабского, русского; Н. К. Гаспарян – русского, армянского; А. С. Ким – русского, корейского и пр.).

Все исследователи, которые обращались к изучению макроконцепта «Род / семья» в различных национально-культурных реализациях, отмечали, что его наиболее полное и концентрированное воплощение, значимость для повседневно-бытового языкового сознания, ценностно-аксиологическое содержание отражает фразеопаремийная картина мира. В русской лингвокультуре анализируемый макроконцепт занимает одно из центральных мест, что обусловлено, по мнению Е. В. Добровольской, его этнокультурным содержанием. Последнее предопределено стереотипами сознания, ценностными ориентирами, а также тем, что и «в обыденном сознании современных носителей русской этнокультуры обладает положительной эмотивно-оценочной коннотацией и метафоричностью, характеризуется возрастной дифференциацией» (Добровольская 2005: 13).

Актуальность нашего исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к русским фразеопаремийным текстам, содержащим вербализаторы макроконцептов род / семья, т. е. установлением ценностно-смыслового наполнения моделей семантизации человеческих отношений, воплощаемых во фраземах и паремиях.

ISBN 978-84-949838-0-1

Новизна исследования состоит в обосновании методики лингвокультурологического анализа фразеопаремийных текстов. Ее суть состоит в том, чтобы из опорных составляющих высказывания смоделировать его семантическую структуру, которая формируется как концептуальная цепочка / пара, выделяемая из фразеопаремийных текстов с помощью следующих знаков: {}. Это позволяет показать определенные сценарии – конфигурации моделей семантизации макроконцептов род / семья, концептуальную, лингвокогнитивную связь названий родства с другими элементами языковой картины мира. Выделенные в квадратных скобках семы ([]) очерчивают семантический сектор, предопределяющий направление (←; →; ↔**; =;** ≠) семантизации концептов *род, семья* с другими элементами концептуальной картины мира, указывают на дополнительные смыслы, извлекаемые из тех или иных отождествлений. Отождествление семантики показываем с помощью (:). Такой подход, по нашему мнению, позволяет установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествительного процесса представления знания о роде и семье в русской народной культуре.

Основная цель данной работы – на примере исследования конфигураций моделей семантизации макроконцептов род / семья отработать модель лингвокультурологического анализа фразеопаремийных текстов.

Макроконцепт «Род / семья» в русской фразеопаремийной картине мира реализуется во фразеопаремийных текстах в нескольких типах концептуальных цепочек.

Одна из них {**род**← [*написано*] ←**судьба**}: *Кому что на роду написано* (написано = ‘предопределено’, ‘дано’). Такая концепция рода / семьи связана с архетипической сакрализацией доли / судьбы, которая переходит из поколения в поколение, дается свыше, которую невозможно предугадать и которая является воплощением архетипа «Книги Жизни».

Известно, что в основе фразеопаремийных образов нередко лежит сравнение, отождествление. Что касается макроконцепта «Род / семья», то концептуальная цепочка {**человек→семья = завязь, плод, корни → дерево**} репрезентирует архетипическое представление о Мировом Дереве, роде-Дереве, Вечном Дереве Жизни (Юнг 1991): *Человек без семьи, что дерево без плодов*;*Дерево держится корнями, а человек семьей*. В такой семантической взаимосвязи «человек – дерево», «семья – это мир растений» обобщается роль природной символики в самопознании, растительный мир становится эталоном жизненной силы, крепости души. Сравнение человека с растением приводил еще Аристотель, который говорил, что всему, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от

ISBN 978-84-949838-0-1

рождения и до смерти, чтобы родившееся росло, достигало зрелости и приходило в упадок (Аристотель 1978: 445).

В связи с этим вызывает интерес и точка зрения С. А. Кошарной, которая утверждает, что *род* ассоциируется с корнем родового (генеалогического) дерева, что мотивирует, по мнению ученой, трактовку фразеологизмов типа *Без роду-племени, Ни роду – ни племени,* как «‘ни начала, ни продолжения’ = ‘ни корня, ни плодов’» (Кошарная 2018: 378). Учитывая такую интерпретацию, составленная выше концептуальная цепочка может быть интерпретирована как: {**человек→род / семья←**[*начало*]**→завязь, плод, корни → дерево**}. Ср. также: *Каков род, таков и приплод.*

Таким образом, одной из центральных сем макроконцепта «Род, семья» является сема ‘жизнь’. Наиболее четко, вне метафорического отождествления, она проявляется в таких русских фразеопаремийных текстах, где метонимическое словоупотребление вербализирует оппозитивную семантику – ‘смерть’, например:{**человек→род / семья←**[*цвет:жизнь : вода*] → **земля**}:*Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет.*

Паремия *Род в род идет* отражает концепт единства, единоначалия: {…[*начало*]←**род / семья←**[*начало*]←**род / семья←**[*начало*]←**род / семья←**[*начало*]…}. Его метафорическое воплощение – кулак, как вот: {**род / семья** ↔[*кулак*]= [*единство*]}: *Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь.*

Некий эталон образа семьи (дружной, теплой, сытой и т. под.), которая каждый раз является основой продолжения рода, является ориентиром для некоего «выбора», в частности – жены, например ({**семья** ← [*жена*] ←**семья**}: *Гляди **семью**, откуда **берешь жену**.*

В русских фразеопаремийных текстах вербализированы базовые оппозитивные концепты лингвокультуры «добро – зло». Как ценностно-духовные составляющие, они также воплощены в вербализаторах макроконцепта «Род / семья».

Причинно-следственные социальные и вещественные отношения в семье отражает концептуальная цепочка {*большая* **семья** ≠*маленький* **горшок**}, как вот: *Семья большая – горшок маленький*. Она воплощает особенности крестьянского уклада жизни до начала XX в. (возможно, и его первых десятилетий, отмеченных бедствованием) – большое количество совместно проживающих членов семьи, невозможность обеспечения сытости. В русской культуре горшок традиционно выступал символом сытости и достатка, а в пословичной картине мира актуализирует и значение ‘единение в сытости’: *Горшок на всю семью большой*. Т.е. идеальным воплощением семы ‘единство’ является концептуальная цепочка: {**семья↔** [*единство*]**↔горшок**}. Употребление пищи – основа жизни, одна из ключевых потребностей человека: *Не велика семья, а все едоки* ({семья = едоки}).

ISBN 978-84-949838-0-1

Во фрагменте русской фразеопаремийной картины мира встречаем еще один этнокультурный символ – печь, которая являлась мифологизированным предметом обихода крестьянской семьи, сакральным центром дома. Это обуславливает ассоциативную связь печи с семьей в паремии *Семья – печка: как холодно, все к ней собираются* ({**семья**↔ [*единство : тепло*]↔ **печь**}).

Сему ‘вместе; единение’ воплощают артефакты *крыша, куча* (*Семья сильна, когда над ней* ***крыша*** *одна*; *Семья в* ***куче****, не страшна и туча*), названия еды, продуктов (*Семьей и* ***горох*** *молотят; В семье и* ***каша*** *гуще*), позитивных эмоций – радость, душевное спокойствие (*Дружная семья не знает печали*; *В семье разлад, так и дому не рад*; *Вся семья вместе, так и душа на месте*). Таким образом, и предметные, и эмоциональные концепты воплощают сему единства в семье.

По нашим наблюдениям, русские пословицы-максимы через причинно-следственную синтаксическую семантику воплощают определенные идеалы, например, лада (порядка) в семье, т. е. ‘упорядоченности, порядка, согласия’. Подобная семантика в русской фразеопаремийной картине мира разворачивается в концептуальных цепочках, где есть промежуточные оценочные семы, ср.: {**семья** ← [*богатство*] → **согласие**}: *Согласие в семье – богатство*; *Согласие да лад – в семье клад*; *На что и клад, коли в семье лад*; {**семья** ← [*крепость*] → **лад**}: *Семья крепка ладом*; {**семья** ← [*лад, согласие*] → **счастье, добро**}: *Согласную семью и горе не берет*; *В семью, где лад, счастье дорогу не забывает*; *В семье, где нет согласья, добра не бывает*. Высокую степень оценки счастливой семьи передает глагол *дорожить* (концептуальная цепочка {**семья** → [*дорожить, беречь*] → **счастье**}: *Семьей дорожить – счастливым быть*). Во фразеопаремийных текстах *дружная семья* ассоциативно связана с понятиями *добро, радость*. Ей противопоставляется *недружная семья*, ассоциативно соотносимая с *холодом, печалью, горем* и пр. {**семья** ← [*тепло*] → **добро, дружба**}. Сравним: *В* ***недружной семье*** *добра не бывает* // ***В дружной семье*** *и в холод тепло*. Примечательно, что паремий с неодобрительной семантикой, проецированной на понятие ‘недружная семья’, ‘недружественные отношения’, в русской паремийной картине мира значительно меньше. Сема ‘взаимопомощь’ воплощена и в близких к книжным сентенциям, как вот: *Семье, где помогают друг другу, беды не страшны* ({**семья** → [*радость*] ←**помощь**}).

Паремия *Ссора в своей семье – до первого взгляда* актуализирует особенности внутрисемейных взаимоотношений и подчеркивает незлобливость, отходчивость русского характера.

В различных вербальных знаках концептуализирована семантика дружной семьи. Следует отметить распространенность метафорической модели «Семья – это дом (жилое

ISBN 978-84-949838-0-1

здание)» и в других национальных культурах. В русской фразеопаремийной картине мира эта модель номинируется образами *дом, изба, опора* (*Семья – **опора** счастья*; *Когда нет семьи, так и **дома** нет*) – концептуальная цепочка {[*счастье*] → дом = семья = опора← [*счастье*]}.

В русской повседневно-бытовой лингвокультуре семья противопоставлена одиночеству ({один ≠ семья}). Данная оппозиция актуализирована в паремиях с вербальными компонентами *петь – горевать*, напр.: *Семья поет, а одинокий горюет*. Отличительной особенностью русского фразеопаремийного фонда с макроконцептом «Род / семья» является сформированность ироничных текстов, в которых обыгрывается одиночество, отождествленное с незатейливыми лаптями: *Только и родни, что лапти одни*.

Базовая оппозиция «Свой – чужой» также реализована во фразеопаремийной семантике: *В своей семье какой расчет*. Вспомогательными номинациями для их вербализации является артефактная метафора «семья – дом»: *Своя себе семейка – свой **порог***. Интимизированность оценочной семантики (‘свой’) поддерживает сема позитивного восприятия семьи: *В своей семье всяк сам большой*.

Постоянными ассоциатами нуклеарной семьи являются *дед-прадед, отец* (концептуальная цепочка в русских паремиях – {**прадед-дед, отцы** → [*жить : пить : есть*] → **семья =** [*традиция*]}: *Наши деды живали, да мед пивали, а мы живем – ни едим, ни пьем*; *Прадеды ели просто, да жили лет до ста*; *Деды наши ели просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать*; *Жили деды так, и мы поживем; Как отцы и деды, так и мы*; *Так жили деды да прадеды, так и нам жить велели*.

В паремиях отображено особое отношение в русской семье к детям (концептуальная цепочка {**дети** → [*радость: цветы*] → **семья**}): ***Семья** без **детей**, что **цветок** без запаха*; *В хорошей **семье** хорошие **дети** растут*.

Особенностью традиционной русской культуры семейных отношений является активное участие семьи в жизни ее членов. Значимость института семьи для русского человека, ее воспитательная и направляющая роль представлены в паремии *Семья дает человеку путевку в жизнь*.

В русском фразеопаремийном фонде макроконцепты «Род / семья» также воплощены в текстах, характеризующих индивидуальные – негативные – черты членов семейства: *В семье не без урода.*

Таким образом, макроконцепт «Род / семья» в исследуемом материале проявляет сложную систему семантических связей, отражающую парадигмы взаимодействия концептов общечеловеческой культуры быта, мировосприятия, оценки окружения.

ISBN 978-84-949838-0-1

Анализ полученных моделей позволил установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествительного процесса представления знания о роде и семье в русской народной культуре.

Список литературы

Аристотель (1978): О душе.
URL:https://www.litmir.me/br/?b=159356&p=1 (дата обращения: 01.05.18)

Балова И., Кремшокалова М. (2011): Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур, Научное общество кавказоведов.
URL: http://www.kavkazoved.info/news/2011/10/28/paremii-kak-forma-sinteza-smyslovyh-mirov-russkoj-i-kavkazskih-kultur.html (дата обращения: 01.06.18)

Дем'яненко Н. Б. (2011): Картина світу у польських фразеологізмах, Мовні і концептуальні картини світу, Київ, 36, 250 – 255.

Добровольская Е. В. (2005): Концептуализация семьи в русской языковой картине мира, Автореферат дисс... канд. филол. наук
URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf 2005 (дата обращения: 09.06.18)

Колоїз Ж. В., Малюга Н. М., Шарманова Н. М. (2014): Українська пареміологія. Кривий Ріг: КПІ ДВНЗ «КНУ».

Кошарная С. А. (2018): Фразеология как архив и средство трансляции мифологических представлений народа, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Материалы международной научной конференции, Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 376 – 380.

Юнг К. Г. (1991): Архетип и символ. Москва.

ISBN 978-84-949838-0-1

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «УДИВЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Мисисян Серине Седраковна
Российско-Армянский университет, Армения
serine.misisyan@rau.am

FEATURES OF THE ASSOCIATIVE FIELD "SURPRISE" IN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Misisyan Serine Sedrak
Russian-Armenian University, Armenia

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена анализу результатов исследования, проведенного с использованием одного из наиболее популярных и эффективных методов изучения ассоциативного значения - ассоциативного эксперимента. Проведенный цепной ассоциативный эксперимент позволил классифицировать реакции респондентов на основе семантического признака, а также выявить особенности функционирования языкового сознания носителей русского языка.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the results of a study conducted using one of the most popular and effective methods of studying associative meaning - associative experiment. The conducted chain associative experiment made it possible to classify the responses of respondents on the basis of a semantic feature, as well as to reveal the features of the functioning of the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.

Ключевые слова: семантика, удивление, ассоциативный эксперимент

Keywords: semantics, surprise, associative experiment

Лингвистическая наука, как и любая другая развивающаяся область научных исследований, характеризуется процессом смен исследовательских парадигм, что предполагает постоянный поиск действенных методов исследования. В антропоцентрической парадигме современной лингвистики центральное место занимают проблемы изучения языкового сознания и языковой картины мира. В этой связи тема настоящего исследования представляется весьма актуальной.

На сегодняшний день одним из наиболее популярных методов исследования языкового сознания считается психолингвистический эксперимент, основывающийся на понятиях ассоциации и ассоциативного значения слова – ключевых понятиях при исследовании ассоциативных полей.

ISBN 978-84-949838-0-1

Отметим, что классификационные основы ассоциаций по параметру синтагматики/парадигматики были заложены еще в «ассоциативных» концепциях Ф. Соссюра и А.Н. Крушевского. Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования также работы Н.В.Уфимцевой, А.П. Бабушкина, Е.И. Горошко, Г.А. Мартиновича, Ч. Осгуда А. П. Клименко, Дж. Миллера, А.Р. Лурия, Л. Маршаловой, А.А. Залевской и других.

Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в развитие теории ассоциативного поля, однако по-прежнему актуальной является проблема классификации ассоциаций с точки зрения их временной обусловленности.

Материал, полученный в результате нашего ассоциативного эксперимента позволяет разделить реакции на основе формального и семантического принципов – с учетом того, что цепной ассоциативный эксперимент, не ограничивающий респондентов в выборе реакций, не дает возможности распределить все полученные ответы по двум вышеперечисленным категориям, а также с учетом тематики и задач данного диссертационного исследования, считаем целесообразным остановиться более подробно на семантической классификации.

Отметим, что при классификации нами не учитывались реакции, относящиеся к категории неадекватных. К их числу мы отнесли ответы типа «реакция нулевая», «нет реакции», «никакая», «не знаю», ответы, данные на английском языке («Pokerface», «Surprise reaction, «Positivness», «Fulfillment», «Vision», «Energy», «Beauty», «Life», «Nothing»), а также 7 случаев полного совпадения стимула и реакции. В общей сложности нами были выявлены 174 адекватные реакции, которые были разделены по принципу узуальности и окказиональности.

Для разделения полученных в ходе эксперимента реакций на семантические группы воспользуемся классификацией, предложенной Ж.А. Джамбаевой (Джамбаева 2013: 17-21).

Согласно вышеупомянутой классификации, выделяются три типа реакций: реакции как семантические множители, реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, реакции, отражающие сферу функционирования объектов.

Взяв за основу работу Ж.А. Джамбаевой, мы модифицировали классификацию, разделив реакции на следующие группы:

1) *Реакции как семантические множители,* позволяющие установить наличие общих семантических компонентов между стимулом и реакцией и отражающие *понятийный компонент* любого концепта или его понятийную составляющую.

Сюда мы отнесли реакции типа «изумление», «недоумение», «эмоция» и т. д.

2) *Реакции, обозначающие каузатор эмоции удивления.*

Наличие в ответах респондентов подобных реакций обусловлено их представлениями о переживании обманутого вероятностного прогноза. В числе реакций, обозначающих каузатор

ISBN 978-84-949838-0-1

эмоции удивления, отметим следующие: «неожиданность», «необычайность», «сюрприз», «диво», «чудо», «внезапность», «необычное», «новое», «неизведанное», «дивное» и др.

3) *Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией,* в которых выражено отношение информантов к предъявленному стимулу.

Установлено, что каждый стимул включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и *оценку,* которая, в свою очередь, содержит *эмоцию* – «субъективно-оценочное отношение индивида к определенному предмету или явлению» и *чувства* – «эмоциональное состояние, равное совокупности X числа эмоций, переживаемых индивидом некоторое время, т. е. характеризующееся продолжительностью и направленностью на конкретный предмет» (Джамбаева 2013: 33). В данный тип реакций вошли *оценочные* или *аксиологические стереотипы,* т. е. слова, обозначающие стандартный набор признаков, которые, по представлениям человека или целого социума, должны быть присущи познаваемой действительности (понятию-концепту) или познаваемой личности. Иными словами, этот стандартный набор признаков является общим для большинства членов данного социума. Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, таким образом, составляют *эмоционально-оценочный* или *ценностный компонент* любого концепта, т.е. служат его *аксиологической составляющей*.

В данную группу мы включили реакции «приятное», «красивое», «позитивные эмоции», «бабочки в животе» и др.

4) Реакции, отражающие проявления переживания исследуемой эмоции.

Эти реакции в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции.

К этой группе мы отнесли физиологические реакции типа «поднимаются брови», «расширяются глаза», «улыбка», «изменение выражения лица», «резкий вздох» и др.

5) Реакции, связанные с возникновением смежных эмоциональных состояний: «беспокойство», «восторг», «интерес», «страх» и др.

Отметим, что в количественном отношении преобладают реакции второго, четвертого и пятого типов.

Особый интерес представляют реакции, рассмотренные с точки зрения их узуальности и окказиональности. В этих целях считаем целесообразным воспользоваться классификацией, предложенной В.П. Беляниным (Белянин 2004: 131), который делит ассоциации на клишированные и личные.

Клишированные (узуальные) реакции разграничены на основе материалов **Русского ассоциативного тезауруса**, дающего возможность работать с базой данных крупнейшего

ISBN 978-84-949838-0-1

ассоциативного эксперимента, проведенного на русском языке в 1988-1997 гг. (http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php). В числе клишированных (узуальные) оказалось 14 реакций к стимулу «удивление»: «неожиданность» (18)[2], «радость» (18), «сюрприз» (10), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «диво» (2), «чудо» (2), «неожиданное» (2), «непредсказуемость» (1), «приятное» (1), «рот» (1).

Мы намеренно обращаем внимание на временную обусловленность реакций: явления окружающей действительности воспринимаются индивидом и отображаются в его сознании так, что это отображение фиксирует связь между явлениями и эмоциями, вызываемыми данными явлениями, вследствие чего образ мира в сознании каждого индивида с течением времени меняется. На основе индивидуальных ассоциативных связей формируется общественное сознание. Этим и объясняется существенная разница между характером ассоциаций экспериментов 1988-1997 гг. и 2017 г. В целях достижения максимально объективного результата при классификации реакций по принципу узуальности/окказиональности мы обратились к некоторым новейшим базам ассоциаций.

К таковым относится, например, проект «Сеть словесных ассоциаций» (https://wordassociations.net), позволяющий в онлайн-режиме работать с широким спектром ассоциаций. В основе процесса формирования списка ассоциаций лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы с использованием принципов системного подхода. Ниже приведены узуальные реакции наших респондентов, представленные также в «Сети словесных ассоциаций»: «радость» (18), «восторг» (6), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «досада» (2), «огорчение» (2), «недоумение» (2), «восклицание» (2), «возмущение» (2), «неверие» (1), «негодование» (1), «недоверие» (1), «рот» (1), «растерянность» (1).

В аспекте проблематики нашего исследования привлекают внимание материалы интернет-ресурса «Карта слов и выражений русского языка» (https://kartaslov.ru/). Совпадение ассоциаций между материалами *Карты* и проведенного нами ассоциативного эксперимента наблюдается в следующих 40 случаях: «неожиданность» (18), «радость» (18), «страх» (10), «сюрприз» (10), «улыбка» (9), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «интерес» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «вопрос» (3), «новость» (3), «открытие рта» (3), «эмоция» (3), «диво» (2), «мимика» (2), «ах» (2), «волнение» (3), «неожиданно» (2), «чудо» (2), «возмущение» (2), «восклицание» (2), «недоумение» (2), «эмоции» (2), «смех» (2), «рот» (1), «реакция» (1), «внезапность» (1), «печаль» (1), «ступор» (1), «необычное» (1), «новое» (1),

2 В скобках указана частотность реакций

ISBN 978-84-949838-0-1

«негодование» (1), «бурные эмоции» (1), «глаза» (1), «мир» (1), «растерянность» (1), «слезы» (1), «смайлы» (1).

В числе личных реакций на стимул «удивление», оказались следующие единицы: «поднятие бровей» (6), «тревога» (4), «расширяются глаза» (3), «смятение» (3), «беспокойство» (3), «поднятые брови» (2), «поднимаю брови» (2), «поднимаются брови» (2), «открытие рта» (3), «большие глаза» (3), «лицемерие» (2), «неординарное» (2), «негативное» (2), «приподнятые брови» (2), «круглые глаза» (2), «анализ» (1), «вдох» (1), «ахать» (1), «бабочки в животе» (1), «высоко поднятые брови» (1), «безразличие» (1), «быстро» (1), «восприятие неожиданного» (1), «восприятие нового» (1), «восторженность» (1), «глаза открываются» (1), «да ну» (1), «движение рук» (1), «делать круглые глаза» (1), «дивное» (1), «доброе» (1), «желание понять» (1), «желание удивить» (1), «желание удивиться» (1), «желание узнать» (1), «задумчивость» (1), «закрыть рот рукой» (1), «заторможенность» (1), «изменение мимики» (1), «изменения выражения лица» (1), «имитация» (1), «красивое» (1), «лицо с высоко поднятыми бровями» (1), «реакция» (1), «неизведанное» (1), «необычайность» (1), «неравнодушный» (1), «ого» (1), «ожидание» (1), «ой» (1), «лоб» (1), «любознательный» (1), «мертвая кошка» (1), «неожиданное» (1), «неожиданное происшествие» (1), «открытие нового» (1), «открытый рот» (1), «отторжение» (1), «офигевать /*прост.*/» (1), «не верить ушам» (1), «непредсказуемость» (1), «неприятие» (1), «ох» (1), «ошеломление» (1), «перемены» (1), «переосмысление реальности» (1), «переоценка мнения» (1), «переоценка позиции» (1), «положительное» (1), «почему» (1), «приоткрытый рот» (1), «слон на площади» (1), «скорость» (1), «резкий вздох» (1), «поднятая бровь» (1), «позитив» (1), «позитивные эмоции» (1), «покачивание головы» (1), «раскрываются глаза широко» (1), «раскрытые глаза» (1), «рассредоточенность» (1), «расширение глаз» (1), «расширенные глаза» (1), «смеяться» (1), «сомнение» (1), «состояние невесомости» (1), «тут что-то не так» (1), «улыбаться» (1), «улыбнуться» (1), «вскрикивание» (1), «ух» (1), «ухать» (1), «хренеть /*прост.*/» (1), «широко раскрытые глаза» (1), «широко раскрыть глаза» (1), «широкое раскрытие глаз» (1), «эмоциональная окраска» (1), «эмоциональность» (1), «эмоциональный всплеск» (1), «этого не может быть» (1), «вопросительный жест руками» (1), «вот так так» (1), «Вы серьезно?» (1), «Да ты что!» (1), «диву даваться» (1), «задержка дыхания» (1), «Как это?» (1), «концентрация внимания» (1), «Кустурица» (1), «Меняется выражение лица» (1), «напряжение» (1), «не может быть» (1), «неожиданная хорошая вещь» (1), «непроизвольная вытянутость лица» (1), «новизна» (1), «округление глаз» (1), «опасность» (1), «приобретение» (1), «приподнятые веки» (1), «приятность» (1), «развести руками» (1), «расширение зрачков» (1), «ребенок с

ISBN 978-84-949838-0-1

широко раскрытыми глазами» (1), «сердце замерло», «смешно» (1), «трепет» (1), «цены» (1), «шире раскрываются глаза» (1), «экспромт» (1).

Для наглядности представим количественное соотношение клишированных и узуальных реакций.

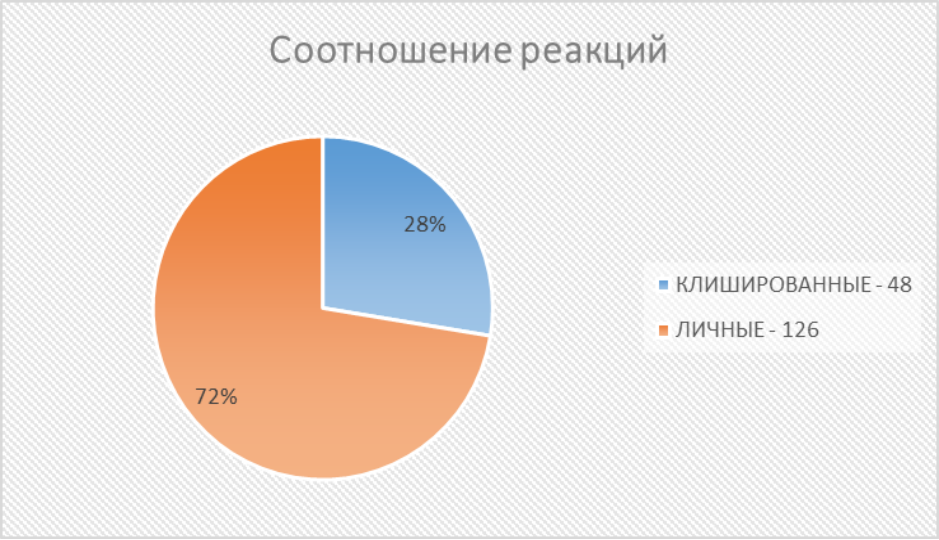


Диаграмма 1. Соотношение реакций

Отметим, что многие реакции, не содержащиеся в лексикографических источниках, нами были отнесены к числу личных, однако их повторяемость в анкетах разных респондентов, а также наблюдаемая семантическая общность позволяют прийти к выводу о том, что подобные реакции претендуют на статус клишированных и их употребление в ближайшем будущем приобретет узуальный характер.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что реакции, данные респондентами, в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции. Речь идет о физиологических и эмоциональных реакциях, наступающих после момента удивления.

В ходе анализа результатов эксперимента нами также была предпринята попытка разделения реакций на определенные смысловые группы, куда может переместиться сознания человека при обдумывании заданного слова.

Были проанализированы распространенные оценочные характеристики эмоции «удивление», распространенное эмоциональное переживание заданного концепта, приводящее к определенным реакциям. Речь идет и физиологических и эмоциональных реакциях, наступающих после момента удивления. В предложенной нами классификации реакций респондентов выделяются следующие смысловые группы (со своими подгруппами) ассоциаций: мимические, эмоциональные и психические, просодические.

ISBN 978-84-949838-0-1

Повторяемость и частотность подобных реакций дает возможность определить ядро ассоциативного поля удивления.

Диаграмма 1. Ядро ассоциативного поля

Ниже представлены тематические группы, составляющие ядро ассоциативного поля удивления (См. таблицу 1)

Таблица 1.

Стимул	**Реакция**	**Группа реакции**	**Подгруппа реакции**
Удивление	• *большие глаза* • *глаза открываются* • *делать круглые глаза* • *круглые глаза* • *раскрываются глаза широко* • *раскрытые глаза* • *расширяются глаза* • *расширение глаз* • *расширенные глаза* • *широко раскрытые глаза* • *широко раскрыть глаза* • *широкое раскрытие глаз*	**Мимические**	**Изменение формы глазной щели**
Удивление	• *лицо с высоко поднятыми бровями* • *поднимаю брови* • *поднимаются брови* • *поднятие бровей* • *поднятые брови*	**Мимические**	**Движение бровей**

ISBN 978-84-949838-0-1

	• *поднятая бровь* • *приподнятые брови*		
Удивление	• *открытие рта* • *открытый рот* • *приоткрытый рот* • *разинуть рот* • *рот* • *улыбаться* • *улыбка* • *улыбнуться*	**Мимические**	**Движение рта**
Удивление	• *ах* • *ахать* • *возглас* • *вскрикивание* • *восклицание* • *да ну* • *ого* • *ой* • *ох* • *резкий вздох* • *смеяться* • *ух* • *ухать*	**Просодическ ие**	**Не имеется**
Удивление	• *безразличие* • *беспокойство* • *возмущение* • *волнение* • *восторг* • *восторженность* • *восхищение* • *задумчивость* • *заторможенность* • *изумление* • *интерес* • *неверие* • *негодование* • *недоверие* • *недоумение* • *неприятие* • *неравнодушный* • *огорчение* • *ошеломление* • *печаль* • *радость* • *разочарование* • *рассредоточенность* • *смятение*	**Эмоциональн ые и психические реакции**	**Не имеется**

ISBN 978-84-949838-0-1

	• *сомнение* • *страх* • *ступор* • *тревога* • *шок*		

Таким образом, опыт проведения ассоциативного эксперимента заслуживает внимания и помогает нам сделать соответствующие выводы о глобальных изменениях в языковом сознании носителей русского языка.

Список литературы

Белянин В. П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психологосоциальный институт, 2004. – 232 с.

Джамбаева Ж. А. Ассоциативный эксперимент: методологические основы. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. – 2013. №1 (92). – 19 с.

Русский ассоциативный тезаурус – интернет-ресурс – http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php – Последнее обращение 01.03.2018 г.

Сеть словесных ассоциаций – интернет-ресурс – https://wordassociations.net – Последнее обращение 01.03.2018 г.

Карта слов и выражений русского языка – интернет-ресурс – https://kartaslov.ru/ – Последнее обращение 15.05.2018 г.

ISBN 978-84-949838-0-1

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНОРУССКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Навтанович Людмила Михайловна
Барселонский Автономный университет, Испания
liudmila.navtanovich@uab.cat

OLD SLAVONIC TRANSLATED LITERACY AND THE WORLD CULTURE

Liudmila Navtanovich
Universitat Autònoma de Barcelona, Spain

АННОТАЦИЯ

Переводы в литературе старшего периода играли особую роль, поскольку именно переводные памятники соединяли литературу и культуру Древней Руси и славянских стран с их историческими предшественниками. Но существует и «обратная связь»: дошедшие до наших дней славяно-русские переводные памятники оказываются очень важным наследием на мировом уровне. В статье идет речь об одном из древнеславянских переводов, имеющих несомненное значение для мировой культуры в целом: о памятнике, который сохранился в полном виде исключительно в древнеславянском переводе – о ветхозаветном апокрифе Книга Еноха в ее славянской версии, или Второй Книге Еноха. В статье прокомментированы конкретные примеры, иллюстрирующие особый характер славянского памятника и его важность для мировой культуры.

ABSTRACT

It’s undeniable that translations played a very important role in the Old Russian and Old Slavonic literature, because they connected the culture of Old Russia and other Slavic countries with their cultural predecessors, so we can say that Old Slavonic Translations originate from the world culture. However, it works the other way round too: Old Slavonic and Old Russian translations can be really important for the world culture nowadays.
The article deals with such an important Old Slavonic Translation, Old Testament Pseudepigraphon 2 Enoch (this Pseudepigraphon is preserved as an entire text only in Slavonic).

Ключевые слова: древнеславянские переводы; Енох 2; интертекстуальность.

Keywords: Old Slavonic Translations; 2 Enoch; intertextuality.

*Transmedia Catalonia Research Group, 2017SGR113

Термин «древняя славяно-русская переводная письменность» был введен в свое время Н.А.Мещерским и относился ко всем видам переводов старшего периода, осуществленных на славянских землях (Мещерский 1978). На тот момент, в 50-70 годы прошлого века, основное

ISBN 978-84-949838-0-1

внимание уделялось изучению оригинальных текстов, и Никите Александровичу важно было обратить внимание на значимость переводного наследия для славянской культуры.

Уже только в количественном соотношении переводные тексты невероятно перевешивают оригинальные, составляя, как минимум, 90 процентов от общего состава дошедших до нас памятников (Мещерский 1978:3).

Однако роль переводов в литературе Древней Руси не исчерпывается лишь количественным перевесом: переводные памятники соединяли литературу и культуру Древней Руси и славянских стран с их историческими предшественниками – культурой античной Греции и Рима, христианской Византии, а также стран Древнего Востока – Египта, Палестины, Месопотамии. Таким образом, переводная литература связывала славянский мир с культурным кругом народов Средиземноморья, с христианскими народами Востока и Запада.

Но существует и «обратная связь»: славяно-русские переводные памятники оказываются очень важным наследием на мировом уровне.

И в этом смысле особую роль играют ветхозаветные апокрифы (в англоязычной традиции Old Slavonic Pseudepigrapha), поскольку ряд этих текстов или сохранился только на славянском языке, или же славянский текст представляет собой особую версию апокрифа. К ним относятся, в частности, «Заветы 12 патриархов», «Откровение Авраама», «Вознесение Исайи» и другие.

Надо сказать, что в славянских странах существует давняя традиция исследования и издания славянских апокрифов: достаточно назвать только таких крупнейших специалистов в этой области, как М.В.Рождественская (Рождественская 2004 и др.) и Анисава Милтенова (Милтенова 2008 и др.). При этом до достаточно недавнего времени для мирового сообщества в целом славянские апокрифы были «тайной за семью печатями»... Однако «лед тронулся» и особенно за последнее десятилетие мы видим всплекс интереса к этим текстам во всем мире: славянские апокрифы переводят на разные языки, издают: монографии на эту тему выходят, в том числе, и в таких авторитетных изданиях, как *Brill* и *Oxford Univesity Press* (в частности, Orlov, Boccaccini 2012, Kulik, Minov 2016).

В данной работе я бы хотела немного прокомментировать своеобразие и важность для мировой культуры в целом славянского письменного наследия на примере одного из ветхозаветных апокрифов, который мне особенно интересен и мною наиболее изучен, а именно – Книге Еноха.

Из Библии о Енохе, седьмом от Адама, прадеде Ноя, известно, что он прожил 365 лет и “не стало его, потому что Бог взял его” (Быт. 5.24), “он угодил Богу” и “не видел смерти” (Евр.

ISBN 978-84-949838-0-1

11.5), и “не было на земле никого из сотворенных, подобного Еноху, ибо он был восхищен от земли” (Сир. 49.16) и “взят на небо” (Сир. 44.15). Основное содержание апокрифа составляет увиденное и услышанное Енохом на небесах.

Книга Еноха имеет очень древнее происхождение: древнейшие фрагменты апокрифического текста, связанного с именем Еноха, на арамейском и древнееврейском языках, были обнаруженны в Кумране и датируются II-I вв. до н.э. (Milik 1976). В первые века нашей эры данное сочинение было не только известно, но и пользовалось авторитетом, о чем, в частности, свидетельствует упоминание о нем в Послании Иуды (14-15): “О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: се идет Господь с тьмами святых Ангелов Своих сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники”. На Книгу Еноха ссылались в своих сочинениях Ириней Лионский, Климент Александрийский, Ориген, Тертуллиан, но даже и после того, как Книга Еноха не вошла в сложившийся канон Священного Писания, ее читатели (и почитатели) не исчезли, о чем свидетельствует, среди прочего, наличие выдержек из нее у Георгия Синкелла IX в. (см., в частности, Milik 1976, Black 1970). Невозможно с точностью сказать, существовал ли перевод Книги Еноха на латинский язык, тем не менее, даже если не были доступны сами тексты, связываемые с именем праотца Еноха, о них косвенным образом было хорошо известно и на христианском Западе. Следы их обнаруживаются в иконографии и литературе во времена Рима и Византии, а также в Средневековье (Milik 1976). Но и в Новое время имя Еноха не было забыто, например, гравюры с изображением Еноха есть в изданных в Европе в виде увражей иллюстрированных Библиях XVII века (Белоброва 1990).

Но если в странах Западной Европы об апокрифе было известно, скорее всего, по ее “отголоскам” – парафразам из нее в литературе отцов церкви и в составе хроник, то в славянских землях апокриф был доступен благодаря сохранившемуся славянскому переводу. О том, что и у славян произведение пользовалось авторитетом, свидетельствует тот факт, что фрагмент из него был включен в состав юридического сборника Мерило Праведное (XIV в.); есть ссылки на Книгу Еноха у Архиепископа Новгородского Геннадия (XV в.); упоминается Енох и в Повести временных лет (Навтанович 2000). Образ Еноха также встречается и в славянской гимнографии. Например, в Великом каноне Андрея Критского гласа 6 (Песнь 2, тропарь 3) или в каноне на среду сырную гласа 4-го (Песнь 3, тропарь 1). Енох также поминается в службе праотцам во второе воскресенье перед Рождеством и в воскресенье перед Рождеством в службе отцам (родословие Иисуса). В Новгороде в церкви Спаса на Ильине в

ISBN 978-84-949838-0-1

барабане купола Енох изображен среди праотцев: Адама, Авеля, Сифа, Ноя, Мелхиседека, с ними же вместе и Иоанн Предтеча (Лифшиц 1987:50).

Как мы видим, имя праотца Еноха было почитаемо с первых веков нашей эры у разных народов. Было известно о существовании Книги Еноха, но сам текст не был доступен. Первые публикации текстов, связанных с именем Еноха, относятся к началу XVII века: первым в 1606 году был опубликован греческий фрагмент, входящий в состав Хроники Георгия Синкелла, в 1703 году появилось издание, содержащее цитаты из Книги Еноха, аллюзии и упоминания ее у греческих и латинских авторов I – IV вв. (см. Milik 1976). Но моментом, положившим начало научному интересу к памятнику, стал 1773 год, когда в Европу из Абиссинии были привезены английским ученым Брюсом 3 рукописи, содержащие полный текст апокрифа в эфиопском переводе (Milik 1976). Данное открытие послужило точкой отсчета для возникновения целого направления в библеистике – литературы о Енохе. По мере обнаружения все новых источников неуклонно возрастал и интерес исследователей к апокрифу, наиболее ценными из всех источников оказались, безусловно, самые древние фрагменты Книги Еноха, обнаруженные в Кумране в 1952 году, которые вызвали еще большее внимание к памятнику. Особый интерес исследователей к данному ветхозаветному апокрифу связан с тем, что его считают предтечей всей раннехристианской литературы, одним из первых произведений апокалиптического жанра: Мартин Хенгель называет Книгу Еноха и Книгу пророка Даниила высшей точкой древнееврейской апокалиптики интертестаментального периода (Hengel 1996:180); Мэттью Блэк относит Книгу Еноха к числу текстов praeparatio evangelica (Black 1985:1).

Почти за два с половиной столетия, последовавшие со дня открытия первых списков апокрифа (на эфиопском языке), были обнаружены тексты памятника, сохранившиеся полностью или частично на других языках (греческом, арамейском, еврейском, славянском, коптском), сопоставление которых позволило ученым говорить о существовании трех различных версий Книги Еноха. На сегодняшний день в научной традиции принято выделять три разных апокрифа, связанных с именем праотца Еноха, – 3 Книги Еноха. Их так и называют *Енох 1*, *Енох 2* и *Енох 3*. Всех их объединяет фигура самого праотца Еноха, но сами апокрифы абсолютно различны, как по содержанию, объему, композиции, так и характеру повествования. Под ***Енохом 1*** подразумевают текст, представленный целиком на эфиопском языке, частично на греческом и во фрагментах на арамейском и древнееврейском. Под ***Енохом 2*** понимают версию, которая до совсем недавнего времени была известна только в славянских списках. ***Енохом 3*** называют еврейскую версию апокрифа средневекового периода. По каждой из Книг Еноха существует на настоящий момент огромная научная литература, здесь я ограничусь

ISBN 978-84-949838-0-1

лишь с ссылками на отдельные издания текста и его переводы на современные европейские языки: Енох 1 (Nickelsburg, VanderKam 2004, Milik 1976, Black 1985, Knibb 1978, Charles 1912), Енох 2 (Vaillant 1952, Соколов 1910, Macaskill 2013, Навтанович 1999, Pennington 1984, Andersen 1983, Böttrich 1995 De Santos Otero 1984), Енох 3 (Odeberg 1973, Alexander 1983).

Славянская версия апокрифа, или Книга о Всхищении Еноховѣ Праведнаго, – это «Второй Енох», данное произведение до относительно недавнего времени называли также «Славянским Енохом», поскольку оно было известно только в славянских списках. Тем не менее, уже несколько лет как Второй Енох не может называться «Славянским», потому что 9 лет назад голландский аспирант Йост Хаген обнаружил фрагменты из нее на коптском языке (Hagen 2012).

И все же Енох 2 по-прежнему известен в полном виде только в славянских рукописях конца XV - начала XVIII вв (Навтанович 2000), так что роль славянских списков памятника невозможно переоценить. Повествование в славянском тексте апокрифа начинается с рассказа о том, как Еноху явились 2 мужа (позднее говорится, что это были ангелы) и вознесли его на небо. После этого описываются семь небес, на которые был перенесен Енох, на одном из них он видит осужденных ангелов, на другом – движение небесных светил, на высшем – седьмом небе Енох видит Господа, и Господь рассказывает ему о том, как сотворил мир. Затем архангел Веревеил по повелению господню пересказывает Еноху Книги о тайнах небес, Еноху необходимо записать рассказ и передать данное рукописание детям. После чего ангелы опускают Еноха на землю на 30 дней, чтобы он передал заповеди своим сыновьям и народу. Вторая половина славянского текста содержит наставления Еноха, его предсказания о грядущем Великом Суде над грешниками и вечной жизни, ожидающей праведников. Последняя часть апокрифа посвящена рождению Мелхиседека от Нира (правнука Еноха), брата Ноя.

По поводу данной версии апокрифа: ее происхождения, количества и соотношения редакций, того, с какого языка был сделан первоначальный перевод, когда и где возник предполагаемый оригинал данного апокрифа, по сей день не прекращаются споры, вот лишь отдельные работы (преимущественно последнего времени) из огромного списка трудов, затрагивающих те или иные спорные вопросы: Vaillant 1952, Мещерский 1963, Orlov 2000, Böttrich 2001, Навтанович 2000, Lourie 2012, Shiffman 2012, Stokl Ben Ezra 2012, Badalanova Geller 2010 (исчерпывающая библиография по Еноху 2 на момент 2012 года – Orlov, Boccaccini 2012: 455-471).

Тем не менее, в этой статье я хотела бы отвлечься от всей этой проблематики и, оставив в стороне традиционный текстологический (исторический) подход к тексту, который,

ISBN 978-84-949838-0-1

несомненно, мне близок и дорог и которому я всегда следовала и следую, посмотреть на данный древнеславянский текст как на своего рода *ИНТЕРТЕКСТ*, который дает нам весьма причудливое сочетание разнообразных традиций и взглядов, важных не только для славянской культуры, но и мировой культуры в целом.

И если мы посмотрим на Книгу Еноха в таком ключе, мы увидим, что она представляет собой своего рода лоскутное одеяло, созданное из совершенно разнородных по происхождению элементов. Но которые довольно органично вписываются в канву произведения в целом.

В частности, в тексте отражается один из библейских сюжетов (восходящих к 6 гл. Книги Бытия), впоследствии нашедших отражение в мировой литературе – рассказ о восстании ангелов (достаточно вспомнить «Потерянный рай» Джона Мильтона). И предводителем этих ангелов, согласно разным Книгам Еноха является, в одной из версий – Сатанаил, а в других версиях – Азазель. Последнее имя нам знакомо по его итальянизированной форме в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» – Азазелло. А сейчас все знают его благодаря одноименному роману Б.Акунина. Примечательно, что, за последние 20 лет, как показывает Википедия, как минимум 20 литературных, кино- и теле персонажей, как российских, так и американских, получили это имя. Но впервые Азазель как предводитель восставших ангелов встречается именно в Книге Еноха. Это он научил мужчин войне и искусству изготовления всего необходимого для битвы, а женщин — искусству обмана и соблазнения и, в частности, умению красить лицо и волосы; он научил людей колдовать, но в конечном итоге по повелению Божьему Азазель был связан по рукам и ногам архангелом Рафаилом и прикован к скале, у которой ему суждено пробыть до Судного дня.

А еще древнееврейское имя Азазель в русском языке дало рождение одному устойчивому сочетанию. Слово «Азазель» встречается в 16 главе Кн. Левит, посвященной описанию иудейского праздника Йом Киппур, в русском переводе ему соответствует сочетание «козел отпущения» от еврейского אחד לעזאזל. В данный день к первосвященнику приводились два козла, и один приносился в искупительную жертву Богу, а на другого козла первосвященником возлагались грехи народа, которые символически должны были быть отправлены в пустыню, и этот козел был «козлом отпущения», или «козлом для Азазеля».

Таким образом, с одной стороны, мы видим элементы библейского иудаизма. С другой стороны, в апокрифе есть элементы, не входящие в русло данной традиции, но обнаруженные, в частности, в кумранской литературе. К числу мировых тем, с которыми связано имя Еноха помимо, например, темы падших ангелов, относится и тема астрономическая. С Енохом связывают создание астрономии. И невероятно примечательно, что и в славянском тексте

ISBN 978-84-949838-0-1

(самые ранние свидетельства которого в астрономических главах датируются XV веком) есть следы древнего солнечного календаря, найденного в рукописях Кумрана! Это особый календарь, который насчитывает 364 дня в году, в котором все месяцы имеют равное количество дней – 30, а лишние 4 дня – это 2 дня солнцестояния (зимнего и летнего) и 2 дня равноденствия (весеннего и осеннего). Именно этот календарь был в ходу в ессейской общине в первом веке нашей эры.

Помимо иудейских в славянском тексте прослеживаются и христианские элементы. Данный пласт черт связан с греческим языком как оригинальным языком текстов, вошедших в канон Нового Завета и языком трудов Отцов Церкви. В частности, как мы знаем, имя Адам אדם переводится с древнееврейского как *человек* и является однокоренным со словами אדמה *земля* и אדום *красный* (по цвету ближневосточной глины). Однако в рассказе о сотворении мира в славянском тексте Книги Еноха говорится, что Адам получил свое имя от четырех сторон света: востока, запада, севера и юга. Такое прочтение имени Адам как анаграммы от названия сторон света невозможно ни на одном другом языке, кроме греческого:

Ἀνατολή *восток*
Δυσμή *запад*
Ἄρκτος *север*
Μεσημβρία *юг*

Данная трактовка имени Адама как акростиха частотна в греческой средневековой письменности, известна она через переводы с греческого и в славянской традиции (см., в частности, Vaillant 1952).

Помимо христианских элементов, есть и более древние элементы, связанные с греческим языком (эллинистические элементы). Например, в рассказе о сотворении мира в пространной редакции, который ведется от имени самого Создателя, как ни забавно это звучит из уст Бога, говорится: *И повелел [я]: да будут светила великие на кругах небесных, на первом круге я поставил звезду Кронос, на втором Афродиту, на третьем Ареса, на четвертом солнце, на пятом Зевса, на шестом Гермеса и седьмом – Луну*, речь идет о планетах - Сатурне, Венере, Марсе, Юпитере и Меркурии только с их именами в греческой мифологии, что относительно близко к описанию планет солнечной системы, но такой рассказ из уст Создателя (с использованием имен языческих богов) звучит, как минимум, необычно.

Но как это ни покажется странным, помимо иудейских, христианских, эллинистических черт, апокриф содержит и собственно славянские элементы, то есть и славянский язык внес свою лепту в мозаику ветхозаветного апокрифа. Каким образом? А вот только один подобный пример. В пространной редакции при описании звезд, сопровождающих колесницу солнца,

ISBN 978-84-949838-0-1

указывается их общая сумма – 8.000 (4 тысячи с одной стороны и 4 тысячи с другой). Но этот мотив мы не найдем в остальной апокрифической литературе, потому что он «возник» уже на славянской почве, и в основе его лежит ошибка прочтения. Первоначальный текст говорил о четырех больших звездах, висящих справа от колесницы солнца, и четырех – слева. Однако древнерусский книжник, видимо, прочитал в сочетании звѣзды д҃висѧща, вместо҃висѧща – тисѧща и переделал фразу, проведя соответствующие вычисления. Так вместо восьми звезд, сопровождающих колесницу солнца, появились восемь тысяч.

Это лишь отдельные примеры, а данный славянский памятник насквозь пронизан подобного рода переплетениями разных культурных, религиозных и исторических традиций. Как уже было сказано ранее, он представляет собой своеобразное лоскутное одеяло, сотканное из невероятного количество разных по происхождению «кусочков». Но даже приведенных примеров, как кажется, достаточно, чтобы продемонстрировать, что славянский переводный памятник может сохранить черты очень древних традиций, и, в случае отсутствия оригинала для славянского перевода (как например, с Енохом 2), древнеславянский текст может являться единственным свидетельством этих древних традиций, что делает древнюю славянорусскую переводную письменность и, в частности, славянские ветхозаветные апокрифы чрезвычайно важными при изучении истории развития мировой религиозной и философской мысли и древних литературных традиций.

Список литературы

Белоброва О.А. (1990): Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана, Труды Отдела Древнерусской литературы, 44, 443-479.

Лифшиц Л.И. (1987): Монументальная живопись Новгорода XIV-XV вв. Москва: Искусство.

Мещерский Н.А. (1978): Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков. Ленинград: Издательство ЛГУ.

Мещерский Н.А. (1963): Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе (К изучению версий Книги Еноха), Труды Отдела Древнерусской литературы, 19, 130-147.

Милтенова А., сост. (2008): История на българската средновековна литература. София: Изток-Запад.

Навтанович Л. (2000): Лингвотектологический анализ древнеславянского перевода Книги Еноха. Диссертация на соиск. уч. ст. к.филол.н. Санкт-Петербург. URL: https://ksana-k.ru/?p=27 (дата обращения: 29.08.18)

ISBN 978-84-949838-0-1

Рождественская М. В. (2004): Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование. Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. ст. д.филол.н. СПб. URL: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/rojdestvenskaja/ (дата обращения: 29.08.18)

Соколов М. (1910): Славянская Книга Еноха Праведного. Москва: Изд. ОИДР.

References

Alexander P. (1983): Hebrew (Apocalypse of) Enoch, The Old Testament Pseudepigrapha. Apocalyptic Literature and Testaments, ed. by Charlesworth J.H. New York/London: Yale University Press, 223-316.

Andersen F.I. 2 (Slavonic Apocalypse of) Enoch, The Old Testament Pseudepigrapha. Apocalyptic Literature and Testaments, ed. by Charlesworth J.H. New York/London: Yale University Press, 91-222.

Badalanova Geller F. (2010): 2 (Slavonic Apocalypse Of) Enoch Text and Context. Berlin: Max-Planck-Inst. für Wissenschaftsgeschichte.

Black M. (1970): Apocalypsis Henochi Graece. Leiden: Brill.

Black M. (1985): The Book of Enoch or 1 Enoch. Leiden: Brill.

Böttrich C. (2001): The Melchizedek story of 2 (Slavonic) Enoch: a reaction to A.Orlov Journal for the Study of Judaism, 32/4, 445-470.

Böttrich C. (1995): Das slavische Henochbuch. Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. Band V. Lieferung 7. Gütersloh.

Charles R.H. (1912): The Book of Enoch or 1 Enoch. Oxford: Clarendon.

Hagen J. (2012): No Longer “Slavonic” Only: 2 Enoch Attested in Coptic from Nubia, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 5-34.

Hengel M. Judaism and Hellenism. London, 1996.

Knibb M. A. (1978) The Ethiopic Book of Enoch., 2 vols. Oxford: Clarendon.

Kulik, A., Minov, S. (2016): Biblical Pseudepigrapha in Slavonic Tradition. Oxford University Press, 2016.

Lourie B. (2012): Calendrical Elements in 2 Enoch, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 191-219.

Macaskill G. (2013): The Slavonic Texts of 2 Enoch. Studia Judaeoslavica, 6. Leiden: Brill.

Milik J.T. (1976): The Books of Enoch: Aramaic Fragments of Qumran Cave 4. Oxford: Clarendon.

Nickelsburg G., VanderKam. J (2004): 1 Enoch: A New Translation. Minneapolis: Fortress.

Odeberg H. (1973): 3 Enoch or the Hebrew Book of Enoch. New York: Ktav Publ. House.

ISBN 978-84-949838-0-1

Orlov A., Boccaccini G., eds. (2012): New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill.

Orlov A. (2000): Melchizedek legend of 2 (Slavonic) Enoch, Journal for the Study of Judaism, 31/1, 23-38.

Pennington A. (1984): 2 Enoch, The Apocryphal Old Testament, ed. by H.Spark. Oxford: Clarendon Press, New York: Oxford University Press, 321-362.

Santos Otero A. de (1984): Libro de los Secretos de Henoch (Henoch eslavo), Apocryphos del Antiguo Testamento, IV. Madrid: Cristiandad, 147-202.

Shiffman L. (2012): 2 Enoch and Halakha, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 221-228.

Stokl Ben Ezra D. (2012): Halakha, Calendars and the Provenance of 2 Enoch, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 229-246.

Vaillant A. (1952): Le livre des secrets d`Hénoch. Paris: Institut d'Études slaves.

ISBN 978-84-949838-0-1

"ШИРОКОЕ" И "УЗКОЕ" ПОНИМАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ. К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Найдина Татьяна Евгеньевна
Тамканский университет, Тайвань
133212@mail.tku.edu.tw

Полякова Елена Константиновна
Петербургский государственный университет путей сообщения, Россия
elenapoliakova14@mail.ru

"WIDE" AND "NARROW" CONCEPTION OF PHRASEOLOGY. TOWARDS THE PROBLEM OF THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGY

Tatiana Naydina
Tamkang University, Taiwan

Elena Poliakova
St.Petersburg State Transport University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной русской фразеографии. Основное внимание уделяется тенденции объединения в одном словаре ФЕ - особых единиц языка («узкое» понимание фразеологии) и всех других устойчивых сочетаний и выражений: пословиц, поговорок, крылатых выражений, сложных союзов и т.п. («широкое» понимание фразеологии). Ставится вопрос о невозможности применения единых принципов лексикографического описания для типологически различных единиц языка и о целесообразности создания специальных словарей для единиц, имеющих разный языковой статус.

ABSTRACT

The paper dwells on the problems of modern Russian phraseography. The core attention is focused on the tendency of last decades to unify in one dictionary phraseological units (idioms), which are particular language units according to "narrow" concept of phraseology, and phraseological expressions (according to "wide" concept): proverbs, sayings, quotations, compound terms and conjunctions, etc. The paper raises the question of the necessity of applying different principles towards the different types of language units in their lexicographic description in particular dictionaries.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, фразеологическая единица.

ISBN 978-84-949838-0-1

Keywords: phraseology, phraseography, phraseological unit.

Активно развивающееся в последние время словарное направление в русской фразеологии как отражение научных представлений об объекте и предмете исследований в этой области языкознания свидетельствует о том, что проблема "широкого" и "узкого" понимания фразеологии, ставшая предметом жарких дискуссий несколько десятилетий назад, по-прежнему не утратила своей актуальности. Анализ лексикографических источников показывает, что в настоящее время немало ученых придерживаются "широкого" понимания фразеологии, о чем свидетельствуют как прямые заявления в предисловии к словарям (Тихонов 2004; Розенталь, Краснянский 2008), так и собственно словники новейших фразеологических словарей, авторы которых на основании таких критериев, как устойчивость, воспроизводимость, образность и целостность значения, включают во фразеологический словарь наряду с идиомами типа **лакмусовая бумажка, ветер в голове** *у кого*, **седьмая вода на киселе** и т.п. и пословицы *аппетит приходит во время еды*; *взялся за гуж - не говори, что не дюж* (Алефиренко,Золотых 2008); *или всех грызи, или лежи в грязи; на ловца и зверь бежит* (Ганапольская 2015); *в огороде бузина, а в Киеве дядька* (Баранов, Добровольский 2015) ; *ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами* (Федорова 2013), и крылатые выражения и цитаты *Москва слезам не верит* (Розенталь, Краснянский 2008); *иных уж нет, а те далече* (Баранов, Добровольский 2015), и строки из стихотворений *О вы, отеческие лары, спасите юношу в боях* (Ганапольскай 2015), и составные термины *лирическое отступление*(Баранов, Добровольский 2015), и ситуативно обусловленные речевые клише *что-то стало холодать, не пора ли нам поддать*(Баранов, Добровольский 2015), и глагольно-именные словосочетания с ограниченной валентностью *иметь значение, принести в жертву, принимать участие* (Розенталь, Краснянский 2008), и сложные существительные и имена собственные *ангел-хранитель, баба-яга, Дед Мороз* (Баранов, Добровольский 2015), и сложные предлоги и союзы *в силу, до тех пор пока* (Антонова 2013), и строки из известных песен *первым делом, первым делом - самолеты* (Ганапольская 2015), и сравнительные обороты *как в замедленном кино* (Баранов, Добровольский 2015), *как будто решала сложную задачу* (Ганапольская 2015), и поговорки *спасибо этому дому - пойдем к другому; с глаз долой - из сердца вон* (Баранов, Добровольский 2015); *ем, да свой, а ты рядом постой* (Федорова 2013), и словосочетания, где одно из слов имеет переносное значение *круглый год* (Алефиренко, Золотых 2008), *золотая молодежь, гомерический смех* (Розенталь, Краснянский 2008).

Многочисленность и разнообразие многокомпонентных языковых и речевых образований, составляющих фразеологию в «широком» понимании, не позволяют назвать

ISBN 978-84-949838-0-1

чёткие единые критерии для выделения их языке и дальнейшей лексикографической разработки, а имеющиеся классификации и состав словарей в основном опираются на «устоявшуюся традицию» и «интуитивные представления исследователей о сущности различных феноменов, которые входят во фразеологическую систему языка» (Баранов, Добровольский 2012:18). Показательно, что в предисловии к некоторым словарям авторы вообще не дают никакого определения фразеологической единицы (Ганапольская 2015, Федорова 2013) , что противоречит самой лексикографической практике. Поэтому, как нетрудно заметить, в один словарь попадают совершенно разнородные языковые и речевые единицы, поскольку устойчивость, воспроизводимость, образность и другие признаки, на которые обычно указывают представители "широкого" понимания фразеологии, хотя и присущи в той или иной степени всем приведенным выше единицам, не являются ни каждый сам по себе, ни в совокупности с другими **категориальными (различительными),** позволяющими отграничить одно языковое явление от другого. Сравните, например, сложное существительное **ангел-хранитель,** пословицу **аппетит приходит во время еды,** представляющую собой законченное предложение, сложный союз (служебную часть речи) **до тех пор пока**, словосочетание **закоренелый преступник**, строчку из песни **у природы нет плохой погоды** и идиому **лакмусовая бумажка.** Да, они все устойчивы и воспроизводимы, но обладают различным языковым статусом и, следовательно, требуют различного словарного описания.

Не подлежит сомнению, на наш взгляд, утверждение А.И.Молоткова, что **"научная ценность - теоретическая и практическая - любого фразеологического словаря определяется категориальной однотипностью единиц, включенных в него, и соответствующей однотипностью их лексикографической обработки"** (Молотков 2016:15). Включение же в один словарь такого разнородного материала, естественно, влечет за собой отсутствие системности в лексикографическом описании, единообразия дефиниций или их полное отсутствие. Ср., например: **круглый год** - *целый год, на протяжении всего года* (Алефиренко, Золотых 2008), **дурак ты, дураком и помрешь**- *говорят глупому человеку;* **как будто решала трудную задачу** - *о сосредоточенном выражении лица* (Ганапольская 2015), **что-то стало холодать, не пора ли нам поддать** - *предложение выпить алкоголя* (Баранов, Добровольский 2015), **ешь (пей) - не хочу** - *об изобилии пищи ;* **не ездок** - *о том, кто не хочет, не будет ездить куда - либо, бывать где-либо* (Федорова 2013), **третьего дня** - *указание на событие, произошедшее 3 дня назад* (Баранов, Добровольский 2015), **незваный гость хуже татарина** - *кто-либо идет или пришел некстати, не вовремя, неизвестно зачем* (Алефиренко, Золотых 2008), **присудить награду** *кому - наградить кого-либо за что либо* (Розенталь,

ISBN 978-84-949838-0-1

Краснянский 2008), **и понеслась душа в рай** - *и начнется,* **хоть одна живая душа** - *кто-либо,* **под задницей** - *в наличии. Чаще об автомобиле* , **как душа младенца** чист - *абсолютно,* **загадочная русская душа - барыня, конечно, сволочь, но собачку мы утопим** - *дефиниция отсутствует!* **О вы, отеческие лары, спасите юношу в боях!** - *дефиниция отсутствует!*(Ганапольская 2015). Если разнотипность в дефинициях в рамках одного словаря можно объяснить типологическими отличиями описываемых единиц, то полное отсутствие дефиниций в словаре (!) вызывает по меньшей мере недоумение.

Кроме того, смешение в одном словаре разнотипных языковых единиц приводит к тому, что в качестве синонимов и антонимов к пословице (законченному предложению) **аппетит приходит во время еды** даются ФЕ, являющиеся членами предложения: **глаза разгорелись** *у кого,* **ухватиться обеими руками** *за что,* **хлебом не корми** *кого,* **моя хата с краю**, **до лампочки** *кому что,* **до фонаря** *кому что* и др.(Алефиренко, Золотых 2008), причем это ФЕ разных лексико-грамматических разрядов. Между тем отношения синонимии и антонимии могут быть только между однотипными языковыми единицами, кроме того, ФЕ разных лексико-грамматических разрядов не могут быть синонимами и антонимами, как и слова, принадлежащие к разным частям речи.

Стремление авторов словарей расширить фразеологический состав языка и "обогатить" лингвистический словарь как можно большим количеством многокомпонентых речевых и языковых образований приводит к игнорированию собственно лингвистической составляющей в процессе отбора и словарного описания ФЕ. Под лингвистической составляющей понимается требование категориального единообразия помещаемых в словарь единиц языка как обязательное условие для установления единых параметров их лексикографического описания, наиболее полно и точно отражающих их языковой статус и употребление в речи.

"Узкое" понимание фразеологии отличается от "широкого" прежде всего признанием ФЕ **особой единицей языка**, представленной в единстве своей формы и содержания и отграничивающейся от других единиц языка по наличию у нее категориальных (различительных, дифференциальных) признаков, которые присущи только ей и в своей совокупности невозможны у других единиц языка. Исчерпывающим мы считаем определение, данное А.И.Молотковым в послесловии к переизданию Фразеологического словаря русского языка (Молотков 1994:537-541)**,** где указывается, что к категориальным признакам относится лексическое и грамматическое значения, образующие содержание ФЕ, и компонентное строение, характеризующее ее форму. Как особая единица языка она реально существует в языке и реально употребляется в речи только в единстве своей форы и своего содержания. ФЕ

ISBN 978-84-949838-0-1

состоит не из слов, а из компонентов, которые лишь генетически, по своему происхождению, восходят к словам, однако в составе ФЕ они лексически и грамматически опустошены, и лексическое и грамматическое значение имеет вся ФЕ в целом, но не отдельные ее компоненты. ФЕ, как и слово, всегда является членом предложения (за исключением модальных и междометных ФЕ, выполняющих в предложении функции, близкие к модальным словам и междометиям) и вступает в связи и отношения со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости. ФЕ не может употребляться в речи вне связей и отношений с другими словами в предложении. Как и слово, ФЕ выполняет в языке номинативную функцию (хотя природа номинации у них различна!) и является носителем лексического значения, в основе которого лежат **понятия.**

При таком понимании фразеологической единицы как особой единицы языка за пределами фразеологического состава остаются словосочетания типа *золотая молодежь, волчий аппетит, одержать победу, закоренелый преступник, принять решение, оказывать влияние, впадать в истерику и т.п.*, так как слова, входящие в эти словосочетания, сохраняют все признаки слова с их лексическим (хотя и несколько специфическим или переносным) и грамматическим значением, в то время как компоненты ФЕ лексически и грамматически опустошены. Никаких признаков фразеологической единицы у этих словосочетаний нет, несмотря на их устойчивость и воспроизводимость. Что касается сложных союзов и предлогов типа *до тех пор пока, несмотря на то что, подобно тому как и т.п.*, то у них вообще нет никакого лексического и грамматического значения, и их единственное назначение в языке - выражать определенные связи между знаменательными словами или предложениями.

Отдельного рассмотрения требует проблема отграничения фразеологических единиц от пословиц и поговорок, поскольку ученые, придерживающиеся так называемого "широкого" понимания фразеологии (Архангельский 1964, Шанский 1985, Булаховский 1952, Ройзензон 1973, Ткаченко 1958) безоговорочно относили последние к составу фразеологии. Как уже отмечалось выше, и в современных словарях пословицы и поговорки занимают стабильно большое место. Кроме того, необходимо внести ясность в терминологию, поскольку разные ученые по-разному определяют содержание этих терминов. Приведем некоторые примеры.

Наиболее распространенным является определение, данное Рыбниковой: "пословица - изречение, законченная мысль, выраженная в предложении", а поговорка - это "образный, выразительный по своей форме элемент суждения, характерный для данного языка выразительный оборот речи, идущий на правах языковой единицы" (Рыбникова 1958:515). Сходное определение можно встретить во многих толковых словарях в специальных статьях и исследованиях по фольклору, во вступительных статьях ко многим сборникам русских

ISBN 978-84-949838-0-1

пословиц и поговорок. В качестве примеров последних приводятся выражения типа **скалить зубы, на попятный двор, тряхнуть стариной** и т.п., т.е. поговорки отождествляются с ФЕ. В.М. Мокиенко во вступительной статье к "Большому словарю русских поговорок" определяет поговорки как меткие устойчивые выражения экспрессивно-образного типа, ярко характеризующие человека и окружающую действительность, в отличие от пословиц, которые имеют назидательный смысл и являются логически законченными сентенциями (Мокиенко, Никитина 2007). Поэтому в словарь поговорок включены "выражения" типа **бить баклуши; отложить в долгий ящик; ударим автопробегом по бездорожью**; **чья бы корова молчала, а твоя бы молчала; я корова, я и бык, я и баба, и мужик**; **бороться и искать, найти и перепрятать.**

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н.Семененко считают, что "пословицы - это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и "безобразную" структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста. Поговорками считаются устойчивые выражения не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь" (Алифиренко, Семененко 2009:248-249). При таком понимании в число поговорок попадают и типичные ФЕ **до гробовой доски, ни рожи ни кожи, как с гуся вода,** и высказывания в форме предложения **как на духу всю правду расскажу, дело сдвинулось с мертвой точки.**
Приведенные примеры свидетельствуют, на наш взгляд, не только о терминологической путанице, но и об отсутствии четких критериев отграничения ФЕ , пословиц и поговорок.

Нами **пословицы** и **поговорки** рассматривается в соответствии с русской научной традицией прежде всего как художественные произведения устного народного творчества (малые фольклорные жанры). Они представляют собой законченное высказывание и в грамматическом отношении всегда являются простым или сложным предложением (*аппетит приходит во время еды; не плюй в колодец, пригодится воды напиться; не имей сто рублей, а имей сто друзей; друзья познаются во время беды*). Являясь законченными предложениями, пословицы и поговорки всегда обладают категориями предикативности и модальности и имеют смысловую и интонационную завершенность. В основе их целостного смыслового содержания лежат **суждения**. Наиболее убедительным, на наш взгляд, критерием разграничения пословиц и поговорок представляется наличие или отсутствие иносказательного смысла у этих народных изречений, на что в предисловии к своему словарю указывал В.П.Жуков (Жуков 1966). Специфической особенностью пословицы является ее

ISBN 978-84-949838-0-1

двуплановость: наличие у нее прямого плана содержания высказывания, точно соответствующего значению слов, образующих его, и иносказательного, не соответствующего значению слов, образующих предложение-пословицу (*дым без огня не бывает, первый блин комом*). В этом отличие пословицы от **поговорки,** которая, будучи тождественной пословице в структурно-грамматическом плане (она также представляет собой законченное простое или сложное предложение), обладает только прямым планом содержания высказывания (*деньги - дело наживное*; *все хорошо, что хорошо кончается; мир не без добрых людей*). Категориальное отличие и как следствие невозможность по единым параметрам описать в словаре ФЕ как особую единицу языка и другие в «широком» понимании «фразеологические обороты» можно наглядно продемонстрировать, соотнеся признаки ФЕ и пословиц и поговорок:

Признаки	Пословица *Лес рубят - щепки летят*	Поговорка *Друзья познаются в беде*	ФЕ *Звезд с неба не хватает*
Законченное простое или сложное предложение	+	+	—
Категории модальности, предикативности, смысловая и интонационная завершенность	+	+	—
Иносказательный план содержания высказывания	+	—	—
Лексическое значение	—	—	+
Грамматическое значение	—	—	+
Возможность употребляться вне связей и отношений со словами в предложении	+	+	—
Функция члена предложения	—	—	+

В силу этих различий представляется, на наш взгляд, одинаково некорректным как отнесение к пословицам и поговоркам ФЕ, являющихся, как и слова, единицами языка, из которых строится предложение, так и включение в состав фразеологических единиц языка пословиц и поговорок, представляющих собой художественные произведения устного народного творчества.

Качественное своеобразие ФЕ как особой единицы языка, определяющее ее место в системе языка и ее соотношение с другими единицами, а также особенности ее употребления в речи определяют следующие категориальные и некатегориальные признаки:

ISBN 978-84-949838-0-1

Категориальные признаки:

- форма ФЕ (ее компонентный состав, возможности варьирования)
- лексическое значение
- грамматическое значение

Некатегориальные признаки:

- отнесенность ФЕ к определенному лексико-грамматическому разряду
- валентные свойства ФЕ (ее лексическая и грамматическая сочетаемость)
- акцентология
- сфера употребления (фразеология литературного языка, просторечия, территориальных и социальных диалектов)
- стилистическая принадлежность (фразеология книжная, разговорная, стилистически нейтральная)
- эмоционально-экспрессивная окраска (шутл., бран., ирон., неодобр. и т.д.)
- историко-временная характеристика (особенности происхождения и функционирования ФЕ в период ее бытования в языке)

Именно эти признаки должны во фразеографии, на наш взгляд, рассматриваться как параметры лексикографического описания ФЕ в словаре. Впервые такой подход был осуществлен во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова (Фразеологический словарь русского языка 1967), где представлено научное обоснование выделения ФЕ как особой единицы языка и ее отграничения от других устойчивых сочетаний, что позволило создать словник, состоящий из однотипных единиц языка, и соответствующую однотипность их лексикографического описания. Научно обоснованное определение ФЕ в свою очередь послужило теоретической и практической базой для дальнейших более глубоких исследований качественного своеобразия ФЕ, в результате которых было установлено наличие у ФЕ особой грамматики (Хуснутдинов 1996), валентности (Ермилова 1994), акцентологии (Найдина 1995), особого синтаксиса (Ляхова 1992), создана классификация состава ФЕ по лексико-грамматическим разрядам (Хуснутдинов 1993), в которых нет и не может быть места иным категориальным единицам языка, кроме ФЕ. Совершенно очевидно, что при "широком " понимании фразеологии научная постановка подобных вопросов невозможна, а вопрос о системных отношениях внутри типологически разнородных элементов, которые относят к "широкому" фразеологическому составу языка, весьма

ISBN 978-84-949838-0-1

проблематичен. Именно поэтому учёт категориального статуса языковых единиц, включаемых авторами во фразеологические словари, должен являться базовым принципом при составлении их словников. Каким бы догматичным, по мнению представителей "широкого" понимания фразеологии, ни воспринимался подход А.И Молоткова к границам фразеологии, определению особого статуса ФЕ, вычленению таких единиц в языке и их лексикографическому описанию, он явился научным основанием для создания в дальнейшем специальных фразеологических словарей, представляющих более глубокую информацию о различных аспектах языковой природы ФЕ и особенностях их функционирования в речи: Фразеологизмы в русской речи (2001), Большой фразеологический словарь русского языка (2010), Словарь фразеологических синонимов русского языка (2009), Школьный фразеологический словарь русского языка (2013) и др.

Признание ФЕ особой единицей языка, объективно выделяющейся в языке и отграничивающейся от всех других многокомпонентных устойчивых сочетаний, и в связи с этим правомерность лексикографического описания таких однотипных единиц в специальных фразеологических словарях по единым параметрам отнюдь не ставит под сомнение необходимость изучения и научного описания всех типов устойчивых сочетаний и выражений с учётом их языкового статуса в своём отдельном научном направлении: пословицы и поговорки как творческие жанры – в паремиологии, составные термины – в терминоведении, составные служебные слова – в грамматике, крылатые выражения – в «крылатоведении» и т.д. – и их описание в специальных словарях, содержащих единицы одного лексикографического типа: пословиц и поговорок, крылатых выражений, составных терминов и т.п., что даст возможность описать формальные и содержательные свойства каждого типа сочетаний и определить их место и функциональное назначение в языке. В противном случае собранный под одной обложкой огромный массив "фразеологических оборотов", включаемых авторами в словари, становится лишь собранным автором материалом, требующим дальнейшего исследования и классификации. Только объективная характеристика всех типов устойчивых сочетаний с учётом уровня развития и достижений лингвистической науки может внести ясность и поставить точку в дискуссию об объёме фразеологического состава русского языка.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. (2008): Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. Москва: ЭЛПИС.

ISBN 978-84-949838-0-1

Алефиренко Н.Ф., Семенович Н.Н.(2009): Фразеология и паремиология. Учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 248-249.

Антонова Л.В. (2013): Большой фразеологический словарь русского языка. Москва: Славянский дом книги.

Архангельский В.Л.(1964): Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Дону: изд-во Ростовского университета.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О.(2015): Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЛЕКСУС.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2012): К основаниям классификации фразеологизмов, Человек о языке – язык о человеке: Сборник статей памяти академика Н.Ю.Шведовой. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 16-32.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. (2009): Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва: АСТ- Пресс Книга.

Большой фразеологический слова русского языка /Отв. редактор В.Н.Телия.(2010): Москва: АСТ - Пресс Книга.

Булаховский Л.А. (1952): Об источниках литературной фразеологии: Курс русского литературного языка. -Т. I. Киев: Радянська школа.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. (1967): Москва: Советская энциклопедия.

Ганапольская Е.В. (2015): Фразеологический словарь современного российского детектива. В 2 т. Т.1: А-К. СПб: Златоуст.

Ермилова М.Л.(1994): Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологических единиц современного русского языка. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.

Жуков В.П. (1966): Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Советская энциклопедия.

Жуков В.П., Жуков А.В. (2013): Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва: Просвещение.

Ляхова Т.Н. (1992): Синтаксис фразеологической единицы. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.

Найдина Т.Е. (1995): Акцентология фразеологической единицы. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. (2001): Фразеологизмы в русской речи. Москва: АСТ Трель.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2007): Большой словарь русских поговорок. Москва.: ОЛМА Медиа Групп».

ISBN 978-84-949838-0-1

Молотков А.И. Послесловие к переизданию "Фразеологического словаря русского языка" (1994): Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. 5-е изд. СПб : 537-541.

Молотков А.И. (2016): Русская фразеология и фразеография: аспекты изучениия. Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А.И.Молоткова. Иваново: Иван.гос.ун-т, 5-23.

Ройзензон Л.И. (1973) :Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: изд-во Самаркандского ун-та.

Розенталь Д.Э., Краснянский В.В. (2008): Фразеологический словарь русского языка. Москва: Оникс: Мир и образование.

Рыбникова М.А.(1958): Русская поговорка, Рыбникова М.А. Избранные труды. Москва, 515-526.

Ткаченко П.В. (1958): Вопрос о пословицах как материале фразеологии. Ученые записки Саратовского гос.пед.ин-та. Вып. 30. Саратов: Саратовский гос.пед.ин-т, 101-113.

Федорова Т.Л.(2013): Фразеологический словарь русского языка.Москва: ЛадКом.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка/Под ред проф. А.Н.Тихонова (2004): Москва:Флинта:Наука.

Хуснутдинов А.А.(1996): Грамматика фразеологической единицы. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.

Хуснутдинов А.А. (1993): Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Учебное пособие. Иваново: Ивановский гос. ун-т.

Шанский Н.М. (1985): Фразеология современного русского языка. 3-е изд. Москва: Высш.шк.

ISBN 978-84-949838-0-1

ПРЕДИКАТИВНЫЙ АТРИБУТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ

Найдич Лариса Эриковна
Еврейский Университет в Иерусалиме, Израиль
larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Павлова Анна Владимировна
Майнцский Университет, Германия
anna.pavlova@gmx.de

PREDICATIVE ATTRIBUTE IN THE RUSSIAN LANGUAGE. PROBLEMS OF GRAMMAR AND SEMANTICS

АННОТАЦИЯ

Предикативный атрибут (дуплексив, вторичный предикат, малая клауза) – член предложения, одновременно относящийся к глаголу-сказуемому и к существительному (подлежащему или дополнению). В статье рассматриваются спорные проблемы трактовки этого явления в русском языке. Анализируется распространенное в лингвистической литературе мнение, что ПА выражают лишь вре́менные, переменные признаки. Несмотря на правильность такой общей тенденции, есть примеры, противоречащие этой гипотезе, что объясняется семантикой и грамматическими свойствами глагола. Связь между атрибутивной и глагольной частью предложения часто обогащается дополнительными обстоятельственными значениями (причинными, следственными, уступительными, временны́ми), что ведет к еще большей семантической спаянности отрезков текста.

ABSTRACTS

Predicative attribute (duplexive, secondary predicate, little clause) is a syntactic element referring both to the predicate (verb) and to the subject / object (noun or pronoun). The article deals with controversial problems connected with this phenomenon. Thus, the widespread opinion that the predicative attribute renders only temporary, changing features is considered. Although such general trend really exists, there are examples challenging this hypothesis, caused by semantics and grammatical features of the verb. The connection between attributive and verbal parts of the sentence is often enriched by additional circumstantial meaning nuances (those of causal, consequence, consecutive, and temporal semantics). Such constructions lead to strong boundness inside of a sentence.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, синтаксис, предикативный атрибут.

Key words: Russian language, grammar, syntax, predicative attribute.

ISBN 978-84-949838-0-1

Введение

Объектом данного исследования является член предложения, одновременно относящийся к знаменательному глаголу-сказуемому и к существительному (подлежащему или дополнению). Мы называем его, следуя Герману Паулю, предикативным атрибутом (Paul 1880; Пауль 1960; Зиндер, Строева 1957: 279; Helbig, Buscha 2005, 1. изд. 1972; Naiditsch, Pavlova 2018). Герман Пауль описывает предикативный атрибут следующим образом:

„Мы охарактеризовали определение как ослабленное сказуемое. Теперь следует упомянуть промежуточную степень, на которой определение обладает еще большей самостоятельностью, менее тесно связано с подлежащим, так что в этом случае было бы правильней считать его особым членом предложения. Сюда относится то, что обычно принято называть предикативным определением, напр. нем. er kam gesund an ‚он приехал здоровым‘. Ту же самую логическую связь могут иметь и предложные определения, например нем. er bat mich auf den Knieen ‚он просил меня на коленях‘, где сочетание auf den Knieen можно было бы заменить причастием knieend ‚стоя на коленях‘“ (Пауль 1960: 169).

В известной грамматике Хельбига и Буши (Helbig, Buscha 2005: 465) мы находим важное дополнение:

„Предикативный атрибут представляет собой нечто вроде второго (семантического) предиката в предложении, это некий дополнительный предикат по отношению к субъекту (или объекту), но неполный и несамостоятельный, т.е. вторичный, предикат [...]. Поэтому, по всей видимости, не существует жестких границ между синтаксическим предикатом и синтаксическим атрибутом [...]“ (Перевод мой – А.П.).

Таким образом, в этой книге дается термин «предикативный атрибут» наряду с термином «вторичный предикат», причем второй служит дефиницией для первого. Смысл высказывания о несуществовании жесткой границы между предикатом и атрибутом можно трактовать таким образом, что предикат способен содержать черты определения, а определение включать в свою семантику черты предиката. Например: *Отец вернулся домой* ***веселый / веселым***. ***Робок и боязлив от природы****, Илья все конфликты старался разрешать мирным путём.* ***Неистов и упрям****, / Гори, огонь, гори*. (Окуджава).

В лингвистической литературе это явление называется по-разному: кроме термина «предикативный атрибут» и также уже упомянутого «вторичный предикат» (или «вторичный предикатив»), встречаются термины «свободный предикатив» (нем. freies Prädikativ, см. Erben 1980: 142), «дуплексив» (Чеснокова 1973; Kubík, Adamec, Hrabě 1982), «копредикатив» (Plank 1985; Trost 2006), а в англоязычной литературе чаще всего используется термин «малая

ISBN 978-84-949838-0-1

клауза» (small clause)[3]. Примерно то же означает термин «депиктив», введенный Майклом Халлидеем (Halliday 1967: 63), который противопоставил депиктивные свойства („depictive features“) атрибутов результативным свойствам („resultative features“), иллюстрируя это противопоставление примерами типа: ‚he drinks his coffee black‘ – ‚this machine washes clean‘.

ПА встречается во многих языках. В русском он может быть выражен прилагательным (полным или кратким), причастием, существительным, наречием, местоимением, числительным, а также состоять из нескольких элементов, образующих синтаксическое единство, например, существительное с предлогом, деепричастный оборот, причастный оборот. Так, во фразе, открывающей вторую главу романа Булгакова «Мастер и Маргарита», ПА выражен группой существительного с предлогом, которая одновременно характеризует и внешний вид прокуратора, и способ выполнения действия:

(1) **В белом плаще с кровавым подбоем**, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Среди русских лингвистов первыми указали на существование предикативного атрибута (или предикативного определения) А.А. Потебня (Потебня 1958: 111) и

А.А. Шахматов (Шахматов 1941: 39–40; 1-е изд. 1925). Но несмотря на заложенную ими традицию, этому члену предложения в русских грамматических пособиях и исследованиях до последнего времени не уделялось достаточного внимания. Исключение составляла книга Л.Д.Чесноковой (1973), где этот член предложения, называемый «дуплексив», описывается очень подробно и всесторонне. В последние два десятилетия появился целый ряд статей, анализирующих данное явление; после книги Чесноковой большой вклад в описание ПА в русском языке внесло исследование Nichols 1981. Но многие аспекты проблематики в связи с ПА всё еще не освещены или остаются дискуссионными.

Сложности трактовки ПА

3 В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна сказано: «Вторичный предикатив (копредикатив) – зависящий от глагола член предложения, который описывает состояние, свойство, положение или действие субъекта или объекта ситуации, обозначенной этим глаголом. Ср.: *Он бегал по улице без шапки <раздетый, раздетым>* (состояние субъекта ситуации), *Я знал ее молодой*. Вторичный предикатив отличается от похожих на него членов предложения во фразах типа *Я считал ее молодой* тем, что не является актантом глагола». (Апресян 2003).

ISBN 978-84-949838-0-1

ПА – неоднозначное, переходное явление синтаксиса. Двойная соотнесенность некоторых элементов предложения, казалось бы, противоречит простым синтаксическим схемам. Даже наличие или отсутствие ПА в отдельных примерах может вызвать споры. Так, в примере (2) мы можем увидеть в маркированном слове простое обстоятельство, относящееся к глаголу *стоишь*, а можем отнести его одновременно и к глаголу, и к необозначенному здесь местоимению второго лица как его определение и рассматривать его как ПА, причем в таком случае *превыше*, возможно, представляет собой сравнительную степень не наречия, а прилагательного:

(2) Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, **превыше** тронов,
Превыше башен городских. (Давид Самойлов. Крылья холопа)

Иногда то, что мы бы назвали ПА, выраженным абсолютной конструкцией, может трактоваться как вводное номинативное предложение:

(3) Ксения – **неизменная сигарета в зубах** – сбросила ветровку и сапоги. (Ирина Лобановская. Злейший друг).

В следующем отрывке из стихотворения Ахматовой «Уединение» выделенные нами краткие прилагательные относятся к существительному-подлежащему: *божественно спокойна* и *легка* рука Музы. Но в то же время отчетливо ощущается и их связь с глаголом: именно такие свойства руки дают возможность действия *дописать*. ПА здесь явственно выступают как дополнительные (вторичные) сказуемые:

(4) А не дописанную мной страницу –
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука

Связь с глаголом может быть не замечена реципиентом текста, а краткие прилагательные будут тогда рассмотрены как относящиеся только к существительному. В предложении

(5) **Белое и лёгкое** (,) платье мерцало в тёмной комнате

ISBN 978-84-949838-0-1

выделенные прилагательные являются определениями, пока они составляют с определяемым существительным цельную синтагму. Но стоит нам отделить их запятой, а в устной речи выделить интонацией, их связь с глаголом, а значит, и трактовка как ПА, становятся очевидными: они превращаются во вторичные сказуемые. Зависимость статуса и семантики ПА от пунктуационного отделения в лингвистической литературе пока, насколько мы можем судить, не описана, в то время как связь между этими явлениями явственно ощутима и значима.

Дискуссионными остаются и закономерности употребления ПА-прилагательного в русском языке в форме согласованного падежа (именительного, винительного и др.) или несогласованного творительного падежа. Например, с глаголом *пришел* допустимы оба варианта (*Он пришел* ***веселый / веселым***), а вот с глаголом *шел* творительный вряд ли возможен (*Он шел* ***злой / *злым***), как и при глаголах положения в пространстве (*сидеть, лежать, стоять*). Нам пока не встретилось ни одного полного научного описания допустимых употреблений творительного или, наоборот, согласованных форм прилагательных в роли ПА в зависимости от семантики глаголов. (Подробнее см. об этом следующий раздел).

Иногда носитель языка чувствует, как можно, а как нельзя сказать, но правила не может сформулировать не только он, но и профессиональный лингвист. Так, неясно, по какой причине ПА-прилагательные должны быть дополнены однородными членами, чтобы фраза показалась нам стилистически корректной. Например, почему-то кажется ненормативным вариант:

(6) ***Здоров**, он собирался выйти на работу,

но нейтрально звучит:

(7) **Здоров и бодр**, он уже принимал гостей.

Или фраза

(8) *Мальчишка сидел передо мной, **наглый**

кажется странной, в то время как предложение

(9) Мальчишка сидел передо мной, **самоуверенный и наглый**

представляется стилистически корректным.

Ср. также:

(10) *Князь, старый, уже не выходил из дома. – Князь, старый и немощный, уже не выходил из дома. –*Старый, князь уже не выходил из дома. – Старый и немощный, князь уже не выходил из дома.

ISBN 978-84-949838-0-1

Кажется, что прилагательное – по крайней мере, отделенное в самостоятельную синтагму, – чтобы приобрести статус ПА, часто требует «утяжеления», грамматического распространения. Но так происходит не всегда; особенно много «исключений» в поэзии. Ср.:

(11) Один пред конною толпой
Мазепа, **грозен**, удалялся
От места казни. (Пушкин. Полтава)

(12) Люблю его, когда, **сердит**,
Он поле ржи задёрнет флёром. (Анненский. Ветер)

(13) Вечерних окон свет жемчужный
Застыл, **недвижный**, на полу... (Ходасевич. Вечером синим)

Рассмотрим несколько нерешенных проблем в следующем разделе подробнее.

Обозначают ли ПА только непостоянные признаки?

Мнение о том, что ПА выражают лишь вре́менные, переменные и ограниченные длительностью ситуации признаки, чрезвычайно распространено. Уже Герман Пауль писал о том, что предикативный атрибут по природе своей выражает непостоянный признак предмета (Paul 1920: 142; Пауль 1960: 169). В современном исследовании читаем: «Депиктивные предикаты отображают дополнительные признаки, которые релевантны для предмета лишь до тех пор, пока длится передаваемая предикатом ситуация» (Dölling 2000: 21; перевод мой – А.П.). Аналогичные мнения можно найти и в других работах (Helbig, Buscha 2005: 466; Dolińska 2011: 73). Действительно, имманентные предмету свойства к роли ПА пригодны меньше, чем вре́менные. Эта особенность ПА вызвана его связью с глаголом, т.е. с действием.

В русском языке на проблему постоянства и непостоянства признака ПА, выраженного прилагательным, накладывается другая: непостоянные признаки часто выражены творительным падежом. Несмотря на обширную литературу, вопрос о соотношении употребления творительного падежа и согласованного атрибута до сих пор окончательно не выяснен. Некоторые языковеды уверены, что творительный выражает переменное, непостоянное качество, в то время как согласованный падеж этой семантикой не обладает; постоянное, имманентно присущее предмету качество в принципе не может выражаться творительным падежом прилагательного (Борковский, Кузнецов 2016 – 1963; Timberlake

ISBN 978-84-949838-0-1

1986, Filip 2001, Richardson 2001). «Имеется в виду, что предложения типа *он увидел его чистым* (временный, или стадиальный признак) более естественны, чем *он увидел его деревянным* (постоянный, или индивидный признак). В целом это наблюдение верно, хотя, [...] такое описание все же требует уточнений» (Кузнецова, Рахилина 2014: 1986). Действительно, многие примеры подтверждают мнение о непостоянстве признака, выраженного творительным падежом. Ср.: *Гулял я* ***молодым*** / *Гулял я* ***молодой***, где в творительном явственно ощущается семантика непостоянства признака, а в именительном эта семантика не выражена[4].

Однако в других случаях обе формы представляются полными синонимами: *Он пришел* ***усталым*** / *Он пришел* ***усталый***. Собранные нами примеры дают следующую картину. При непостоянном признаке возможна конкуренция согласованного прилагательного и творительного падежа:

(14) Он пришёл домой **пьяный**. / Он пришёл домой **пьяным**.

(15) Он вернулся в семью **поумневший**. / Он вернулся в семью **поумневшим**.

(16) Она вбежала **разрумянившаяся**. / Она вбежала **разрумянившейся**.

При имманентном предмету признаке употребление творительного обычно невозможно. Так, допустимо сказать: *Я надену это платье* ***неглаженым***; но недопустимо: **Я надену это платье* ***ярко-красным***[5]. Подобные (некорректные) фразы порождают представление о том, что одно и то же платье утром может быть одного цвета, а вечером другого. Уже этот нежелательный эффект «когнитивного диссонанса», вызываемый подобными странными высказываниями, казалось бы, свидетельствует о том, что ПА в принципе способны передавать только непостоянные свойства, которые характеризуют один и тот же предмет в разное время и при разных обстоятельствах. Таким образом, представление о том, что качество, выражаемое в ПА, должно носить вре́менный и непостоянный характер, утвердившееся в литературе, многими нашими примерами подтверждается. Если мы скажем: *Она пришла к нам* ***рыжей***, или *Я знал ее* ***блондинкой***, то напрашивается мысль о последующем изменении цвета волос, т.е. в такой конструкции очевидна непостоянность

4 Под «не выражена» имеется в виду «не актуализирована», «не осознается». Понятно, что молодость в принципе когда-нибудь проходит, но творительный подчеркивает ее мимолетность, в то время как в именительном (согласованном) сема мимолетности, непостоянства «погашена».

5 Впрочем, здесь невозможен и согласованный (винительный) падеж: **Я надену это платье ярко-красное.*

ISBN 978-84-949838-0-1

признака: *Она пришла к нам* ***рыжей****, а вышла* ***жгучей брюнеткой****. Я знал ее* ***блондинкой****, а потом встретил* ***брюнеткой****.*

Однако даже в случае с творительным падежом есть примеры, противоречащие указанной закономерности. Например, с глаголами появления, возникновения (*родиться, появиться на свет*) сочетаются прилагательные, обозначающие постоянные признаки – или, во всяком случае, не ограниченные временем действия глагола. Вполне корректны и представляются полностью синонимичными высказывания: *Девочка родилась* ***рыжей / рыжая****. Она пришла в этот мир* ***рыжеволосой / рыжеволосая***. Такие случаи, по-видимому, объясняются семантикой и грамматическими свойствами глагола.

В ПА, выраженных согласованными прилагательными, постоянные признаки встречаются довольно часто. Ср.:

(17) Воротился он **бледный от гнева, печали** (Апухтин. Старая цыганка) – временный признак

(18) И **узкое, узкое, узкое**
Пронзает меня лезвиё. (Ходасевич. Баллада) – постоянный признак

В следующем примере постоянные и вре́менные признаки объединены в одном ПА:

(19) Тут вошла девушка лет осьмнадцати, **круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши**... (Пушкин. Капитанская дочка)

Но бывают случаи, когда постоянство или изменчивость признака представляются величинами относительными. Рассмотрим пример:

(20) Он приходил ко мне, **изможденный, измученный**.

Естественно предположить, что *он* бывал в таком состоянии не всегда. Но возможно, что оно было вообще свойственно *ему*. Если заменить прилагательные, то ясно, что речь может идти и о постоянном признаке:

(21) Он приходил ко мне, **высокий, статный**.

ISBN 978-84-949838-0-1

А (20) представляет собой своего рода грамматический омоним.

Неоднозначность решения рассмотренной проблемы, по-видимому, объясняется семантикой глагола и привычными коллокациями с ним (узусом).

Отягощенность ПА дополнительными обстоятельственными значениями

Описывая предикативное определение, А.А. Шахматов приводил следующую фразу: *Жизнерадостный и весёлый, он рассеял скверное расположение, в котором мы находились.* И другой пример: *Старый и одряхлевший князь перестал выезжать из дома и почти не выходил из кабинета* (Шахматов 1941: 39–40; изд. 1, 1925). В обоих примерах, по Шахматову, содержится не обычное определение, а ПА. Шахматов рассматривает атрибуты в этих предложениях как предикативные из-за заключенного в них обстоятельственного значения причины, что синтаксически связывает их с глаголами.

Действительно, во многих случаях ПА, имея двойную соотнесенность, передают некоторые специфические соотношения значений атрибутивной и глагольной части: причинно-следственные, уступительные, временны́е. Дополнительные семантические связи в предложении возможны не только в ПА. Например, в известной «дразнилке» *Любопытной Варваре нос оторвали*, где прилагательное *любопытной* – обычное определение, несомненно, ощущается причинно-следственная связь между прилагательным и последующим действием: ‘Варваре оторвали нос, потому что она совала его не в свои дела’. Если заменить прилагательное, исказив поговорку, например: *Толстой Варваре нос оторвали*, то реципиент этого высказывания, возможно, будет искать семантическую связь между его частями, но вряд ли ее найдет. Более того, и при отсутствии прилагательного более или менее сильные дополнительные связи, например, между существительным и глаголом, возможны благодаря семантическому строению слов (наличию определенных сем), ассоциациям, пресуппозициям. Если мы говорим: *Отличник блестяще сдал экзамен*, то ощущаем причинную связь между подлежащим и группой сказуемого: ‘раз отличник, так и должно было быть, мы этого и ожидали’. А если говорим: *Отличник провалился на экзамене*, ощущается уступительная связь: ‘хотя и отличник, но провалился’, нарушаются пресуппозиции, и реципиент строит гипотезы: почему так случилось? Такой поиск дополнительных внутренних связей естествен, а для ПА они играют важную роль, еще более объединяя элементы предложения. ПА с дополнительной обстоятельственной семантикой могут быть выражены разными частями речи, разными словосочетаниями. Сравним различные способы выражения ПА, отягощенного обстоятельственными со-значениями:

а) однородные прилагательные:

ISBN 978-84-949838-0-1

(22) [...] досыта изыздеваюсь, **нахальный и едкий** (Маяковский. Облако в штанах) (семантика причины: ‚изыздеваюсь, потому что я нахальный и едкий‘).

б) причастный оборот:

(23) Но ей
Не хорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей (Пушкин. Евгений Онегин) (семантика причины)

в) оборот с кратким прилагательным:

(24) **Извечно покорны слепому труду,**
Небесные звезды несутся в кругу. (Давид Самойлов. Извечно покорны слепому труду...) (семантика причины)

г) абсолютная номинативная группа:

(25) **Дитя сама**, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела. (Пушкин. Евгений Онегин) (семантика уступительности)

д) существительное с предлогом:

(26) **В нарядном платье, с красной лентой в косе** девочка выглядела еще милее (семантика причины).

Таким образом, мы видим разнообразное оформление ПА с дополнительной обстоятельственной семантикой. Последняя очевидно усиливает семантическую связь ПА с глаголом-сказуемым.

Выше мы уже говорили об одиночном атрибутивном элементе, не всегда достаточном для образования ПА. Приведем еще примеры, связанные с обстоятельственным значением. Ср.:

ISBN 978-84-949838-0-1

(27) ***Красивая**, Нина была несчастлива в личной жизни.

В предложении (27), казалось бы, чего-то не хватает – во всяком случае, в бытовой разговорной речи оно кажется странным. Убедительнее выглядит вариант с двумя однородными ПА:

(28) **Красивая и обаятельная**, Нина была несчастлива в личной жизни.

Уступительное значение здесь, несомненно, чувствуется, в то время как в следующем примере оно сомнительно, так как трудно найти соответствующие смысловые связи, и дополнительная семантика осознается только если добавить словосочетание *еще и, к тому же* и т.п.:

(29) **Красивая и обаятельная**, Нина (к тому же) всегда была одета со вкусом.

Дополнительная семантика обеспечивает бóльшую внутреннюю спаянность фразы, а значит, и бóльшую вероятность наличия ПА. Представляется, что отягощенность дополнительными обстоятельственными значениями дает единичным прилагательным право на существование в качестве ПА, но при условии, что такие прилагательные выделены в самостоятельную синтагму. При этом одиночные отделенные на письме запятой (реже – тире или даже точкой) прилагательные носят отпечаток высокого литературного стиля, далекого от разговорной речи. Ср.:

(30) **Хищные**, лисы могут напасть и на человека.

(31) **Остроумный**, он любил розыгрыши.

(32) **Порывистый**, юноша страдал приступами гнева.

Для разговорной речи или публицистического стиля естественнее пары прилагательных. Например, вместо варианта (32), в тексте публицистического жанра написали бы, скорее всего: *Порывистый и нетерпеливый* / *Порывистый и нервный...* и т.п.

Заключение

Предикативный атрибут объединяет то, что кажется несовместимым: определение соединяется в нем с обстоятельством образа действия. Благодаря двойной

ISBN 978-84-949838-0-1

связи: с подлежащим (реже с дополнением) и с предикатом, – ПА как будто цементирует предложение. ПА дает возможность выразить дополнительные семантические связи, поиск которых на основе сем внутри значений отдельных слов, на базе пресуппозиций, контекста и фоновых знаний естественен при восприятии любого высказывания, в том числе отдельной фразы или сверхфразового единства. Соотношение грамматики и семантики в ПА выступает в своем явном, но иногда несколько необычном – с точки зрения простых и привычных синтаксических отношений – виде. Во многих случаях семантическая связь между атрибутивной и глагольной частью предложения обогащается дополнительными обстоятельственными значениями (причинными, следственными, уступительными, противительными, временны́ми), что ведет к еще большей семантической спаянности отрезков текста, так как усиливает их взаимозависимость.

При анализе ПА остается много неясного, гипотетического. Многие закономерности носят вероятностный характер. Очевидно, ряд проблем можно прояснить только учитывая семантику и грамматические связи глагола. Другие вопросы связаны со стилем повествования. Например, в поэзии встречаются случаи употребления ПА, казалось бы, невозможные в прозе. Эта сторона анализа ПА, т.е. его описание с точки зрения грамматики поэзии, еще требует новых исследований.

Список литературы

Апресян Ю.Д. (ред.) (2003). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Языки славянской культуры.

Борковский В. И., Кузнецов П.С. (2016-1963). Историческая грамматика русского языка. Изд. 6. Москва URSS. Первое издание 1963 г.

Зиндер Л.Р., Строева Т.В. (1957). Современный немецкий язык. М.: Изд. литературы на иностранных языках.

Кузнецова Юлия, Рахилина Екатерина (2014). Депиктивы оказались удивительными. Acta Linguistica Petropolitana. X. Ч. 2. St. Petersburg, 180–218. URL: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/145333001. Последнее обращение: 9.04.2018.

Пауль, Герман. (1960). Принципы истории немецкого языка. Пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича. М.: Изд. иностранной литературы.

Потебня А.А. (1958). Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

Чеснокова Л.Д. (1973). Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону: ГПИ.

ISBN 978-84-949838-0-1

Шахматов А.А. (1941). Синтаксис русского языка. 2 изд. М.: Учпедгиз. (1-е изд. 1925).

References

Dolińska, Justyna (2011). Zur Klassifizierung der Prädikative. Doctoral Thesis. Jena.

Dölling, Johannes (2000). Uminterpretationen bei adverbialer Modifikation: Ein generelles Herangehen. J. Dölling, Pechmann Th. (Hrsg.): Prosodie-Struktur- Interpretation. Linguistische Arbeitsberichte, 74. Universität Leipzig, 271–30.

Filip, Hana (2001): The Semantics of Case in Russian Secondary Predication. Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI. Hastings Rachel, B rendan Jackson, Zsofia Zvolenszky (Ed.). Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell Univ., 192–211. URL: http://plaza.ufl.edu/hfilip/russian_sec_pred.pdf. Letzter Zugriff: 15.04.2018.

Erben, Johannes (1980). Deutsche Grammatik: Ein Abriss. München: Hueber.

Halliday, Michael A.K. (1967). Notes on Transitivity and Theme in English: Part 1. Journal of Linguistics, Vol. 3, No. 1, 37–81.

Helbig, Gerhard; Buscha, Joachim (2005). Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin, München: Langenscheidt.

Kubík M., Adamec Pr., Hrabě V. et al. (Hrsg.) (1982). Russkij sintaksis v soposatavlenii s češkim. Praha: Statni pedagogicke nakladatelstvi.

Naiditch Larissa, Pavlova Anna (2018). Prädikatives Attribut. Eine Vergleichsstudie für Russisch und Deutsch. Frank & Timme Verlag.

Nichols, Johanna (1981). Predicate nominals: a partial surface syntax of Russia. Berkeley: University of California Press.

Paul, Hermann (1920). Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. Halle: Niemeyer. (Первое издание – 1880).

Plank, Frans (1985). Prädikativ und Koprädikativ. Zeitschrift für Germanistische Linguistik 13, 154–185. URL: http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/plank/for_download/publications/44_Plank_PraedikativKopraedikativ_1985.pdf . Retrieved: 15.04.2018.

Richardson, Kylie (2001). What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case. ZAS, Papers in Linguistics 26. URL: http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/material/ZASPiL_Volltexte/zp26/zaspil26-richardson.pdf Retrieved: 15.04.2018. Retrieved: 15.04.2018

Timberlake, Alan (1986). The semantics of case in Russian predicate case complements. Russian Linguistics, Vol. 10, No. 2, 137–165.

ISBN 978-84-949838-0-1

Trost, Igor (2004). Das deutsche Adjektiv: Untersuchungen zur Semantik, Komparation, Wortbildung und Syntax. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

ISBN 978-84-949838-0-1

НАЗВАНИЕ ВЕРХНЕЙ И ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЫ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Ненашева Лариса Викторовна
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
jazyk@atknet.ru

THE NAME OF OUTWEAR AND WINTER CLOTHING IN ARKHANGELSK DIALECTS

Larisa Nenasheva
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается лексика, связанная с названиями верхней и зимней одежды в архангельских говорах: шубы, полушубки, пальто, куртки, а также наименования рукавиц. В статье приводится оригинальный диалектный материал, собранный в экспедициях. Также уточняется семантика и происхождение отдельных слов. Анализируемая диалектная лексика богата фонетическими и словообразовательными вариантами. В статье рассматривается происхождение некоторых слов по материалам исторических и этимологических словарей. Почти все названия верхней и зимней одежды имеют общеславянские корни.

ABSTRACT

The name of outwear and winter clothes in the Arkhangelsk dialects. This article deals with the vocabulary related to the names of outwear and winter clothes in the Arkhangelsk dialects: fur coats, sheepskin coats, coats, jackets, and also mittens' names. The article contains original dialect material collected in expeditions. Semantics and the origin of individual words are also specified. The analyzed dialect vocabulary is rich in phonetic and derivational variants. The article deals with the origin of some words based on historical and etymological dictionaries. Almost all the names of outwear and winter clothes have common Slavic origin.

Ключевые слова: диалектология, архангельские говоры, народный костюм, зимняя верхняя одежда.

Keywords: dialectology, Arkhangelsk dialects, folk costume, winter outwear.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-14-29005-ОГН «Живое слово Русского Севера».

У русской народной одежды многовековая история. Общий её характер соответствует внешнему облику, образу жизни, географическому положению и характеру труда народа. Из-за холодного климата жители северных территорий надевали на себя больше теплой

ISBN 978-84-949838-0-1

одежды, поэтому в севернорусских говорах набор слов, выражающих понятие ‘верхняя, зимняя одежда’ богаче, чем в южнорусских.

Актуальность исследования определяется как общим интересом современной лингвистики к изучению различных тематических групп, так и необходимостью отбора, систематизации и описания накопившегося диалектного материала. Обращение к данной лексике актуально потому, что в настоящее время значительное количество диалектных лексем из исследуемой группы уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, употребляется в их речи в ситуациях, связанных с описанием старого быта, уходит на периферию лексической системы, а отдельные наименования одежды утрачиваются в силу ряда причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Являясь одним из устойчивых элементов материальной культуры народа, ведущим признаком этнических особенностей, выразителем этногенеза, одежда вместе с тем отражает связи и взаимоотношения русского народа с соседними этносами, а также испытывает изменения под влиянием моды. Этим объясняется тот факт, что наименования одежды представляют большой, сложный и пока еще недостаточно изученный пласт лексической системы русских народных говоров.

В данной исследовании вводится в научный оборот диалектная лексика, связанная с названиями верхней и зимней одежды. Некоторые наименования не отмечены в работах диалектологов и не зафиксированы диалектными словарями. Также уточняется семантика и происхождение отдельных слов, приводится яркий иллюстративный диалектный материал, записанный в диалектологических экспедициях, проходивших в районах Архангельской области на протяжении пятидесяти лет.

Традиционно наименования верхней одежды можно разделить на следующие тематические группы: 1) одежда, которую могут носить и мужчины, и женщины; 2) женская верхняя одежда; 3) мужская верхняя одежда.

Так, одежду, которую могут носить и мужчины, и женщины, можно разделить на шубы, полушубки, пальто, куртки. Само слово *шуба* как ‘меховое верхнее платье’ впервые зафиксировано в древнерусском языке в конце XIV в.: «А шюбы бораньи носити безъ пуху и обувь и до онущь имати у игумена. *Уст. гр. Сузд. арх. Дион. ок. 1382 г.*; А на комъ пригодится опашенъ или шуба, ини бы припоясывали. *Кипр. м. Посл. Псков. дух. п. 1395 г.*» (Срезневский 1912: 1598). М. Фасмер отмечает, что данное слово употребляется почти во всех славянских языках, и предполагает заимствование этого слова «через ср.-в.-н. schoube ‘длинное и просторное верхнее платье’, нов.-в.-н. Schaube из ит. giubba от арабского ǰubba ‘верхняя одежда с длинными рукавами’» (Фасмер 1987: 482).

ISBN 978-84-949838-0-1

Наименования верхней одежды рассматриваются по материалу и по функции использования. Самой распространенной зимней одеждой для русского крестьянина был *армя́к*, который шился из грубой ткани, например, из сукна, был очень широким внизу, длинным до лодыжек, с высоким воротником. Надевали армяк поверх пальто или шубы, когда ехали далеко в холодную погоду, например, за сеном или в лес: Армякú куды́ поéдут за сéном али за дровáми дак натéгивали навéрх. (Ленский район); В армякé, конéчно, в лесý теплéе. (Верхнетоемский район); В армякáх мужикú в лес éздили, ис сéрово сукнá шúли.// Армякú дóлги, тёплы, зимóй носúли.// Армя́к надевáют на одёжу в большúе морóзы. (Холмогорский район); Армя́к ис шéрсти, тулýп из офцúны. (Приозерский район). Слово *армяк*, или *ормяк*, в значении ʻверхняя мужская одежда из сукна, шерстиʼ встречается в приходно-расходных книгах Антониево-Сийского монастыря 1578 г.: «Купил армяк дал 10 алтын, купил кафтан шубнои боранеи дал 9 алтын» или в описании платья Бориса Годунова 1589 г.: «Ормякъ толстой белъ, ординской; на немъ 8 завязокъ, шолкъ дымчатъ» (СлРЯ 1975, вып. 1: 47).

Употребление слова *азям* (озям) зафиксировано в исторических словарях с середины XVII в.: «А на техъ де тунгусахъ на нихъ и на женахъ ихъ онъ Гришка видалъ круги серебряные и плащи, и въ платье на нихъ кумачи виделъ же, сделано азямомъ. ДАИ III, 103.1647 г.» (СлРЯ 1975, вып. 1: 25). Слово *азя́м* широко распространено в русских говорах для обозначения верхней, мужской или женской, одежды крестьян (СРНГ 1966, в. 1: 215). Слово употреблялось в архангельских говорах и до сих пор встречается в значении ʻверхняя суконная одежда в виде армяка, надеваемая поверх шубы, пальтоʼ: Азя́мы-то на оболóцьку надéнут, как морóзы, да поéдут. (Шенкурский район); Сукóны азя́мы бы́ли. (Красноборский район); Отéч-от у меня́ портня́жничал, азя́мы шил. (Вилегодский район); Зимóй мужикú надевáли азя́м долгопóлой. (Устьянский район); В однóй кожáре-то студенó, дак азя́му-то и надéнут. (Красноборский район).

Длинная шуба-балахон из оленьей шкуры с капюшоном, надеваемая через голову, называется *сови́к*. В этой одежде ездили за сеном на дальние сенокосные участки: Совúк шúли до пят. Надевáли чéрез гóлову. В совикú éздили за сéном. (Пинежский район). В том же значении и также в северных и сибирских говорах слово *сови́к* зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 2005: 187-188). Жители Холмогорского района носили шубу *казенéтовку*: Шýбы бы́ли сукóнны, крéпки – казенéтовки. Длинную нарядную шубу со сборками называют в архангельских говорах *бекéшей*: Бекéшу надéнут – и в гóрод. (Плесецкий район). Слово *бекéша* в значении ʻдлинная верхняя мужская одежда с борамиʼ зафиксировано в Пермской области еще в 1919 г., производное от него слово *бекéшка* в значении ʻшуба из овчины, покрытая сукномʼ отмечено в 1890-1893 гг. в Архангельской и Вологодской

ISBN 978-84-949838-0-1

губерниях (СРНГ 1966, в. 2: 206). М. Фасмер указывает на заимствование слова бекеша из венгерского языка посредством польского: венг. bekes, польск. bekiesza (Фасмер 1986, т. 1: 146).

Мужская русская народная одежда была скромнее женской. Северная и южная мужская одежда различались лишь в незначительных деталях и отделке. В архангельских говорах бытует довольно большое количество слов, обозначающих мужскую верхнюю и рабочую одежду. Например, слова с корнем верх-, называющие верхнюю одежду, широко представлены и в северных говорах, и в древнерусских текстах: «*верхница* – ʽодежда, надеваемая поверх другой': А въ коробье, государь, было... двадцеть рубашекъ мускихъ и женскихъ, исподокъ и верхницъ, цена восмь рублевъ. АХУ III, 153. 1633 г.» (СлРЯ 1975, в. 2: 103). В северных говорах слово *верховúца* означает ʽверхнюю одежду типа халата или рубахи, надеваемую поверх другой одежды и сшитую из холста': Верховúца из мешковúны былá, надевáли повéрх одéжды, штóбы не пóртилась, при обмолóшке зернá. (Каргопольский район); Верховúца – э́то портянáя рубáха, одевáлася повéрх одéжды.// Верховúца подпоя́сана кушакóм. Онá надевáеца повéрх фсевó.// Давáй, старúк, надевáй верховúцу. Как рубáха, до колéн, столь долгá. (Красноборский район); Верьховúца потпоя́сывалась домоткáным пóесом.// В лес ушóв и верховúчи не налóжив.// А спецодéжда на рабóте называ́лась верьховúца.// И вот рáньше фсё в э́тих верховúцах в лес поéдут дак. (Устьянский район); Худóе на себя́ надéнешь, а верховúцу свéрху надéнешь. (Вилегодский район); Мужикú в лес поéдут, дак вирховúцы одивáли. (Приморский район); Бáтько, не забýдь верховúцу надéть, а то остынешь. (Верхнетоемский район). Суффиксальным способом образования различаются слова *верхóвка* и *верхóвница*, обозначающие верхнюю рабочую одежду: *верхóвка* – верхняя одежда, куртка из сукна без подкладки и воротника: Пойдёт корóф пастú, так повéрх ешшо верхóфку оденéт. (Каргопольский район); *верхóвница* – рабочая одежда из грубой ткани, надеваемая поверх шубы, пальто: Сшить верхóвницу. (Красноборский район).

Верхняя рабочая мужская одежда в северных диалектах называется *кáбат* (фонетические варианты *кабáт* и *кáбот*) и *кожáра*. Слово *кáбат* означает ʽхолщовую длинную рубаху свободного покроя, надеваемую поверх нижней рубахи, вид рабочей одежды': Дáк кáбаты шúли кáк вéрхня одéжда, спецáльно навéрх одевáли.// По сéно мужикú поéхали, фсе в кáбатах.// Длúнна хоушшóва рубáха, простá éка. Одевáли кáбат на рубáху.// Кáбат – домоткáно реднúно, кáк спецóвка нóнешня. (Пинежский район). Кабатом называют также верхнюю мужскую рабочую одежду вообще: Ря́дные штаны́ да кáбот (до коленей) – всё своеткáное.// Кабóтá старикú одéнут, рядúна такá наткáнна.// Старикú кабóтá одéнут мешóчны. (Холмогорский район). М. Фасмер отмечает, что в значении ʽрабочая рубаха, куртка, кофта'

ISBN 978-84-949838-0-1

слово *кабат* употреблялось в древнерусском языке, лексема также широко представлена в других славянских языках, происхождение слова ученый связывает с греческим влиянием: кабат от ср.-греч. καβάδιον (Фасмер 1986, т. 2: 150). Слово *кожáра* в говорах означает ʻмужскую длинную рабочую одежду из домашнего холста с подкладкой из меха’: Éздил без кожáры.// Оболокú кожáру. (Красноборский район). Значение ʻверхняя одежда’ у данного слова со временем не поменялось, сравни: «Кожара – вид верхней одежды. Да в Осташкова истобнику 5 алтын; до во Тверь дворнику гривна, да кожару ему дают. Кн. ключей, 16. 1547 г.» (СлРЯ 1980: 220).

Мужская верхняя одежда, сшитая из кожи, носит название *кожáн* и *лузáн*. Словом *кожáн* называют долгополую мужскую одежду с подкладом, которая обычно шилась из овечьей кожи, однако верх у нее был из кожи: Мóй-то мужúк не носúл кожáн.// Обдéлывают кóжу и шьют кожáны. (Красноборский район). В Пинежском районе верхнюю одежду охотника называют *лузáн*, он защищал охотника от сырости и холода. Лузан шился из кожи, одевался через голову и подпоясывался ремнем: Лузáн – одéжда ходúть на охóту. Свéрху покрыт кóжей, а внутрú кармáны нашúты, штóбы всё при сибé бы́ло и не мóкло. Он понúже поясню́цы шúлся и сбóку застёгивался ремня́ми.// Был лузáн. Éто такó ничё, кóжа на плечáх, éто так накúдывалосе.// Лузáн шúли ис холшчá, ну как мешковúна шчáс, и тýго потягáли свéрху кóжой.// Отéц охóтник был, так он одевáл лузáн.// Охóтники в лузáн оболокýца.

Женские шубки и пальто у жительниц архангельских деревень и сел отличались покроем, формой и аксессуарами. Например, в Пинежском районе нарядная праздничная женская шуба с поясом носит название *голáнка*: Шýба-та наря́дна голáнкой называ́лась, с кушацькóм носúлась. В этом же районе была модной женская шуба, отрезная по талии, расклешенная, в шов-клин вшивался карман, сзади делали из ткани три складки. Верх такой шубы обшивался тканью или сукном. Такая верхняя одежда носит название *шýбка казачкóм*: У шýпки казацькóм три склáтки ззáди. Казацькóм шýпка у меня́ придáна былá, фсю роспорóла да послáла. Шуба, собранная в поясе, также покрытая сукном, называется *кошýля*.

Разнообразны и названия женских пальто. Например, в Няндомском районе пальто называют *брикéткой* и *козачкóм*: Брикéтка – пальтó такó. Козачóк-то накúнь. Зимнее пальто, подол которого состоит из пяти клиньев, в Каргопольском районе называют *пятишóвка*: Сибúрка-то шýба мужскá, а пятишóвка жéнска. Зимóй-то пятишóвки носúли. Если шили из семи клиньев – *семишóвка*: А на прáздники семишóвки бы́ли. Разновидностью верхней женской одежды является *шугáйчик*: Шугáйцык с обóроцьками. Шугáйцык длинóй понúже колéна. (Каргопольский район). В Устьянском районе весной или осенью женщины носили полупальто, украшенное узором. Такой вид верхней одежды носит название *нарукáвник*:

ISBN 978-84-949838-0-1

Сарафа́ны носи́ли – это́ кра́сики, и нарука́вники.// Нарука́вники – э́то одёжа на́ша.// Стару́хи нарука́вники носи́ли.// Э́ти-то нарука́вники давни́шние.// Нарука́вники то́жо из своéй шéрьси, ис сухма́нины.// О пра́знеках носи́ли нарука́вники на узо́рах.

Куртку или фуфайку как короткую одежду народ прозвал *короты́шкой*: Тепéрь э́то фсё фуфа́йки да ку́ртки, а ра́ньше фсё короты́шки называ́лись. (Верхнетоемский район).

В исследовании также рассматриваются слова, называющие рукавицы.

По мнению Г.В. Судакова, который анализировал употребление наименований *рукавиц* по материалам архивов Вологды и Архангельска, а также многочисленных публикаций текстов XVI–XVII вв., принадлежащих различным территориям Русского государства, «в севернорусских говорах набор слов, выражающих понятие ‘рукавица’, богаче, чем в южнорусских. Однако уже в изучаемый период рукавицы использовались не только для защиты рук от холода, но являлись элементом рабочей одежды и даже использовались в парной бане» (Судаков 2010: 223).

Слово *рукавица* общеславянское, унаследовано русским языком из праславянского, образовано от слова *rǫka. Ср. ст.-сл. *ржкавица*, болг. *ръкавица* ‘рукавица, перчатка’; сербохорв. *рукавица*; словац. *rukavica*; словен. *rokavica*; чеш. *rukavice*; польск. *rękawica* – то же значение (Дерягин 1974: 29). Самая ранняя фиксация слова *рукавица* в памятниках письменности отмечена в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» в 1229 году в Смоленской грамоте: «Тиуну на Вълъце дати рукавице, аж бы товаръ пьревьзлъ без держания» (СлРЯ 2000: 244].

Как отмечает Гурий Васильевич Судаков, характерным для севернорусской территории оставался обычай одновременного ношения двух пар рукавиц: нижних – вязаных и верхних – кожаных и суконных (Судаков 2010: 225). Связано это с бытовыми условиями в суровом климате.

По данным исторического словаря вязаные или валеные рукавицы, надевавшиеся под кожаные, назывались *вареги*, и зафиксировано данное слово только с XVI в.: «Куплено в Вязме дватцатеры семеры руковицы вареги. Кн. расх. болд. М. № 139, 22об. 1585 г.» (СлРЯ 2000: 244); «Пятеры рукавицы съ *варегами*, да пять шапокъ. АЮ, 93. 1584 г. Воровски онъ же, воръ Савка, изъ избы жъ вынесъ татемъ шапку, … подкладъ овчинной да рукавицы барановые съ исподницы съ *вареги*. АХУ II, 777. 1673» (СлРЯ 1975, в. 2: 19).

Слово *вареги* употребляется и в современных архангельских говорах, например, в Плесецком районе, в значении ‘рукавицы’. Производным от слова *варега* и в современном литературном русском языке, и в говорах является лексема *варежки*. Как отмечает Н.М. Шанский, «Варежка. Собственно русское… Является уменьш.-ласк. формой от *варега*…

ISBN 978-84-949838-0-1

Сущ. *варега* является, по-видимому, суффиксальным производным от *варъ* ‘защита’, образованного от глагола варити ‘защищать, сохранять, беречь, предупреждать’» (Шанский 1968). В архангельских говорах *варежка* – ‘вязаная шерстяная рукавица’: Рукави́чи таки́ шерстяны́ *ва́решками* называ́ли. (Ленский, Плесецкий, Холмогорский, Онежский районы); *Ва́решки* – рукави́цы вя́заны.//А мне ба́бушка *ва́решки* кра́сненькие свеза́ла. (Верхнетоемский район).

Фонетическим вариантом слова *вареги* в архангельских говорах являются слова *ва́чаги*, *ва́чеги*, *ва́цеги*, *вачёги*, *вацёги*, *ва́чуги*. Материал по данным лексемам представлен в исследованиях В.Я. Дерягина (Дерягин 1974: 35-38) и Г.В. Судакова (Судаков 2010: 225).

Так, *ва́чагами*, называют ‘тёплые вязаные рукавицы’: В моро́зы в одни́х *ва́чагах* хо́лодно бы́ло. (Приморский район).

Слово *ва́чеги* (*ва́цеги*) имеет несколько значений: 1. ‘рукавица из сукна, которую надевают или пришивают вниз под основную’: *Ва́цега* – надоло́нок ко́жаной, заты́лок суко́нной да напа́лок ко́жаной кладу́т. (Плесецкий район); *Ва́цеги*, когда́ мужи́к в доро́гу пое́дет, так надева́л наве́рх. (Пинежский район); Ма́ма пода́ст ему́ *ва́чеги* да ка́танки. (Виноградовский район); Вот и носки́ суши́ли, и *ва́чеги*, и ва́ленки. (Холмогорский район); А когда́ моро́зы си́льны бы́ли, приходи́лось оцо́фски *ва́чеги* надева́ть. (Онежский район). 2. ‘верхние рукавицы’: Оде́нь рукави́цы шерстяны́ наве́рх – *ва́чеги*, не то проду́ет ру́ки. (Холмогорский район); *Ва́цёги*-то на испо́тки наде́рни, дак не прирву́тце хоть. (Каргопольский район); 3. ‘рабочие рукавицы’: Э́то рукави́цы для обрежа́нья.// Но е́сли *ва́чеги* оде́нешь, дак и ничево́, быстре́е де́ло идё́т. (Пинежский район).

Слова *вачёги*, *вацёги*, *ва́чуги* обозначают в говорах ‘рабочую рукавицу’: *Вачо́ги* носи́ли в лес. (Верхнетоемский район); В ызбы́-то у мня бы́ли *вацо́ги* да шу́бници то́жо. (Пинежский район); *Ва́чуги*-то рабо́чие рукави́цы, да на ладо́нке-то ко́жей потши́ты. (Вельский район).

В архангельских говорах отмечена также уменьшительно-ласкательная форма *ва́чежки*, *вачёжки* в значении ‘тёплые рукавицы’: Пое́дешь, дак шу́бници оде́нь. *Вацё́шки*-ти худы́ уш ста́ли. (Пинежский район); Ис то́лстово сукна́ на́до *ва́цешки* соши́ть. (Верхнетоемский, Виноградовский районы).

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» зафиксировано слово *вачеги*: «*Рукавицы*. Дал Пятку Черемному… шубу новую болшую… да онучи новые да на вачеги сукна дал. Арх. Бог. Важ. м. № 5, 22. Кн. 1598 г. Возжи обшиты сукномъ. Трои вачеги суконные. Д. патр. Никона, 398. 1676 г.» (СлРЯ 1975, в. 2: 25).

Верхние рукавицы в архангельских говорах носят соответствующие названия: верхницы, верхоньки, шубницы; нижние – исподки, опойки. В памятниках деловой письменности

ISBN 978-84-949838-0-1

«верхние рукавицы носили соответствующие названия: *верхи*, *верхонки – верхоньки*, *верхницы*. Варианты названий были территориально распределены: верхи – Вологда, Архангельск; *верхонки – верхоньки* – Архангельск, Онега, Вага, южное Зауралье, *верхницы* – Архангельск, Вага, Вологда, Ярославль, В. Устюг, Сольвычегодск, Якутск» (Судаков 2010: 225). «Севернорусским являлось в изучаемый период слово *исподки* ‘нижние рукавицы, надеваемые под другие, верхние’» (Судаков 2010: 226-227). О традиции на русском Севере носить две пары рукавиц пишет и В.Я. Дерягин, он отмечает, что: «на значительной части севернорусской территории распространены соответствующие родовые обозначения: *ве́рхницы*, *верхо́нки*, *верхо́ньки*, *верхохо́ны* и *испо́дки*» (Дерягин 1974: 32-34).

В говорах Архангельской области зафиксированы следующие слова:

– *ве́рхницы* (*верхни́цы*) – ‘рукавицы для работы из грубого холста, надеваемые поверх вязаных’: Ко́жа заме́сто *ве́рхниц* топе́рича дублё́ная. (Красноборский район); Вот уш пошу́ла быва́ло я *верхни́ц*. (Вельский район); *Верхни́цы* ис портна́ пора́то кре́пки бы́ли, не то что сейча́с. (Холмогорский район);

– *верхови́цы* – ‘рабочие рукавицы’: Вчера́ весь ве́чер *верхови́цы* што́пала. (Устьянский район);

– *верхо́вницы* – ‘верхние рукавицы’: *Верхо́вницы* не забу́ть. (Красноборский район);

– *верхо́нки* (*верхо́ньки*) – ‘рукавица из сукна или парусины, которая используется в работе. Матерчатая рукавица, которая надевалась поверх другой’: Шу́тые рукави́цы, *верхо́ньки* надева́ют на́верх, што́бы тепло́ бы́ло. (Ленский район); Зимо́й для тепла́ рукави́цы да верхо́ньки носи́ли.// *Верхо́нки* – рукави́цы, кото́рые наве́рх одева́лись. (Приморский район); Тепе́рь ф софхо́зи *верхо́ньки* выдава́ть ста́ли. А ра́ньше-то фсё своё име́ть нать бы́ло. (Лешуконский район); Пойдё́шь ко́ли дрова́ руби́ть, *верхо́ньки* возьми́.// В лес мужики́ *верхо́ньки* носи́ли. (Холмогорский район); *Верхо́ньки* одева́ли для защи́ты рукави́ц.// Жё́нка, пода́й *верхо́ньки*, схожу́, дров поколю́. (Виноградовский район); У тебя́ *верхо́ньки*-то из за́мши.// А здесь ещё́ называ́ют ве́рхни рабо́чии рукави́цы *верхо́нки* да. (Онежский район); *Вирхо́ньки*, два дня пораба́таешь, да на́до опя́ть ушива́ть. (Котласский район); Ба́бушка заста́вила меня́ оде́ть *верхо́нки*. (Устьянский район); В *верхо́ньках* одни́х зимо́й хо́лодна, руково́цы нать под них. (Пинежский район); Наде́нь *верхо́нки*, а то рукави́цы порвё́шь. (Коношский район); *Верхо́нки* сини́ла. (Вельский район);

– *испо́дки* – ‘вязаная рукавица из шерсти или сшитая из портна, грубого холста’: Тяпа́к и *испо́дка*, оне́ из одного́ вя́занья. Где *испо́дками* назову́т, где *делё́нками*.// *Испо́дки*-те ши́ли, кто́ в ле́с ходи́ли за дрова́ми, на охо́ту мужики́ бра́ли. (Плесецкий район); А во́т рукави́цы, наприме́р, ра́ньше зва́ли *испо́дками*.// Рукави́чки и рука́фками зва́ли, и *испо́дками*.// Перча́тки бы́ли, их то́же рукави́цами зва́ли, а *испо́дками* не зва́ли.// Вяза́ли и доро́жны *испо́дки*, они́

ISBN 978-84-949838-0-1

одни́м прутóм вязáлись. (Холмогорский район); Оди́нь *испóдку*-то.// Рукави́цы называ́лись *испóдки, испóдки* вязáли.// Зимóй *испóдки* носи́ли, рукави́цы такú. (Каргопольский, Верхнетоемский районы); А зимóй кáтанцы да *испóдки* тóлько и спаслú. (Пинежский район); Вéсь дéнь на морóзе, а рýки в *испóдках* ни мёрзнут. (Онежский район); Севóдня хóлодно, надéнь двóи *испóдки*. (Красноборский район); *Испóдки*-то не холóдные, мóжно рабóтать. (Приморский район); Бывáло начнёшь на рабóту собирáца и *испóдки* порешúшь.// *Испóдки* пригоди́лись для рабóты.// *Йсподки* возьмú, потóм рад бýдешь. (Виноградовский район).

В речи жителей архангельских районов вязаные рукавицы также называются *делёнки* и *дéльницы*: А с крýглым вéрхом – *делёнки*.// На пичýрку ложúли *делёнки* сушúть.// Дéвушки *делёнки* шúли.// Рукави́цы зовýтся торгóвые, а дóма вя́жем *делёнки*.// У *делёнки* пáлец распусти́лся. (Плесецкий район); Паренёк потеря́л *делёнку*. (Шенкурский район); *Делёнки* – рукави́цы.// Вя́заные вáрежки у нáс *делёнками* называ́ли. (Онежский район); А мнé *делёнки* подари́ла. (Каргопольский район); Так *делёнки* да кáтанцы берём. (Верхнетоемский район). *Делёнками* называют также ‘рабочие рукавицы, покрытые кожей’: Шерстяны́е кóжаные рукави́цы, *делёнки* рáньше называ́лись. // На робóту *делёнки* носúли из собáчьей кóжи. (Плесецкий район) или ‘брезентовые рукавицы’: У миня́ *дилёнки* лижáт. (Няндомский район). Лексема *дéльницы*: Да рукави́цы шерстяны́ сáми вязáли, *дéльницами* зовём. (Плесецкий район); А дéльницы больши́ мнé, с рук спадáют.// *Дéльницы* у меня́ тёплы.// Возьмёшь, одéнешь кáтанцы, *дéльницы*, кафтáн. (Онежский район); Хорóши *дéльницы* на овéцей шóрсти. (Ленский район). В памятниках деловой письменности отмечено слово *деяницы* (Дерягин 1974: 44; Судаков 2010: 227-228).

Некоторая часть названий рукавиц сохраняет форму атрибутивного словосочетания, то есть в названии указан материал изготовления. Например, *волося́га, волося́ча* – ‘рукавица из конского волоса’: *Волося́ги* – э́то из кóнских фостóв вязáли. // *Волося́ги* такú, как вáрежки, свя́жут. (Плесекий район); *Волося́чи* – э́то ис кóних фостóф вязáли. (Каргопольский район). Слово *сукóнка* означает ‘рукавицу, сшитую из сукна’: *Сукóнки*-то – сукóнны рукави́цы, шúли из сукнá, сукнó ткáли, у когó как рукá, на рабóту ходúли. (Плесецкий район). Словом *шýбница* называют в говорах ‘большую верхнюю рукавицу из овчины или другого меха, мехом кверху’: Шшúта ишшýбы, дáк *шýбнича* из овéчьево мéху шúли. В морóс *шýбничи*-те одевали. (Ленский район); *Шýбницы* из овчúны шúли.// Вы́кроят напáлок, отвéрстие вырезáют, *шýбницу* кроя́т. (Плесекий район); Взелá рукави́ци да ф *шýбници* пехнýла для теплá.// То порáто богáты ф *шубницях*-то, зáбольно порáто. (Пинежский район).

Географическое распределение названий рукавиц обозначено Л.П. Комягиной на картах Архангельской области в «Лексическом атласе»: вязаные варежки – *рукавицы, исподки,*

ISBN 978-84-949838-0-1

делёнки, *дельницы*, *вязанки* – карта 189; верхние рукавицы – *верхонки*, *верхоньки*, *верхницы*, *вачеги* – карта 191 (Комягина 1994: 223, 225).

Почти все названия верхней и зимней одежды имеют общеславянские корни. Данные исторических словарей показывают, что исследуемая лексика была в активном запасе на протяжении многих веков и укрепилась в языке, в основном, в старорусский период. Эта лексика использовалась в речи русского народа, и до сих пор жители северных регионов употребляют в своей речи эти слова. Анализируемая диалектная лексика богата фонетическими и словообразовательными вариантами. Наименования верхней и зимней одежды в архангельских говорах отличаются также значительным территориальным разнообразием.

Список литературы

Дерягин В. Я. (1974): Названия рукавиц в русском языке, Диалектная лексика. 1973. Ленинград, 27–50.

Комягина Л. П. (1994): Лексический атлас Архангельской области. Архангельск: Помор. Межд. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова.

Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975): Москва: Наука. В. 1. (В тексте – СлРЯ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975): Москва: Наука. В. 2.

Словарь русского языка XI–XVII вв. (1980): Москва: Наука. В. 7.

Словарь русского языка XI – XVII вв. (2000): Москва: Наука. В. 24.

Словарь русских народных говоров. (1966): Москва–Ленинград: Наука. В. 1. (В тексте – СРНГ).

Словарь русских народных говоров. (1966): Москва–Ленинград: Наука. В. 2.

Словарь русских народных говоров. (2005): Санкт-Петербург: Наука. В. 39.

Срезневский И. И. (1912): Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Судаков Г. В. (2010): История русского слова. Вологда: Изд-во ВоГУ.

Фасмер М. (1986): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 1.

Фасмер М. (1986): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 2.

Фасмер М. (1987): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 4.

Шанский Н. М. (1968): Этимологический словарь русского языка. Москва: Московский университет. Т. I. В. 3.

ISBN 978-84-949838-0-1

ЧТО ГЛАСИТ МУДРОСТЬ... (О СОВРЕМЕННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕТАОПЕРАТОРОВ)

Николаева Елена Каировна
Российский государственный гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Россия,
elena_kairovna@mail.ru

WHAT DOES WISDOM SAY? (OBSERVATIONS ON CONTEMPORARY USAGE OF PHRASEOLOGICAL METAOPERATORS)

Elena Nikolaeva
Russian State Hydrometeorological
University (Sankt-Petersburg), Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме использования современными авторами конструкций, указывающих на фразеологичность последующих звеньев предметного текста, т.е. вводящих в текст пословицы, поговорки, крылатые выражения (*как говорится, как гласит пословица, поговорка, изречение и т.п.).* Особое внимание уделяется анализу содержания, которое современные авторы вкладывают в понятие «мудрость», используя метаоператор *как гласит* + […] *мудрость*: *Ведь, как гласит народная мудрость, «от тюрьмы и от сумы не зарекайся».* Проведенный анализ позволил, в частности, выявить дополнительное значение этого слова, не отраженное существующими толковыми словарями русского языка.

ABSTRACT

The present paper is devoted to constructions used in modern literature to indicate that following elements are phraseological expressions and to introduce into the text proverbs and adages (kak govoritsa, kak glasit poslovica / pogovorka / izrecheniye, etc.). In particular, the paper investigates the notion of wisdom, invoked by contemporary authors as they use the metaoperator kak glasit + […] mudrost' 'as wisdom says'. The analysis allowed uncovering an additional meaning of the word mudrost' 'wisdom' which has not been hitherto recorded by dictionaries of Russian language.

Ключевые слова: метаоператор, фразеологизм, пословица, высказывание, гласить, мудрость.

Keywords: metaoperator, phraseological expression, proverb, adage.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

ISBN 978-84-949838-0-1

Метаязык, метатекст начал привлекать внимание ученых-лингвистов со второй половины XX века, после выхода в свет работ Р. Якобсона и А.Вежбицкой. Именно после исследований этих ученых «разграничение «предметного языка» (который описывает предметы действительности и сам может являться предметом / объектом изучения и описания) и метаязыка – языка «второго порядка», средствами которого и ведется описание предметного языка – было «лингвистически санкционировано», как пишет польский исследователь В.Хлебда (2000: 415).

Метаоператоры (метапоказатели) в тексте отражают языковое сознание говорящих, их рефлексию над своим высказыванием, в строгом смысле слова, «метатекст в тексте» – это «вербализация контроля над вербализацией» [Ляпон 2010: 183]. В статье речь пойдет об одном типе метатекстовых элементов, которые указывают на фразеологичность последующих звеньев предметного текста, т.е. вводящих в текст пословицы, поговорки, крылатые выражения (*как говорится, как гласит пословица (поговорка, изречение, народная мудрость и т.п.).* Изучение этого материала чрезвычайно важно для фразеологов, ведь задолго до того, как появился сам термин *метаязык,* и фразеология стала изучаться как отдельное направление в языкознании, русские писатели еще в XVIII веке задумывались о том, чем собственно являются различные устойчивые выражения, которые они употребляют в тексте. Осознавая их «инородность» в предметном тексте, они пытались вписать их в ткань своего произведения, используя различные вводные конструкции, которые сейчас принято называть единицами метатекста: *по простонародному речению, яко глаголют, говоря обыкновенным сравнением* и т.п (что позволяет историкам фразеологии вычленять из их текстов те единицы, которые воспринимались носителями языка XVIII в. как устойчивые); а в ряде случаев создатели различных текстов даже пытались определить лингвистический статус этих единиц, используя различные паремиологические термины*: пословица, присловие, притча, прибаснь, погудка, поговорка, приповесть, пословка*: «а мне, как лежит пословица, говорити: «Я именинник, да мне же нет калача» (А.П.Сумароков); «Откуду сия приповесть: долга тому покута, кто когда бабу окута» (Фацеции. Перевод XVII в.); «Присловица у нас в размолвке всякой: Красна брань дракой» (А.Аблесимов), что позволяет проследить процесс формирования паремиологической терминологии (подробнее о значении метоператоров для исторической фразеологии и фразеографии см. Николаева 1999, 77-85).

Не утратили своего значения подобные метапоказатели и сегодня, хотя с развитием языка и терминологической базы фразеологии несколько изменилась их форма и содержание, в частности, ушли некоторые устаревшие, не вошедшие в язык термины – *погудка*, *пословка*, *прибаснь*, зато вошли новые: *Словом, такой материал, от которого должна поехать крыша,*

ISBN 978-84-949838-0-1

как гласит новая русская идиома. [Георгий Полонский. Был у меня друг (1996)]; *Но, как гласит известный афоризм, что скрыто в норме, то явно в патологии.* [Р. М. Фрумкина. О нас – наискосок (1995)]. *Мне хотелось только сказать, что время от времени мы друг для друга стояли на вассере, как гласит соответствующий жаргонизм, и поделиться некоторыми соображениями на сей счет*. [Я. Е. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре (1965) // Я. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре. Прозаический комментарий к поэтической биографии, 1989]; *Как гласит народная молва, хорошо начинать любое серьезное дело в дождь.* [КА-226А: первый серийный передан «Газпрому» (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.06.30]. На этих примерах хорошо виден осознанный выбор пишущими термина при характеристике устойчивого выражения в своем высказывании, то, что можно назвать самоконтролем в процессе оформления коммуникативного замысла: новая русская идиома - *крыша поехала* (осознание говорящим типа УС и его неологического характера); афоризм – *что скрыто в норме, то явно в патологии* (выражение хотя и представляет собой предложение, имеет двучленную структуру и выражает суждение, однако пишущий осознает его отличие от исконных пословиц, видимо, подозревая наличие автора этого изречения); жаргонизм – *стоять на вассере* (осознает и подчеркивает нелитературное происхождение оборота). Последний пример (молва) показывает осознание говорящим нефразеологического статуса приметы. Сложнее обстоит дело с разграничением пословицы и поговорки – вопрос, который и во фразеологии не имеет однозначного решения - однако попытки этого налицо: Но, как гласит пословица: «Любишь кататься, люби и саночки возить!» [Анастасия Глинская. Анализируй это (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15]; Как гласит еврейская поговорка: «*Из твоих уст да Богу в уши!*» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]. «*Пахарю пахарево, а кесарю кесарево*» — как гласит старая поговорка. [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]. Возможно, при обсуждении проблемы разграничения пословицы и поговорки фразеологам имеет смысл обратить внимание и проанализировать использование этих терминов носителями языками: какие признаки этих устойчивых единиц они ставят во главу угла. Но факт остается фактом – в современных текстах выбор слова для обозначения устойчивого словосочетания не случаен.

Все вышеприведенные примеры метаоператоров в качестве глагольного компонента используют слово церковно-славянского происхождения – *гласить*, которое в современном языке практически утратило «высокое» значение (относящееся к высокому стилю) ‘провозглашать, возвещать’ (*Бог гласит его устами***.** Мих. 1, 62). В словаре С.И.Ожегова отмечено только одно значение этой лексемы ‘содержать в себе какое-л. утверждение’ с пометой *офиц*. (официальное): Параграф устава гласит следующее... (1978: 122). Более полно

ISBN 978-84-949838-0-1

она описана в Малом академическом словаре и в Современном толковом словаре под ред. С.А.Кузнецова, где приводятся два значения этого слова, причем на первое место выходит именно значение, которое этот компонент приобретает в метаоператорах: «**ГЛАСИТЬ,** глашу, гласишь; ***нсв.*** *Книжн.* **1.** Содержать в себе какое-л. сообщение, утверждение. *Как гласят старинные предания. Пословица г. следующее: "Тише едешь - дальше будешь". Указ, закон, правило гласит следующее (офиц.).* **2.** Провозглашать, возвещать (обычно царский указ, волю и т.п.). *Глашатаи, гонцы гласят. / Трад.-поэт. * Они гласят во все концы: - Весна идёт!* (Тютчев)». (Кузнецов, 129). В «Глагольной сочетаемости непредметных имён» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Национальный корпус русского языка. 2008) составители О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина отмечают сочетаемость глагола *гласить* со следующими словами: гласит восточная мудрость • субъект, вербализация гласит народная мудрость • гласит русская пословица • мудрость гласит • пословица гласит • правило гласит [https://abstrnoun.academic.ru/797/гласить. Дата обращения 05.06.2018]. Сочетаемость в нашем материале значительно шире: как гласит + *пословица, поговорка, молва, идиома, афоризм, жаргонизм* (см. примеры выше), а также *выражение, изречение, фольклорная фраза* и, конечно, *мудрость:* Но наш художник позаботился, как гласит немецкое изречение, чтобы деревья не доросли до неба. [Н. К. Михайловский. О Тургеневе (1883)]; Для таких, как Мехлис, это главный и неопровержимый довод, как гласит латинское выражение — «ультима рацио». [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]. Как гласит фольклорная фраза: «Старик, так уже давно никто не играет!» [Максим Ноткин. Слабый пункт не прикрывают (2004). Но как гласит восточная мудрость: «Надежда — это веревка, которой многие удавились». [Андрей Андреев. Член «семьи» — изменник Родины (2003) // «Завтра», 2003.07.25].

Во всех приведенных примерах ощущается рефлексия автора высказывания: он задумывается над тем, как определить, семантизировать, к какому фразеологическому типу отнести фразу, которую он привлекает в качестве подтверждения своей мысли. И как мы видели, между употребленными в метапоказателях терминами сложно поставить знак фразеологического равенства (кроме пословиц и поговорок иногда).

Глагол *гласит* сочетается исключительно с конкретными существительными, обозначающими какой-либо текст (если мы выйдем за рамки фразеологических операторов, то можем вспомнить и выражения *как гласит предание, как гласит легенда, как гласит книга*, которые подтверждают наше наблюдение). Но из этого структурно-семантического ряда выбивается абстрактное существительное *мудрость.* Толковые словари не приводят ни одного значения этого слова, которое можно бы соотнести с текстом. *Ср.* **МУДРОСТЬ,** -и; ***ж.*** **1.** к Мудрый. *М. решения. М. пословицы. М. человека.* **2.** Глубокое знание, понимание чего-л.

ISBN 978-84-949838-0-1

Житейская, народная м. Проявить м. **3.** *Разг.* =Премудрость *(2 зн.). Узнать всю м. устройства телевизора. Познать мудрости вокального пения. Не велика м. научиться варить суп* (не представляет сложности). ◊ **Змеиная мудрость.** Благоразумие, не чуждое лукавства, хитрости. **Зуб мудрости.** Третий большой коренной зуб (последний в зубном ряде каждой челюсти), прорезывающийся у достигших 20 лет (Кузнецов 2001: 362). Непонятно, какое словарное значение реализует компонент *мудрость* в рассматриваемом метаоператоре; какой смысл вкладывает в него, как оценивает (и с позиций своей лингвистической грамотности) современный носитель языка.

Исследуя этическое наполнение концепта *мудрость* в русской языковой картине мира, Н.М Дмитриева, Е.М Линтовская на материале толковых словарей русского языка разных периодов (начиная с церковнославянского) пришли к любопытным выводам об изменении семантики доминантных дериватов «мудрость» и «мудрый» в области этической составляющей этого концепта. Наибольшая степень этической значимости: «благоразумие, разумность, проницательность, основанная на смирении перед Богом и любви к Нему» (что перекликается с философским пониманием мудрости как «целостного духовно-практического знания, ориентированного на постижение абсолютного смысла бытия») наблюдается в церковнославянском языке, сохраняется оно и в XIX в., например, в словаре В.И.Даля «премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства» (т. 2, 355), но значительно снижается в середине XX в.: слово *мудрость* приобретает значение ‘глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт’. «Мудрость, -и, ж. 1. См. мудрый. 2. Глубокий ум опирающийся на жизненный опыт. Народная м. ◊ Зуб мудрости – третий коренной зуб, появляющийся после 20 лет (Ожегов, 1978: 334). В Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, вышедшем в свет в начале XXI в. (2001 г.) как «основную семантическую долю» этого слова Дмитриева и Линтовская выделяют «сложность, замысловатость» (Дмитриева, Линтовская 2016: 81). Я бы не согласилась с этим утверждением, исходя из значений, приведенных в словаре под редакцией С.И.Кузнецова (см. выше): лишь 3-е значение можно рассматривать как «сложность, замысловатость» (у С.И. Кузнецова *премудрость* «2) то, что трудно или кажется трудным для понимания, усвоения» (Кузнецов 2001: 602). Но общая тенденция изменения значения слова за счет снижения этической составляющей прослежена авторами статьи верно. Это подтверждает и наш материал. На примере метаоператоров можно также последить эту тенденцию.

Мудрость является, пожалуй, самым частотным компонентом фразеологических метаоператоров с глаголом *гласить.* По частоте употребления его можно сравнить лишь с

ISBN 978-84-949838-0-1

компонентом *пословица* (Это и понятно: пословица – это мудрость народа; пословицы являются кладезем народной мудрости, своеобразным сводом правил и рекомендаций на все случаи жизни, отражая накопленный веками опыт народа.) Наш материал показывает, что *мудростью* в метаоператорах «человек говорящий» называет:

1) исконную народную пословицу - «кладезь народной мудрости» (*Вместе с тем, как гласит народная мудрость, жизнь прожить — не поле перейти*. [Память во имя будущего // «Родина», 2010]; *Недаром народная мудрость гласит: «От сумы и тюрьмы не зарекайся!»* [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Вокзал для двоих (1983)]). Подобные метаоператоры часто содержат дополнительные компоненты, типа *народная, восточная, английская*, не столько конкретизирующие источник мудрости, сколько увеличивающие, по мнению говорящего, ее безусловную авторитетность для подтверждения правильности, справедливости содержания последующего высказывания (предметного текста);

2) трансформированную пословицу (*Народная мудрость гласит: «Скупой красит дважды»*. Это высказывание относится скорее даже не к стоимости краски, а к необходимости проведения подготовительного этапа отделочных работ. [Отделка дома: скупой красит дважды (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.03.15]; *Научная мудрость гласит: "Днём всё вокруг кошки серо"*. [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание - - сила», 2003]; *Ведь биатлонная мудрость гласит: поспешишь — людей насмешишь*. [Андрей Митьков. Беги-стреляй. Итоги второго этапа Кубка мира по биатлону (2002) // «Известия», 2002.12.16] – в последнем примере наблюдается семантическая трансформация за счет введения эпитета-конкретизатора к слову *мудрость*, вследствие чего актуализируется именно физиологическая составляющая значения.

3) современные изречения, то, что Вольфганг Мидер называет современными паремиями, примыкают к предыдущей группе (*Народная мудрость гласит: когда кажется — креститься надо.* [Евгений Лукин. Delirium tremens (Страсти по Николаю) (1997)]. В отличие от предыдущих у них трудно или невозможно определить прототип, вписать их в определенную структурно-семантическую модель;

4) афоризм, крылатое выражение, иногда псевдоафоризм, (шутливо-саркастичные высказывания, фразы из анекдотов): *Древняя мудрость гласит: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis»* («Времена меняются, и мы меняемся с ними»). [В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971); *Известная народная мудрость гласит, что книга — лучший подарок*. [Сергей Самойленко. Картины к Рождеству (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17]; *Старая мудрость гласит: можно привести коня на водопой, но нельзя заставить его пить.* [Михаил Попов. Призыв к труду. Как заставить мужика работать? (2004) // «Бизнес-

ISBN 978-84-949838-0-1

журнал», 2004.08.17]; *Народная мудрость гласит, что наука — это удовлетворение собственного любопытства за казенный счет.* [Григорий Тарасевич. Об удовлетворении // «Русский репортер», № 7 (7), 5-12 июля 2007, 2007]; *Алла Николаевна радовалась, что с мужем полное взаимопонимание — не зря народная мудрость гласит: «Филологиню поймет только филолог».* [Нина Горланова. Филологический амур (1980)];

5) приметы (*Меж тем народная мудрость гласит — как Новый год встретишь, так его и проведешь.* [Андрей Белозеров. Чайка (2001)])

Все вышеперечисленные типы высказываний в той иной степени являются устойчивыми. Даже из нескольких приведенных примеров видно, как может меняться семантическое наполнение лексемы *мудрость* с точки зрения ее этической составляющей (а вместе с тем происходит и снижение стилистического регистра) – от изречения, отражающего накопленный веками опыт народа (Высок. Книжн) до иронически переосмысленных разговорных фраз (Ирон. Шутл.) или бытового совета, носящего название житейской мудрости (Разг.). Как же можно определить значение этого компонента метаоператора и следует ли его описывать в толковых словарях русского языка?

Анализ контекстов, которые вводит в предметный текст метаоператор *как гласит мудрость (*обычно в сочетании с прилагательными *народная*, *старая* и т.п), позволяет выделить такие общие семы, формирующие значение компонента *мудрость*: во-первых, это изречение (высказывание, фраза, т.е. короткий текст), которое может содержать и отражать «накопленный опыт», «знания жизни», «здравый смысл» (понятийные признаки концепта – Горянова 2011: 4). Вызывает, правда, сомнение выделенный ею признак «глубокий ум». Дровосеков С. Э., Комкова Д. В., например, рассмотрев взаимосвязь мудрости и интеллекта на основе опросника мудрости (SAWS) Дж. Вебстера и шкалы интеллекта, показали, что шкалы мудрости и интеллект не коррелируют между собой и не подтверждают гипотезы о взаимосвязи мудрости и интеллекта (Дровосеков, Комкова 2016: 76-79). Впрочем, ум и интеллект тоже понятия неоднозначные (однако это уже тема другой работы). Наш материал показывает, что выделенные Л.Н. Горяновой признаки могут и отсутствовать в структуре значения этого слова. Таким образом, еще одно значение лексемы *мудрость* (которое, на наш взгляд, должно присутствовать в словаре) можно сформулировать таким образом: ‘изречение, устойчивая фраза, используемая говорящим для подтверждения правоты высказывания, обоснования точки зрения’.

ISBN 978-84-949838-0-1

Список литературы

Горянова Л.Н. (2011): Актуализация понятийных признаков концепта мудрость, Вестник Удмуртского университета. История и филология, 2, 3-7.

Даль В. И. (1979): Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. ,. 2.: И – О.

Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М. (2016): Этическое наполнение концепта «мудрость» в русской языковой картине мира, Вестник Оренбургского государственного университета , 2 (190), 78-82.

Дровосеков С. Э., Комкова Д. В. (2016): Взаимосвязь мудрости и интеллекта, Научно-методический электронный журнал «Концепт». URL: http://e-koncept.ru/2016/56668.htm. (дата обращения 02.06.2018)

Кузнецов С.И.(2001): Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт.

Ляпон М.В. (2010): Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур.

Николаева Е. (2003): Значение метаоператоров устойчивых выражений для исторической фразеологии/паремиологии (на материале XVII-XVIII вв.) , Slavia Orientalis, № 2.

Ожегов С.И. (1978): Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык.

Хлебда В. (2000): Метаоператоры в тексте и их основные функции, Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург: Фолио-пресс.

Wierzbicka A. (1971): Metatekst w tekście. O spójności tekstu. Red. M.R.Mayenowa. Wrocław, 1971.

Источники:

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [http://ruscorpora.ru] (дата обращения 01.06.2018)

ISBN 978-84-949838-0-1

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Нобис-Влязло Катажина
Университет Яня Кохановского в Кельце, Польша
kasianobis@o2.pl

VERBALIZATION OF THE QUANTITATIVE CATEGORY BY LEXICAL MEANS IN THE RUSSIAN LANGUAGE. ONOMIOLOGICAL ANALYSIS

Nobis-Wlazlo Katarzyna
The Jan Kochanowski University (JKU) in Kielce, Poland

АННОТАЦИЯ

В данной работе исследуется категорию количественности, которая выступает на уровне как когнитивной, так и языковой картины мира и которой свойственна глобальная номинативная реализованность. Она проявляется в пределах основных номинативных категорий, создавая гибридные, переходные номинативные формы, а вербализация данной категории осуществляется с помощью всех частей речи.

ABSTRACT

The aim of this paper is to study the category of quantitivity, which acts on the level of both the cognitive and linguistic picture of the world and which is characterized by a global nominative realization. It manifests itself within the main nominative categories, creating hybrid, transitional nominative forms, and verbalization of this category is carried out with the help of all parts of speech.

Ключевые слова: язык, количество, количественность, ономасиология, функциональный прагматизм.

Keywords: language, quantity, quantitative, onomasiology, functional pragmatism.

Количество – это одна из сложнейших категорий человеческого мышления, которая привлекала к себе внимание с древних времен и до сих пор является объектом исследований представителей разных дисциплин. Интерес к категории количественности в философской и математической науке поддерживает интерес к ее изучению в лингвистике. С точки зрения истории развития философии и филологии категория количества привлекала внимание ученых, в том числе русистов (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, А. Е. Супрун, В. З. Панфилов, Л. Д. Чеснокова и др.).

ISBN 978-84-949838-0-1

Проблема исследования этой категории заключается в том, что термин *количество* используется во многих дисциплинах (у одного исследователя такое понятие может толковаться как логическая или семантическая категория, у других же – исключительно как понятие из области математики или лингвистики), а также для номинации нескольких понятий (в том числе и находящихся на разных логических и методологических уровнях).

Методологическую основу для данной работы составляют взгляды И. Канта, для которого количество это одна из категорий, которая представляет собой чисто человеческий способ категоризации опыта. Это трансцендентальная способность человеческого мышления, дающая нам возможность формирования понятий об объектах чувственного опыта (Кант 1990: 171). По мнению Канта возникает 4 группы чисторассудочных категорий – количества, качества, отношения и модальности (Кант 1990: 110). Свои категории Кант понимает как функциональное соотношение трех понятий, их которых двя являются крайними точками типологического противопоставления, а третье – соотношением между ними, которое их ограничивает и конкретизирует. В случае категории количества таковую триаду образуют понятия единства, множества и целокупности (где целокупность может пониматься либо как применение идеи множества к единству, либо единства к множеству). Таким образом категория количества дает возможность различения единства и множества, а тем самым понять любой объект как целостный предмет.

Перед изложением лингвистической концепции количественности, следует обратить внимание на весьма важный терминологический аспект т.е. на специфику использования слов *количество* и *количественность*.

Слово *количество,* как было сказано, используется как трансцендентальная категория, формирующая человеческие представления о мире. К*оличественностью* мы называем весь спектр проявлений количественной семантики в когнитивной картине мира и в языковой семантике, *количеством* в языке будет только собственно категориальное понятие формального свойства объекта, взятого как элемент или множество.

То есть количественность которая на метауровне тождественна категории целокупности (причем целокупность, в зависимости от того, какой фактор – единства или множественности – в ней доминирует, может иметь разные проявления) на втором – когнитивном уровне может выступать в разных «формах», а поскольку она является одной из базовых категорий, то неизбежно будет вносить свой вклад в образование различных под- и субкатегорий, а также отдельных понятий.

Количественность вступает в отношения с другими чисторассудочными категориями, происходящими от динамических категорий отношения и модальности, образуя понятия

ISBN 978-84-949838-0-1

числа, количества, множества, величины, счетного порядка, номера и меры и т.п.

В современном языкознании существует много подходов к пониманию семантики количественности Мы предлагаем посмотреть на данную проблему с ономасиологической точки зрения, которая наиболее соответствует

а) **антропоцентризму** – т.к. только при ономасиологическом подходе исследование языковой системы ведется от значения к форме с учетом человека, стоящего на первом месте;

б) **функционализму** – так как только при ономасиологическом подходе речевые единицы могут рассматриваться одновременно сквозь призму системно-функциональных смысловых отношений в языковой системе и функционального соотношения с актуальной речевой реализацией смысла;

в) **прагматизму** – так как только при ономасиологическом подходе мы можем объяснить, с какой целью были использованы те или иные единицы языка, каковы были интенции субъекта речи и, самое главное, установить зависимость между изучаемой единицей и целостной прагматической ситуацией общения.

Поскольку номинация представляет собой некое соотношение между обозначающим и обозначаемым, то номинативная единица, кроме коммуникативно-воздействующей, может выполнять также две ключевые экспрессивные функции, которые условно можно соотнести с семантическим треугольником Огдена-Ричардса. Таким образом, языковая единица одновременно указывает на предметную сферу опыта, а также на понятийное определение этого эмпирического участка, и, как отмечает Кубрякова, «способность служить названием какого-либо элемента человеческого опыта – есть способность отражать не только единичный реальный элемент, но и его обобщенный образ» (Кубрякова 1978: 8-9).

Что касается самой структуры информационного пространства опыта, то в этом вопросе мы ссылаемся на труды О. В. Лещака, согласно которому она является «соотношением дискретных информационных единств (понятий, наглядных представлений, эмоциональных и сенсорных впечатлений, волеизъявлений) по их сходству и смежности. В языкознании эти отношения обычно определяются как парадигматика и синтагматика» (Лещак 2009: 179). При этом очень важным является характер этой связи. «Все функционально значимые единицы языковой системы знаков организуются в парадигматические иерархически соподчиненные структуры по принципу сходства (классы, категории, роды, виды, типы, группы) и в синтагматические ядерно-периферийные структуры по принципу смежности (пары, ряды, поля, последовательности, пространства, концептосферы, фреймы, когитации, императивы)» (Лещак 2009: 179). Дальше О. Лещак обращает внимание на то, что если вся система обладает таким характером, как совокупность парадигматических классов и синтагматических

ISBN 978-84-949838-0-1

референтивных полей, то этот характер будет относиться также к каждому номинативному знаку, «который должен представлять семный класс и семное поле» (Лещак 2009: 179).

Что касается самой структуры значения знака, то предложенная О. В. Лещаком структура является трехкомпонентной (Лещак 2009: 184-185). Во-первых она состоит из **категориальной** части, в которой семы упорядочены иерархически и находятся в родо-видовых отношениях, основанных на механизмах субституции. Второй частью структуры является **референтивный** компонент, в котором содержится информация, имеющая конкретный характер. Это информация о единичных свойствах объекта и ситуациях «здесь и сейчас», к которым данный объект имеет отношение. Она ориентирована на дискурсный контекст и основана на механизмах предикации. Находящиеся здесь семы взаимодополняют друг друга и соотносятся по принципу смежности. Очень важным является и третий компонент структуры значения, а именно **сингификат** (структурное ядро значения), «в котором содержится наиболее важные категориальные и референтивные черты данного знака, позволяющие нам установить разного типа рема-тематические отношения между этими частями денотативного значения. При генерализации функцию темы выполняет референтивная часть значения, а функцию ремы – категориальная, при референции же роли составляющих ядра меняются» (Лещак 2009: 184).

Перенося идею трехкомпонентной понятийной структуры на почву номинативного выражения семантики исчислимой количественности, можно отметить, что в зависимости от того, насколько обобщенно или насколько референтивно используется каждое из нумеративных понятий, возможны различные виды нумеративной семантики. Обобщение и отвлечение от субстанции, атрибутом которой является данное количественное понятие, может приводить к тому, что субстантивное количество перестает быть понятием множества объектов, а становится понятием о чистом абстрактном количестве, т.е. понятием числа, атрибутивное же количество перестает восприниматься как понятие о счетном порядке, расположенном в счетном ряду и становится понятием порядкового номера, приписанного данному объекту.

Говоря о семантике количественности с точки зрения трехкомпонентной структуры значения, следует отметить, что она может по-разному проявляться в разных понятиях. Если количественность выступает на референтивном уровне, понятие не является собственно количественным, а количественная и даже нумеративная информация только сопутствует категориальному значению. Примерами могут послужить следующие слова: *чекушка* – в категориальной части значения которого помещается информация о бутылке (причем

ISBN 978-84-949838-0-1

небольшой), содержащей обычно водку. В референтивной же части находится информация о емкости данной бутылки – 250 мл.

Так же и в слове *пришить* на категориальном уровне содержится информация о прикреплении чего-то к чему-то при помощи иглы и нитки. На референтивном же уровне в этом слове присутствует значение присоединения какого-то количества частей к целому. Здесь можно говорить о глаголе со значением действия с элементом неисчислимо-количественной референции.

В предложении: *Он получил золото* (т.е. золотую медаль) мы видим, что в значении формы *золото* на референтивном уровне присутствует семантика порядкового места: *получить золото* – значит быть первым среди других, занять самое высокое призовое место. Если учесть отношения в ряду *золото – серебро – бронза,* то оказывается, что мы здесь можем обнаружить следы процедуры упорядочения, т.е. установления мест в ряду победителей, занявших соответственно первое, второе и третье место в спортивных соревнованиях. Но информация о месте в счетном ряду присутствует не в категориальной, а в референтивной части значения. В категориальной наличествует лишь информация о достоинстве полученной медали.

Что важно, квантитатив вовсе не обязательно должен быть мотивирован количественным числительным. Слова *пара, дюжина, пуд, литр, группа, масса, море* (напр., *море цветов*) несомненно являются квантитативами, т.к. информацию о количестве они содержат не только в своей категориальной семантике, но и в сигнификате. Это значит, что эти слова номинируют собственно количественные понятия множества или количественной величины. При этом их внутренняя форма такой информации не содержит.

Следует отметить, что не все квантитативы могут и должны считаться **нумеративами.** Собственно нумеративами мы можем считать только такие слова, у которых в самом сигнификате заключена семантика **исчислимой количественности** (*пять, пятеро, пятый, тройка, трижды*).

Таким образом, определение лексической единицы в качестве количественного наименования, квантитатива или нумератива зависит от характера структуры его семантики, а точнее от того: а) в какой части его семантической структуры содержится количественная информация (категориальной, референтивной или сигнификативной) и б) каков характер этой семантики (исчислимый или неисчислимый).

Уже в шестидесятые годы прошлого столетия М. Докулил в своей работе «Словообразование в чешском языке, 1: Теория словопроизводства», выделил четыре типа ономасиологических классов, обособленных на основании характера обоих противоположных

ISBN 978-84-949838-0-1

членов этих номинативных структур, и названных им ономасиологическими категориями (Докулил 1979: 44-45). Вслед за О. Есперсеном и В. Матезиусом, он выделил такие четыре глобальные группы номинативных понятий как субстанция, процесс, атрибут и обстоятельство. Можно предположить, что категория субстанции выражается через имя существительное, категория процесса – через глагол, категория атрибута – через имя прилагательное, а категория обстоятельства – через наречие. Но это не совсем так. Поскольку выделение вышеуказанных категорий является не классификацией, а типологией, мы можем принять, что между четырьмя категориями находятся, так сказать, переходные моменты, которые номинативно реализуются также через другие части речи.

На уровне номинативном (ономасиологическом) количественность уже не представляет собой самостоятельной номинативной категории, а формально проявляется в следующих ономасиологических структурах (классах):

а) в пределах категории субстанции:

- субстантивная количественность – число (*два, три, пять*);
- количественная субстанция – единичность (*горошина, индивидуум*), множество (*совокупность, рота*), количественная величина (*пара*, *один метр*), мера (*бочка, метр*); номер (*двойка*);

б) в пределах категории атрибута:

- количественно-субстантивный атрибут – номер (*второй* [трамвай] = (трамвай) *номер два*),
- атрибутивная количественность, т.е. счетный порядок (*третий, сотый)* или несчетный порядок (*средний*, *последний*),
- количественный атрибут – качественная величина (*длинный, широкий*), количественное свойство (*двойной, огромный*),

в) на стыке категории субстанции и категории атрибута

- атрибутивно-субстантивная количественность – количество (*пять* [солдат]); в именительном и винительном падежах количественные числительные со значением количества (множества) ведут себя как субстанциональные наименования, управляя наименованием считаемых предметов, во всех же остальных падежах – как атрибутивные, согласуясь с наименованиями считаемых объектов,

г) в пределах категории обстоятельственности:

- обстоятельственная количественность, т.е. модусное количество (*дважды, трижды*),
- количественное обстоятельство (*неоднократно, часто, как-то раз, очень*),

д) в пределах категории процессуальности:

- количественный процесс (*удвоить, объединить, прыгнуть, подпрыгивать*).

ISBN 978-84-949838-0-1

Следует подчеркнуть, что количественные понятия могут вербализироваться при помощи разных частей речи, в том числе имен числительных, имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов и др., в зависимости от взаимоотношения между количественностью и четырьмя ономасиологическими категориями субстанции, атрибута, обстоятельства и процесса.

Наиболее тесно связанной с количественностью и в наиболее полной мере реализующей ее оказывается категория субстанции, в меньшей степени – категория атрибута. Идея чистой количественности и количественности как атрибута какой-то субстанции составляют одно целое и с частеречной точки зрения предстают как одна лексико-грамматическая единица – **количественное имя числительное**. В семантической структуре каждого количественного числительного наличествуют две соположенные части – категориальная и референтивная. Категориальная часть количественного числительного имеет свойства субстанции, а референтивная же его часть – свойства атрибута.

Хотя субстантивные понятия в подавляющем большинстве реализуются при помощи имен существительных, однако, сочетаясь с количественными понятиями, они также могут создавать гибридные, переходные номинативные структуры.

Разные типы количественных понятий, на уровне языковой картины мира составляют целостные ономасиологические классы и эксплицируются различными языковыми формами. В рамках категории субстанции можно обнаружить такие категориальные понятия как количественная величина, множество и единичность (сингулятивность). При этом в первую очередь следует говорить о сравнительно «чистых» количественных субстанциях (вроде *тройка, сотня* или *штука*), которые содержат в категориальной части семантику количественности или даже нумеративности. За «чистыми» же формами проявления количественности в субстанциальных понятиях следуют формы гибридные, к которым мы относим единичные и множественные субстанциальные объекты (*бутылка, буханка, триптих* или *аггломерация*).

Самой широкой и открытой ономасиологической группой количественных субстанциальных понятий является класс количественных величин. Понятия такого типа возникают всегда *ad hoc* и чаще всего не обладают стабильной номинацией при помощи отдельных лексических единиц. Измерение количественной величины всегда ситуативно, а ее номинация осуществляется на речевом уровне при помощи свободных словосочетаний (*два сантиметра, тысяча гектопаскалей, десять рентген, ведро песка*). Изредка такие понятия обретают номинативную стабильность. Обычно это связано с экстралингвистическими факторами (культурная значимость, стереотипизация, прецедентное или цитатное

ISBN 978-84-949838-0-1

использование). Обычно номинатами таких понятий становятся языковые клише (*тридцать шесть и шесть, сорок градусов, пять баллов, сто грамм, бокал пива*), реже – словесные лексические единицы (*полметра, полкило, сутки, сотка, четвертак*).

С модельной точки зрения здесь можно выделить нумеративные и ненумеративные наименования количественных величин.

К первой мы относим такие единицы как: *трехлеток, четверть (часа), десятилетие, биеннале, триеннале, трехдневка, пятидневка, полчаса, квартал* и т.д.

Во второй группе находятся следующие единицы: *коробка (конфет), рюмка (водки), банка (сгущенки), мешок (яблок), шаг, участок (земли), отрезок, пакет, кисть* и др.

Понятие субстанциального множества может дифференцироваться в зависимости от степени субстанциализации (т.е. степени абстрагирования от атрибутивности в сторону абстрактной предметности и даже субъектности). Здесь можно выделить нумеративные множества – *двойка, пара, дюжина, десяток, сотня*, ненумеративные множества – *разряд, класс, группа* и множественные объекты – *лес*, *табун, рота, отряд, архипелаг, гряда.*

Последняя ономасиологическая группа может подразделяться на две подгруппы: холитивов – понятий о целостных объектах и партитивов – понятий о частях объектов Следует учесть, что деление это условно и динамично: как холитивы могут пониматься в качестве партитивов, так и наоборот партитивы могут восприниматься как своеобразные холитивы в зависимости от точки соотнесения. Итак, *зубок* чеснока может считаться партитивом – если признать его частью *головки* чеснока, состоящей из определенного количества подобных ему зубков. С другой стороны, зубки чеснока, лежащие отдельно на столе, могут быть понимаемы как самостоятельные предметы – холитивы.

С каждой из этих трех групп количественных субстанциальных понятий сопряжена своя группа понятий меры. Класс мер можно подразделить на две подкатегории, из которых первая относится к единичным объектам, другая же – к множественным. В ряде случаев понятие меры может быть производным от понятия количественной величины, множества или единичного объекта.

Даже если в категориальной части субстанциальных лексических понятий мы не наблюдаем семантики количественности (*человек, стол, утро, занятие*), то она у большинства таких понятий присутствует на референтивном уровне в форме грамматической категории числа (единственного или множественного). Таким образом, любое существительное мы можем представить себе либо как что-то одно (сингулятив) либо как некое множество (квантитатив). Здесь может возникнуть вопрос: возможно ли представить себе как множественный объект существительные singularia tantum или наоборот – pluralia tantum как

ISBN 978-84-949838-0-1

объект единичный и где тогда в таких существительных наблюдается количественность? В этом нет необходимости. У таких номинатов семантика грамматической количественности передвинулась из референтивной части в область сигнификата, т.е. в ядро значения, поэтому с формальной точки зрения их грамматическая количественность неизменна.

Категорией, совмещающей в себе одновременно черты количественности и атрибута, является атрибутивное количество, выражающееся в категориальном понятии счетного порядка, выражаемое т.н. **порядковыми числительными**. К ним относятся такие лексемы как: *второй, десятый, двадцать восьмой* и т.д.

Очень близкими по значению к атрибутивному количеству можно считать единицы со значением количественной атрибутивности. Прилагательные, которые являются частеречной реализацией этой категории, могут выражать как счетную, так и несчетную атрибутивность. К счетным можем отнести такие слова как: *трехтомный, двуглавый, пятиклассный, четырехугольный, десятиэтажный, семимильный* и др. Носителями несчетной атрибутивности могут быть слова типа: *многокилометровый, долголетний*, *последний, предпоследний, средний, начальный, начаточный, первоначальный, непервоклассный, следующий, дальнейший* и др. Здесь следует однако заметить, что некоторые лексемы, выражающие значение несчетной количественной атрибутивности, очень близки к словам, выражающим несчетную атрибутивную количественность. Если сравним два ряда типа: *пятый – шестой - десятый* и *первый* (в смысле лучший) – *следующий – последний*, то оказывается, что они обозначают почти одно и то же, причем к первому ряду принадлежат нумеративы, ко второму же – квантитативы (относящиеся к порядку, но не счетному).

Представителем же класса количественных атрибутов можно считать качественную величину. Она вербализуется посредством таких лексических единиц как: *широкий, высокий, теплый, тихий, длинный, громкий, тяжелый, невесомый, объемистый* и др. На основании вышеприведенных примеров хорошо видно, что все они относятся к качественным прилагательным (отсюда и название качественная величина) и представляют собой информацию об объекте к которому они относятся. Особенностью таких единиц, в которых, кстати, семантика количественности присутствует на референтивном уровне, является то, что они, выступая как свойство (признак) предмета (объекта), могут проявляться в большей или меньшей степени, по словам Е. М. Вольф: «меняться по шкале интенсивности» (Вольф 1990: 398). Сравнительная и превосходная степень являются своеобразным способом проявления категории количественности, но уже не столько на лексико-семантическом, сколько на грамматическом уровне. Формы сравнительной степени свойственны исключительно качественным именам прилагательным и образованным от них наречиям, типа: *тяжело*

ISBN 978-84-949838-0-1

(тяжелее), далеко (дальше), густо (гуще), мягко (мягче), темно (темнее) и др. Говоря о наречиях, мотивированных значением качественных прилагательных, следует вспомнить также о именах существительных со значением качественной величины. К таким лексемам (в основном – отадъективным по образованию), образованным путем трансформации, можно отнести следующие: *длинный – длина, высокий – высота, глубокий – глубина, широкий – ширина* и др.

Особой гибридной формой количественного понятия, находящейся на границе между субстанциальной и атрибутивной количественностью, является понятие **порядкового номера**, которое можно понимать как субстанциальный (или субстантивированный) счетный порядок – *номер пять*, (квартира) *тринадцать, пятый* (трамвай).

Четвертой категорией, при помощи которой реализуется семантика количественности, является модусное количество. Единицы, выражающие такое значение, представляют собой довольно узкую группу, тем не менее в их семантике содержится информация о образе действия – *дважды, трижды* или сочетаниях (аналитических номинатах) *два раза, сто раз.* Что касается количественных обстоятельств, то они представляют довольно большую группу устойчивых номинатов (следует обратить внимание на то, что количественность, выражаемая такими лексемами, имеет разные проявления, т.е. может информировать о мере, степени, разных величинах и т.д.), в которой наблюдаются как отдельные слова (*достаточно, едва, долго, вдруг, постоянно, вдвойне, отчасти*), так и языковые клише со значением количественности как на категориальном так и на референтивном уровне. Примерами единиц, у которых значение количественности наблюдается на референтивном уровне, являются: *в конце концов, в окрестностях, в мгновение ока, во весь голос, в числе прочего, в большинстве случаев* и т.д. На категориальном же уровне семантика количественности заключена в единицах *в одиночестве, один за другим, более или менее, идти валом, не совсем*. Следует отметить, что большинство такого рода семантических функций реализуется ситуативно в речи при помощи свободных словосочетаний с ядерным словом существительным а часто и нумератвно-субстанциальными сочетаниями, типа: *два года, через три минуты, в течение десяти дней, в двух шагах, за три дня* и т.д.

Самым неразвитым классом следует признать потенциальный класс процессуальных количеств, в которым на сегодняшний день мы не смогли найти хотя бы одной лексической единицы с таким значением в русском языке. Никакого направленного воздействия на количественность со стороны категории процесса мы не наблюдаем. В то же время воздействие в обратную сторону весьма существенно: количественность проникает как в лексическую, так и грамматическую область процессуальной семантики. С точки зрения лексического значения

ISBN 978-84-949838-0-1

количественность наблюдается на категориальном (*утроить, вздвоить, приложить*) и референтивном (*увеличить, уменьшить, удлинить, завышать, возрастать, нагреть, стоить*) уровнях.

Подытоживая, семантика количественности, учитывая трехкомпонентную структуру значения, может проявляться в разных понятиях в разной степени. Некоторые понятия содержат количественную семантику в своей категориальной части, в некоторых данная семантика выступает на уровне референтивном, что приводит к тому, что такое понятие не является собственно количественным, а количественная (и даже нумеративная) информация только сопутствует их категориальному значению. С частеречной точки зрения количественные понятия могут вербализироваться при помощи имен числительных (которое понимается как ядро ономасиологической системы нумеративов), имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов и др., в зависимости от взаимоотношения между количественностью и четырьмя базовыми ономасиологическими категориями.

Список литературы

Вольф Е. М. (1990) Прилагательное, в: Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой, Москва, 398.

Докулил М. (1979): Теория деривации, Вроцлав, 44-45.

Кант И. (1994): Критика чистого разума, Москва, 171-174.

Кубрякова Е. С. (1978): Части речи в ономасиологическом освещении, Москва, 8-9.

Лещак О. В. (2009) Онтологические проблемы ономасиологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта, Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 179, 184-185.

ISBN 978-84-949838-0-1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ЖАНРА «СКАЗКА» В ДОКУМЕНТАХ «АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА» XVII В.

Олехнович Ольга Георгиевна
Уральский государственный медицинский университет, Россия
olgaolech@yandex.ru

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF MEDICAL GENRE «TALE» IN THE THE DOCUMENTS OF THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE XVIITH CENTURY

Olga Olekhnovich
Ural State Medical University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты лингвистического анализа медицинского жанра «сказка» на основе «Документов Аптекарского приказа» XVII в. Для исследования было использовано более 100 «сказок» различной тематики – докторские, лекарские, аптекарские. В результате анализа были выявлены их общие жанровые черты, а также отличительные особенности. На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые создавали некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межязыковых средств, которые имеют греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. При переводе этих документов на русский язык заимствуются не только термины-неологизмы, но и форма документа со своей прагматикой и специальными средствами формальной организации.

ABSTRACT

The article presents the results of the linguistic analysis of the medical genre "tale" on the basis of the "Documents of the Pharmaceutical Order" of the 17th century. More than 100 "tales" on various subjects – doctoral, medicinal, and pharmaceutical – were used for the study. Their common genre features, as well as distinctive features were revealed as a result of the analysis. The formation of the "tale" document in Russia was significantly influenced by medical texts in Latin that created a "language stereotype". This is due not only to the harmonization of inter-language means, which are of Greek and Latin origin, but also to the organization of the text. When translating these documents into Russian, not only neologism terms, but the form of the document with its own pragmatics and special means of formal organization are borrowed.

Ключевые слова: медицинский жанр, докторская сказка, лекарская сказка, аптекарская сказка.

Keywords: medical genre, doctor's tale, medicinal tale, pharmaceutical tale.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI-XVII вв.)»

ISBN 978-84-949838-0-1

В последнее время исследование документов XVII века привлекает внимание не только историков, но и филологов. Заметно возрастает количество работ, в которых исследуются лингвистические особенности текстов отдельных отраслей знания.

Подобные работы дают возможность наблюдения за процессами формирования структуры специальных текстов в их динамике – особенностями номинации, спецификой отбора языковых и стилистических средств.

Исследование осуществлено на материале текстов медицинского содержания из документов Аптекарского приказа периода XVII века – рукописи Аптекарского приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в г. Москве (Фонд 143, 2724 ед. хр., 1629-1716 гг.); опубликованнные Н. Е. Мамоновым в 1885 гг. в Санкт-Петербурге «Материалы по истории медицины в России», а также документы 1613-1645 гг. в 1841 г., опубликованные в Санкт-Петербурге в «Актах исторических, собранных и изданных Археографическою комиссией».

До XVII века основу медицинской литературы в России составляли компилятивные тексты – лечебники и травники. Несмотря на некоторую схожесть, они не имели единой структуры, а использованная в них медицинская лексика была очень разнородной.

В XVII веке в условиях в целом сложившейся документной системы у старых названий документов расширяется тематика: **сказка**, **роспись**, **опись**, позже появляется новый вид документа – **рецепт**. Этому способствовало создание государственного медицинского учреждения в России – Аптекарского приказа, который распоряжался всем медицинским и аптечным делом. Документы Аптекарского приказа постепенно приобретают узкую профессиональную направленность. Их еще нельзя считать самостоятельными, поскольку они связаны с делопроизводством и контролируются государством.

Все документы в той или иной мере содержали медицинскую лексику не только на русском, но и на латинском языке.

Именно в этот период отмечается активный приезд иностранцев, ввозится огромное количество лекарственных средств, создаются аптеки. Русский язык «обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки – языка латинского» (Виноградов 1978: 190). Реверанс в сторону Западной Европы совсем не означал, что западноевропейские стандарты были приняты в полном объеме. Языковые средства отбирались с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов.

ISBN 978-84-949838-0-1

Именно в это время значительно пополнялся медицинский словарь, определялся ее состав, оформлялась структура термина. Исследование терминов, функционирующих в медицинском тексте, не должно ограничиваться изучением их семантики и структурного состава, не менее важно их «поведение» в тексте.

Из медицинских документов того периода наибольший интерес представляют **сказки.** Жанровая разновидность деловой письменности «сказка» начинает формироваться в конце XVI в. Определение этому жанру актовой письменности дал Качалкин А. Н.: «Сказки – это письменные показания по определенному вопросу. Подавались они по разным поводам, когда администрации нужны были сведения по какому-либо делу, известные авторам сказок» (Качалкин 1988: 82). Название этого вида документа, вероятно, получило в результате исторического развития слова ‘съказъ’ «– повѣствованіе, сказаніе; – объясненіе, толкованіе» (Срезневский 1912: 715), а «*съказъка от казать» (Фасмер 1987: 630). Словарь А. Л. Дювернуа дополнил «Материалы …» И. И. Срезневского: Сказка – «составляемый по требованию администрации или суда документ, содержащий известные его автору сведения о деле». «Сказка – indicium и narratio» (Дювернуа 1894: 188) «indicium,-i n заявление, показание, донос» (Дворецкий 2000: 392); «narratio,-onis f рассказ, повествование» (Дворецкий 2000: 504); «narratio,-onis f повествование, рассказывание чего-нибудь, повесть, подробность какого-нибудь случившегося или могущего случиться действия, дела. (Кронеберг 1834: 78).

Сказка с медицинским содержанием обретает форму самостоятельного документа в XVII веке. Некоторые сказки еще имели компилятивную зависимость, но в отличие от лечебников и травников они предназначались для узкого круга специалистов. Сказка в новом понимании – это, прежде всего созидательный документ, а компилятивный текст передавал уже известную ранее информацию.

Поскольку авторами большинства «сказок» были иностранные специалисты, они создавали текст на латинском языке, опираясь на уже существовавшие в медицинской практике композиционно-стилистические традиции. Анализ переводных текстов показывает, что новый вид документа формировался в результате контакта международного медицинского и местного делового текста. По своим функционально-семантическим признакам медицинская сказка выходит за рамки традиционного делового текста, создавая строго фиксированный сценарий со своей прагматикой и специальными средствами формальной организации.

Разновидности сказок обычно связывали с автором текста – доктор создавал «докторские сказки», лекарь – «лекарские сказки», аптекарь – «аптекарские сказки». Авторские названия не всегда отражали содержание. Доктор мог быть автором сказок любой медицинской

ISBN 978-84-949838-0-1

тематики, создавая тексты любой сложности. Тематика лекарских и аптекарских сказок была очень ограничена, их авторы создавали небольшие тексты.

С содержательной стороны отметим тематическое разнообразие «докторских сказок» – ***ист1ории болезней*** (*«Сказка, данная в Аптекарский приказ докторами о болезни»*; «*Сказка доктора Самуила Каллинса о болезни гетмана»*; «*Сказка доктора фон Гадена о болезни стольника»*); ***рекомендации о распозновании и лечении болезней*** (*«Сказка докторов о лечении болезни "angina"»*; *«Сказка докторов как распознать и лечить горловую болезнь»; «Сказка доктора Льва Личифинуса о том, как можно излечить жильца Черткова предающегося рукоблудию»*); ***сказки о больных*** – отчеты о вылеченных больных (*«Сказка окулиста Иоганна Шартлина о вылеченных им больных», «Сказки докторов о лечении царя Михаила Федоровича»*); ***сказки о лекарствах*** **–** описания лекарственного сырья (*«Сказка доктора Каллинса о целебных свойствах валериановой травы и лапушника»,* рецепты приготовления лекарственных средств (*«Сказка докторов о питье для охлаждения»*); ***показания докторов об освидетельствовании*** (*«Сказка доктора фон Гадена об освидетельствовании царских певчих»*; *«Сказки докторов об осмотре ими убитого»* (I, 188). «Лекарские сказки» – в основном это медицинские справки и заключения (*«Сказка лекарей о болезни Ив. Степ. Панова»*; *«Сказка лекарей о том, какие увечья имеют стрельцы»*; «*Сказка, данная лекарем Симоном Зоммером о том… что рейтор… не может продолжать службу»*; *«Сказки лекарей Якова Дементьева и Василия Подураева о том, какие увечья имеют стрельцы Жидовинова приказа Дмитриев и Степанов»*; *«Сказка лекаря Албануса о непригодности к службе»*). «Аптекарские сказки» связаны с приготовлением лекарств (*«Сказка аптекаря Христиана Эглера о составленном им порошке»*).

Интерес исследователей к «докторским сказкам» связан с их тематическим разнообразием, которое неизбежно отливалась в разнообразные формы организации единиц языка.

Именно «докторские сказки» были основными документами, сопровождающими новую научную дисциплину. Поэтому особое внимание уделялось созданию текста, как способа выражения повторяющихся медицинских ситуаций. Они в полной мере отражали уровень медицинских знаний в России в XVII веке. По данным «сказок» можно судить об известных в XVII веке болезнях: *каменная, лихорадочная, водяная, огневая, чечуйная* (геморрой), *ангина, рожа, болезнь, сухотка* (туберкулез). В «сказках» есть сведения о способах лечения болезней, названия всех имеющихся в тот период лекарственных средств и особенности их приготовления. Основными проблемами медицины того времени являлись: распознавание болезни, ее лечение и прогноз.

ISBN 978-84-949838-0-1

Авторы «сказок» для разных событий используют единый формуляр, содержащий стереотипные выражения и языковые формулы. С одной стороны, трафаретность документа несколько ограничивает мышление автора; с другой стороны, она подводит его изложение в нужные рамки. Среди возможных вариантов он избирает языковые средства, наиболее соответствующие стилю данного жанра документа. При изучении разных «докторских сказок» были найдены общие и отличительные признаки.

«Докторские сказки», описывающие истории болезней, состояли из 8-10 строк, разделялись на три основные тематические части: начальную, основную и заключение, хотя не во всех исследуемых текстах они представлены в полном составе. В некоторых «сказках» присутствуют рекомендации о лечении болезни.

В реквизитной части обычно указывалась дата *(166-го (1657) Апреля в 12-й день)*. Основная, самая объёмная часть, состояла из расспросной (*жилецъ Иванъ Чертовъ въ роспросе сказалъ…*) и описательной (*дохтуръ, смотря Ивана Чертова, сказалъ, что тотъ блудъ учинился у него отъ порчи и отъ кручины; осмотрилъ онъ дохтуръ у нево болезнь некую паралежную особную и сухия жилы ведет и ноги и руки трясутца и ходить не можетъ; бользнь у него у Григорья внутри есть глиста*). Заключительная часть – ‘эпикриз’ (*и за такою болезнью ему Государевы службы служить не мочно; излечить тое руки у него не мочно жъ, потому что та болезнь застарелась*). Каждый документ заканчивался подписью врача (*Stephan M*[edicinae]: *D*[octor]:, *Stephan de Gadano medicinae doctor*).

Эпикриз – это заключение врача о выявленном / или невыявленном заболевании (*что де на нихъ никакой болѣзни нѣтъ – всѣ въ чистотѣ*; *а чаетъ онъ дохтуръ что у него огневая болѣзнь*). В рекомендательной части дается прогноз о возможности продолжать службу (*и что де имъ въ Верхъ ходить мочно, какъ укажутъ*) и инструкции для больного (*А только ему Ивану на лошади сидѣть или пѣшему ходить много, и у него та болѣзнь опять станетъ прибывать и черева выходитъ. А как ему много ѣздить и ходить, и отъ того чаять смерти; толко ему и помочи учинить, здѣлать поясъ широкой, и тѣмъ поясомъ то мѣсто подвязывать, и быть дома, и никуды ходить и ѣздить не мочно*). В некоторых «сказках» даются прогнозы заболевания, не всегда оптимистичные (*излечить тое руки у него не мочно жъ, потому что та болезнь застарелас*ь; *а лечить его не мочно, потому что болезнь у него застарела жить долго не станетъ*), а также результаты лечения (…*не видѣла очми, а нынѣ видитъ, шла слеза, а нынѣ слеза нейдет*).

Доктора писали истории болезней на латинском языке, поэтому основная роль в создании русского текста принадлежала переводчикам, которым приходилось не только

ISBN 978-84-949838-0-1

передавать точное содержание, но и по возможности соблюдать композиционно-стилистическое единство текста.

Приведем пример оригинала на латинском языке и перевод на русский язык «Показания докторов Блюментроста и Зоммера о причине смерти кн. Н. А. Воротынского» (1679 г.)

Acium d. 24 Julii 1679

Illustrissimus Knesius ac Dominus, Dr. Johans Aleksewitz Waratynsky, Cesilii intimintis Begii Senator, in concessu preconum male sese incipit habere et de summa cordis angustia conqueri: unde monitus domum transvehitur, male subinde sucto, et succedente vomitu pauculae materiae phlegmaticae subito concidit et violenta morte exstinguitur citra sterlorem statim succedente colore faciei et unguium livide, totinsque corporis frigore.

Quesiti de genere affectus, ex quo Illustrissimus, hic princeps tam subito fuit exstinctus?

Respondemus, malum hoc aliud non fuisse, quam S y n c o p e n Ca r d i a c a m ex subita interception venarum et arteriarum ad cor pertingentium, unde calor natives et spiritus vitalis fuit suffocatus et exstinctus, male procul dubie exorto ab insigui crudiate circa hypochondria haerente, quae cruditas frequens est hodiernae Suffocationis Hypochondricae.

De caestro nullam hic neque veneni accepti aeque maligni et contagiosi esse suspicionem ex Artis fundamentis certi sumus, ad hanc visitationem reduisti.

Laurentius Blumentrost D. mp.

Sigmund Somer. Mpp.

…И Іюля въ 25 день, дохтуры Лаврентей и Симонъ, объ осмотрѣ боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынского подали скаску на латинскомъ языкѣ за своими руками.

А по переводу съ той скаски Посолского Приказу переводчика Стахѣя Гадалова написано:

[1679 году Іюля въ 24 день, велиможнѣйшій господинъ Иванъ Алексѣевичъ Воротынской, совѣта царского бояринъ, бывъ на сидhніи, нача болѣзновати и жалобу предлагати о зѣльной болѣзни сердечной и стѣсненіи; того ради поволено ему домой ѣхать; и дома такождѣ изнемогающу зѣльнее, и нашедшей блевотѣ мало нѣчто мокроты выкинувъ – абіе послѣ блевоты внезапною смертію угасаетъ послѣдующи измѣненіе лица и нохтей синости и всего тѣла студеность.

Вопрошаеми бываемъ о родѣ или началѣ болѣзни, которою велиможнѣйшій сей князь толь внезапно умре.

Отвѣщеваемъ: сіе злое ничто иное быть (могло) точію изнеможеніе сердечное, зъ внезапного захвату жилного къ сердцу належащаго; отсюду теплота естественная и духъ животной угашенъ бысть; безъ сумнѣнія же болѣзни сей начавшейся отъ знатной

ISBN 978-84-949838-0-1

жестоты и колотья въ вздухахъ, которое частое колотье нынѣшняго возженія вздушного есть виною.

О прочемъ же, никакому зазору здѣ бытии, ни отравы взятой, ни падучей болѣзни отъ основанія науки извѣстни есмы, на сѣмъ посѣщеніи и досмотрѣ были вопрошаеми.

*Внизу приписано: Дохтур Лаврентей Блюменторост. Дохтуръ Симанъ Зоме*ръ.

При сравнении двух текстов мы видим, что они имеют одинаковую структуру. В русском переводе также, насколько это возможно, соблюдаются грамматические и стилеобразующие средства. Переводные документы сделаны по западно-европейскому образцу. Развертывание текста идет последовательно. Каждый отрезок текста представляет собой смысловое и стилевое единство, формируется на базе языковых средств, нацеленных на реализацию информативности. Что касается лексических средств, то в русском тексте в силу слабой терминологичности используются в основном внутренние лексические средства: анатомические термины (*крыльце* ‘лопатка’, *вздухи* ‘легкие’, *лопость* ‘стопа’, *уды тайные* ‘половые органы’, *стволовая кость* ‘позвоночник’, *мозг в кости* ‘костный мозг’); клинические: названия медицинских специальностей (*гортанное дѣло*, *чепучинное дѣло* ‘лечение хиной’); названия специалистов (*водочник*, *костоправъ*); названия болезней (*зельная* ‘острая’ *сердечная болезнь, камчюжная болезнь* ‘болезнь суставов’, *свербежь* ‘чесотка’); названия симптомов, выраженные в основном отглагольными существительными, – *стѣснение, внезапной захватъ, изнеможеніе сердечное, колотье во вздухах, частое колотье* ‘сердцебиение’, *блевота, мокрота* и др.

В «сказках» в качестве опорных звеньев текста выступает не только медицинская лексика, но и стереотипные выражения. В этой роли отрезки текста, обладающие смысловым и стилевым единством, являются частью целостного высказывания – *в роспросе сказалъ*; *смотря болезни*; *болезнь застарелась*; *излечить не мочно жъ*; *по осмотру*; *за своими руками*; *по его доктурову досмотрению.*

Кроме того, русский текст, следуя латинскому образцу, насыщен причастиями (*захвату жилного к сердцу* ***належащаго***, ***последующее*** *изменение лица*).

Для усиления экспрессивности привлекаются усилительные частицы (*же),* отрицательные частицы *(ни…ни*), указательные местоимения (*сей, тотъ*). Кроме того, используются степени сравнения (***велиможнейший*** *господин*). Логичность текста производится с помощью вводных слов, выражающих отношение между частями высказывания. Весьма характерно и употребление наречий в связующей функции: *отсюду*. Как и в оригинале, используются повествовательные и в основном сложные предложения, не характерные для русского текста.

ISBN 978-84-949838-0-1

В «лекарских сказках», как правило, отсутствовала развернутая часть. Если и встречались какие-то описания болезней, то они были весьма лаконичны (*Раненъ изъ пищали въ правую руку въ ладонь на вылетъ и руку пулкою рвало середний перстъ оторвало виситъ на кожѣ и у перстовъ у всѣхъ жилы портило и рана болна рука*; *лѣвая простреѣлена на сквозь и жилы свело*; *лицо все осыпалось и по нем пупырья*; *у него въ роте прыщи*; *у него болезнь чечюйная, и от того бывает у него изтечениіе кровавое*).

В документах такого типа часто использовалась терминологическая лексика с недостатком номинативности – *огневая* (вместо ‘огневая болезнь (вид инфекционной болезни с высыпаниями на коже’); *ноги опухли* (вместо ‘опухоль ног’).

Терминологически значимыми в тексте становятся глаголы или глагольные фразеологизмы (***лежитъ при смерти, кончается***; *небо* ***осыпалось*** *становые жилы* ***свело****, сухія жилы* ***ведетъ***; *ноги и руки* ***трясутца***; *лѣвая рука от пушечнова убою вся* ***высохла***; *середний перстъ* ***оторвало виситъ*** *на кожѣ и у перстовъ у всѣхъ жилы* ***портило****; из пушки* ***опалило*** *лицо*; *да у правой руки* ***издробило*** *кости*; *и глазъ* ***вышибло*** *лѣвой и лобъ* ***изломало***). Реже используются краткие прилагательные (*мой сынишка* ***скорбен*** *и* ***увечен****, желудокъ и печень и селезенокъ* ***безсильны****, печень и селезенка* ***заперты****, рана* ***болна****, раны* ***тяжелы***). Полные прилагательные выполняют роль определения к слову ‘болезнь’ (*у него болѣзнь* ***чечюйная****; осмотрилъ он дохтуръ у нево болѣзнь нѣкую* ***паралежную*** *особную*) или к названию определенных болезней или их симптомам, указывающим на степень тяжести заболевания (*и на руках опухоль* ***великая****;* ***тяжелыми*** *ранами*).

Недостаток терминологичности автор «исправляет» различными способами. Так, в следующих фрагментах текста обратим внимание на неразрывную связь клинических и анатомических наименований. Несмотря на некоторую случайность употребления и тех, и других терминов, мы видим, как автор стремится к точности воспроизведения анатомических названий, прибегая к помощи предлогов – *по правой рукѣ* ***ниже плеча*** *по мышкѣ*; *да он же раненъ по той же рукѣ* ***ниже локтя*** *изъ пищали тяжелыми ранами*; *да по той же рукѣ раненъ изъ лука –* ***межь болшого пальца***; *да по правой ногѣ из лука* ***выше колѣна*** *пострѣленъ.*

Для усиления терминологизации иногда используются слова с количественным значением – *Ротной заимщикъ Савка Перфильевъ: раненъ по лѣвому плечю – рубленъ саблею въ* ***дву*** *мѣстѣхъ, да у лѣвой же руки порублены* ***два*** *перста середнихъ тяжелыми ранами.*

Репрезентативные возможности у каждого автора индивидуальны, поэтому, так или иначе, внутри жанра они создавали варьирование языковых средств, но такие внедрения в структуру текста не являлись препятствием. «Докторская сказка» лишь упрочила свои позиции как мощная, организованная и в то же время незамкнутая система.

ISBN 978-84-949838-0-1

«Сказки о лекарствах представляют» собой описания лекарственных средств (*Въ мшечк корень ангеликовой, корень игирь, и те коренья годятся въ лекарство*), свойства лекарственных средств (*сырые травы, отъ которыхъ въ желудкѣ холодитъ, по-Латыни зовутся трава барага, трава пултерласкъ, трава понтернела и отъ тѣхъ травъ въ желудкѣ холодитъ и запахъ въ питьѣ ставится хорошъ*), процедуру приготовления лекарственного средства с указанием точного количества лекарственных веществ (*И тогожъ числа доктуры составъ составливали; а въ составѣ положено: ...водки гладышевы 9 золотниковъ, да цвѣту дерева самбуцыя 2 горсти, мочено и варено въ уксусѣ ренском своробориннoмъ; ...щипать съ тоѣ травы мелифоліумъ цвѣтъ съ сѣменемъ да сушить, и изсуша класть въ молодое пиво въ бочки, завязавъ въ платъ, которая бочка будеть ведеръ в десять и въ тоѣ бочку цвѣту положить горсть… и варитъ тотъ цвѣтъ въ пивѣ столько, как чаетъ сварится свѣжея рыба*), обстоятельства употребления (*отъ повѣтрѣя…давать вскорѣ корень по-Латыни зовется карлина*), рекомендации (*послѣ жилного отворенья добро кушать рыба свѣжея…а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ,а редки и хрену не ѣсть; именуется та трава которую в пивѣ варить и пити мелифоліумъ, и пити да закутався потѣ ть, и такую траву пьютъ варя въ пивѣ и здоровые люди, для оберегання здравье…пить съ утра надобно*).

Некоторые «сказки о лекарствах» представляют собой тексты компилятивного характера, но отличие от них в современных появляются новые признаки: в качестве основных лексических единиц текста выступает латинский язык с переводом на другие языки и чаще русской интерпретацией; кроме практического значения авторы стремились к теоретическому истолкованию; новые тексты отличались меньшим объемом, поэтому отмечалось отсутствие дробления на более мелкие разделы. Имело место реорганизация структуры, прежде всего, отказ от условной подчинительной связи в пользу сочинительной связи, внося, таким образом, единообразие в оформление. Появились новые стилистические приемы. Упрощение структуры текста может свидетельствовать о попытке автора, с одной стороны, систематизировать содержание, а с другой стороны, структурировать форму передачи специальных знаний. Приведем пример текста с компилятивными оттенками, сам автор подтверждает это, ссылаясь на источник:

*Трава валеріана а по гречески ѳу, пристойна: изъ той травы перепускать водка, и та водка годица отъ очной болезни; да тое жъ траву за моремь кладутъ въ ушечкѣ (*уха, супъ и вообще варево) для всякого здоровья и ядятъ отъ ветру, и у которыхъ людей печень испортица и ото всякого запору и женского полу отъ мѣсячного запору принимать и отъ водяного запору. А коренье тое травы разрѣзать намѣлко сварить въ рѣнскомъ или съ сокомъ березовымъ или въ винѣ церковномъ, и тѣмъ полоскать ротъ у которыхъ людей въ*

ISBN 978-84-949838-0-1

роте осыпалось или иная какая болѣзнь или въ деснахъ цынга. Да тотъ же корень принимать отъ огневой и отъ морового повѣтрія; и у раненыхъ людей раны заживаютъ; и у которыхъ людей бываетъ на лице желчь.

В рускомъ травникѣ въ 520 главѣ написано:…..

«Аптекарские сказки» касались только приготовления лекарства:

«Сказка аптекаря Христиана Эглера о составленном им порошке»

166-го (1657) Декабря въ 13-й день аптекарь Крестьянъ Эглеръ сказал: здѣлалъ порохъ, а въ томъ порохъ положено:

Селитры 3 золотника.

Соли и винного камени золотникъ

Сѣры полтора золотника, – и то все истолокши смѣшать и положить тово пороху на ложку мѣдную противъ 2-хъ зеренъ перцовыхъ, и тое ложку держать на свѣчи возженой до тѣхъ мѣстъ какъ тотъ порохъ на лошкѣ лопнетъ.

«Аптекарская сказка» имела свой формуляр, включающий реквизиты, основную часть (перечисление лекарственных веществ с указанием количества вещества), заключительную (приготовление лекарства), построенных по схеме «возьми что-либо и приготовь по правилам». Обратим внимание на маркировку текста – исплользование отдельной строки для каждого названия, начало каждого ингредиента дополнительно обозначается заглавными буквами. Впоследствии «аптекарскую сказку» заменил новый жанр « рецепт».

На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые имели некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межязыковых средств, которые имеют греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. При переводе этих документов на русский язык заимствовались не только термины, но и форма документа со своей прагматикой и специальными средствами организации.

Несмотря на то, что русский язык в XVII в. еще окончательно не сформировался, языковая вариативность, непоследовательность номинации от экономичных до громоздких наименований, не помешали заложить основы организации специального текста. Медицинская документация постепенно выделилась в отдельную группу со своими характерными номинативными и функциональными особенностями, выполняя свою особую терминологическую роль в языке медицины рассматриваемого периода.

ISBN 978-84-949838-0-1

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1613-1645 гг. (1841), Санкт-Петербург: типография Экспедиции Государственных бумаг.

Виноградов В. В. (1978) История русского литературного языка. Москва: Наука.

Виноградов В.В. (1982) Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Москва: Высшая школа.

Дворецкий И. Х. (2000) Латинско-русский словарь. Москва: Русский язык.

Дювернуа А. Л. (1894) Материалы для словаря древнерусского языка. Москва: Университетская типография.

Качалкин А. Н. (1988) Жанры русского документа допетровской эпохи. Часть II. Москва: Из-во Московского ун-та.

Кронеберг И. Я. (1834) Латинско-российский лексикон. Москва: Типография Семена Селивановского.

Мамонов Н. Е. (1885) Материалы для истории медицины в России. Санкт-Петербург: Издательство медицинского департамента.

Российский Государственный Архив Древних актов (РГДДА). Фонд (Ф.) 143. Опись (Оп.) 2. (1629-1716)

Соболевский А. И. (1903) Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Срезневский И. И. (1912) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Фасмер Макс (1987) Этимологический словарь русского языка. Том III. Москва: Прогресс.

ISBN 978-84-949838-0-1

ЭВФЕМИЗМЫ НА ТЕМУ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Орлова Ольга Сергеевна
Институт языкознания РАН, Россия
OrlovaOlgaS@list.ru

MODERN RUSSIAN EUPHEMISMS CONNECTED WITH BIRTH AND DEATH

Olga Orlova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу современных русских эвфемизмов на тему рождения и смерти. Целью настоящего исследования является описание эвфемизмов на тему рождения и смерти, употребляющихся в современной русской речи, и определение языковых способов создания данных эвфемизмов. Материалом исследования служат современные русские эвфемизмы, употребляющиеся в разговорной речи, в СМИ, эвфемизмы, использующиеся на сайтах и форумах, посвящённых беременности и материнству, в социальных сетях, на сайтах ритуальных услуг, а также эвфемизмы, зафиксированные в словарях эвфемизмов русского языка.

ABSTRACT

The article deals with the analysis of modern Russian euphemisms associated with the topic of birth and death. The objective of the research is to describe the euphemisms under consideration and linguistic means of their formation. The euphemisms to study are found in colloquial speech, in media, on the websites devoted to pregnancy and parenting, ceremonial services, in social networks and in the dictionaries of Russian euphemisms.

Ключевые слова: табу, эвфемизм, рождение, смерть.

Keywords: taboo, euphemism, birth, death.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Эвфемизмы – известные с древнейших времён, особые знаки языка и культуры, представляющие собой непрямые именования предметов, явлений или действий, прямое указание на которые является в данной ситуации неуместным. В Лингвистическом энциклопедическом словаре эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений,

ISBN 978-84-949838-0-1

представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» (Арапова 1990: http://tapemark.narod.ru/les/590c.html). Сходное описание такого явления, как эвфемизм, в котором подчёркивается этикетная сторона данного явления, представлено в словаре А. П. Евгеньевой, ср.: «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его грубости, оскорбительности, невежливости и т. д.) например: «ждёт ребёнка», «в интересном положении» вместо «беременна» и т.д. (Евгеньева 1988: 746). В словаре Д. Н. Ушакова важным является указание на то, что эвфемизм – это «слово (или выражение), употребляемое для н е п р я м о г о (разрядка наша. – О. Орлова), прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято (например, “в интересном положении” вместо “беременна”; “если с больным ничего не случится” вместо “если больной не умрёт”» (Ушаков 1935-1940: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87066).

Отличительная особенность эвфемизмов, которая выделяет их среди других знаков языка, на наш взгляд, состоит в том, что в основе эвфемизмов лежит принцип непрямой номинации, который позволяет выразиться иносказательно, используя подходящие, с точки зрения прагматики, в данной ситуации слова, и быть понятым правильно. Под принципом непрямой номинации понимается преднамеренно иносказательное обозначение объекта, примеры чего мы можем наблюдать в эвфемизмах. Ср.: «женщина, родившая для себя» вместо «мать-одиночка»; «прерывание» вместо «аборт»; «ритуальный агент» вместо «организатор похорон», «усопший» вместо «умерший» и т.п. В современной русской речевой культуре принцип непрямой номинации реализуется и в употреблении эвфемизмов в сетевой коммуникации, на форумах и различных интернет-сайтах: «*Я знала всего одну женщину, родившую для себя в 41 год, которая никогда не была замужем*» (http://www.woman.ru/kids/medley5/thread/4840208/); «*У меня было прерывание в 25 нед. Переживала очень тяжело!*» (https://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t768750-50.html); «*Ритуальный агент значительно облегчает заботы, которые ложатся на плечи родственников усопшего*» (https://xn-----6kccjemwevfcqhwuxggufc2pwa.xn--p1ai/ritualnyij-agent) и т.п.

Выделяется три разряда эвфемизмов: общеязыковые, речевые и окказиональные (Ковшова 2007: 53). К общеязыковым эвфемизмам, согласно М. Л. Ковшовой, относятся «устойчивые, легко воспроизводимые в речи большинством носителей языка общеизвестные слова и выражения» (Ковшова 2007: 53). Примерами общеязыковых эвфемизмов являются такие эвфемизмы, как: «искусственное прерывание беременности» вместо «аборт»,

ISBN 978-84-949838-0-1

«проводить в последний путь» вместо «похоронить», «ритуальное агентство» вместо «похоронное бюро» и т.п. Ср.: «*Как мне пережить искусственное прерывание беременности по медицинскому показанию на позднем сроке – 23 недели (Диагноз Водянка плода, среди них гидроцефалия мозга)?*» (https://deti.mail.ru/forum/v_ozhidanii_chuda/beremennost/preryvanie_beremennosti_na_23_nedele/); «*Ритуальное агентство понимает, насколько велика потеря родственника или близкого человека, особенно при неожиданности утраты*» (https://ritual-kedr.ru/); «*Наши специалисты уделяют особое внимание каждой детали, учитывая все требования и замечания клиентов, чтобы позволить Вам достойно проводить близкого человека в последний путь*» (http://www.ritual-memory.ru/).

Основная функция эвфемизмов состоит в смягчении речи. Эвфемизмы служат оптимальным средством для нейтрализации негативных тем и нацелены на уменьшение негативности, семантическое перефокусирование, отчуждение негативного смысла от конкретного денотата. Неоднозначная оценочность, размытая референтность, семантическая диффузность эвфемизмов «уводят» номинацию от определенно-дискретного описания «неприятного» объекта – к неопределенно-целостному его описанию, что подменяет предмет речи и полностью нейтрализует негативную оценочность. Ср.: «не стало» вместо «умер» – «*14 августа не стало знаменитого детского писателя*» (https://www.kp.ru/daily/26868/3911092/); «место упокоения» вместо «могила» – «*На Новодевичем кладбище Петербурга найдено место упокоения архитектора Преображенского*» (http://www.iarex.ru/articles/52771.html); «новообразование» вместо «рак» – «*Диагноз злокачественного новообразования — это не приговор. Жизнь на этом не заканчивается, а просто переходит на новый этап*» (https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2166027) и т.п.

Речевые и окказиональные эвфемизмы «не столько способствуют смягчению речи, сколько служат речевыми маркерами, сигналом «свой»» (Ковшова 2007: 55). Речевые эвфемизмы представляют собой «индивидуально-контекстные замены, чья устойчивость и воспроизводимость ограничены узким кругом семейного или дружеского общения» (Ковшова 2007: 53). К речевым эвфемизмам, на наш взгляд, можно отнести, например, распространённые в сетевой коммуникации беременных женщин «Б» и «две полоски» / «2 полоски», употребляющиеся вместо слов «беременность» и «беременна», и «заБ» вместо «забеременеть». Так, при обсуждении долгожданной беременности после неудавшихся попыток стать матерью одна из участниц форума пишет: «*Лишь где-то через 3 мес я смогла взять себя в руки и стала настраиваться на следующую Б. И вот с Нового 2009 года мы вновь старались. Я была уверена, что заБ с первого раза, но увы…*»

ISBN 978-84-949838-0-1

(https://forum.say7.info/topic50521.html). На другом форуме девушка делится новостью о незапланированной беременности с остальными участницами беседы: «*Узнала об этом вчера. Тест показал 2 полоски, я в таком ужасе»* (https://www.7ya.ru/article/Beremennost-podelimsya-radostnoj-novostyu/).

Окказиональные эвфемизмы «создаются на случай, порой единственный, их употребления в речи» (Ковшова 2007: 54). Например, «новосёлы» вместо «умершие»: «*Кладбище — место, где с каждым годом становится все больше «новосёлов» и которое, как и крупные города, со временем исчерпывает лимит на количество прибывших*» (http://zviazda.by/ru/news/20180413/1523604636-posetit-mesto-upokoeniya-ne-svalku).

Возникновение эвфемизмов изначально связано с мифологическими представлениями о необходимости табуирования определённых тем. Понятие табу как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен» (Леонтьев 1990: http://tapemark.narod.ru/les/501b.html) появляется на почве суеверий, а первые эвфемизмы возникают для замены табуированных слов в языке. Среди эвфемизмов, которые издревле участвуют в табуировании, значительное место занимают слова и выражения о таких значимых для человека явлениях, как рождение и смерть. Так, например, для именования смерти в русском языке появились эвфемизмы «она» (Сеничкина 2008: 287), «безносая» (Сеничкина 2008: 64), «косая» (Сеничкина 2008: 164), для умершего – «гостюшка» (Сеничкина 2008: 99), для кладбища – «погост» (Сеничкина 2008: 319), для гроба – «домовина» (Сеничкина 2008: 116), «деревянный тулуп» (Сеничкина 2008: 109). Вместо «быть беременной» в русских деревнях раньше говорили «в тяготе быть» (Сеничкина 2008: 77), «в тягостях» (Сеничкина 2008: 76), «на сносях» (Сеничкина 2008: 204), вместо «родить» – «выпростаться» (Сеничкина 2008: 92), «принести» (Сеничкина 2008: 351). В городской культуре было принято выражение «в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении» (Сеничкина 2008: 75) вместо «быть беременной», «появиться на свет» вместо «родить» и т. д.

Взаимосвязь эвфемизмов и табу отмечалась многими исследователями. В работах Л. А. Булаховского (1954), Б. А. Ларина (1961) и А. А. Реформатского (1967), которые одними из первых в отечественной лингвистике обратились к исследованию эвфемии, эвфемизмы рассматриваются в тесной связи с табу и намечается разграничение эвфемизмов-табу и пришедшим им на смену эвфемизмам, не имеющим связи с суевериями и мифологическими верованиями. Так, Л. А. Булаховский к эвфемизмам относит «предохранительные» формулы («чтоб не сглазить»), заменные названия болезней, заменные именования злых духов, умерших, смерти, страшных животных, устрашающих явлений природы, стихий, людских пристрастий, человеческой глупости, а также смягчённые выражения общественных деятелей

ISBN 978-84-949838-0-1

(Булаховский 1954). Б. А. Ларин понимает эвфемизмы как «новые («подставные») именования» (Ларин 1977: 101), которые «создаются в замену запретных слов» (Ларин 1977: 101), разграничивая первобытные эвфемизмы религиозного порядка и традиционные эвфемизмы по суеверию, которые объединяет как «переименования по запрету», и современные эвфемизмы, которые «порождаются лживой моралью» (Ларин 1977: 109) или «ужимками жеманности» (Ларин 1977: 109). А. А. Реформатский определяет эвфемизмы как «разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых (табуированных)» (Реформатский 1996: 56), указывая причины и источники табуирования слов у народов, находящихся на ранней стадии развития и в цивилизованном обществе (мифологические верования, суеверие и предрассудки, цензурный запрет, этикет и боязнь грубых слов, украшательство и тайноречие) (Реформатский 1996: 56-57).

В современном обществе функция табуирования у эвфемизмов практически утрачена. К основным функциям эвфемизмов в современной культуре относятся смягчение речи и вуалирование существа дела; в обиходно-бытовой сфере на передний план выходит этикетная функция эвфемизмов, а в социально-политической – оказание нужного воздействия на адресата. Для речевых и окказиональных эвфемизмов, по М. Л. Ковшовой, одной из основных функцией является фатическая (Ковшова 2007: 55). Однако нельзя полностью исключить следы прежних функций, если, затрагивая темы рождения и смерти, и в современной русской культуре предпочитают выразиться иносказательно. Так, в разговоре о смерти об ушедшем из жизни говорят «покойный», «почивший», «усопший» и т.п. Ср.: «*в церкви, когда отпевают, батюшка говорит, кто хочет, может попрощаться с покойным. если нет желания, то не надо*» (http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4127260/). Вместо «быть беременной» наиболее распространёнными являются эвфемизмы: «ждать ребёнка», «готовиться стать матерью», «ожидаем прибавления в семействе» и т. д. Ср.: «*Только что узнала что моя лучшая подруга ждет ребенка, я очень ее люблю и рада...*» (http://club.passion.ru/zhizni/moya-podruga-beremenna-pochemu-mne-strashno-t41935.html).

Темы рождения и смерти предполагают широкий спектр эвфемизации. Определим основные объекты в рамках данных тем, и представим их в таблицах с примерами эвфемизмов, характерными для современной русской речи. Таблицы составлены на основании данных, собранных в следующих источниках: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов М. Л. Ковшовой, словарь эвфемизмов русского языка Е. П. Сеничкиной, различные сайты и форумы, посвящённые беременности и материнству, социальные сети и сайты ритуальных услуг. О смерти и рождении, считая, что так смягчают данные темы при их обсуждении, высказываются представители разных культурных и социальных групп, тем

ISBN 978-84-949838-0-1

самым многие из приведённых единиц являются маркированными по тем или иным основаниям. Материал, включённый в данные таблицы, отражает всю языковую «палитру» эвфемизации в её узуальном и социальном маркировании, окказиональном разнообразии.

Таблица 1. Эвфемизмы на тему смерти

Тема смерти

Смерть	**Умерший**	**Гроб**	**Могила**	**Кладбище**	**Похороны**
Кончина *Потеря* *Несчастье* *Утрата* *В трудную минуту* *Вечный сон* *Вечный покой* *Проститься с жизнью* *Уйти* *Не стало*	*Усопший* *Покойный* *Погибший* *Павший* *Почивший* *Приказал долго жить* *Преставился* *Отдал Богу душу* *Тело* *Неживой*	*Ритуальные товары* *Лечь в землю*	*Квартира* *Два метра* *Под берёзками* *Место упокоения* *Место захоронения* *Последний приют*	*Место упокоения* *Место захоронения* *Последний приют* *Под берёзками*	*Проводы в последний путь* *Предать земле* *Церемония прощания* *Прощание*

Приближение смерти	**Убийца**	**Убийство**	**Смертельные болезни**	**Различные причины смерти**
На ладан дышит *Последние дни доживает* *Готовится отойти в мир иной* *Очень плох* *Бог по душу посылает*	*Исполнитель* *Преступник*	*Физическое устранение* *Провести зачистку территории* *Ликвидировать* *Заказать*	*Новообразование* *Необратимые последствия* *Конечная стадия* *Не исключён летальный исход* *Неизлечимая болезнь*	*Стать жертвами террористов* *Трагедия оборвала жизни* *Случившееся унесло жизни* *Имеются человеческие жертвы*

Потусторонний мир	**Самоубийство**	**Коммерческая сфера**
Там *На том свете* *Все там будем* *В мире ином* *На той стороне* *В лучшем мире* *По ту сторону*	*Суицид* *Свести счёты с жизнью* *Наложить на себя руки* *Наделать глупостей*	*Ритуальное агентство* *Ритуальные услуги* *Ритуальные принадлежности* *Ритуальные товары* *Ритуальный агент*

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 2. Эвфемизмы на тему рождения

Тема рождения

Беременность	**Родить / рождение**	**Беременная женщина**
Б	*Произвести на свет*	*Женщина в интересном / деликатном / таком положении*
заБ	*Увидеть свет*	*В положении*
Две полоски	*Дать жизнь*	*Будущая мать*
Запузячивание	*Нашли в капусте*	*Пузики*
Животик растёт не от пиццы	*Аист принёс*	*Беременяша*
В ожидании бэбика	*Купили в магазине*	*Коллеги*
Тянет на солёненькое	*Заказали в интернете*	*Мама проглотила розовую или синенькую таблеточку*
Готовиться стать матерью	*Из животика*	
Ждать ребёнка		
Ждать малышиков		
Ждём аиста		
Внутри бьётся ещё одно сердечко		

Незапланированная беременность	**Беременность вне брака**	**Рождение ребёнка вне брака**
Залететь	*Родить для себя*	*Случайный ребёнок*
Залёт	*Сама*	*Одинокая мать*
Вышло случайно		*Женщина, родившая для себя*

Новорожденный	**Аборт**	**Ребёнок внутри женщины**
Лялька	*Это*	*Горошинка*
Бэбик/Бебик	*Операция*	*Пузёныш*
Прибавление в семействе	*Прерывание*	*Бэбик/Бебик*
	Не поздно передумать	*Семечко*
	Искусственное прерывание беременности	*Маленькое чудо*
	Избавиться от нежелательной беременности	

Поздняя беременность	**Ранняя беременность**	**Кесарево сечение**
		КС
		Кесарить
		Женская консультация
Родить в столь ПРЕКРАСНОМ возрасте	*ОЧЕНЬ молодые мамочки*	*ЖК*
		Консультация

По материалу, представленному в данных таблицах, видно, что эвфемизмы на тему рождения и смерти, употребляющиеся в современной русской речи, подразделяются на эвфемизмы, берущие свои корни в традиционной культуре, изначально возникшие как замены табуированных слов и выражений, и на эвфемизмы, появившиеся в культуре современной, возникшие как под влиянием традиционных воззрений на тему рождения и смерти, так и отражающие новые веяния в развитии общества. Так, в первую группу входят такие

ISBN 978-84-949838-0-1

эвфемизмы на тему смерти, как: «все там будем», «проводить в последний путь», «под берёзками», «покойный», «отойти в мир иной», «предать земле»; эвфемизмы на тему рождения: «произвести на свет», «ждём аиста» и т.п. Для данной группы характерно большое количество эвфемизмов-фразеологизмов; ср. также: «на ладан дышит», «аист принёс», «нашли в капусте» и др. Вторая группа включает такие эвфемизмы, как: «произведена зачистка территории», «имеются человеческие жертвы», «искусственное прерывание беременности», «летальный исход», «тянет на солёненькое», «купить в магазине» и т. д.

К вопросу способов создания эвфемизмов в науке о языке обращались многие исследователи (Л. П. Крысин, Ж. Ж. Варбот, Е. И Шейгал, А. М. Кацев, Б. Уоррен, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина и др.). Опираясь на существующие в науке классификации, М. Л. Ковшова выделяет наиболее типичные лексико-семантические способы образования эвфемизмов: подмена значения, создание значения неполноты признака или действия, сужение значения, расширение значения, использование заимствованной лексики и создание аббревиатуры (Ковшова 2007: 48-51).

Наиболее распространённые языковые способы создания, лежащие в основе эвфемизмов на тему рождения и смерти, употребляющихся в современной русской культуре, – расширение значения («место упокоения», «вышло случайно», «это», «все там будем» и т. д.) и подмена значения («ждём аиста», «квартира», «под берёзками» и т.п.). В отдельных примерах наблюдаем сужение значения («исполнитель», «ритуальные товары» и др.), использование заимствованной лексики («суицид»), создание значения неполноты признака или действия («неживой») и создание аббревиатуры («КС», «ЖК»).

Особый интерес представляют возникающие в речи беременных женщин новые эвфемизмы, распространённые в сетевой коммуникации: «в ожидании бэбика», «запузячивание», «две полоски», «пузёныш»/«Пузёныш» и т.д. Ср.: «*Вот и снова в ожидании бэбика*»

(https://www.baby.ru/community/view/431988111/forum/post/561766769/);

«*Две полоски...что делать дальше?))*»

(https://www.baby.ru/community/view/22562/forum/post/501715063/);

«<...>*На днях мама мне сказала, что когда мы подали заявление в ЗАГС она 3 раза ставила свечку Богородице и молила ее, чтобы у нас появился малыш... Вот в чем заключается чудо моего запузячивания=)*<...>»

(https://www.babyblog.ru/cb/sovety/18-nedelya/lenta/550);

«<...>*Напоследок сказали пить фолиевую кислоту 3 раза в день и витамин Е 2 раза в день. С первым мы согласились, второго боимся, потому что недавно прочитали, что витамин Е*

ISBN 978-84-949838-0-1

надо пить при подготовке беременности, а не во время неё. А Пузёныш-то уже во мне.... Короче, мы все в сомнениях <...>» (https://www.babyblog.ru/user/lenta/samaya) и т.п.

В русской речи продолжают появляться и новые эвфемизмы на тему смерти (ср.: «ритуальные товары», «провести зачистку территории», «наделать глупостей» и т.п.). Эвфемизмы-неологизмы на тему рождения и смерти в современном русском языке, как правило, образуются с помощью аффиксации («кесарить», «запузячивание»), и путём лексико-семантического словообразования («две полоски»). В примере с эвфемизмом «бэбик»/«бебик» (вместо «ребёнок») наблюдаем заимствование из английского языка (от англ. baby – ребёнок, малыш) в сочетании с русским уменьшительно-ласкательным суффиксом -ик, использующимся при образовании диминутивных форм, и указывающим на то, что денотат представляет собой нечто небольшое по размеру, маленькое. Ср.: «*когда бебик родится, то расходы возрастут и з.п. может не хватить... но я верю, что мы это преодолеем - есть решения...*» (https://www.cosmo.ru/forumn/topic/67364-хочу-ребенка-и-боюсь/); «*1,5 года мечтали о детях, лечились, а когда забеременела оказалось, что ничего про беременность и не знаю. Может, если бы у нас все сразу получилось, было бы проще, не было бы таких мыслей, а сейчас так боюсь потерять бэбика*» (https://www.7ya.ru/article/Sny-beremennyh-zhenwin-chast-1/).

В современной русской речевой культуре особенно заметен поиск новых эвфемизмов на тему рождения, может быть потому, что, во-первых, в обсуждении этой темы в сетевой коммуникации принимает участие массовая аудитория, во-вторых, данная тема становится всё более актуальной для обсуждения, и сама по себе, в отличие от темы смерти, является позитивной. Тема рождения, несмотря на её широкое обсуждение, остаётся сакральной и, в силу суеверий (прежде всего, самих матерей), продолжают появляться новые эвфемизмы. Сам факт увеличения числа эвфемистических именований в денотативной сфере и рождения, и смерти свидетельствует о том, что данные темы в современной культуре, как и в традиционной, не только имеют большое значение, но и по-прежнему как никакие другие вызывают неловкость при их затрагивании в определённой ситуации, что способствует появлению эвфемистических номинаций.

Выводы.

Темы рождения и смерти в современной русской речи нуждаются в употреблении эвфемизмов. Значительная часть смягчённых слов и выражений несёт на себе «отпечаток» табуирования, являвшегося ведущей функцией эвфемизмов в древние времена. В основе эвфемизмов лежит принцип непрямой номинации, предполагающий преднамеренно

ISBN 978-84-949838-0-1

иносказательное обозначение объекта. При обращении к теме смерти эвфемизируется само именование смерти, время приближения и причины смерти, похороны и потусторонний мир, гроб, могила, кладбище, а также другие аспекты ритуальной сферы. При затрагивании темы рождения используются эвфемизмы для именования беременности (в т.ч. ранней, поздней, незапланированной и беременности вне брака), беременной женщины, самого рождения, ребёнка, находящегося внутри матери, новорожденного, детей, рождённых вне брака, различных медицинских операций, связанных с беременностью и родами, и больничной сферы. Ввиду широкого обсуждения темы рождения в сетевой коммуникации, появляются новые речевые эвфемизмы на данную тему, для которых одной из главных функций является фатическая. Значение таких эвфемизмов понятно узкому кругу вовлечённых в сетевую коммуникацию беременных женщин и молодых мам, а их употребление свидетельствует о принадлежности к этому кругу.

Основными способами создания эвфемизмов на тему рождения и смерти в русском языке являются расширение значения и подмена значения. Кроме того, при образовании эвфемизмов, связанных со смертью и рождением, применяется также сужение значения, использование заимствованной лексики, создание значения неполноты признака или действия и создание аббревиатуры.

Использование эвфемизмов на тему рождения и смерти в различных дискурсивных практиках – от бытовых диалогов до научно-популярной и масс-медийной сферы создаёт широкий диапазон их функционирования и развития в современной русской речи.

Примечание

В приведённых в статье примерах, отражающих употребление эвфемизмов в сетевой коммуникации, сохранена орфография и пунктуация авторов данных текстов.

Список литературы

Арапова Н. С. (1990): Эвфемизмы, Лингвистический энциклопедический словарь URL: http://tapemark.narod.ru/les/590c.html (дата обращения: 8.06.18).

Булаховский Л. А. (1954): Табу и эвфемизмы, Введение в языкознание. Часть II. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 48-52.

Евгеньева А. П. (1988): Словарь русского языка в четырёх томах. Том IV. Москва: Русский язык.

Ковшова М. Л. (2007): Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис.

ISBN 978-84-949838-0-1

Ларин Б. А. (1977): Об эвфемизмах, История русского языка и общее языкознание. Москва: Просвещение, 101-114.

Леонтьев А. А. (1990): Табу, Лингвистический энциклопедический словарь URL: http://tapemark.narod.ru/les/501b.html (дата обращения: 8.06.18).

Реформатский А. А. (1996): Табу и эвфемизмы, Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 56-57.

Сеничкина Е. П. (2008): Словарь эвфемизмов русского языка. Москва: Флинта. Наука.

Ушаков Д. Н. (1935-1940): Толковый словарь русского языка. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 8.06.18).

Источники примеров в сети Интернет

Форум интернет-журнала для женщин Woman.ru. URL: http://www.woman.ru (дата обращения: 28.08.18).

Форум Материнство. URL: https://forum.materinstvo.ru (дата обращения: 28.08.18).

Сайт 7я.ру. URL: https://www.7ya.ru (дата обращения: 28.08.18).

Сайт, посвящённый беременности и материнству, «Бэби.ру». URL: https://www.baby.ru (дата обращения: 28.08.18).

Интернет-сообщество родителей «Бэбиблог». URL: https://www.babyblog.ru (дата обращения: 28.08.18).

Форум женского журнала Cosmopolitan «КосмоФорум». URL: https://www.cosmo.ru/forum (дата обращения: 28.08.18).

Форум онлайн-журнала для женщин Passion.ru. URL: http://club.passion.ru/zhizni/ (дата обращения: 28.08.18).

Форум SAY7. URL: https://forum.say7.info (дата обращения: 28.08.18).

Форум Дети mail.ru. URL: https://deti.mail.ru/forum (дата обращения: 28.08.18).

Форум На-связи.ru. URL: https://forum.na-svyazi.ru (дата обращения: 28.08.18).

Сайт ритуальной службы Москвы «ритуальные-услуги-москва.рф». URL: https://ритуальные-услуги-москва.рф (дата обращения: 28.08.18).

Сайт городской ритуальной службы «Кедр». URL: https://ritual-kedr.ru/ (дата обращения: 28.08.18).

Сайт похоронного бюро «Единая ритуальная служба». URL: http://www.ritual-memory.ru/ (дата обращения: 28.08.18).

Сайт газеты «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru (дата обращения: 28.08.18).

ISBN 978-84-949838-0-1

Сайт информационного агентства ИА REX. URL: http://www.iarex.ru (дата обращения: 28.08.18).

Русскоязычная версия белорусской газеты «Звезда». URL: http://zviazda.by/ru (дата обращения:28.08.18).

ISBN 978-84-949838-0-1

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ НА БАЗЕ «СЛОВАРЯ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XXI ВВ.»

Петрова Зоя Юрьевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zoyap@mail.ru

Ребецкая Наталия Александровна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
n.reb@mail.ru

Фатеева Наталья Александровна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
nafata@rambler.ru

PROJECT OF THE INFORMATION RETRIEVAL SYSTEM ON THE BASIS OF THE DICTIONARY OF METAPHORS AND SIMILES OF THE XIX-XXI CENTURIES RUSSIAN LITERATURE

Zoia Petrova
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Rebetskaya
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Fateeva
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

АННОТАЦИЯ

Представляется проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска информации о компаративных тропах в русской литературе. ИПС создается по «Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» (выпуски 1 – 5). ИПС существенно облегчит задачу ориентировки в большом объеме неструктурированной информации и позволит осуществлять контекстный поиск по всем возможным параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft Access, на основе которой будет создана ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме «запрос – результат запроса».

ABSTRACT

The project of the information retrieval system (IRS) is presented, allowing to solve the problem of multidimensional search for information on comparative tropes in the Russian literature. IRS is created on the basis of the Materials to the dictionary of metaphors and similes of the XIX-XX

ISBN 978-84-949838-0-1

centuries Russian literature (issues 1 – 5). IRS will greatly facilitate the task of orienting in a large volume of unstructured information and will allow carrying out contextual search for all possible parameters of describing the tropes in the dictionary that the researcher may need. Most of the dictionary materials have now been converted to the Microsoft Access database format, on the basis of which the IRS will be created, aimed at achieving the most efficient and user-friendly computer processing of data by the «query – result» scheme.

Ключевые слова: информационно-поисковая система, база данных, словарь, метафора, сравнение, компаративные тропы.

Keywords: information retrieval system, database, dictionary, metaphor, simile, comparative tropes.

Мы представляем проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска и структурирования информации о компаративных тропах в русской литературе.

В настоящее время появилось несколько информационно-поисковых систем на базе электронных словарей, тематически связанных с языком художественной литературы, например: ИПС «Словари русской поэзии Серебряного века» (на основе электронной версии «Словаря языка русской поэзии XX века», авторы В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова, Н. А. Фатеева и др. (СЯРП 2001–2017), ИПС «Образный инструментарий русской лирики» на базе лексикографического источника «Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века», авторы Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова (2015) и др. Наш проект существенно отличается от них по своим функциям. Проектируемая нами система является более специализированной и позволяет реализовать возможности многомерного поиска информации по компаративным тропам русской литературы.

ИПС создается по “Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.”, авторы: Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, выпуски 1 “Птицы”, 2 “Звери, насекомые, рыбы, змеи”, 3 “Растения”, 4 “Камни, металлы”, 5 “Ткани, изделия из тканей” (2000–2017). Словарь строится на двух основных принципах – идеографическом (принципе семантического поля) и диахроническом. Идеографический принцип создания словаря состоит в следующем: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. При составлении вышеуказанных выпусков тропеический материал группировался по образам сравнения. Предметы сравнения группируются в семантические классы, охватывающие все разделы идеографической классификации (классификация представлена во Введении к первому выпуску «Материалов…» (Кожевникова, Петрова 2000: 14).

ISBN 978-84-949838-0-1

Структура каждой словарной статьи определяется структурой соответствующего семантического поля образов сравнения. В каждом томе учитываются всевозможные отношения элементов в семантических полях. Основные из них – следующие:

“род – вид”, например: *зверь – собака, волк, лиса, медведь, лев, тигр, кошка, свинья* и т.д.; *цветок – роза, лилия, мак, незабудка, василек* и т.д.; *фрукт – яблоко, лимон, апельсин, дыня, груша* и т.д.;

“целое – часть”, например: *дерево – ствол, ветки, сучья, кора, листья, хвоя; цветок – лепесток, венчик, стебель, чашечка* и т.д.;

обозначения совокупностей, множеств, например: *птица – стая; корова, бык* и т.д.– *стадо*, *овца – отара; конь – конница; цветок – цветник, букет, клумба* и т.д.;

“Х – действие, состояние, характерное для Х”, например: *птица – лететь, порхать, виться, парить, нахохлиться, щебетать, курица – кудахтать; корова – мычать; кошка – мяукать; конь, лошадь – закусить удила; зверь –сжимать в лапах; растение, цветок – цвести, вянуть, цветок – распускаться* и т. д.;

“Х – действия с Х”, например: *зверь – укрощать; конь – стреножить; птица – подбить, подстрелить, окольцевать; растение – посадить, пересадить, прививать* и т.д.

Во всех образных полях при группировке тропов учитываются также отношения синонимии и квазисинонимии, например: *лошадь – кляча, кобыла; собака – шавка; лев – скимен, ягненок – агнец; белка – векша; курица – наседка; ласточка – касатка; соловей – филомела; лилия – крин; свёкла – буряк; помидор – томат; арбуз – кавун* и т.д.; различные словообразовательные производные, например: *птица – птичий, птичка, по-птичьи*; *зверь – звериный, по-звериному, зверек, зверок, зверушка, зверюшка, зверюга* и т.д.

В каждой части словарной статьи материал разграничивается далее по формально-синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов. Основные из них – метафоры (Мтф.) (включая метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления) и сравнения. Среди сравнений выделяются конструкции с формально не выраженным основанием сравнения (Ср.), сравнения-приложения (Ср.- прил.), сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом (Ср. с гл.), прилагательным (Ср. с прил.), субстантивным словосочетанием (Ср. с субст. словосоч.), категорией состояния (Ср. с катег. сост.).

В качестве примера приведем часть словарной статьи “ЛУНА (МЕСЯЦ)” выпуска 3 “Растения”, в которой луна сравнивается с различными фруктами:

«Фрукты»
дыня, дыни, дынка, ломоть дыни, дынная корка, дынная корочка
Ср. с гл.

ISBN 978-84-949838-0-1

висеть: А месяц, как **дынная корка**, На небе полночном висит… (Некрасов 1848)
лежать: Когда лежит луна ломтем чарджуйской **дыни** На краешке окна... (Ахматова 1944)
показаться: Сумерки грустно сдували последнее пламя зари, и за косогором показался, как желтая **дыня**, месяц (Есенин 1915)
катить (роль объекта): Ночь, как **дыню**, / Катит луну. // Море в берег / Струит волну (Есенин 1924)
Мтф.
О, родина, О, степь в долине бурок, Где **дыни** лун златят июль бакши (Кусиков 1921), Из облака вызрела лунная **дынка**, / стену постепенно в тени оттеня (Маяковский 1923), Кура, по раннему дымная, / спешит под Верийский мост. / А в небе **корочка дынная** / истекает соками звезд (Окуджава 1959)
апельсин
Мтф.
А впереди, из-за аметистной полоски, из-за гиацинтной ленточки далекого леса выкатывался гигантов **апельсин** – Луна – с кротким добродушием голубоглазого великана (Флоренский 1904), Из кручи туч На круг гостей Глазеет Лунный **апельсин** (Каменский), Полномесяц **Апельсин** (Каменский 1918)
ломтик апельсина
Ср.
И шесть часов сопровождала нас луна, Похожая на **ломтик апельсина** (Луговской 1925-1926)
апельсиновая корка
Ср. с гл.
желтеть: **Апельсиновой коркой** За лиманом желтеет луна (Рыленков 1930-е гг.)
померанец
Ср.
В облаках висит луна Колоссальным **померанцем** (С. Черный 1911)
лимон, ломтик лимона, кусок лимона
Мтф.
Висит в набухшей мгле **лимон** луны огромный (Набоков 1921), А в тучках нежность хризантем, / и для друзей я отмечаю, / что месяц тающий — совсем / **лимона ломтик** в чашке чаю (Набоков 1922)
Ср.
Полумесяц поднялся сонно И достиг верхушки небес. Он казался **куском лимона**, Что от чая слегка облез (Тарловский 1925)
яблоко, яблочко
Ср. с гл.
накатана: **яблоком** накатана луна (Нарбут 1915 (1922))
катиться: Катится, как **яблочко**, Месяц в облака (Клычков 1929-1930)
блестеть: В тумане, будто наливное **яблоко**, Едва блестит клейменная луна (Саянов)
Ср.
Морозное небо / Сквозь листы и кусты, Антоновским **яблоком** / Луна в ветвях… (И.В. Юрков 1927)
Мтф.
Когда мы были голодны Осенней ночью в час дождя, Мы ели **яблоко** луны, Ветвей небесных не щадя (Мориц 1972)
манго
Ср.-прил.
Я знаю много других событий, Живых, как пятнышки в **манго**-луне (Матвеева 1973)

ISBN 978-84-949838-0-1

Диахронический принцип заключается в том, что во всех классах тропов материал подразделяется по времени, после примеров в скобках приводится год (или более широкий временной интервал) написания или первой публикации соответствующего произведения.

В дополнение к данному словарю, который решает задачу систематизации компаративных тропов в языке художественной литературы и выявления ее эволюции на протяжении более двух веков, предлагается создать ИПС, существенно облегчающую ориентировку в большом объеме неструктурированной информации и позволяющую осуществлять поиск по всем возможным параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Четкая и единообразная структура словарных статей всех пяти выпусков и единая семантическая классификация предметов сравнения дает возможность создать такую систему на основе словарных материалов. ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме “запрос – результат запроса” в системе “человек – машина”, предполагает создание базы данных (БД). Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft Access. Для этого была проведена разметка словарного материала, представленного в текстовом формате. Кроме перечисленных параметров описания тропов в словаре каждому контексту был присвоен символ, обозначающий его принадлежность к поэзии или прозе. Кроме того, метафорам и сравнениям, характеризующим человека, были приписаны символы, обозначающие принадлежность к полу – муж, жен, немаркированный.

БД включает примерно 20 000 тропеических контекстов из произведений русской художественной литературы, как поэтических, так и прозаических, за период с конца XVIII в. по начало XXI в.

В соответствии со структурой “Материалов к словарю метафор и сравнений” каждая запись базы данных состоит из следующих полей: предмета сравнения, образа сравнения, типа сравнения, контекста, автора контекста и года издания. На форме, созданной в программной оболочке C++ Builder, отображены все поля записи, а также опции поиска по каждому полю за исключением поля Контекст. В верхней центральной части формы расположены кнопки, соответствующие 12 семантическим классам: “Птицы”, “Звери”, “Насекомые”, “Черви”, “Пауки”, “Рыбы”, “Крабы, раки, моллюски”, “Змеи”, “Другие пресмыкающиеся”, “Растения”, “Камни, металлы”, “Ткани, изделия из тканей”, под которым находится Оглавление (Content). Это единое для всех классов дерево (программный компонент TreeView), отображающее иерархические данные, в котором пользователь может выбрать нужный ему узел или узлы. Первый узел дерева соответствует выборке всех записей данного семантического класса.

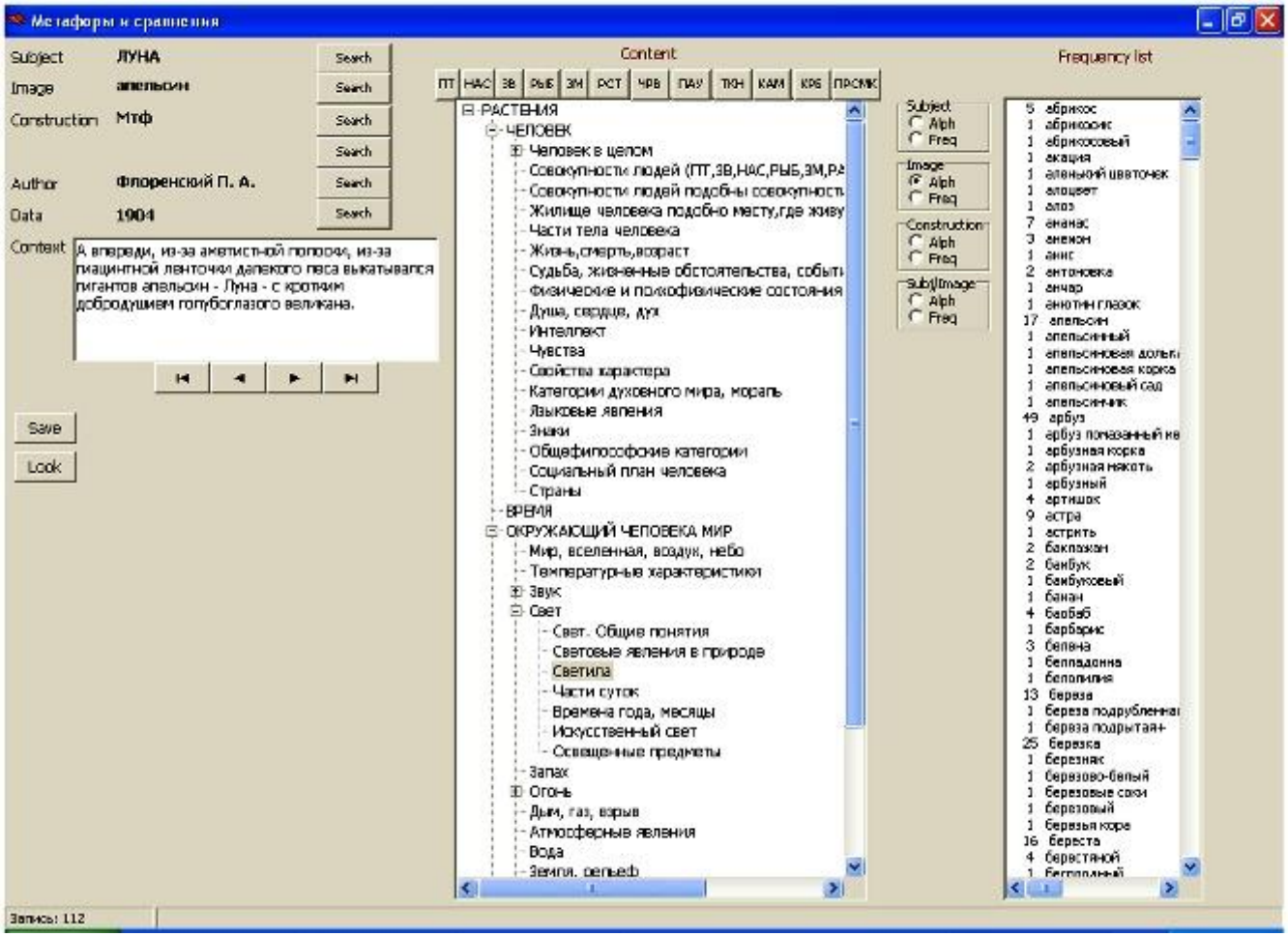
ISBN 978-84-949838-0-1

Дочерние узлы – это разделы идеографической классификации, о которых говорилось выше. Наиболее крупные из них – “Человек”, “Время” и “Окружающий мир”.

Каждому узлу в БД соответствуют таблицы, с содержимым которых можно ознакомиться, перемещаясь по набору данных с помощью стрелок навигатора, расположенного в левой части формы. С помощью кнопки «Save» можно получить все записи выборки в текстовом формате с информацией о числе записей. В правой части формы расположены компоненты, позволяющие отобразить алфавитно-частотные и частотные списки предметов, образов сравнения, их сочетаний и типов конструкции, относящихся к каждому семантическому классу.

Рисунок 1. Фрагмент работы программы, отображающий запись из семантического класса «РАСТЕНИЯ».

Опции поиска, например по полю “Образ сравнения”, позволяют получить ответ на запрос типа “Что сравнивается с мотыльком в литературных текстах?”. В качестве ответа мы



получаем ряд предметов сравнения (всего 53), охватывающих многие семантические классы реалий: **ветер, вечер, восток, глаза, голубка, душа, звезды, звуки, листик, метеор, мысли,**

ISBN 978-84-949838-0-1

огонек, одуванчик, песня, снег, улыбка, цветы, человек и др. Приведем несколько примеров: **«человек – мотылек»**: *Утром первого ноября, светел как майский мотылек, порхнул Виктор в теплицу и нашел там Жанни в горьких слезах* (Марлинский 1831), *Мы ведь дети! Все мы дети, Мотыльки вокруг огней!* (Брюсов 1904), **«глаз – мотылек»**: *Как черный мотылек В бровях блистает глаз* (Хлебников 1921), **«улыбка – мотылек»**: Улыбка, бледно розовея, Слетает с уст, как *мотылек* (Северянин 1915), **«мысль – мотылек»**: *И мысли легкие пускать, / как мотыльки по незабудкам* (Белый 1921), **«огонек – мотылек»:** *В полумраке прозрачный вьется огонек. Так плещет на багряном маке Крылом прозрачным мотылек* (Фет 1856), **«снежинки – мотыльки»:** *И сказочен немой расцвет снегов, Когда мельканье белых мотыльков Наложит власть молчанья на равнины* (Бальмонт 1916), **«цветы – мотыльки»*:*** *В долине святой реки Крылят цветы-мотыльки* (Северянин 1919).

Выбрав поиск по полю “Предмет сравнения”, мы получим, например, ответ на вопрос “С чем сравнивается автомобиль в литературе?”. Ответ: с **птицей, вороном, филином, конем, жеребцом, быком, мопсом, котом, слоном, китом, мышью, жуком, светляком, мушкой**; все эти образы будут сопровождены контекстами, например: *Там шуба из куньего, пышного и чернобелого меха садилась в авто – точно в злого, рычащего мопса, метнувшего носом прожектор* (Белый), *И автомобили, как коты с придавленными хвостами, Неистово визжат* (Багрицкий), *Летят стальных жуков рокочущие стаи, С глазами круглыми, пронзающими ночь* (Лозина-Лозинский).

Статистические списки и таблицы, подключенные к каждому семантическому классу и ко всему корпусу, позволяют не только выяснить, какие предметы, образы, сравнения встречаются чаще, но и узнать, к какому типу организации художественной речи принадлежит троп, а также – для тропов, образно описывающих человека, – лиц какого пола чаще характеризует определенный образ сравнения.

В некоторых семантических классах образов сравнения наблюдается явная тенденция к соответствию пола описываемого лица и рода существительного – опорного слова тропа, например, в классе “Звери” (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение образов сравнения по полу характеризуемого ими лица.

	total	F	M	N
баран	32	1	27	4
барсук	20		19	1
бык	27	1	26	
волк	64	5	56	3
выдра	2	2		

ISBN 978-84-949838-0-1

газель	19	18	1	
зверь	170	12	136	22
кобель	10		10	
конь	21	2	17	2
корова	7	6		1
кот	27	1	26	
кошка	56	36	20	
лань	14	11	3	
лев	43	2	41	
львица	12	12		
медведица	17	15	2	
медведь	54		53	
мышь	31	9	15	7
овца	13	4	8	1
осел	22		19	3
пес	37	4	28	5
собака	94	12	70	12
тигр	30	1	28	1
тигрица	7	7		
хищник	21		19	2

Некоторые образы сравнения, такие как *кошка, собака, мышь*, правда, представляют собой исключения из этого правила, активно характеризуя и лиц мужского пола. Особенно интересны такие случаи, когда несовпадение пола и рода происходит в единичных случаях, например, *медведица* – о мужчине (*А профессор – медведица!* (Белый), *Получит / гимназистик // аттестат-листик. // От радости – / светится, // напьется, как медведица* (Маяковский)), *конь* – о женщине (*Сначала при слове: любовь m-lle Boncourt вздрагивала и навастривала уши, как старый полковой конь, заслышавший трубу, <…>* (Тургенев)). В других семантических классах, например, в классе “Растения”, такой тенденции нет или почти нет, хотя и здесь есть образы сравнения (и женского, и мужского рода), гораздо чаще характеризующие лиц женского пола: *березка, лилия, роза, ландыш, цветок*.

С помощью опции поиска по полю «Автор» можно выявить идиостилевые характеристики определенного автора. Например, можно будет получить ответ на запрос: “Какие метафоры и сравнения употребляет в своем творчестве Андрей Вознесенский?”. В качестве примера приведем фрагмент результата поиска по такому запросу, представляющий образную параллель «ЧЕЛОВЕК – РАСТЕНИЕ»:

ЧЕЛОВЕК зерно
ЧЕЛОВЕК лист
ЧЕЛОВЕК стебель
ЧЕЛОВЕК сук
ЧЕЛОВЕК былинка

ISBN 978-84-949838-0-1

ЧЕЛОВЕК ветвь
ЧЕЛОВЕК опенок
ЧЕЛОВЕК ива
ЧЕЛОВЕК сосна
ЧЕЛОВЕК баобаб
ЧЕЛОВЕК рябина
ЧЕЛОВЕК яблоко
ЧЕЛОВЕК апельсин
ЧЕЛОВЕК роза
ЧЕЛОВЕК водная лилия
ЧЕЛОВЕК подснежник
ЧЕЛОВЕК астра
ЧЕЛОВЕК вьюнок

Проиллюстрируем данные образные соответствия некоторыми контекстами: *миру по нитке – голая станешь, / ивой поникнешь, горкой растаешь* (Песня Офелии, 1957), *Да здравствуют бабы, / торговки салатом, / под стать баобабам / в четыре охвата!* (1958), *Ты о чем, Ирина-рябина, / поешь?* (1960-е гг.), *Ау, подснежник в сугробе грозном, / колдунья женского ремесла* (1971), *Рыдайте, кабацкие скрипки и арфы, / над черною астрой с прическою «афро», / что в баре уснула, повиснув на друге* (Мулатка, 1979), *Ты плаваешь слабо, мой гибкий товарищ, / ты воздух хватаешь, как водная лилия* (1981), *Женщины на русских площадях / кладут асфальт в оранжевых плащах, / чтобы всем позорище видней – / апельсины наших площадей!* (1990).

Подобные списки для разных авторов позволяют проводить сравнительный анализ их тропеических систем.

Поиск по кнопке «Дата» даст возможность создать широкий диапазон желаемых временных интервалов: век, полвека (первая половина, вторая половина) и т.д., прослеживая таким образом эволюцию заданных тропов и их классов на протяжении двух веков. Кроме того, предполагается создание ресурсов, дающих возможность поиска по узлам иерархического классификационного дерева соответствующих семантических классов тропов. Можно будет получать ответы на запросы типа: «Какие атмосферные явления, по материалам БД, образно уподобляются насекомым в XIX веке?», «А какие в XX в.?». Выбрав семантический класс НАСЕКОМЫЕ, таблицу «Атмосферные явления» и задав поиск по полю «Дата», где поисковым элементом будет служить «XIX», мы получим следующий список:

СНЕГ	мухи (2)
СНЕГ	пчелы
ХЛОПЬЯ СНЕГА	рой пчел

Всего 4.

А по запросу «XX»:

ISBN 978-84-949838-0-1

ВЕТЕР	мотылек
ВЕТЕР	муха
ВЕТЕР	трутень
ДОЖДИК	муравейник
ДОЖДЬ	саранча
ДОЖДЬ	светляки
ДОЖДЬ	шелкопряд
МЕТЕЛЬ	улей пчел
ОБЛАКО	стрекоза
ПЫЛЬ	туча саранчи
СНЕГ	бабочки (4)
СНЕГ	мотыльки (2)
СНЕГ	мухи (3)
СНЕГ	мушки
СНЕГ	мошки
СНЕГ	пчелы (2)
СНЕГ	рой пчел
СНЕГ	стрекозы (3)
СНЕГ	улей (2)
СНЕГ	шмели (2)
СНЕГ	насекомые
ХЛОПЬЯ СНЕГА	мошкара
Всего 33	

Таким образом, можно видеть расширение круга как предметов сравнения, так и образов сравнения этой образной параллели («Атмосферные явления – насекомые») в процессе эволюции поэтического языка. Если в XIX в. насекомым уподоблялся только снег, то в XX – это и ветер, и дождь, и метель и некоторые другие явления. Например, дождь - *шелкопряд*: *Снуй шелкопрядом тутовым И бейся об окно* (Пастернак 1917*), светляки: Над градинами фонарей Дождь светляками пляшет* (Уткин 1926-1928), *саранча: Дождь идет в никуда, ниоткуда, / как старательная саранча* (Соснора 1976).

Если говорить об образах сравнения, то в XIX в. снег образно обозначается как *мухи* (*белые мухи*) и *пчелы*. Эти опорные слова встречаются в тропах с предметом сравнения *снег* на протяжении двух веков: *мухи*: <…> *по серому небу летают белые, снеговые мухи* (Лесков 1860), *Белые мухи летали – Белые звездочки снега!* (Фофанов 1898), *Серая пелена туч закрыла огненный косяк, и кругом закружились холодные, белые мухи* (Белый 1905), *Вокруг фонаря над воротами – белые мухи* (Замятин 1920), *Опять эти белые мухи* (Пастернак 1941), *пчелы: Белые пчелы летали* (Фофанов 1898), *Вот опять, точно белые пчелы, Налетают пушинки снегов* (Гофман 1908), *Снежинок рой кружит сверкая, Одна – пчелой, шмелем – другая* (Кушнер 1960-е гг.) (образ сравнения *снег* может варьироваться словом *снежинки*). В XX веке появляются новые образные соответствия: стрекозы, бабочки, мотыльки, мошки, мошкара, шмели: *Слетит веселый рой на стекла Алмазных, блещущих стрекоз* (Белый 1907), *Тихо*

ISBN 978-84-949838-0-1

бабочки снега садились вокруг на деревья (Поплавский, ок. 1930), *Как летом роем мошкара Летит на пламя, Слетались хлопья со двора К оконной раме* (Пастернак 1958). В этом ряду появляется и родовое слово – *насекомые*: *То снежиночки из набежавшего облака: падали; видел: под ботиком ползают, как бриллиантовые насекомые* (Белый 1932).

ИПС станет гибким, наглядным инструментом изучения метафорической картины мира русской литературы, характеризуя компаративные тропы во многих аспектах. Сфера использования проекта может быть самой широкой. Размещение системы в Интернете позволит обеспечить доступ к ней любому кругу заинтересованных пользователей: как специалистов: лингвистов, литературоведов, так и вузовских и школьных преподавателей, студентов, всех пользователей, интересующихся метафорами и сравнениями в художественной литературе. Решение этой задачи имеет научное и практическое значение, круг пользователей системы включит не только специалистов-лингвистов, но и преподавателей, и учащихся, русистов всех стран, пользователей без филологического образования. Технически функциональность информационной системы может быть ограничена только пропускной способностью каналов связи и мощностью сервера.

Список литературы

Иванова Н.Н., Иванова О.Е. (2015): Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века. Москва: Азбуковник.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. (2000 – 2017): Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы», Вып. 2. «Звери, насекомые, рыбы, змеи», Вып. 3. «Растения», Вып. 4. «Камни, металлы», Вып. 5. «Ткани, изделия из тканей». Москва: Языки славянской культуры (Издательский дом ЯСК).

СЯРП (2001 – 2017): Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П.Григорьев (отв. ред.), Л.Л.Шестакова (отв. ред.), Л.И.Колодяжная, В.В.Бакеркина, А.В.Гик, Т.Е.Реутт, Н.А.Фатеева. Т.I: А – В. 2001; Т.II: Г – Ж. 2003; Т.III: З — Круг. 2008; Т. IV: Кругл – М / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. В. Гик, А. С. Кулева (ред.), Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева; Т. V: Н – Паяц / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. В. Гик, Н. А. Фатеева; Т. VI: Пе – Радость / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), Л. И. Колодяжная, А. В. Гик, Н. А. Фатеева; Т. VII: Том VII: Радуга — Смоковница / Сост: Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Гик А. В. Москва: Языки славянской культуры (Издательский Дом ЯСК).

ISBN 978-84-949838-0-1

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В XIX ВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИКИ И ЯЗЫКА

Пушкарева Наталия Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
pushkarevanata@gmail.com

Руднев Дмитрий Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
rudnevd@mail.ru

TRAVEL NOTES IN THE XIX CENTURY: PRAGMATICS AND PECULIARITIES OF LANGUAGE

Natalia Pushkareva
St. Petersburg State University, Russia

Dmitry Rudnev
St. Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В докладе исследуются прагматические и лингвистические особенности описания кругосветного плавания Ф. Ф. Беллинсгаузена, изданного в 1831 г. В его тексте соединяются элементы трех речевых систем – деловой, научной и художественной. Это было обусловлено тем, что описание путешествия Беллинсгаузена выполняло несколько задач: оно было отчетом Морскому министерству об экспедиции, фиксировало результаты научных наблюдений и экспериментов и одновременно знакомило широкую публику с полученными сведениями. Язык путешествия Беллинсгаузена демонстрирует активное взаимодействие делового и научного стилей в первой половине XIX в., поскольку целый ряд научных исследований проводился по инициативе ученых комитетов министерств, а их результаты фиксировались в ведомственных изданиях.

ABSTRACT

The paper investigates pragmatic and linguistic features of the description of the circumnavigation under the direction of Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen, published in 1831. In this text, elements of official, scientific and belletristic speech systems are combined because it had several objectives: was a report about the expedition to the Ministry of the Navy, recorded the results of scientific observations and experiments and simultaneously acquainted the general public with the information received. The language of Bellingshausen's expedition demonstrates the active interaction of styles of official documents and scientific prose in the first half of the 19th century, as many scientific studies was conducted on the initiative of the ministries' scientific committees, and their results were recorded in departmental publications.

Ключевые слова: травелог; путешествия; русский язык XIX века; деловой стиль; научный стиль; художественный стиль.

ISBN 978-84-949838-0-1

Keywords: travelogue; travel notes; Russian language of the XIX century; style of official documents; style of scientific prose; belles-lettres style.

В предлагаемом докладе рассматриваются языковые и прагматические особенности описаний морских путешествий первой половины XIX в. на примере описания кругосветного путешествия Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света». Путешествие было совершено в 1819–1821 гг. и издано в 1831 г. Выбранный для анализа текст представляет интерес прежде всего потому, что относится к эпохе формирования русского литературного языка и реформирования делового стиля.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (1778, о. Эзель Эстляндской губ. – 1852, Кронштадт) в 1789–1797 гг. обучался в Кронштадтском морском кадетском корпусе. В 1796 г. совершил плавание к берегам Англии, после чего был произведен в мичманы. В 1803–1806 гг. участвовал в первом русском кругосветном путешествии на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна.

К настоящему моменту отечественная и зарубежная литература, посвященная травелогу (путешествию), чрезвычайно обширна, однако в фокусе внимания исследователей оказывается главным образом литературное путешествие. Вопросы о границах жанра путешествия, его месте в жанровой системе языка, жанровых особенностях остаются дискуссионными. Так, некоторые исследователи (В. А. Михельсон, В. Я. Канторович, Д. М. Молдавский, Б. О. Костелянец) не рассматривают путешествие в качестве самостоятельного жанра, относя его к разновидности очерка. Н. М. Маслова выделяет путешествие как жанр публицистики, тогда как В. А. Михайлов, подобно Ю. М. Лотману, считает его жанром художественной литературы: «Путешествие – жанр художественной литературы, в основе которого лежит описание реального или мнимого перемещения в достоверном (реальном) или вымышленном пространстве путешествующего героя (чаще героя-повествователя), очевидца, описывающего малоизвестные или неизвестные отечественные, иностранные реалии и явления, собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие в процессе путешествия, а также повествование о событиях, происходивших в момент путешествия» (Михайлов 1999: 45). Некоторые исследователи, осознавая трудность точной дефиниции жанра путешествия, избегают ее давать (Шадрина 2003).

Мы будем пользоваться в качестве рабочего определением В. М. Гуминского: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить

ISBN 978-84-949838-0-1

дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи…» (Гуминский 1987: 314). В этом определении важным является указание на возможное наличие у путешествия помимо познавательных дополнительных задач.

Жанр путешествия восходит к глубокой древности и претерпел глубокую трансформацию в связи с изменением и усложнением типа путешественника, целей путешествия и культурной среды, в которой бытует жанр путешествия. Так, с Петровской эпохи к числу известных с допетровской эпохи типов путешественника (паломники, землепроходцы и послы, а также единичный случай купца Афанасия Никитина) добавляются новые типы – студент-стажер (Д. И. Виноградов), ученый в составе академической экспедиции (В. Беринг, С. П. Крашенинников и др.), мореплаватель (И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и пр.), участник боевых действий (П. А. Левашев и др.), представитель образованного дворянства (А. Г. Бобринский, П. А. Строганов и пр.). На рубеже XVIII–XIX вв. появляются женские путешествия.

Происходит олитературивание путешествия (Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин). Под влиянием Л. Стерна путешествие в литературе сентиментализма и романтизма начинает активно использоваться в качестве способа развертывания сюжета, происходит «использование ситуации реального или вымышленного путешествия для расширения емкости романного повествования» (Кублицкая 2017). На трансформацию путешествия повлияла культура чтения: «Для периода Нового времени очевидна связь путешествия с чтением: принимая во внимание большое значение устного межличностного общения, можно утверждать, что именно чтение (учебной литературы, газет, журналов, книг), формировало основы представлений о других странах и народах и детализировало их» (Стефко 2010: 13–14).

Путешественники пишут свои записки в расчете на их публикацию, ориентируясь на ту или иную реакцию читателя. «Уже в XIX в. дневник становится не результатом, а его целью. Путешественники создают свои материалы для образовательных периодических изданий» (Ревенко 2016: 9). Интерес к путешествиям был столь велик, что помимо отдельных публикаций появляются специализированные журналы, посвященные путешествиям. Например, «Журнал новейших путешествий», издаваемый Федором Шредером и Николаем Гречем, выходил в Петербурге ежемесячно с октября 1809 г. по сентябрь 1810 г. Изменение культурного контекста повлияло на манеру письма путешествий не только частных лиц, но и тех людей, которые их создавали в силу служебных обязанностей.

Прагматическая рамка и особенности структуры

ISBN 978-84-949838-0-1

Сказанное выше, несомненно, относится к путешествию Беллинсгаузена («Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света»). Оно представляет собой синтез трех формирующихся стилей русского языка – делового, научного и художественного. Вот что говорилось в инструкции Государственного адмиралтейского департамента Беллинсгаузену: «чтобы по возвращении вашем из записок ваших можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без замечания ничего, что случится вам увидеть где-нибудь нового, полезного и любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях. <…> Старайтесь записывать все, дабы сообщить сие будущим читателям путешествия вашего. <…> Веденный таким образом журнал путешествия вашего по окончании кампании должны вы представить за подписанием вашим в Адмиралтейский департамент» (Беллинсгаузен 1831: 35–36). Таким образом, путешествие Беллинсгаузена имело трех адресатов – Морское министерство (отчет), ученое сообщество и широкая публика. Это неизбежно накладывало отпечаток на особенности его языка.

Путешествие Беллинсгаузена разбито на пять политопических глав, «каждая из которых сообщает о пребывании повествователя не в одном населенном пункте, а в нескольких. <…> Политопическая композиция глав в особенности характерна для путешествий с очень протяженным маршрутом…» (Шадрина 2003: 40). Деление на подглавы отсутствует. Невозможность дать подробное описание всего текста путешествия вынуждает нас ограничиться подробным анализом одной из глав. Для анализа была взята вторая глава «Плавание от Англии до острова Тенерифе, потом до Рио-Жанейро. – Пребывание в Рио-Жанейро» (Беллинсгаузен 1831: 58–109); для сопоставления привлекается сходная по содержанию третья глава «Плавание из Англии к островам Канарским, а оттуда в Бразилию» из путешествия Крузенштерна (Крузенштерн 1809: 45–80).

События путешествия излагаются в хронологическом порядке в виде связного текста. Сбоку от текста даются хронологические ссылки по месяцам, иногда с указанием конкретных чисел. Подобным образом организован текст путешествия И. Ф. Крузенштерна. Особенности указания дат отсылают к деловой практике (учетные книги, судовые журналы и т.д.).

В тексте преобладают мы-формы: Беллинсгаузен описывает события от лица всех лиц, находящихся на судне; я-формы используются в том случае, когда он выступает в качестве командира корабля – в этих фрагментах часто используются глаголы со значением волеизъявления. Например: *В 8 часов утра* ***я*** *приказал держать SSW. Шлюп «Мирный» находился в весьма дальном расстоянии от шлюпа «Востока»;* ***я*** *сделал при пушечном*

ISBN 978-84-949838-0-1

выстреле сигнал, чтобы держался тем же курсом, как ***мы****…* (Беллинсгаузен 1831: 62). Подобным образом организован текст путешествий Лисянского и Крузенштерна.

Особенности лексики

Спецификой морских путешествий является подробное описание погоды, особенно ветров. Это обусловлено тем, что движение парусного судна было напрямую обусловлено особенностями погоды. Например: *В полдень ветр отошел к западу; мы поворотили на другой галс и легли на S; к 6^{ти} часам по полудни ветр сделался от NO свежий, мы легли на STW½W* (Беллинсгаузен 1831: 62). Кроме того, в тексте путешествия значительное место уделяется описанию местоположения судна. Инструкция Адмиралтейского департамента предписывала «все наблюдения, делаемые как для определения долготы и широты мест, так и для поверки компаса и часов, вносить в журнал со всякою подробностию, так чтобы и после, если потребуется надобность, можно было поверить вычисления оных» (Беллинсгаузен 1831: 33). Например: *В полдень находились в широте северной 43° 18′ в долготе 11° 52′ западной* (Беллинсгаузен 1831: 62).

Сведения о ветрах и местоположении судна даются в деловом ключе и рассчитаны прежде всего на морское ведомство. Информация о точном местоположении была очень важна для картографической деятельности; информация о ветре важна для описания действий капитана по управлению судном и скорости передвижения.

К числу сведений, предназначенных для научного сообщества и морского ведомства, относится описание температуры и давления воздуха: *О температуре и перемене воздуха в Санта-Круце в продолжение дня сообщаю среднее показание термометра и барометра из замечаний в четыре дня, ежедневно через шесть часов* (Беллинсгаузен 1831: 76–77; далее идет подробная информация).

Для путешествий в целом характерно широкое употребление глаголов движения, поскольку их содержание определяется маршрутом передвижения путешественника: «в соответствии с маршрутом произведение наполняется теми или иными фактами. <…> Без преувеличения можно сказать, что именно маршрут формирует весь сюжет произведения» (Шачкова 2008: 280). В морском путешествии употребление глаголов движения имеет свою специфику: в соответствии с морским обычаем вместо глагола *плыть* используется глагол *идти*. Например: *При тихом ветре мы* ***подошли*** *к мысу Наго и в 6 часов утра направили курс прямо на Санта-Круцкой рейд* (Беллинсгаузен 1831: 67); *К вечеру* ***приехал*** *с берега от губернатора испанской службы офицер поздравить нас с благополучным прибытием…* (Беллинсгаузен 1831: 69). Реже используются перифразы *направить путь (курс)*, *продолжить*

ISBN 978-84-949838-0-1

путь: *...мы снялись с якоря и* ***направили путь*** *многим мористее острова Канарии, дабы ночью не заштилеть близ острова* (Беллинсгаузен 1831: 77).

Описательные фрагменты текста рассчитаны на различных адресатов. В связи с этим представляют интерес номинации явлений и предметов, с которыми встречаются путешественники. Ср. три фрагмента: *Г. Берх меня весьма обрадовал, удостоверя, что на шлюпе «Восток» нет ни одного человека чем-либо зараженного; сие можно почесть великою редкостию, ибо в Англии больше, нежели где-нибудь,* ***развратных прелестниц****, особенно в главных портах* (Беллинсгаузен 1831: 61) – *...в Фальмут заходят только пакетботы, отправляемые в разные места, и потому в городе менее* ***распустных женщин*** (Беллинсгаузен 1831: 61) – *Ныне не видно уже того множества монахов и* ***развратных женщин****, которые прочим путешественникам здесь встречались…* (Беллинсгаузен 1831: 72). Совершенно очевидно, что первая номинация предназначена не ученому сообществу или Морскому министерству, а широкой публике.

При описании флоры и фауны в тексте путешествия часто содержится повторная номинация на латинском языке, что указывает в том числе и на научную аудиторию: *Сего утра в первый раз показались рыбы* ***бониты*** *(****Scomber pelamis****), которые старались предупредить ход шлюпа…* (Беллинсгаузен 1831: 78); *...в воде бониты их [летучих рыб] пожирают, а как скоро, желая спасения, вылетают из воды,* ***фаетоны*** *(****Phaecton aethericus****) и другие птицы хватают их на лету* (Беллинсгаузен 1831: 79).

Некоторые фрагменты текста имеют отчетливую беллетристическую природу и испытали влияние предшествующей травелогической литературы. Например:

В обширных морях взорам мореплавателей представляется токмо вода, небо и горизонт, а потому всякая, хотя маловажная, вещь привлекает их внимание. Все служители сбежались на бак, гальюн и бушприт любоваться хищничеством акулы (длиною около 9ти футов), которая непременно хотела полакомиться частью служительской солонины, повешенной для вымачивания. Неудачные ее покушения и удар острогой в спину понудили ее отдалиться от шлюпа (Беллинсгаузен 1831: 64); *Неподалеку от города Санта-Круца мы прошли местечко Сант-Андре, находящееся в ущелине. Все с большим любопытством навели зрительные трубы, и каждый из нас сказал: «И здесь люди обитают!». И подлинно, смотря на сии островершинные неприступные скалы, между коими образовались узенькие ущелины временем и водою, из гор текущею, по наружному виду невозможно и подумать о внутренней красоте и изобилии сего острова, на котором живут 80000 человек* (Беллинсгаузен 1831: 67).

В традиционной карамзинской манере дается описание города Санта-Крус: *Тогда представился глазам нашим красивый город, выстроенный на косогоре в виде амфитеатра,*

ISBN 978-84-949838-0-1

украшенного двумя высокими башнями, из коих одна возвышалась на западной стороне города с колоннадою вверху, а другая посреди города с такою же колоннадою… (Беллинсгаузен 1831: 67–68). Беллинсгаузен готов использовать в таких фрагментах даже фигуративные средства: *…когда же облака не покрывают остров, что обыкновенно, хотя изредка, случается по вечерам, тогда является взорам сребристая вершина пика, сего огромного исполина, поставленного на неизмеримом плоском пространстве; он первый встречает и последний провожает восхождение и захождение благотворного солнца* (Беллинсгаузен 1831: 68). Описание вулкана Тейде у Беллинсгаузена, впрочем, испытало некоторое влияние со стороны аналогичного описания в путешествии Крузенштерна: *Пик покрыт был облаками, но спустя полчаса от оных очистился и представился нашему зрению во всем своем величии. Снегом покрытая вершина, освещаема будучи яркими солнечными лучами, придавала много красоты этому исполину* (Крузенштерн 1809: 50). Метафора *исполин* явно взята Беллинсгаузеном из описания Крузенштерна.

В таких фрагментах прослеживается направленность на читателя, который становится со-зрителем описываемой картины, такое описание сильно субъективировано и содержит оценочные слова и конструкции. В то же время эти фрагменты не имеют ценности для научного или морского сообщества. Однако следует отметить, что по сравнению с другими описаниями этой эпохи, средства диалогизации повествования представлены у Беллинсгаузена довольно скупо.

Особенности синтаксиса

Синтаксические структуры, использующиеся в путешествии Беллинсгаузена, отражают, с одной стороны, особенности становления русского литературного языка, с другой стороны – те цели и задачи, которые стояли перед автором текста.

Очень велика доля конструкций, связанных с описаниями: сложные бессоюзные и сложносочиненные предложения, перечислительные ряды, сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, пояснительные члены предложения. Описания выполняются как в художественной, так и в научной манере: первое имеет субъективированный характер, во втором выражение субъекта ослаблено, в качестве подлежащего выступают неодушевленные (наблюдаемые / изучаемые) предметы. Приведем в виде примера довольно большой фрагмент, где одна манера описания сменяет другую:

С полуночи к «Востоку» слышен был гром; дождевые тучи со шквалами шли перед носом шлюпов и за кормой, но шлюпы оставались покойны; ночью мы видели в море весьма много фосфорического света, происходящего от множества малых как будто искр и больших

ISBN 978-84-949838-0-1

светящихся глыб. Величественное явление сие поражает зрителя; он видит на небе бесчисленное множество звезд и море, освещенное зыблящимися искрами, которые по мере близости шлюпов становятся ярче и в струе за кормою образуют огненную реку. Тот, кто сего не никогда не видал, изумляется и совершенно в восторге. Фосфорическое блистание происходит, как известно, от слизких морских червей (Molusca). Для понимания сих искр и больших светящихся шаров с кормы шлюпа опущен был на веревке в воду флагдучный мешок; вытащили во множестве как больших, так и малых блестящихся животных, из коих по особенному блистанию обратила внимание наше Пирозома (Pyrosoma) длиною до семи дюймов, в диаметре от 1 ¼ до 1 ½ дюйма, с одного конца закруглено, а с другого находится внутрь отверстие, которое почти доходит до другого конца; снаружи наросты разной величины; животное сие кажется будто стеклянное, когда в воде в спокойном состоянии, иногда лишается света; спустя несколько времени с наростов начинает светить, наконец все принимает огненный вид, после того снова постепенно тускнеет, а при малейшем потрясении воды мгновенно блистание возобновляется; все сии изменения происходят, доколе животное не мертво, но потом блистание исчезает. Для опыта дали кошке съесть большую половину сего Пирозомы, кошка съела охотно, и никаких последствий не случилось. Кажется, что и для людей не было бы вредно, но, может быть, и питательно (Беллинсгаузен 1831: 82–83).

Первая часть этого фрагмента выполнена в субъективированной манере, содержит оценочную лексику, тропы и фигуры. Вторая часть выполнена в констатирующей и аналитической манере, отражая результаты наблюдений и опытов. Переход от одной манеры повествования к другой происходит при помощи фразы *Фосфорическое блистание происходит, как известно, от слизких морских червей (Molusca)*, которая выступает шифтером переключения модуса повествования – модус зрительного восприятия сменяется модусом мнения. Во второй части редуцировано выражение субъекта, в фокусе описания находятся обнаруженные признаки. Признаки выражаются как именными предикатами, так и глаголами в форме настоящего времени с качественным значением. Описание выполнено в виде очень большой по размеру синтаксической структуры, где господствующей является бессоюзная связь. Примечательно также, что если первый фрагмент апеллирует к чувствам (*восторг*), то второй – к разуму. В его конце высказывается предположение о возможном использовании человеком. Приведенный фрагмент достаточно хорошо показывает, как происходит соединение разностилевых фрагментов в тексте описания.

Кроме описательных фрагментов, в научных фрагментах текста встречаются конструкции, при помощи которых оформляются отношения вывода. Это оформление

ISBN 978-84-949838-0-1

отличается от современного языка, в котором используются конструкции и обороты типа «таким образом», «итак», «можно сделать вывод» и пр. В путешествии Беллинсгаузена они отсутствуют и доминирует конструкция «(не) можно / должно заключить, что». Например: *По мумиям и разным частям, равно и по описанию Г^на^ Гумбольдта,* ***не можно заключить, что*** *гванчи были большого роста* (Беллинсгаузен 1831: 74); *…из чего* ***должно заключить, что*** *птицы сего рода отлетают от берега на сто миль и, вероятно, еще далее* (Беллинсгаузен 1831: 79). *…из сего* ***не должно ли заключить, что*** *Пирозомы (Pyrosoma), имеющие сами свойство светить, убегают света солнечного или дневного…* (Беллинсгаузен 1831: 83).

В тексте довольно редко используется деепричастие. Оно используется преимущественно в повествовательных фрагментах. Из примет делового стиля отметим пояснительные конструкции, вводимые *(а) именно*: *…но многие из наших офицеров, именно астроном Симанов, лейтенанты Абернибесов, Лесков, Анненков и Демидов, пользуясь данным им сроком на три дня, решились ехать в город Аратову, дабы увериться в противном видимому с рейда* (Беллинсгаузен 1831: 75).

Выводы

Особенности языка путешествия Беллинсгаузена достаточно типичны для других морских путешествий первой половины XIX в., в частности для путешествий Крузенштерна и Лисянского. В путешествии Беллинсгаузена более ярко представлен научный и беллетристический компоненты, тогда как путешествие Лисянского выдержано в отчетливо деловой манере, а Крузенштерна – в беллетризованной деловой манере. Не в последнюю очередь это являлось следствием стилистических сдвигов, произошедших в русском языке в первой четверти XIX в. – языковым дифференцированием различных стилистических систем.

Соединение делового, научного и беллетристического компонентов было обусловлено тем, что описание путешествия Беллинсгаузена выполняло несколько задач: было отчетом Морскому министерству, фиксировало результаты научных наблюдений и экспериментов и одновременно знакомило широкую публику с полученными сведениями.

Однако это не единственная причина такого смешения стилей. В 1810–1830-е гг. происходит трансформация делового языка: в ходе министерской реформы произошла не только смена принципов управления, но и отказ от старого делового языка. Первым, кто отметил факт изменения делового языка, был М. Л. Магницкий, который писал в 1835 г.: «Царствованию Благословенного [Александра I. – *Н. П., Д. Р.*] предоставлена была со всеми родами славы и та, которая принадлежит ему за образование слога делового и

ISBN 978-84-949838-0-1

государственного... <…> Главные свойства сего преобразованного служебного слога суть правильность языка, точность, краткость, благородная простота и нужная в разных случаях сила; обогащение его смелым и счастливым переводом многих слов, кои почитались дотоле техническими или чуждыми слогу деловому; порядок систематический в изложении предметов сложных и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах; приличный каждому акту тон» (Магницкий 1835: 18–20).

Язык путешествия Беллинсгаузена отражает происходившую трансформацию делового языка: он лишен элементов подъяческого слога XVIII в. и включает значительное число элементов из иных стилей, в частности научного и художественного. Он демонстрирует активное взаимодействие делового и научного стилей в первой половине XIX в., поскольку целый ряд научных исследований проводился по инициативе ученых комитетов министерств, а их результаты фиксировались в ведомственных изданиях.

Список литературы

Беллинсгаузен Ф. Ф. (1831): Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов. Совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном», под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Востока». Шлюпом «Мирным» начальствовал лейтенант Лазарев. Изданы по высочайшему повелению. Часть первая. Санкт-Петербург: типография Ивана Глазунова.

Гуминский В. М. (1987): Путешествие, Литературный энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 314–315.

Крузенштерн И. Ф. (1809): Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. По повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга Крузенштерна, Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук члена. Часть первая. Санкт-Петербург: Морская типография, 1809.

Кублицкая О. В. (2017): «Homo peregrinus»: к вопросу о типологии образов путешественника в русской литературе, Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. № 2(36). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4293 (дата обращения: 10.06.2018)

Магницкий М. (1835): Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. Москва: типография Лазаревых Института восточных языков.

ISBN 978-84-949838-0-1

Михайлов В. А. (1999): Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет.

Ревенко А. А. (2016): Предпосылки возникновения и этапы становления печатных изданий о путешествиях, Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 15/6, 7–18.

Стефко М. С. (2010): Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: Институт российской истории Российской академии наук.

Шадрина М. Г. (2003): Эволюция языка «путешествий». Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва: Московский государственный областной университет.

Шачкова В. А. (2008): «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории, Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского, 3, 277–281.

ISBN 978-84-949838-0-1

ЧИТАТЕЛЬ В ЗЕРКАЛЕ ТЕКСТА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Пушкарева Наталия Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
n.pushkareva@spbu.ru

THE READER IN THE MIRROR OF THE TEXT: LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Pushkareva Natalia
Saint-Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Особенности современных прозаических текстов, обусловленные жанровым и тематическим многообразием, свойственным современной русской литературе, описываются в статье с точки зрения их ориентации на современного читателя. Синтаксические конструкции, графические элементы и расположение текста на странице служат для выделения особо значимых компонентов текста, а также управляют читательским вниманием. Используемые в тексте языковые средства, пунктуация, способы визуализации текстового материала позволяют сделать выводы об интерпретационных возможностях потенциального читателя. Опыт кинозрителя и читательский тезаурус так же важны для восприятия современной прозы, как и владение языковыми нормами.

ABSTRACT

Specific features of the modern prosaic texts resulted from the genre and thematic diversity which is a characteristic of the modern Russian literature are described in the article from the reader-oriented aspect. Syntactic constructions, graphic elements and the arrangement of the text on a page are used for exposing of the most valuable text components and for directing of the reader’s attention. Linguistic means, punctuation, the ways of text visualization lead to the conclusion about interpretation abilities of the potential reader. Moviegoer experience and reader’s thesaurus are as important for modern prose perception as the knowledge of language norms.

Ключевые слова: русский язык, прозаический текст, читатель, языковые средства, авторская пунктуация, визуальные средства

Key word: Russian language, prosaic text, reader, linguistic means, author’s punctuation, visual methods

Читатель в современном информационном пространстве.

Триада «писатель–текст–читатель», характеризующая условия существования (и своего рода актуализации) литературного произведения, оказывается сегодня в принципиально иных условиях по сравнению с прошлыми эпохами. Положение читателей и писателей в современном мире определяется рядом экстралингвистических факторов, сформировавшихся в результате научно-технического прогресса, возникновения новых технологий и

ISBN 978-84-949838-0-1

возрастающей информационной насыщенности. Расширение информационного поля, связанного с героями и сюжетом, все сильнее втягивает читателя в совместное с автором конструирование мира романа и его персонажей. Современный читатель разительно отличается от своих предшественников, поскольку изменились экстралингвистические условия формирования современных читателей и писателей. Всеобщая грамотность и наличие у подавляющего большинства людей XXI в., по крайней мере, среднего образования, а значит, и опыта чтения, предполагает знакомство с определенным «культурным минимумом», в том числе и литературным, который позволяет интерпретировать художественный текст. Люди, объединенные одним языком, живут в едином цивилизационно-культурном пространстве, имеющем более-менее общую шкалу ценностей, этических и нормативных ориентиров, следовательно, в рамках одной социокультурной реальности у них складывается общая когнитивная база. Кроме того, современный человек обладает опытом кинозрителя и компьютерного пользователя, что способствует его знакомству с глобальной образной системой. Сложившийся комплекс «растиражированных» образов (Найдина 2017:65) помогает ему не только интерпретировать визуально представленную информацию, но и выстраивать связи между визуально-информационными отрывками.

Доступ к художественным произведениям и источникам справочной информации, обеспеченный новыми технологиями, сделали читателя, с одной стороны, более лояльным к различным способам выражения смысла, с другой стороны, более опытным в обращении с текстами, а следовательно, более избирательным и требовательным. Еще в середине XX в. Р. Барт писал об «аристократическом читателе», способном получать «удовольствие от текста» (Барт 1989: 462—519). Современный читатель характеризуется, с одной стороны, как «образцовый» (Эко 2002:50—51) или «квалифицированный» (Сидорова 2003:16—25). Он готов к работе с текстом, насыщенным языковыми новациями и отличающимся по способам организации от классических образцов. Формирование читателя такого типа происходило параллельно с возникновением новых принципов прозы, которые складывались в XX в. в рамках модернизма (Руднев 1999:237—241) и продолжают развиваться сегодня. С другой стороны, существует читатель массовой литературы, которая «создается в соответствии с запросами массового читателя, нередко весьма далекого от магистральных направлений культуры» (Черняк 2005:170). Примечательно, что оба читательских типа могут прекрасно уживаться в одном человеке.

Изменения, произошедшие с реальным читателем, косвенно влияют на способы организации прозаического текста. Упомянутое выше обращение к фоновым знаниями и визуальному опыту читателя не просто способствует более полному пониманию

ISBN 978-84-949838-0-1

развертывания сюжетных линий, но и увеличивает объем фактической и концептуальной информации, воспринимаемой человеком. Прочитываемое произведение встраивается в уже известные читателю рамки традиционных интерпретаций, культурных стереотипов и традиций. Все это влияет на содержательную сторону прозаических текстов. Кроме того, развиваются такие тенденции новейшей прозы, как размывание литературных жанров, стремление к диалогу с читателем, особое внимание к синтаксису (Руднев 1999:237—241). Тематическая и стилистическая нонселекция новейшей прозы сопровождается смешением единиц разных функциональных стилей, языковой игрой, интертекстами, явными и скрытыми цитатами. Прецедентные имена связывают читателя с миром культурных ассоциаций, принятых в обществе в конкретную эпоху, и дают простор для интерпретаций. Синтаксические особенности текста, отражающие нарастающую уже много лет разговорность (Акимова 1990) и демонстрирующие параллельные тенденции к расчлененности и слиянию (Покровская 2006:191—201), способствуют организации процесса чтения таким образом, чтобы читательское внимание направлялось к наиболее важным, по мнению автора, отрезкам высказывания, а читатель участвовал в поисках невербализованного смысла. Разговорность актуализируется, в частности, в форме различных видов неполноты высказывания, создающих у читателя представление об эмоциональном состоянии персонажа. Особую роль играет нестандартный внешний вид текста. Применение монтажного принципа, расположение абзацев на странице, авторская пунктуация, вертикальные пробелы спрессовывают текст и углубляют его смысл. Передача смысла происходит не только словесно, но и с помощью знаков. Как отмечает Н. Л. Шубина, возникает «уплотнение» текстового пространства», которое «создается при помощи сокращения вербальных элементов и увеличения функций параграфемных элементов» (Шубина 1999:176). Параграфемные элементы направляют читателя к информационному центру высказывания или всего текста, активизируют читательское воображение и побуждают обращаться к личному тезаурусу. Отмеченные явления свидетельствуют о дальнейшем развитии актуализирующего типа прозы, которое сопровождается усилением роли читателя как интерпретатора текстового смысла, и эта интерпретация все больше попадает в зависимость от подготовленности и индивидуальных характеристик конкретного читателя.

В силу описанных особенностей новейшей прозы, читатель вынужден самостоятельно решать ряд практических задач. Во-первых, ему необходимо восстановить логику развития событий, то есть обнаружить связи между частями высказывания и реконструировать ситуацию, обозначенную порой весьма схематично. Во-вторых, он должен выявить скрытые смыслы, передаваемые синтаксическими конструкциями и грамматическими формами. И,

ISBN 978-84-949838-0-1

наконец, важной задачей оказывается определение интертекстуальных связей произведения. Только произведя все указанные операции, читатель современной литературы сможет собрать воедино весь комплекс смыслов предлагаемого ему произведения.

Языковые особенности прозаических текстов XXI в.

Обращение к примерам, иллюстрирующим особенности текстов современной литературы, позволит предпринять попытку моделирования типологических черт сегодняшнего читателя. Современные прозаические тексты демонстрируют комплексное применение перечисленных выше приемов, поэтому трудно настаивать на превалировании какого-то одного способа в рамках одного отрывка или всего текста. Однако можно распределить примеры в соответствии с доминирующими в нем особенностями.

Экспрессивный синтаксис, авторская пунктуация, нечеткие связи между частями высказывания.

Полнее всего читательская активность проявляется при анализе актуализирующей прозы в ее современных вариациях. В данном случае интерпретация текста происходит на собственно языковом уровне, ее полнота зависит от умения человека устанавливать связи между компонентами высказывания, а также выявлять категориальные значения частей речи и определять интонационные особенности отрывка, ориентируясь на пунктуационные знаки. Кроме того, практически везде абзацное членение и авторские пунктуационные новации применяются как средства указания на смысловые центры высказывания и подталкивают читателя к поискам смысла, не выраженного словесно, но дополняющего общую картину. Так, например, несобственно-прямая речь персонажа позволяет сделать заключение об эмоциях героя: <…> *Словом, было так хорошо, что Глинников даже забыл о третьем тосте. Но вспомнил. Что-то ему об этом напомнило. Какая-то сложная ассоциация: звук – запах – слово – мысль… может, то, что они шли вдоль реки, ну, по реке, а те уходили за реку. Какая-то здесь мерещилась мифология: междумирие, что ли, или нет – река жизни, вот что, вот как правильно. А там, та – река смерти. И Глинников чуял ее дыхание. Он мог там быть. Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром, жизнью, Галиной, хлебом, серой солью на газетном обрывке* (Ермаков 2012:169).

Конструкции экспрессивного синтаксиса, прежде всего, парцелляция, затрудняющая процесс чтения, повторы единиц *какая-то, он* и обилие указательных местоимений формируют представление о том, с какой интонацией персонаж мог бы это проговорить, где сделал бы паузы, где использовал бы избыточную конструкцию, уточняя свою мысль.

ISBN 978-84-949838-0-1

Отсутствие подчинительных союзов заставляет ориентироваться на иную сигнальную систему, а именно на пунктуацию. Применение тире двояко: в соответствии с нормами, для маркировки противопоставления (*Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром* <…>) и для формирования цепочки номинативов, обозначающих сенсорную картину, вызывающую у персонажа образные ассоциации (*звук – запах – слово – мысль*). Каждое слово, заключенное в рамку из пунктуационных знаков (двоеточия и тире), оказывается в своеобразном кадре, привлекает внимание и затрудняет продвижение читателя далее по тексту. Финальная часть отрывка *Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром* <…>, разделенная знаком тире, демонстрирует «выпадение» смыслового звена из повествования: читатель должен самостоятельно оценить смысловые отношения между частями высказывания, разделенными знаком тире, оценить цепочку определений к слову *упоение*, чтобы понять, по каким признакам противопоставлены два упомянутых персонажем события.

Неопределенно-личные предложения, расширяющие информационное поле.

Условия для расширения спектра возможных интерпретаций возникают при появлении в актуализирующей прозе неопределенно-личных предложений, отвлекающих внимание читателя от деятеля и фиксирующих его на результате действия. Несмотря на отсутствие формального подлежащего, грамматическая форма глагола в этих предложениях обозначает конкретные группы деятелей: «1) воспринимаемые на слух действия, когда агенс говорящему не виден; 2) общественные реакции, осуществляемые коллективом; 3) действия государственной машины; 4) действия ситуативно обусловленной группы людей» (Тестелец 2001:310—311). Таким образом, в неопределенно-личных предложениях актуализируется особый способ упаковки информации. Эта информация – конвенциональный подтекст, т.е. общеизвестная, или конвенциональная, информация, выводимая из грамматических характеристик определенных языковых средств и безошибочно идентифицируемая всеми носителями языка. Конвенциональный подтекст отличается от фоновых знаний тем, что его присутствие обозначено не лексически, а с помощью конкретного языкового средства (Пушкарева 2012:68). В тексте он указывает на неназванных деятелей, создавая эффект присутствия дополнительных персонажей. Например, герои, пришедшие побеседовать с задержанным человеком, продвигаются по зданию тюрьмы вместе с неназванными, но угадываемыми сопровождающими:

> ***Впустили.*** *Они предъявили документы, сдали сумки и мобильные телефоны, прошли сквозь специальные двери, как в аэропорту, и оказались в тюрьме.*

ISBN 978-84-949838-0-1

*Их **провели** по коленчатому коридору в крошечную камеру, в которой еле уместились маленький стол и три стула. **Заперли*** (Шишкин 2005:397).

В ряде случаев неопределенно-личные предложения обозначают только основные факты происходящих событий, оберегая читателя от деталей сцен жестокости и насилия:

***Ударили**. Задохнулся. **Ударили** <…>*
*На Саше **порвали** рубаху. **Пообещали,** что сейчас будут бить в солнечное сплетение. Без рубахи очень хорошо видно, куда бить.*
***Кричали**, **поднимали** за скулы голову его, **размахивали** перед лицом бутылкой* (Прилепин 2006:176).

Обозначение действий и обезличенных деятелей, о которых читателю и писателю все известно, сопровождает возникающее у читателя впечатление об эмоциях, ощущениях, реакциях персонажа, таким образом, информационное поле отрывка расширяется. Вертикальные пробелы не просто делят текст на кадры – процесс чтения состоит в поиске связей между частями текста и в восстановлении логики повествования. Появление пробела «предполагает в процессе чтения некоторое восполнение, реконструкцию тех смыслов, которые «закрыты» пробелом» (Шубина 2012:168). Опора на личный опыт человека и на опыт кинозрителя позволяет решить эту задачу и превратить немногословное описание в динамическую картину.

Расчлененность и неполнота высказывания, нечеткие связи между компонентами высказывания.

Взаимодействие таких факторов как расчлененность и неполнота высказывания, нечеткие связи между компонентами предложения заставляет читателя не просто представлять динамическую ситуацию, но и самостоятельно решать, сколько субъектов речи выявляется в отрывке. Присутствие вкраплений несобственно-прямой речи, которая может соотноситься сразу с несколькими персонажами, делают текстовый отрывок многовариантным – в зависимости от того, как читатель расставит акценты и выстроит иерархию героев, а также от того, сколько точек зрения обнаружит при анализе отрывка:

Ямы, рытвины, кусты, путаница ржавой проволоки, обломки бетонных плит, ржавые двутавровые балки внавал. Но выбора нет. И не было. Пуля с выматывающим душу жужжанием прошла в метре над его головой. В девяноста семи сантиметрах над. Они. За ним. Но и он, хоть и по-своему. Он выстрелил не целясь. Теперь можно. Зажмурившись, вперед. Слава Богу. Нет. Налево. Еще левее. Левее. Теперь сюда. Замер как. Враскоряку сидеть - ну да что ж. Они ведь все равно. Впрочем, он тоже. Пора.

ISBN 978-84-949838-0-1

Бросился, обдираясь. Скользнул на глине, упал боком, вскочил, снова побежал. Не стреляют. Если только они не. Тогда - да. Но зарываться в землю - нет времени. Да и ногти. Хорошо бы. Уперся в стену. Где-то здесь (Буйда 2004).

В подобных текстах актуализация смысла происходит в ситуации неполноты высказываний, сводимой к практически полному устранению слов. Однако в отрывке сохраняется обозначение ситуации, которую читатель может представить и развернуть по своему усмотрению. Обозначены своеобразные «признаки» эмоций персонажа, его движений, размышлений, несколько деталей маркируют пейзаж, но собственно описаний нет. Тем не менее, неполнота восполняема: срабатывают представления о стереотипных ситуациях, в которых могли бы прозвучать вербализованные компоненты. Парадоксальным образом неполнота управляет читательским восприятием и достраиванием текста до полноценного источника информации.

Расчлененность высказывания, вертикальный пробел, прецедентные имена.

Расчлененность высказывания в сочетании с вертикальным пробелом, а также прецедентные имена могут приводить к множественным толкованиям отрывка или текста. Основными факторами, влияющими на полноту интерпретации, оказываются в данном случае образованность, читательский опыт, умение, готовность и, возможно, привычка соотносить означенные словом или цитатой смыслы с определенными комплексами информации – с учетом того, что объем и состав этих информационных комплексов у каждого свой:

… Ночью проснулся внезапно, как это обычно бывает после выпивки, ворочался и никак не мог уснуть. За черным квадратом окна было тихо, все горлопаны общежития угомонились, не лаяли вечные собачки, не галдели дети.
Морока.
Но…разве не этому учил Лев Толстой? Иисус Христос? Будда? Подставь щеку, не убий, не причиняй страданий. Он так и поступил. И вот мается. А… каково этим? (Ермаков 2012:187).

Характерный для прозы XX в. принцип неомифологизма (Руднев 1999:237) проявляется неявно, намеком – в виде прецедентных имен и пересказа общеизвестных сентенций. Упоминание Л. Н. Толстого и основателей мировых религий, а также неточная цитата предоставляют простор для интерпретаций, которые могут совпасть у разных читателей, поскольку эта информация входит в общую когнитивную базу людей XXI в. Помещенное между двумя абзацами номинативное предложение, оказывается в рамке из двух вертикальных пробелов и может быть истолковано по-разному: как описание реакции персонажа на тишину

ISBN 978-84-949838-0-1

или как характеристика его состояния. Размытая логика соединения отрезков текста провоцирует неоднозначность толкования.

Сложное осложненное предложение с различными типами связи между частями.

Прозаические тексты часто представляют собой имитацию устной речи, в которой соединены и реплики персонажей, и обозначения компонентов ситуации, и комментарии рассказчика или героев. Все это воплощается в сложных предложениях с различными осложняющими элементами и разными видами связи между частями. Например: *Монстр передвигался, борцовски оттопырив локти и переваливаясь, словно выбирался из воды, – эволюция, недостаток пищи выводит расплодившихся крупнозубых рыбоящеров на сушу – и мимо; мимо ожиданий и заготовленных «выражений лиц» и представлений, уже заметно изнемогая, волочил ноги дальше – к жителям, замершим коллективным фото (воспитанные люди дают гостю высказаться первым), нацеленно, словно приметил кого-то знакомого вдруг, дай только дойти! (жители наскоро проводили инвентаризацию своих: к кому?!), служилые люди, не ломая строя, семенили за монстром следом, тесными шажками, какими крадутся в метрополитеновской давке или догоняют «сейчас, сейчас» годовалого малыша (Эбергард затесался в ряды последних, облегчение – и он! и он! свое место! обернулся Гуляев: ты здесь? а журналисты? вижу, порядок!)* (Терехов 2015:98).

Многочисленные знаки препинания разбивают предложение на отрывки, связь которых друг с другом прослеживается не всегда: например, возможны несколько вариантов толкования последовательности передвижения персонажа (См.:*…передвигался …словно выбирался из воды <…> - и мимо* – мимо чего?), поскольку количество и границы вставных конструкций неясны, а пунктуационная разметка выделяет внутри предложения мини-сюжеты и привлекает к ним внимания читателя. Вставные конструкции являются сжатыми сценариями неких событий, иногда с диалогами: *Эбергард затесался в ряды последних, облегчение – и он! и он! свое место! обернулся Гуляев: ты здесь? а журналисты? вижу, порядок!* Ознакомление с текстом такого типа напоминает просмотровое чтение с одновременным восстановлением знакомой и понятной информации. В то же время отсутствие явно выраженных связей между частями восполняется опытом кинозрителя, в образном тезаурусе которого есть схожие сценарии.

Способы визуального представления текста в современной прозе.

Внешний вид текста, особенности его графического оформления и расположения на странице также участвуют в процессе выявления скрытого смысла и оказывают воздействие

ISBN 978-84-949838-0-1

на читателя. Для интерпретации различающихся по способам визуализации материала отрывков жизненно необходим как опыт кинозрителя, так и опыт просмотра новостных источников, документальных или научно-популярных кадров:

> *Солдат-падишах принялся рассовывать печенье, вафли, подушечки в карманы. Халиф Дурды все взвешивал на глазок. Альфа-ибн-Омега прикупил буханку черного хлеба, сверху ржавую селедку... две селедки!*
> *Сзади – нарастало: шум бегущего с гор стада, поток камней и копыт.*
> *Сдачи не надо! – выдохнул и рванулся прочь, кинулся в степь* (Ермаков 2012:20).

Ведущим способом организации смысловых уровней отрывка становится вертикальный пробел (Шубина 2012). Смешение точек зрения и субъектов речи не мешает читателю представить три сцены, разворачивающиеся как на экране. На первом плане описывается процесс покупки солдатом продуктов в автолавке, он сопровождается на заднем плане звуком приближения других персонажей, затем словно камера снова возвращается к основному герою, который в этом абзаце не назван, характеризуются только его действия. Примечательно, что в последнем абзаце автор не обозначает прямую речь, и у единственного знака тире актуализируется выделительная функция: маркируется поворотный пункт сюжета. Вертикальные пробелы обозначают границы сцен и одновременно создают контуры, внутри которых читатель воссоздает всю картину. В результате «смысловая многоплановость текста становится *зримой* [курсив автора статьи – Н.П.]» (Шубина 2012:168).

В прозе последних лет активно ппоявляется написание значимых компонентов высказывания заглавными буквами, которое в сочетании с абзацным членением и авторской пунктуацией текстового отрезка также служит для обозначения самой важной части высказывания:

> *Я сжимал гранату, сидя по горло в тине, она уже была без кольца. Я решил положить ее в рот. Или швырнуть туда детям. Да. Я хотел это сделать. Но тут увидел, что кого-то*
> *ВЕДУТ ЕЩЕ*
> *Это был Лебедев* (Ермаков 2012:64).

Компонент *ВЕДУТ ЕЩЕ* повисает в воздухе – после него нет сигнала завершения предложения. Отметим, что в интернет-переписке большие буквы обозначают крик, и отсутствие точки может навести на мысль о выкрике. Обрамление этого компонента вертикальными пробелами формирует смысловой и эмоциональный центр отрывка. Возникает «*эффект укрупнения информационно-смыслового поля текста* [курсив автора статьи – Н.П.]»

ISBN 978-84-949838-0-1

(Шубина 2012:168), в рамках которого невербализованные смыслы восстанавливаются каждым читателем индивидуально.

Заключение.

Условия существования в современном информационном пространстве заставляют человека привыкать к новым способам восприятия информации, а также к новым способам представления информации в прозаических текстах. Эпоха экранной культуры способствует формированию у человека таких новых умений, как «тактика сканирования вербального контента по ключевым словам с опорой на изображения, которые присутствуют на странице или содержатся в памяти читателя в силу их растиражированности» (Найдина 2017: 65). Восприятие печатной информации как единого комплекса, доступного визуальному сканированию, позволяет быстро восстановить ситуативное обрамление эпизода и пойти дальше – к выявлению конвенциональной информации, заложенной в тексте, и к формированию впечатлений об эмоциональном состоянии персонажей. Результаты этих действий у разных читателей могут отличаться, что неудивительно, так как каждый интерпретатор будет ориентироваться на свой эмоциональный опыт, а «эмоциональный репертуар многих людей может включать в себя различные, часто плохо согласованные между собой, а порой и просто взаимоисключающие эмоциональные матрицы» (Зорин 2016:36). Тем не менее, современный читатель вполне в состоянии дополнить текстовый эпизод соответствующими ему эмоциональными составляющими.

Для полноценного восприятия текстов современной прозы читателю необходимы знания об основных тенденциях, памятниках и символах мировой и русской культуры, знакомство с произведениями искусства, составляющими культурное наследие как страны, так и всего человечества. Читатель должен обладать способностью выстраивать аналогии, опираясь на свой тезаурус, а также домысливать несказанное, в том числе и достраивать динамические картины. Он должен обладать читательским и жизненным опытом, чтобы восстанавливать эмоциональный фон описаний и модусные смыслы. А главное, читатель должен быть готов сотрудничать с автором в поисках скрытой информации. Люди XXI века, читающие новую прозу, соответствуют этим требованиям, значит, их интеллектуальный потенциал достаточно высок, а объем знаний значителен – хотя, возможно, состав этих знаний сильно отличается от того, что знал типичный читатель XIX или XX вв.

Проза XXI в. превращается в литературу аллюзий, впечатлений, интерпретаций, основанных на аудиовизуальном опыте восприятия информации. Высокотехнологическое общество изменяет читателя, и это заставляет автора искать новые пути. Отмеченные способы

ISBN 978-84-949838-0-1

руководства читательским вниманием направлены на расширение информационно-смыслового поля текста и обусловлены стремлением подвести читателя к восприятию произведения как многомерного образования. Используя потенциал синтаксических и пунктуационных средств, писатель заставляет читателя переживать эмоциональные впечатления, соответствующие описываемой ситуации. В свою очередь «образцовые читатели» готовы и умеют извлекать скрытые смыслы, для них чтение является не просто развлечением, но и возможностью сотрудничества с автором. Однако языковые новации не замыкаются только в рамках литературы для образцового читателя. Приемы и способы руководства читательским вниманием, успешно работающие в литературе для образцового читателя, переходят в массовую литературу, то есть и массовый читатель осваивает новые способы интерпретации текста. Новые языковые и параграфемные способы расширения смыслового поля прозаического текста проходят проверку образцовых читателей и затем перемещаются в массовую литературу, где становятся объектами внимания массового читателя. Таким образом, активная роль читателя-интерпретатора становится одним из факторов, влияющих на развитие в языке новых способов передачи смысла и на актуализацию потенциальных возможностей языковых и параграфемных средств.

Список литературы

Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа.

Барт Р. (1989): Удовольствие от текста. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 462—519.

Буйда Ю. (2004): Домзак. Октябрь, 6.

URL: http://magazines.russ.ru/october/2004/6/buida1.html (дата обращения 16.06.2018).

Ермаков О. (2012): Арифметика войны. М.: Астрель.

Зорин А. Л. (2016): Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое Литературное Обозрение.

Найдина Т. Е. (2017): Грамматика экранного видения. Лингвокультурологический анализ художественного текста в парадигме экранной культуры. Тайбэй: Подводный охотник.

Покровская Е. А. (2006): Роль прозы шестидесятников в становлении языка неклассической парадигмы: тенденция к синтаксическому слиянию. Известия УрГПУ. Лингвистика. 18, 191—201.

Прилепин З. (2009): Санькя. М.: Ad Marginem.

ISBN 978-84-949838-0-1

Пушкарева Н. В. (2012): Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект). СПб.: Изд-во: Филол. ф-т СПбГУ.

Руднев В. П. (1999): Словарь культуры XX века. М.: Аграф.

Сидорова М. Ю. (2003): Квалифицированный читатель и массовая литература (лингвистический аспект проблемы). Библиотека в эпоху перемен. 4, 16—25.

Тестелец Я. Г. (2001): Введение в общий синтаксис. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т.

Терехов А. (2015): Немцы. М.: Астрель.

Черняк М.А. (2005): Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.

Шишкин М. П. (2005): Венерин волос. М.: АСТ/Астрель.

Шубина Н. Л. (1999): Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.

Шубина Н. Л. (2012): Организация информационно-смыслового поля текста посредством кодовых систем. Университетский научный журнал, 2, 165—179.

Эко У. (2002): Шесть прогулок в литературных лесах. СПб: Симпозиум.

ISBN 978-84-949838-0-1

ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Рацибурская Лариса Викторовна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
racib@yandex.ru

LEXICAL AND WORD-FORMATIONAL INNOVATION IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA

Ratsiburskaya Larisa
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

АННОТАЦИЯ

Российское медийное словотворчество отражает актуальные процессы глобализации и виртуализации социальной жизни, интернационализации информационной и коммуникативной сфер. В результате возможна не только активизация ранее непродуктивных морфем и возникновение новых словообразовательных элементов, но и трансформация их семантики. Российское медийное словообразование активно использует словообразовательные суффиксы и префиксы интернационального характера: суффиксы *-изм, -изаци(я), -инг, -ист;* префиксы *супер-, гипер-, мега-, псевдо-, квази-*, а также префиксоиды *евро-, нано-, крипто-, кибер-*, суффиксоиды *-ман(ия), -фоб(ия), -гейт*. Либерализация социальных процессов в России находит отражение в моделях универбации, диминутивном словообразовании, процессах контаминации.

ABSTRACT

Russian media word-creation reflects the acute globalization and virtualization processes of social life, internalization of information and communication spheres. It is possible not only to activate previously unproductive word-formation elements and the emergence of new ones in derivational processes, but also to transform their semantics. Russian media word-creation actively uses the word-building suffixes and prefixes of the international character: suffixes -изм, -изаци(я), -инг, -ист; prefixes супер-, гипер-, мега-, псевдо-, квази-, as well as prefixoids евро-, нано-, крипто-, кибер-, suffixoids -ман(ия), -фоб(ия), -гейт. Liberalization of the social processes in Russia was reflected in actualization of univerbation models, diminutive word-building, contamination process.

Ключевые слова: язык СМИ, словообразовательные процессы, аффиксация, аффиксоидация, универбация, диминутивы, контаминация.

Keywords: media language, word-creation processes, affixes, affixoids, univerbation, diminutive word-building, contamination.

ISBN 978-84-949838-0-1

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-№ 012-00195 «Активные процессы в языке Интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты».

Активные деривационные процессы, которые характеризуют современный русский язык последних десятилетий и результаты которых представлены прежде всего в медийном словотворчестве, во многом обусловлены теми социальными изменениями, которые происходят в российском обществе на рубеже XX-XXI вв. Новые номинации отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурой и социальной принадлежностью.

Анализ медийных неодериватов «не только дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов, но и позволяет понять, каким именно образом в языковом сознании в ходе номинации осмысливаются новые явления современной общественной жизни» (Коряковцева 2016: 10). Известно, что в языке «означиваются», вербализуются те предметы и явления, их качества, состояния и действия, которые имеют культурную и коммуникативную значимость для человека (Вендина 1998: 222).

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадъективных имен действия с суффиксами -изациj-, которые стали приметой нашего времени» (Николина 2005: 126): *американизация* (*искусства*), *алкоголизация* (*населения*), *бандитизация* (*страны*), *гомосексуализация* (*шоу-бизнеса*), *ваучеризация*, *долларизация, исламизация, криминализация, чеченизация*; *Мы живем в век* ***спортивизации*** (радио «Вести FM», 02.12.2017); *тотальная* ***латвизация*** *школ* (телеканал «Россия 24», 09.02.2018); ***Украинизация*** *как она была. Кризис на Украине далек от окончания!* (Литературная газета, 12.-3.2014); *В шведском языке появилось новое слово «****трампизация****»* (Российская газета, 01.01.2017); *Тотальная* ***путинизация****. Как в Польше борются за традиционные ценности – и против коммунизма, мигрантов и свободы СМИ* (Meduza, 14.12.2017); *стремительная* ***бандеризация*** *Украины* (телеканал «Россия 1», 18.02.2018); *Казахстан медленно, но продвигается по пути* ***казахизации*** (телеканал «Россия 1», 15.04.2018). «Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера» (Николина 2013).

«Новые производные nomena actionis с финалью -*изация*, появившиеся в эпоху постмодерна, можно рассматривать как формы реагирования носителей русского языка на внешние, культурно-исторические стимулы, которые в эпоху глобализации создаются

ISBN 978-84-949838-0-1

средствами массовой информации, определяющими стиль материальной жизни и мировоззрения, диктующими социокультурные и языковые моды» (Коряковцева 2016: 24).

Наряду с рассмотренными интернациональными суффиксами отвлеченной семантики в российских масс-медиа активно используется также суффикс *-изм* со значением ‘общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, связанное с собственными именем (обычно фамилией) лица, его основавшего’ (Лопатин 2016: 349), который присоединяется к основам не только имен нарицательных, но и имен собственных, называющих актуальные значимые фигуры современности, популярных политиков и общественных деятелей, особенно зарубежных: ***Обамизм*** *и его последствия* (7 дней, 18.09.2015); *Эту сложную задачу приходится сейчас выполнять* ***клинтонизму*** (The экономист, 01.06.2016*); «На самом деле, произошло обратное – — к „**кемализму**“ добавился „**эрдоганизм**“», — отмечает в беседе с корреспондентом EADaily гражданский активист из Турции, фотограф Умут Ведат* (Eurasia Daily, 10.11.2016); *Поэтому-то горняки и сталевары из американской глубинки, составляющие основу* ***трампизма****, так похожи на своих российских собратьев с Уралвагонзавода* (Эхо Москвы, 10.10.2016); ***«Трампизм»*** *– это решение кризиса неолиберализма* (Кто в курсе, 16.11.2016).

По мнению ученых, вестернизация российской жизни, ее американизация и варваризация отразились и в новообразованиях с английским суффиксом *-инг*: *вининг, водкинг, коньякниг, приколинг, сексинг, троллинг, шокинг* и под. [Коряковцева 2016: 51]; *Российские блогеры даже придумали термин* ***«Псакинг»*** *и употребляют его тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (Аргументы и факты, 20.02.2015); *Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных* ***«навальнингах»*** (Завтра, 13.08.2017); *На островах получил распространение* ***балконинг*** *– прыжки в бассейн с балкона* (телеканал «Россия 24», 31.05.2018).

«“Инговое цунами” заимствований, вызванное американоманией <…> и растущим русско-английским билингвизмом, обусловило полное усвоение суффикса *-инг* и превращение его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам существительных, не имеющих процессуальной семы в лексических значениях» (Коряковцева 2016).

Еще один популярный иноязычный (заимствованный) суффикс, который часто используется в отонимном словотворчестве, - это суффикс *-ист* с семантикой лица, ‘по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т.п. взглядам являющегося сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим’ (Лопатин 2016: 349) существительным: *Все*

ISBN 978-84-949838-0-1

метались – то эстонские фашисты, то чеченские ваххабисты, то украинские жидобандеристы, то израильские сионисты, то пиндосские капиталисты, то грузинские ***саакашвилисты*** (Новости России, 09.11.2015); *Да и не при авторитаризме бывают накладки – провалили же* ***клинтонисты*** *социологию* (NEWSru.com, 18.11.2016); *«****Эрдоганисты****» (да-да, некоторые из них так себя называют) не могут придумать другой причины, как преступный сговор* (Федеральное агентство новостей, 07.05.2016); *Нужно понимать, что в случае победы* ***фетхуллахистов*** *они бы тоже не церемонились с побеждёнными <…> Обещают и новую волну репрессий, которая выявит сильно замаскированных так называемых* ***криптогюленистов*** *вне зависимости от их партийной принадлежности* (Аргументы недели, 27.10-02.11.2016); *За первые месяцы команда Трампа разделилась на два условных лагеря: с одной стороны оказались убежденные* ***трамписты*** *<…> с другой – фигуры более привычные для республиканского истеблишмента* (Независимая газета, 21.02.2017). Новообразования на базе антропонимов являются своеобразным отражением социального противостояния и эффективным средством создания имиджа политика, общественного деятеля.

Активизация заимствованных аффиксов в процессах именной префиксации также отражает тенденцию к интернационализации и «амероглобализации», связанную с возрастанием на рубеже XX-XXI вв. масштабности и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка (Николина 2013: 83).

Размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-* и новый префикс *мега-* проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрируют такую отмечаемую исследователями особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий: *Это такое счастье, когда у тебя такая большая семьяПомогает ли имя добиваться* ***суперрезультатов****?* (телеканал «Волга», 03.05.2018); *Вся эта* ***супермедицина*** *не по карману среднему классу* (телеканал «НТВ», 20.05.2018); *Это настоящий* ***супермузей*** (Радио России, 20.05.2018); ***Супершкафы*** (Аэрофлот Premium, май 2018); *Это драма, боевик, комедия, музыкальное* ***суперкино*** (Россия-24, 22.05.2018); *чай – идеальный абсорбент,* ***суперабсорбент*** (1-й телеканал, 01.06.2018); *Это не второй «Мюнхен», это «****супер-Мюнхен****», не объявление холодной войны, а констатация, что она идет, говорит Федор Лукьянов* (РБК, 01.03.2018); ***суперразогретая*** *отрасль <…> автомобилей* (телеканал «Россия 24», 25.03.2018); *Никому не показалось, что такой малый срок за вынос такого* ***суперотравляющего*** *вещества* (радио «Бизнес FM», 21.03.2018);

ISBN 978-84-949838-0-1

Говорить о ***суперпринципиальном*** *отличии валюты Павла Дурова не приходится* (радио «Бизнес FM», 21.04.2018); *Коррупция, которая была чудовищной тогда, стала* ***суперчудовищной*** (телеканал «Россия 1», 22.04.2018); *Списков по факту два. Один -* ***суперрасширенный*** (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *Выбор был* ***супернеожиданный****: платье у нее от Живанши* (РБК, 20.05.2018); ***суперобильное*** *кровоснабжение* (1-й телеканал, 01.06.2018); *У нас никаких* ***гипернадежд*** *на этот визит не возлагают* (радио «Вести FM», 29.05.2017); *Бывшие жены своей* ***гиперзаботой*** *уничтожают артиста* (телеканал «НТВ», 20.05.2018); *Сделать турнир* ***гипербезопасным*** (телеканал «НТВ», 20.05.2018); *все* ***гиперлогично*** (радио «Бизнес FM», 30.01.2018); *Всегда все равно я собрана,* ***гиперсобрана*** (1-й телеканал, 11.03.2018); *Это была* ***мегасвадьба*** (НТВ, 27.08.2017); *Небензя назвал происходящее* ***мегапровокацией*** (радио «Бизнес FM», 06.04.2018); ***Мегасрочных*** *новостей пока никаких* (телеканал «НТВ», 03.12.2016); *Пожилой человек может быть* ***мегаполезен*** (1-й телеканал, 12.02.2018); *Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей* ***мегазнаменитой*** *матери* (1-й телеканал, 11.03.2018); *Это* ***мегамасштабная*** *трагедия* (телеканал «Россия 24», 27.03.2018).

Негативную оценочность вносят в новообразования префиксы *псевдо-, квази-* с семантикой неистинности, ложности, отражающие ситуацию господства в обществе фальшивых ценностей и ложных приоритетов: Префиксы *псевдо-, квази-* с семантикой неистинности, ложности: *демонстрировать всю эту* ***псевдоактивность*** (радио «Вести FM», 01.12.2017); *У нас в стране засилье* ***псевдолечения, псевдолекарств*** (радио «Вести FM», 05.10.2017); *я начала заниматься этим* ***псевдопредпринимательством*** (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *Если бы активисты,* ***псевдоэкологи*** *понимали, <…> было бы значительно легче* (телеканал «1-й телеканал», 27.10.2017); *истерика, которую начали* ***псевдоправозащитники*** (радио «Вести FM», 29.11.2017); ***псевдоборцы*** *за экологию <…> небольшое вложение в этих* ***псевдолюдей*** (радио «Вести FM», 12.12.2017); *долбаное допинговое расследование немецкого* ***псевдожурналиста*** (радио «Вести FM», 06.12.2017); *Вот выполнивший заказ* ***псевдокиллер*** (радио «Бизнес FM», 31.05.2018); *Мы хотим разогнать этот совет* ***псевдодепутатов*** (телеканал «Россия 24», 01.02.2018); *Среди попрошаек есть фронтовик,* ***псевдобеременные*** (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *речь здесь не о* ***псевдобеженцах*** (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *К ним добавлены Делакруа, Домье, Халс — и, как ни странно, две фальшивки: якобы Рембрандт и* ***псевдо-Ван Гог*** (Коммерсантъ, 05.05.2017); *Она не гурман, она не стоит в очереди в Макдональдс или другое* ***псевдопитательное*** *учреждение* (радио «Вести FM», 27.08.2016); *Президенту Филиппин не нужны теперь* ***псевдодружественные*** *отношения* (телеканал «Россия 1», 23.10.2016);

ISBN 978-84-949838-0-1

Почему нельзя обсудить ***псевдочастную*** *инициативу?…* (радио «Вести FM», 27.10.2017); *Свои территории ИГИЛ расширило и укрепило … такое* ***квазигосударство*** (телеканал «Россия 1», 17.11.2015); *Вариантов ограничений много: от полузапретов до* ***квазизапретов*** (1-й телеканал, 13.10.2015); *Там же были какие-то* ***квазиказаки*** (радио «Вести FM», 05.10.2017); *Эта тема* (захоронения тела Ленина - ***Авт.***) *является темой то ли раскола, то ли* ***квазираскола*** (радио «Вести FM», 03.11.2017).

Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране, специфику оценочной реакции говорящего, направленной на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов.

Заимствованный префикс *экс-* с семой ‘бывший’ в сочетании как с исконными, так и с заимствованными основами может развивать негативную оценочность, которая поддерживается контекстом: *На новой работе* ***экс-депутат****, которому теперь придётся приостановить своё членство в партии, по всей видимости, будет «кем-то средним» между имиджмейкером и политруком* (Ленинская смена, 27.10 – 02.11.2016, № 45); ***экс-помощник*** *Дональда Трампа* (РБК, 13.05.2018); *Другая* ***экс-подруга*** *Клинтона, «Мисс Арканзас» Салли Миллер, та самая девушка, к которой губернатор сбежал ночью из супружеской спальни* (Экспресс газета, 17.10.2016, № 42); *Такие мужчины обычно мечутся между женой и любовницей, между двумя* ***экс-супругами*** *– объяснила ситуацию семейных психолог* (Жизнь, 26.10-01.11.2016). Префикс *экс-* отражает динамику общественно-политической жизни, обозначая лиц, утративших свой статус.

В последнее время продуктивность приобрел префикс *недо- с* семантикой: «кто-л. (что-л.), не обладающий(-ее) полностью признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим сущ.» (Лопатин, Улуханов 2016: 124): *Мой город просто кишит* ***недомузыкантами****-критиками* (Новая газета в Нижнем Новгороде, 04.12.2009); *Ксения обвинила Катю в том, что у нее комплекс «****недозвезды****»* (Новое дело, 10-16.07.2011); ***недоВЦИОМ*** (радио «Вести FM», 25.10.2017); *смехотворный* ***недокандидат*** (радио «Вести FM», 31.01.2018).

В подобном префиксальном словотворчестве проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление. Новообразования с подобными префиксами – своеобразная реакция на негативные явления и конфронтацию в обществе.

Актуальность европейских политических событий для современной России способствовала вовлечению в деривационные процессы ряда префиксоидов, и в частности

ISBN 978-84-949838-0-1

префиксоида *евро-*, топонимическая семантика которого во многих новообразованиях совмещается с оценочным компонентом: ***Европатриоты*** *сами развалят Украину* (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 20.07.2015); *Тех, кто не справляется,* ***евробюрократы*** *будут штрафовать* (ТВЦ, 04.05.2016); *Насколько бессмысленными оказались* ***еврооограничения****…* (телеканал «Россия-1»); *На Украине* ***евромечта*** *не сбылась* (телеканал «Россия 1», 30.03.2016); *Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для* ***евродевок*** (Завтра, 2013, № 24); *У Сноудена тоже мало шансов - «****евролевaки****» при закулисной поддержке России уже выдвигали его два года назад* (Собеседник, 2015, № 35); *... прежде чем скулить об изъятой с родных просторов* ***еврожратве****, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша* (Литературная газета, 17-23.12.2015); *Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта* ***еврошпана*** (телеканал «Россия 1», 09.07.2017).

Активизировавшиеся в связи с достижениями научно-технического прогресса префиксоиды *нано-, крипто-, кибер-* также могут формировать оценочную семантику: *«Нано» поможет продать товар <…> К 2020 году у каждого россиянина будет* ***наноквартира*** *и* ***нанозарплата*** *<…>* ***Нанозарплата*** *звучит правдоподобно, особенно при макроценах <…>* ***Нанопрезидент*** *правит* ***нанонародом****, который жрет* ***нанобананы****, а свои* ***нано-«Калины»*** *моет в* ***наномойке****. И все это – в* ***нано-России*** (www.metronews.ru, 28.10.2010); ***Наночистка.*** *За что Анатолий Чубайс уволил две трети менеджеров «Роснано»* (Лента.ru, 25.05.2015); ***Наноцены*** *на мегаздоровье. Новая отрасль медицины снизит стоимость лечения* (Российская газета, 06.12.2016); *От* ***наноЧубайса*** *я никаких результатов не видел, в том числе и* ***нанорезультатов*** (радио «Вести FM», 18.04.2016).

Неодериваты с *нано-* (‘равный миллиардной доле исходной единицы измерения’, ‘имеющий мельчайшие, микроскопические размеры’, ‘связанный с частицами таких размеров’ (Козулина 2009: 161-162) используются также для номинации инновационных технологий и их результатов: ***Наноцеллюлоза*** *– и сделанная из неё* ***нанобумага*** *– пользуются повышенным вниманием среди изобретателей миниатюрных устройств* (Наука и жизнь, 12.10.2016); ***Наноробот*** *стреляет в десятку* (Российская газета, 22.11.2016); *В Приморье разработали "****наношоколад****" с водорослями. Продукт отличается от уже выпускаемого на местной кондитерской фабрике аналогичного шоколада значительно меньшим размером частиц ингредиентов и особыми питательными свойствами. За это новая технология получила название "****наношоколад****"* (Российская газета, 29.03.2017).

В последние годы в связи с распространением криптовалюты возросла продуктивность префиксоида *крипто-* с семантикой ‘относящийся к тайному, неявному, скрытому…’

ISBN 978-84-949838-0-1

(Козулина 2009: 126): *Мир охватила* ***криптолихорадка*** *<…> Ушел ли* ***криптопоезд*** *для рядовых пользователей? <…> Последний писк* ***криптомоды*** *<…> Выделяют даже две группы:* ***криптоанархисты*** *<…> и* ***криптореалисты*** (1-й телеканал, 02.07.2017); ***Криптонеделя*** *(название рубрики)* (телеканал «Россия 24», 14.10.2017); ***Криптодобыча*** *будет освобождена от уплаты налогов* (телеканал «Россия 24», 25.03.2018).

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал также префиксоид *кибер-* с семантикой ‘относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’(Козулина 2009): *В числе самых перспективных разработок – проект «****Киберсердце****», с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы* (Патриоты Нижнего, 2017, № 48); *Погода не мешает проводить* ***киберолимпиаду****, где участвуют роботы* (1-й телеканал, 14.02.2018); *Поговорили в том числе про* ***киберспорт*** *и* ***киберспортсменов*** *<…>* ***Киберспорт*** *на ближайших соревнованиях будет уже демонстрационным видом спорта* (Радио России, 04.06.2018).

Новообразования с *кибер-* выполняют не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию: *Иностранные* ***кибершпионы*** *активизировались в России* (ИнфоСМИ.ru, 14.05.2015,); ***киберсолдаты*** (Наша Версия, 13.-10.11.2016); *Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от* ***киберрисков*** (Коммерсантъ, 12.12.2016); ***Кибер-дружины*** *сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей* (Российская газета, 28.03.2017); *Россию атакуют* ***кибервойска****. По прогнозам экспертов, количество кибератак на объекты критической инфраструктуры в этом году возрастет, повысится их общий профессиональный уровень* (Независимая газета, 10.02.2017); ***Киберугрозы*** *постоянно эволюционируют* (радио «Вести FM», 11.07.2017); ***Киберорда****. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (Новая газета, 28.08.2017); *Россия на британские и американские* ***киберобвинения*** *уже отреагировала* (телеканал «Россия 24», 02.05.2018).

Очень популярны в медийных текстах новообразования с суффиксоидами *-ман(ия), -фоб(ия)*, называющие болезненное влечение к кому(чему-)либо и боязнь кого(чего)-либо**:** *От* ***обамамании*** *до* ***обамафобии*** *всего один президентский срок* (телеканал «Россия 1», 08.12.2015); *Правда, отечественные бизнесмены страдают особой формой «****трампомании****»*

ISBN 978-84-949838-0-1

(Московский комсомолец, 09.11.2016); *В Украине вновь началась волна «**савченкомании**»* (Аргументы и факты в Украине, 27.05.2016); ***Трампофобия** или кому выгодно не допустить избрание Дональда Трампа* (Континент, 19.10.2016); *Зато она поведала мне, как видится «**клинтонофобия**» из Иерусалима* (Postimees, 28.10.2016); *Возможно, потому, что **трампомания**, **трампофобия** и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно перехлёстывают через край и внутри США, и во всём мире* (Завтра, 12.07.2017); *Эта новая **марксомания** появилась и в Германии* (телеканал «Россия 1», 22.04.2018).

В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, растет спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощенном виде (Коряковцева Е.,2016: 37). Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид -*гейт* со значением ‘политический скандал’: *Германия в шоке от «**Меркельгейта**»* (Окно в Россию, 30.10.2013); *Напомню, именно независимая позиция ФБР и утечки из него в СМИ во многом способствовали и отставке Ричарда Никсона в ходе Уотергейтского дела, и началу процедуры импичмента в отношении Билла Клинтона из-за «**Моника-гейта**»* (Взгляд, 31.10.2016); *О чём умолчал Обама в своём обращении: **«Хиллари-гейт»** всё-таки возможен* (Московский комсомолец, 13.01.2016); ***Хилларигейт** покруче Уотергейта* (Axar.az, 30.10.2016); ***«Трамп-гейт»** российской блогосферы высветил основной вопрос именно здешнего политикума: зрелость фашистских настроений* (Forum.msk.ru, 19.12.2016); ***Трампгейт** состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия* (Макспарк, 14.01.2017); ***Пенелопагейт**, как теперь именуют события во Франции* (телеканал «ТВЦ», 01.02.2017); *«**Пенелопа-гейт**» серьёзно подтачивает шансы Фийона* (Аргументы и факты, 07.02.2017); *В истории **Слуцкий-гейта** остались одни эмоции* (радио «Бизнес FM», 24.03.2018); *Чем полезен «**Слуцкий-гейт**»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого* (Коммерсантъ, 26.03.2018); *о развитии **бабченкогейта*** (телеканал «Россия-24», 01.06.2018); *И что дальше в **новичок-гейте**?* (радио «Бизнес FM», 07.04.2018); *Его считают одной из ключевых фигур в деле так называемого **дизельгейта*** (телеканал «Россия-24», 04.05.2018); *Фактически **дизельгейт** затронул всю немецкую автоиндустрию* (радио «Бизнес FM», 03.06.2018).

ISBN 978-84-949838-0-1

Либерализация общественных отношений в современном российском социуме обусловила активное вовлечение в деривационные процессы так называемых маргинальных, стилистически сниженных слов (жаргонизмов, слэнгизмов, просторечизмов), а также разговорных словообразовательных моделей, аффиксов стилистической модификации.

Экономия языковых средств, свойственная разговорной речи, проявляется в активизации разговорных словообразовательных моделей, в частности моделей универбации с суффиксами *-к(а)*: *Только это не должна быть «**ювелирка**», это должны быть слитки* (Новое дело. Нижний Новгород, 07.01.2016) – *ювелирные изделия*; *Ведь большинство «офисных атлетов» приходят в **тренажерки** утром либо вечером…* (Вечерняя Москва, 30.03.2016) - *тренажерные залы*; *Ну а для этого, как ни крути, надо провести **публичку** – закон обязывает* (Зеркало, 11.11.2016) – *публичные слушания*; *Аналогичная ситуация складывается и для разномастных лоббистов, в том числе и политических. Но теперь, с возвращением «**мажоритарки**», ситуация изменилась в корне* (Наша Версия, 04-10.07.2016) – *мажоритарная избирательная система*; *Любая **санкционка** к нам идет с белорусских морей* (радио «Вести FM», 14.09.2017) – *санкционная продукция*; *Шойгу переодел «**оборонку**» в форму* (Московский комсомолец, 04.02.2017) - *оборонная промышленность*; *Сначала ребенок подхватил **кишечку** и ОРВИ* (НТВ, 04.03.2017) - *кишечная инфекция*; *Другое дело, что **позиционка** вообще не в чести у нынешнего поколения* (футболистов - ***Авт.***) (радио «Бизнес FM», 30.10.2017) - *позиционная борьба*.

Большинство суффиксальных универбатов – это производные номинативные единицы с предметной (реже - с отвлеченной) семантикой, которые обычно называют артефакты, связанные с бытовой или профессиональной деятельностью носителей языка. По мнению ученых, универбат несет информацию не только о самом обозначаемом предмете или явлении, но и о речевом облике некоторой социальной или профессиональной среды. «Немаловажную роль в этом словообразовательном процессе играет тенденция к «национализации» лексической семантики. Эта тенденция проявляется в кодировании значения мультивербизма, «свертываемого» в семантически нерегулярный неоунивербат, понятный вне широкого лексического контекста только носителям языка» (Коряковцева, 2016, с. 92): *публичка (публичные слушания, публичная библиотека), коммуналка (коммунальная квартира и польск. муниципальная квартира), массовка (участники массовых сцен и укр. массовый протест)*.

Диминутивы в современных масс медиа имеют не столько размерное, сколько оценочное значение, передавая ироничное, уничижительное, пренебрежительное отношение к объекту. По мнению ученых, «создание иронического эффекта является давней и устойчивой функцией диминутивов. Ироническая коннотация диминутивов охватывает целый спектр оттенков

ISBN 978-84-949838-0-1

отношения» (Фуфаева, 2018, с. 310): *Есть такое слово* ***победка****, которое используется, когда одерживаются какие-то небольшие победы: победила девушка на Евровидении – победка, вернули Надежду Савченко* - ***победка*** (ТВЦ, 05.06.2016); *Впрочем, особенно смешными "****обидки****" Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события* (Завтра, 12.07.2017); *И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «****Американкой****», столь свойственное нашей новой элите* (Аргументы и факты, 2017, № 39); *И это абсолютная часть* ***элитки*** (радио «Вести FM», 28.11.2017); *Стали внедрять шпионов и* ***шпиончиков*** (1-й телеканал, 29.09.2017); ***Штурмовички.*** *Почему активисты «антимайдана» и поджигатели «за Матильду» на самом деле не союзники Кремля* (Новая газета, 2017, №104).

В последнее время активизировалось создание прилагательных, наречий, слов категории состояния с иронической оценкой ситуации. По мнению ученых, «современной функцией шутливых диминутивов является избегание пафоса, категоричности и навязывания своих эмоций. В этой роли чаще, чем существительные, выступают диминутивы-прилагательные и слова категории состояния» (Фуфаева, 2018, с. 309): *Если ты весь список будешь читать – у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так* ***порционненько-порционненько*** (радио «Комсомольская правда», 28.10.2014);*У нас в Питере все* ***пряменько, перпендикулярненько, параллельненько*** (телеканал «Россия-1», 17.05.2015); *Иными словами, все* ***точь-в-точненько*** (1-й канал, развлекательная программа «Точь-в-точь», 22.02.2015); *Это выглядит очень специфично для нашего "****толерантненького****" мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 2016, № 30); *Он весь такой* ***активненький-активненький*** (радио «Вести FM», 13.12.2016).

Актуальным средством воздействия и социальной оценки являются новообразования гибридного характера – результат разных видов контаминации, т.е. произвольного совмещения формально тождественных частей производящих слов (как в чистом виде, так и с формальными видоизменениями исходных слов). По мнению ученых, «в конце XX века наблюдается словообразовательный «взрыв» в сфере контаминации» (Николина, 2011, с. 44). Гибридные слова «начинают активно участвовать в общественной борьбе, отражая позиции разных социальных групп и политических движений» (Николина, 2011, с. 44).

Распространенной разновидностью контаминации является междусловное наложение, при котором совмещаются формально тождественные части исходных слов: ***Генотипично*** *русский. О национальной идентичности и генах* (Огонек, 01.04.2017) – *генотип + типично*; ***Бешенцы*** *Европы. Нашествие мигрантов из Африки может уничтожить европейскую*

ISBN 978-84-949838-0-1

цивилизацию (Новое дело. Нижний Новгород, 10.09.2015) – *бешеные + беженцы*; *Казалось бы, нам давно пора перестать реагировать на каждый чих, доносящийся со стороны «прибалтийских* ***вымиратов****»…* (Завтра, 2017, № 5) – *вымирать + Эмираты;* ***Переворотности*** *судьбы. Юрий Ткачев – о том, как и почему Надежда Савченко стала Антигероиней Украины* (Огонек, 17.05.2018, № 16) - *переворот + превратности*. Допинговые скандалы нашли отражение в заголовке «*Орден* ***моченосцев***» (Версия, 11-17.12.2017) на базе устойчивого *орден меченосцев* (*моча + меченосцы*).

Распространенной разновидностью неузуальной контаминации является графическая гибридизация, и в частности капитализация, при которой в рамках одного узуального слова выделяется графически, прописными буквами, другое узуальное слово (иногда с графемными изменениями): *Жировки* ***всПЕНИлись****. В октябрьских платежках будут начислены долги за неуплату по статье «капремонт»* (Нижегородский рабочий, 28.09.2016); ***ФОКус*** *не удался. Область завернула спортпроект на миллиард* (Саров.Net, 18.03.2016); *Кончилось* ***терПЕНие****. Писательская среда давно не знала таких волнений. За несколько дней из русского ПЕН-центра вышел ряд людей с национальной и мировой известностью* (Газета.ru, 14.01.2017); *В. Третьяк:* ***эВРИстика*** *тренера.* (Наша психология, июнь-июль 2017).

Лексико-словообразовательные инновации в сорвеменных российских СМИ выполняют различные функции, наиболее важными из которых являются инофрмативно-номинативная, текстообразующая, эмоционально-оценочная и экспрессивно-воздействующая.

Список литературы

Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. (2005): Словообразование современного русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука.

Вендина Т.И. (1998) Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик.

Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. (2009): Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. Спб.: Нестор-История.

Коряковцева Е.А. (2016) Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.

Лопатин В.В., Улуханов И.С. (2016): Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Николина Н.А., Рацибурская Л.В. (2013): Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука.

ISBN 978-84-949838-0-1

Фуфаева И.В. (2018): Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма. Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: Сборник статей по материалам Международной научной конференции 1-3 декабря. Нижний Новгород: ДЕКОМ. С. 302-311.

ISBN 978-84-949838-0-1

ПРИЕМЫ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В РУССКОЙ РЕКЛАМЕ

Анна Романик
Университет в Белостоке, Польша
aniaromanik8@wp.pl

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSIVENESS IN RUSSIAN ADVERTISEMENTS

Anna Romanik
University of Bialystok, Poland

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные приемы экспрессивного синтаксиса, используемые копирайтерами для создания суггестивного рекламного слогана. Анализируются самые популярные способы достижения выразительности и эмоциональности рекламных текстов, такие как: членение (парцелляция) текста, использование императивов, повторов и т.д. Особое внимание уделяется также пунктуационным и просодическим средствам (интонации и паузе), которые являются неотъемлемыми элементами языковой системы, воздействующей на экспрессию высказывания.

ABSRTACT

The article is devoted to the main syntactic means of expressiveness used by copywriters to create successful commercial slogan. The most popular expressive strategies such as, text segmentation, parceling, imperative construction, rhetorical questions etc. are analyzed. Special attention is also paid to prosodic means (intonation and pause) and punctuation, which are an integral part of the syntactic system and very important factors affecting the clarity and expressiveness of advertisement.

Ключевые слова: императив, пунктуация, расчлененность, реклама, русский язык, синтаксис, экспрессивность.

Keywords: advertisement, expressiveness, imperative text, parceling, punctuation, Russian language, syntax.

Введение

Рекламному дискурсу в современном коммуникативном пространстве принадлежит заметное место. Итердисциплинарный характер исследований современной рекламы дает возможность лучше понять эту форму коммерческого коммуниката. С лингвистической точки зрения она является объектом анализа на всех уровнях языка, т.е. в плане вербального и структурного выражения.

ISBN 978-84-949838-0-1

Цель настоящего анализа – выявить самые продуктивные стратегии экспрессивного синтаксиса, которые используются для усиления значения высказывания в рекламе. Объектом исследования явились рекламные слоганы, отобранные из российской глянцевой периодики («Автомир», «Добрые советы», «Домашний очаг», «Женские советы», «Лиза», «Стильные прически», «Elle», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar», «Playboy»), опубликованной за последние годы (2017-2018).

В современной лингвистике феномен экспрессивного синтаксиса актуален, находится в центре многих научных исследований. Экспрессивному аспекту синтаксиса отведено существенное место в научных трудах О. В. Александровой (1984), Ю. В. Ванникова (1969), А. Ж. Кайрамбаевой (2012), Ю. М. Малиновича (1989), Б. Тошовича (2006) и других исследователей. Заинтересование данной проблемой связано также с интенсивным изучением медиатекстов, в том числе рекламы.

Проблема экспрессивности впервые громко прозвучала в работах западных лингвистов в конце XIX века. Основоположником концепции исследования экспрессивных фактов речи считают швейцарского ученого – Шарля Балли, который придерживался теории об аффективных языковых средствах. В русском языкознании интерес к данной проблеме появился в 1950-х гг. и проявляется до сих пор. Как замечает Б. Тошович (2006: 9), экспрессивность является интердисциплинарной категорией, так как стала предметом изучения многих научных дисциплин: стилистики, лингвистики, литературоведения, логики, психологии и др. Ученый в своей монографии *«Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков»* подробно описывает проблемы толкования термина «экспрессивность», приводя многие примеры разнообразных теоретических концепций. Как показывает исследователь, экспрессивность часто «толкуется туманно, расплывчато, и тавтологически (...) она одна из наиболее нечетких и многозначных в лингвистике» (Тошович 2006: 9). Это связано с тем фактом, что экспрессивность проявляется на разных языковых уровнях. О. В. Александрова замечает, что «экспрессивность как общеязыковая категория затрагивает все сферы языка и арсенал его выразительности» (1984: 7).

Экспрессивный синтаксис понимается как свойство языковых средств, которые выполняют при передаче содержания изобразительную функцию и усиливают воздействующую силу коммуниката. Экспрессивные конструкции, на наш взгляд, отличаются некоторыми признаками, например: динамикой, экономностью использования языковых средств, эмоциональной напряженностью и стилистической выразительностью. Все это, используемое в процессе кодирования информации в рекламе, дает огромные возможности

ISBN 978-84-949838-0-1

манипулирования человеческим сознанием, позволяет заинтересовать адресата рекламируемым товаром или услугой.

Прием расчлененности в рекламе

Экспрессивность рекламных текстов достигается за счет ряда факторов. Как утверждает Т. Н. Колокольцева (2011: 150), ведущим из них является феномен синтаксической расчлененности. В широком смысле это специфическое дробление содержания высказывания на несколько интонационно-смысловых речевых единиц. Н. С. Валгина определяет расчлененность и сегментированность синтаксических построений, как одну из основных тенденций русского современного синтаксиса и пишет, что: «часто расчлененность письменной речи создается именно за счет прерывания синтагматической цепочки путем увеличения длительности пауз между компонетами синтаксического построения, фиксируемых точками (вместо запятых). В результате общий облик современного синтаксического оформления текста резко меняется: фразы-выказывания становятся более динамичными, актуализированными» (Валгина 2003: 186).

В собранном материале расчлененные конструкции занимают значимое место. Система пауз, используемых для достижения эффекта динамичности, выражается посредством либо пунктуационных знаков (чаще точки и запятой), либо переноса дробленных фраз (синтагм) в следующую строку (/). Очевидной иллюстрацией расчлененных структур являются следующие слоганы:

● ***Невидимое покрытие. Мягкое сияние. Без фильтров***. *Make Up FOR EVER* («Glamour» апрель 2018, с. 19);

● ***Длительное увлажнение. Естественная красота*** */ Yves Rocher / HYDRA VEGETAL* («Elle» апрель 2018, с. 105);

● ***Доказано наукой. Проверено мной.*** *LIBREDERM LABORATORIES* («Женкие советы» июль-август 2018, с. 6);

● ***В ритме спорта. В стиле жизни*** */ Orient (часы)* («Playboy» лето 2018, с. 2).

Среди расчлененных структур наиболее востребованные копирайтерами оказались сегментированные с именительным темы, например: ***Bourjois Paris. Новая помада. Невесомая текстура. Глубокие оттенки*** («Cosmopolitan» сентябрь 2017, с. 99). Это такие синтаксические построения, «первая часть которых включает существительное или субстантивное словосочетание в форме именительного падежа, называющее тему высказывания» (Колокольцева 2011: 151). Тема высказывания –изолированная синтаксическая единица, обычно имя рекламируемого продукта или фирмы. Характеристика

ISBN 978-84-949838-0-1

описываемого объекта дается в последующей части конструкции, т.е. в базовой части слогана. Таким образом рекламист акцентирует компоненты, выделяя им довольно автономную позицию. Динамика таких структур усиливается здесь также благодаря интонации и паузам, разделяющим короткие фразы и придающим особый темп целому коммуникату.

В исследуемом материале обнаружено несколько слоганов, которые являются ярким примером особого вида расчлененности – парцеллированные конструкции. Парцелляция – это «такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы» (Розенталь, Теленкова 2003: 310). Парцелляция широко используется в рекламном дискурсе как особый стилистический прием, который позволяет усилить семантические и экспрессивные оттенки значений высказываемого. В результате такого приема предложение разбивается на куски, благодаря чему можно сделать акцент. т.е. усилить важную информацию и тем самым создать в высказывании дополнительный рематический центр. Роль парцеллированных конструкций определяет также Н. С. Валгина. Она пишет: «Отрыв от основного предложения, прерывистый характер связи в парцеллированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение – вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряженность» (Валгина 2003: 192).

Примером этого способа передачи коммуниката являются следующие слоганы:

● ***Жизнь. Тратьте с пользой*** («Домашний очаг» декабрь 2017, с. 87);

● ***10 самых матовых оттенков. Чувственные. Изысканные. С парижским шиком*** (помады Loreal Paris) («Cosmopolitan» сентябрь 2017, с. 95);

● ***Веди за собой. Блистательно.*** *Новый лак для губ L'ABSOLU LAQUER* («ELLE» июнь 2018, с. 5);

● ***Лучшее. Настоящее. Из Германии.*** («Автомир» № 18-19, 2018, с. 25) – реклама моторных масел.

Динамика разнообразных расчлененных структур достигается посредством фонетических средств т.е. интонации и паузы. Их роль в достижении эффекта выразительности рекламного коммуниката неоценима, так как с их помощью можно выделить и придать большую силу сообщаемого, акцентировать внимание целевой аудитории и придать высказыванию особый темп, образующий его экспрессивность.

Пунктуационные приемы в рекламе

ISBN 978-84-949838-0-1

Анализ отобранных слоганов показывает, что чрезвычайно важна связь между вышеупомянутым просодическим выражением синтаксических отношений и пунктуацией, которая является их графической репрезентацией. Следует указать, что в письменном виде коммерческой рекламы для выражения задержки в потоке речи употребляются именно знаки препинания и другие формы указания на паузу, например, абзац. Но роль знаков препинания в рекламе особенно значима. Они обычно употребляются как нормативно закрепленные (формально-грамматические) элементы текста или как «авторские сигналы смыслового, грамматического, аффективного, ритмо-мелодического его оформления» (Ваулина 2009: 141). Пунктуационные знаки передают отношение коммуниканта к высказываемому и одновременно подсказывают эмоциональную реакцию реципиента. Несомненно они обладают большим потенциалом экспрессивности.

О. В. Александрова пишет: «Пунктуация выступает в двойном знаковом качестве, с одной стороны – средством выражения знаковых просодических контуров (...), с другой стороны – регулятором экспрессивного изглашения письменного текста и тем самым адекватно этой экспрессии восприятия текста через внутреннюю пассивную речь читающего» (Александрова 1984: 11).

Надо отметить, что в процессе кодирования коммерческой информации употребляется почти все общеизвестные знаки препинания. Раньше упоминались только запятая и точка, но, по нашему мнению, и другие пунктуационные знаки, обладают ещё большей силой выразительности и поэтому используются для динамизации высказания. По словам Т. Л. Ваулиной (2009: 142) эмотивность, как смысловой аспект экспрессивности, наиболее ярко передается в многоточии, вопросительном и восклицательном знаках, а также в тире.

В настоящем исследовании сфокусируемся лишь на некоторых знаках, которые, на наш взгляд, придают тексту слогана особую выразительность и несут модальную и эмоциональную нагрузку. Несомненно, такую функцию выполняют тире и многоточие. Н. С. Валгина замечает, что тире является знаком интонационной, смысловой и композиционной неожиданности, оно подчеркивает «эмоциональную резкость, расчлененность фразы, внутреннюю энергию слова» (Валгина 1973: 409), а многоточие используется в роли маркера и смысловой, и структурной неполноты высказывания, указывает на подтекст содержания, который интригует читателя и притягивает его внимание.

Тире и многоточие отмечено в следующих слоганах:

● ***Весь мир – твой подиум*** */ шампунь TRESemme* («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 14);

ISBN 978-84-949838-0-1

● ***Наша страна – наша косметика*** / *NATURA SIBERICA* («Harper's Bazaar» август 2018, с. 71);

● ***Новый дизайн – прежняя формула!*** *Bio-Oil* («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 131);

● ***Вода – твоя стихия*** («Vogue» май 2018, с. 53);

● ***Одно лекарство – гармония для двоих!*** *Импаза* (препарат для лечения эректильной дисфункции) («Playboy» лето 2018, с. 29);

● ***Больше ухода – меньше цена!*** *Nivea care* («Лиза» 30/2018, с. 13);

● ***Высокий тестостерон – высокая потенция!*** *Эффекс Трибулс* («Playboy» лето 2018, с. 37);

● ***Ребенок спокоен – развиваться достоен!*** *Темотен* («Домашний очаг» август 2018, с. 75);

● *Wonder me* ***/ Косметика, созданная природой...*** («Harper's Bazaar» май 2018, с. 131).

Следующим пунктуационным знаком, отмеченным в 43% анализируемых слоганов, является восклицательный знак. Он, как правило, является наиболее четким проявлением эмотивности рекламного сообщения в письменном виде.

Восклицательные высказывания заключают в себе «эмоциональное отношение к содержанию высказывания» (Розенталь 1976: 26) и заставляют адресата обратить внимание на «важный» коммуникат. Восклицательность, как утверждает П. П. Шуба (1998: 493), несет в себе оценочную характеристику, выражается разнообразными эмоционально-смысловыми оттенками. В рекламе это прежде всего модальное значение возбуждения, радости, восхищения, удивления и др., например:

● ***Больше, чем просто масло!*** *Bio-Oil* («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 131);

● faberlic # BeautyBOX / ***Стань звездой летних вечеринок!*** («Glamour» июнь 2017, с. 25);

● LIBRE DERM / ***Хочу быть красивой и буду!*** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 85);

● ***Впервые! Эффект ухода при очищении кожи!*** *Черный жемчуг* («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 83);

● ***Новая энергия розового!*** *PINK UP* («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 69);

● ***Становись моложе с каждым днем!*** КАРНОЗИН («Elle» апрель 2018, с. 291).

Прием императивности в рекламе

Высокой степенью экссперсивности обладают также императивные высказывания:

● ***Начни новый день с блеском!*** *Серия брашингов «Ультра блеск» Kapous Professional* («Стильные прически» № 1-2, 2018, с. 57);

ISBN 978-84-949838-0-1

● ***Возьмите в Новый год только улыбки, а морщины оставьте в прошлом!*** («Elle» январь 2018, с. 43);

● ***Побалуй свою кожу. Побуди свои чувства***. *Bourjois PARIS* («Cosmopolitan» сентябрь, с. 99);

● *faberlic* / ***Сконцентрируйся на результате!*** («Домашний очаг» июнь 2017, с. 25);

● *Sugar* / ***Управляй миром одним лишь взглядом!*** («Cosmopolitan» сентябрь 2018, с. 143);

● ***Стань скульптором своего лица!*** *Би-сыворотка X-treme Face Sculpt* («Cosmopolitan» сентябрь 2018, с. 185);

● *faberlic # BeautyBOX* / ***Стань звездой летних вечеринок!*** («Glamour» июнь 2017, с. 25);

● ***Поймай меня*** / AKILLIS ювелирные изделия («Elle» сентябрь 2018, с. 27);

● ***Гипнотизируйте силой взгляда*** / Тушь HIPNOSE («Elle» август 2018, с. 2);

● ***Становись моложе с каждым днем!*** КАРНОЗИН («Elle» апрель 2018, с. 291).

Повелительные конструкции, содержащие директивную информацию, являются яркими примерами вербальной выразительности. Они выполняют главную прагматическую функцию рекламы т.е. привлекают внимание адресата и провоцируют у него конкретное поведение. Императивные структуры могут выражать разные речевые акты: приказ, совет, предложение и др., но в собранном материале не отмечено прямой императивности (никто не заставляет напрямую клиента приобрести рекламируемый продукт). В данной групе слоганов доминируют повелительные конструкции, в которых императивность завуалирована, приобретает форму посредственного предложения, но независимо от того, как убеждает А. В. Олянич (2011: 16), такой коммуникат контролирует поток информации и управляет общественным мнением, т.е. манипулирует поведением адресата, создавая у него иллюзию самостоятельного решения.

Прием повтора в рекламе

В рекламной коммуникации повтор считается одним из действенных приемов манипулятивного речевого воздействия. Его популярность связана с функциями, которые он выполняет. Повтор выполняет одновременно как выделительную функцию, так и суггестивную, а также мнемоническую т.е. способствует легкому запоминанию рекламной информации. Кроме того, он играет роль ритмической организации текста, так как «повторяемые в определенной последовательности и с определенной периодичностью

ISBN 978-84-949838-0-1

элементы задают ритм всему рекламному тексту и усиливают его экспрессивность» (Балахонская, Сергеева 2016: 308). В. П. Москвин акцентирует гипнотическую силу повтора и убеждает, что «музыка и ритмика повторов завораживают; выделяя ключевые понятия, поддерживая определенные ассоциации, потор заметно воздействует на подсознание» (Москвин 2000: 76).

В фактическом материале отмечены синтаксические и лексико-синтаксические повторы. В основе синтаксического повтора лежит многократное употребление одинаковых синтаксических конструкций. Это обычно «повторы синтаксем или однородных членов предложения с однотипным морфологическим выражением» (Жирков 2011: 187). Примером могут послужить слоганы, в которых повтор выражается однородными сказуемыми. В исследуемом материале обнаружены формы глагольного простого согласованного сказуемого, а также именные формы:

● ***Мицелярный очищающий гель / Снимает макияж, очищает, успокаивает*** *GARNIER* («Cosmopolitan» июль 2017, с. 45);

● ***Неделя шопинга Glamour / вырезайте купоны, выбирайте наряды, покупайте больше, платите меньше*** («Glamour» май 2017, с. 242);

● ***Новый KIA picanto / Заряжен. Умен. Неотразим.*** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 19).

Отмечены также и другие повторяющиеся однородные члены предложений, например, главный член номинативных предложений, имеющий признаки подлежащего и сказуемого:

● ***Энергия, лёгкость, безупречная красота волос*** *#HYENERGYCODE* («Elle» апрель 2018, с. 121).

Эффект экспрессивности высказывания усиливается посредством лексико-синтаксического повтора, то есть «совмещения синтаксического параллелизма с лексическим повтором» (Бобровская 2011: 255). Г. В. Бобровская отмечает, что такая языковая стратегия является характерным типом устойчивого комбинированного использования элокутивных средств и служит усилению выразительности слогана. (2011: 255). В группе исследуемых слоганов примерами параллелизма, в котором синтаксическая симметрия сопровождается лексической, могут послужить следующие конструкции:

● *GUERLAIN* / ***Кастомизируйте Вашу помаду / Выберите Ваш оттенок / Выберите Ваш футляр*** («Harper's Bazaar» май 2018, с. 21);

● ***Все говорят. Все пишут. Все обещают. А мы делаем***. *Telo's Beauty* («Glamour» декабрь 2017, с. 83);

● ***Больше увлажнения. Больше сияния. Больше гладкости.*** *Увлажняющий гель AQUASOURCE – BIOTHERM* («Cosmopolitan» май 2017, с. 25);

ISBN 978-84-949838-0-1

● ***Моя страна. Мой стиль. Мой Renault***. *Renault Kaptur* («Cosmopolitan» апрель 2018, с. 45);

● ***Безумно дерзкая / Безумно матовая /*** *Новинка MATTE SHAKER (LANCOME PARIS*) («Cosmopolitan» июль 2017, с. 11);

● ***Будь оригинальной. Будь собой. Твои волосы – твои правила!*** *Стайлинг от Bed Head* («Elle» август 2018, с. 45);

● ***Мой макияж – мой выбор, моя сила*** / *Lancome PARIS* («Glamour» май 2018, с. 11);

● ***Мой Оттенок, Мой Футляр, Мой Стиль*** *#MyRougeG* («Harper's Bazaar» май 2018, с. 21).

Сила экспрессивности данного приема зависит от наполнения синтаксической структуры лексическими повторами. В собранном материале встречаются двукратные повторения слов, но доминируют троекратные.

Прием диалогичности в рекламе

Экспрессивность рекламного слогана усиливается также при помощи диалогичности. Маркером этого приема являются определенные языковые средства. По Т. Н. Колокольцевой (2011: 162), диалогичность проявляется в употреблении глагольных словоформ 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, притяжательных и личных местоимений, побудительных предложений, о которых мы писали выше, а также вопросно-ответных конструкций. Вопросно-ответный синтаксический комплекс содержит риторический вопрос, который не требует отрицания или утверждения. Он лишь провоцирует «динамичный» ответ, активизирующий определенное поведение читателя, например:

● ***Вашим волосам не хватает объема? Попробуйте новый Dove / Объем и восстановление*** («Glamour» май 2017, с. 101);

● ***Экстрастойкий цвет и абсолютный уход? Теперь возможно все!*** *Шампунь COLOR EXPERT* («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 109);

● *head & shoulders* ***/ Правда?! Это потрясающе!*** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 81).

Адресант коммуниката вызывает у читателя иллюзию самостоятельного выбора, хотя на самом деле это он наводит потенциального клиента на выгодные ему суждения. Несомненно, риторический вопрос фокусирует внимание, имитируя общение.

Итоги

Анализ фактического материала показал, что синтаксическую экспрессивность в рекламе создает система разных языковых средств: синтаксические конструкции,

ISBN 978-84-949838-0-1

отличающиеся экономностью формы и компрессией информации, просодические и пунктуационные средства, которые устанавливают связь между предикативными единицами и влияют на ритмическую организацию текста. Копирайтеры используют разные стилистические приемы, чтобы придать рекламе динамику и выразительность. Среди них наиболее частыми являются: синтаксическая расчлененность текста (сегментированность, парцелляция, конструкции с именительным темы), императивные высказывания, синтаксические и лексико-синтаксические повторы, диалогичность и др. Особо значимое место в ряду экспрессивных приемов в рекламе принадлежит пунктуационным знакам, которые осмысливают и организуют текст. Они также помогают выражать эмоции в письменной речи и тем самым усиливают рекламный призыв.

Список литературы

Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.

Александрова О. В. (1984): Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале анлийского языка). Москва: Высшая школа.

Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. (2016): Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. Москва: «Флинта».

Балли Ш. (1961): Французская стилистика. Москва: Издательство иностр. лит.

Валгина Н. С. (2003): Активные процессы в современном русском языке, Москва: Логос.

Валгина Н. С. (1973): Синтаксис современного русского языка. Москва: Высшая школа.

Ванников Ю. В. (1969): Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). Москва: Издательство Университета дружбы народов.

Ваулина Т. Л. (2009): Экспрессивная функция знаков препинания в организации присоединительных конструкций, https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnaya-punktuatsiya-v-hudozhestvennom-tekste (20.05.2018).

Жирков А. В. (2011): Приемы манипулятивного воздействия в рекламе, Рекламный дискурс и рекламный текст, Москва: Флинта, 172-191.

Кайрамбаева А. Ж. (2012): Синтаксические приемы как экспрессивные средства рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодара), Вестник КемГУКИ, 18, 127-132.

Колокольцева Т. Н. (2011): Слоган как ключевой компонент рекламного текста, Рекламный дискурс и рекламный текст, Москва: Флинта, 147-171.

Малинович Ю. М. (1989): Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса, Иркутск: Изд-ва Иркутского у-та.

ISBN 978-84-949838-0-1

Москвин В. П. (2000): Стилистика русского языка: приемы и средства выразительности и образной речи (общая классификация), Волгоград: Учитель.

Олянич А. В. (2011): Рекламный дискурс и его конститутивные признаки, Рекламный дискурс и рекламный текст. Москва: Флинта, 10-36.

Сердобинцева Е. Н. (2010): Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. Москва: Флинта; Наука.

Сковородников А. П. (1978): О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке, Филологические Науки, 2, Москва, 60-64.

Тошович Б. (2006): Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков, Москва: Языки славянской культуры.

ISBN 978-84-949838-0-1

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ-КОММЕНТАРИЕВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER

Романова Татьяна Владимировна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия
tvromanova@mail.ru

SYNTACTIC FEATURES OF TEXT COMMENTARY IN SOCIAL NETWORK TWITTER

Tatiana Romanova
National Research University
"Higher School of Economics", Russia

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена описанию синтаксических особенностей Интернет-речи. Эмпирической базой исследования послужила выборка из комментариев социальной сети Twitter, собранная при помощи компьютерных инструментов. Релевантными синтаксическими характеристиками интернет-комментария является использование структур эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур и влияние синтаксиса разговорной речи. Яркой особенностью Интернет-речи является эллиптичность, подразумевающая экономию речевых усилий. Виды эллиптичности классифицируются по активной и пассивной валентности пропущенных компонентов, по моделям управления. Установлено, что в исследуемом материале наблюдается также избыточность сегментных средств членения текста (присоединительные конструкции, парцелляция, сегментация, синтаксические повторы и др.). Всё перечисленное формирует такие качества «жанра оперативного реагирования», как динамизм, лаконичность, экспрессивность.

ABSTRACT

This article is about the syntactic features of Internet speech. The empirical basis of the study is a sample of comments from the social network Twitter, collected with the help of computer tools. The use of emotional syntactic structures, simplification of syntactic structures, redundancy of segmented means of text division and the influence of colloquial speech syntax are relevant characteristics of the Internet comments. Ellipse construction, which means saving speech effort, is a striking feature of online speech. All these features form such qualities of the "operational response genre" as dynamism, laconism, expressiveness.

Ключевые слова: интернет-комментарий, синтаксическая валентность, структуры эмоционального синтаксиса.

Keywords: online commentary, syntactic valency, emotional syntactic structures.

Характеристика проблемы и материала исследования

С возникновением Интернета можно говорить о новой форме речи, иногда её атрибутируют как «устно-письменную». Изменение коммуникативных потребностей социума обусловливает также появление новых речевых жанров, достаточно оперативных и сжатых,

ISBN 978-84-949838-0-1

которые максимально приближены к жанрам устного общения, но не являются ими. В частности, как самостоятельный жанр в современной жанрологии рассматривается комментарий, под которым понимается высказывание, нацеленное на объяснение и оценку события. Это «жанр оперативного реагирования», с речевой точки зрения он отличается динамизмом, лаконичностью, экспрессивностью. Лингвистический анализ призван ответить на вопрос, какими языковыми средствами и речевыми приёмами это достигается?

Несмотря на возрастающее внимание лингвистов к особенностям Интернет-речи, её синтаксические особенности ещё требуют последовательного описания. В начале нашего исследования была выдвинута гипотеза, что Интернет-речь обладает характерными синтаксическими признаками, которые сближают ее с разговорным стилем устного типа речи. Эмпирической базой данного исследования является выборка из комментариев социальной сети Twitter (350 комментариев), собранная при помощи компьютерных инструментов. Для получения выборки для последующего анализа синтаксических структур использовался код, написанный на языке программирования Python (программа сбора материала написана студенткой программы «Фундаментальная и прикладная лингвистики» НИУ-ВШЭ, Нижний Новгород К Райнич) в интегрированной среде PyCharm. В качестве материала исследования были выбраны тексты именно из сети Twittter, так как, в первую очередь, данная сеть популярна среди Интернет-пользователей, а также на этом сайте можно получить доступ к различным данным с помощью библиотеки tweepy. Кроме того, в Twitter существует ограничение на 140 символов при написании любого текста. Ограниченное количество возможных предложений в тексте представляется более информативным для определения особенностей синтаксических структур данного типа онлайн-коммуникации, так как при анализе объемных постов и комментариев более вероятно, что мы будем иметь дело с индивидуальными характеристиками стиля того или иного пользователя. Выборка состоит из 700 текстов сети Twitter, 350 комментариев и 350 твитов.

Обозначим разницу между двумя такими текстами в Twitter, как твит и комментарий. В широком смысле твит – это любое сообщение пользователя на странице своего профиля, доступное для прочтения любому другому пользователю сети (если профиль находится в ограниченном доступе, то твиты доступны только одобренным подписчикам данного пользователя). В данной статье мы будем рассматривать понятие твит как противопоставление комментарию, т.е. независимое сообщение пользователя, опубликованное на странице его профиля, не являющееся ответом на твит другого пользователя в сети Twitter. Комментарии пишутся Интернет-пользователями в ответ на уже существующий твит с целью продолжить коммуникацию или выразить свое мнение. Как твиты, так и комментарии могут быть

ISBN 978-84-949838-0-1

посвящены разным темам (политике, экономике, науке, новостям, бытовым обсуждениям), и для этого в Twitter существуют специальные хэштеги «#тема», которыми пользователи могут по своему усмотрению помечать свое сообщение.

Комментарию свойственна особая структура: в начале автоматически ставится спецсимвол «@» и далее ник пользователя, которому адресован ответ, после этого идет текст сообщения. С прагматической точки зрения, отсылка к предыдущему сообщению (упоминание ника другого пользователя в структуре комментария) может, в первую очередь, создать иллюзию коммуникации в ситуации непосредственного устного общения. Кроме того, такое цитирование имени пользователя или всего его сообщения может быть своего рода приветствием. Действительно, подобные случаи распространены в живом общении, когда, услышав разговор, третий участник коммуникации начинает беседу с цитирования фразы участника коммуникации, произнесенной ранее: *@oldLentach какой полезный закон? Что в нём полезного?*.

Методика исследования и результаты

Для выявления общих речевых особенностей и обусловленности речевых особенностей текста комментария особенностями исходного текста твита в ходе анализа синтаксические структуры комментариев сопоставлялись с синтаксическими структурами твитов.

Теоретической базой для анализа послужили труды российских и зарубежных исследователей по вопросам интернет-коммуникации: М.Б. Бергельсон, Е.И. Горошко, М.А. Кронгауза, Д. Кристалла, А.С. Трач, Г.А. Трофимовой; а также исследования, связанные с вопросами синтаксиса русского языка: Г.Н. Акимовой, Н.Д. Арутюновой, Е.А. Земской, К. Кожевникова, А.П. Сковородникова, Я.Г. Тестельца и т.д.

Релевантными синтаксическими характеристиками интернет-комментария является использование структур эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур и влияние синтаксиса разговорной речи.

Вначале выявлена частотность использования участниками коммуникации разных моделей предложений, использованную пользователями. В данном случае за основу была взята традиционная классификация типов предложений по структуре.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 1. Классификация структурных типов предложений, используемых в комментариях

Простые	324	**64,8%**	**Сложные**	156	**31,2%**
Односоставные	143/ 262	28,6%	*Бессоюзные*	39 (12)	7,8%
Номинативные	26 (16)	5,2%	*Сложносочиненные*	24 (20)	4,8%
Определенно-личные	42 (33)	8,4%	*Сложноподчиненные*	67 (20)	13,4%
Неопределенно-личные	23 (13)	4,6%	С разными видами подчинения	3	0,6%
Безличные	40 (37)	8%	Определительные	11 (8)	2,2%
Инфинитивные	10 (19)	2%	Изъяснительные	24 (7)	4,8%
Обобщенно-личные	2 (1)	0,4%	Обстоятельственные	32 (11)	6,4%
Двусоставные	181/ 403	36,2%	***С разными видами связи***	23	4,6%
Полные	136 (184)	27,2%			
Неполные	24 (23)	4,8%			
Эллиптические	21 (15)	4,2%			
Синтаксически нечленимые			20 (3)		4%

В текстах-комментариях чаще всего встречаются простые распространенные предложения: частота их использования вдвое больше, чем сложных предложений. Над односоставными превалируют двусоставные предложения, которые чаще представлены полными конструкциями. Но именно односоставные и неполные предложения в большей степени свидетельствуют об экономных формах в Интернет-речи. В выборке также встречаются синтаксически нечленимые предложения, которые свойственны разговорной речи.

Несмотря на заметные изменения синтаксиса Интернет-речи под влиянием разговорной речи, «краткие» структуры не вытеснили так называемые «полноценные» синтаксические структуры. Однако стоит заметить, что все виды осложнения предложений, как структурные, так и коммуникативные, статистически представлены в выборке неубедительно.

В синтаксических классификациях (Скребнев, Сиротинина 1985) выделяют две большие группы структур разговорной речи. Первая группа структур демонстрирует экспликационную специфику устного синтаксиса, сюда относятся парцелляция (расчленение), разного типа сегментация, повторы и т.п., они названы избыточными материальными элементами. Структуры второй группы демонстрируют импликационную специфику: эллипсис, различного рода грамматическая неполнота – они квалифицируются как экономные формы синтаксиса.

В Интернет-общении наблюдается избыточность сегментных средств членения текста (присоединительные конструкции, парцелляция, сегментация, синтаксические повторы и др.).

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 2. Структуры экспрессивного синтаксиса в твитах и комментариях

Вид структуры	*Количество употреблений в комментариях*		*Количество употреблений в твитах*	
Избыточные материальные элементы				
Парцелляция	33	6,6%	11	2,1%
Сегментация	9	1,8%	2	0,4%
Повторы	7	1,4%	6	1,12%
Экономные формы структур				
Эллиптичность	269	53,8%	250	46,6%

Посредством парцелляции выделяется наиболее важная часть предложения, т.е. рематический центр (новое в высказывании). А.П. Сковородников выделяет такие **функции парцелляции**, как изобразительная, эмоционально-выразительная и экспрессивно-грамматическая. Изобразительная функция состоит в конкретизации названного; эмоционально-выразительная – в усилении эмоций, в передаче эмоциональной оценки или эмоционального состояния; экспрессивно-грамматическая функция, по мнению исследователя, реализуется при выражении синтаксических отношений и синтаксического членения одновременно (Сковородников 1978: № 2, 58-67).

В проанализированном материале **парцеллированные конструкции** употребляются **в двух основных функциях**: оценочно-изобразительной (например, *Каклй же афроамериканец крутой) Такооой позитивный) Такой красавец*); *Зато никто не следит за тобой. Ну кроме психически ненормальных из твиттера*»); эмоционально-выразительной (*Медведев забанил Навального в Инстаграме. Потому что может. Потому что сильный. Потому что не Димон; Просто люблю рукопожатия... Если вы понимаете, о чём я)*. Приведём примеры реализации экспрессивно-грамматической функции: *просто оформление классное) и потенциал*); *Так и живет большинство. Терпит и терпит*; *У меня так один день в 4 недели) тоже до пол 8* (в приводимых примерах сохранены орфография и пунктуация источника).

При сегментации за счёт использования конструкции именительного представления актуализируется тема и один и тот же объект получает двойную номинацию.

Повтор - дублирование компонентов высказывания на синтаксическом уровне может быть полным или сопровождаться модификацией структуры. Несмотря на формальную отягощённость конструкций, данные приёмы обеспечивают доступность речи, её понимание, «держат» внимание собеседника либо эмоционально усиливают высказывание. Приведём примеры.

ISBN 978-84-949838-0-1

Конструкции с использованием именительного представления:

Шопоголик. Похоже @konstantinkazlo остался жить в одном из магазинов одежды.

Андеграунд интернета. Место где происходит треш и жизнь упрощается до минимума.

Александр Петров - это имя не исправит ни один шрифт.

Повторы: *да, но это было бы очень приятно, очень приятно*; т*ы прав друг... ты прав*.

Особенностью Интернет-речи является **эллиптичность**, подразумевающая экономию речевых усилий. В результате эллипса облегчается структура; она становится более «портативной» и, можно сказать, более коммуникативной. Невербализованные компоненты восполняются сверхсегментными средствами и лексико-грамматическими средствами вербализованной части синтаксической конструкции: *Если вы понимаете, о чём я*; *к тебе делегация*.

Е.А. Земская, определяя русскую разговорную речь, выделяет конситуативность как первый отличительный признак этой системы: «<…> в разговорной речи ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации» (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 37). При описании русской устной речи К. Кожевникова также определяет как её основной фактор «постоянный учет коммуникативной ситуации, складывающейся в каждый момент времени по-другому, и учет собеседника, т.е. того, что, по мнению говорящего, содержится в каждый конкретный момент речевого акта в сознании собеседника» (Кожевникова 1971: 97). Это является одним из оснований для вывода о сближении признаков разговорного стиля и устной формы коммуникации. В разговорном коммуникативном акте конситуативные высказывания могут определяться следующими признаками: (1) в них вербализван не весь смысл, передача которого является целью данного коммуникативного акта; (2) невербализованный смысл, который необходим для данной коммуникации, не соотносится ни с одним из вербальных компонентов высказывания; (3) вербальные компоненты в соответствие со своей валентностью задают незамещенные позиции (для невербализованного смысла); (4) конкретное лексико-семантическое значение незамещенных позиций обуславливается конситуацией. Итак, в разговорном коммуникативном акте высказывание находится в тесном взаимодействии с конситуацией. В зависимости от того, каким образом можно вербализовать конситуативный смысл в разговорной речи, различаются **два типа незамещенных позиций**. Первый тип – незамещенные синтаксические позиции – сигнализируют не только определенный смысл, но и строго определенную синтаксическую форму компонентов, которые могут заместить эту позицию при развертывании данного конситуативного высказывания в высказывание неконситуативное. Такой тип широко

ISBN 978-84-949838-0-1

представлен в кодифицированном литературном языке. Второй тип – незамещенные смысловые позиции – сигнализируют только смысл, а в какую языковую форму следует облечь этот смысл предугадать нельзя. Такие высказывания могут быть развернуты разными способами и регулярны только в разговорной речи. Можно говорить о трех типах факторов, которые влияют на структуру высказывания в разговорной речи: 1. контекст-речевое окружение высказывания; 2. визуально-чувственная ситуация – все, что окружает партнеров, что они видят и ощущают; 3. частно-апперцепционная база – индивидуальный опыт говорящих, который известен только им или небольшому микроколлективу, в отличие от общей апперцепционной базы - некоторого фона общих знаний, свойственных всем носителям языка. Общая закономерность коммуникативного устройства конситуативных высказываний состоит в том, что смысл, имеющий вербальное выражение, обычно является рематическим, информативно наиболее значимым, конситуативный смысл же, напротив, не рематичен.

Я.Г. Тестелец справедливо указывает, что синтаксическая структура предложения определяется селективными признаками входящих в него лексем, так называемыми валентностями (Тестелец 2001: 300).Валентностью вербальных компонентов высказывания называют семантико-синтаксические признаки слова, предсказывающие смысл и морфолого-синтаксические способы выражения зависимого от него слова. Валентность вербальных компонентов высказывания сигнализирует о незамещенных позициях. В роли сигналов используются прямая и обратная валентности слов. При прямой есть господствующее слово, которое своей валентностью сигнализирует незамещенную позицию (*Съедим?*), а при обратной – зависимое слово, сигнализирующее о незамещенной позиции главенствующего над ним слова *(Тебе крепкий?)*. Любая валентность может остаться невыраженной в результате эллиптического сокращения.

Примеры из выборки классифицированы по активной и пассивной валентности пропущенных компонентов, по моделям управления (Тестелец 2001:307). Например, **прямая валентность (активная):**

- кто? подписаться на что? под чем?: *наконец-то ты подписался!* (незамещенная позиция дополнения);
- кто? читать что?: *читай* (агенс не обозначен);
- постараться сделать что?: *надо очень постараться* (незамещенная позиция сентенциального актанта).

I. *Прямая валентность (активная)*

1. Незамещенная позиция подлежащего:

- *кто*? начинать *что*?: *скоро книгу* ***начнет*** *писать*;

ISBN 978-84-949838-0-1

- *кто*? сказать *что*?: *я тоже люблю рукопожатия, но не* ***скажу*** *почему*;

- *кто*? хотеть *что*?: ***хотел*** *показать рюкзак, а тут все такие напряжные, просто* ***хотел*** *перестроиться в левый ряд*;

2. Незамещенная позиция дополнения:

- *кто?* Закинуться *чем?*: *впервые за полгода* ***закинулся***;

- *кто*? Обидеться *на кого? За что*?: *да он то не* ***обиделся****, людям просто неприятно было зрителям*; *это шутка если что, что бы @lstrnsnd не* ***оиделась***;

- *кто*? Попить *что*?: я *тоже пойду* ***попью***;

- *кто*? Подписаться *на кого*?/*на что*?: н*аконец-то ты* ***подписался****!*.

- *кто?* Читать *что*?: ***читай*** – императив, агенс не получает выражение.

3. Незамещенная позиция сентенциального актанта:

- *кто*? Мочь *сделать что*?: *Медведев забанил Навального в Инстаграме. Потому что* ***может***;

- *кто*? Постараться *сделать что?*: *надо очень* ***постараться***;

- получается *делать что*?: *молодец, очень классно* ***получается***.

4. Незамещенная позиция обстоятельства:

- *кто*? Поставить *что*? *Куда*?: *забыл ник знакомого* ***поставить****, сори*, ***поставь*** *смайлик пчелки если тебя запарли в магазине и не отпускают*;

- *кто*? Банить *кого*? *Где*?: *их нужно* ***банить*** *на неделю*.

5. Незамещенная позиция определения:

- расследование *какое?*: *просишь Навального сделать* ***расследование***;

- шаг *какой?*: *люди хотят что бы с ними общались, но не хотят делать первый* ***шаг***; *один из самых известных производителей телефонов сделал* ***шаг***.

II. ***Обратная валентность (пассивная):***

4. Зависимое слово – подлежащее – сигнализирует о незамещенной позиции сказуемого, которое можно легко восстановить даже без контекста:

Если вы понимаете, о чём ***я*** -> о чем я *говорю*.

Че, какте ***правила*** *в Фан Клубе?* -> как тебе *нравятся* правила.

2. Зависимое слово – определение – сигнализирует о незамещенной позиции главенствующего над прилагательным существительного:

Но осадок все же остался, потому и ***неприятная*** [ситуация]» -> восстанавливается только из контекста.

Весенний вечерний Нижний далеко не такой депрессивный, как ***зимний*** -> зимний *Нижний.*

ISBN 978-84-949838-0-1

3. Прямые (в последнем случае косвенное) дополнения сигнализируют о незамещенной позиции сказуемого:

Дьявольщина, святой ***воды*** *сюда скорее,* ***цистерну*** *-> несите* воды, цистерну.

У работяг сегодня выходные начинаются))) Но ***не у меня)*** *->* у меня *выходные не начинаются.*

4. Зависимое слово – обстоятельство, выраженное существительным или наречием, – сигнализирует о незамещенной позиции сказуемого:

Помедленней *можно, я не успеваю ->* помедленней *говорить/объяснять/показывать/диктовать* и т.д.

Не могу поверить, что завтра в ***школу*** *->* в школу *идти.*

Я так и решила сделать, мне надо по ***магазинам*** *-> пройтись/прогуляться* по магазинам.

А то все ***отрывками да отрывками)*** *-> читать* отрывками да отрывками.

Отличительной чертой разговорной речи является то, что в ней незамещенные позиции могут базироваться на сложной конструкции. Конситуация называется сложной, если включает в себя несколько разных типов или разные виды одного типа, например, визуально-чувственное окружение, состоящее из ряда компонентов. В условиях сложной конситуации высказывание может быть также нескольких типов: 1) в высказывании есть несколько незамещенных позиций, каждая из которых опирается на свою простую конситуацию; 2) вся сложная конситуация необходима для определения смысла одной незамещенной позиции.

Пунктуационные особенности Интернет-речи

Проанализированный материал показывает также, что в текстах социальных сетей нарушаются канонические нормы пунктуации, пунктуационные знаки опускаются или употребляются в несвойственной им функции. Например:

- Точки не ставятся в конце предложений, из-за этого трудно уловить законченность мысли: *ска скоро книгу начнет писать*; *надо глянуть*; *с ником накосячил*.
- Частотно многоточие, которое выражает незаконченность, неоднозначность высказывания; паузу, неуверенность в сказанном; усиливает эмоциональность высказывания: *я бы на твоём месте теперь чаще оборачивался бы. Она девочка странная, эпатажная…, пишите, с меня рандомный смайлик….*
- Особенностью Интернет-комментария является использование вопросительных и восклицательных предложений, употребление двух, трех и более таких знаков свидетельствует об усиление эмоциональности высказывания: *пфф, да что ты знаешь о романтике*?; *бомжур, красавица*!; *ты сдала????*; *Да ладно!!!!*

ISBN 978-84-949838-0-1

- Двоеточие и запятые коммуниканты часто игнорируют, либо ошибочно, либо в целях экономии времени при написании ответа: *если нужно терпеть вы либо два подростка, либо два идиота…*

Еще одной специфической чертой интернет-общения является наличие смайликов, или **эмотиконов.** Смайлик – это графема, состоящая из пунктуационных знаков, букв, цифр, небольших изображений. Данная графема компенсирует отсутствие интонации, мимики, является своеобразными знаками препинания, имеющими смысловую «нагрузку».: *там функция рекламы вообще не поддерживается)))*; п*ока ВК сдох, пошли фолловить взаимно? :D*; *всех с новым днём!!!*😁☺□😈.

Кроме того, в интернет-коммуникации наблюдается еще одно явление – так называемый «капс». Это намеренное написание сообщения заглавными буквами для привлечения внимания и выражения эмоциональности:

<…> как же мама за*бала с темой "друзья по интернету" МЕНЯ НИКТО НЕ ХОЧЕТ ИЗНАСИЛОВАТЬ ПРАВДА Я СТРАШНАЯ МАМ ХВАТИТ УЖЕ…;

Что вы знаете о слове FAIL?;

С НОВЫМ ГОДОМ;

КАК ЖЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ЗАВТРА В ШКОЛУ ИДТИ;

ЛАЙК ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ДИРИКОВ.

Выводы

По результатам наблюдений можно сделать вывод о формировании узуальных норм коммуникации в интернет-сообществе, в частности в социальной сети, которые обуславливаются в первую очередь критерием коммуникативной целесообразности.

Проанализированный материал показывает, что релевантными характеристиками интернет-комментария в социальной сети являются речевая краткость, использование эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур, что свидетельствует о влиянии синтаксиса разговорной речи. Названные синтаксические особенности интернет-комментария отвечают потребностям статусно равноправных коммуникантов в интерактивности, усилении воздействия на адресата, повышении экспрессии, самопрезентации и поддержании социальных контактов.

Рассмотренные синтаксические и пунктуационные особенности речи пользователей Интернета свидетельствуют о том, что мы не можем рассматривать ее как письменную речь в традиционном понимании. Но считать, что мы сталкиваемся только с письменной фиксацией устной разновидности разговорного стиля речи, тоже было бы неправомерным, так как

ISBN 978-84-949838-0-1

определенные структурные особенности, характерные исключительно для письменной речи, также сохраняются, но и фиксируются новые черты (например семиотические), не характерные ни для письменной, ни для устной форм речи. Таким образом, в Интернете функционирует «устно-письменная» форма речи, имеющая свои собственные специфические черты.

Список литературы

Акимова Г.Н.(1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.

Акимова Г. Н., Вяткина С. В. (2013): Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; под ред. С.В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Арутюнова Н.Д.(1976): Предложение и его смысл. Москва: Наука.

Бергельсон М.Б.(2002): Языковые аспекты виртуальной коммуникации, Вестник МГУ, Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1, 55-67.

Горошко Е.И.(2009): Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии, Жанры речи. Саратов: Наука, Вып. 6, 11-127.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. (1981): Русская разговорная речь: Общие вопросы, словообразование, синтаксис. Москва: Наука, 1981. – 276 с.

Кожевникова Кв.(1971): Спонтанная устная речь в эпической продожзе (На материале рус. Худож лит.). Praha: Univ. Karlova.

Кронгауз М.А.(2014): FAQ: Язык в интернете, Постнаука.

URL: https://postnauka.ru/faq/25925(дата обращения 04.06.2014).

Сковородников А.П.(1981): Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Томский университет.

Сковородников А.П. (1978): Эллипсис как стилистическое явление в современном русском литературном языке: Учебное пособие. Красноярск: ГПИ.

Сковородников А.П.(1978): О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке, Филологические науки, 2, 58-67.

Скребнев Ю.М, Сиротинина О.Б. (1985): Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.

Тертычный А.А.(2000): Жанры периодической печати. Москва: Аспект Пресс.

ISBN 978-84-949838-0-1

Тестелец Я.Г.(2001): Введение в общий синтаксис. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Трач А.С.(2010): Особенности использования письменной речи в сети Интернет, Известия Южного федерального университета. Технические науки, 10, 34-39.

Трофимова Г.А. (2000) О чем молчит Рунет, Мир русского слова.

URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=11(дата обращения: 08.04.2018).

Crystal D. (2001). Language and the Internet, Cambridge University.

URL:http://medicine.kaums.ac.ir/uploadedfiles/files/language_and_%20the_internet.pdf (retrieved 30.12.2017).

ISBN 978-84-949838-0-1

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СЕМАНТИКЕ ПОСЛОВИЦ КАК МОДЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рябова Марина Юрьевна
Кемеровский государственный университет, Россия
mriabova@inbox.ru

Маринова Елена Дмитриевна
Кемеровский государственный университет, Россия
elmar53@bk.ru

APPEARANCE IN PROVERB SEMANTICS AS A VALUE MODEL OF EVERYDAY LIFE CULTURE

Marina Ryabova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Elena Marinova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования — анализ семиотики одежды как характеристики внешности человека, отражающей его ценностные приоритеты, которые концептуализируются в культуре в лексическом фонде языка в пословицах и поговорках. Одежда как знак характеризуется формой, набором функций и значением. Установлено, что знаковость одежды проявляется в референции трех уровней: себе, при отражении собственной индивидуальности; контексту (повседневность, торжество, др.); общей систематике одежды, принятой в данном обществе. Функции одежды включают:1) естественная первичная — защищающая, 2) идентифицирующая, 3) этикетная; 4) герменевтическая; 5) декоративная; 6) гламурная; 7) игровая и др. Блок терминов, заимствованных из английского языка, свидетельствует о значительном влиянии английской культуры на повседневную культуру в русском языковом сознании.

ABSTRACTS

The goal of the article is to analyse semiotics of clothes as a basic charecteristics of appearance, reflecting value priorities in everyday life culture, conceptualized in a lexicon in a form of sayings and proverbs. Clothes as a sign is characterized by its form, a number of functions and meanings typical of different contexts. Functions of clothes can be summed as follows: 1) defensive, 2) identifying, 3) etiquette, 4) hermeneutic, 5) decorative, 6) glamorous, 7) playing. The block of terms borrowed from English into Russian demonstrates influence of English culture onto the culture of everyday life of Russian linguistic consciousness.

Ключевые слова: семиотика, функция, знак, этикетность, лингвокультура, повседневность, языковое сознание.

Key words: semiotics, function, sign, etiquette, linguistic culture, everyday life, linguistic consciousness.

ISBN 978-84-949838-0-1

Внешность человека в повседневной жизни оценивается во многом и по его манере одеваться, так как одежда представляет собой некий знак, который человек посылает миру. При этом принято различать так называемую «дизайнерскую» одежду (т. е. произведенную известными коммерческими брендами) и одежду повседневную, небрендовую.

Например: *«Пол и Том не отставали. Галстуки хлестали по спинам. Большой Джон пытался разнять молодежь — плотный, еще крепкий в свои шестьдесят, в однотонной голубой рубашке, с галстуком от Гермес и в темных отутюженных слаксах, он энергично работал локтями, распространяя аромат дорогого одеколона «Арамис»* (Скоттолине , 2010: 17).

Естественно, что семиотика и того и другого типа резко отличаются друг от друга по своим функциям, имеют свою семантику и символику. О языке одежды было написано много интересного, в том числе и такими известными авторами как Г.Г. Почепцов, Ролан Барт, Георгий Кнабе и др. Так, Г.Г. Почепцов отметил, что «одежда может рассматриваться как достаточно древний вариант знаковой системы. В ней хранятся те отсылки на память человечества, которые уже давно стерлись у нас в сознании» (Почепцов 2002: 85).

Очевидно, что функциональность одежды закрепилась в генетическом культурном коде нации и в форме пословиц, семантика которых связана, в том числе, и с теми частично забытыми сегодня, или стершимися смыслами. Например, в русской лингвокультуре известны следующие пословицы и выражения:

(1) По одежке встречают, по уму провожают.

Вероятно, для русского языкового сознания одежда была значима как своего рода «визитная карточка» человека, которая могла рассказать о социальном статусе или материальном положении, о возрасте, гендере, личностных пристрастиях и качествах, привычках, хобби и т. д. Отсюда одна из основных функций одежды — ее этикетность, т. е. формализующий, регулирующий, статусный характер, связанный с предписыванием определенных правил ношения одежды в тех или иных ситуациях.

Сегодня многие граждане активно используют данную функцию одежды, пытаясь иногда расцветить свою внешность, как им кажется, статусными вещами с яркими дизайнерскими этикетками, как бы претендуя на свой высокий социальный и, может быть, имущественный статус. Данная тенденция выражается в неуемной любви к ношению брендовой одежды, «от дизайнеров», по любому поводу и в любых ситуациях. Однако, как мудро подмечено во второй части пословицы, общий вывод о человеке все-таки делается не по его одежде, а по тому, что у него в голове.

О людях, которые уделяют чрезвычайно большое внимание одежде, забывая о собственно содержательной составляющей образа — духовном наполнении личности, образовании,

ISBN 978-84-949838-0-1

культурном уровне, воспитанности и т. д., говорит другая пословица, смысл которой перекликается с первой и дополняет ее:

(2) *В наряде хорош, а без него на пень похож.*

О какой функции одежды говорит эта пословица? Вероятно, она говорит о декоративной, приукрашивающей, маскирующей роли одежды, о том, что одежда может скрывать истинную сущность и ценность человека, возвеличить его, возвысить его статус или изменить его каким-либо образом, при том, что его внутренняя ценность может быть недостаточно высокой.

Этикетность одежды отражает и такая пословица:

(3) Большое платье в большое место несет.

(4)Соболья шуба впереди себя двери открывает.

Иначе, одежда должна соответствовать статусу человека, говорить о его социальной роли и положении, и поэтому было важно держать фасон.

(5) Буду есть мякину, а фасон не кину. Или:

(6) В брюхе солома, а шапка с заломом

(7) Без порток, а в шляпе

(8) Приобуть, приодеть, так и есть на что глядеть.

Как известно, смысл данных пословиц в том, что для русского языкового сознания важно подчеркнуть статусную функцию одежды, которая позволяет возвысить человека в ситуации привычной повседневности и, может быть, позволить ему занять более высокое и престижное место в жизни.

С другой стороны, если роль одежды и внешности намеренно нивелируется, то это чревато достаточно серьезными последствиями:

(9) В лохмотьях и царя за нищего примут. Или:

(10) В рогожку одеться — от людей отречься.

Иначе говоря, языковое сознание констатирует необходимость соблюдения неких этикетных норм, в том числе требует соответствия между формой и ее содержанием.

Однако преувеличено большое внимание к одежде вызывает неодобрение в сознании людей, о чем свидетельствует следующая пословица:

(11) В красной шапке узнаешь дурака;

(12) Вырядился как шут гороховый;

(13) Ни рожи, ни кожи, да в богатой одеже;

(14) Как принарядился, так и возгордился.

Таким образом, в содержании пословиц можно проследить отражение некоего кодекса поведенческих норм и правил, регулирующих функции одежды в культурной практике

ISBN 978-84-949838-0-1

русских. В целом функции одежды можно суммировать в виде следующего списка: 1) естественная первичная — защищающая, 2) идентифицирующая, 3) этикетная, 4) герменевтическая, 5) декоративная, 6) гламурная, 7) игровая.

Этикетная функция в этом списке занимает одну из важнейших позиций и сводится к выполнению таких ролей в различных культурах как: указание на половые различия, статус человека, принадлежность к той или иной категории в обществе (Фокс 2012).

Примечательно, что данная философия культивируется сегодня в формате известной российской телевизионной программы «Модный приговор», в рамках которой дизайнеры пытаются так переодеть участника программы, меняя стиль его одежды, что это будет способствовать, по замыслу авторов, более успешному его продвижению по жизни и реализации его замыслов. Характерно, что в истории мировой культуры во многих странах таких, как Англия, средневековая Япония, и Франция, а также Россия, существовал определенный дресс-код в одежде или правила, предписывающие крой, материал наряда, его цвет и фактуру для людей разного социального статуса, профессии и положения. Отсюда и смысл пословицы — одежда делает человека.

Однако в наш век, век нарушения всех правил, век протеста, игры, бунтарства во всем, никто не придерживается этикетных правил в одежде. Этим объясняется смысл другой пословицы: *(15) Не одежда красит человека, а человек одежду.*

Естественно-первичная функция одежды - защищать от непогоды, обогревать и др., закодирована в базовом смысле следующей пословицы: (16) *Нечем грешное тело прикрыть.* *(17) Гол, как сокол*.

Одежда как атрибут и маркер соответствующих обстоятельств, с которыми должен сообразовываться человек и руководствоваться ими, описывается в пословицах. Метафорический смысл пословиц — если человек принимает нечто на свой счет, значит на то есть объективные причины, ср. в русском языке: *(18) На воре и шапка горит.*

Как видно, одежда выполняет весьма важные функции и символизируется в сознании коммуникантов с помощью достаточно объемного набора смыслов, отражающих значимые стороны и черты жизни.

В современном обществе помимо социально обусловленных функций одежда выполняет и функцию самовыражения индивида, даже в том случае если им утверждается прямо противоположное, т. к. претензии «быть выше моды» - заявление социально значимое само по себе и достаточно громкое. Характерно, что в настоящее время эта функция, вероятно, является одной из преобладающих.

ISBN 978-84-949838-0-1

Вместе с тем нельзя не отметить, что лексический фонд русского языка сегодня значительно пополнился словами, обозначающими предметы одежды, заимстованными из английской культуры, из области моды, что свидетельствует о влиянии английской культуры повседнева на русский менталитет. Итак, какая же одежда ассоциируется у нас с английской культурой? Лексических единиц, номинирующих предметы гардероба, которые вошли в русский язык, довольно много. Например, *макинтош* [— от английского *mackintosh – a waterproof raincoat made of rubberized cloth (any raincoat)* (Collins 1992: 600)] - плащ; *смокинг* [- от анг. dinner jacket, smoking jacket – a loose jacket made of soft expensive cloth, worn at home by men in the past (MacMillan 2011: 1411); *шорты* [- от анг. shorts - trousers that end at or above the knees (Ibid: 1377) ; твид [- от анг. tweed – cloth made of this (thick cloth) (Ibid: 1615); форма, униформа [- от анг. form, uniform – a prescribed identifying set of clothes for the members of an organization] (Collins 1992: 1095) ; бриджи [- от анг. breeches – trousers extending to the knee or just below, worn for riding] (Ibid: 119); оксфорды [- от анг. oxfords – strong leather shoes that you fasten with shoelaces] (MacMillan 2011: 1615); лоферы [- от анг. loafers – a low leather shoe that you slip on and do not need to tie] (Ibid: 885); сникерсы [- от анг. sneakers – a trainer that you wear for playing sports] (Ibid: 1414) и др. слова из сферы гардероба и мира моды.

Семиотика одежды достаточно разнообразна и сложна. Нельзя не отметить, что влияние английского стиля на современную моду сегодня очевидно, хотя бы исходя из того большого количества модных терминов, номинирующих предметы одежды. С другой стороны, культура повседневного стиля в одежде также в значительной степени несет на себе следы влияния английской моды, например, уличный стиль панков, так называемый стиль молодежной моды, стиль гранж, модные тенденции в одежде субкультур «готов» и других эксцентричных групп. По сути, одежда — это форма общения, как подчеркивает К. Фокс, это даже «искусство общения». Именно то, что одежда есть определенная форма коммуникации и объясняет, по мнению автора, тот кризис в современной стилистике одежды, который наблюдается в настоящее время, являясь следствием того, что «все аспекты общения представляют для нас (англичан) трудность, особенно когда нет четких, официальных правил, которым мы должны следовать» (Фокс 2012: 332).

Одежда как знак может указывать на время, откуда она пришла и отсылать в современный контекст. Если взять фотографии людей шестидесятых, восьмидесятых и нулевых годов, то глядя на одежду и прически этих людей, можно с легкостью определить в какое время были сделаны эти фотографии, так как каждое десятилетие характеризуется своей стилистикой и модными тенденциями в одежде. Знаковость одежды проявляется в референции трех уровней: себе, при отражении собственной индивидуальности; контексту (повседневность, торжество,

ISBN 978-84-949838-0-1

др.); общей систематике одежды, принятой в данном обществе (Почепцов 2002: 75). Одежда несет гораздо больше информации о ее обладателе, чем принято считать. Человека дешифруют по одежде: ее цвету, крою, качеству материала и его стоимости, уместности или неуместности данному контексту.

Суммируя сказанное о значимости одежды в повседневной культуре можно вспомнить слова Марка Твена: «Человека красит одежда. Голые люди имеют крайне малое влияние в обществе, а то и совсем никакого» (Твен 2008: 17).

Список литературы

Почепцов Г. Г. (2002). Семиотика. Москва: «Рефл-бук».

Скоттолине Л. (2010). Папина дочка. М.: Ридез Дайджест.

Твен М.(2008). Марк Твен. Афоризмы и шутки. М.: Litres.

Фокс К. (2012). Англия и англичане. То, о чем умалчивают путеводители /пер. с анг. И.П. Норвоселецкой/. Москва: Рипол классик.

Collins (1992). The New Collins Dictionary and Thesaurus /ed. William T. McLeod / Glasgo: Haper Collins Publishers.

MacMillan (2011). MacMillan English Dictionary for Advanced Learners /second ed/. Oxford: MacMillan.

References

Pocheptsov G.G. (2002). Semiotics. Moskva: “Refl-buk”.

Scottoline L. (2010). Father’s Daughter. M: Reader’s Digest.*

Twen M. (2008). Mark Twen. Aphorisms and Jokes. M.: Litres.

Foxs K. (2012). Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. Moskva: Ripol Klassik.

Collins (1992). The New Collins Dictionary and Thesaurus /ed. William T. McLeod / Glasgo: Haper Collins Publishers.

MacMillan (2011). MacMillan English Dictionary for Advanced Learners /second ed/. Oxford: MacMillan.

ISBN 978-84-949838-0-1

ИМПЕРФЕКТИВЫ ТИПА *ХОДИТЬ* И ПЕРФЕКТИВЫ ТИПА *СХОДИТЬ*: СТАТУС АСПЕКТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Самедова Незрин Гусейн гызы
Азербайджанский университет языков, Азербайджан
nezrin.samedova@gmail.com

IMPERFECTIVES LIKE *ХОДИТЬ* AND PERFECTIVES LIKE *СХОДИТЬ*: THE STATUS OF ASPECTUAL RELATIONSHIPS

Samedova Nezrin Gussein gyzy
Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan

АННОТАЦИЯ

В статье разрабатывается нетрадиционный подход к глаголам передвижения типа *идти* и *ходить*. Суть его заключается в том, что одному постулируемому традицией непереходному гомогенному глаголу передвижения типа *идти* или типа *ходить* в нетрадиционном описании противополагаются несколько омонимичных: переходный гомогенный, непереходный гомогенный, переходный негомогенный и непереходный негомогенный. Такой подход позволяет, в частности, постулировать чистовидовые парадигмы типа *ходить / сходить*.

ABSTRACT

The paper develops the non-traditional perspective on locomotion verbs like *идти* and *ходить*. The essence of the approach is that it opposes the traditionally postulated non-transitive homogeneous locomotion verb like *идти* or like *ходить* with several homonymous ones, namely transitive homogeneous, non-transitive homogeneous, transitive non-homogeneous and non-transitive non-homogeneous verbs. This viewpoint allows in particular postulating the purely aspectual paradigms like *ходить / сходить*.

Ключевые слова: ненаправленные глаголы передвижения типа *ходить*, гомогенные и негомогенные имперфективы типа *ходить*, переходные и непереходные имперфективы типа *ходить*, чистовидовые парадигмы типа *ходить / сходить*

Key words: non-directed locomotion verbs like *ходить*, homogeneous and non-homogeneous imperfectives like *ходить*, transitive and non-transitive imperfectives like *ходить*, purely aspectual paradigms like *ходить / сходить*

1. Введение

Анализ богатейшей литературы показывает, что традиционные исследования глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить* приводят к различающимся, порой диаметрально

ISBN 978-84-949838-0-1

противоположным ответам практически на все возникающие вопросы, см. (Samedova 2016, Самедова 2018). Как представляется, бесценная россыпь блестящих идей и наблюдений, принадлежащих нескольким поколениям исследователей, складывается в единую картину, если в корне пересмотреть традиционное описание глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить*. В настоящей статье мы излагаем наш взгляд на одну из деталей этой картины.

2. Состояние вопроса

Как известно, у глаголов типа *ходить* находят, в частности, значение, описываемое как ‘туда и обратно’ (Исаченко 1960: 324; Маслов 2004: 577; Шведова и др. 1970: 346; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2009: 462; Апресян 2013: 55, 57; Зализняк, Шмелёв 2015а: 100; Kagan 2010: 159). Из литературы следует, что данные глаголы могут иметь это значение в определённых грамматических формах и в определённом контексте (Исаченко 1960: 324; Маслов 2004: 577; Караулов и др. 1998: 87; Гловинская 2001: 182), ср. (Kagan 2010: 154 и далее). Ему приписывается различный статус (Исаченко 1960: 312, 324; Маслов 2004: 577; Шведова и др. 1970: 346; Гловинская 2001: 242-243; Kagan 2010: 152). Ю.Д. Апресян трактует его как одно из самостоятельных лексических значений глаголов типа *ходить*. Он детально обосновывает своё решение в работах (Апресян 2006; Апресян 2009; Апресян 2011; Апресян 2013). При этом языковед отмечает, что возможны употребления, промежуточные между различными значениями глаголов типа *ходить* (Апресян 2009: 155). Совершенно отличный подход развивает О. Каган. Она убеждена, что рассматриваемое употребление чаще всего вызвано прагматическими причинами, но допускает, что в остальных случаях имеет место сдвиг в их значении (Kagan: 159-160).

В описаниях перфективов типа *сходить*, как правило, подчёркивается их сильное семантическое сходство с соотносительными имперфективами (Исаченко 1960: 271, 324; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2009: 152; Зализняк, Шмелёв 2015а: 100, 127). Ср. замечание в (Исаченко 1960: 324): «Мы имеем здесь дело со случаем своеобразной "конкуренции видов", аналогичной с такими случаями, как *Этот дом построил / строил талантливый архитектор*». Иными словами, у них тоже находят значение ‘движение, совершаемое туда и обратно’ (Виноградов и др. 1960: 601; Slovari.ru). Что касается отличий, то в семантике *сходить* и под. находят элемент 'однократность' (Исаченко 1960: 322-324; Маслов 2004: 392; Шведова и др. 1980: 371; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2013: 57); ср. (Зализняк, Шмелёв 2015а: 127). Ю.Д. Апресян указывает ещё на три различия. Первое связано с понятием результативность в двух интерпретациях: «Формы НЕСОВ результативны только в смысле выполнения действия, но не смысле достижения результата действия... Между тем формы

ISBN 978-84-949838-0-1

СОВ обозначают… достижение результата действия: *Сходил за хлебом значит, что принес его*» (Апресян 2011: 7) Второе также имеет семантическую природу: «обозначают действие, выполненное за более короткий промежуток времени…» (Апресян 2013: 74). Последнее языковед видит в стилистической окраске: перфективы носят «более разговорный характер» (Там же).

Изложенное объясняет, почему на вопрос о статусе парадигм типа *ходить / сходить* в литературе нет единого ответа. Согласно (Зализняк, Шмелёв 2015a: 100, Зализняк, Микаэлян, Шмелёв 2015 b: 214-215), в описанном значении глаголы типа *ходить* и *сходить* являются видовой парой, так как удовлетворяют критерию Маслова: в итеративном контексте первые заменяют вторые. Ср. утверждение в (Апресян 2011: 7) о том, что это чистовидовые пары, представляющие собой новый, еще не описанный в аспектологии тип видового противопоставления, так как они не соответствуют критерию Маслова. См. характеристику «не совсем точные видовые корреляты» в (Апресян 2013: 74) .

3. Предлагаемое решение

В основе предлагаемого решения лежит опередившая своё время идея Ю.С. Маслова о том, что глаголы передвижения могут иметь как предельное значение, так и непредельное, см., например, (Маслов 2004 : 32, 79, 80, 315, 316, 318, 458, 556). Мы также показываем, что общепринятый подход создаёт неточное представление об интересующем нас участке глагольной системы, когда характеризует часть постулируемых им глаголов (*ходить, идти* и т.д.) как непереходные (см., например, (Виноградов и др. 1960: 412; Шведова и др. 1970: 351; Шведова и др. 1980: 615; Караулов и др. 1998: 332; Шведова, Лопатин 2002; Горбачевич и др. 1991; Апресян 2009: 151, 156); ср. (Карцевский 2004: 110-111; Добровольский 2007: 164; Викисловарь)).

Другими словами, если традиционное описание постулирует один непереходный глагол передвижения, мы предлагаем различать омонимичные гомогенные переходные, гомогенные непереходные, негомогенные переходные и негомогенные непереходные глаголы передвижения.

3.1. Тип *ходить*$^{г.п.}$

…Вплоть до четвертого класса ходил три километра в школу на лыжах (НКРЯ); *Для начала не стали мы ездить со своими соотечественниками на автобусе, который отвозил нас в университет и домой. Ходить было всего километра два…* (НКРЯ); *Да уж, в ноябре ходить этот маршрут за два дня - дело очень, очень сильных но не очень умных* (интернет – далее сокращённо: инт.); *Стометровку бегаю за десять секунд* (НКРЯ); *…Там ходил пешком километров по десять в день, ничего не ел и похудел!* (НКРЯ).

ISBN 978-84-949838-0-1

Проиллюстрируем ещё два проявления переходности у данных глаголов: *Очень красивый и мало кем ходимый маршрут* (инт.); *Вообще эти километры ходятся не ради километров, даже у самых спортивных туристов* (инт.).

Следует отметить, что, во-первых, у традиционно признаваемых переходными глаголов *весить <1 грамм>* и *стоить <1 рубль>* признаков переходности обнаруживается меньше, см. качественный обзор в (Летучий 2014б); во-вторых, глаголы типа *нести – носить*, в отличие от постулируемых нами транзитивов *идти* и *ходить*, способны присоединять два прямых дополнения (см. о подобных глаголах (Там же: 175)): *Тащил Хашема на себе пять километров* (НКРЯ). Любопытно, что возвратные корреляты таких глаголов являются переходными, но способны иметь только одно прямое дополнение, а именно обозначающее расстояние: *До барака оставалось тащиться еще добрый километр…* (НКРЯ) (см. о таких глаголах другое столь же добротное описание того же автора (Летучий 2014а: 236-237)).

Данные глаголы не имеют актуально-длительного значения.

Не исключена их сочетаемость с беспредложными конструкциями "период времени": *Лично я довольно быстрым шагом хожу 4 км (до дачи) за 45 минут* (инт.) – *хожу 4 км 45 минут*.

Чистовидовые корреляты – перфективы типа *заходить* (ингрессивы), *походить* (делимитативы), *проходить* (пердуративы) и *отходить* (финитивы) (о принятой нами аспектологической теории см. доступные зарубежному читателю работы (Самедова 2010, Самедова 2011; Самедова 2013; Самедова 2015: Самедова 2016а; Самедова 2016b)):
Мы сегодня походили километров 11… (инт.); *Всю жизнь пробегав марафоны, он так и не захотел стать тренером* (здесь и далее пример является сконструированным, если не указан источник); *Отбегав по пыльным дорогам свой личный кросс, Я в землю уйду, и затем из моей могилы. Взойдут одуванчики цвета моих волос* (инт.).

Ингрессивы всегда допускают замену конструкциями *стать / начать+ИНФ*, см. пример, сконструированный по аналогии с *Вейкко, в свои 60е годы побежал марафоны за 3.06-3.08. А разньше бегал за 4.30* (инт. – здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены): *Вейкко, в свои 60е годы забегал марафоны за 3.06-3.08 – …стал / начал бегать….*

3.2. Тип *ходить*$^{Г.Нен.}$

Различаются сущности типа А, Б, В и Г.

Глаголы типа А не сочетаются со словами, эксплицитно или имплицитно указывающими на направление передвижения (маршрут, расстояние, территорию, по которой осуществляется передвижение): *Малыш ходит, держась за мебель*; *Он плавает в лягушатнике*; *Человек ходит, рыба плавает, а птица летает*.

ISBN 978-84-949838-0-1

Имеют узуальное, актуально-длительное и потенциальное значения.

Не сочетаются с конструкцией "*за*+период времени". Но сочетаются с беспредложной конструкцией: *Птенец летает одну минуту*.

Глаголы типа Б употребляются со словами, указывающими на пункты передвижения или на его границы: *В парк / До парка ходили за шесть километров*; *Они вдвоем всюду ходили — в театры, в гости, вдвоем работали, вдвоем ездили отдыхать* (НКРЯ); *Видели неоднократно так как ходили коротким маршрутом в столовку через задний двор* (инт.); *Он бегает на средние дистанции*.

Если указана цель передвижения, возможен эллипсис слов, обозначающих конечный пункт: *Я прихожу каждый день, убираю, хожу за продуктами, готовлю, глажу*… (НКРЯ).

Не имеют актуально-длительного значения.

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования: *Он бегает на средние дистанции за рекордное время* (см. один из вариантов восстановления эллипсиса в *Она обожает физкультуру: прыгает в длину дальше пацанов, бегает за рекордное время* (инт.)); *За шесть километров в парк он ходит (за) час* (ср. *Высокий, отрешенный от всего Алексей Александрович обычно ходит на работу пешком, размашистым шагом, всего полчаса через сосново-березовый лес, шурша опавшими листьями* (инт.)); *Коротким маршрутом до столовки ходили минут 5 / за минут 5*.

Тип В обозначает многократное передвижение в течение определённого периода времени в определённом направлении. При этом имплицируется, что каждый раз имеет место передвижение обратно в исходный пункт. Возможен эллипсис одного из пунктов, особенно если обозначена цель передвижения: *Уже два часа птица летает туда и обратно / из конца в конец ангара / с крыши в сарай*; *Малыш бегает* (*за мячом*) *с горки / к тому дереву*.

Данный тип имеет ярко выраженное итеративное значение и употребляется как узуально, так и актуально.

Не сочетается с конструкцией "*за*+период времени".

Тип Г обозначает многократное передвижение по множеству мест, обладающих общим признаком, или по определённой территории. Возможен эллипсис слов, называющих конечные пункты передвижений, если указана цель передвижения: *Ольга стремится сделать жизнь как можно более насыщенной и полной. ...Они вместе ходят по театрам, музеям и паркам* (инт.); *Попробуйте следующие неожиданные варианты: - ходите по торговому залу большого гипермаркета. Делать покупки при этом необязательно; - ходите по стоянке крупного торгового центра. Там всегда чисто и светло; - ходите по школьному двору или стадиону* (инт.).

ISBN 978-84-949838-0-1

Имеет узуальное значение, не имеет актуально-длительного.

Не сочетается с конструкцией "*за*+период времени".

Чистовидовые корреляты всех четырёх типов (А, Б, В и Г) – ингрессивы, делимитативы, пердуративы, финитивы. См., например:

Сотворил Сварогъ рыб, зверей и птах. …Стали птицы летать в подоблачье, стали звери в лесах прорыскивать, а по водам – рыбы заплавали (инт.); *После этого случая я забегал на средние дистанции; Он быстро заходил из угла в угол; Под влиянием Ольги он заходил по музеям. Ничего, пожил, походил по земле, хватит!..* (инт.); *В общем я два дня походил в парк и был сыт фестивалем* (инт.); *Походил из угла в угол и успокоился; …Мы решили немного походить и по музеям…* (инт.). *Не долго проходил по земле* (инт.); *Проходила в этот клуб 3 недели…* (инт.); *Проходил час от сарая к воротам и уморился*; *Проходили час по музею, вернулись домой. На уход поэта… откликнулся поразительными, бережно-виноватыми строками: Отходил по земле Коваленков…* (инт.); *Я отбегал на средние дистанции. Теперь специализируюсь на длинных; После того полёта сказал: «Всё. Отлетал я в Африку»*. *После того спектакля сказал: «Всё. Отходил я по театрам»*.

Ингрессивы всегда допускают замену конструкциями *стать / начать+ИНФ*.

3.3. Тип *ходить*$^{Нег.П.}$

Сегодня ходила свои несколько ежедневных километров и увидела гранаты (инт.); *А еще мы положим в ваш рюкзак груз общественный — десять банок мясных консервов. Мы рассчитываем ходить по двадцать километров в день* (НКРЯ); *Утром муж все равно на работу в пол 8, и ее отвезет и мне не придется 2 раза ходить эту дорогу* (инт.); *С месяц тому назад ходил эту дорогу пешком, понравилась, но перед самой деревней – болото* (инт.);

Где можно узнать результат Разумова Дениса М12? В списках он не значиться совсем, хотя точно бегал дистанцию и проходил через финиш (инт.).

Не имеет узуального значения, но имеет актуально-длительное: *Чичваркина встретил три года назад, когда бегал марафон* (инт.); *Терри Фокс, парень одноногий, по Канаде когда бегал марафон, чтобы привлечь внимание к раковым заболеваниям, то его сопровождал автомобиль, и они держали коробку для сбора пожертвований* (инт.).

Из примеров видно, что имеет общефактическое значение.

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования: *Так ослабла, что свои 4 километра до дачи сегодня ходила два часа*; *Слепой в маске бегает стометровку за 10.3… между переулками ночью…* (описание эпизода из фильма – инт.).

Чистовидовые корреляты – финальные перфективы типа *отходить*, *проходить*, *сходить*. Судя по всему, в описываемом значении все три типа перфективов в словарях не

ISBN 978-84-949838-0-1

отмечены, см. (Slovari.ru; ИЛБД). См. иллюстрации и комментарии.

а) Тип *отходить*: *Я только что отбегал стометровку и сидел на трибуне, стараясь сделать вид, что совершенно безразличен и непричастен ко всему, что происходит…* (инт.); *И за два дня, отбегав по болотам, кустам и полям не менее пятнадцати километров и расстреляв почти две коробки старых патронных запасов, был безмерно счастлив…* (инт.)

б) Тип *проходить*: *Замечу, что бетоном залиты под одно и пляжи соседних отелей, проходил метров 500, в обе стороны* (инт.); *Угловой удар Хавьер подает угловой Тайсон проходил метров 30, но отдал неточный пас* (инт.). Укажем, что их следует отличать от омонимичных пердуративов (см., например, (Zinova, Osswald 2014a; Zinova, Osswald 2014b)), ср. *проходить километр за 10 минут* и *проходить 10 минут*. Неправильность **проходить километр 10 минут* объясняется смешением данных омонимов. Из-за смешения с омонимичными имперфективам может возникать неоднозначность: *Школьники проходили маршрут, который состоял из трёх этапов. Первый этап они прошли за 10 минут со скоростью 120м/мин, второй этап они пробежали за 6 минут со скоростью 400м/мин, оставшиеся 500м они проехали на велосипедах. Найди, какой маршрут они преодолели* (инт.)

в) Тип *сходить* (на эти перфективы любезно обратил моё внимание М.Л. Федотов) представляется разговорным: *Кто ходил маршрут "Советские Ботаники" на Ай-Петри? Хотим сходит этим летом* (инт.); *Сходил метров 100 – смотрю вроде неплохая дорога со следами отсыпки и со следами автомобилей* (инт.).

3.4. Тип *ходить*$^{Нег.Нап.}$

Глаголы типа А обозначают единичное передвижение и употребляются со словами, указывающими на его границы: *Ходили маршрутом с рабочим по Магаданской области в начале 2000-х. Конец мая-начало июня…* (инт.); *В них выступала сборная Италии на Олимпийских играх 1948 года в Лондоне. Оттавио и сам был членом команды – бегал на дистанцию 400 метров с препятствиями* (инт.).

Не имеют узуального значения, но имеют актуально-длительное, а также общефактическое (см. примеры выше): *Эта группа сейчас ходит маршрутом «Советские ботаники»*.

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования.

Из трёх гипотетически возможных чистовидовых коррелятов – финальных перфективов типа *отходить*, *проходить* и *сходить* (см. описание негомогенных переходных глаголов типа *ходить* и негомогенных непереходных глаголов *ходить* типа В) – нам встретился только один: *Тогда обязательно сходим по всему советскому маршруту, до границы* (НКРЯ); *Сходил метров на 150 вверх пофоткал* (инт.); *У нас еще тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу,*

ISBN 978-84-949838-0-1

сбегать наперегонки до стены фабрики… (инт.). Представляется, однако, что перфективы типа *пробегать* и *отбегать* допустимы, см.: *Сам был членом команды – пробегал / отбегал на дистанцию 400 метров с препятствиями*.

Глаголы типа Б обозначают единичное передвижение и употребляются со словами, обозначающими его конечный пункт. Часты случаи эллипсиса этих слов, если указана цель передвижения: *Помню: ходили однажды далеко, километров за десять, в село Городок…* (НКРЯ); *…Помнишь, недели полторы назад, когда мы ходили гулять в любимую мою рощу…* (НКРЯ); *А вот муж с Сашкой нагулялись до позднего вечера. Ходили в зоопарк, в парк Горького, обязательно в Макдональдс (у нас пока нет такого), зашли и на Красную площадь* (НКРЯ); *Каждое утро ходил за молоком*.

Глаголы данного типа выделяются среди всех остальных омонимичных глаголов *ходить* своими специфическими чертами.

Прежде всего это касается парадигмы данных глаголов. Так, нам неизвестны случаи употребления форм настоящего времени (как личных, так и причастия), см. неестественность сконструированного примера: **Я не дома, я хожу в магазин, вернусь – перезвоню*. Можно думать, что рассматриваемая парадигма является в этом отношении дефектной.

Кроме того, с точки зрения правильности различаются ряд утвердительных и отрицательных форм. Ср., например: **Я буду ходить сегодня на пляж – Я не буду ходить сегодня на пляж*; **Ходи сегодня на пляж – Не ходи сегодня на пляж*; **Я бы ходил сегодня на пляж – Я бы не ходил сегодня на пляж; *Ты хочешь ходить сегодня на пляж? – Ты не хочешь ходить сегодня на пляж?*; **Можешь ходить сегодня на тренировку – Можешь не ходить сегодня на тренировку*. Можно видеть, что утвердительными коррелятами неправильных предложений во многих случаях являются предложения с соответствующими формами глагола *идти*, см. о некоторых закономерностях в (Samedova 2016). См. также выразительный пример: *Сам Яковлев в интервью рассказал, что обсуждал с Путиным свое выдвижение: "С Владимиром Владимировичем мы говорили. Он не говорил "не ходи" или "иди"* (инт.).

Специального исследования ждут также синтагматические видовые значения данного глагола. Как представляется, для него характерно общефактическое значение и он неохотно употребляется в актуально-длительном. Так, в известных нам (немногочисленных) сложных предложениях с союзом *когда* он встречается исключительно в придаточной части: *Когда вчера я ходил в школу, я встретил приятеля* (Карцевский 2004: 137). Ср. данные НКРЯ.

Думается, изложенные факты представляют собой проявления серьёзной конкуренции данного типа ненаправленных негомогенных непереходных глаголов с направленными негомогенными непереходными глаголами типа *идти*.

ISBN 978-84-949838-0-1

Сочетаемость рассматриваемых глаглов с конструкциями "период времени" ждёт исследования.

Чистовидовой коррелят (как и в случае с глаголами типа А, но не типа В) – финальный перфектив *сходить*: *...Сходили погулять по улице Ленина, обсуждая во время прогулки новые моды, наведались в театр...* (НКРЯ); *Может, вам сходить, поинтересоваться* (НКРЯ).

Следует отметить, что значение членов рассматриваемых чистовидовых парадигм типа *ходить* / *сходить* не содержит сему ‘обратно’, ср. (а) и (б) примеры: а) *В конце концов сходил в амбулаторию, оттуда послали его в тубдиспансер…* (НКРЯ) – б) *...ходил в амбулаторию, оттуда послали его в тубдиспансер*; а) *Я сбегал на Сретенку в «Гастроном» купить что-нибудь поесть, но полки были пустые…* (НКРЯ) – б) *...бегал в гастроном, но полки были пустые*; а) *Прохор фыркал, отдувался, гоготал, сплавал на ту сторону, нарвал фиалок и царских кудрей, расцветил букет огнями желтых лилий и поплыл обратно* (НКРЯ) – б) *…плавал на ту сторону, нарвал фиалок…, поплыл обратно*.

Глаголы типа В обозначают единичное передвижение по множеству мест, обладающих общим признаком, или по определённой территории: *Вчерась ходили по магазинам — мальчишек одевали* (НКРЯ); *Сегодня, пока бегал по делам, обнаружил в полковом клубе библиотеку, и, говорят, она даже иногда работает* (НКРЯ); *Вчера мы ходили с Петей по зайцам* (НКРЯ); *Вчера ходил дозором по деревне, сильно намерзся и думал* (НКРЯ).

Не имеют узуального значения, но имеют актуально-длительное, а также общефактическое, см. примеры выше.

Не сочетаются с конструкцией "*за*+период времени".

Чистовидовые корреляты – финальные перфективы типа *отходить*, *проходить*, *сходить*: *Отбегав по лесу в свое удовольствие, вернулась на полянку, достала плащ, надела, вышла из лесу, прошла к городу…* (инт.); *Отбегав по мокрой траве пару часов, я прекрасно позавтракал взятым из дома, нехитрым провиантом и лег спать в машине* (инт.); *Бодро отбегав по процедурам, наговорившись с соседками по палате, пококетничав со всеми врачами-мужчинами, женщина, тем не менее, уверяла сына, что дела ее плохи, как никогда* (инт.); *Отбегав по розариям Дуэ-ля-Фонтена, на закуску мы оставили посещение знаменитого (как мы поняли из Интернета) розария «Жардироз» («Jardirose»)* (инт.). *Пробегав по оптовым рынкам на «Новослободской» и на «Водном стадионе», где от таких названий продавщицы краснели, словно я спрашивал что-то неприличное, добрался до Даниловского рынка* (НКРЯ); *Пробегав более часа по всем перекресткам — я остановился* (НКРЯ); *Пробегав по всем знакомым и друзьям, ровно через час Вася опять сидел в кабинете с каким-то свертком и конвертом в руке* (инт.); *Пробегав по всей Зоне и узнав, что Стрелок*

ISBN 978-84-949838-0-1

отправился в поход к Центру Зоны, и что он уже почти близко к цели, Лебедев собрал всех своих бойцов и повёл их против врага (инт.). *Встав раненько с утра и сбегав по всем своим делам, я снова завалилась спать, ибо надо же подготовиться* (инт.); *Сбегав по домам, чтобы переодеться, так как утренняя прохлада уже прошла и день обещал быть жарким, парни встретились у дверей* (инт.); *Эти инвайты я, как правило, не использую, сбегав по ссылкам и посмотрев, куда меня пытаются затащить – ничего интересного для себя не увидела пока что* (инт.); *Вчера сходил дозором по улице*.

3.5. Проблема идентификации

Несмотря на то что каждый из разграниченных омонимов обладает идиосинкратическим сочетанием свойств, конкретные примеры их употребления, естественно, не всегда поддаются точной идентификации, см.: *"…У нас уже так 15 лет никто не бегал", – сказал Бодров после забега* (инт.). Поскольку мы не можем однозначно утверждать, что здесь имеет место эллипсис, *бегал* допустимо интерпретировать как гомогенный или негомогенный, переходный или непереходный. Можно видеть, однако, что имеющая место неоднозначность ничуть не препятствует успешной коммуникации.

4. Заключение

Думается, что разграничение переходных и непереходных, гомогенных и негомогенных глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить* является надёжной отправной точкой на пути, ведущем к их непротиворечивому, исчерпывающему, предельно простому описанию. Уже на данном этапе исследования оно позволяет увидеть, что системные связи и поведение этих слов подчиняются закономерностям русской глагольной системы (Samedova 2016; Самедова 2018). Дальнейший анализ как уже представленного, так и пока не охваченного материала выявит ещё немало тонких, изящных деталей картины, которая сложнее и многообразнее той, что представлялась нам раньше и видится сейчас.

Список литературы

Апресян Ю.Д. и др. (2006): Языковая картина мира и системная лексикография. Москва: Языки славянских культур.

Апресян Ю.Д. (2009): Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. Москва: Языки славянских культур.

Апресян Ю.Д. (2011): Вид в активном словаре русского языка, Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по Аспектологии

ISBN 978-84-949838-0-1

Международного Комитета Славистов. Падуя: Падуанский университет, 4-9.

Апресян Ю.Д. (2013): Бегать и бежать: словарные статьи "Активного словаря русского языка", Московский лингвистический журнал. 15, 46-74.

Викисловарь. Бежать. https://ru.wiktionary.org/wiki/бежать (дата обращения: 10.09.18).

Виноградов В.В. и др. (1960): Грамматика русского языка. Т. 1. Москва: Издательство АН СССР.

Гловинская М.Я. (2001): Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: "Азбуковник" – "Русские словари".

Горбачевич К.С. и др. (1991): Словарь современного русского литературного языка. Т.1. М.: Русский язык.

Добровольский Д.О. (2007): Структура многозначности в различных языках (на материале глаголов движения русского и немецкого языков), Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». Москва: Изд-во РГГУ.

Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. (2015a): Введение в русскую аспектологию, Русская аспектология: В защиту видовой пары. Москва: Языки славянской культуры, 15-151.

Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелёв А.Д. (2015b): Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары, Русская аспектология: В защиту видовой пары. Москва: Языки славянской культуры, 214-215.

ИЛБД: Интегрированная лексикографическая база данных http://gramma.spbu.ru (дата обращения: 10.09.18).

Исаченко А.В. (1960): Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2: Морфология. Братислава: Издательство Словацкой Академии Наук.

Караулов Ю.Н. и др. (1998): Русский язык. Москва: Большая Российская энциклопедия: Дрофа.

Карцевский С.И. (2004): Система русского глагола, Из лингвистического наследия. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 31-207.

Летучий А. Б. (2014a): Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. Москва.

Летучий А. Б. (2014b): Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. Москва.

Маслов Ю.С. (2004): Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. Москва: Языки славянской культуры.

Шведова Н.Ю. и др. (1970): Грамматика современного русского литературного языка. Москва:

ISBN 978-84-949838-0-1

Наука.

Шведова Н.Ю. и др. (1980): Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука.

Шведова Н.Ю., Лопатин В.В. (2002): Краткая русская грамматика. Москва: Педагогическая книга.

Самедова Н.Г.(2010): Об одной аспектологической теории (в связи с вопросом о потенциале структурной лингвистики), Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В.А. Звегинцева: Материалы конференции. М.: изд-во Моск. ун-та, 77-78.

Самедова Н.Г. (2011): О статусе видовой парадигмы прыгать / прыгнуть, Категории глагольной множественности в славянских и неславянских языках (синхрония и диахрония). Скопье: филолошки факултет «Блаже Конески», 59-78.

Самедова Н.Г. (2013): Омонимические конструкции стать+инфинитив: закономерности поведения, Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae sectio linguistica XXX. Szeged, 151-170.

Самедова Н.Г. (2015): Перфективность и сема ‘процесс’: о когнитивном аспекте взаимодействия, Труды Пятой конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития". Киото: изд-во ун-та Киото Сенгё, 248-254.

Самедова Н.Г. (2016a): К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории), III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва: изд-во Моск. Ун-та, 35-38.

Самедова Н.Г. (2016b): Об актуальности взглядов Б.Н. Головина на проблему видового значения, Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского, 144-148.

Самедова Н.Г. (2018): Традиционное описание глаголов передвижения типа идти – ходить: о проблемах и о пути их решения, Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta linguistica Petropolitana (сдана на рецензирование).

References

Kagan O. (2010): Aspects of motion: On the semantics and pragmatics of indeterminate aspect, New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: John Benjamins, 141-162.

Samedova N.G. (2016): Verbs of locomotion like идти (to go) – ходить (to walk): some thoughts on their semantic description, LEGE ARTIS. Language yesterday, today, tomorrow, 1. De Gruyter Open,

ISBN 978-84-949838-0-1

308-358. DOI: 10.1515/lart-2016-0007 (дата обращения: 10.09.18).

Slovari.ru http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221 (дата обращения: 10.09.18).

Zinova IU., Osswald R. (2014a): A frame-semantic analysis of Russian verbs of motion, Szklarska Poreba Workshop, 11-12.
https://sites.google.com/site/szklarskaporebaworkshop/program

Zinova IU., Osswald R. (2014b): A frame-semantic analysis of Russian verbs of Motion (Slides), Szklarska Poreba Workshop. 2014. https://www.academia.edu/6220166/A_frame-semantic_analysis_of_Russian_verbs_of_motion

ISBN 978-84-949838-0-1

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ЗАПРЕТОВ)

Сванидзе Кетеван Автандиловна
Батумский государственный университет имени Шота Руставели, Грузия
ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

SPEECH ETIQUETTE AND THE DISTRIBUTION OF SOCIAL ROLES (BASEN ON RUSSIAN PROVERBIAL PROHIBITIONS)

Svanidze Ketevan
Shota Rustaveli State University, Georgia
ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

АННОТАЦИЯ

Обусловленность речи субъектом признаётся лингвистами общим организующим принципом. Сопряжённость текста с практическими действиями человека, его конкретными поступками или творческой деятельностью выводит нас на такой важный аспект в процессе изучения пословичных текстов, как сферы проявления нормативных отношений. В пословичных текстах запретителем является субъект, по воле которого происходит выбор средств запрета. Однако, выбор средств запрета происходит и с учётом социального статуса адресата. И поскольку пословица – это норма, к которой пришло данное общество путём наблюдений на протяжении веков, объектом запрета обычно выступает отдельный индивид, запретителем – общество, а формой запрета – императив.

ABSTRACT

The linguists recognize the conditionality of speech as the general organizing principle. Conjugation of the text with practical actions, its concrete steps or creative activity leads us to such an important aspect in the process of studying proverbial texts as a sphere of manifestation of normative relations. In proverbial texts, the prohibitor is a subject, at whose will there is a choice of means of prohibition. However, the choice of means of prohibition also takes into account the social status of the addressee. And since the proverb is the norm to which this society came, - the prohibition is society, and the freedom of prohibition is an imperative.

Ключевые слова: речевой этикет; эквивалентная и неэквивалентная социальность; субъектно-объектная градация.

Keywords: speech etiquette; equivalent and equivalent sociality; the subject-object gradation.

Еще в древности в человеческом обществе стали наблюдаться борьба и несогласие между людьми в связи с общественным разделением труда. Это первое общественное разделение труда явилось и первой социальной дифференциацией внутри рода, племени, в рамках первобытного строя. Возникли общественные различия. Общество разделилось на две

ISBN 978-84-949838-0-1

части – представителям одной части предоставляются почти все права, а на другой взваливаются почти все обязанности. Они не сосуществуют, подчиняя и подчиняясь, безоговорочно и бесконфликтно. Усилились противоречия между ними, кроме того, возросли противоречия не только между, но и внутри классов. Вместе с тем зарождались язык, религия и искусство.

Собственность, неравноправие, классы и религиозные идеологии, изменения в социальной структуре находят отражение в языке. Все единицы языка и их варианты, все формы, все функции и все значения в языке представляют собой социально обусловленные социализированные отношения. Иначе говоря, меняются социальные отношения, меняется язык.

Поскольку люди непроизвольно разделяют взгляды и позиции того социального класса, к которому принадлежат, «на основе действия сложных внутренних механизмов человек невольно становится представителем и защитником своего класса» (Надирашвили,1979:116**)**, соответственно, и норм, удовлетворяющих его запросы и требования, поэтому потребовалось наличие средства усиленного воздействия на человека – представителя противоположного класса или же члена своего же коллектива при внутри коллективных противоречиях. И эту функцию успешно могли выполнять произведения устного народного творчества.

Пословица, будучи неразрывно связана с определенным обществом и конкретным моментом истории, вместе с тем отражает и осмысляет народную мудрость, выведенную в результате долгих наблюдений и умозаключений. Язык изначально отражал жизнь – труд, отдых и многое другое, а далее стал отражать социальные нормы в форме пословиц (и не только).

Пословичные противопоставления основаны, как правило, на полярных оппозициях *(высший свет – нищета):* господствующий класс, с целью (как бы) оправдать свои действия, наделяет неимущих всевозможными пороками, принижает ух умственные способности. А простой народ в живой действительности «не видел никакого средства управиться со своими поработителями и должен был безмолвно склониться пред их силою. Но тяжела была ему покорность, и он все не оставлял мечтать о лучшей жизни. И он создавал пословицы – иронически характеризующие бояр» (Добролюбов 1971: 65). Следовательно, происхождение пословиц, как отражений дифференциации общества было обусловлено именно влиянием общества.

Говорящий представляет предметы, события и т.п. посредством текста так, чтобы было достигнуто определенное воздействие на адресата, и чтобы были выполнены определенные коммуникативные задачи. Важную роль в этом плане играют национально-специфические

ISBN 978-84-949838-0-1

правила поведения, как речевого, так неречевого. Именно такая особая система социального поведения и устойчивых формул обращения обозначается термином речевой этикет.

Любые средства выражения отношения к собеседнику, будь то слова или жесты приветствия, прощания или др. существуют не сами по себе, а лишь по отношению к другому человеку. И их обязательное повседневное и повсеместное соблюдение и исполнение – необходимое условие общения. Этикет поведения, неречевой этикет вербально обслуживает речевой этикет. Наряду с невербальным он отмечает в акте коммуникации множество социально значимых позиций, в том числе и степень знакомства/незнакомства коммуникантов, равенство/неравенство их в ситуации общения. К вербальным социально-символическим средствам можно отнести выбор стиля произношения, намеренную имитацию произносительных навыков социальной группы, принадлежность к которой демонстрируется, намеренный выбор одной из форм языка в качестве средств общения, выбор форм обращения.

Язык не может не подчиняться определенным правилам, ситуативно-обусловленным употреблениям языковых средств, ибо как говорящий, так и слушающий должны обладать навыками, отличающимися высокой степенью сложности:

- с одной стороны – языковой выбор говорящего предполагает значительные сведения о состоянии и статусе адресата;
- с другой стороны – слушающий же, отдает себе отчет в том, кто (по социальному положению) с ним говорит и каков его социальный статус по сравнению с его собственным. В зависимости от этого он оценивает и свою собственную роль, свое значение и место в данном акте коммуникации.

В контактной визуальной диалогической речи проявляется двусторонняя социальность: с одной стороны, социальность речи первого собеседника, с другой – социальность речи второго собеседника. Если оба собеседника являются представителями одной и той же социальной группы, одного и того же поколения, одного мировоззрения, одного и того же общеобразовательного и культурного уровня, то содержание социальности диалогической визуальной речи первого собеседника может совпадать с содержанием социальности речи второго собеседника. Двусторонняя контактная визуальная социальность можно назвать эквивалентной.

Двусторонняя социальность может быть и неэквивалентной. Параметры социальности первого собеседника могут отличаться от параметров социальности второго, т.е. могут не совпадать их общественно-социальный статус, уровень общеобразовательного и культурного развития, они могут быть представителями разных социальных групп и разных возрастных, а также половых групп.

ISBN 978-84-949838-0-1

Это – разносоциальные собеседники. Но бывают и случаи, когда одни параметры у двух собеседников одинаковы, а другие – разные. Таких собеседников можно назвать собеседниками со смешанными параметрами или **смешанными социальными признаками**. С практической и теоретической точек зрения важно учитывать эти и другие отличительные особенности проявления социальности в контактной двусторонней визуальной внешней диалогической и монологической речи.

Вопрос о социальных ролях, говорящих в процессе общения существенен для понимания речевого этикета. В пословицах явно проявляется, какие по положению (общественному или другому) люди общаются в данный момент, если не в обращениях, то в других компонентах текста. Обращения типа *Солома, Середа* (*Солома, с огнем не дружись*) могут быть абсолютно нейтральными, но *не суйся, рыло* (***Не суйся**, Середа, наперед четверга; Ах ты, Вавила! Не берись за вилы, не умывши **рыла**; Со свиным **рылом** в калачный ряд **не суйся**!*) можно сказать лишь равному или стоящему на более низкой ступени общественной лестницы, но ни в коем случае не старшему по возрасту или по общественному положению. Если общаются равные по положению или возрасту собеседники, тогда ситуация оказывается симметричной. А если общаются неравные собеседники, то и это находит в пословицах яркое отражение. Мы встречаем противопоставление по признакам: старший – младший, т.е. различие в возрасте, барин – холоп, различие по общественному положению. В таких (и других) случаях ситуация оказывается асимметричной.

Общество вырабатывает ритуальные формы поведения (в том числе и речевого) при установлении и поддержании контакта с собеседником и требует от носителей языка соблюдения этих правил.

С раннего детства люди научаются пользоваться этикетными знаками, формулами приветствия, прощания, извинения, благодарности и т.д. и негативно реагируют на несоблюдение или нарушение таких правил со стороны собеседника. Носители языка объединены в социум, пользующийся широким набором как общеупотребительных, так и стилистически ограниченных выражений речевого этикета. Поэтому, даже тогда, когда человек, попадает в совершенно различные условия общения, скажем, в одном случае он может быть говорящим, произносящим пословицу, т.е. воздействующим лицом, а в другом случае он сам может стать адресатом, слушающим, следовательно, и объектом воздействия. В зависимости от этого он может иметь различный статус в соотношении старший – младший или учитель – ученик (а также во многих других ситуациях), и в зависимости от социального статуса собеседника, а также, естественно, своего собственного, он способен провести отбор средств языка, речевого этикета при осуществлении общения. Даже воспроизводя,

ISBN 978-84-949838-0-1

репродуцируя такие готовые тексты как пословицы, говорящий все же действует не механически, а производит сложную операцию отбора в речевой акт того из наличных выражений, которое оказывается наиболее уместным для данной обстановки общения, включая сложные оттенки взаимоотношений общающихся, как постоянных, так и возникающих в момент контакта.

При отборе и при выборе средств, необходимых для осуществления контакта необходимым требованием является учет их стилистической окраски. И стилистическая маркированность выражений речевого этикета обеспечивается в первую очередь официальностью и неофициальностью обстановки общения, характером взаимоотношений общающихся и их принадлежностью к различным социальным группам.

Теоретическое осмысление речевой коммуникации, – в каких бы представлениях и терминах оно не осуществилось – вряд ли возможно без учета межличностных взаимоотношений в рамках социальных групп.

Всеобщность многих социальных отношений требует включения людей в определенные акты общения, взаимодействия личности с другим членом группы. В языкознании и теории коммуникации любые ситуации общения характеризуются, сопоставляются, классифицируются с учетом (наряду с целью общения, воздействием на адресата, ситуацией общения и содержанием общения) таких компонентов (имеющих место в любой коммуникативной ситуации), как 1) адресант, т.е. говорящий или пишущий; 2) адресат, т.е. слушающий или читающий. Следовательно, речевое общение и такая его разновидность как РВ, и каковым являются функционирование пословицы, адекватно могут быть описаны только в виду системы дополнительных по отношению друг к другу моделей, построенных с точки зрения субъекта воздействия и объекта воздействия.

При описании акта общения как РВ, имеется в виду позиция одного из коммуникантов, который фигурирует как субъект воздействия только потому, что «в глазах наблюдателя он демонстрирует большую активность, продуцируя речевые тексты, в то время как объект воздействия воспринимает их, что предполагает не меньшую активность, но активность внутреннюю» (Тарасов 1990: 9).

Использование схемы «субъект – объект» для описания общения в целом и РВ в частности дает возможность ввести в исследование речевого воздействия развитый понятийный аппарат теории деятельности, а построение дополняющих друг друга моделей акта общения позволяет более адекватно отобразить деятельность коммуникантов.

С точки зрения субъекта речевого воздействия, оно строится как общение, в структуре которого осуществляется побуждение к совершению некоторой деятельности. Если

ISBN 978-84-949838-0-1

коммуниканты связаны отношениями субординации в рамках определенной социальной структуры, то речевое воздействие может быть сведено к императивному требованию, адресованному обладателем более высокого социального статуса владельцу более низкого статуса совершить указанную деятельность. Пословичные запреты как раз представляют собой акты общения коммуникантов, связанных отношениями координации, когда субъект воздействия может предъявить императивные требования объекту или, в крайнем случае, побудить к добровольному совершению дейятвия.

Категория субъекта, автора текста является центральной категорией. Повседневному человеческому общению присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка. Именно автор «манифестирует тот организующий принцип, которому подчиняются прочие языковые средства в их партитурном звучании для создания цельного, связного и, что наиболее существенно с точки зрения проблематики типологии текстов в коммуникативном разнообразии, ситуативной адекватности текста» (Адмони 1988: 211).

Обусловленность речи субъектом признается лингвистами как общий организующий принцип. В пословичных текстах автор представляет в совокупности своих социальных и психологических свойств, создавая в тексте свой образ как доминанту над объектом. Но, поскольку пословицы удовлетворяют запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных групп, отдельных представителей, не удивительно, что среди пословиц любого народа есть самые различные, в том числе и такие, которые отнюдь не выглядят мудрыми. Об этом мы уже говорили выше. Можно лишь добавить, что подлинное произведение искусства всегда несет на себе отпечаток личности его создателя, его взглядов и убеждений. А автором пословицы может выступать любой субъект, любой член общества.

В пословичных запретах субъект является запретителем. Выбор средств запрета происходит по воле автора. Но в нормальной речевой обстановке должны присутствовать как субъект, так и объект, и эти параметры, параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы, что обеспечивает правильное ведение коммуникации. Соответственно, выбор средств запрета происходит и с учетом социального статуса адресата. И поскольку пословица – это норма, к которой пришло данное общество путем наблюдений на протяжении веков, объектом запрета, обычно выступает отдельный индивид, запретителем – общество, а форма запрета – императив. Обработка речи происходит под давлением фактора адресата. Поэтому необходимо выделить в качестве критерия отбора языковых средств ориентированность на адресата.

Соотношения «субъект – объект» могут быть разные:

ISBN 978-84-949838-0-1

а) *общество запрещает индивиду* – соотношение, наиболее часто встречаемое с той точки зрения, что пословицы – результат многовекового наблюдения, возведенный в ранг нормы, правила, именно данным обществом и в пословицах явно чувствуется присутствие общества, его почерк. В них предметом обсуждения становится то, что затрагивает интересы не отдельно взятой личности или выделившейся из общества группы, а непременно всего коллектива как целого:

Без дела жить – только небо коптить;

Не за свое дело не берись, а за своим не ленись и т. п.;

б) *индивид запрещает индивиду* – такое соотношение имеет место только тогда, когда запрет касается межличностных отношений:

Хочешь есть калачи, так не сиди на печи;

Не ищут дороги, а спрашивают;

Не бойся дороги. Были бы кони здоровы и т. п.;

в) *индивид запрещает обществу* – наименее встречающийся тип пословичных запретов. В таком случае запрет не категоричен, наоборот, он как бы заключает в себе просьбу:

Не спешите казнить, дайте слово молвить;

Не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет;

От работы не будешь богат, а будешь горбат и т. п.;

г) *общество запрещает обществу* – такое соотношение, наверное, выводит нас на межкультурные несогласия и противоречия.

Сопряженность текста с практическими действиями человека, его конкретными поступками или творческой деятельностью выводит нас на такой важный аспект в процессе изучения пословичных текстов, как сферы проявления нормативных отношений.

Разнообразными являются и сферы, в которых возникают и применяются пословицы. Языковые средства – это культурные элементы языка, отражающие социальную реальность. На этой основе можно выделить и сферы возникновения и функционирования пословиц.

Основной социально-экономической ячейкой общества являлась патриархальная семья, «включавшая в свой состав на правах ее младших членов и рабов. В хозяйственной жизни и семейных отношениях главную роль стал играть мужчина, следовательно, мы можем размышлять в терминах первичных отношений в первичных социальных группах, или сферах, если использовать распространенный в социолингвистике термин «сфера семьи», содержащая отношения:

(1) семейной иерархии: родитель – ребенок (отец, мать - сын, дочь);

(2) половой иерархии: мужчина – женщина, муж – жена, брат – сестра;

ISBN 978-84-949838-0-1

Не менее важное место в пословичных запретах занимает и возрастная иерархия, касающаяся как членов одной семьи, так и разных семей, разграничивая людей старших, «уважаемых за свои лета по естественному чувству крови, которое ставило старика молодому вместо отца» (Афанасьев 1986: 27). К этому чувству крови присоединялось понятие о большой опытности старого человека. Знания приобретаются опытом жизни, испытанием судьбы, бывалостью в различных обстоятельствах. Для всех младших членов семьи (и не только своей) он был вместо отца. Его власти надо было подчиняться, как власти старшего. По этому признаку общество дифференцировалось на старших (по возрасту и по опыту) и младших.

(3) старый – молодой

(4) более опытный – менее опытный, неопытный

Такие отношения проявляются, обычно, внутри общества, трудового коллектива.

Наиболее интересным представляется нам директивная иерархия. В этой связи следует отметить, что раньше фольклор считался результатом мыслительной деятельности лишь простого народа, между тем, как справедливо отмечает В.Е. Гусев, «изучая пословицы хотя бы в сборнике Даля, мы без труда наблюдаем в них перекличку явно враждебных голосов

Умная голова сто голов кормит

Нет в голове, нет и в мошне.

Это голос богатства, связывающего зажиточность с умом, с изворотливостью – голос богатея, который считает бедняка дурнем.

Иван-дурак отвечает своими пословицами:

У богатого гумна и свинья умна

Мужик сер, да ум-то у него не волк съел

У барина и свинья барской породы» (Гусев 1970: 235).

В таком случае совершенно ясна классовая природа и таких пословиц, как: *Раб госпоже, что мед на ноже; Холопье слово, что рогатина*

и иерархия: барин – холоп (старший по общественному положению – младший по своему общественному положению).

Было бы неправильно, однако, утверждать, что каждая пословица имеет только один, раз и навсегда в нее вложенный смысл. Тысячи пословиц произносятся при самых различных, иногда - противоположных по значению, случаях.

Кроме всего вышесказанного о социальном взаимодействии людей в пословицах находят отражение все бытовые и жизненные наблюдения народа, ибо пословицы, единицы народного творчества, изменяются, развиваются и пополняются сообразно с развитием жизни народа,

ISBN 978-84-949838-0-1

когда идет нарастание, расширение и углубление сфер социального взаимодействия. И что наиболее важно, подлинную историю нельзя знать, не зная устного творчества.

Если структуры сознания понимать как психологические образы явлений реальности мира, при помощи которых человек организует свое восприятие, осуществляет ориентировку в условиях предстоящей деятельности и планирует эту деятельность, т.е. мысленно совершает ее, прежде чем осуществить ее реально, то становится очевидно, что речевое воздействие – прежде всего процесс влияния на сознание объекта воздействия.

Список литературы

Адмони В.Г. (1988): Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Ленинград: Наука.

Афанасьев А.Н. (1986): Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. Москва: Сов. Россия.

Гусев В.Е. (1970): Философские труды В.И. Ленина и теоретическое изучение фольклора, Ленинское наследие и изучение фольклора. Ленинград.

Добролюбов Н. А. (1971): О степени участия народности в развитии русской литературы. Москва.

Надирашвили Ш.А. (1979): Психология пропаганды. Тбилиси: Мецниереба.

Тарасов Е.Ф. (1990): Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. Москва: Наука.

ISBN 978-84-949838-0-1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОНИМИКИ

Сироткина Татьяна Александровна
Сургутский государственный педагогический университет, Россия
sirotkina71@mail.ru

CURRENT PROBLEMS OF MODERN ETHNOMICS

Sirotkina Tatyana Aleksandrovna
Surgut State Pedagogical University, Russia
sirotkina71@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной этнонимики, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимикона и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

ABSTRACT

The article deals with the problems of modern ethnonymy, to which the author refers: the definition of the linguistic status of an ethnonym, the boundaries of ethnonymy and individual ethnonyms; a description of the development of the ethnonymic and the functioning of ethnic names in various spheres of speech communication; consideration of the interaction of ethnonymy with other lexical systems; a study of the categorization of ethnic semantics; building a model system organization of ethnonymic vocabulary; study of ethno-stereotypes. It is concluded that their solution requires involvement for the analysis of local language material, a thorough description of the history of development and the current state of regional ethnimonyms, as well as the creation of dictionaries**.**

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

Keywords: ethnonym; ethnonymy; ethnonymicon; category; categorization; ethnic stereotype; lexicography.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимики**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

В 1970 г. вышел сборник «Этнонимы», предисловие к которому написал В.А.Никонов (Никонов 1970). На многие вопросы, поставленные автором, до сих пор нет однозначного

ISBN 978-84-949838-0-1

ответа: «Относить ли этнонимы к ономастической лексике?»; «Какие типы имен включать в разряд этнонимии?» Сам В.А.Никонов, во-первых, относит этнонимы к именам собственным, во-вторых, придерживается широкого понимания термина «этноним», включая в этнонимию названия наций, родов, племен, территориальные наименования жителей. Вместе с тем он справедливо замечает, что «особенность таких названий желательно отразить внутри этнонимии терминологически» (Там же: 8).

А.И.Попов в книге «Названия народов СССР. Введение в этнонимику» определил объем термина «этнонимика» следующим образом: «Термином «этнонимика» будем обозначать тот отдел исторической ономастики, который содержит сведения о названиях племен, фратрий, родов, племенных союзов, различных этнографических групп, народностей, наций, а также связанных с этими данными некоторые наименования областей, земель и стран, – вообще местные имена «этнического» характера» (Попов 1973: 6).

В 1978 г. в «Словаре русской ономастической терминологии» появляется термин *этноним*, служащий для обозначения «любого этноса» (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.) (Подольская 1978: 167). В 1979 г. в энциклопедии «Русский язык» Г.В.Подольская уточняет объем данного понятия, определяя, что термин *этноним* «служит для обозначения любого этноса: рода, племени, союза племен, народности, народа, нации» (Русский язык 1979: 408)

Назовем основные проблемы современной этнонимики, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р.А.Агеевой (Агеева 2000) наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именования, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина “этноним”. При широком понимании

ISBN 978-84-949838-0-1

в этнонимию входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. «Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности» [Черных 2003: 7]. Основным и определяющим является понятие **этнос –** исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие **этнической общности**. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские,* к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности, этнографы пользуются определением **этнографическая группа** или **этническая группа.** Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселялись и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде (Кузеев 1992: 17).

Мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают **этнические общности разных уровней.** Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане, армяне, таджики* и многие другие.

Развивается этнонимикон и структурно: меняется формантное оформление языковых единиц, чаще всего под влиянием законов речевой экономии и аналогии, сокращается количество единиц в синонимических рядах. Так, по сравнению с обширным синонимическим рядом *башкирец — башкирятин — башкирянин — башкирятенин*, отмеченным в текстах пермских деловых документов XVI – начала XVIII вв., в научных описаниях XIX в. функционирует обычно форма *башкирец*.

ISBN 978-84-949838-0-1

Как известно, в начале XX в. многие экзоэтнонимы (*вогулы, остяки, вотяки*) были официально заменены автоэтнонимами (*манси, ханты, удмурты*). В этом случае интересны моменты знания/незнания референции старых/новых этнических имен представителями различных возрастных групп. Современные студенты не могут ответить на вопрос, как сейчас называют *остяков* или *вогулов*. И наоборот, представители старшего поколения носителей пермских говоров отвечают на этот вопрос (записи диалектной речи сделаны в 70-е гг. XX в.): «Не знаю, не видел ханты, манси. Вогулы вот были».

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Этнотопонимы исследовали многие ученые: Р.А.Агеева, В.А.Никонов, А.И.Попов, Э.М.Мурзаев, Н.А.Баскаков, Е.М.Поспелов, Л.Л.Трубе, В.А.Жучкевич и др. Данной проблеме посвящен ряд кандидатских диссертаций (см., например, работу С.С.Губаевой «Этнонимы в топонимии Ферганской долины» (М., 1973). Этнотопонимам целиком посвящен сборник Московского филиала Географического общества СССР «Этническая топонимика» (М., 1987) со вступительной статьей Е.М.Поспелова.

Проблемы этнической топонимики обсуждаются в рамках конференции «Ономастика Поволжья». Например, В.С.Картавенко, рассматривая функционирование этнонима «татары» в топонимии Смоленского края, отмечает, что на исследуемой территории «многочисленны названия с корнем татар- и различными аффиксами. Так, название *Татаринка* до сих пор фиксируется в трех районах Смоленской области, *Татарка* встречается дважды, *Татарщина* тоже два раза, *Татарово, Татарск, Татаровщина, Татарки* - один» (Картавенко 2002: 101).

Один из ведущих ученых-ономатологов А.К. Матвеев в своей книге «Субстратная топонимия Русского Севера» поднимает важную проблему установления происхождения

ISBN 978-84-949838-0-1

этнотопонимов. «Уже давно установлено, – пишет он, – что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т.е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых лежат этнонимы, т.е. от этноантропотопонимов» (Матвеев 2001: 66).

Л.М.Майданова на материале географических карт, списков населенных пунктов, записей топонимических и диалектологических экспедиций смогла «выяснить ареалы топонимов и сделать некоторые выводы о расселении финно-угорских народов Урала к XV – XVI вв., то есть к началу колонизации Урала» (Майданова 1962: 22).

В монографии Е.Л.Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» рассматривается группа топонимов с семантикой «чужак вообще, чудь», соотносимых в сознании информантов с наименованиями финно-угорских народов. В нее входят топонимы, имеющие в основе этнонимы *зыря* (ручей Зыря), *лопарь* (дер. Лопариха), *мордвин* (ручей Мордвинка), *черемис* (речей Черемисский), *чуд* (д. Чудиново) и др. (Березович 2000: 459).

Г.Н.Чагин, исследовавший топонимию Чердынского уезда по письменным памятникам XVI – XVII вв., выделяет группу онимов, связанных с родовыми и племенными именами, и отмечает, что «топонимические пласты, восходящие к наименованию племен и народов, живших на территории Чердынского уезда, восходят к очень древним временам» (Чагин 2003: 22).

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии. А.С.Кривощекова-Гантман пишет: «Корни фамилий могут сигнализировать о национальности своего первоносителя: Вотяков, Вотинов (вотяк, ныне удмурт), Перминов, Пермитин, Пермяков (пермяк – русское название коми), Русаков, Русинов, Русских (русский, а также диалектные русин, русак, русан) и др. В основе названных фамилий – прозвища по этническому происхождению. Так, в г. Чердыни при Яхонтове жили Нежданко Семенов сын Зырян, Офонька Васильев сын Корела, Родька Иванов сын Черемисинов, Иванко Югрин» (Кривощекова-Гантман 1972: 251). Отметим здесь, что слова *пермитин* и *пермичи* в пермских деловых памятниках не являются этнонимами, используются в значении «жители Перми Великой любой национальности» (Полякова 1976: 10).

Вместе с тем человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянином* в Прикамье могли назвать человека, который таращит глаза (от глагола *зырить* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Так, О.М. Белоусова отмечает, что «отэтнонимические наименования составляют значительный пласт в апеллятивной лексике, как литературной, так и диалектной»; ее статья

ISBN 978-84-949838-0-1

строится «на материале примерно 900 таких наименований, русских и иноязычных, извлеченных из различных словарей русского языка» (Белоусова 1979). Н.В. Землякова, рассматривая устойчивые образные номинации человека, также обращается к этнонимическим примерам. Как показывает ее материал, номинативных единиц модели «человек как мифологический, литературный и т.п. персонаж – человек» – наибольшее количество. Этнонимы как образные единицы представляют следующие сферы: 1) характер («хитрый» – еврей, цыган, сто китайцев); 2) поведение («вежливый» – англичанин, француз); 3) внешность («узкоглазый» – китаец, монгол); 4) умственные способности («глупый» – чукча) (Землякова 2005: 105).

Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования. Например, в жаргоне уголовного мира *башкиром* называют милиционера (Дубягина 2003: 33), *индусом* – отбывающего наказание в штрафной камере или ШИЗО (Дубягина 2003: 79).

По мнению исследователей, семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. «Данная структура представляет собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту» (Саржина 2005: 9). Таким же образом может быть представлена, на наш взгляд, и семантика этнонимов, выступающих в нарицательном значении.

6. Проблема категоризации этнической семантики.

Согласно классической теории категорий, восходящей к греческой античности, категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков. «Часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант – инвариант, однако определенная часть нашего опыта организована иным, более сложным способом – лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» (Борискина 2003: 11).

В 1953 г. в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн писал, что в своей повседневной жизни мы применяем неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в них чаще всего определяются не необходимыми и достаточными признаками, а, скорее, некоторыми факторами, которые могут иметь разные степени важности, границы категории расплывчаты (Витгенштейн 1994: 113).

ISBN 978-84-949838-0-1

При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным» – описываемая категория, представляющая определенный формат знания, членится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. Так, И.Н. Ивашкевич, рассматривая категорию «Природные пространства», делит ее на четыре яруса: «Первый ярус микросистемы занимают базовые слова-идентификаторы с самым широким пространственным значением: space, area, place. На втором ярусе находятся слова-идентификаторы с более конкретным значением: land, water, которые закладывают фундамент дальнейшего членения категории на определенные тематические группы. На третьем ярусе выделяются субидентификаторы, каждый из которых может стать отдельным словом-идентификатором и начать дробление категории на субкатегории. Замыкает данную схему четвертый ярус – это конкретизаторы, которые детализируют категорию и, таким образом, значительно увеличивают и расширяют ее объем» (Ивашкевич 2007: 46).

При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

На наш взгляд, категоризацию этнической семантики можно представить в виде «семантической сети» (Сергеева 2004: 185), узлы которой репрезентируют оценочные значения разных уровней абстракции. Один из узлов сети – «свой / чужой» является прототипом категории.

В качестве инварианта выступает системно-категориальный абстрактный смысл «представитель определенного этноса», который различным способом интерпретируется в концептах, образующих категорию. В свою очередь, этот абстрактный смысл может быть интерпретирован и на более высоком уровне абстракции. Это открывает возможность для его включения в более обширную категорию с более высоким уровнем абстракции инварианта, например, в категорию посессивности, которая также представляет собой вид отношений принадлежности.

Категоризация этничности обусловлена наличием разных типов концептуальных различий, которые отражаются на интерпретирующем характере языкового значения.

К первому типу относятся различия, имеющие классификационный (таксономический) характер:

репрезентативная линия концептуальных различий отражает степень представленности в языке этнических именований: *вогулы, татары, русские* и др.;

линия аспектизации этнического отражает основания различий. Соответственно, здесь

ISBN 978-84-949838-0-1

выделяются концептувльные области «внешний вид», «язык», «материальная культура», «духовная культура» и т.д.

Ко второму типу относятся такие концептуальные различия, которые противопоставляют определенные классы названий. Основой здесь является объектно-субъектная линия, представленная, например, внутренними этнонимами и внешними этнонимами.

Таким образом, категорию этничности можно считать одной из категорий базового уровня, т.к. ее лексическими составляющими являются в основном имена, которые широко функционируют не только в научных и деловых текстах, но и в живой речи.

Этнонимы как средства репрезентации категории этничности являются ключевыми словами для национальной русской культуры, к которым относят обычно «слова не только с высокой частотностью употребления в повседневной речи, но и обладающие историческим «багажом», позволяющим рассматривать семантическую структуру данных слов с учетом их концептуального содержания» (Семененко 2001: 198).

Данная категория обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью. Единицы ее достаточно частотны, структурно просты и достаточно информативны – они не только способствуют распознаванию объекта, но и его противопоставлению другим объектам.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики.

Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Идея построения семантического поля этнонимии не является новой. Так, О.М. Младенова в своих исследованиях обращается к термину «этнонимическое поле» в связи с описанием моделей национального сознания (Младенова 2008).

Она отмечает, что в пределах поля этнонимы связаны отношениями деривации со следующими клсссами слов:

1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (Русь > русский);

2) отвлеченными существительными, обозначающими признаки и свойства (еврей > еврейство, русский > русскость, цыган > цыганщина);

3) прилагательными (американец > американский, калмык > калмыковатый);

4) наречиями способа действия (француз > по-французски);

5) глаголами (русский > обрусеть)» (Младенова 2008: 71).

ISBN 978-84-949838-0-1

Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами в (Сироткина 2009).

8. Проблема моделирования объектов и основных понятий этнонимии.

Как известно, одна из важнейших проблем методологии любой науки – моделирование объектов и основных понятий. Важным для этнонимики представляется моделирование понятия «Категория этничности». Рассмотрим, какие факторы необходимо учитывать в процессе моделирования, используя практику моделирования этнолингвистами системы «Этнос», состоящую из 5 основных этапов.

Этап 1 – определение хронологических рамок. «Во-первых, – отмечает А.С.Герд, – моделирование системы… должно быть задано хронологически» (Герд 2005: 50). Например, модель категории этничности относительно языкового сознания жителя Прикамья XIX века и XX века будет разной.

Этап 2 – решение вопроса об источниках. Подбор источников для исследования категории этничности зависит прежде всего от избранного хронологического периода. Так, для периода XVI – XVIII вв. доступными являются памятники деловой письменности Прикамья, для современнрого периода – целый комплекс текстов различных жанров (научных, художественных, диалектных и т.д.).

Этап 3 – создание сводного максимально полного перечня признаков моделируемой категории – мы назовем их классификаторами. Из всего многообразия признаков этноса, выделяемых этнографами (Там же), наиболее репрезентативными в плане отражения категории этничности являются, на наш взгляд, язык, особенности внешности, материальная и духовная культура.

Этап 4 – выработка терминологического аппарата. «Отдельно при каждом ключевом понятии необходимо собрать все термины-синонимы» (Там же: 51).

Этап 5 – внутреннее моделирование подсистем, образующих категорию.

9. Проблема изучения этностереотипов.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Стереотип есть коммуникативная единица данного этноса, «способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать

ISBN 978-84-949838-0-1

побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» (Рыжков 1985: 15).

Не только этнологи, но и лингвисты, занимающиеся сопоставительными исследованиями, обращаются к проблеме национальных стереотипов. Так, материалом исследований белорусских ученых Е.А.Анисимовой и К.В.Вербовой выступили вербализованные ассоциации, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента (Анисимова 2008). В эксперименте участвовало 162 студента ГрГУ (Гродно) и БГУ (Минск) – белорусы, русские и поляки. Всего получено 2410 релевантных реакций-прилагательных на слова-стимулы. Авторы эксперимента отмечают: «Создавая в целом положительный образ собственной национальной группы, студенты в отдельных случаях проявляют критичность к определенным качествам своей национальной группы. Среди негативных коммуникативных качеств своей нации студенты-белорусы отмечают: *невежливый, равнодушный, агрессивный*; поляки выделяют такие характеристики как *нудный, злой, суетливый, скрытный, скупой, жадный.* Русские студенты наиболее негативно оценивают отношение представителей своей национальности к труду, отмечая *лень* как самую распространенную черту» (Анисимова 2008: 12).

Этнический компонент регионального языкового сознания исследуют омские ученые, в частности, Л.О. Бутакова, проводившая с этой целью в течение нескольких лет семантические эксперименты, ролевые игры, этнопсихолингвистические процедуры, социологические опросы. В качестве реципиентов выступили студенты 4 курса филологического факультета Омского госуниверситета им Ф.М. Достоевского, изучающие дисциплину «Этнолингвистика» (Бутакова 2010: 19). Ассоциативный и семантический эксперименты, отмечает исследователь, выявили значительные секторы оценки в ассоциативных полях определенных этносов. В АП «Немцы» 87%, в АП «Цыгане» 60,2%, АП «Евреи» 80,8%, АП «Американцы» 67,2%, АП «Казахи» 54%, АП «Лица кавказской национальности» 36,2%, АП «Русские» 33%. Объем оценочных секторов, по мнению автора эксперимента, свидетельствует о нарастающей этнической напряженности в регионе (Там же).

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. «Этническая психика», по наблюдениям Т.А. Поповой, насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем» (Попова 2006: 26).

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

Список литературы

Агеева Р.А. (2000): Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник. Москва: Academia. .

Анисимова Е.А., Вербова К.В. (2008): Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе, Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах, том 2. Челябинск, 11 – 15.

Белоусова О.М. (1979): К типологии отэтнонимических наименований в апеллятивной лексике, Вопросы ономастики. Свердловск, 111 – 115.

Березович Е.Л. (2000): Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург.

Борискина О.О., Кретов А.А. (2003): Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж.

Бутакова Л.О. (2010): Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели, Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей. Санкт-Петербург – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 18 – 26.

Витгенштейн Л. (1994): Философские исследования, Л. Витгенштейн. Философские работы. Москва: Гнозис, 75 – 320.

Герд А.С. (2005): Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. Санкт-Петербург.

Дубягина О.П. (2003): Современный русский жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. Москва: Юриспруденция.

Землякова Н.В. (2005): Устойчивые образные номинации человека: структурно-семантический и лексикографический аспекты: дисс. … канд. филол. наук. Краснодар.

Ивашкевич И.Н. (2009): К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства», Вопросы когнитивной лингвистики, 4, 43 – 52.

Картавенко В.С. (2002): Этноним «татары» в топонимии Смоленского края, Ономастика Поволжья. IX конф. Волгоград: Перемена, 101 – 102.

Кривощекова-Гантман А.С. (1972): Фамилии как источник истории языка и его носителя, Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 248 – 253.

ISBN 978-84-949838-0-1

Кузеев Р.Г (1992): Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса), Этнос и его подразделения. Ч. 1. Москва: Наука, 18 – 24.

Майданова Л.М. (1962): Ареалы финно-угорской этнонимики Урала, Вопросы топономастики. Вып. 1. Свердловск, 20 – 34.

Матвеев А.К. (2001): Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург.

Младенова О.М. (2008): Этнонимия и национальное самосознание, Вопросы ономастики, 5, 65 – 89.

Никонов В.А. (1970): Этнонимия, Этнонимы. Москва, 3 – 23.

Подольская Н.В. (1978): Словарь русской ономастической терминологии. Москва.

Полякова Е.Н. (1976): Этнонимы Прикамья в русском языке XVII века, Ономастика Поволжья. Саранск, 9 – 12.

Попов А.И. (1973): Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Ленинград.

Попова Т.А. (2006): Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков, Язык, культура, образование в современном мире. Часть II. Пермь, 26 – 27.

Русский язык: энциклопедия (1979). Москва.

Рыжков В.А. (1985): Регулятивная функция стереотипов, Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 15 – 21.

Саржина О.В. (2005): Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. … канд. филол. наук. Томск.

Семененко Н.Н. (2001): Переходные явления в семантической структуре концепта НАДЕЖДА в контексте русской пословицы, Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Великий Новгород, 198 – 199.

Сергеева Л.А. (2004): Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дисс. … докт. филол. наук. Уфа.

Сироткина Т.А. (2009): Региональное поле этнонимии, Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 3, 101 – 107.

Чагин Г.Н. (2003): Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь.

Черных А.В. (2003): Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв., Этнический мир Прикамья. Пермь, 7 – 31.

ISBN 978-84-949838-0-1

СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛОВ ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ: ИХ НЕ/СОВМЕСТИМОСТЬ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ И ЗАКОНЧЕННОСТИ

Соболева Валентина Савельевна
Defense Language Institute FLC, USA
soboleva9@comcast.net;
valentina.s.soboleva@dliflc.edu

ON SEMANTIC PECULIARITIES OF SECONDARY IMPERFECTIVE VERBS IN RUSSIAN: THEIR IN/COMPATIBILITY WITH THE NOTIONS OF DURATION AND COMPLETION

Soboleva, Valentina S.
Defense Language Institute FLC, USA
soboleva9@comcast.net;
valentina.s.soboleva@dliflc.edu

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования семантических особенностей глаголов вторичной имперфективации, занимающих особое место в глагольной системе русского языка. Эта группа глаголов намного превосходит число первичных глаголов несовершенного вида и тем не менее, по не совсем понятным причинам, остаётся наименее изученной. В исследовании было прослежено поведение трёхсот глаголов вторичной имперфективации при сочетании с обстоятельствами *длительности* и *законченности* действия, а также возможность их употребления для выражения как *актуально-длительного* действия, так и лексически выраженной *многократности*. На основе анализа данных исследования предлагаются пути для решения противоречий и несоответствий в существующих интерпретациях функционирования категории глагольного вида в русском языке.

ABSTRACT

The article presents an analysis of semantic peculiarities of secondary imperfective verbs. The secondary imperfective verbs hold a special place within the verbal system: they significantly surpass primary imperfective verbs in number, yet, strangely, have been receiving an insufficient attention from researchers. The aim of the study was to analyze the behavior of 300 secondary imperfective verbs in their compatibility with indicators of *duration* and *completion*, their ability to express *progressive* actions, and *multiplicity* imbedded in their semantics. Proceeding from the results, the author offers suggestions to solving contradictions and inconsistencies in the interpretations of the Russian verbal aspect functionality.

Ключевые слова: вторичная имперфективация; длительность; актуальная длительность; многократность / итеративность; временн***а***я локализованность; точечность; терминативность; тройственная видовая оппозиция, минимальный и расширенный контекст.

ISBN 978-84-949838-0-1

Key words: secondary imperfectivity; duration; progressivity; iterativity; localization in time; pointedness; terminativity; tripartite aspectual opposition; minimal and extended context.

Введение

Глаголы вторичной имперфективации (НВ2) занимают особое место в глагольной системе русского языка. Эта группа глаголов намного превосходит число первичных глаголов несовершенного вида (НВ1). Тем не менее, системному исследованию семантики глаголов НВ2 до сих пор, по не совсем понятным причинам, не уделялось достаточного внимания. По словам Карпухина (1999), отсутствие исследований функционирования в языке глаголов НВ2 по отношению к категории вида вообще и к видовым парам в частности отрицательно сказывается на определении сущности категории вида и её системном описании. И это при том, что особенности семантики глаголов НВ2 не раз озадачивали исследователей категории глагольного вида в русском языке. Напр., Якобсон (1970) вынужден был предложить понятие привативной бинарной оппозиции в связи с тем, что глаголы НВ2 не вписывались в систему классической бинарной оппозиции, а Swan (1977) охарактеризовал способность некоторых глаголов НВ2 выражать *законченность* действия своего рода «мистерией». Известно, что определение Якобсоном категории вида как бинарной привативной оппозиции не было принято единодушно; тем не менее, некоторые аспектологи продолжают считать категорию вида бинарной, но эквиполентной оппозицией (Карпухин 2016), в то время как другие считают более целесообразным вообще отказаться от поиска категориальных значений СВ и НВ и описывать категорию вида на основе существующих в языке словообразовательных моделей глаголов (Кравченко 1995: 49-64).

В настоящей статье представлены результаты исследования семантических особенностей глаголов НВ2 (Soboleva 2014: 151-199), в котором было прослежено поведение трёхсот глаголов НВ2 при сочетании с обстоятельствами *длительности* и *законченности* действия, а также возможность их употребления для выражения как *актуально-длительного* действия, так и лексически выраженной *многократности*. Наблюдения автора данной статьи в отношении семантических особенностей глаголов вторичной имперфективации нашли подтверждение также в исследовании Ю. Кузнецовой и С. Соколовой (2016: 215-230).

Объяснение терминологии и условных знаков

ISBN 978-84-949838-0-1

В исследовании различаются три типа контекстов: 1) *минимальный* контекст *на уровне слова*, соответствующий глагольной словоформе без дополнительных видовых индикаторов (*он вчера* ***купил*** (СВ) / ***покупал*** (НВ) *машину*), а также два типа *расширенного* контекста: 2) *расширенный* контекст *на уровне словосочетания* включает глагольную словоформу с видовым индикатором *длительности* ***(покупал*** (НВ) *машину* *<u>три часа</u>)*, *законченности* (***купил*** (СВ) *машину* *<u>за три</u>* *<u>часа</u>*) или *многократности* действия (***читал*** (НВ) *газету* *<u>по утрам</u>)* и 3) *расширенный* контекст *на уровне предложения*, в котором в выражении видовых значений участвуют по меньшей мере две глагольных словоформы: *Когда она* ***читала*** (НВ1) *письмо, у неё по щекам* ***текли*** (НВ1) *слёзы* (*одновременные* действия в *прогрессиве)*; *Когда она* ***читала*** *(НВ1) письмо, у неё вдруг по щекам* ***потекли*** (СВ) *слёзы* (*частичная одновременность* действий); *Она* ***дочитала*** (СВ) *письмо и тут же* ***вытерла*** (СВ) *слёзы* (*последовательность* действий).

В данном исследовании понятия *многократности* и *итеративности* считаются равнозначными в тех случаях, когда значение *многократности* выражается самой глагольной словоформой, т. е. на уровне *минимального* контекста: *Её истинный характер* ***проявлялся*** (НВ2) *во время ссоры.* В приведённом примере, несмотря на отсутствие контекстуального указателя *многократности* действия, форма глагола содержит импликацию повторяемости действия, т. е. её истинный характер проявлялся *всякий раз*, когда она ссорилась с кем-то.

Неприемлемость контекста с тем или иным глаголом обозначается вопросительным знаком, стоящим перед видовым индикатором или глаголом: *Появлялся дома* ***?****минуту.* Отсутствие этого знака говорит о приемлемости контекста.

Методология исследования

Глаголы были отобраны из словаря *The Big Silver Book of Russian Verbs* (Franke 2004) и распределены по 9 колонкам согласно следующим параметрам: (1) *Префикс*, (2) *Глагол СВ* в инфинитиве с пометой на транзитивность, (3) *Глагол НВ2* в прошедшем времени в *минимальном* контексте, (4) Помета *на парность или тройку*, (5) *Длительность* действия (*дуратив*): *неделю / минуту*, (6) *Законченность* действия: *за неделю / за минуту*, (7) *Актуальная длительность* (*Прогрессив)*: *Сейчас*, (8) *Многократность / Итеративность* на уровне лексемы, (9) *Комбинаторный тип*. В принятии решения о приемлемости сочетаемости глаголов с обстоятельствами *законченности*, *длительности* или в *прогресиве* автор полагалась на свою интуицию носителя языка, а также консультировалась с двумя другими носителями языка (Елена Седова-Хоталинг и Елена Кудинова). В таблице 1 представлено, как выглядело приложение с данными анализа к статье 2014 года; ссылка к нему дана в конце статьи.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 1.

Prefix	**Perfective verb Transitive – t Intransitive - int**	**Second. Imperf. Verb Minimal Context**	**Pair / Triplet**	**Indicator of Duration: ‘неделю’ /‘минуту’**	**Indicator of Completion: ‘за неделю’ / ‘за минуту’**	**Indicator of Progressive Present ‘сейчас’**	**Iteration: Embedded in verb semantics**	**Patterns in Combinations of Aspectual Notions**
в- /вз- /вс-	вложить - t	Вкладывал деньги в автомат	pair	+	+	+	--	A
	взглянуть - int	Взглядывал на неё	pair	-	-	-	+	B
про-	прочитывать - t	Прочитывал книгу	pair	-	+	-	+	C
до-	дождаться - int	Дожидался его	pair	+	-	+	--	D

Описание данных исследования

В результате анализа данных было обнаружено четыре комбинаторных типа: A, B, C и D, представленные ниже в таблице 2:

Таблица 2

Notions > / **Type / Number**	**Duration** (неделю)	**Completion** (за неделю)	**Progression** (сейчас)	**Iterativity** (imbedded in verb semantics)
Type A - 162	+	+	+	--
Type B - 44	--	--	--	+
Type C - 83	--	+	--	+
Type D - 11	+	--	+	--

Самая многочисленная группа A включает в себя 162 глагола вторичной имперфективации (54%). Все они могут сочетаться как с обстоятельствами *длительности*, так и с обстоятельствами *законченности* действия; они также употребляются в *прогрессиве*:

(1) *Он **задавал** задание **10 минут / за 10 минут** / Он **задаёт** задание **сейчас** (He had been **giving** an assignment **for 10 minutes** / He **would give** an assignment **in 10 minutes / He is giving** an assignment **now**)*;
(2) *Он **заканчивал завтракать 10 минут / за 10 минут** / Он уже **заканчивает** завтракать (He **had been finishing** his breakfast **for 10 minutes** / He would **finish** his breakfast **in 10 minutes /** He **is already finishing** his breakfast);*
(3) *Он **начинал** урок **пять минут / за пять минут / Он уже начинает урок**); (He **had been starting** his lesson **for 5 minutes** / He **would start** his lesson **in five minutes / He is already starting** his lesson);*

ISBN 978-84-949838-0-1

(4) Она ***рожала*** *ребёнка* ***час / за час*** */ она уже рожает (She* ***had been giving birth*** *to her child* ***for an hour****/ She* ***would give birth*** *to her child* ***in an hour / She is already giving birth*** *to her child);*
(5) Молоко ***прокисало полчаса / за полчаса / молоко уже прокисает****; (The milk* ***had been getting sour for half an hour*** */ It* ***would go sour in half an hour*** */ It* ***is already getting sour)****;*
(6) Озеро ***замерзало три ночи / за три ночи*** */ Озеро* ***уже замерзает*** *(The lake* ***had been freezing solid for three nights*** */ It* ***would freeze solid in three nights*** */ It* ***is already freezing solid by now****).*

При этом в контекстах с обстоятельствами *законченности* действия глаголы этого типа одновременно предполагают *многократность* действия. Перевод примеров (1) – (6) на английский язык иллюстрируют эту особенность: *He* ***would give*** *an assignment* ***in 10 minutes*** (1), *It* ***would go sour in half an hour*** (5) и т. д.

Следующая по многочисленности группа С включает в себя 83 глагола (27.7%). Этим глаголам не свойственно употребляться с обстоятельствами *длительности* или в *прогрессиве* вопреки тому, что они являются глаголами НВ. Эта особенность объясняется тем, что семантика таких глаголов, сохраняя в себе значение *точечности*, свойственной глаголам СВ, от которых они образованы, не позволяет представить такие действия *актуально длящимися*. Если даже и возможно сказать *Он прекращает сейчас работать*, то это только будет значить, что очень скоро, в любой момент после произнесения высказывания, он ***прекратит*** (СВ) *работать*. Однако глаголам из группы С свойственно употребляться с обстоятельствами *законченности* действия. Этому способствует присутствие в их семантике *терминативной* темы, предполагающей окончание действия по истечении какого-то срока. При этом они также выражают *многократность* действия. Значение *многократности*, возникающее в таких случаях, объясняется наличием в глагольной семантике элемента *точечности*, соотносимого со значением *законченности*:

(7) *Он* ***являлся*** *домой* ***?10 минут / за 10 минут (****He* ***would come*** *home* ***in ten minutes****);*
(8) *Это* ***случалось*** *с ним* ***?минуту / вдруг, за минуту*** *(It* ***would happen*** *to him* ***suddenly, in a minute****)*;
(9) *Он* ***простывал ?день / за день*** *(He* ***would catch*** *a cold* ***in a day****);*

Особо следует отметить невозможность употребления глаголов этого типа для выражения *актуально длящегося* действия. Напр., фраза ***?Сейчас*** *он является домой* звучит по меньшей мере странно. Однако, возможно сказать *Сейчас он явится домой*, употребив форму СВ в будущем времени. А в таких примерах как: *Он* ***простывает*** *от сквозняка; Это с ним* ***случается****,* формы глаголов в настоящем времени, несмотря на отсутствие контекстуального указателя на *многократность,* тем не менее предполагают понимание того,

ISBN 978-84-949838-0-1

что эти ситуации происходят *не один раз,* т. е. значение *многократности* включено в саму глагольную форму. Употребление таких глаголов также часто используется в настоящем историческом для передачи ряда последовательных действий, имевших место в прошлом: *Пришёл, увидел, победил – Приходит, видит, побеждает*. (В связи с этим, было бы интересно проверить семантические особенности глаголов, употребляемых в контексте настоящего исторического!)

В группу В входит 44 глагола, или 14.7%. Глаголы в этой группе выражают только значение *многократности* и не способны сочетаться ни с обстоятельствами *длительности*, ни с обстоятельствами *законченности* действия:

> *(10) Он* ***взглядывал / взглядывает*** *на нее незаметно, когда она не могла / может этого видеть (He* ***would glance*** */ glances at her furtively, when she couldn't / can't see it);*
> *(11) К вечеру, когда* ***стихал / стихает*** *ветер, в саду* ***замолкали / замолкают*** *птицы, готовясь ко сну (By the evening, when the wind* ***died down / dies down****, birds in the garden* ***would fall silent / fall silent*** *getting ready to sleep);*
> *(12) В жаркое лето саженцы деревьев* ***погибали / погибают*** *от засухи, а в дождливый сезон – от избытка воды (In a really hot summer, the seedlings* ***would die out / die out*** *due to the draught, but in a rainy season – due to the excess of water);*
> (13) *Он* ***посматривал / посматривает*** *на нее искоса, не смея сказать ни слова (He* ***would glance / glances*** *at her out of the corners of his eyes, not daring to say a word).*

Можно сказать, что глаголы вторичной имперфективации в этих примерах представляют собой особый семантический тип благодаря двум особенностям – 1) *нетерминативному* характеру их основ и 2) наличию в их семантике элемента *точечности*, перешедшего от их коррелятов СВ: *взглянул, стих, замолк, погиб, посмотрел*. Как уже было отмечено ранее, элемент *точечности* препятствует употреблению глаголов для выражения *актуально длящегося* действия, а отсутствие *терминативной* темы в их семантике не позволяет сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия. Таким образом, для них остаётся возможным только выражение *многократных* действий благодаря наличию в их основе суффиксов ***–а- /-ва- / -ыва- / -ива-***, традиционных морфологических маркеров *многократности.* Значение *многократности* остаётся и в контекстах настоящего времени. Это также подтверждается переводом этих примеров на английский язык – для каждой русской формы настоящего времени в английском языке предпочтительны простые формы настоящего времени (Simple Present tense), а не сложные формы (Progressive / Continuous Present tense), употребляемые для выражения *актуально длящихся* действий.

ISBN 978-84-949838-0-1

В группу D входит всего 11 глаголов, или 3.7%: *дожидаться, доверять, доживать, переживать, затруднять, посвящать, раздумывать, сгорать, увлекаться, оставаться* и *пренебрегать*. Эти глаголы проявляют себя типичными глаголами НВ: они не способны сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия и выражают только длительные действия (*дуративы* и *прогрессивы*):

(14) Павел ***весь день переживал*** *о случившемся (****Thinking the whole day*** *about what had happened****,*** *Pavel* ***was really taking*** *it* ***hard****);*
(15) Мария ***доверяла*** *мужу* ***целый год****, пока он не обманул её (****The whole year*** *Maria* ***was trusting*** *her husband, until he deceived her);*
(16) Она ***долго сгорала*** *от любопытства, но так и не осмелилась спросить у него, что же произошло, пока её не было дома (She* ***was dying of curiosity for a long time,*** *and still did not dare ask him what exactly had happened while she wasn't home).*

Обсуждение данных исследования

Рассмотренные случаи употребления глаголов вторичной имперфективации не подтверждают традиционную интерпретацию категории вида, согласно которой глаголам НВ свойственно выражать *длительные* действия, а глаголам СВ – *законченные* действия.

Из трёхсот рассмотренных в исследовании глаголов НВ2, 162 глагола (группа А) могли сочетаться как с обстоятельствами *длительности*, так и с обстоятельствами *законченности* действия (*подкрадывался к дому два часа / за два часа*). 44 глагола (группа В) не могли выражать ни того, ни другого значения. Семантика их основ включала в себя только значение *многократности* действия (*взглядывал на нее* ***?****две минуты /* ***?****за две минуты;* И хотя возможно сказать: *Он взглядывал на нее две минуты* – высказывание предполагает, что в течение двух минут он *взглядывал* на неё несколько раз. 83 глагола (группа С) были не совместимы с выражением длительности действия, но могли употребляться для выражения *законченности* действия и его *многократности* (*появлялся дома ?минуту / за минуту* предполагает, что он *появлялся дома* всякий раз за минуту (как волшебник). И только 11 глаголов функционировали как типичные глаголы НВ1, выражая только *длительность* действия (*раздумывал час / ?за час*). При этом подавляющее большинство глаголов из рассмотренных 300 (группы В, С, а также А при выражении *законченности* действия) выражают *многократность* действия на уровне лексемы.

Полученные данные проливают свет на истинные системные отношения между глаголами СВ и НВ, на основе которых ниже предлагается интерпретация функционирования категории глагольного вида, охватывающая все возможные случаи употребления глаголов совершенного и несовершенного видов, а также методические рекомендации.

ISBN 978-84-949838-0-1

Очевидно, что описанные случаи употребления глаголов вторичной имперфективации не вписываются в систему бинарной оппозиции. В связи с этим, работа Кравченко (1995: 49-64) представляется интересной и привлекательной тем, что, отказавшись от традиционной теории бинарных оппозиций, он предлагает новый подход при описании видовой системы, исходя из морфологической структуры русских глаголов. Кравченко выделяет три параметра для описания образования видовых форм русских глаголов: (1) первичные глаголы > (2) префиксальные глаголы > (3) производные суффиксальные дериваты. Первичные глаголы могут быть глаголами как НВ (*вести* – НВ1), так и СВ (*дать* – СВ1): напр., *взять* (СВ2) – *взимать* (НВ2*, решить* (СВ1) – *решать* (НВ2) и т. п. Сюда можно также включить видовые корреляции глаголов СВ, образованных при помощи суффикса *–ну-*: *прыгнуть* (СВ1) – *прыгать* (НВ2), *махнуть* (СВ1) – *махать* (НВ2) и т. п.

Как показывают результаты рассмотренного выше исследования особенностей семантики глаголов вторичной имперфективации, в реальности мы имеем дело с тремя видами, поэтому подход Кравченко представляется и убедительным, и полезным, особенно для методики преподавания русского глагола.

Думается, что уже наступило время отказаться от существующей интерпретации категории глагольного вида как бинарной оппозиции и следующей из неё традиции определять видовые оппозиции на основе видовых пар глаголов типа *делать – сделать, писать – написать, выписывать – выписать* и т. д. Это необходимо сделать, во-первых, потому что принцип бинарной оппозиции не позволяет объяснить наличие в глагольной системе ни «одновидовых» глаголов, ни видовых троек. Более того, сам принцип определения видовых пар до сих пор вызывает горячие споры (Карпухин 1999; L. Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Зализняк, Микаэлян 2012 и 2014; Соболева 2016 и др.).

Во-вторых, условный порядок перечисления видовых пар в словарях и методических пособиях, условно начинающийся с формы НВ: *выдерживать – выдержать, начинать – начать, перевоспитывать – перевоспитать* и т. д., искажает истинную картину морфологических взаимоотношений между глаголами НВ2 и глаголами СВ1 / СВ2, от которых они образованы: *начать* (СВ1) > *начинать* (НВ2), [*питать* (НВ1)] > *воспитать* (СВ2) > *перевоспитать* (СВ3) > *перевоспитывать* (НВ2), [*держать* (НВ1)] > *выдержать* (СВ2) > *выдерживать* (НВ2), а не наоборот.

В данной работе предлагается описывать категорию глагольного вида как многочленную лексико-грамматическую категорию, исходя из реальных словообразовательных парадигм, используемых в языке при образовании видовых форм глаголов, и тех значений, которые этими формами выражаются. Признание категории вида

ISBN 978-84-949838-0-1

лексико-грамматической восходит к учёным 19-го века Потебне и Фортунатову (Виноградов 1970: 390); оно имеет своих сторонников и в наше время (Милославский 1989 и многие др.). Таким образом необходимость выделять видовые пары логически исключается, поскольку каждый глагол СВ или НВ является самостоятельным словом.

Следует признать, что б***о***льшая часть русских глаголов входит в трёхчленную видовую оппозицию: НВ1 – СВ2 – НВ2: *читать* > *прочитать* > *прочитывать, думать* > *подумать* > *подумывать*, *смотреть* > *посмотреть* > *посматривать*, *смотреть* > *пересмотреть* > *пересматривать* и т. п.

В языковой системе имеются также и другие корреляции: как двучленные, типа СВ1 > НВ2: *решить* > *решать*, *прыгнуть* > *прыгать*, *махнуть* > *махать*; так и многоступенчатые, когда от глаголов СВ1 образуются глаголы СВ2 / СВ3, и уже от них – глаголы НВ2: *купить* (СВ1) > *накупить* (СВ2) > *понакупить* (СВ3) > *понакупать* (НВ2).

Заключение

Исходя из вышесказанного, предлагается следующая интерпретация категориальных значений для каждого члена тройственной видовой оппозиции.

1) Отличительной чертой *первичных* глаголов НВ1 является их способность образовывать три временные формы – прошедшее, настоящее и будущее. Главной функцией этих глаголов является просто *называние* действия или состояния. Для обозначения этого значения существуют различные термины в современной аспектологии: *simple denotation* (Forsyth 1970), *нефиксированное* действие (Карпухин 2016), *общефактическое значение* (Рассудова 1968), а также *нелокализованное во времени* действие (Соболева 2011). Это значение обычно реализуется в *минимальном* контексте на уровне глагольной словоформы и, как отмечено Рассудовой (1968), может вступать в *синонимические* отношения с их коррелятами СВ: *Он уже* ***говорил*** (НВ1) *мне об этом вчера утром* (*He already* ***told*** *me about that yesterday morning*) и *Он уже* ***сказал*** (СВ1) *мне об этом вчера утром* (*He already* ***told*** *me about that yesterday morning*).

В *расширенном* контексте на уровне словосочетания первичные глаголы НВ1 могут выражать как *длительное* действие, или *дуратив:* ***читал*** *книгу два часа (read a book for two hours)*, так и *повторяющееся* действие: *каждый день* ***читал*** *газету (He* ***read/s*** *a newspaper every day*). В подобных контекстах замена глаголов НВ их коррелятами СВ невозможна: *Каждый день / два часа* ***?прочитал*** (СВ2) *газету* (Соболева 2011).

В *расширенном* контексте на уровне предложения первичные глаголы НВ выражают *актуально-длительные* действия, или *прогрессив*: *Когда пришли* (СВ2) *гости, я ещё* ***готовила***

ISBN 978-84-949838-0-1

(НВ1) *ужин.* (*When the guests* ***arrived****, I* ***was*** *still* ***making*** *dinner*.) В контексте с глаголом СВ имеет место *частичная одновременность актуально-длительного* действия. В контексте с двумя первичными глаголами несов. вида имеет место *полная одновременность* двух *актуально протекающих* действий: *Когда я* ***готовила*** (НВ1) *обед, ребёнок* ***спал*** (НВ1) (*When I* ***was making*** *dinner, the child* ***was sleeping***).

И в том, и в другом контексте замена глаголов на противоположный вид возможна, однако контексты будут различаться семантически. Напр., при замене глагола ***пришли*** (СВ2), глаголом ***приходили*** (НВ2): *Когда* ***приходили*** *(СВ2) гости, я ещё* ***готовила*** *(НВ1) обед.* (*When the guests* ***arrived****, I* ***would*** *still* ***be making*** *dinner*), глагол ***готовила*** всё ещё сохраняет значение *актуальной длительности*, но к нему добавляется дополнительное значение *многократности* на фоне глагола ***приходили*** (НВ2). В контексте же с двумя глаголами НВ1 ***готовила*** и ***спал*** – *Когда я* ***готовила*** *обед, ребёнок* ***спал*** (*When I* ***was making*** *dinner, the child* ***was sleeping***), замена этих глаголов их перефективными коррелятами даёт два типа контекстов: контекст с частичной одновременностью, если в нём использован один глагол СВ и второй НВ: *Когда я* ***приготовила*** (СВ2) *обед, ребёнок (еще)* ***спал*** (НВ1) (*When I* ***finished making*** *dinner, the child* ***was still sleeping****)* или *Когда я* ***готовила*** (НВ1) *обед, ребенок* ***проснулся*** (СВ2) (*When I* ***was making*** *dinner, the child* ***woke up***). Однако, при замене обоих глаголов типа НВ1 их перфективными коррелятами создаётся контекст с двумя последовательными действиями: *Когда я* ***приготовила*** *обед, ребенок* ***проснулся*** (*When I* ***had finished making*** *dinner, the child* ***woke up***).

2) Главной функцией глаголов СВ (любого типа), является выражение *локализованного во времени действия* (Соболева 2011). Из известных мне терминов, используемых для обозначения категориального значения СВ, наиболее подходящими представляются два термина: *фиксированное* действие (Карпухин 2016) и *конкретно-фактическое* значение (Рассудова 1968); однако и *конкретно-фактическое,* и *общефактическое* значения, по мнению Рассудовой, являются контекстуальными значениями, а не категориальными.

Значение *временн**о**й локализованности действия* имеет прямое отношение к семантике морфологических средств (префиксов или суффиксов), входящих в структуру глаголов СВ. *Локализованность* ***точечна*** по своей природе; она может быть начальной (└-): она ***за****пела*, конечной (-┘): он ***про****читал* весь текст, целостной (▪): ***вспомнил*** / прыг**ну**л или ограниченной с двух концов (└-┘): ***по****работал* час. Это значение является объединяющим фактором, своего рода общим грамматическим знаменателем для всех типов глаголов СВ: *писать* – ***на****писать* / ***пере****писать текст;* ***за****петь песню* / ***пере****петь все песни*; *прыг**ну**ть вверх, толк**ну**ть в спину* или *куп**и**ть дом, реш**и**ть задачу* и т. п.

ISBN 978-84-949838-0-1

Особенностью всех типов глаголов СВ является их неспособность употребляться в контексте настоящего времени. Данное ограничение вызвано грамматической семантикой СВ, то есть, неспособностью *локализованного действия* (в виду его *точечного* характера) восприниматься *актуально длящимся* на фоне момента речи. Поэтому глаголы СВ могут употребляться только в прошедшем или будущем времени и всегда выражают *единичные локализованные во времени* действия или ряд *последовательных единичных* действий.

3) Третьим членом тройственной видовой оппозиции являются *вторичные* имперфективы НВ2, образованные от глаголов СВ путём суффиксации. Они представляют собой некий гибрид двух первых. С одной стороны, большинство из них сохраняют семантические характеристики глаголов СВ: *терминативную* тему, а также элемент *точечности*, позволяющие им сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия. С другой стороны, присутствие в их обновлённой основе *итеративных* суффиксов *–а-/-я-,-ва-, -ыва-/-ива-* позволяет им употребляться в настоящем времени, создавая впечатление, что они ничем не отличаются от глаголов НВ1. Однако, на самом деле это не так. Далеко не все из них могут употребляться для выражения *длительности* – только глаголы с *терминативной* основой, но и они, в отличие от глаголов НВ1, могут также употребляться для выражения *законченности* действия. Более того, главная семантическая особенность глаголов НВ2, *терминативных* и *нетерминативных*, заключается в том, что значительное количество таких глаголов приобретают также способность выражать *многократность*, изначальную функцию *итеративных* суффиксов *–а-/-я-, -ва-, -ыва-/-ива-*. Таким образом, можно сказать, что, отказавшись от первичных *итеративных* глаголов типа *хаживать, сиживать, говаривать* и т. д., языковая система перераспределила существовавшие функции таким образом, что вторичные имперфективы, образованные от глаголов СВ, включили в свою семантику способность выражать и *многократность*, и *длительность*, и *законченность* действия.

Эти существенные особенности в образовании и функционировании видовых форм русского глагола необходимо представлять в самом начале курсов русского языка. Видовая система русского глагола по своей сути является лексико-грамматической: каждый глагол представляет собой самостоятельное слово. Знакомство с механизмами видообразования: НВ1 > СВ2 > НВ2 (*читать > прочитать > прочитывать, думать > подумать > подумывать*) или СВ1 > НВ2 (*взять > взимать, решить > решать*) поможет студентам быстрее усвоить его и использовать в речи. Это будет намного легче и эффективнее, чем запоминание видовых пар, которые не отражают реальных процессов образования видовых форм.

Исходя из существующих в языке принципов образования глаголов СВ и НВ, будет также легче понять и усвоить видовые значения каждого глагола, а также роль контекста для

ISBN 978-84-949838-0-1

глаголов НВ, т. е. как и почему возникает значение *многократности*, *длительности* или *законченности* действия и почему значение *законченности* действия выражается не только глаголами СВ, но и глаголами НВ2.

Ссылка к приложению:
https://drive.google.com/open?id=1eR9CK0l367V0zuxsH_10AwUTEcWzdRNg

Список литературы

Виноградов, В. В. (1972): Русский Язык. Москва: Высшая Школа.

Зализняк, А. А., Микаелян, И. Л. (2012): «О некоторых дискуссионных моментах концепции Лоры Янды», Вопросы языкознания, 6, 48-65.

Зализняк, А. А., Микаелян, И. Л. (2014): «Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности», Mundo Eslavo, 13, 19-33.

Карпухин, С. А. (1999): «К вопросу о видовых парах в русском языке», Вестник СамГУ. Языкознание, 3, 108-114

Карпухин, С. А. (2016): Избранные работы по русской аспектологии. Самара: Издательство Самарского университета.

Кравченко, А. В. (1995): «Глагольный вид и картина мира», Известия РАН, Серия литературы и языка, 54, 1, 49-64.

Милославский И. Г. (1989): «Вид русского глагола как словообразовательная категория», Филологические Науки, 4.

Рассудова, О. П. (1968): Употребление видов глагола в русском языке. Изд-во Московского университета, Москва.

Соболева, В. С. (2017): «К вопросу о видовой парности русских глаголов: ещё одна попытка решения спорных вопросов», Вестник Самарского Университета: История, Педагогика, Филология, 23, 2, 163-202.

Соболева, В. С. (2016): «Ещё раз о категории глагольного вида в русском языке», Международный Виртуальный Форум. Стамбул. Гуманитарные Аспекты в Геокультурном Пространстве, 258-272.

Соболева, В. С. (2011): «Преподавание глагольного вида в русском языке: проблемы и решения», Russian Language Journal, 61, 163-202.

Якобсон, Р. (1985): «О структуре русского глагола», Избранные работы, Москва: 210-221.

Янда, Л. А. (2012): «Русские приставки как система глагольных классификаторов», Вопросы Языкознания, 6: 3-47.

ISBN 978-84-949838-0-1

References

Forsyth, J. A. (1970): Grammar of Aspect. Cambridge, Cambridge University Press.

Franke, Jack (2004): The Big Silver Book of Russian Verbs. New York. McGraw-Hill.

Janda L. A., Lyashevskaya O. (2011): “Aspectual pairs in the Russian National Corpus”, Scando Slavica, 57, 2, 201-215.

Kuznetsova, J., Sokolova, S. (2016): “Aspectual triplets in Russian: semantic predictability and regularity”, 40, 215-230.

Soboleva V. S. (2014): “On Semantic Peculiarities of Secondary Imperfective Verbs in Russian: Their In/Compatibility with the Notions of Duration and Completion,” Russian Language Journal, Vol 64, 151-199.

Swan, Oscar (1977): “The mystery of the ‘imperfective completive”, Slavic and East European Journal, 41, 4, 517-525.

ISBN 978-84-949838-0-1

ДИНАМИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЯДРА РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Степанова Людмила
Университет им. Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика
ludmila.stepanova@upol.cz

DYNAMICS OF THE INTERNATIONAL PART OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

Ludmila Stěpanova
Palacký University Olomouc, Czech Republik

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются русские интернациональные фразеологизмы, описываются разные типы интернационализмов, показывается динамика интернационального ядра русской фразеологии в течение последних десятилетий. В настоящее время русская фразеология заимствует многие новые единицы из американского варианта английского языка, которые составляют интернациональное ядро европейской фразеологии. В западнославянские языки они попали из немецкого языка и существуют в них уже много веков. Благодаря этим новым заимствованиям расширяется круг фразеологических интернационализмов. Материал для анализа был извлечен из «Словаря русских неологизмов», включающего в себя новую русскую лексику и фразеологию.

ABSTRACT

The author analyses Russian international idioms, describes different types of international idioms, shows dynamics of the international part of Russian phraseology during last years. Russian phraseology borrows now a lot of new units from English. They belong to the international part of European phraseology. They were borrowed from German and exist in Slavonic languages of West Europe for a long time. So the group of international idioms becomes larger. The material for analysis was taken from the new dictionary of Russian neologisms.

Ключевые слова: фразеологизм; русский язык; заимствование; английский язык; интернационализм.

Keywords: idioms; Russian; borrowing; English; international idiom.

* Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2018-2021 z Fondu pro podporu vědecké činnosti, grant FPVC2018/14.

Признавая национальное своеобразие культуры, истории и языка каждого народа, лингвисты, тем не менее, отмечают в каждом языке наличие лексических и фразеологических единиц определенного ядра словарного запаса, которые тождественны во всех европейских языках или в нескольких из них. К такому общему фразеологическому фонду обычно относят фразеологические единицы, восходящие к Библии и другим книгам Священного Писания, к античной мифологии, европейской истории и литературе. В трудах последних десятилетий было доказано, что несмотря на общий источник заимствования, эти фразеологизмы по-разному осваиваются европейскими языками и, следовательно, имеют в них целый ряд отличий. Данные фразеологизмы остаются, однако, настолько близкими и узнаваемыми, что получили общее обозначение – *интернационализмы*.

Сам термин не идеален – напр., многие исследователи верно отмечают, что традиционно употребляемый термин *интернационализмы* мы связываем с фразеологизмами, имеющими зафиксированное распространение в европейских языках, факт их использования за пределами Европы не изучен, следовательно, вернее было бы использовать термин *европеизм*. Мы признаем, что в том общем ядре, в котором пересекаются фразеологические фонды европейских языков, можно видеть разные по универсальности типы фразеологических единиц, однако термин интернационализм стал устойчивым как применительно к лексике, так и применительно к фразеологии, поэтому и мы будем им пользоваться, памятуя, однако, его условность. Итак, под фразеологическим интернационализмом мы понимаем фразеологизм, существующий в славянских и западноевропейских языках и отличающийся близостью лексемного состава и семантики.

Проф. В. М. Мокиенко при межъязыковом сопоставлении выделяет генетически и типологически схожие фразеологизмы (Мокиенко 1980, 1986 и др.). Приняв данную классификацию за основу, мы детализировали и расширили ее. Итак, мы выделяем:

1. Генетические интернационализмы. Их можно подразделить на две подгруппы: 1) ФЕ, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику (библейские: *начать с Адама, от сотворения мира, Содом и Гоморра,* античные: *Ахиллесова пята, Авгиевы конюшни*; ФЕ, связанные с общими для Европы событиями, из общеизвестных произведений и т.п.: *Колумбово яйцо, рыцарь печального образа* и т.п.); 2) фразеологические кальки и полукальки, попавшие в славянские и западноевропейские языки разными путями, но совпадающие по структуре и семантике, напр. *разбить наголову* – чеш. *porazit na hlavu* (из нем. *auf Haupt schlagen*), *холодная война* – чеш. *studená válka* (англ. *cold war*) и др.

2. Типологические интернационализмы - это сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных природных, экономических и

ISBN 978-84-949838-0-1

культурных условий жизни. Это прежде всего фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром (*работать как лошадь* - чеш. *dřít jako kůň* – англ. *to work like a horse* – нем. *arbeiten wie ein Pferd* и т.п.). Как правило, это ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно-семантической модели (*покупать кота в мешке* – чеш. *kupovat zajíce v pytli* – нем. *die Katze im Sack kaufen* –англ. *to buy a pig in a poke* – фр. *acheter chat en poche (sac)*). Подобные семантические модели можно наблюдать и в неродственных языках, ср. *ни рыба ни мясо*, чеш. *ani ryba ani rak*, кит. букв. «ни осел ни конь»; *убить двух зайцев одним выстрелом*, чеш. *zabít dvě mouchy jednou ránou*, кит. букв. «убить двух птиц одним камнем» (тождественный эквивалент видим, напр., и в английском языке – *to kill two birds with one stone*).

3. К этим двум группам примыкают универсалии на концептуальном уровне – это фразеологизмы, которые отражают сходные представления европейских народов об окружающем мире, но имеют часто очень разную форму. Так, напр., что-л. непонятное, неясное, запутанное в разных языках сравнивается с написанным на отдаленном для этой страны языке – по модели «это для меня (или для кого-л.) написано (или сказано) на иностранном языке», напр., в русском языке это сравнивается с написанным на китайском языке – *китайская грамота*, также во фр. *etre pour du chinois* и польском *chińszczyzna*, во французском и английском языках это сравнивается также с греческим языком: фр. *etre pour du grec*, англ. *it is all Greek to him*.

Сегодня нас будут интересовать динамические процессы в интернациональной фразеологии. В постоянно изменяющемся мире постоянно развивается и изменяется также язык, но эти изменения происходят неравномерно. А изменяется ли интернациональный фразеологический фонд русского и других славянских языков, который – уже в силу своей интернациональности – часто воспринимается как наиболее стабильный?

Разумеется, стабильность эта весьма относительна и отличается в зависимости от типа интернационализма. Вероятно, наиболее устойчивым ядром остаются генетические интернационализмы, восходящие к общему культурному наследию европейских языков. Хотя и здесь динамика неизбежна – к сожалению, в этой группе число общеизвестных ФЕ сокращается. Так, чешские лингвисты отмечают, что современная чешская молодежь меньше читает и утрачивает активное владение культурными интернационализмами (Čechová 1999: 47-56). Думаю, это верно и для других славянских языков. Касается это и библеизмов: в России девяностых годов наблюдался резкий всплеск интереса к Библии – ранее запретной теме – и библеизмами пестрели страницы всех газет, но ныне этот интерес также постепенно спадает.

ISBN 978-84-949838-0-1

Исследования библейской фразеологии, проведенные Д. Балаковой, В. Ковачовой и В. М. Мокиенко среди молодых респондентов из России, Чехии и Словакии, напр., показали, что знание библейских выражений и их точное отнесение к Библии у современных русских студентов часто недостаточны. Нередко определения, даваемые к предложенным оборотам, были неточны либо очень сильно осовременены (см. подробнее Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013: 118–150).

Иначе обстоит дело во второй группе генетических интернационализмов, а именно – в группе фразеологических заимствований. Конечно, и в этой группе интернациональность может распадаться – когда в одном или нескольких языках определенный фразеологизм предается забвению – это произошло, например, как показал В. М. Мокиенко, с выражением *отложить в долгий ящик*, которое было известно в немецком, чешском и, возможно, других языках, а теперь употребляется только в русском языке и, более того, некоторыми фразеологами связывается с русской историей (Мокиенко 1986: 35-43). Но уход интернационализма из активного употребления – процесс очень длительный и уловимый лишь со значительной временной дистанции.

Наоборот, самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счет заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведет к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии.

Воздействию английского подвергаются все аспекты языка, как лексика, так и синтаксис, и словообразование. Не избежала экспансии англицизмов и фразеология. В русском языке в последние два-три десятилетия появились многочисленные фразеологические кальки, напр.: *промывание мозгов, вызвать на ковер, быть в одной лодке, писать в стол, скелет в шкафу, заметать под ковер, моя чашка чая (кофе), музыка будущего, делить какой-л. пирог, золотой парашют* и др. Все эти фразеологизмы существуют также в чешском языке.

Разумеется, мы не утверждаем, что фразеологические англицизмы проникают в современные славянские языки одинаково и одновременно. Некоторые обороты могут адаптироваться только одним из языков, оставаясь неизвестными в других. Так, в русском языке нашли применение некоторые заимствованные фразеологизмы, которые отсутствуют в чешском языке. Это, напр., обороты *бесплатный сыр только в мышеловке, не класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и некоторые другие.

Начало третьего тысячелетия вызвало следующую волну экспрессивизации русской лексики, в том числе и за счет новых фразеологических единиц. Чешским русистам, проживающим в отрыве от живой среды русского языка, трудно следить за новыми оборотами,

ISBN 978-84-949838-0-1

появляющимися в русской речи в последние годы. Однако, с другой стороны, некоторая отстраненность может сослужить и хорошую службу – поможет уловить неологизмы, которые быстро подхватываются носителями языка и скоро перестают ими ощущаться как новые.

Например, в 2007 г. мною были включены в «Русско-чешский фразеологический словарь» (при написании словаря неологизмам было уделено особое внимание, т. к. моей целью было отразить как можно более актуальное состояние русской фразеологии) такие новые в тот момент фразеологизмы, как: *мыльная опера, замести под ковер, делить пирог, скелет в шкафу, золотой парашют, ломать через колено, бесплатных завтраков не бывает или бесплатный сыр только в мышеловке, класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и многие другие (Stěpanova 2007). При работе над Словарем я руководствовалась дефиницией неологизма Петербургского фразеологического семинара: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко 2003: XI).

За прошедшие с момента выхода Словаря – более 10 лет – изменилось соотношение некоторых калек в русском и чешском языках. Так, в 2007 г. в Словарь не были включены обороты *это [не] моя чашка чая, это [не] моя группа крови* – в русском языке они встречались редко, хотя уже были известны в чешском языке: *to není můj šálek kávy (čaje), to není moje krevní skupina*. Сейчас были обнаружены и примеры употребления этих оборотов в русском языке. Ср.:

Отель был постоянно шумным, никакой сон, бассейн, окруженный конкретными джунглями с 60-ых, <...> пиво, дешевое & противное. Не моя чашка чая! http://www.tripadvisor.ru.

"Москва – моя группа крови" – Театр – ... "Москва — моя группа крови". Елена Морозова, играющая в новом спектакле Кирилла Серебренникова ... www.timeout.ru

В новой работе по неологизмам, недавно изданном Словаре русских неологизмов (Stěpanova, Dobrova 2018), кроме лексических единиц, фиксируются и многие новые фразеологические обороты:

1) транскрибированные английские выражения: *джаст ин тайм* (точно вовремя), *джаст фор лулз (фан)* – ради удовольствия; для смеха, веселья,

2) фразеологизмы с освоенными английскими компонентами: *легкий лайк* – дружелюбный человек в соцсети, который поставит лайк под всем, что вы запростите;

ISBN 978-84-949838-0-1

возглавлять топ – быть лучшим среди лидеров, занять первое место в рейтинге лучших; *поколение игрек, поколение У, Z, поколение некст* – Миллениалы, поколение родившихся после 1981 года, характеризующееся глубокой вовлечённостью в цифровые технологии. Сюда относится и фразеологизм *запастись попкорном* – с интересом ожидать развития событий, ср.:

Ну или просто запаситесь попкорном и наблюдайте, как криптовалюты будут менять наш мир... http://solvaigsamara.livejournal.com

Верховный суд вышел за рамки и открыл ящик пандоры. ну а я запасся попкорном и патронами – дальше будет "лучше, веселее", саш. https://kuzimama.livejournal.com

3) полные кальки: *офисный планктон, говорящие головы, игра в одни ворота, черная пятница, родиться с серебряной ложкой во рту*. Последнее выражение отличается от русского фразеологизма *родиться в рубашке*, т.к. означает не «быть счастливчиком», а «иметь счастье род0иться в богатой, зажиточной семье».

4) кальки, которые нам представляются совсем недавними, напр.:

– *стеклянный потолок* «невидимый и формально никак не обозначенный барьер в карьере, ограничивающий продвижение женщин по служебной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами», ср.:

Saxo Bank отмечает, что в 2018 году женщинам все-таки удастся пробить «стеклянный потолок» гендерного неравенства на рынке труда и в среде топ-менеджеров. https://www.kommersant.ru

– липкий пол – «длительное пребывание на должности с самым низким уровнем дохода и престижа, без возможности продвижения по службе». Это явление касается главным образом женщин таких профессий как горничные, няни, офисный персонал, медсестры, учителя и др.

– поющие трусы – «неодаренные певицы, компенсирующие отсутствие таланта отважными нарядами»:

...певицы последних десятилетий попсы из серии, как дали определение в СМИ - это «поющие трусы». http://halidahamid.livejournal.com

– рука лицо – «обозначение чувства неловкости, стыда за что-л.», ср.:

Мне в таких ситуациях бывает жутко стыдно. Ну, просто невыносимо, вплоть до состояния «рука-лицо». https://ob-zor.ru

Большое распространение получил также фразеологизм *наступить на те же грабли,* он фиксируется в Национальном корпусе русского языка с 2003 г., в газетном – с 2001 г. – 34 употребления. Хотя он давно зафиксирован в диалектах, несомненно благодаря прозрачности

ISBN 978-84-949838-0-1

внутренней формы, однако в литературном языке распространился недавно, что было вызвано, повидимому, заимствованием из английского языка. Ср.:

Публикуем наиболее характерные истории в надежде, что кому-то из наших читателей они помогут на наступить на те же грабли. Е. Аракелян и А. Добрюха. Дела не так уж плохи, покуда живы «лохи»! Комсомольская правда, 2001.05

Как видим, большинство новых фразеологических заимствований имеет англоязычное происхождение. Но есть и исключения. Интересно, например, новые выражение *вишенка на торте*, чеш. *čerešnička na dortu*. Считается, что в русский язык оборот попал из французского благодаря фильму «Карла Бруни. вишенка на торте» (2010) о первой леди Франции, популярность была поддержана следующим французско-итальянским фильмом с названием в русском переводе «Черешня на пирожном» (2012). Оборот зафиксирован в употреблении с 2010 г. (Федорова 2017, с. 88). Сам образ украшения на торте существует во многих европейских языках, ср. англ. *icing on the cake*, амер. *frosting on the cake*, нем. *das Sahnehäubchen auf dem Kuchen* – букв. глазурь (крем) на торте. В французском языке в качестве украшения присутствует вишня: C'est la cerise sur le gâteau.

Есть и немногочисленные заимствования из немецкого языка – например, фразеологизм *визгу много, а шерсти мало*. Этот оборот приобрел особую популярность в русском языке благодаря его употреблению В. Путиным в 2013 г. в связи с делом Стоуна: Это все равно, что поросенка стричь: визгу много, а шерсти мало.

Сравнительно много оборотов пришло из компьютерного сленга и языка геймеров, напр.: *дрова горелые, корелские дрова, король дров* – графический редактор Corel Draw; *мыло* – электронная почта, *скинуть на мыло* – послать сообщение по электронной почте; *смерть вам!* – модем smart one; *кто, что-л. 80 уровня* – о ком-л., чем-л., достигшего максимального уровня профессионализма или другого качества, ср.:

Сегодняшний пост про автомобилистов 80 уровня я посвящаю этим автокемперам и их владельцам - людям, у которых в достатке отвага (решиться на подобный проект) и усердие со смекалкой (для его реализации). Да, для такого руки должны расти из правильного места! http://artemspec.livejournal.com

«Кулинар 80-го уровня»: домашние пироги, какими их еще не видели. http://www.telegraf.lv

С другой стороны, в русском языке сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия) появился фразеологизм *держать пальцы за кого*, чеш. *držet palce komu (jemandem den Daumen halten)* – «болеть за кого-л. (напр. при сдаче экзамена), желать удачи кому-л.”, зафиксированный в начале XX в. В русском языке этот фразеологизм появился

ISBN 978-84-949838-0-1

совсем недавно – по всей видимости, это калька английского *keep one's fingers crossed (for someone)* – и используется в разных вариантах, что характерно для неологизмов, причем не только в форме *держать пальцы за кого,* но и *держать пальцы крестом (крестиком), держать пальцы скрещенными*.

Эти варианты, по нашему мнению, проясняют первоначальную мотивацию ФЕ – до сих пор дети перекрещивают пальцы при виде скорой помощи, аварии или какого-то несчастия, как бы отгоняя злого духа. Но самого оборота в русском языке раньше не было. Когда кто-л. шел на экзамен, он говорил: «болейте за меня» или «ругайте меня». Существовало и суеверие, что мама должна обмакнуть пальцы в чернила, это принесет сыну или дочери удачу на экзамене. В современном русском языке все эти суеверия соседствуют друг с другом и создают новый синонимический ряд выражений со значением «болеть за кого-л., желать ему удачи», ср. призыв на форуме в Интернете:

Господа! Сегодня, начиная с двух часов пополудни, все кому не лень, держите за меня кулаки, пальцы крестиком, нос в чернильнице и делайте прочие трюки, неизменно приносящие удачу.

И через некоторое время:

Спасибо всем, кто меня ругал и держал пальцы крестиком. Всё прошло замечательно.

Подобное явление мы можем наблюдать и в истории других фразеологизмов, напр. *быть в одной лодке, ломать через колено*, *музыка будущего*.

Итак, что же происходит в современной интернациональной фразеологии, а точнее – в группе заимствованных фразеологических единиц? Как показывают многие исследования, количество активно употребляемых культурных интернационализмов сокращается. С другой стороны, быстро расширяется группа фразеологических заимствований из западноевропейских языков. Увеличивается количество калек английских (американских) фразеологизмов, которые проникают не только в славянские, но и в другие европейские языки, причем их заимствование происходит неединовременно и неравномерно. В русско-чешском сопоставительном плане наблюдается также расширение состава интернационализмов благодаря появлению в русском языке новых заимствований из английского языка, которые совпадают с фразеологизмами, давно калькированными чешским языком с немецкого языка.

Список литературы

Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. (2013): Наследие Библии во фразеоплогии. Грайфсвальд: E.-M.-Arndt-Universität Greifswald.

Мокиенко В.М. (1980): Славянская фразеология. Москва: Наука.

ISBN 978-84-949838-0-1

Мокиенко В.М. (1986): Образы русской речи. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

References

Čechová M. (1999): Užití kulturních frazémů v současnosti. In: Přednášky z XLII. běhu Letní školy slovanských studií. D. I. Praha, s. 47-56.

Stěpanova L. (2007): Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého.

Stěpanova L., Dobrova M. (2018): Словарь русских неологизмов. Olomouc: Univerzita Palackého.

ISBN 978-84-949838-0-1

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: КОРПУС ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Суарес Куадрос Симон Хосе
Гранадский Университет, Испания
ssuarez@ugr.es

АННОТАЦИЯ

Фразеологические исследования последнего десятилетия демонстрируют возрастающий интерес к этой научной отрасли. Именно такой интерес стал одним из решающих факторов, повлиявших на выбор темы данной статьи. В настоящее время во фразеологических исследованиях в основном уделяется внимание анализу единиц, представленных на нескольких лингвистических уровнях, для того чтобы проанализировать их полное значение. Сложность, характерная фразеологическим единицам, позволила провести исследования с различных сторон. В нашей работе мы постарались отразить трудности, которые могут поджидать переводчика или изучающего иностранный язык, когда он сталкивается с Фразеологической единицей.

ABSTRACT

Idioms are structures with a very complicated nature if we consider composition and semantics. At the same time can make a big difficulty for foreigner students or translator, by different cultural meanings and it can hold. In this paper, we have to mention some of the possible difficulties that students may have a second language and aim some solutions to this problem.

Ключевые слова: Фразеология, Испанский язык, Русский язык.

Keywords: Idioms, russian, spanish.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) – это комплексные единицы, характерные для всех языков. Речь идет о сложных структурах без ясно определенных правил по их составу и построению. Данные структуры зарождаются в устной речи, где они обычно употребляются. Они возникают как отображение обычаев и верований, отображение культуры различных народов, встречаются на протяжении всей истории, развиваясь одновременно с развитием самого языка.

Фразеологические единицы отражают особенности традиций и навыков, приобретенных определенным народом в течение его собственной истории. Фразеология предусматривает все аспекты повседневной жизни каждого народа и его существования. Эти черты, характеризующие ФЕ , превращают их изучение в нечто привлекательное с точки зрения этимологии и культуры. Однако с другой стороны, вышеуказанные единицы становятся большим препятствием для тех, кто изучает иностранный язык. Ведь ФЕ обычно имеют

ISBN 978-84-949838-0-1

характерные каждому народу значения, отражают видение мира, присущее этому народу, и это представляет особую сложность при их правильном использовании. По этой причине, можно считать, что любой человек, изучающий иностранный язык, достиг высокого уровня знания этого языка, если он правильно применяет ФЕ, присущие данному языку. Естественно, сложность правильного употребления ФЕ тем выше, чем дальше рассматриваемые языки и культуры.

В нашей работе мы выбрали языки, принадлежащие разным лингвистическим группам, русский и испанский, которые в то же время представляют две разные культурные реальности. ФЕ обоих языков могут содержать культурные аспекты, исторические коннотации или специфичный опыт мировосприятия, присущие культурам русского и испанского народов. Этот фактор, который следует изучить, может превратиться в дополнительную, но не непреодолимую трудность. Например, Б. Н. Ажнюк в своем сравнительном исследовании ФЕ указал, что при сравнении таких отдаленных языков необходимо учитывать преобладание различий над сходствами (1989: 53). Этот принцип действителен и в нашей работе, так как, несмотря на то, что русский и испанский языки входят в индоевропейскую языковую семью, они все же принадлежат к совершенно разным языковым ветвям: русский – к славянской, а испанский – к романской. Однако, хотя речь идет о разных культурах и отдаленных языках, мы удостоверились, что также существуют и схожие элементы, которые совпадают как в форме, так и в значении, предлагая, в зависимости от примеров, удивительные и любопытные результаты.

Тем не менее, следует учитывать тот факт, что при сравнении двух языков из разных групп типы взаимосвязей могут перемешиваться:

а) в отдельных аспектах организации формальных идей; в данном случае, главную роль играют лексика и семантика;

б) в их общих содержаниях, а именно, в денотативном и в коннотативном значении.

Прежде чем перейти к некоторым типичным примерам из нашего исследования, хотелось бы внести еще одно разъяснение о характеристиках, которыми должна обладать ФЕ для включения их в наше исследование и, соответственно, для внесения ее в разработанный нами корпус. В начале нашей работы мы отметили, что ФЕ по своей сути являются сложными структурами и, что их очень трудно определить. Также они должны обладать минимальным набором характерных черт. В нашем исследовании мы приняли за основу работу В. М. Мокиенко (1989), который считает, что ФЕ это относительно фиксированное, выразительное и воспроизводимое объединение лексем, имеющее, как правило, неделимое значение. (1989:5). Также мы использовали работы испанской ученой Глории Корпас, специалиста в области

ISBN 978-84-949838-0-1

лингвистики, которая посвятила себя в основном изучению фразеологии. Корпас утверждает: «фразеологические единици, являющиеся предметом фразеологии, - это лексические единицы, состоящие из двух или более графических слов, при низшей границе длины, в верхней границе – составляют сложное предложение. Вышеуказанные единицы характеризуются их частотностью и одновременным появлением их составных элементов,их конституированием, состоящим в их семантическом установлении и специализации, потенциальной идиоматичностью и изменчивостью, а также степенью, в которой проявляются все аспекты различных типов. (G. Corpás, 1996: 20)

Естественно, проведение глобального фразеологического исследования может стать слишком сложной работой. Поэтому мы решили предварительно определить границы нашей работы. Именно по этой причине мы выбрали действительно представительную лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) для проведения настоящего сравнительного анализа русского и испанского языков.

Выбранная ЛСГ включает названия животных, так как мы посчитали, что эта лексическая группа является одной из самых характерных во всех языках и может предложить нам множество вариантов при сравнении лексики обоих языков. Эта ЛСГ является одной из самых главных и древних во всех языках и, в то же время характерна повышенной возможностью для составления фразеологических выражений.

Одним из самых важных фактов, представленных в данной группе, является то, что в большинстве случаев данная группа состоит из разных семантических уровней. На первом уровне расположены прямые значения слов, обозначающих самих животных или *зоосемизмы*. Однако более интересным для нашего исследования являются метафорические значения или *зооморфизмы*, которые в большинстве случаев проявляются при описании человека.

Мы использовали термин «зооморфизм» (Зайченко, М.Ф., 1983) как синоним названия животных, которые используются в метафорическом значении для описания характеристик или внешности человека.

1. Фразеологический анализ.

Сравнение ФЕ с одним и тем же компонентом – названием животного в обоих языках иногда может привести к разным видам соответствий.

Обнаружение межлингвистических эквивалентов, то есть схожих элементов в двух или более языках, является одной из самых главных задач лингвистики как науки.

ISBN 978-84-949838-0-1

Сравнение нескольких грамматических уровней двух языков может привести к аналогичным или различным результатам. Как утверждает С.В. Евтеев, сходство позволяет определить предмет, подлежащий сравнению. В отношении различий Евтеев определят два вида: значительные различия (те, которые не проявляют никакой степени сходства) и незначительные различия (проявляющие какое-либо сходство). (С.В. Евтеев, 1992: 51).

По нашему мнению, это явление не очень важно при изучении иностранных языков; тем не менее, его необходимо учитывать, если речь идет о полном владении иностранным языком. Ведь в любом языке присутствуют лингвистические единицы, которые могут быть одинаковыми или, наоборот, могут не совпадать.

Некоторые лингвисты [6] в недавних исследованиях указывают, что существует склонность к сравнению прагматических групп, синтагм, полей и предложений. По мнению Евтеева, усилие при сравнении высших структур обосновано при функциональном переходе к обнаружению схожих явлений при сравнительном исследовании языков. (С.В. Евтеев, 1992: 52).

Проведенный на данном этапе анализ семантических групп ФЕ русского и испанского языков сводится к систематическому сравнению русских и испанских фразеологизмов. Для этого, мы в основном работали с двуязычными словарями.

Следует отметить, что сравнение лингвистических единиц двух или более языков может привести к совершенно другим результатам, что важно учитывать, так как лингвистическое толкование фразеологических компонентов может привести к ошибочному толкованию фразеологизма.

Лингвист Б. Н. Ажнюк, занимавшийся сравнением английской и украинской фразеологии в культурно-этнических рамках, утверждает, что эти выражения называют квалитативные суждения, относящиеся к полному значению (лексема – компонент) в формальной лингвистике. По словам ученого, при сравнении таких разных языков как английский и украинский необходимо учитывать, что над сходствами будут преобладать различия. (Б. Н. Ажнюк, 1989: 53).[7]

Чтобы установить степень эквивалентности, мы, несомненно, учитывали, что русский и испанский языки – совершенно различные языки, как по происхождению, так и по их

6 Евтеев, С. В., 1992: Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков. Москва. ст. 50-57. ЗАЙЧЕНКО, Н. Ф., 1993: “До питання про системні закономірності в лексико семантичній групі зоосемізмів”, *Мовознавство*, 4, ст. 44-48. ЗАЙЧЕНКО, Н. Ф.,1983: Лексико-семантическая группа «наименования животных» и её фразеобразовательные возможности в современном русском языке. Автореф. Канд. Дисс. Киев.

7 Ажнюк, Б. М., 1989: *Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні*. Київ.

ISBN 978-84-949838-0-1

содержанию. Кроме самих языков, стоит учитывать и то, что речь идет также о том, что культуры обоих народов имеют разное восприятие мира.

А. Д. Райхштейн утверждает, что в двух языках разного происхождения равнозначный интерлингвистический материал ФЕ может иметь одинаковый, несколько странный результат. По этой причине, межлингвистические отношения проявляются только как семантические структуры и не перекликаются при непосредственном сравнении, но находят общее только при отдаленном сравнении, через призму содержания соответствующих трудностей в их фразеологическом и обычном использовании. (А. Д. Райхштейн, 1980: 16-17).

Данный вывод также можно применить к сравнению русского и испанского языков, потому что наряду с полным совпадением и с полным различием в значениях можно установить промежуточные шаги, которые можно считать как не полностью совпадающие отношения. Как русские, так и испанские ФЕ следует разделить на три группы: идентичная, не идентичная и промежуточная группы.

Однако необходимо проявить особое внимание, так как при сравнении двух языков разного происхождения, виды связей могут переплетаться:

а) в отдельно взятых аспектах организаций формальных идей; в этом случае, главную роль играет лексика и семантика:

б) в общих содержаниях, то есть в денотативном и коннотативном значении.

2.1. Классификация исследования.

Было разработано много видов классификации в разных сравнительных фразеологических работах. Однако мы выбрали классификацию, использованную украинской ученой Н. Ф. Зайченко (1983), так как по нашему мнению, предлагаемая в ее трудах классификация является подходящей для исследований такого типа.

С точки зрения видовой организации мы установили несколько уровней эквивалентности по значению русских и испанских ФЕ . Согласно данной классификации различаются следующие виды эквивалентов:

а) Эквивалентные фразеологические единицы.

б) Аналогичные фразеологические единицы.

в) Фразеологические единицы без эквивалентов.

Мы посчитали необходимым разделить первую группу на абсолютные и неполные эквиваленты, которые следует отличать от аналогичных. В неполных эквивалентах, зооморфизм одинаков как в русском, так и в испанском варианте, однако в аналогичных - зооморфизм будет отличаться.

ISBN 978-84-949838-0-1

Наконец, и перед тем как перейти к самой классификации, в результате сравнительного анализа выяснилось, что существуют ФЕ с одинаковыми компонентами, но с совершенно разными значениями. Мы их назвали псевдоэквивалентами.[8]

Учитывая все аспекты ФЕ и фразеотематических групп, мы решили установить следующие виды эквивалентности:

2.1.1. Эквивалентные фразеологические единицы.

2.1.1.1. Абсолютные эквивалентные фразеологические единицы.

Абсолютные эквивалентные ФЕ – это единицы, в которых составляющие их грамматические компоненты расположены в одинаковом порядке в обоих языках. Кроме этого, они используют одинаковый зооморфизм и также совпадают в значении. Эта группа ФЕ не представляет никаких проблем, так как в данном случае существует эквивалент в другом языке и при переводе подстановка ФЕ не представляет никаких проблем. Несмотря на это, так как речь идет об исследовании двух языков разного происхождения, эта группа не является одной из самых главных.

Примерами этой группы могут служить следующие фразеологические единицы:

1) *Брать быка за рога.*

   Coger el toro por los cuernos.

2) *Верный как собака.*

   Fiel como un perro.

2.1.1.1. Неполные эквивалентные фразеологические единицы.

В данном случае эта группа ФЕ характерна тем, что они полностью совпадают по значению, но грамматические элементы ФЕ представлены по-разному. Следует уточнить, что в этой группе компонент – название животных ФЕ одинаков в обоих языках.

1) *Убить курицу, которая несет золотые яица*.

   Matar a la gallina que pone los huevos de oro. (Дословный перевод)

   Matar a la gallina de los huevos de oro.

2) *Собака на сене.*

   Perro sobre el heno. (Дословный перевод)

   El perro del hortelano.

8 Термин, внесенный Райхштейном в книге “*Сопоставительний анализ немецкой и русской фразеологии”*. (1980) Москва.

ISBN 978-84-949838-0-1

3) *Морской волк.*

Lobo marino. (Дословный перевод)

Ser un lobo de mar.

Для того чтобы указать разницу в порядке слов, в вышеуказанных примерах мы поставили на первое место русскую ФЕ, на второе место – дословный перевод, а на третье – испанский эквивалент. Несмотря на различия, эти ФЕ обладают одинаковым значением, как было указано ранее.

2.1.2. Аналогичные фразеологические единицы.

Третья группа ФЕ схожа с предыдущей, но следует сделать небольшое уточнение. Также как и во второй группе, речь идет о ФЕ , которые как в русском, так и в испанском языках имеют одинаковое значение, но один из составляющих их элементов отличается. Во второй группе элемент, придающий силу ФЕ, то есть зооморфизм, одинаков в обоих языках, что отличает ее от третьей группы. Здесь зооморфизмы в русском и в испанском языке отличаются. Это явление не влияет на перевод, так как одну ФЕ можно заменить на другую, причем контекстуальный смысл не меняется. Но, если главный элемент ФЕ влияет на контекст, то следует использовать примечание переводчика или же прибегнуть к поиску ФЕ, которая великолепно бы подошла для перевода без влияния на контекст. Последний вариант намного сложнее для переводчика.

1) *Убить одним выстрелом двух зайцев.*

Matar con un disparo a dos liebres. (Дословный перевод)

Matar a dos pájaros de un tiro. (Предлагаемый перевод)

Второй пример мы включили, чтобы показать, что в определенном контексте надо соблюдать осторожность: русский вариант имеет положительные коннотации для описания человека, между тем, в испанском варианте предлагает отрицательное значение.

2.1.3. Фразеологические единицы без эквивалентов.

Четвертая группа без сомнений является самой многочисленной. Речь идет о группе русских и испанских ФЕ без эквивалентов в другом языке, что подтверждено в трудах Б. Н. Ажнюка, и о чем было указано в начале данной работы: в языках разного происхождения различия будут преобладать над сходствами. Перевод ФЕ этой группы является более

ISBN 978-84-949838-0-1

сложным, так как, если прибегать к дословному переводу в целевом языке могут потеряться важные оттенки общего контекста. С другой стороны, также как и в предыдущей группе, сложно подобрать ФЕ с тем же значением, что и в исходном языке. Далее приведены примеры этой группы ФЕ на русском и на испанском языке.

1) *Великий птах.*
2) *Как корова языком слизала.*
3) *Pájaro de cuenta*. [Мошенник]
4) *Ser dócil (manso) como un cordero*. [Кроткий как ягненок]
5) *Mirar como un cordero degollado.* [Смотреть как ягненок на волка]

2.1.4. Псевдоэквивалетные фразеологические единицы.

Перейдем, наконец, к самой интересной и самой маленькой группе. В пятую группу включены те ФЕ, в которых совпадают все компоненты, даже компонент – название животных, но они имеют разные значения в разных языках. Несмотря на то, что эта группа небольшая, она хорошо подходит к определению, предложенному А. Д. Райхштейном о псевдоэквивалентных фразеологизмах, поэтому мы решили их включить в отдельную группу. Кроме того, эти ФЕ интересны с точки зрения культурного обозрения, а также являются испытанием для переводческих навыков, так как схожие структуры могут навести любого переводчика на ложный путь.

Испанская ФЕ «como una rata de sacristía» [как церковная крыса] описывает человека, который проводит много времени в молитвах в церкви. В русском языке существует фразеологизм «как церковная мышь». Элементы обеих ФЕ почти одинаковы, но в русском варианте речь идет о людях, которые живут в нищете.

Мы нашли еще один пример псевдоэквивалентных фразеологических единиц: «estar como un cerdo» («быть как свинья» на русском). В испанском варианте эта фразеологическая единица может иметь два значения. Одно описывает внешность человека, а второе значение описывает степень неряшливости человека в тот или иной момент. Второе значение испанского фразеологизма совпадает с русским вариантом. Однако, в русском языке мы не нашли ни одного примера, совпадающего с описанием внешности человека. По этой причине, мы решили включить эту фразеологическую единицу в две группы, одна из которых – данная группа псевдоэквивалентных фразеологических единиц.

ISBN 978-84-949838-0-1

2. Выводы.

1) Названия животных составляют важную лексико-семантическую группу, как в русском, так и в испанском языке, и очень часто встречаются в лексике обоих языков. Сравнительный анализ семантических результатов позволил нам подтвердить, что, как и предвиделось в начальной гипотезе нашего исследования, различия преобладают над сходствами.

2) Как в русском, так и в испанском языке, названия животных приобретают два или более значения; одно из них прямое, а другое используется для описания человека (зооморфизмы).

3) Мы смогли установить, что в обоих языках отрицательные коннотации преобладают над положительными.

4) Русскому и испанскому языкам характерна общая фразеологическая деривация. Названия животных очень часто и активно участвуют в составлении ФЕ. В большинстве изученных зооморфизмах и ФЕ они проявляют идентичные коннотации, что указывает на большое влияние зооморфизмов на полное значение ФЕ.

5) В разработанном корпусе, чаще всего встречаются на русском языке слова: собака, муха, птах, волк и мышь; а на испанском: perro [собака], mosca [муха], mono [обезьяна], gato [кот] и toro [бык].

Список литературы

Арутюнова, Н. Д., 1990: (ed.) Теория метафоры. Москва. Прогресс.

Corpás Pastor, G., 1996: Manual de Fraseología Española. Madrid. Gredos.

Corpás Pastor, G., 2000: Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción, Granada.

Доброволський, Д. О., 1987: “Национально-культурная специфика во фразеологии”, Вопросы языкознания. 6, Москва. Ст. 37-48.

Евтеев, С.В., 1992: Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков. Москва. ст. 50-57.

Зайченко, М.Ф., 1983: Лексико-семантическая группа «наименования животных» и её фразеобразовательные возможности в современном русском языке. АКД, Киев.

Мокиенко, В. М., 1980: Славянская фразеология. Moscú. Высшая школа. 2ª Ed. 1989.

Райхштейн, А. Д. 1980: Сопоставительний анализ немецкой и русской фразеологии. Москва.

Телия, В. Н., 1966: Что такое фразеология, Москва, Наука.

ISBN 978-84-949838-0-1

РУССКИЕ И ХОРВАТСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *БОМБА* (*BOMBA*)

Желька Финк
Философский факультет Загребского университета, Хорватия
zfink@ffzg.hr

RUSSIAN AND CROATIAN IDIOMS WITH THE COMPONENT *БОМБА* (*BOMBA*)

Željka Fink
Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Croatia

АННОТАЦИЯ

На материале фразеологизмов русского и хорватского языков с компонентом *бомба* (*bomba*) будет показано, в какой мере два его основных лексических значения ('1. разрывной снаряд, сбрасываемый с самолета; 2. взрывное устройство') повлияли на формирование фразеологического значения, сколько общих семантических элементов фиксируется в значении фразеологизмов и как воспринимается данный компонент носителями русского и хорватского языков. С семантической точки зрения фразеологизмы с компонентом *бомба* (*bomba*) делятся на пять групп, причем они относятся к следующим семантическим полям: (1) сенсация, (2) внешний вид человека, (3) опасность, (4) беспорядок, (5) скорость движения.

ABSTRACT

The paper deals with Russian and Croatian idioms with the component *бомба* (*bomba*) including the following analysis: (a) the influence of its two basic lexical meanings (1. airdropped explosive shell; 2. explosive device) on the phraseological meaning of the idioms; (b) common semantic elements that are included in the phraseological meaning; (c) the perception of native speakers of Russian and Croatian towards the component. From the semantic point of view, the idioms are divided into five groups that are related to the following semantic fields: (1) sensation, (2) the look of a man, (3) danger, (4) mess, (5) speed of movement.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, фразеология, фразеологизмы с компонентом *бомба* (*bomba*), семантический анализ

Keywords: Russian, Croatian, phraseology, idioms with the component *бомба* (*bomba*), semantic analysis

* Работа выполнена в рамках проекта *Primjena frazeološke teorije u frazeografiji* (№ 4054), который финансирует хорватский фонд *Hrvatska zaklada za znanost*.

1. Введение

Несмотря на тот факт, что во фразеологизмах в узком смысле проведена полная или частичная десемантизация, лексическое значение определенных компонентов и некоторые

ISBN 978-84-949838-0-1

характеристики предметов в составе оборотов, как известно, все-таки оказывают большее или меньшее влияние на формирование фразеологического значения.

В работе анализируются фразеологизмы русского и хорватского языков с компонентом *бомба* (*bomba*). При этом будет показано, в какой мере основное лексическое значение и признаки данного предмета повлияли на формирование фразеологического значения, сколько общих семантических элементов обнаруживается в значении фразеологизмов двух славянских языков и как воспринимается данный компонент носителями русского и хорватского языков и культур.

В русском языке слово *бомба* появилось в Петровскую эпоху как заимствование из французского (*bombe*). Французское слово происходит в свою очередь от итальянского слова *bomba,* которое восходит к латинскому *bombus* ('шум, жужжание'), а то – к греческому βόμβος. В хорватский язык, с другой стороны, слово *bomba* заимствовано из итальянского. Существительное считается интернационализмом, ср. укр. *бомба*, бел. *бомба*, польск. *bomba,* чешск. *bomba*, словацк. *bomba*, словенск. *bomba*, серб. *бомба,* мак. *бомба*, болг. *бомба*, англ. *bomb,* нем. *Bombe,* франц. *bombe,* итальянск. *bomba*, исп. *bomba.*

Бомба – это название обширного ряда типов боеприпасов и взрывных устройств. Несмотря на то, что большинство бомб предназначается для поражения наземных, подземных и морских целей, можно упомянуть и многочисленные классы бомб для решения других задач, напр. для постановки дымовых завес, освещения местности, фотографирования, подачи сигналов.

В толковых словарях русского языка фиксируются два основных лексических значения существительного *бомба*: '1. разрывной снаряд, сбрасываемый с самолета; 2. взрывное устройство, преимущественно для совершения террористического акта'. Они более или менее соответствуют и основному лексическому значению в хорватских толковых словарях. В словарях обоих языков приводятся и переносные значения данной лексемы[9].

2. Семантический анализ фразеологизмов с компонентом *бомба* (*bomba*)

Анализ русских и хорватских фразеологизмов[10] с компонентом *бомба* (*bomba*) показал, что, когда речь идет о значении данных оборотов, можно говорить о пяти группах.

2.1. В первой группе фразеологизмов обоих языков значение связывается с какой-либо сенсацией, с каким-либо неожиданным событием (чаще всего неприятным), вызывающим

9 В хорватском языке существительное *bomba* имеет и значение, относящееся к спортивной терминологии: 'сильный удар /кулаком или мячом/' и 'прыжок бомбочкой'.

10 В анализ не включаются диалектные фразеологизмы с данным компонентом.

ISBN 978-84-949838-0-1

всеобщее удивление, возбуждение или панику. Все единицы данной группы имеют сравнительную структуру: *взорвалось (лопнуло) как бомба* что и ее синтаксический вариант *взорвалось (лопнуло) бомбой* что, затем *как бомба разорвалась, как взрыв бомбы*, *odjeknulo je kao bomba* što. Значение мотивируется разрывным действием и сильным ударом, в результате которых слышен резкий звук. Когда речь идет о семантическом аспекте хорватского оборота, оно основано и на переносном значении существительного *bomba*, зафиксированном в толковых словарях ('senzacija, novost koja sve potresa'). В толковых словарях русского языка, с другой стороны, фиксируется близкое переносное значение слова *бомба* – 'нечто важное, вызывающее взрывной интерес, внезапный и сильный отклик'.

Приводятся примеры употребления в контексте:

Новость ***взорвалась как бомба****… Пару месяцев назад известие прозвучало, словно бомба: Egenolf станет генеральным импортером русских сельхоз машин Ростсельмаша.* Константин Бабкин, Дневник партийца. babkin-k.livejournal.com›238607.html (доступ: 12.06.2018)

Материал, помещенный в «Трепе», ***взорвался как бомба****.* (Д. Донцова, Мачо чужой мечты)

Объявляют результат тайного голосования: Бахирев избран, Вальган нет! Как бомба разорвалась, ей-богу! Тут Уханов возражает: неправильное, мол, голосование. (НКРЯ, Г. Е. Николаева. Битва в пути)

В мирке Роллана, его жены, спецслужб, Коминтерна и всех более или менее завербованной левой интеллигенции это было ***как взрыв бомбы****.* (НКРЯ, Б. Носик. «Кто ты? – Майя», «Звезда», 2001)

Priča o dvoje nestalih grčkih atletičara ***odjeknula je kao bomba****.* (HFR[11] 2014, N)

ODJEKNULO KAO BOMBA

SENZACIJA IZ SVIJETA BORILAČKOG SPORTA: Cro Cop potpisao za američku organizaciju i dogovorio revanš s poznatim licem! (https://net.hr/, 05.3.2018)

В хорватском языке иногда в подобном контексте встречается и оборот *to je bomba* (досл. это – бомба), который тоже относится к неожиданной новости, вызывающей огромнейший интерес.

Приводится пример употребления:

Riječ je o jednoj anketi, ali nema sumnje da je reprezentativna: Crobarometar izmjerio je da OraH na području Rijeke i Istre dobiva 25 posto podrške, a SDP samo 21 posto. Ako je to istina, ***to je bomba****, i u SDP-u će se narednih mjeseci štošta morati dogoditi.* (Novi list[12], 30.8.2014)

11 HFR = Хорватский фразеологический словарь.

12 Хорватская ежедневная газета.

ISBN 978-84-949838-0-1

Субстантивный компонент данного оборота со структурой предложения употреблен в переносном значении, зафиксированном в толковых словарях, и именно оно оказывает влияние на значение оборота в целом. Оборот употребляется только в таком структурном виде, а значит, устойчивость структуры в данном случае является наиболее важной. Исходя из того факта, что в обороте не проводится дополнительная десемантизация, его можно считать частью фразеологии в широком смысле. Оборот иногда употребляется в качестве реплики или междометного фразеологизма.

Интересно заметить, что слову *bomba* в том же переносном значении иногда добавляются определения типа *pravi* ('настоящий') или *kakav* ('какой'), и с помощью таких сочетаний также выражается сильное удивление, вызванное какой-то неожиданной новостью, сенсацией или неожиданным событием. Сочетание *kakva bomba* часто встречается и в качестве междометного выражения.

Приводятся примеры употребления в контексте:

NA POMOLU PRAVA BOMBA DOMAĆEG MERCATA!? Dinamo u posljednji trenutak kreće u tešku misiju i veliku razmjenu s Rijekom koja uključuje trojicu igrača (Sportske novosti[13], 31.8.2018)

Kakva bomba! Barcelona želi dovesti sjajnog vatrenog!

Pred našim reprezentativcem su lijepi dani u karijeri, svojim sjajnim nastupima izborio se za interes velikana. (Večernji list[14], 23.7.2018)

2.2. Вторую группу фразеологизмов можно разделить на две подгруппы, причем обороты обеих подгрупп имеют общее значение, относящееся к внешнему виду человека.

2.2.1. В первую подгруппу входят фразеологизмы обоих языков, включающие гендерный элемент, но выражающие разные отношения к женщине.

Хорватский глагольный фразеологизм со сравнительной структурой *izgledati kao bomba* (досл. выглядеть как бомба) относится к красивой и сексапильной женщине.

Приводится пример употребления:

Žena se dobrano muči da bi izgledala k'o bomba

Jennifer Lopez već je godinama na listama najljepših žena na svijetu, no čak se i ova izvanserijska ljepotica mora dobro namučiti da bi izgledala tako zanosno.

https://net.hr/hot/zvijezde/jennifer-lopez-ustaje-svako-jutro-prije-sest-sati-i-vjezba/ (доступ: 12.6.2018)

13 Хорватская ежедневная газета.

14 Хорватская ежедневная газета.

ISBN 978-84-949838-0-1

Такое значение, вероятно, мотивировано переносным значением слова *bomba*, относящимся к сенсации, т.е. к тому, что вызывает огромный интерес, и этот аспект переносится на женщину, вызывающую интерес. Это до определенной степени подтверждается и фактом, что вместо сравнительной части можно употребить наречие *senzacionalno* ('сенсационно'):

*Kate **je** ovaj put **izgledala senzacionalno** u indigo plavoj haljini s hrabrim dekolteom koja je ocrtala i pripitomila njezine raskošne majčinske obline.* https://zadovoljna.dnevnik.hr/.../plava-senzacija-hrabra-haljina-koja-je-ukrotila-obline... (доступ: 12.6.2018)

Слово *bomba*, относящееся к красивой и сексапильной женщине [15], сочетается и с прилагательным *pravi*.

Приводятся примеры употребления:

Prava bomba: Ecija Ojdanić u nikad izazovnijem izdanju

Posljednjih godina glumica sve više plijeni svojim dobrim izgledom. Hvale joj mladalački izgled, temperament, energiju. https://www.tportal.hr/.../prava-bomba-ecija-ojdanic-u-nikad-izazovnijem-izdanju-fot... *(доступ: 31.8.2018)*

***RAKETINA ŽENA JE** PRAVA BOMBA**:** Raquel pokazala ubojiti 'underboob' i sve bacila na koljena* https://net.hr/.../raketina-zena-je-prava-bomba-raquel-pokazala-ubojiti-underboob-i-s... (доступ: 31.8. 2018)

Помимо данных оборотов, в словарях обоих языков регистрируются и сложные слова *секс-бомба* и *seks-bomba* в значении 'женщина, подчеркивающая в своей внешности чувственную страсть, женщина, вызывающая сильное чувственное влечение'. Они подтверждаются во многих текстах:

*Мэрилин Монро до сих пор считают **секс-бомбой**. А она, оказывается, писала пронзительные, лиричные стихи и мечтала сыграть Грушеньку.* irbis.wkau.kz›cgi-bin/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe… (доступ: 12.6.2018)

*Ne smatram se **seks-bombom**. Ne bih ništa mijenjala na sebi, moji su najveći aduti komunikativnost i optimizam, a ljudi kažu da beskrajno zračim.* (Story[16], 2.7.2010)

В глубинной структуре данных фразеологизмов сопоставляются сексапильные атрибуты женщины с формой взрывного устройства.

С другой стороны, в *Большом словаре народных сравнений* (2008) фиксируется русский просторечный оборот *толстая (полная) как бомба*, выражающий пренебрежение к умеренно толстым женщинам. В том же словаре можно найти и оборот с уменьшительно-ласкательной

15 В *Словаре хорватского жаргона* (2001) как одно из значений слова *bomba* приводится 'сексапильная женщина'.

16 Хорватский журнал.

ISBN 978-84-949838-0-1

формой компонентов – *толстенька (полненькая) как бомбочка*, употребляющийся по отношению к полной женщине низкого роста[17]. Однако, нам не удалось подтвердить употребление данных оборотов в современных русских текстах. И эти гендерно окрашенные фразеологизмы мотивированы формой бомбы.

2.2.2. Во второй подгруппе упомянем лишь один русский фразеологизм, зафиксированный в *Словаре фразеологических синонимов русского языка* (2009) под лексической доминантой «некрасивый»: *страшнее атомной бомбы*. В качестве компонента в нем появляется один вид оружия массового поражения, причем некрасивый человек сравнивается как раз с таким весьма опасным оружием, причиняющим масштабные разрушения и вызывающим массовые потери.

Тем не менее, нами не подтверждено употребление данного оборота в современных русских текстах в значении, обозначенном в словаре.

2.3. Фразеологизмы третьей группы имеют общее значение опасности, а они, с точки зрения более конкретного значения, делятся на две подгруппы: в первой речь идет о реальной опасности, в то время как во второй – о потенциальной опасности.

2.3.1. Оборот *страшнее атомной бомбы* найден в современных русских текстах в значении, не зафиксированном в доступных нам лексикографических и фразеологических источниках: 'опасный, вызывающий чувство страха своей опасностью' (ср. 2.2.2.).

Приводим примеры употребления:

Эта молоденькая жена, существующая так близко под защитой его родных, была для Зинаиды Ивановны страшнее атомной бомбы. (НКРЯ, В. Панова, Времена года. Из летописей города Энска, 1953)

Когда журналист ***страшнее атомной бомбы***

Фотографам в Иране приказано сидеть по домам (Новая газета, 16.10.2009)

Подтверждается и употребление оборота с вариантным прилагательным *опасный*:

Дурак во власти ***опаснее атомной бомбы***. https://books.google.hr/books?id=nwZItIRC9TAC *(доступ: 31.8.2018)*

Истина – очень опасное слово, серьезное слово, и лучше всего понимается в безмолвии. Я говорил много раз – истина намного ***опаснее атомной бомбы***. http://www.mt-kailash.ru/bez-rubriki/drevnie-tsivilizatsii-shambala-i-agarta.html *(доступ: 31.8.2018)*

17 В *Большом толковом словаре русского языка* под ред. Кузнецова (1998) в качестве переносного значения слова *бомба* приводится значение, относящееся к крупной, полной, тяжеловесной женщине, а само существительное *бомбочка* иногда относится и к девочкам.

ISBN 978-84-949838-0-1

2.3.2. Субстантивные фразеологизмы другой подгруппы образованы в результате детерминологизации термина *бомба замедленного действия* и *tempirana bomba* ('взрывное устройство, управляемое таймером'). В обоих языках фразеологическое значение относится к потенциальной, грозящей опасности и/или большим неприятностям, которые ожидаются в будущем. Совершенно очевидно, что значение прямо связано с основным назначением устройства и способом его функционирования. Обороты *бомба замедленного действия* и *tempirana bomba* весьма активно употребляются в разных типах текста, причем относятся и к лицу, и к предмету. Сначала приводятся контексты, относящиеся к лицам обоих полов:

*Он – **бомба замедленного действия**. Он опасен и непредсказуем.* (НКРЯ, Б. К. Седов, Воровской закон)

*– Да-а, красивая женщина – это все равно что **бомба замедленного действия** – рано или поздно взорвется.* (НКРЯ, Л. Гурченко. Аплодисменты)

*– On je **tempirana bomba**. Otkako je došao iz zatvora ljudi su u strahu jer se kod njega ne vidi niti trunka kajanja ili grižnje savjesti zbog onoga što je učinio prije 20 godina.* (Novi list, 18.8.2015)

Когда речь идет об употреблении по отношению к неодушевленному, то это могут быть отвлеченные понятия, более конкретные предметы, это может относиться к здоровью, к странам и т. д.

*По-Митиному выходило, что такое положение – **бомба замедленного действия**, запущенный и тикающий механизм, куда более опасный для основ церковной жизни, нежели приступы бессмысленной и беспощадной ненависти пролов, сбрасывающих кресты с церковных куполов.* (НКРЯ, Е. Чижова, Лавра // «Звезда», 2002)

*– Эта штука будет сидеть в его легком, как **бомба замедленного действия**.* (НКРЯ, Ю. Герман, Дорогой мой человек, 1961)

*Nemojte da krvni tlak bude vaša **tempirana bomba**!*

https://zivim.hr/ucim/nemojte-da-krvni-tlak-bude-vasa-tempirana-bomba/ (доступ: 12.6.2018)BRZI VODIČ ZA PRLJAVCE: VAŠ STAN JE TEMPIRANA BOMBA! Možda niste ni svjesni kakve opasnosti vrebaju u domu, evo kako ga ekspresno i efektno očistiti

https://www.jutarnji.hr/life/zdravlje/brzi-vodic-za-prljavce-vas-stan-je-tempirana-bomba-mozda-niste-ni-svjesni-kakve-opasnosti-vrebaju-u-domu-evo-kako-ga-ekspresno-i-efektno-ocistiti/7201932/ (доступ: 12.06.2018)

ISBN 978-84-949838-0-1

Jer Argentina je u ovom trenutku ***tempirana bomba****, koja može poslužiti kao detonator za krizu u regiji što bi se bez sumnje odrazila na ekonomsku aktivnost u SAD.* (Riznica[18], Vjesnik[19], 2003)
Интересным представляется и жаргонное употребление русского оборота *бомба замедленного действия*, в котором содержится гендерный элемент: 'женщина за рулем'.

2.4. Четвертая группа относится только к хорватскому языку. С помощью фразеологизма со сравнительной структурой *kao da je bomba pala* <gdje> (досл. как будто бомба упала *<где>*) чаще всего описывается помещение, в котором царит беспорядок, в котором вещи разбросаны. Но иногда он употребляется и шире (ср. второй пример употребления, где указывается на то, как выглядит парк). В качестве окружения обычно встречается глагол *izgledati* ('выглядеть').
Приводятся примеры употребления:
Zbog punog radnog vremena i dvoje male djece, kuća mi izgleda ***kao da je bomba pala****! Trebam povremene usluge čišćenja stana...* www.blistavidom.hr/de/slidovi/122-trebam-ciscenje (доступ: 14.06.2018)
...na potezu gdje se probija trasa budućeg parkirališta iz pravca Podpinjola, uz nekadašnji park koji sada izgleda ***kao da je bomba pala****, nalaze se tri kamena stupa...* www.lokalpatrioti-rijeka.com (доступ: 14.06.2018)

В данном случае оборот мотивирован результатом, т.е. тем, как выглядит какое-либо место после взрыва бомбы.

2.5. Пятая группа включает русские глагольные обороты со сравнительной структурой *влететь (ворваться, врезаться) как бомба* куда, *влететь (ворваться, врезаться) бомбой* куда, *вылететь как бомба* откуда, *вылететь бомбой* откуда, обозначающие чье-либо стремительное, внезапное и шумное появление или такой же уход. Они, однако, довольно редко встречаются в современных текстах.
Приводятся примеры употребления:
Узнав о внезапном возвращении племянницы из Петербурга, она ***влетела, как бомба****, в комнату, где сидела Лариса, кинулась на шею, дрожа и всхлипывая, и наконец совсем разрыдалась.* (НКРЯ, Н. Лесков, На ножах, 1870)
Наконец вечером Александр Михайлов ***влетел бомбой*** *в мою комнату.* (НКРЯ, Н. Морозов, Повести моей жизни. Проблески, 1913)

18 Один из хорватских корпусов.
19 Хорватская ежедневная газета.

ISBN 978-84-949838-0-1

3. Заключение

Из анализа видно, что можно говорить о параллельном употреблении фразеологизмов двух славянских языков в контексте (1) какой-либо сенсации или неожиданного события, (2) красоты и сексапильности женщины и (3) грозящей опасности. С другой стороны, в русском языке фиксируются обороты, относящиеся к полноте женщины и к скорости движения, в то время как хорватский оборот встречается в контексте, в котором речь идет о беспорядке в каком-либо помещении.

А это значит, в русском и хорватском языках и культурах бомба воспринимается как опасное устройство, как устройство, которое производит негативный эффект. Помимо этого, на образ в глубинной структуре фразеологизмов обоих языков, а, следовательно, и на их значение повлияла форма взрывного устройства.

Надо также добавить, что ни значение, ни глубинная структура анализированной немногочисленной группы русских и хорватских фразеологизмов с компонентом *бомба* (*bomba*) не связывается с тематикой военных событий, какой-либо формы вооруженной борьбы или террористических методов, о чем говорится и в статье, посвященной хорватским фразеологизмам, семантически и образно относящимся к войне и миру (Fink 2006: 119).

Список литературы

Бирих. А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (2009): Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва: АСТ-ПРЕСС.

Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов) (1998). Санкт Петербург: «Норинт».

Мокиенко, В. М. (2003): Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт».

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008): Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ОЛМА Медиа Групп.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008): Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка, http://www.ruscorpora.ru/

Огольцев, В. М. (2001): Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Москва: Русские словари – АСТ – Астрель.

Anić, V. (2003): Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber.

ISBN 978-84-949838-0-1

Fink, Ž. (2006): Rat i mir u hrvatskoj frazeologiji, Riječki filološki dani, knjiga VI, Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa Riječki filološki dani održanoga u Rijeci od 18. do 20. studenoga 2004., Rijeka: Filozofski fakultet, 119–130.

Menac, A., Fink Arsovski, Ž., Venturin, R. (2014): Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb: Naklada Ljevak.

Riznica = Hrvatska jezična riznica, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html

Rječnik hrvatskoga jezika (gl. ur. J. Šonje) (2000). Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga.

Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik (u red. A. Menac). (A–N, 1979; O–Я, 1980). Zagreb: IRO „Školska knjiga“

Sabljak, T. (2001): Rječnik hrvatskoga žargona. Zagreb: V.B.Z

ISBN 978-84-949838-0-1

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ УЧЕБНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Хамуркопаран Джахит,
Университет Анадолу, Турция
cahithamurkoparan@anadolu.edu.tr

THE MAIN TENDENCY TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-TURKISH VERBAL LEXICOGRAPHY

Cahit Hamurkoparan
Anadolu University, Turkey

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные тенденции развития учебной лексикографии, связанной с описанием глагольной лексики русского и турецкого языков; выделяются особенности отображения такой лексики в двуязычных словарях. Делается вывод о том, что изучение глагольной системы языка невозможно без её грамотного лексикографического анализа.

ABSTRACT

The article discusses the main trends in the development of educational lexicography related to the description of the verbal vocabulary of Russian and Turkish languages; highlights the features of the reflection of such vocabulary in bilingual dictionaries. It is concluded that the study of the verbal system of language is impossible without its competent lexicographical analysis.

Ключевые слова: учебная лексикография, русско-турецкий словарь, глагольная лексика, приставочные глаголы, отглагольные дериваты.

Keywords: Educational lexicography, Russian-Turkish dictionary, verbal vocabulary, prefixed verbs, verbal derivatives.

В развитии русской и турецкой учебной лексикографии можно выделить две основные тенденции. А.В. Кирилина определяет их следующим образом: первая тенденция – это создание системно-ориентированных словарей, отражающих целиком лексико-семантическую систему языка, а вторая – возникновение «антропоориентированных» словарей, репрезентирующих усреднённый словарный запас и правила его использования отдельной языковой личностью, средним носителем языка. Словари первой группы имеют справочно-просветительские цели, а словари второй группы – обучающие, направленные на активное овладение языком и поддержание знаний о нём [Кирилина, 1993, с. 10–11].

Можно сказать, что в русской лексикографии глагольная лексика занимает особое место. Она отражена в специальных словарях: *Лексико-семантические группы русских глаголов* (Под

ISBN 978-84-949838-0-1

общ. ред. Т.В. Матвеевой, 1988); *Словарь лексико-семантических групп русских глаголов* (Под ред. Э.В. Кузнецовой, 1989); *Русский глагол - венгерский глагол* (Апресян Ю.Д., Палл Э., 1982); *Русские глаголы и предикативы* (Красных В.И., 1993; 2001); *Учебный словарь глагольных форм русского языка* (Толмачёва В.Д., Кокорина СИ., 1988; 1995); *Русский глагол: Словарь-справочник* (Окунева А.П., 2000); *Учим русские глаголы: Словарь-справочник для иностранцев* (Куринина Г.П., 2000); *Русский глагол и его причастные формы* (Сазонова И.К., 1989; 2002); *Большой толковый словарь русских глаголов* (коллектив авторов под ред. Л.Г. Бабенко, 2009) и др.

Кроме того, отдельные аспекты глагольной лексики, рассматриваются в различных типах синхронных словарей. К ним относятся: 1) толковые словари; 2) словари новых слов; 3) словари устаревших и редких слов; 4) словари иноязычных слов; 5) стилистические словари; 6) ортологические (нормативные) словари; 7) частотные словари; 8) словообразовательные и морфемные словари; 9) грамматические словари; 10) идеографические (семантические) словари; 11) ассоциативные словари; 12) словари омонимов; 13) словари антонимов; 14) словари синонимов.

В турецкой лексикографии глагольная лексика представлена менее активно. Среди грамматических словарей можно выделить: *Глагольные формы в турецком языке. Причастия, деепричастия, глагольные имена, наклонения глаголов, послелоги, частицы* (Эйюп Гениш, 2005); *Все глаголы турецкого языка. Словарь-тренажёр* (Ахмет Айдын, 2008); *Словарь турецких глаголов & управление в турецком языке. Падежи существительных, стоящих при глаголах* (Эйюп Гениш, 2012).

В других типах словарей наиболее полно глагольная лексика отражена в следующих изданиях: Büyük Türkçe Sözlük TDK; Güncel Türkçe Sözlük TDK; Ekonometri Terimleri Sözlüğü TDK; BSTS/ İktisat Terimleri Sözlüğü (2004); Ötüken Türkçe Sözlük (Yaşar Çağbayır, 2007); Türkçe DEYİMLER SÖZLÜĞÜ (Sevil İnan, 2007); Büyük Türkçe Sözlük (Prof. DR. Doğan Mehmet, 2008); Modern Ansiklopedik Ekonomi Sözlüğü (Prof. DR. İlker Parasız, 2007).

Среди двуязычных словарей, наиболее полно представляющих глагольную лексику, нужно особо отметить: *Русско-турецкий словарь* (Мустафаев Э.М., Щербинин В.Г., 1996), *Русско-турецкий. Турецко-русский словарь / Rusca-turkce: Turkce-rusca sozluk* (Лукашевич Д.П., 2006), *Русско-турецкий – турецко-русский словарь / Rusca-Turkce: Turkce-Rusca Sozluk* (Мансурова О.Ю., 2006).

Стоит также выделить распространённые в последнее время электронные словари разных издательств: «Lingvo» (ABBYY «Software House»), «Мультилекс» («МедиаЛингва»),

ISBN 978-84-949838-0-1

«Polyglossum» («ЭТС» – «Электронные и традиционные словари») и «Контекст» («Информатик»).

Некоторые из них («Мультилекс») стремятся быть лишь усовершенствованными копиями своих печатных оригиналов. В них последовательно воспроизводится содержание печатных словарей, включая предисловия авторов оригинальных изданий и сопутствующие справочные материалы. Словари «Lingvo» не являются точными копиями бумажных аналогов. Некоторые словари из многоязычного набора лицензированы у таких издательств печатных словарей, как «Русский язык» и «РУССО». Все словари «Lingvo», кроме специальных «Грамматического словаря» и «Словаря произношения», являются двунаправленными с точки зрения пользователя.

Анализ словарей разных типов позволяет сделать выводы о том, что в русской и турецкой теоретической и практической лексикографии разработаны, обоснованы и использованы разнообразные виды лексикографической информации о глаголе: 1) вход словарной статьи; 2) заголовочное слово; 3) зона значения; 4) зоны синонимов, паронимов, омонимов, антонимов; 5) информация о словообразовательных особенностях глаголов; 6) зона контекстов, сочетаемости; 7) орфоэпическая и орфографическая информация; 8) зона ударений; 9) стилистические пометы; 10) зона глагольных форм; 11) примеры, иллюстрации; 12) информация о глагольных фразеологизмах и др.

Однако за пределами этих описаний остаются: 1) зона семантики приставочных глаголов на основе информационной модели словообразовательного типа; 2) презентация лексико-семантических групп однотипных глаголов; 3) информация, ориентированная на описание взаимосвязей между глагольной лексикой и стилевой структурой текстов; 4) зона синтаксических конструкций, обусловленных системностью информационной модели; 5) презентация типовых структурных схем, при помощи которых семантизируются производные глаголы; 7) зона отглагольных дериватов; 8) зона комплексной информации о приставочных глаголах и их производных. В связи с этим встаёт вопрос о создании лексико-грамматического словаря «Глаголы и отглагольные дериваты: русский и турецкий языки» как части полного системного представления русского языка в сопоставлении с турецким. Решением этой проблемы сейчас занимается группа исследователей Университета Анадолу кафедры славянских языков, руководимой профессором Сабзиевой Мухарремовной Макбуле.

При работе над проектом данного словаря исследователи рассматривают две разновидности словарной статьи: «приставочную» и «глагольную».

Первый вариант – «приставочная» словарная статья – позволяет подавать информацию комплексно, блоками. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем.

ISBN 978-84-949838-0-1

1. В словаре в алфавитном порядке даются зоны однотипных глаголов, образующихся с помощью тех или иных приставок: *о- /об- /обо-* : *оббегать, оббежать, оббить, оббиться, обвалить, обвалиться, обдумать* и др., что позволяет рассматривать слова блоками и даёт возможность разработать типовые формулы их толкования и семантизации (значение приставки + значение мотивирующей основы).

2. Глаголы представляются как некая совокупность однотипных единиц семантического поля. Например, глаголы, имеющие значения: а) добыть, получить, найти что-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом: *выделить, выдернуть, выдумать, выжать, выжечь, выкопать, вылепить, вырезать*; б) начать действие, названное мотивирующим глаголом: *закопать, залаять, застучать*. Для носителя турецкого языка, в котором приставки отсутствуют, опора на семантику приставок представляется особо важной.

3. Глаголы определяются в связи с закономерностями их функционирования в речи и стилистическими особенностями. Например, глаголы с приставкой *за-* выражают конкретность художественной речи.

Второй вариант – «глагольная» словарная статья – даёт возможность иностранному студенту наглядно представить взаимосвязь мотивирующего глагола с его префиксальными производными. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем.

1. В качестве заглавного даётся мотивирующий глагол, имеющий в русском языке наиболее общее лексическое значение. Соответственно, семантизация может быть осуществлена с помощью турецкой глагольной единицы.

2. Префиксальные производные даются в алфавитном порядке, что облегчает их поиск при определении значения. Семантизация производных осуществляется в соответствии с возможностями турецкого языка.

3. Группы префиксальных производных даются парами несовершенного и совершенного вида, что позволяет сразу представить комплексно варианты глагольных форм. Поскольку в турецком языке оба видовых значения реализуются в одной глагольной единице, значение вида возможно представить в контексте. Правильно подобранные примеры дадут возможность полностью показать видо-временное значение, которое может выражать данный приставочный глагол.

4. Глаголы даются в составе синтаксических конструкций, которые могут быть представлены как схемы словосочетаний или предложений и содержат указание на то, в каких типах предложений наиболее частотны приставочные глаголы. Здесь возможны комментарии на турецком языке, подкрепляющие аналоговые русские конструкции.

ISBN 978-84-949838-0-1

По мнению создателей русско-турецкого словаря, раскрытие значений приставочных глаголов значительно облегчается, если: 1) существует «привязанность» мотивирующего глагола к лексико-семантической группе, 2) при этом в словаре заложен гнездовой тип подачи материала, 3) семантизация осуществляется непосредственно в условиях речевой конструкции. Поэтому при отборе лексикографического материала создатели руководствуются двумя основными критериями: во-первых, уровнем языковой освоенности конкретной группы глаголов (это глаголы, дающие наибольшее количество приставочных образований), а во-вторых, степенью включённости глаголов в речевую практику. Для словаря отбираются в основном глаголы, наиболее необходимые в повседневной жизни носителя языка. Это слова, употребляющиеся в таких сферах, как досуг, спорт, медицина, торговля, общественное питание, транспорт и др. Каждый из приведённых в моделях глагол даётся с конкретным распространителем. В учебных целях выделяются только наиболее характерные значения и связи.

Результатом многоступенчатого лексикографического анализа становится формирование групп приставочных глаголов, каждая из которых мотивирована бесприставочным глаголом (на данный момент выделено 110 групп). Среди них особо активны: 1) глаголы речи, мысли, 2) глаголы чувства и состояния, 3) глаголы волеизъявления, 4) глаголы агрессивного воздействия, 5) глаголы движения, 6) глаголы трудовой деятельности.

Для повышения эффективности учебного материала существенно увеличивается число словарных входов. «Словарный вход – это лексикографический инструмент <…>, обеспечивающий читателю доступ к необходимой ему информации» [Морковкин, 1990, с. 190]. Помимо гнездового расположения языкового материала, в конце словаря приводится алфавитный список всех глаголов, вошедших в словарь, с указанием парадигмы, в которую каждый глагол включён. По мнению большинства учёных, при таком подходе появляется возможность отразить системные связи однокоренных слов (в нашем случае – глаголов) с опорой на их семантическую взаимообусловленность [Петров, с. 131].

Лексическую базу словаря составляют первичные бесприставочные глаголы, которые в русском языке преимущественно являются глаголами несовершенного вида (за исключением глагола *купить* и некоторых др.). Префиксальные дериваты целесообразным оказалось сгруппировать вокруг глагола-мотиватора в строго алфавитном порядке. Причём для двуязычного словаря не является целесообразным толкование только мотивирующего слова: носитель турецкого языка каждое приставочное образование воспринимает как новую лексическую единицу, поэтому в толковании нуждается каждый дериват (глагол и отглагольное образование). Раскрытие значений дериватов глаголов в словарной статье

ISBN 978-84-949838-0-1

осуществляется поэтапно, для каждой лексической единицы отдельно. Приведем несколько примеров:

Читать

вчитаться – вчитываться, вычитать – вычитывать, дочитать – дочитывать, зачитать – зачитывать, зачитаться – зачитываться, начитаться, отчитать – отчитывать, отчитаться – отчитываться, перечитать – перечитывать, прочитать – прочитывать

вчитаться (сов.): вчитаюсь, вчитаешься несов. вчитываться (в + в.п.) okuya okuya bir metnin inceliklerini kavramak
вчитываться (несов.): вчитываюсь, вчитываешься сов. вчитаться (в + в.п.) bir metni dikkatli dikkatli okumak, kavramaya çalışmak
вычитать (сов.): вычитаю, вычитаешь несов. вычитывать 1. okurken bir şey bulmak я вычитал сообщение о его смерти в газете gazetede ölümüyle ilgili bir haber buldum 2. el yazısını okuyup düzeltmek
вычитывать (несов.): вычитываю, вычитываешь сов. вычитать azarlamak, paylamak
дочитать (сов.): дочитаю, дочитаешь несов. дочитывать 1. okuyup bitirmek 2. (до + р.п.) - e kadar okumak
дочитывать (несов.): дочитываю, дочитываешь сов. дочитать
зачитать (сов.): зачитаю, зачитаешь несов. зачитывать 1. okumak, bildirmek, ilan etmek 2. (kitabı) iade etmemek
зачитывать (несов.): зачитываю, зачитываешь сов. зачитать
зачитаться (сов.): зачитаюсь, зачитаешься несов. зачитываться okumaya dalmak; okumaya devam etmek я зачитался далеко за полночь geceyarısı geçene dek okumaya devam ettim
зачитываться (несов.): зачитываюсь, зачитываешься сов. зачитаться
начитаться (сов.): начитаюсь, начитаешься 1. (+ р.п.) çok okumak, bol bol okumak 2. okumaktan bıkmak, illallah demek
отчитать (сов.): отчитаю, отчитаешь несов. отчитывать paylamak, azarlamak
отчитывать (несов.): отчитываю, отчитываешь сов. отчитать
отчитаться (сов.): отчитаюсь, отчитаешься несов. отчитываться (в + п.п.) bir şeyin hasabını vermek
отчитываться (несов.): отчитываюсь, отчитываешься сов. отчитаться
перечитать (сов.): перечитыю, перечитаешь несов. перечитывать tekrar okumak
перечитывать (несов.): перечитываю, перечитываешь сов. перечитать
прочитать [1] (сов.): прочитаю, прочитаешь несов. читать
прочитать [2] (сов.): прочитаю, прочитаешь несов. прочитывать belli bir süre okumak
прочитывать (несов.): прочитываю, прочитываешь сов. прочитать tamamını okumak

Учитывая учебный характер словаря и языковую специфику аудитории, на которую он ориентирован, нам кажется оправданным включение в словарную статью отглагольных дериватов каждого глагола – существительных и прилагательных. Например:

- **Чтение от *читать: Okuma***
- **Читка от *читать: Okuma, okunma***
- **Читатель от *читать: Okur***
- **Читательница от *читатель: Okur***
- **Чтец от *читать: Hatip***
- **Чтица от *чтец: Hatibe***
- **Читака от *читать: Okumayı seven***
- **Читальщик от *читать: Ölenlerin arkasından Kur'an okuyan kişi***

ISBN 978-84-949838-0-1

- **Чтиво от *читать: Okuma (Kurgu roman)***
- **Читалка от *читать: Okuma salonu (Halk dili)***
- **Читальня от *читать: Okuma salonu (Edebi dil)***
- **Вычитка от *вычитать: Okuma***
- **Перечитка от *перечитать: Yeniden okuma***
- **Подчитка от *подчитать: Az okuma, önceden okunana biraz devam etme***
- **Считка от *считать: Okuyup deneştirme***

Поскольку перечисление форм возможных распространителей, которое приводится в подобных словарях, не может дать исчерпывающей информации о возможностях функционирования слов в речи и сложно для восприятия, в словарных статьях приведено максимальное количество примеров, иллюстрирующих отдельные варианты сочетаемости каждого глагола. Примеры приводятся на русском и турецком языках.

По нашему мнению, данный словарь, будучи опубликованным в печатном либо компьютерном варианте, найдет свое место в практике преподавания русского языка. Сопоставительный анализ приставочных глаголов русского языка и их турецких эквивалентов даст новые возможности семантического анализа и изучения словообразовательной (внутриглагольной) валентности различных лексико-семантических групп глаголов.

Список литературы

Берков В.П. (2004): Двуязычная лексикография: Учебник. – 2-е изд.. перераб. и доп. – М: Астрель: АСТ: Транзиткнига.

Денисов П.Н. (1980): Лексика русского языка и принципы её описания, М.: Русский язык, – 254 с.

Кирилина А.В. (2004): Стандартные речевые действия как объект лексикографии (на материале немецкого языка): Дис. канд. филол. наук. 1. – М. – 204 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. (2000): Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, – 356 с.

Морковкин В.В. (1990): Некоторые утверждения из области теории учебной лексикографии, Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. – М.: Русский язык, С. 182–192. С.190.

Петров А.В. (2001): Гнездовой принцип описания композитов в учебном процессе // Филологические студии. №2. – С. 130–137.

Юлдашев А.А. (1972): Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972. 3-7.

ISBN 978-84-949838-0-1

ИСТОРИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА В «ЗЕРКАЛЕ» НАРОДНОЙ РЕЧИ: О ПРОЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА

Марина Харламова
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
khr-sbp@mail.ru

Дмитрий Лавров
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
dmitry.lavrov72@gmail.com

THE HISTORY OF A POLYETHNIC REGION ON THE "MIRROR" OF FOLK SPEECH: ABOUT THE PROJECT OF A REGIONAL DIALECT CORPUS

Marina Kharlamova
Dostoevsky's Omsk State University, Russia

Dmitry Lavrov
Dostoevsky's Omsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается актуальность создания региональных диалектных корпусов русского языка как источника для изучения народной речевой культуры в разных аспектах: *лингвокультурологическом, лексикографическом, концептуальном, сопоставительном, сравнительном*. Описание этапов работы над грантовым проектом и поисковых возможностей создаваемого корпуса составляет цель статьи. Тематически размеченные фрагменты диалектных тексов, приведённые в статье, демонстрируют специфику передачи «живой» народной речи полиэтнической территории Среднего Прииртышья в региональном корпусе.

ABSTRACT

The article proves the relevancy of creating Russian language corpuses of regional dialects that are the source of material for studying various aspects of folk speech culture, such as lingua cultural, lexicographic, conceptual, comparative and contrastive. The main purpose of the article is to describe the stages of working on the grant project, and the search capacity of the corpus in question. Parts of the dialect texts marked by their themes demonstrate the specific features of the "living" folk speech of the polyethnic Middle Irtysh area in the regional corpus.

Ключевые слова: региональный диалектный корпус, поисковые возможности корпуса, тематическая разметка.

Keywords: regional dialect corpus, search capacity of the corpus, thematic marking.

ISBN 978-84-949838-0-1

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00519. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00519.

Введение

Изучение русских народных говоров уже больше 200 лет находится в центре внимания языковедов, и при этом актуальность и значимость работы диалектологов с каждым годом увеличивается в разы.

Основной своей задачей прежде диалектологи считали сбор и классификацию диалектного материала. Теперь же на первый план выходит новая задача – целостное представление накопленного материала в наиболее доступном для широкой аудитории виде. Так как доступ к текстовому диалектному материалу всё ещё ограничен местом его локализации, а работа с бумажной формой не предполагает полное использование эвристического потенциала этого ценнейшего источника, наиболее приемлемый формой хранения и репрезентации диалектной информации становится электронный текстовый ресурс. Как справедливо отмечают О.Ю. Крючкова и В.Е. Гольдин: «Создание электронных программно обрабатываемых корпусов русской диалектной речи – одна из актуальных задач русской диалектологии» (Крючкова, Гольдин 2011: 249). Как известно, корпус имеет два основных составляющих элемента: непосредственно массив текстов в качестве содержательной базы корпуса и специализированную поисковую систему (корпусный менеджер), позволяющую производить отбор необходимых единиц на основании разметки.

Значимость диалектного корпуса не ограничивается лишь возможностью хранения существующей только в устной форме и в памяти носителя диалекта народной речи. Представляется, что интенсивность и продуктивность развития корпусной диалектологии как науки (и других смежных научных сфер: лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, концептологии и др.) зависит от репрезентативности региональных корпусов. Диалектный корпус, как и любой другой, должен стать «филологически компетентным массивом языковых данных» (Захаров 2005: 3). Диалектный корпус может стать **источником** для исследования традиционной речевой культуры в разных **аспектах**: (1) *лексикографическом* (формирование картотек, получение словников, создание словарей активного типов); (2) *лингвокультурологическом* (изучение народных обрядов, символов, образов; народного речевого этикета, фразеологического фонда народной речи и т.д.); (3) *концептуальном* (исследование русской ментальности сквозь призму концептов, их национального своеобразия; анализ метаязыкового сознания, метатексты и др.); (4) *сопоставительном* (общность и специфика слагаемых народной речевой культуры в

ISBN 978-84-949838-0-1

сопоставлении с литературным языком); (5) *сравнительном* (выявление диалектной основы разнотипных говоров полиэтнического региона и своеобразия говоров с восточно-славянской и западно-славянской основой; роль заимствований из неславянских языков – татарского, казахского, эстонского, немецкого и др. – в сложении своеобразной языковой ситуации региона и межъязыковой интерференции) и т.д.

Языковое пространство региона даёт новый "живой" материал, который возможно исследовать с точки зрения дискурсивных практик носителей народной культуры разных этносов: русских, чехов, поляков, эстонцев, белорусов, украинцев и др. Таким образом, преимущество регионального текстового корпуса – это его многофункциональность.

Цель сообщения – показать своеобразие проекта и возможности регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья.

Этапы работы над проектом

(1) Диалектные тексты, репрезентирующие традиционную культуру региона, представляют собой своеобразные коммуникативные образования, которые должны быть особым образом подготовлены к введению в корпус. Подготовка диалектных текстов к вводу в корпус, полагаем, достаточно трудоёмкий процесс. Сама запись материала, проводимая в диалектологических экспедициях, требует от собирателя специальной подготовки исследователя-диалектолога, организации записи с конкретными диалектоносителями, видеозаписей, предварительной ручной разметки и семантико-грамматического, лексико-фонетического анализа.

На *первом этапе* необходимо архивные материалы – расшифровки аудиозаписей и записи бесед с диалектоносителями от руки – перевести в формат редактора Word. Количество тетрадей с ручной записью – около 230, объемом около 2.530.000 слов. Записи передаются в фонетической орфографии с постановкой ударения, с написанием проклитик и энклитик через дефис с фонетически самостоятельным словом, с сохранением прописных букв и т.д., что, полагаем, лучше передаёт прежде всего фонетические диалектные различия и в отличие от трудоёмкой фонетической записи упрощает (и ускоряет) процесс записи от руки в полевых условиях. Фонетическая орфография ускоряет и расшифровку аудио-или видеозаписей, см.подр. (Харламова 2014: 119-120): Хл**е**б м**ы** д**а**жэ из-лук**о**шка с**е**или// К**а**к от**у**чимся/ н**а**с пасыл**а**ли хл**е**п с**е**ить// **Я** ужэ ф-сороков**о**м год**у** начял**а** самаста**я**тел’но раб**о**тать// Фс**ё** на-бык**а**х да-на-лашыд**я**х// (с. Кирсановка, Большереченский район, Фиростова Анна Васильевна, 73 г., 5 кл., старож., 1996).

ISBN 978-84-949838-0-1

При работе с текстами применяется элементы просодической разметки (обозначение ударения) и дискурсной (обозначены паузы, повторы, оговорки).

(2) Предполагается включить в корпус аудио-и видеоматериалы по разнотипным говором: объём **фонотеки** – 56 часов (2005-2008гг., 2012, 2013г.)

Для этого необходимо оцифровать аудиозаписи диалектологических экспедиций прежних лет (с конца 80-90 гг. XX в.) в приблизительно 52 часов.

В архиве имеются записи разных лет (и одного респондента в том числе), это позволит изучить звучащую речь в динамике и выявить тенденции, действующие в сельской коммуникации.

(3) Разработка концепции словаря. Типы разметки. Поисковые возможности.

Основной разметкой будет тематическая разметка текстов. Полагаем, что все другие известные разметки теоретически (жанровая) и практически (фонетическая, морфологическая) для разметки диалектного текста адекватно реализовать пока невозможно. Как справедливо отмечают исследователи, «тематическая разметка диалектного корпуса не может быть одноуровневой и однoплановой, она должна различать широкие общие темы и узкие частные, предлагаемые исследователями и вводимые самими респондентами, формулируемые собирателем и называемые носителем диалекта, основные темы и фоновые и т.д.» (Гольдин, Крючкова 2006: 72).

Описание поисковых возможностей регионального корпуса полиэтнического региона

Поскольку в рамках проекта будут исследованы тематические персональные дискурсы сельских жителей региона, в том числе порождаемые языковыми личностями разного возраста и представителями разных этносов, издавна проживающих на одной территории, то основной единицей выдачи будет *текст*, который понимается как фрагмент диалектного дискурса, репрезентирующий конкретного респондента и отличающийся признаками единства времени и места записи. Границы текста определяются с помощью формального критерия непрерывности общения и не зависят от таких параметров, как смена темы, жанра, формы речи, изменение коммуникативной ситуации.

Таким образом, по запросу могут быть *выданы целиком тексты* одного респондента, значительные по объёму и разнообразные содержанию.

Репрезентативность корпуса обеспечивается разнотипными текстами (связаны с коммуникативными ситуациями: бытовая речь, официально-деловая, обрядовая, фольклорная), разными формами речи (монолог, диалог, полилог) и тематическим

ISBN 978-84-949838-0-1

разнообразием традиционной сельской коммуникации. Предполагается разработка запроса *по форме речи*.

Запрос *по темам* прорабатывается с программистами, которые предложили, как нам кажется, адекватное решение.

Традиционной технологией разработки информационных систем является методика объектно-ориентированного анализа и проектирования (ООАП) (Ларман 2014: 2). Суть методики заключается в анализе прецедентов использования ещё неразработанной информационной системы так, как будто разработка приложения уже завершена. Прецедент – это словесное описание такой работы с приложением. Этап анализа начинается с разбора прецедента. В результате анализа происходит переход к этапу проектирования. Основная задача этапа проектирования – распределение обязанностей между классами.

Далее представлены результаты объектно-ориентированного анализа задачи разработки программного обеспечения для представления регионального корпуса народной речи в виде диаграммы классов UML, представляющей собой модель понятий предметной области.

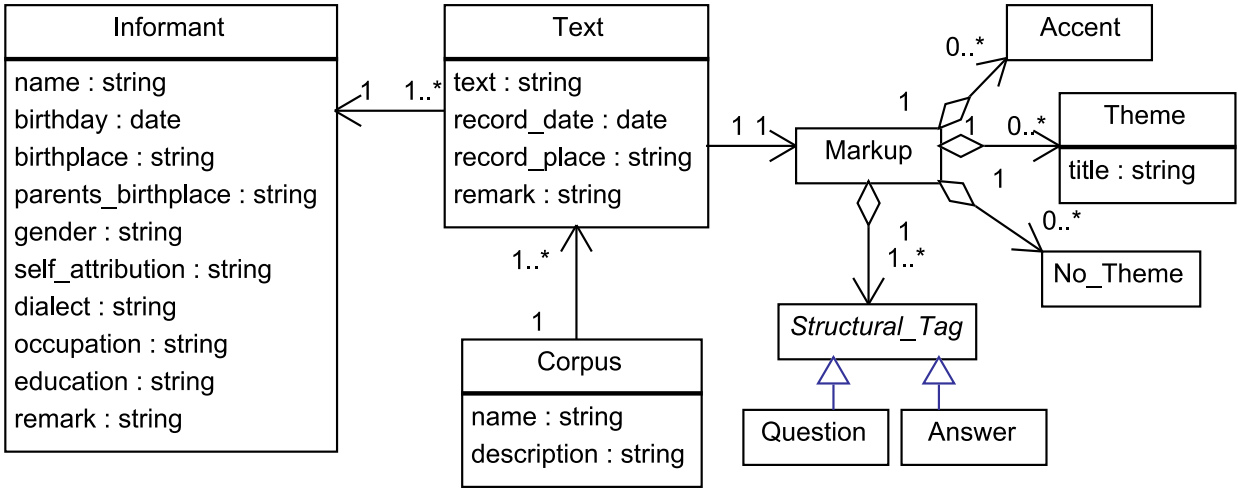


Рис. 1. Концептуальная модель предметной области

Полученное представление может быть реализовано как в виде программных классов или таблиц базы данных, так и в виде тэгов (XML или HTML), расположенных в самом тексте.

При тематической разметке текста существуют ситуации пересечения тем, то есть один и тот же фрагмент текста одновременно принадлежит двум и более темам. Это нарушает принцип XML, запрещающий пересечения (правильную вложенность открывающих и закрывающих тэгов друг в друга). Кроме того, закрывающие тэги в таком случае не могут быть однозначно интерпретированы. Обойти это ограничение можно, двумя способами. Либо избавиться от пересечений, заменив их вложениями. Либо в закрывающие тэги ставить

ISBN 978-84-949838-0-1

атрибуты, идентифицирующие открывающийся тэг. Необходимо также обратить внимание на иерархическую структуру тем, что значительно усложняет представление результатов для конечного пользователя. Мы выбрали первый способ.

Пример разметки во внутреннем представлении, реализованной в виде «нестандартных» тэгов и идентифицирующими атрибутами:

<семья:кровное_родство>

****Я**** нарад<**b**>и****ла вот читыр<**b**>ё****х/ у-мин**я** дв**а** с**ы**на и-дв**е** д**о**ч’ки//**</семья:кровное_родство>**

<работа:род_занятий>

Т**а**к в**о**т **я** раб**о**тала тил**я**тницэй/ пасл**е**дние вр**е**мя свин**а**рка /к**о**нюхам/ да**я**ркай// В**о**пщеим за-фс**ю** ж**ы**знь с**о**рак тр**и** г**о**да у-мин**я** ст**а**жу/ в**о**т/ и-за-фс**ё** в**о**т раб**о**тала-и //**</работа:род_занятий>**

<семья:кровное_родство><образование><местная_топонимика>

А-д**е**ти к**о**н’чили вас’мил**е**тку ф-Курл**я**н-Дуб**о**фки// **Э**та с**е**мь кил**о**митраф у-н**а**с дир**е**вня/ **Ю**рьифка/ шк**о**ла был**а** в-**Ю**рьифки// Ан**и** уж**э** сюд**а** ф-Т**а**ру/**</местная_топонимика>** Т**у**т уч**и**лись/ кон’ч**я**ли уч**и**лище/ **и**м дипл**о**мы/ к**о**рач’ки на-рук**а**х/ дипл**о**мы **и**м/ раб**о**тайте пож**а**луста// Ид**и**ти раб**о**тайте/ т**а**м-и кварт**и**ра// **</образование> </семья:кровное_родство>**

В нашем примере тэги **** и **** обозначают ударение в слове (в последующем тексте ударение просто выделено жирным шрифтом), а темы **<семья>**, **<образование>** и **<местная_топонимика>** имеют вложенную структуру открывающих и закрывающих тэгов. При таком подходе оказывается, что текст содержит сразу несколько вложенных друг в друга слоёв, каждый слой представляет собой ту или иную конкретную тему (подтему) и один вид тэга. Название тэгов (меток) **<семья:кровное_родство>** и **<работа:род_занятий>** демонстрирует иерархию тем (после двоеточия указываются подтемы).

Такой формат удобен при обмене данными между подсистемами и при загрузке данных в разрабатываемую информационную систему.

Кроме того, каждая выбранная тема может подсвечиваться в тексте при его отображении в разрабатываемом приложении. Так, в приведенном фрагменте заданная исследователем в поисковике тема **<местная_топонимика>** может быть отмечена, например, зелёным цветом.

Таким образом, размещённый в корпусе цельный текст, в котором с помощью специальных тэгов маркированы зоны тематического соответствия, а не фрагменты текста, отражает, как нам кажется, сложный характер тематической организации диалектных текстов.

Экстралингвистическая информация, или *метаразметка*, размещается в *Паспорте информанта* и *Паспорте текста.*

ISBN 978-84-949838-0-1

Паспорт информанта:

1) *Имя*: Блум Мария Павловна.

2) *Пол*: женский.

3) *Год рождения*: 1936 г.р.

4) *Место рождения*: д. Юрьевка, Тарский район, Омская область.

5) *Место рождения родителей*: родители родились в с.Большой Селим Тарского района Омской области.

6) *Кем себя считает* («чалдоном», «расейским», украинцем, белорусом, чехом, поляком, эстонцем): считает себя эстонкой.

7) *Образование*: 4 класса.

8) *Род занятий*: пенсионерка, работала дояркой, свинаркой, телятницей.

9) *Говор*: русско- эстонский.

Паспорт текста:

10) *Место записи:* г. Тара.

11) *Год записи*: 2007 г.

Каждый текст прикреплён к конкретному информанту. По каждой позиции в паспорте будет возможен пользовательский запрос. Если от одного информанта записано несколько текстов в разные годы, то возможно получить текст по любому году записи, например, кроме 2007 г., респондента Блум М.П. интервьюировали в 2009 г. и 2015 г., для чего и создан *Паспорт текста*.

Экстралингвистическая информация даст возможность отслеживать пропорциональную наполняемость корпуса.

Следует подчеркнуть, что различные виды поиска могут комбинироваться между собой. Однако в ходе работы над проектом решили отказаться от жанровой разметки, заявленной первоначально в проекте корпуса, поскольку сама теория речевых жанров, особенно в отношении к диалектной речи, носит во многом дискуссионный характер и не имеет еще адекватного воплощения в корпусной диалектологии.

На данный момент участники проекта-лингвисты делают ручную тематическую разметку текстов и переводят в формат редактора Word архивные записи от руки.

Выводы

ISBN 978-84-949838-0-1

Нам близка мысль В.Е. Гольдина и О.Ю. Крючковой: «Текстовый диалектный корпус должен служить моделью традиционной сельской коммуникации на диалекте» (Гольдин, Крючкова 2006: 71-72).

Полагаем, материалы корпуса полиэтнического региона позволяют составить целостное представление о специфике традиционного сельского общения на протяжении полувека. Мы хотим создать репрезентативный электронный диалектный ресурс, в котором бы нашло отражение многообразие форм народной речи жителей полиэтнического региона Омского Прииртышья.

Список литературы

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. (2006): Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса, Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Самара: издательство Самарского университета, ч. 1, 71-80.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. (2011): Проблемы создания электронного диалектного корпуса, Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Саратов: издательство Саратовского университета, 249-260.

Захаров В.П. (2005): Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского университета.

Ларман К. (2014): Применение UML 2.0 и шаблонов проектирования. Введение в объектно-ориентированный анализ, проектирование и итеративную разработку. Москва: издательство Вильямс.

Харламова М.А. (2014): Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск: издательство Омского университета.

References

Goldin V.E., Kruchkova O.U. (2006) Thematic Marking and Thematic Analysis of a Dialect Text Corpus, Linguistic Persona – Text – Discourse: Theoretical and Applied Aspects of the research: Materials of the International Scientific Conference: 2 parts. Part 1. Samara: Samara University Press, pp.71 - 80.

Goldin V.E., Krychkova O.U. (2011): The Problems of Creating an Electronic Dialect Corpus, Russian Oral Speech. Materials of the International Scientific Conference “Barannikov Readings.

ISBN 978-84-949838-0-1

Oral Speech: Russian Dialect and Colloquial Communication Culture”. Samara: Samara University Press, pp. 249 - 260.

Zaharov V.P. (2005): Corpus Linguistics: course book. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg state University Press.

Kharlamova M.A. (2014): Verbal and Cogitative Folk Constants and their Lexicographic Interpretation: monograph. Omsk: Omsk University Press, 290 p.

ISBN 978-84-949838-0-1

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ‘УЩЕРБ’ И ‘ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА’ В РУССКОЙ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКЕ X – XIV ВВ.

Чащина Елена Анатольевна
Познаньский университет имени Адама Мицкевича, Польша
jelena.c@amu.edu.pl

THE IMPLEMENTATION OF THE SEMANTICS OF 'DAMAGE' AND 'COMPENSATION FOR DAMAGE' IN THE RUSSIAN LEGAL VOCABULARY OF 10TH – 14TH CENTURIES

Elena Chashchina
Adam Mickiewicz University Poznań, Poland

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу лексики, связанной с причинением материального вреда и его возмещением, зафиксированной в русских правовых источниках древнерусского периода. Важное место в законодательных актах занимали преступления против личности, а также имущественные преступления, за совершения которых в качестве наказания предусматривалась выплата компенсации частным лицам, так как законодатели того времени при установлении ответственности за противоправные действия на первое место ставили проблему возмещения ущерба. Нанесенный конкретному лицу разного рода материальный вред обозначался в правовых текстах лексемами *пакость, пагуба, татьба, протор* и др. Существительные *урок, головничество* содержали семантику ‘возмещение ущерба’. Материалами для исследования послужили законодательные акты, а также документы договорного характера.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of vocabulary related to causing material damage and its compensation fixed in Russian legal sources of the Old Russian period. An important place in the legislative acts was occupied by crimes against the person, as well as property crimes, for which the payment of compensation to private persons was provided as punishment. The material damage inflicted on a specific person of various kinds was denoted in the legal texts by lexemes *пакость*, *пагуба*, *татьба*, *протор* and others. Nouns *урок*, *головничество* contained the semantics of compensation for damage.

Ключевые слова: лексика права, ущерб, возмещение ущерба, Древняя Русь

Keywords: lexicon of law, damage, compensation for damage, Ancient Russia

ISBN 978-84-949838-0-1

В современной российской правовой сфере ущерб рассматривается как «имущественный вред, нанесенный имуществу гражданина или юридического лица вследствие причинения ему вреда» (ЮЭ 2005: 900). Под возмещением ущерба понимается «компенсация имущественного ущерба, возникшего в результате причиненного вреда» (БЮС 2010: 107). В предлагаемой статье мы рассмотрим реализацию семантики ущерба и его компенсации в древнерусских правовых источниках.

Основными видами преступных действий в Древней Руси являлись преступления против личности и имущественные преступления. За совершение противоправных действий существовали различные виды наказаний, однако во многих случаях предусматривалась выплата компенсации потерпевшим за причиненный вред.

Статьи законодательного характера, направленные против нанесения ущерба и предусматривающие тот или иной размер компенсации, содержатся в ранних древнерусских источниках – договорах Руси с Византией, относящихся к X веку. Статья 9 Договора 944 года о кораблекрушении включает требование к русским людям не причинять ущерба выброшенному на берег греческому судну: *Аще обрящють Русь кубару гречьскую, въвержену на коем любо месте, да не преобидять* (ПРП 1952: 33). Следует отметить, что в Европе того периода существовало так называемое «береговое право», по которому корабль, потерпевший крушение, подвергался разграблению, а люди, находившиеся на нем, обращались в рабство. Однако русское право X – XIII веков защищало людей, оказавшихся в таком бедственном положении, и определяло наказания за преступления, совершенные по отношению к ним (Там же: 19). В приведенном фрагменте договора семантика ‘причинить ущерб’ реализована в лексеме *преобидеть*. В словаре И.И. Срезневского содержатся фрагменты из других источников с использованием данного глагола, в частности, из грамоты князя Владимира 1378 года: *А хто приобидит или отиметь от святаго Ивана церкви, тотъ будетъ проклятъ оу сии векъ и оу будущии* (Срезневский II, 2 1989: 1439). Показательным является пример из Псковской летописи: *Есмя приобижении отъ поганыхъ Немець и водою и землею и головами*, что свидетельствует об использовании данной лексемы не только в правовой сфере (Там же). По всей видимости, глагол *приобидеть* в рассматриваемый период являлся общеупотребительным.

В статье 11 Договора 944 года со значением ‘причинить ущерб’ используется также глагол *пакостить*: *Иже то приходять Чернии Болгаре, и воюють в стране Корсуньстей, и велим князю Рускому, да их не пущаеть и пакостять стране его* (ПРП 1952: 33). В данной статье содержится следующая просьба к русскому князю: в случае нашествия черных болгар

ISBN 978-84-949838-0-1

в Корсунскую страну не допустить причинения ей ущерба с их стороны. Глагол *пакостити* в словаре И.И. Срезневского дается со значением ‘причинять вред’ (Срезневский II, 2 1989: 862).

В Русской Правде, своде законов Древней Руси, со значением ‘ущерб’ встречаем различные лексемы. В статье 28 Сокращенной редакции содержится существительное *пакость*: *Аще кто, пакости дея, любо конь зарежет, или скотину, продажи 12 гривен, а за пагубу господину урок платити* (ПРП 1952: 199). Зафиксированная в словаре И.И. Срезневского данная лексема с семантикой ‘вред’ сопровождается рядом примеров из русских летописей, в частности, Новгородской: *Подъ Федоромь конь раниша, нь самому не бысть пакости* (Срезневский II, 2 1989: 862).

В статье 83 Русской Правде Пространной редакции встречаем существительное *пагуба*: *Аже зажьжеть гумно, то на поток и на грабежь дом его, переди пагубу исплатившю* (ПРП 1952: 117). Приведем перевод данного фрагмента: Если кто-либо подожжет гумно, то следует выдать его на поток (в изгнание или для продажи в рабство), а его имущество конфисковать, причем, сначала выплатить потерпевшему убытки. Остальное, по всей видимости, поступало в распоряжение верховной власти – князя. Как отмечает А. Чебышев-Дмитриев, в наказании за такое серьезное преступление – поджог - «частное удовлетворение брало перевес даже над публичным взысканием» (Чебышев-Дмитриев 1862:91). В статье 84 Русской Правды говорится: *А кто пакощами конь порежеть или скотину, то продаже 12 гривен, а за пагубу господину урок платити* (ПРП 1952: 117). Данная статья предусматривает следующую ситуацию: если кто-либо преднамеренно зарежет коня или скотину, то должен заплатить штраф 12 гривен в пользу князя, а хозяину заплатить вознаграждение за ущерб. В договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 года говорится: *Аже тиунъ услышить, латинескыи гость пришелъ, послати ему люди с колы пьревести товаръ, а не удержати ему; аже удержить, у томь ся можеть учинити пагуба* (СРЯ 1988: 115). Существительное *пагуба* в словаре И.И. Срезневского дается со значением ‘убыток’ (Срезневский II, 2, 1989: 857)

В Уставе князя Владимира Святославича встречается термин *обида*: *То люди церковные богаделные, митрополит или пискуп ведаеть межи ими суд, или обида, или вражда, или задница* (ПРП 1952: 246). А.А. Зимин рассматривает слово *обида* как имущественный ущерб или преступление против личности (Там же: 251). В *Словаре русского языка XI – XVII вв.* данная лексема фиксируется со значением ‘материальное притеснение, ущерб (особенно ущерб, наносимый более слабым, зависимым)’, приводится пример из Русской Правды о возмещении ущерба в случае похищения раба: *А оже уведеть чюжь холоп, любо робу, платити ему за обиду 12 гривне* (СРЯ 1987: 49). В Сокращенной редакции данного источника в статье 14 утверждается требование выплаты ущерба в результате кражи, совершенной

ISBN 978-84-949838-0-1

холопом, его хозяином: *Аже будут холопи тати, то суд княжь, их же князь обиду платит истцу* (ПРП 1952: 198).

С семантикой ‘ущерб’ в статье 38 Русской Правды Пространной редакции содержится существительное *протор*: *а кде будеть конечнии тать, то опять воротить челядина… и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше* (ПРП 1952: 112). В этой статье речь идет об украденном рабе и оговаривается следующая ситуация: когда будет окончательно найден вор, то следует возвратить раба своему хозяину, а вор должен платить убытки хозяину. Здесь имеются в виду убытки, которые потерпел истец в результате отсутствия у него раба (Там же: 155). В словаре И.И. Срезневского *протор* – ‘ущерб’: *А попомъ и игуменомъ учинилъ протора много* (Псковская летопись) (Срезневский, II, 2, 1989: 1597).

Убытки, причиненные в результате кражи, в Русской Правде обозначаются термином *татьба.* В статье 27 Пространной редакции фиксируется: *Не будеть ли татя, по следу женуть; аже не будеть следа ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едуть на след или отбьются, то темь платити татбу и продажю* (ПРП 1952: 116). Здесь определяются следующие условия: если вор, совершивший кражу, не будет сразу обнаружен, то следует его искать по следу. Если не будет следа к частновладельческим территориям, а члены общины (верви) не отведут от себя следа и не поедут разыскивать вора или воспротивятся розыску вора у них, то они платят и убытки, причиненные потерпевшему, и штраф князю. В данной статье мы встречаем словосочетание *платить татьбу* со значением ‘возместить ущерб’. И.И. Срезневский определяет значение существительного *татьба* как ‘стоимость украденного’ (Срезневский III, 2, 1989: 928).

Возмещение ущерба занимает важное место в русских источниках законодательного характера. Далее остановимся на этом более подробно. В Договоре русских с греками 911 г. в случае грабежа (насильственного присвоения чужой вещи) предусматривалась компенсация убытков потерпевшим в двойном или тройном размере: *Аще ли кто или Русин хрестьяну или хрестьян Русину мученья образом искус творити, и насилье яве возметь что либо дружне, да въспятить тричи* (ПРП 1952: 8). Приведем перевод этой статьи: Если кто-либо насильно возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере. Словосочетане *мученья образом искус творити* имело значение ‘мучать, причинять страдание’. Лексема *дружне* – ‘принадлежащее другому, чужое’ (Там же: 12). Глагол *въспятить* употребляется со значением ‘возвратить, вернуть кого-либо, что-либо, возместить’ (СРЯ 1976: 54). Данный глагол встречается также в летописях: *Аще ли кто от людие царства вашего ли от города вашего или от инехъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ и принесеть что, да въспятять и опять* (Там же). В Договоре Руси с Византией 944 года в 5 статье

ISBN 978-84-949838-0-1

говорится о двойной выплате в случае присвоения чужой вещи: *Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людии цесарьства нашего, иже то створить, покажнен будеть вельми; аще ли взял будеть, да заплатить сугубо; а аще створить Грьчин Русину, да приметь ту же казнь, яко же приял есть и он* (ПРП 1952: 32). *Сугубо* используется со значением 'вдвойне' (Срезневский III, 1, 1989: 595). Как видим, в данном источнике, в отличие от договора 911 года, сумма компенсации уменьшается. В статье 6 Договора 944 года поясняется: *Аще ли ключится украсти Русину от Грек что, или Грьчину от Руси, достоино есть да възвратить [е]не точью едино, но и цену его; аще украденное обрящеться продаемо, да вдасть цену его сугубо, и то [и] покажнен будеть по закону Гречьскому [и] по уставу, и по закону Рускому* (ПРП 1952: 32-33). Таким образом, если будет совершена кража, то предписывается не только вернуть украденную вещь, но и заплатить ее стоимость, а если вещь будет продана, то заплатить двойную цену. Заметим, в указанных статьях договоров Руси с Византией специальной терминологии для обозначения ущерба еще не используется, в них мы встречаем словосочетания *въспятити тричи, заплатити сугубо, вдасти цену сугубо* – 'вернуть в тройном размере', 'заплатить вдвойне', 'дать двойную цену'.

В Русской Правде содержится статья, которая касается порчи чужого имущества и устанавливает порядок компенсации за него: *А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнеть хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем* (ПРП 1952: 78). Перевод статьи: А если кто-либо сломает копье, щит или испортит одежду и захочет их оставить у себя, то хозяину следует получить за это компенсацию деньгами; если же, что-нибудь сломав, попытается сломанное возвратить, то заплатить ему деньгами, сколько хозяин дал при покупке этой вещи (Там же: 82-83). Здесь не находим специальной терминологии, встречаем словосочетания *прияти скота у него* – 'взять у него деньги'; *скотом ему заплатити* – 'деньгами ему заплатить'.

Историки права обращают внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемый период совершенное каким-либо лицом преступление нарушало, с одной стороны, государственный порядок, с другой – права потерпевшего – частного лица. Соответственно, наказанию также был присущ двойственный характер: оно было призвано возместить причиненный ущерб пострадавшему, а также компенсировать нанесенный вред обществу в виде уплаты штрафа в пользу общины или князя (Оспенников 2011: 343). В соответствии с этим в Русской Правде за совершение противоправного действия указывалась сумма штрафа в пользу князя, так называемой *продажи*, а также размер возмещения ущерба потерпевшему. Например, в статье 35 о краже ладьи говорится: *А оже лодью украдеть, то за лодью платити*

ISBN 978-84-949838-0-1

30 резан, а продажи 60 резан (ПРП 1952: 80). Однако в данном источнике используются и специальные термины со значением ‘возмещение ущерба’, в частности, лексема *урок*: *А кто пакощами конь порежеть или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урокъ платити* (Там же: 117). Также в статье 20 Русской Правды Пространной редакции устанавливается за нанесение ущерба кому-либо рабом или несвободным человеком выплата потерпевшему его хозяином: *Аже кто бежа, а поиметь суседне что или товаръ, то господину платити за нь урокъ, что будеть взялъ* (Там же: 120). В словаре И.И. Срезневского *урок* – ‘пеня, штраф’ (Срезневский III, 2, 1989: 1257).

Одним из видов наказаний, предусматривающих возмещение ущерба, являлась так называемая *выдача головою. Выдать головою* – ‘отдать в чью-либо полную власть’ (СРЯ 1976: 197). Данное терминологическое сочетание в законодательных актах начинает использоваться позже, однако суть его содержится в Сокращенной редакции Русской Правды в статье *«О потоплении купца»*: *Аще который купец где любо с чужими кунами истопится или рать возмет или огнь, то не насилити ему, ни продати его; аже ли пропиется, то воля тому, чьи куны, ждут или продадут, своя им воля* (ПРП 1952: 198 – 199). Таким образом, Русская Правда предписывает отдать во власть истцу того человека, который по своей вине погубил чужой товар: *то воля тому, чьи куны*.

Одной из форм возмещения ущерба в Древней Руси являлась конфискация имущества, которая обозначалась терминами *разграбление, грабеж.* Г.Ю Маннс считал, что поток и разграбление – денежное взыскание периода Русской Правды, преследовавшее интересы частных лиц (Маннс 1926: 14). В Русской Правде Сокращенной редакции в статье 3 говорится: *Будет стал на разбои, то то разбоиника люди не платят, то выдадят его всего со женою и з детми на разграбление* (ПРП 1952: 197). В статье 27 читаем: *Аще кто зазжет гумно, то на поток и на грабеж его…* (Там же: 199). Поток и разграбление являлось одним из самых суровых наказаний в Древней Руси и предусматривалось за особо тяжкие преступления, в частности, за разбойное нападение, кражу коня или поджог. Этому наказанию подвергался не только виновный, но и члены его семьи. Ю.В. Оспенников отмечает: «Применение потока и разграбления предполагает реализацию двух функций наказания: 1) фактическое уничтожение личности самого преступника и его семьи (продажа в рабство, изгнание из общины или физическое уничтожение); 2) возмещение причиненного ущерба за счет полной конфискации и распродажи имущества преступника» (Оспенников 2011: 330-331).

В случае совершения убийства в древнерусский период в качестве наказания применялась кровная месть. Такого рода наказание впервые появляется в договорах Руси с Византией, а затем в Русской Правде. Как отмечает И.А. Малиновский, «кровная месть не

ISBN 978-84-949838-0-1

ограничивается только лишением жизни виновного или близких ему людей. Мститель уничтожает или захватывает имущество обидчика, обращает в рабство близких ему людей» (Малиновский 1908: 46). Виновный имел возможность договориться с родственниками убитого и предложить денежную компенсацию. И.Д. Беляев поясняет: «Убийца мог вступить в договор о выкупе с родственниками убитого, но прежде этого он должен был бежать в пустыню, в дикие леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступать в переговоры через своих родственников. Если родственники убитого не соглашались на выкуп, то убийца мог снова возобновить свое предложение через год; если и второй раз его предложение отвергалось, то по прошествии года он мог еще раз вступить в переговоры. Но если и на этот раз не было согласия, то убийца лишался всякой надежды выкупить свое преступление» (Беляев 1888: 77). Постепенно кровная месть начинает ограничиваться. Г.Г. Колоколов замечает: «И вот мы видим, что в случае нанесения вреда, требующего мщения, обиженный уже отказывается от мести, вступая с обидчиком в мировые сделки, по которым последний должен уплатить за обиду известную денежную пеню. Такие сделки – «compositiones» входят постепенно во всеобщее употребление, и месть-самоуправство заменяется, таким образом, системой выкупов или композицией» (Колоколов 1894: 25). А. Богдановский указывает на то обстоятельство, что данные сделки начинают включаться в свод законов: «Мало-помалу такие сделки (compositions)… начинают входить в обычаи, делаются обыкновенным явлением, освящаемым обычным правом» (Богдановский 1857: 19). Таким образом, официальные власти входят в сферу частного правосудия, включают в законодательные акты случаи применения мести, при этом ограничивая круг лиц, которым позволялось мстить. По мнению ряда исследователей, месть, получив государственно-правовое оформление, переходит из системы возмездия в систему композиций и становится более выгодной и рациональной (Георгиевский 2013: 240-241).

Данные условия оговариваются в Договоре русских с греками 944 года: *Аще убьет Хрестьянин Русина или Русин Хрестьянина, да держим будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и* (ПРП 1952: 33). Перевод фрагмента: Если же убьет христианин русского или русский христианина, и будет схвачен убийца родственниками убитого, то пусть они убьют его. Кроме того, в ситуации, когда убийца сбежит, а окажется имущим, предписывалось родственникам убитого завладеть его имуществом: *Аще ли ускочить створивыи убои [и] аще будеть имовит, да возьмуть именье его ближьнии убьенаго* (Там же: 34). Как видим, совершивший убийство должен был возместить ущерб своим имуществом. Как отмечает М. Дьяконов, уже в самых ранних источниках германского права наряду с местью существовала денежная компенсация, выплачиваемая преступником в пользу

ISBN 978-84-949838-0-1

родственников убитого. Решение осуществить месть или получить с убийцы определенную сумму принималось родственниками убитого, а сумма могла определяться соглашением сторон (Дьяконов 1905: 19-20). После выплаты компенсации совершался торжественный акт примирения, в котором род убитого клялся прекратить месть и приносил соответствующую присягу. В русском законодательстве такого рода плата в пользу потерпевших от убийства именовалась лексемой *головничество* и выплачивалась самим убийцей - *головником: Будеть ли головник ихъ въ верви зане к ним прикладываетъ, того деля им помогати головнику любо си дикую виру, но платити им воопще 40 гривен, а головничество, то самому головнику* (СРЯ 1977: 65). *Головничество* является дериватом лексемы *голова* со значением ‘убитый человек’, которая встречается в форме винительного падежа с предлогом *за* в ряде источников: *за голову*. В частности, в договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами читаем: *А оже убьють новгородца посла за морем или немецкыи посол Новегороде, то за ту голову 20 гривн серебра* (ПРП 1953: 125). Также в договоре Смоленска с Ригою 1229 года фиксируется: *Аже боудетъ свободный человекъ убитъ, 10 гривен серебра за голову* (ПРП 1953:58).

За нанесение ран, увечий нападавший расплачивался своим имуществом, а если он был неимущим, то продавалась одежда, в которой он был, или же продавался в рабство он сам. В статье 14 Договора Руси с Византией 944 года говорится: *Аще ли есть неимовит, да како можеть, в толико же и продан будеть, яко да и порты, в них же ходить, да и то с него сняли* (ПРП 1952: 34). В Псковской Судной грамоте в статье 27 устанавливается обязанность обидчика возместить пострадавшему ущерб за нанесенные побои: *А где учинится бои у торгу или на улицы во Пскове или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бои многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру, а ставши перед нами человеки 4 или 5, а ркучи слово: «того бих», - ино кто бился, того человека их душа выдати в рубли битому человеку* (ПРП 1953: 289). В данной статье поясняется: если где-нибудь на рынке или на улице, на пиру изобьют кого-либо, при этом избитый не будет ограблен, и это избиение подтвердят многие, а перед нами станут человек четыре-пять, заявив, «того бил», то лицо, нанесшее побои, подвергнуть денежному взысканию в пользу избитого (Там же: 307). В данном контексте используется словосочетание *выдати в рубли* со значением ‘выплатить ущерб’.

В заключение отметим, что в древнерусский период формируется терминология, связанная с причинением материального вреда и его компенсацией. Так как в это время частный интерес при наказании преступника играет решающую роль, «частное удовлетворение имеет перевес над общественным взысканием» (Чебышев-Дмитриев 1862: 92). Ущерб именуется лексемами *пакость*, *пагуба, обида*, *протор*, *татьба.* Словосочетания

ISBN 978-84-949838-0-1

заплатити сугубо, *пагубу исплатити, татьбу заплатити, выдати в рубли* со значением ‘возместить ущерб’ активно используются в источниках законодательного характера. Имущество преступников, полученное в результате конфискации - *разграбления* и *грабежа*, также направлялось на возмещение нанесенного вреда. Убийство выкупалось *головничеством*. Значительная часть лексики фиксировалась также в летописных текстах и являлась общеупотребительной.

Список литературы

Беляев И.Д. (1888): Лекции по истории русского законодательства. Москва

Богдановский А. (1857): Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. Москва

Большой юридический словарь (2010): Под ред. А.Я. Сухарева. Москва

Георгиевский Э.В. (2013): Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. Москва

Дьяконов М. (1905): Очерки истории русского права. Юрьев

Колоколов Г.Г. (1894): Уголовное право: курс лекций. Москва

Малиновский И.А. (1908): Кровная месть и смертныя казни. Вып. 1. Томск

Маннс Г.Ю. (1926): Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск

Оспенников Ю.В. (2011): Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. Москва

Памятники русского права (1952): Вып. 1. Под ред. С.В. Юшкова. Москва (ПРП)

Памятники русского права (1953): Вып. 2. Под ред. С.В. Юшкова. Москва

Словарь русского языка XI – XVII вв. (1976): Вып. 3. Москва (СРЯ)

Словарь русского языка XI – XVII вв. (1977): Вып. 4. Москва

Словарь русского языка XI – XVII вв. (1987): Вып. 12. Москва

Словарь русского языка XI – XVII вв. (1988): Вып. 14. Москва

Срезневский И.И. (1989): Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I – III. Москва

Чебышев-Дмитриев А. (1862): О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань

Юридическая энциклопедия (2005): Под ред. М.Ю. Тихомирова. Москва (ЮЭ)

ISBN 978-84-949838-0-1

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ДИАЛОГЕ: ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ

Шаронов Игорь Алексеевич
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Россия
Igor_sharonov@mail.rul

RUSSIAN PROVERBS IN DIALOG:DISCUSSIVE-PRAGMATIC WAY OF THEIR DESCRIPTION

Sharonov Igor Alekseevich.
Russian State University for Humanities (RGGU), Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена дискурсивно-прагматическим функциям, которые получают паремии, становясь диалогическими единицами, на примере анализа ряда русских пословиц. Они используются в разговоре как речевые акты или как аргументы при речевых актах. Пословицы получают эти функции в определенной дискурсивной последовательности, а именно после определенных стимулирующих речевых актов собеседника, и в зависимости от темпоральной перспективы речевого акта – отнесенности обсуждаемого события к плану прошедшего или будущего времени. Дискурсивно-прагматическое описание пословиц позволяет не только понимать значение пословиц, но и адекватно использовать их в диалогической речи.

ABSTRACT

The article is devoted to discursive-pragmatic functions of proverbs in dialog. These units are used in conversation as speech acts or as arguments attached to the speech acts. Proverbs get the pragmatic functions in discursive consequences, after the speech or situational stimulus, and according to the temporal perspective of the event the speech act realize: past or future perspective. Discursive-pragmatic descriptions of Russian proverbs give the better chance not only to apprehend the meaning of the units, but also to use it adequately in conversation.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, диалог, прагматика, речевые акты, речевые штампы, речевые формулы, коммуникативы.

Key words: Proverbs, sayings, dialogue, pragmatics, stock phrases, routines, speech formulas, communicatives.

Многие языковые единицы в процессе стереотипизации изменяют – вплоть до полной потери – свою семантику ввиду частотного функционального использования. С пословицами этого не происходит ввиду того, что их семантика – важнейшая составляющая их сохранения в языке. Однако использование в диалоге не может не отразиться на их семантике: функциональный (речеактный) аспект «накладывается на их семантику, нетривиальным

ISBN 978-84-949838-0-1

образом взаимодействует с ней, разводя некоторые пословицы, которые мы рассмотрим ниже, на два разных типовых употребления.

Введение

Пословицы и поговорки, как известно, это народные сентенции, обобщения бытового опыта, образно передающие житейскую мудрость. Они относятся к паремиям – общеизвестным и воспроизводимым лексическим сочетаниям. Правда, многие из русских паремий, созданные в предшествующие эпохи, уходят из языка последних поколений, поскольку содержат уже забытые и непонятные представления и реалии, однако «ядро» таких единиц прочно вошло в лексическую систему русского языка. Паремии русского языка – объект пристального лингвистического и лексикографического внимания в русистике. Издано уже немало словарей, в которых собраны большие коллекции паремий, даются их описания и примеры употребления. Во многих лингвистических школах паремии относят к фразеологии, поскольку между этими единицами немало общих структурных черт, прежде всего – их идиоматичность. Отличие паремий от фразеологизмов состоит в том, что первые – это обычно предложения, а вторые – словосочетания, используемые как компоненты предложения. Однако эта граница не строго очерчена. Если в повествовательной и описательной речи (нарративных текстах) это чаще всего так, то в диалогической речи многие фразеологизмы также способны выполнять функцию отдельного высказывания,чаще – реактивной, ответной реплики.

Диалогическая речь строится по иным правилам, чем повествовательная. Большую роль в диалоге приобретает дискурсивно-прагматический фактор, снимающий структурные различия языковых единиц при реализации функций коммуникативного взаимодействия собеседников. Фразеологизмы нередко используются как компонент высказывания и как отдельные диалогические реплики, что может приводить к изменению в их семантике и прагматике. В (Шаронов 1996) рассматриваются содержательные отличия двух употреблений фразеологизма *Темна вода во облацех*, взятых из словаря фразеологических синонимов (Жуков и др. 1987):

1) А зачем дорога построена, сколько в прошлом году доходов собрано, сколько в нынешнем – все это для него *темна вода во облацех* (Салтыков-Щедрин, Праздный разговор);

2) Штатный смотритель уездных училищ, которому хозяин показывал этот лист, долго смотрел на круги, потом вздохнул и сказал: *«Темна вода во облацех»* (Чехов, Злоумышленник).

ISBN 978-84-949838-0-1

В первом примере фразеологизм занимает позицию компонента высказывания, а во втором – позицию самостоятельной реплики диалога. В словаре отсутствуют указания на различия в их семантике и особенностях употреблении, а между тем во втором примере, где фразеологизм, используемый как самостоятельная реактивная реплика, обладает признаками, отсутствующими при использовании его в качестве члена предложения. К таким признакам относятся:

1. Семантика: Сужение значения, выражение только непонимания, а не непонимания или незнания.
2. Прагматика: Используется для выражения непосредственной реакции говорящего, а именно эмоции сожаления, (часто полушутливого), устойчиво сопровождающей фразеологизм в диалогическом употреблении. Обычно сопровождается пожатием плеч и/или разведением рук в стороны.

Дискурсивно-прагматические свойства диалогических единиц

Любое отдельное высказывание диалога рассматривается в логико-прагматических исследованиях как действие, целенаправленный речевой акт, совершаемый в определенном месте и в определенный момент. Каждый речевой акт выражает субъективное намерение говорящего лица в зависимости от позиции данного акта в диалоге как коммуникативном взаимодействии двух и более собеседников. Теория речевых актов описывает значение речевого акта как сочетание субъективного значения (иллокутивной силы) и семантики высказывания (Серль 1986). Рассмотрение паремий в диалогической речи в качестве речевых актов позволяет описать их особые свойства, необходимые для адекватного использования этих единиц в речи.

В лингвистических и социолингвистических работах последних десятилетий активным исследованиям подвергаются стереотипные, шаблонные высказывания, условия употребления которых связано с социальной ситуацией и социальными ролями. Таких высказываний (будем называть их коммуникативными единицами) в устной диалогической речи любого языка оказывается достаточно много. В работе (Sorhus 1977, с. 217) был исследован устный корпус бытовой речи канадцев с более чем 130 000 слов. Подсчет показал, что фиксированные фразы, стереотипные высказывания составляют не менее 20% от всего корпуса. Коммуникативные единицы обладают связностью элементов и на этом основании должны являться составной частью фразеологии. Однако условия их идиоматизации несколько отличны от тех, которые свойственны единицам традиционной фразеологии: это прежде всего их дискурсивно- или

ISBN 978-84-949838-0-1

ситуативно-прагматическая закрепленность, приспособленность служить короткими знаками речевого обмена в стереотипных ситуациях коммуникативного взаимодействия.

Лингвисты, изучающие коммуникативные единицы каждый со своей позиции, предлагают для этой группы коммуникативных единиц или для их более узких подгрупп разные наименования: шаблонные формулы, или рутины (Coulmas 1981); прагматемы (Мельчук 2005), речевые формулы (Баранов, Добровольский 2006), коммуникативы (Шаронов 1996, 2009, 2016).

Коулмас дает определение стереотипных формул как общепринятых готовых прагматических единиц, возникновение которых связано со стандартизированными коммуникативными ситуациями (Coulmas 1981). В (Баранов, Добровольский 2006) отмечается дейктичность таких единиц, то есть их связь с конкретной речевой ситуацией. В (Мельчук, Иорданская) подробно рассматривается их ситуативная обусловленность. Авторы подчеркивают принципиально иное основание идиоматизации для таких единиц: «параметр «связанность ситуацией» = «прагматическая фразеологичность» не лежит в одной плоскости с параметром «семантическая фразеологичность», а, так сказать, перпендикулярен ему» (2005, с. 234).

Будучи стереотипными речевыми актами, коммуникативные единицы, естественно, обладают характеристиками речевых актов, выявленных в (Серль 1986:). Прежде всего они обладают иллокутивной целью высказывания, которая в свою очередь связана с темпоральной перспективой, то есть соотношением времени передаваемого сообщением события к моменту речи в диалоге. Дж. Р. Серль трактует темпоральную перспективу через понятие направлении приспособления между словами и миром. Он пишет: «Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова (а точнее— пропозициональное содержание речи) соответствовали миру; другие иллокуции связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую категорию, обещания и просьбы—во вторую» (Серль 1986, с. 179). Таким образом, интерпретация коммуникативной единицы зависит от того, произошло ли обсуждаемое событие, или оно только предполагается в будущем. Стереотипной коммуникативной единицей может стать слово, словосочетание, предложение. Достаточно легко в список таких единиц входят и паремии, и в частности, пословицы. Рассмотрение паремий как стереотипных речевых актов с позиций прагматики их использования дает возможность для описания их адекватного использования в речи.

Постановка задачи

ISBN 978-84-949838-0-1

В диалогических текстах пословицы активно используются для решения дискурсивных задач. Эти задачи определяются ролевыми позициями собеседников – инициатора речи и реагирующего на речь. Задача инициатора речи может заключаться в попытке убедить собеседника в чем-либо, успокоить, обнадежить его, побудить к деятельности. Задача реагирующего на речь – согласиться с собеседником, одобрить его мнение или намерение, не поверить, отказать ему в просьбе и т.д. Пословицы помогают участникам диалога реализовывать перечисленные и другие дискурсивные задачи на разных этапах процесса создания собеседниками общего текста. К коммуникативно-прагматическим функциям пословиц в диалоге чаще всего относится использование их в качестве убеждающего аргумента (Баранов, Добровольский 2006, с.), но также и в качестве речевого акта. Темпоральная перспектива речевого акта вносит либо ретроспективный, либо проспективный взгляд на событие. В статье мы сделаем акцент на роли темпоральной перспективы при интерпретации нескольких пословиц в диалогической речи.

Решение задачи

Мы опишем несколько пословиц: *Выше головы не прыгнешь, Любишь кататься, люби и саночки возить; Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем — полезай в кузов*, используемых в диалогической речи в качестве аргументированной реакции на речевой акт собеседника. Отталкиваться мы будем от традиционных описаний этих пословиц, которые были взяты из словаря [Жуков 1991], в котором акцент делается на семантике паремий и их культурологическом комментарии, анализе внутренней формы. Такой подход , как уже было указано выше, хорошо «работает» при описании употреблений пословиц и поговорок в нарративных текстах; описание же паремий в диалоге требует дополнительного прагматического аппарата, раскрывающего неявные прагматические и дискурсивные аспекты их использования.

Выше головы не прыгнешь
Жуков 1991: ‘Больше того, на что способен, не сделаешь’

В диалоге данная паремия имеет разнонаправленную темпоральную перспективу, что приводит к разведению собранных примеров диалогического использования единицы на две группы с разным прагматическим значением.

1. Ретроспективный взгляд (обсуждаемое событие уже имело место). Попытка оправдаться.

Толкование: ‘В ответ на реальные или потенциальные обвинения в слабости или отсутствии результата говорящий указывает на объективную ограниченность своих возможностей,

ISBN 978-84-949838-0-1

пытаясь использовать реплику как аргумент при оправдании или для косвенного выражения оправдания.

> Рисунков, конечно, могло бы быть больше, но нельзя требовать одновременно и качества, и количества. *Выше головы не прыгнешь* (М. Петросян. Дом, в котором).
> Ну поверьте же, ну поймите же — будет об этом и книга <…> Всему свой черед, всему свое время. *Выше головы не прыгнешь*. (В. Д. Алейников. Тадзима).

В первом примере говорящий пытается использовать паремию как оправдывающий аргумент при речевом акте оправдания, а во втором - как косвенный речевой акт оправдания того, что книги до сих пор нет.

2. 1. Проспективный взгляд (обсуждаемое событие планируется в будущем). Аргументированный отказ.

Толкование: В ответ на реальное или потенциальное побуждение к активной деятельности говорящий отказывается, аргументируя это недостаточностью возможностей для ее выполнения.

Паремия как косвенный РА. Говорящий использует паремию одновременно как речевой акт отказа и как убеждающий универсальный аргумент.

> — Наши силы вокруг нас; если мы не можем найти помощников, то, значит, мы сами ничего не стоим. — *Выше головы не прыгнешь,* — возразил Давид. — У нас нашлось бы несколько человек, способных организовать освобождение, но как быть без денег? (Ф. М. Степняк-Личкус. Андрей Кожухов).

Темпоральная перспектива определяет синонимию употребления несколких пословиц с семантикой связанности решения или намеренного действия с другими событиями – смежными и последующими. К таким пословицам принадлежат, например: *Любишь кататься, люби и саночки возить; Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем — полезай в кузов.*

Приведем толкования этих пословиц из [Жуков 1991]:

> Любишь кататься, люби и саночки возить. ‘Неизбежно приходится расплачиваться за то, что было сделано с охотой, с удовольствием’.
> Назвался груздем (грибом), полезай в кузов. ‘Если взялся за что-л., доводи дело до конца, неси все тяготы. Говорится тогда, когда кто-л. хочет, пытается уклониться от выполнения взятых на себя обязательств, обещаний и т. п.’
> Взялся за гуж, не говори, что не дюж. ‘Если уж принялся за какое-л. дело, не отказывайся, ссылаясь на трудности или свою слабость.’

ISBN 978-84-949838-0-1

В приведенных словарных толкованиях «проглядывает» приписываемая паремиям темпоральная отнесенность: ретроспективный взгляд для первой единицы (действию приписывается совершенность), проспективный – для двух других (акцент на решении что-то сделать, действию приписывается несовершенность). Такой подход невольно отдаляет первую единицу от двух других. Между тем, анализ собранного в НКРЯ материалов демонстрирует, что все эти единицы имеют в диалоге возможность использования в о контекстах с обоими типами темпоральной отнесенности.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

1. Ретроспективный взгляд (обсуждаемое событие уже имело место). РА отказ от сочувствия.

В ответ на жалобы о трудностях, связанных с деятельностью, говорящий отказывает собеседнику в сочувствии, акцентируя внимание на ответственности не только за принятые решения (связанные с его личными интересами), но и за их последствия.

> Протянув бумажку Афанасьеву, я, смеясь, добавил: — Вот такой ценой и создаются лучшие полотна циркового искусства двадцатого столетия. Афанасьев улыбнулся: — *Любишь кататься, люби и саночки возить!* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь)
> Матушка второпях не успела запастись никаким документом. Поэтому, когда корабль наш двинулся вверх по проливу, шкипер пригласил всю нашу семью в трюм, где наскоро приготовил для нас тайное убежище. Но, Бог ты мой, что это было за ужасное помещение! — *Назвался груздем — полезай в кузов,* — сказал Высоцкий. [В. Авенариус. Гоголь-студент]
> — Экой ты, Терентьич! Мальчонкам-то трудно ведь. — Мало ли что! *взялся за гуж, будь дюж*. [Ф. М. Решетников. Подлиповцы]

2. 1. Проспективный взгляд (обсуждаемое событие планируется в будущем). Аргументация при отказе, препятствовании намерению уклониться от выполнения действия.

В ответ на намерении уклониться от совершения действия говорящий отказывает в этом собеседнику, акцентируя внимание на ответственности не только за свои принятые решения, но и за их последствия.

> Уберемся подобру-поздорову, пока не поздно. — Ищи, ищи! — зло посмотрел на него Санька. — *Любишь кататься, люби и саночки возить*… [А. И. Мусатов. Стожары).
> Знаем мы этих знаменитых! — Ни-ни… не отвиливай, братец! *Назвался груздем — полезай в кузов!* Надевай шапку, пойдем! (А. П. Чехов. Средство от запоя).
> Егорин сразу обратил внимание на побледневшее лицо Кочерова, поймал его смущенный, виноватый взгляд и резко заметил: — Ну, Ванька, теперь танцевать поздно. *Взялся за гуж — не говори, что не дюж!* — С чего ты взял! — обиженным тоном отозвался Кочеров. (В. Курицын. Томские трущобы).

Выводы

ISBN 978-84-949838-0-1

Итак, описание диалогических употреблений паремий в диалоге требует специального исследования их дискурсивно-прагматических свойств. Такого рода описание, разумеется, не отменяет традиционного семантического подхода, удобного для использования при пассивных видах речевой деятельности – чтении и слушании, но дополняет их информацией о прагматических условиях употребления. Дискурсивно-прагматическое описание предполагает возможность перехода от пассивных видов речевой деятельности к активному речепроизводству, возможности адекватного использования паремий в устной диалогической речи.

Список литературы

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 2008. Аспекты теории фразеологии. М.

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. 1987. Словарь фразеологических синонимов русского языка, М. Русский язык.

Жуков В.П. 1991. Словарь русских пословиц и поговорок М.: Русский язык.

Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М., Изд.: ЯСК. 2007.

Серль Дж. Р. (1986): Классификация иллокутивных актов, Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170-194 – М.: Прогресс.

Шаронов И.А. 1996. Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания // Русистика сегодня № 2, с. 89-112.

Шаронов И.А. 2012. «Бог с тобой» Теория и практика толкования фразеологических коммуникативов. Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., Индрик. с. 437–448.

Шаронов И.А. 2015. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. Изд. "Языки славянских культур". Гл. 5, с. 145–187.

Coulmas F. 1981. Introduction: Conversational Routine. Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton.

Sorhus H B 1977 - To hear ourselves – Implications for teaching English as a second language. English teaching journal XXXI. *31*, 3, p. 211-221

ISBN 978-84-949838-0-1

ЕДИНИЦА *ТАКОЙ* В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: НА ПУТИ ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ФУНКЦИИ?

Шклярук Екатерина Ярославовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Российская федерация
st050548@student.spbu. Ru

TAKOY IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH: IN THE WAY FROM THE MEANING TO THE FUNCTION?

Shkliaruk Ekaterina
Saint-Petersburg state university. Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению функционирования единицы ТАКОЙ в русской устной спонтанной речи. Материалом для исследования послужили 213 сочетаний слова ТАКОЙ с существительными и местоимениями (в пре- и постпозиции). Главным объектом внимания стали 89 сочетаний типа <сущ./мест. + ТАКОЙ>. Источник материала – корпус «Один речевой день». В русской разговорной речи единица ТАКОЙ часто встречается в функциях, которые не описаны словарями и грамматиками русского языка (маркер-ксенопоказатель, изобразительный маркер, маркер энантиосемии, хезитативный маркер), при этом ее кодифицированная указательная функция значительно ослабляется. Представляется, что единица ТАКОЙ подвергается в устном дискурсе процессу прагматикализации, особенно при употреблении в постпозиции. Это подтверждают самые частотные ее функции: «словарные» – для препозитивного ТАКОЙ и соотносящиеся с прагматемами «несловарные» – для постпозитивного.

ABSTRACT

The article is devoted to studying the unit TAKOY (such) in Russian spontaneous speech. 213 combintains of TAKOY with nouns and pronouns (in the preposition and the postposition) were taken as a material of the study. The main object of the study is a group of 89 combinations with postpositive TAKOY. The source of the material is the corpus"One Speech Day". In Russian colloquial speech the unit TAKOY is often found in functions which are not described by dictionaries and grammars (xenomsrker, descriptive, hezitative markers and a marker of enantiosemia), while its codified index marker is noticeably weakened. It seems that the unit TAKOY is being subjected to the process of pragmaticalization in oral discourse. Postpositive TAKOY is more pragmatical than prepositional especially when used in postposition. This is confirmed by the most frequent functions.

Ключевые слова: прагматикализация, указательный маркер, усилительный маркер, маркер энантиосемии, маркер-ксенопоказатель, изобразительный маркер, хезитативный маркер.

Keywords: pragmaticalisation, index marker, amplifying marker, marker of enantiosemia, xenomarker, descriptive marker, hesitative marker.

ISBN 978-84-949838-0-1

Изучение разговорной речи с каждым днем привлекает все большее внимание лингвистов. Несмотря на то что устная речь является самой естественной формой языка, большинство словарей и грамматик по-прежнему опираются на письменную форму его бытования. Таким образом, многие единицы, которые традиционно считаются в лингвистике «сорняками», или «словами-паразитами», остаются за пределами научного рассмотрения, а описание уже изученных явлений порой оказывается неполным.

Настоящая работа посвящена изучению функционирования единицы ТАКОЙ в русской спонтанной речи.

Словари и грамматики описывают ТАКОЙ как указательное (БАС 1963: 58-59) или определительное местоимение (там же; МАС 1999: 334) или как местоименное прилагательное (Русская грамматика 1980: 540; БТС 2000: 1303). Однако в устной речи встречаются такие реализации этой единицы, которые не подходят под словарные описания, основанные прежде всего на частеречной характеристике.

Представляется, что в устной речи единица ТАКОЙ приобретает ряд новых функций. Цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить изменения в употреблении единицы ТАКОЙ в русской устной спонтанной речи, а именно – выявить тенденцию к ее прагматикализации.

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус «Один речевой день» (ОРД), который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете и содержит записи повседневных разговоров носителей русского языка. ОРД является самым представительным на сегодняшний день ресурсом для изучения русской спонтанной речи. Его объем на данный момент составляет 1250 часов звукозаписей речи от 128 информантов и около 1000 их коммуникантов, около миллиона словоформ в расшифровках. Информанты корпуса различаются по гендерному, возрастному (от 17 до 83 лет), профессиональному и социальному признакам[20].

В ходе настоящего исследования были проанализированы «речевые дни» 8-ми информантов и 73-х их коммуникантов (всего около 1500 словоупотреблений). Анализировались сочетания типа <ТАКОЙ + сущ. /мест.> (124 единицы; ТАКОЙ в препозиции по отношению к определяемому слову) и <сущ./ мест. + ТАКОЙ> (89 единиц; ТАКОЙ в постпозиции). Объектом внимания в настоящей работе стали последние: сочетания с ТАКОЙ в постпозиции. Данный фрагмент материала был выбран для специального исследования, так как именно в постпозиции единица ТАКОЙ практически полностью

20 Подробнее о корпусе ОРД см., например: Богданова-Бегларян и др. 2018; Русский язык… 2016.

ISBN 978-84-949838-0-1

утрачивает свое «словарное» указательное значение и приобретает новые функции, такие, например, как маркер-ксенопоказатель[21]. Обратимся к примерам[22]:

(1) *после заседания суда он говорит / так / ребята / едем со мной / говорит // *П у меня говорит папка* ***такая*** *а у вас* ***такая*** *// *П вот он забрал Николая / *П они всь... э все документы касаемые(:) нас*;

(2) **Н не получился ли какой ещё // *П я подошла (э) / ну () первая у кого я спросила / это к Маша Астахова / она* ***такая*** */ да да да / Настя взяла у меня *Н четыре с половиной.*

В примере (1) ТАКОЙ выступает, как и предписывается словарями, в качестве *указательного маркера* и реализует функцию, заданную морфологической природой указательного местоимения. В качестве такого маркера слово ТАКОЙ указывает на качество, свойство, называемое в предшествующей или последующей речи или устанавливаемое из каких-либо обстоятельств, ситуации, или просто указывает на качество, свойство лица, предмета. Из контекста (1) ясно, что говорящий указывает на реальный объект (*папку*). Сравнив примеры, можно заметить, что ТАКОЙ в данных контекстах различаются своими функциями. В примере (2) единица ТАКОЙ функционирует уже в качестве маркера-ксенопоказателя, т. е. маркирует введение говорящим чужой речи.

Единица ТАКОЙ в своих «несловарных» реализациях приближается к *прагматемам.* Прагматемы – это единицы, которые восходят к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, и в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходя тем самым из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи (Богданова-Бегларян 2014: 7). Приведем некоторые примеры прагматем:

(3) *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страхо-вую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая /* ***понимаешь*** *? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалася* *П вот* **(метакоммуникативный маркер)**;

(4) ***да там какие-то*** */* ***эти самые*** */ и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет //* ***я не знаю*** **(хезитативные маркеры)**;

(5) *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день /* ***или как сказать ?*** **(маркер-рефлексив)**.

21 Термин *ксенопоказатель* был введен Н. Д. Арутюновой для описания функционирования единиц *де, дескать* и *мол* (Арутюнова 2000: 437). См. также: Плунгян 2008; Левонтина 2010. Вслед за этими авторами, мы используем данный термин для обозначения единицы, передающей чужую речь. Отметим, что «чужая речь» понимается в данном случае широко и включает и собственную речь говорящего, например, при пересказе диалога.

22 Подробнее о знаках, используемых в орфографических расшифровках материалов ОРД, см. Русский язык… 2016: 242-243.

ISBN 978-84-949838-0-1

Рассмотрим полный список функций единицы ТАКОЙ, которые были выделены на материале исследования: указательный маркер, усилительный маркер, изобразительный маркер, маркер-ксенопоказатель, хезитативный маркер, маркер энантиосемии. Кратко охарактеризуем еще не названные функции.

В качестве **усилительного маркера** ТАКОЙ выражает сильную степень проявления свойства, качества, оценки, ср.:

(6) *покупать карточку какую-то / *П о-о ! с **такими** проблемами / *П а DSL подвести / я так и не сподобился.*

Данная функция отмечена словарями и грамматиками и вместе с указательной входит в группу «словарных».

В качестве **маркера энантиосемии** ТАКОЙ усиливает признак, свойство, качество для указания на противоположное значение, ср.:

(7) **П Пино гри$ // *П есть большая / оно тоже ничего / но это всё-таки () не то // # *П тогда мы последние бутылки купили / давно // # *П и всё выпили // # да / мы **такие** пьяницы / Лариса%.*

Изобразительный маркер появляется в речи, когда говорящий чувствует необходимость в характеристике, оценке предмета, но не всегда может выразить ее самостоятельным словом, ср.:

(8) *когда очень болит // *П ихтиолку / (...) прямо к этой к с... пере... *П к передней пятке / ихтиолку **такую** намачиваю / тряпку / и на ночь привязываю.*

Хезитативный маркер указывает на заминку, колебания говорящего в ходе речепорождения, ср.:

(9) *вот такой тортик / *П там четыре пирожных //*П угу // @ кусочек мяты ! @ вкусный / он (...) в пластмассовой / прозрачной (...) упако... коробочке.*

Появление подобных функций у единицы ТАКОЙ позволяет говорить о том, что она подвергается в устной речи процессу *прагматикализации*. Такой вывод можно сделать при рассмотрении распределения функций на материале исследования (см. рис.).

ISBN 978-84-949838-0-1

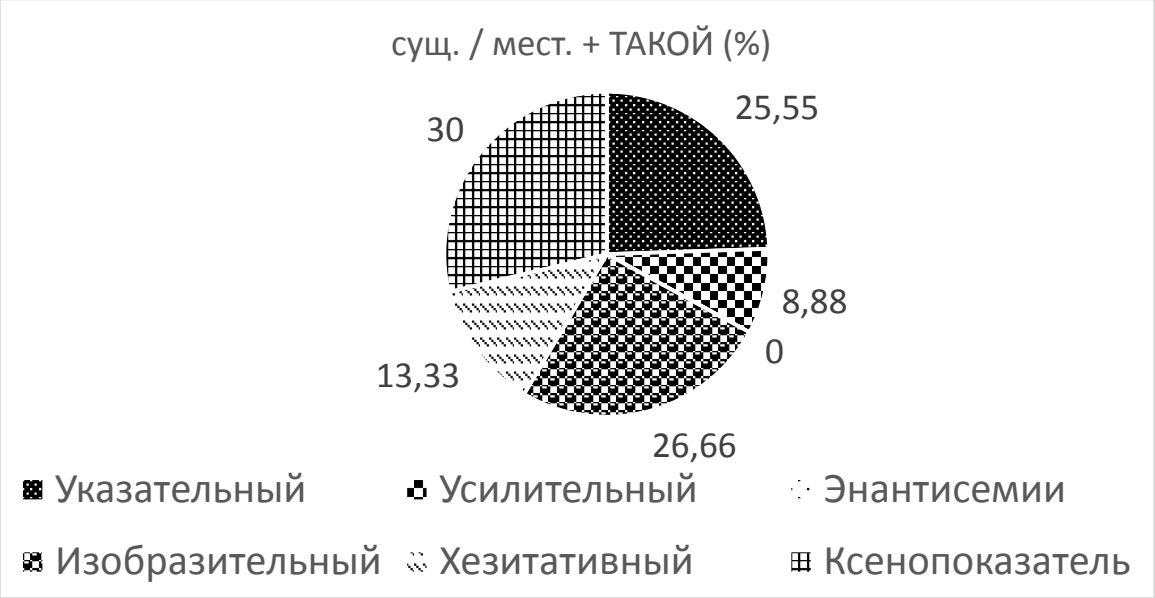


Рис. 1. Распределение функций слова ТАКОЙ на материале исследования

Из диаграммы видно, что бóльшая часть употреблений постпозитивного ТАКОЙ приходится на функцию маркера-ксенопоказателя (30,0 %). Чуть меньшие, но примерно одинаковые доли приходятся на изобразительный (26,7 %) и указательный (25,6 %) маркеры. Еще реже встречаются в материале исследования хезитативный (13,3 %) и усилительный (8,9 %) маркеры.

Интересны в данном случае доли двух «словарных» функций единицы ТАКОЙ: указательной и усилительной. Они описаны словарями и грамматиками и в общем распределении материала занимают лидирующие позиции (см.: Шклярук 2018). Для препозитивного ТАКОЙ они также являются самыми частотными (там же). Однако для ТАКОЙ в постпозиции самыми частотными стали функции маркера-ксенопоказателя и изобразительного маркера, в то время как указательный маркер оказался на третьем месте по частотности, а усилительный – на предпоследнем[23].

Интересно сопоставить распределение всех функций для препозитивного и постпозитивного ТАКОЙ (см. табл.).

23 Последнее место занимает маркер энатиосемии: в материале исследования не встретилось контекстов с постпозитивным ТАКОЙ в данной функции. Однако маркер энантиосемии встречается в контекстах с препозитивным ТАКОЙ. Не исключено, что он встретится и в постпозиции – на большем объеме материала.

ISBN 978-84-949838-0-1

Таблица 1. Количественное распределение употреблений единицы ТАКОЙ в разных функциях и в разных позициях по отношению к определяемому слову

Модель / Маркер	<ТАКОЙ + сущ. / мест.> (%) (препозиция)	<сущ. / мест. + ТАКОЙ> (%) (постпозиция)
Указательный	**61,3**	25,6
Усилительный	**32,9**	8,9
Изобразительный	0,6	**26,7**
Энантиосемии	1,3	–
Ксенопоказатель	–	**30,0**
Хезитативный	3,9	13,3

Из таблицы видно, что постпозитивное ТАКОЙ чаще реализуется в своих «несловарных» функциях, в отличие от препозитивного, которое ближе к своей местоименной природе (61,3 % приходится на указательный маркер). Представляется, что постпозитивное ТАКОЙ в устной речи является наиболее прагматикализованным.

Ясно видно, что единица ТАКОЙ в устной речи утрачивает свои первоначальные указательную и усилительную функции и подвергается процессу прагматикализации[24]. Под прагматикализацией в данном случае понимается утрата словом лексического значения (или его ослабление) и приобретение новой функции (прагматического значения).

Необходимо отметить некоторую специфику прагматикализации слова ТАКОЙ. Будучи по природе своей местоименным словом, данная единица не имеет как такового лексического значения. Представляется, что в процессе прагматикализации ослабляется собственно указательное значение слова ТАКОЙ и его анафорическая и синтаксическая функции.

Подведем некоторые итоги. В постпозитивном употреблении (относительно существительного или местоимения) единица ТАКОЙ утрачивает значение, которое задано ее морфологической природой, и приобретает новые функции.

Наличие функций, не отмеченных словарями и грамматиками, выделенных только на материале устной речи и близко соотносящихся с классом прагматем (маркер-ксенопоказатель и вербальный хезитатив), а также не выделенной ранее функции изобразительного маркера позволяет говорить о том, что единица ТАКОЙ, функционируя в устной речи, подвергается прагматикализации.

24 Подробнее о прагматикализации см.: Günther, Mutz 2004; Богданова-Бегларян 2014.

ISBN 978-84-949838-0-1

Единица ТАКОЙ пополняет класс прагматем русской речи. Следовательно, требует совсем иного лексикографического описания. В перспективе подобные употребления слова ТАКОЙ должны войти в словник «Словаря прагматем русской повседневной речи».

Список литературы

Арутюнова Н. Д. (2000): Показатели чужой речи де, дескать, мол, Язык о языке: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 437‑452.

БАС 1963 – Качевская Г. А., Толикин Е. Н. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Том 15. Т – Тятя. М.: Наука, 1286 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014): Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология, Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 7-20.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Мартыненко Г. Я. (2018): Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН (в печати).

БТС 2000 – Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1536 с.

Левонтина И. Б. (2010): Пересказывательность в русском языке, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 284-289.

МАС 1999 – Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Том IV. С–Я. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 794 с.

Плунгян В. А. (2008): О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие. Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen / B. Wiemer & V. A. Plungjan (eds). Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 285–311.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Баева Е. М., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Ермолова О. Б., Рыко А. И. и др. (2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.

Шклярук Е. Я. (2018): Местоименное слово ТАКОЙ в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации. Коммуникативные исследования. № 2 (16), 101-112.

References

ISBN 978-84-949838-0-1

Günther S., Mutz K. (2004): Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 77–107.

ISBN 978-84-949838-0-1

САКРАЛИЗАЦИЯ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «БЛАГОПОЛУЧИЕ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шкуран Оксана Владимировна
Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Украина
oksana.shkuran@mail.ru

SACRALIZATION AND DESACRALIZATION THE CONCEPT "WELL-BEING" IN THE EASTERN SLAVIC LANGUAGE SPACE

Oksana Shkuran
Lugansk Taras Shevchenko
National University, Ukraine

АННОТАЦИЯ

К концу XX века разразился кризис многих наук, среди которых оказалась и лингвистика. Антропоцентрический подход к исследованию языка дал толчок для развития смежных наук, а языковая вседозволенность привела к десакрализации культурологических понятий таких, как например, «благополучие». Данный концепт стал продуктом деятельности человеческого сознания, которая привела к профанизации сакрально-языкового познания, и требует исследования. Он объединяет во внутренней форме слова два противоположных полюса – полюс динамики (в данном случает, десакрализации) и полюс удержания – (сакрализации), между которыми и разворачивается концептуальное поле «благополучия». Потенциальная субъективность концепта «благополучие» объединяет общую идею отдельно выбранной эпохи и сакральное понимание, которые помогают выяснить идею изначального понимания внутренней формы слова.

ABSTRACT

By the end of the twentieth century, a crisis of many sciences broke out, among which was also linguistics. Anthropocentric approach to the study of language gave impetus to the development of related sciences, and language permissiveness led to the desacralization of cultural concepts such as, for example, "well-being". This concept became a product of human consciousness, which led to the profanization of sacred language knowledge, and requires research. This concept combines in its internal form words two opposite poles - the pole of dynamics (in this case, desacralization) and the pole of retention - (sacralization), between which the conceptual field of "well-being" unfolds. The potential subjectivity of the concept of "well-being" unites the common idea of a separately chosen era and a sacred understanding that help clarify the idea of an original understanding of the inner form of a word.

Ключевые слова: Концепт, картина мира, сакрализация, десакрализация, благо, благополучие, языковое сознание, духовное саморазвитие.

ISBN 978-84-949838-0-1

Keywords: Concept, the picture of the world, sacralization, desacralization, good, well-being, linguistic consciousness, spiritual self-development.

Мировоззрение – это фундамент человеческого сознания. Чтобы жить в согласии с внешним миром и внутренним «я», необходимо упорядочить этот мир в своем понимании на концептуальном уровне. В процессе данной когниции происходит выделение информации, ее осмысление и последующая трансформация в знание. На материале восточнославянских языков и различных смежных лингвистических дисциплин целесообразно разрешить проблему стабилизации концептуальной картины мира, которая имеет синонимичные названия: картина мира (В.Герц, Л.Витгенштейн, Б.А. Серебренников, Е.А.Кубрякова), модель мира (М.Хайдеггер), образ мира (М.Планк, В.И.Постовалова), когнитивная модель мира или когнитивное пространство (А.Т. Ишмуратов, А.Н.Леонтьев, В.П.Зинченко, Ф.Е.Василюк), ментальная репрезентация (Е.А. Андреева, М.А. Холодная, Ж.Ришар, Р.И.Павиленис) и даже языково-мыслительное единство (Г.В.Колшанский) – и рассматривается в различных аспектах. А результатом концептуализации является формирование системы концептов в сознании людей или коллективном сознании этноса, который воспроизводит в виде структурированных и упорядоченных знаний представления о мире и действительности. Академик Д. Лихачев рассматривал концептосферу как совокупность концептов нации и считал, что «чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» (Лихачев 1997: 280-287).

По мнению классиков-постмодернистов Ж. Делеза и Ф. Гаватари философия имеет дело только с концептами, которые выступают актуализаторами оригинальной концепции (Делез, Гаватари 1998: 23), Ю. Степанов определяет культурные концепты, которые, трансформируясь, формируют основание национальной культуры. Именно совокупность концептов и их отношений, выражаясь в семиотических рядах – эволюционных, синхронических создают ментальную изоглоссу культуры (Степанов 2001: 126). Важным является квинтесенция концептуальных интеллектуальных практик, которая трансформирует, перестраивает, координирует силовые линии ментального пространства, определяя ценностные ориентации, присущие определенному историческому периоду. Возникает своеобразная интерференция культурных полей мифологической, религиозной, научной картин мира. Все эти влияния отражаются в практике использования языка и специфично окрашивают смыслы разных слов.

ISBN 978-84-949838-0-1

Согласно культурно-исторической концепции Г. Г. Шпета, потребность в общении сформировала язык. А в процессе эволюции, по словам Т.Е. Владимировой, языковое сознание наполнилось религиозно-мифологической, художественно-героической, научно-технической, культурно-исторической, философско-культурной речевой практикой и преобразовало «социальный лик человека» (Владимирова, 2017: 127). Поэтому с «энергийной природой» мифологического восприятия языковая личность унаследовала **сакральные** установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия – на духовное саморазвитие.

Сакральный смысл представлен в речевой практике современных носителей восточнославянских языков. В философском словаре дается такое определение понятия *сакрализация* (от лат. sacro – освящать, объявлять священным) – превращение в священное, наделение сакральным смыслом объектов и событий внешнего мира, а также мысленных образов, сценариев, невербальных символов, действий, слов и т.д. (Грицанов 2003: 34).

В данном исследовании мы даем такое определение языковой сакрализации – это универсальная метакатегория, определяющая ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру. Бинарная оппозиция «сакральное (священное) – профанное (десакральное, обмирщвленное)» являются ключевыми для языкового сознания. То есть сакральное может присутствовать в обыденной жизни языковой личности как ценностный ориентир для человека и для общества в целом в том виде, в каком человек испытывает глубокую привязанность и ставит его в систему личностных идеалов. А вышеупомянутая концепция Г.Г. Шпета соотносится с данной трактовкой и с вектором языковой сакрализации – «духовной вертикали» (В. С. Соловьев), «духосферы» (П. А. Флоренский), «вершинной психологии» (Л. С. Выготский) и «энергийного самоутверждении личности» (А. Ф. Лосев).

Важным сегментом восточнославянской языковой картины как части картины мира является концепт «благополучие», его моделирование и выявление основных механизмов и закономерностей языковой сакрализации и десакрализации, что и является главной целью данной статьи.

Две аксиологические и этические категории *благо* (в дохристианское время употреблялась синонимичная лексема *добро*) *и зло* выражаются в противопоставлении нужных и вредоносных для коллектива или человека явлениях: доли – недоли, счастья – несчастья, своего – чужого, правильного – неправильного и др.

ISBN 978-84-949838-0-1

Дохристианские истоки дуалистических представлений о добре и зле, добрых и злых божествах, противопоставлении Белобога и Чернобога неопределенны. Природные языческие божества, как и низшие духи, наделялись амбивалентными функциями: ср. южнослав. Бог как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством, при укр. богинка ’злой дух, вредящий роженице и младенцу’ (также связанный с духами злой судьбы), некоторые положительные функции домовых (ср. его наименования *доброжил, доброхот)* и дворовых духов, заботящихся о добре – хозяйстве и т. п. Амбивалентными свойствами наделялись также чистые (святые) и нечистые животные, например, змея, жаба, лошадь и др. Характерны народные представления о добре как о доле, присущей сфере хозяйственных отношений: чтобы продавец не мог отнять добра у скота, новый хозяин крадет соломинку из - под ног покупаемого животного; ср. рус. (др.-рус.) *добро* – ’имущество’ и праслав. *dobrъ(jb),* ’добрый, хороший, прекрасный’, болг. *добър,* ’хороший, богатый, состоятельный’, добри гости (серб.), которые в колядках приносят хозяевам добрую весть ’добар глас’ о приплоде скота и т. п. Если долей (добром) наделяет Бог, то зло – недолю производят бесы, черти: наименование этих злых духов – укр. *злий, чортяка, чорний, проклятий, лукавий, нечиста сила, куций, щезник, злий, бенеря, нечистий, біда, Іван безп’єтий, біс, тот, той, що в смолі, дідько, навіть обпаленик* и др., бел. *злы, д'ябал, сатана, дэман, нячысцік, чертяка, вораг, падступны, акаянны, нячысты* и др. (Шкуран 2011: с.18).

В наибольшей мере противопоставление добра и зла свойственно духовным стихиям, а также дуалистическим легендам о сотворении мира (возводимых иногда к древнеиранскому или средневековому богомильскому влиянию) у восточных славян. Представлениям о предопределенности добрых и злых явлений соответствовали гадания о грядущей судьбе: ср. средневековую гадательную книгу «Рожденик», в которой указывались добрые и злые дни и часы, влиявшие на судьбу новорожденных, знамения ’на добро и на зло’, представления о добром и злом времени, добром и злом месте, от которых зависела удача (СДЄС 2012: 183-190).

С принятием христианства на Руси разговорный язык беспрепятственно стал наполняться церковнославянскими словами: *сущность, знамение, тайна, таинство, рождество, Господь, благо, крест, церковь, алтарь* и др.; словообразовательными элементами и конструкциями церковнославянского языка, например, многокорневыми образованиями, восходящие к греческим лексемам: таковы ключевые слова традиционной русской этики и эстетики – *целомудрие* (греч. so-phrosyne), *благообразие* (греч. ey-sche-mosyne), *благолепие* (греч. ey-prepeia). А самым главным словом для христиан стала Благая Весть – Евангелие (Новый Завет), из которой ежедневно при чтении нужно получать духовную

ISBN 978-84-949838-0-1

пищу и содержать в благополучии свое внутреннее состояние. «Красота целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово, – очень греческая вещь; и она-то была принята к сердцу русским народом, и притом на века» (Аверинцев 1990: 64-72).

Именно с принятием православия восточнославянские языки наполняются сложными словами с словообразовательной морфемой благо-: русск. – *благоверный, благовест, благовещение, благовидный, благовоспитанность, благополучие, благодарность, благоглупость, благодарение, благодатный* и др., укр. – *благовірний, благовіст, благовіщення, благополуччя, благодатний* и др.

Поэтому для толкования христианского понимания «благополучия» обратимся к опыту православного религиозного просветителя XVIII века Тихона Задонского, который писал о состоянии человеческого благополучия так: *Человек из двух частей состоит, из души и тела, то и благополучие двоякое бывает, душевное и телесное. Душевное благополучие есть совесть спокойная, мирная, радующаяся о Бозе Спасе своем, на земли небесное веселие чувствующая, в темнице, в узах, в нищете, в бесчестии, в ранах, в изгнании, в болезни и в слезах веселящаяся. Телесное благополучие есть: тела здравие, честь, богатство, слава, насыщение, увеселение* и проч. Далее мы читаем о том, что чаще человеческие душа и тело жаждут диаметрально противоположных желаний и поэтому пребывают в разном состоянии: *тело здорово, да душа нездорова; тело в богатстве, да душа в нищете; тело в чести, да душа в бесчестии; тело веселится, да душа сетует; тело радуется, да душа унывает; тело процветает, да душа истлевает; тело банкетует, да душа гладствует (голодает); тело благоухает, да душа злосмрадную вонь издает* (Тихон Задонский 2017: 11).

Первоверховой апостол Павел в Соборных посланиях Апостолов утверждает о тленности и временности тела и о необходимости внутреннего духовного упражнения: *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (Феофан Затворник 2000: 16). Но процесс обновления происходит не у каждого, а стремящегося к такому сакральному совершенству как духовная вертикаль.

В середине XVI века известным типографом, лексикографом Памвой Берынды был издан «Лексіконъ славенорωсскїй и именъ Тлъкованїє», в котором лексема «благо» синонимична лексеме «добро». В словарной статье представлены многокорневые образования – *благоволение, благовременно, благоверие, благоговение, благодарение, благодатель, благоздравие* и др. (Памва Берында 1961: 74), подтверждая слова академика Б.А. Рыбакова, что «произошло преодоление некоей локальной ограниченности автохтонных традиций восточнославянского язычества именно с принятием христианства» – и русская культура через контакт с Византией обрела возможность универсальных измерений (Рыбаков 1980: 5).

ISBN 978-84-949838-0-1

Группа ученых – Ф. Миклошич, А.Х. Востоков, Я.И. Бередников, И.С. Кочетов в «Словаре древнего славянского языка», составленного по Остромирову Евангелие (1899), – иллюстрируют значительно большее количество новообразованных слов, в которых часть благо- также означает ’добро или доброе дело’: *благободренный* – проворный; *благобоязненный* – благочестивый; *благобытие* – благодушие; *благобытие* – счастливая жизнь, благосостояние; *благовидность* – приличие, приятная наружность; *благовольный* – добровольный; *благоволение* – согласие; *благовоние* – приятный запах; *благовременно* - в нужное время; *благовозмогание* – сила, твердость, мужество; *благовозрастание* – совершеннолетие; *благоверный* – православный; *благоглаголание* – красноречие; *благодатель* – благотворитель; *благодерзать* – решиться на благие подвиги; *благодушествовати* – ободряться духом; *благожизнь* – безбедный; *благопитание* – хорошее питание; *благополучие* – благосостояние, сопровождаемый успехом, счастьем (СДСЯ 1899: 25-30).

Благо – это лексема или часть лексемы, содержащаяся в словах на обозначение характеристики предметов, явлений или деяний, существующих ради добра или побуждающих проявиться положительной сущности кого бы или чего бы то ни было. Благо – это все то, что стимулирует позитивные последствия и направлено на спасение человеческой души. Благо имеет ценность и смысл лишь в том случае, когда обладающий им содержит в себе честную и законную основу и исключает какой-либо ущерб или нанесения зла для другого человека.

В «Материалах к древнерусскому словарю по письменным памятникам» И.И. Срезневского (1902) лексема *благо* имеет два толкования «добро» и «хорошо», а вот количество сложных слов увеличивается и наполняется новыми лексемами, например: *благоплодие, благокрасный, благолюбие, благообразие, благопослушно* и *благополучие* как ’состояние долготерпеливости духа, приводящего к добрым результатам’ (Срезневский 1902:102). Ученый очень точно определил сакральную составляющую данной лексемы и проиллюстрировал первоначальный семантический слой концепта «благополучие».

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1890-1907) комментирует понимание концепта в диахроническом срезе, начиная с античной школы Платона, Аристотеля и до великой проповеди Иисуса Христа, утверждая, что идея о всепрощающей христианской любви и о любви к ближнему в корне меняет представление о благе, потому что идет речь не об удовлетворении собственных выгод и интересов, а о доставление выгоды другому. Господствующее чувство эгоизма начинает конкурировать с величественным началом альтруизма. Именно такое учение постепенно становится достоянием человечества. Поэтому основное определение лексемы «благополучие» – удовлетворение человеческой потребности

ISBN 978-84-949838-0-1

или стремления через материальные или духовные блага; спокойствие духа, рождающееся от сознания выполненных обязанностей – нравственного блага, добродетели (ЭСБЕ 1890-1907: 24).

Синтезируя лексикографический материал словарей С.Ожегова, Д.Н. Ушакова «Новый русский словарь» под ред. Т.Ф. Ефремовой (2000), дает такое толкование *благополучия:* 1) Спокойное – без неудач и потрясений – течение дел, жизни; 2) Материальная обеспеченность, достаток; 3) Счастье в любви, в семейной жизни; 4) разг. Обычное – без отклонений от нормы, нежелательных явлений – состояние кого-л. (Ефремова 2000: 78).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) демонстрирует несколько сегментных слоев концепта: ***материальное благополучие*** – *Именно поэтому сегодня, согласно недавно проведённым исследованиям Фонда общественного мнения, своей главной целью порядка 40% молодых людей называют материальное благополучие и обогащение, и только 15% таковой считает получение образования* (Олег Головин. Коллективный Маугли (2003) // «Завтра», 2003.08.13); 2) ***благополучный отдых*** – *А если рядом море и солнце встаёт каждый день – это уже полное счастье и благополучие* (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003); 3) ***хрупкость нравственного благополучия*** – *О, как легко человеческое благополучие распадается на груду хлама*...(Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987); 4) ***физическое благополучие*** – *Жить, чтобы жить*? *Жить, чтобы сохранять благополучие тела*? *Милое благополучие*! (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990); 4) ***демонстрация семейного благополучия*** – *И раз от раза повторяется одна история*: *на фото – идеальная семья, демонстрируется всяческое благополучие* (Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)); 5) *национальное благополучие – Ближневосточным странам – бросить большую часть нефти и газа, на которых строится их национальное благополучие* (Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015) и др. (НКРЯ 2018: 1,2,3,4).

В паремиях система ценностей предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. В этом плане требует определенной акцентации тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей, отраженных в паремиях, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа. Пословицы и поговорки русского народа не употребляют лексему «благополучие», а создают образ христианского Бога, обладающего рядом качеств и выступающего гарантом благополучия. Представленные в Словаре В.И. Даля паремии *Ни*

ISBN 978-84-949838-0-1

отец для детей, как Бог до людей; Богу молиться – вперед пригодится; На Бога молишься – не обложишься (Даль 1903-1909: 64-65) и некоторые другие позволяют утверждать значимость Бога в культурном сознании русских – во внешнем и внутреннем благополучии, что ставится выше других ценностей. В то же время русская пословица предупреждает, что во всем уповать на Бога и бездействовать нельзя: *Богу молись, а в делах не плошись; На Бога надейся, а сам не плошай; Богу молись, а к берегу гребись* (Даль 1903-1909: 64-65); современный канадский собиратель пословиц В. Плавюк в своей книге «Приповідки або українсько-народна філософія» представил украинские паремии с компонентом «Бог», напр.: *Без Бога ані до порога; Береженого Бог береже, а козака шабля стереже; Бога не гніви, а чорта не дразни; Бог відкладає, але не забуває; Бог дав, Бог взяв; Бог дасть долю і в чистім полю; Боже, поможи, а ти, небоже, не лежи* (Плавюк 2018: 1); белорусские паремии представляют так благополучие : *Бог не гуляе, шмат палатна мае, бедным сумкі наготовляет; Бог не гуляе: усе на свеце мяняе; Бог не дзіця дурняў слухаць; Бог не роўна дзеліць: аднаму дае шмат, а другому мала; Бог падманам жыве: у аднаго адбярэ, а другому дасць; Бог сірот любіць, але долі не дае.* Белорусская пословица *Той не чалавек, хто думае толькі пра сябе, а той чалавек, хто думае пра людзей* иллюстрирует сакральную христоцентричную направленность – жить ради других (МРБС 2017: 2-3).

Таким образом, концепт «благополучие» в современной паремиологии представлен такими дифференциаторами: благополучие как духовный дар; телесное здоровье; социальный статус; материальный достаток; нравственный показатель.

Аспекты интерпретации концепта «благополучия» отображают сложную и противоречивую природу самого концепта как сакрального и профанного явления. Согласно с рклигиозным вектором познания «благополучие» рассматривается как состояние христоцентричности – радости от самопожертвования и любви к Богу и людям; с нравственным – умением создавать душевный комфорт для себя и окружающих; с физическим – обладать крепким телесным здоровьем; социальным – высокое социальное положение, может быть, любыми возможными путями; материальным – владение финансовыми потоками и недвижимостью.

Концепт «благополучие» как единица познания переходит от личности на концептосферу общества, а потом на культуру целого сообщества; позже он представляет фиксацию коллективного опыта, который становится приобретением одной языковой личности. Основоположник лингвокультурологической концепции В. Гумбольдт писал: «В языке, как в вечно повторяющейся работе духа не может быть ни минуты застоя, его природа – это непрерывное развитие под влиянием духовной силы каждого говорящего. Дух

ISBN 978-84-949838-0-1

непрестанно стремится внести в язык что-то новое, чтобы, воплотив в него это новое, опять стать под его влияние» (Гумбольдт 2000: 372).

В нашем исследовании диахронический срез лексикографических источников разных эпох; анализ сакральных фразеологических единиц русского, украинского, белорусского языков показал, что одновременно в речевой практике и в лексикографических источниках сосуществуют как сакральная семантика концепта – мифологическая, религиозная, так и обмирщвленная (десакральная, профанная), никак не сочетающаяся с религиозным сознанием языковой личности. Ведь появление церковнославянских слов, словообразовательных заимствований, среди которых и появилась лексема «благополучие», обязано Благой Вести.

Таким образом, концепт «благополучие» объединяет во внутренней форме слова два противоположных полюса – полюс динамики (в данном случает, десакрализации) и полюс удержания – (сакрализации), между которыми и разворачивается концептуальное поле «благополучия». Потенциальная субъективность концепта «благополучие» объединяет общую идею отдельно выбранной эпохи и сакрального понимания, которые помогают выяснить идею изначальной репрезентации внутренней формы слова.

Список литературы

Аверинцев С.С. (1990): Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / Древнерусское искусство: (Зарубежные связи), Москва: Наука

Владимирова Т.Е. (2018): Русская филология и духовный потенциал языка/ материалы XIVIII Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство: коммуникативные аспекты». Москва: МГУ ИРЯиК имени Ломоносова, 128-132

Грицанов А.А. (2003): Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом

Гумбольдт В. фон (2000): Язык и философия культуры. Москва: Прогресс

Даль В.И. (1903-1909): Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. СПб: Вольф.

Делез Ж., Гаватари Ф. (1998): Что такое философия? Москва: Институт экспериментальной социологии

Ефремова Т.Ф. (2000): Толковый словарь Ефремовой. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык

Лихачев Д.С. (1993): Концептосфера русского языка, Известия РАН – СЛЯ, 52, 3-9.

Ожегов С.И. (2007): Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва: Оникс, Мир и Образование

ISBN 978-84-949838-0-1

Рыбаков Б.А. (1980): Языческое мировоззрение русского средневековья / Вопросы истории. Москва: Наука

Святитель Тихон Задонский (2017): Сокровище духовное от мира собираемое. Киев: Киево-Печерская Лавра

СДСЯ (1899): Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию / под ред. Ф. Миклошичу, Ф.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. Спб

СДЭС (2012): Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. Под ред. Н.И. Толстого). Москва: Международные отношения

Срезневский И.И. (1912): Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х томах. СПб: Тип. определения русского языка и словесности императорской Академии наук

Степанов Ю.С. (2001): Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры».

СЦСРЯ (1874): Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Спб

ТСРЯ (1934-1940): Толковый словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. Феофан Затворник (2000): Собрание писем. Свято-Успенского Псково-Печерский монастырь: Паломник

ФСУМ (2003): Фразеологічний словник української мови : в 2 кн. – Київ: Наук. думка.

Шкуран О.В. (2011): Національно-культурне підґрунтя компаративних фразеологізмів східнослобожанських та східностепових говірок Середнього Подінців'я. Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченко».

Шпет Г.Г. (2005): Явление и смысл / Мысль и Слово. Москва: Избранные труды.

Беринда П.(1961): «Лексіконъ славенорωсскїй и именъ Тлъкованїє» / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. – Киев. URL: http://litopys.org.ua/berlex/be.htm (дата обращения: 29.02.17).

МРБС (2017): Малый русско-белорусский словарь. URL: www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-russian-byelorussian-proverb-term-185 (дата обращения: 28.05.18).

Национальный корпус русского языка. Олег Головин. Коллективный Маугли (2003) // «Завтра», 2003.08.13. Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003. Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987). Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968). Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06). Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 27.05.18)

ISBN 978-84-949838-0-1

Плав’юк В. (2018): Приповідки або українсько-народна філософія. URL: https://mala.storinka.org/приказки-про-бога-з-книги-володимира-плав'юка (дата обращения: 28.05.18).

ЭСБЕ (1890-1907): Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Лейпциг, СПб. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 27.05.18

ISBN 978-84-949838-0-1

RUSSIAN AMONG THE EUROPEAN LANGUAGES

Holger Baumann
University of Erfurt,Germany
holger.baumann@uni-erfurt.de

ABSTRACT

In this paper, the Russian language will be discussed from the viewpoint of areal linguistics. From the viewpoint of areal linguistics the Russian language belongs both to the European linguistic area and to the Eurasian linguistic area. In the following paper there will be special focus on the European linguistic area – following B. L. Whorf's terminology also known as Standard Average European (SAE).

Keywords: European linguistic area, Russian, German, Czech, Spanish

In this paper, the Russian language will be discussed from the viewpoint of areal linguistics. The central category of areal linguistics is the Sprachbund or the linguistic area (Russ. языковой союз). The linguistic area includes languages with common structural features which have developed on the basis of language contact. From the viewpoint of areal linguistics the Russian language belongs both to the European linguistic area and to the Eurasian linguistic area. In the following paper there will be special focus on the European linguistic area (for the Eurasian linguistic area cf. Jakobson 1962: 144). The European linguistic area – following B. L. Whorf's terminology also known as Standard Average European (SAE) – includes the Indoeuropean languages of the European area (except Celtic); in addition Finnish, Estonian, Hungarian, Georgian and Maltese are also included. In scholarly literature the following features are quoted as the main features of SAE (cf. Haspelmath 2001: 1492):

(1)definite and indefinite articles

(2)relative clauses with relative pronouns

(3)'have'-perfect

(4)nominative experiencers

(5)the participial passive

(6)anticausative prominence

(7)dative external possessors

(8)negative pronouns and lack of verbal negation

(9)particles in comparative constructions

(10) relative-based equative constructions

ISBN 978-84-949838-0-1

(11) subject person affixes as strict agreement markers

(12) intensifier-reflexive differentiation

The above-mentioned SAE features shall be compared here to Russian, German, Czech and Spanish. Further there will be special focus on the use of the verb ‘have’ in Russian, German, Czech and Spanish (‘have’-perfect and other ‘have’-constructions).

Definite and indefinite articles occur in German and Spanish, but not in Russian and Czech:

der/ein Junge, die/eine Tür, das/ein Haus;

el/un muchacho, la/una puerta, la/una casa.

In Russian and Czech there is no article. The determination/indetermination of the noun is expressed by other linguistic means, for instance by lexical means:

этот/один мальчик, эта/одна книга, это/одно пальто;

ten/jeden chlapec, ta/jedna kniha, to/jedno dítě.

Relative clauses using relative pronouns are a common feature of Russian and also of German, Czech and Spanish:

Он знал, что нужно делать.

Es geschah, was geschehen musste.

Vyhrali, což nikdo nečekal.

Todo lo que me escribes es muy interesante.

Perfect constructions using the transitive verb ‘have’ occur in German, Spanish and Czech, but not in Russian:

Ich habe den Brief geschrieben. (perfect 1 ‘have’ as an auxiliary)

He escrito la carta. (perfect 1)

Tengo la carta escrita. (perfect 2 ‘have’ as a copula)

Mám dopis napsán. (perfect 2)

For Russian cf.:

Ich habe den Brief geschrieben. He escrito la carta. Я написал письмо.

Tengo la carta escrita. Mám dopis napsán. Письмо написано (мной).

In SAE experience, feeling, state of health and the like are generally expressed by a construction where the experiencer is the subject of the sentence (nominative experiencer). Constructions of this type also appear in German and Spanish:

Ich friere. Ich habe Hunger. Ich habe Kopfschmerzen. Ich bin müde. Ich mag das Lied.

Tengo frío. Tengo hambre. Tengo dolor de cabeza. Tengo sueño. Estoy cansado.

At the same time, constructions appear quite frequently where the experiencer is the object of the sentence (dative/accusative experiencer):

ISBN 978-84-949838-0-1

Mir ist kalt. Mich friert (archaic). Mir tut der Kopf weh. Das Lied gefällt mir. Es tut mir leid.

Me duele la cabeza. Me gusta la canción.

In Czech there are subject constructions and, to a great extent, also object constructions for expressing the experiencer:

Mrznu. Je mi zima. Mám hlad. Bolí mě hlava. Jsem unavený. Mám rád tu píseň. Líbí se mi ta píseň. Je mi líto.

In Russian there are subject constructions for expressing the experiencer, but object constructions are the characteristic feature:

Мёрзну. Мне холодно. Мне хочется есть. Мне хочется спать. Люблю эту песню. Мне нравится эта песня. Мне жаль. Меня знобит. Ребёнок лихорадил (archaic). Его лихорадило.

Moreover, in Russian the experiencer may be expressed by means of an adverbial construction in combination with the preposition *у* (which requires the genitive):

У меня болит голова. У меня ломит спину. У меня мёрзнут руки.

Passive constructions with participles are common in Russian, German, Czech and Spanish:

Окно было закрыто.

Das Fenster war geschlossen.

Okno bylo zavřeno.

La ventana estaba cerrada.

Anticausative verbs provide another feature which is common to all the languages mentioned here. In the relation "inchoative verb – causative verb", the causative verb is the derivational basis for the formation of the inchoative verb:

измениться (from „изменить"), открыться (from „открыть");

sich verändern (from „verändern"), sich öffnen (from „öffnen");

změnit se (from „změnit"), otevřít se (from „otevřít");

cambiarse en algo (from „cambiar"), abrirse (from „abrir").

In the Russian sentences *"Он наступил ей на ногу. Она мыла ребёнку голову. Он сломал себе руку."*, the possessor is expressed by a separate noun phrase in the dative (dative external possessor). This type of construction is also typical of German, Czech and Spanish:

Er trat ihr auf den Fuß. Sie wusch dem Kind die Haare. Er brach sich den Arm.
On šlapl ji na nohu. Ona myla dítěti vlasy. On zlomil si ruku.

Él le pisó el pie. Ella lavaba al niño el pelo. (Ella le lavaba el pelo al niño.) Él se rompió el brazo.

The combination negative pronoun + verb with lack of verbal negation occurs in the German language:

Niemand kam. Er weiß nichts.

ISBN 978-84-949838-0-1

In Russian and Czech there must be verbal negation:

Никто не пришёл. Он ничего не знает.

Nikdo nepřišel. On nic neví.

In the Spanish sentence verbal negation does occur or does not occur, according to the word order:

No vino nadie. Nadie vino. No sabe nada. Nada le interesa.

Comparative constructions with particles and relative-based equative constructions are common in the Russian language and also in German, Czech and Spanish:

Мой брат моложе чем я. Он такой же большой, как я.

Mein Bruder ist jünger als ich. Er ist so groß wie ich.

Můj bratr je mladší než já. Je tak velký jako já.

Mi hermano es más joven que yo. Es tan alto como yo.

In German, personal affixes only act as markers of agreement between the verb and the verb's subject. They cannot have a referential function on their own. In the sentences *"Wohin gehst Du? Ich gehe in die Stadt."*, the personal pronouns cannot be omitted.

In Russian, personal affixes can have a referential function on their own. Personal pronouns can be omitted (in detail, in constructions of the first and second person, singular/plural, present/future tense; in the past tense there are no personal affixes):

Куда идёшь? Иду в город.

In Czech and Spanish personal pronouns are usually omitted:

Kam jdeš? Jdu do kina. Kam jste jel? Jel jsem do Prahy.

¿Adónde vas? Voy al cine. ¿Cómo te llamas? Me llamo Pedro.

The formal differentiation of intensifiers and reflexive pronouns is a feature that applies to all the languages examined here:

сам (intensifier, determinative pronoun) – себя (reflexive pronoun), selbst – sich,

sám – se, mismo – se;

Он сам себя судил. Er hat sich selbst gerichtet. Soudil sám sebe. Él mismo se juzgaba.

Russian belongs to the European linguistic area as it shares a number of features of Standard Average European, such as relative clauses with relative pronouns, the participial passive, anticausative prominence, dative external possessors, particles in comparative constructions, relative-based equative constructions, intensifier-reflexive differentiation. On the other hand, there are some features that the Russian language does not share with SAE, such as definite and indefinite articles, 'have'-perfect, nominative experiencers, negative pronouns and lack of verbal negation, subject person

ISBN 978-84-949838-0-1

affixes as strict agreement markers. Further there will be special focus on the polyfunctional use of the verb ‘have’ as an example of a feature that Russian does not share with SAE.

Most of the European languages use several ‘have’-constructions, including ‘have’-perfect and so they are classified as ‘have’-languages. All Germanic and Romance languages are ‘have’-languages. There are also ‘have’-languages among the Slavic languages (Czech, Slovakian). Russian makes use of the transitive verb ‘have’ with a large number of restrictions. It is a ‘be’-language.

In German the transitive verb ‘have’ occurs in constructions of the type *Geld haben, ein Motorrad haben, Freunde haben, Kinder haben* (implying “possession”). Constructions of this type occur also in Spanish, Czech and in Russian:

tener dinero, tener una motocicleta, tener amigos, tener hijos;

mít peníze, mít motocykl, mít přátele, mít děti;

иметь деньги, иметь мотоцикл, иметь друзей, иметь детей.

There are highly formal expressions in German, such as *die Ehre haben, das Wort haben, Bedeutung haben, den Wunsch haben, die Fähigkeit haben, die Möglichkeit haben, das Ziel haben, die Aufgabe haben*.

The same highly formal expressions using the verb ‘have’ also exist in Spanish, Czech and Russian:

tener el honor, tener la palabra, tener importancia, tener el deseo, tener la aptitud, tener la posibilidad, tener como meta, tener la función;

mít čest, mít slovo, mít význam, mít přání, mít schopnost, mít možnost, mít cíl, mít úkol;

иметь честь, иметь слово, иметь значение, иметь желание, иметь способность, иметь возможность, иметь цель, иметь задачу.

In German the verb ‘have’ can be used to mean “to hold”:

die Tasche in der Hand haben, das Kind im Arm haben, die Hände in den Taschen haben.

This use of ‘have’ is also common to Spanish and Czech, but not to Russian which uses the verb *держать*:

tener la bolsa en las manos, tener la hija/el hijo en los brazos, tener las manos en los bolsillos;

mít v ruce tašku, mít dítě v náručí, mít ruce v kapsách;

держать сумку в руке, держать ребёнка на руках, держать руки в карманах.

German, Spanish and Czech utilize the verb ‘have’ in constructions with the meaning “to be dressed”:

eine Jacke anhaben, ein Kleid anhaben, einen Mantel anhaben;

tener puesta la chaqueta, tener puesto el vestido, tener puesto el abrigo;

mít na sobě kabát, mít na sobě šaty, mít na sobě plášť.

ISBN 978-84-949838-0-1

In Russian there are no ‘have’-constructions with that meaning, but to express this idea, there are ‘be’-constructions or other alternatives:

(на+prepos.case+быть) куртка, платье, пальто;

носить куртку, платье, пальто.

In German, Spanish and Czech, attributes of a person (outside, inside qualities) are expressed by a ‘have’-construction:

blaue Augen haben, eine schöne Stimme haben, kurzes Haar haben, ein ruhiges Gewissen haben, ein gutes Herz haben;

tener ojos azules, tener voz hermosa, tener pelo corto, tener la conciencia tranquila, tener un corazón de oro;

mít modré oči, mít krásný hlas, mít krátké vlasy, mít čisté svědomí, mít dobré srdce.

In Russian, attributes of a person are expressed by a ‘be’-construction:

(у+gen.+быть) синие глаза, красивый голос, короткие волосы, чистая совесть, доброе сердце.

In German, Spanish and Czech, a physical or mental state of a person is expressed by ‘have’-constructions:

Husten haben, Fieber haben, Hunger haben, Angst haben, Lust haben, gute Laune haben;

tener tos, tener fiebre, tener hambre, tener miedo, tener ganas, tener buen humor;

mít kašel, mít horečku, mít hlad, mít strach, mít chut’, mít dobrou náladu.

Russian in this context doesn’t use ‘have’-constructions:

(у+gen.+быть) кашель, жар, хорошее настроение; быть голодным;

(dat.+быть) страшно; (dat.) хочется.

In Spanish, the age of a person is also expressed by a ‘have’-construction:

Tengo 20 años.

In Czech, there is a ‘be’-construction, and a ‘have’-construction too:

Je mi 20 let. Mám 20 let.

For Russian and German cf.:

Мне 20 лет. Ich bin 20 Jahre alt.

In German, Spanish and Czech, the verb ‘have’ occurs in constructions where it means “to participate in”:

Unterricht haben, Vorlesung haben, Seminar haben, Prüfung haben, (Unterricht im Fach) Russisch haben;

tener clase, tener un seminario, tener examen, tener clase de ruso /tener ruso;

mít vyučování, mít přednášku, mít seminář, mít zkoušku, mít ruštinu.

In Russian, the verb ‘have’ is not used with the meaning of “participation”:

ISBN 978-84-949838-0-1

(у+gen.+быть) занятия, лекция, семинар, экзамен, русский язык.

Furthermore, in Czech, the verb ‘have’ occurs in constructions with prepositional phrases where it means “have passed, do not have anymore/any longer”:

mít po zkoušce, mít po starostech

(*have* + prepositional phrase with *after*).

Germ.: *die Prüfung hinter sich haben, keine Sorgen mehr haben, ausgesorgt haben.*

Span.: *haber aprobado el examen, ya no tener más preocupaciones*.

Russ.: *выдержать, пройти экзамен, освободиться от забот, отмучиться.*

Existential relation in German, Spanish and Czech may be expressed by the verb ‘have’:

Heute haben wir schönes Wetter. Heute haben wir Mittwoch.

Hoy tenemos buen tiempo. Allí hay un teatro. Mañana no hay clase.

Dnes máme hezké počasí. Dnes máme středu.

In Russian there is no ‘have’-construction for denoting existential relation:

Сегодня хорошая погода. Сегодня среда.

In German, Spanish and Czech, the verb ‘have’ may appear in combination with an adjective (adverb):

es eilig haben, es nötig haben, es weit haben, es satt (genug) haben;

tener libre, tenerlo difícil, tenerlo fácil, tenerlo claro, tenerlo oscuro;

mít naspěch, mít zapotřebí, mít daleko, mít dost.

In Russian, there are no constructions corresponding to this use:

(dat.+быть) к спеху, нужно, далеко; (dat.) надоело.

Perfect constructions using the verb ‘have’ occur in German, Spanish and Czech, but not in Russian (see above).

Last but not least ‘have’ in German, Spanish and Czech serves as a modal verb (“to have to, to be obliged”):

Du hast zu antworten. Tienes que responder. Máš odpovídat.

Russ.: *Тебе следует отвечать*.

In Czech, the construction *have* + prepositional phrase with *to* means “to oblige so. to do sth.”:

mít k práci, mít k učení.

Germ.: *zur Arbeit anhalten, zum Lernen anhalten.*

Span.: *obligar a trabajar, obligar a estudiar*.

Russ.: *заставлять работать, заставлять учиться.*

ISBN 978-84-949838-0-1

As mentioned before, most of the languages in Europe are ‘have’-languages. In contrast to this, most of the languages in the world – amongst them Finno-Ugrian and eastern Indo-European – are ‘be’-languages.

Russian is a European ‘be’-language. Together with other European ‘be’-languages, it is placed on the periphery of SAE, where it acts as a bridge that connects the European languages to the languages of the world.

References

Filipec, J., Daneš, F.: Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha 1998

Giger, M.: Resultativa im modernen Tschechischen. Bern 2003

Haspelmath, M.: The European linguistic area: Standard Average European. In: Haspelmath, M., König, E. (eds.): Language Typology and Language Universals. Volume 2. Berlin/New York 2001, 1492-1510

Hinrichs, U. (ed.): Handbuch der Eurolinguistik. Wiesbaden 2010

Isačenko, A. V.: On ‚have’- and ‚be’-languages. In: Flier, M. S. (ed.): Slavic Forum. The Hague/Paris 1974, 43-77

Jakobson, R.: К характеристике евразийского языкового союза. In: Jakobson, R.: Phonological Studies. The Hague 1962, 144-201

Moliner, M.: Diccionario de uso del español. Edición abreviada. Madrid 2000

Paul, H.: Deutsches Wörterbuch. Tübingen 2002

Stadnik, E.: Das Slawische im eurasischen Zusammenhang. In: Gladrow, W. (ed.): Die slawischen Sprachen im aktuellen Funktionieren und historischen Kontakt. Frankfurt/M. 2003, 51-67

Sternemann, R., Gutschmidt, K.: Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Berlin 1989

Trubetzkoy, N.: Proposition 16. In: Actes du Premier Congrès International de Linguistes. Leiden (1928). Reprint Nendeln/Liechtenstein 1972, 17-18

Whorf, B. L.: The relation of habitual thought and behavior to language. In: Whorf, B. L.: Language, thought, and reality. Cambridge, Mass. 1962, 134-159

Wiemer, B., Giger, M.: Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. München 2005

Арутюнова, Н. Д.: Язык и мир человека. Москва 1999 (Часть IX: Пространство и бытие, 737-792)

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.: Толковый словарь русского языка. Москва 1992

ISBN 978-84-949838-0-1

GERMAN BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE FORM THE AGE OF PETER THE GREAT AND THEIR EXISTENCE TODAY

(On materials from N. Smirnov's dictionary C*ловарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910)

Marinela Paraskova Mladenova
South-West University "Neofit Rilski" Blagoevgrad, Bulgaria
marinela_mladenova@abv.bg

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ИХ НЫНЕШНЯЯ СУДЬБА

(На материале словаря Н. Смирного *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910)

Маринела Параскова Младенова
Юго-западный университет им. «Неофита Рильского», Благоевград, Болгария

ABSTRACT

In the Russian cultural history the Age of Peter I is a symbol of reforms that transformed thoroughly Russia and its society at that time. These reforms affected the language directly, which was distinctively observed in its most dynamic system – the lexical one. Based on the excerpted material from Smirnov's dictionary, the main thematic groups to which the german borrowings refer are presented; the archaisms and the historisms are differentiated in the total volume of excerpted lexis, also, some transformations in the semantics of lexemes with active use in the modern Russian language are commented on.

АННОТАЦИЯ

В русской культурной истории эпоха Петра I является символом реформ, преобразовавших Россию и общество того времени. Эти реформы затрагивают непосредственно язык, отчетливо рефлексируют на его самую динамическую систему – лексическую. Из западноевропейских языков в русский вошло большое число заимствований, часть этой лексики и по сегодняшний день активно функционирует в системе русского языка. На основании эксцерпированного материала из словаря Н. Смирного, в докладе представленны основные тематические группы, к которым относятся заимствованные слова из немецкого языка, дифференцируются архаизмы и историзмы в общем объеме эксцерпированной лексики, комментируются некоторые трансформации в семантике лексем с активным употреблением в современном русском языке.

Key words: Russian language, borrowings, German language, 18 century, the Age of Peter I

ISBN 978-84-949838-0-1

Ключевые слова: русский язык, заимствованные слова, немецкий язык, 18 век, эпоха Петра *I.*

*The investigation was held within the framework of the project **Knowledge Exchange and Academic Cultures. Europe and the Black Sea Region*.** This project received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement No 734645.

The first occurrences of borrowed words from Western European languages in the Russian language can be traced far back in time (Birzhakova 1972, Kuvshinova 2012, (Potemkina 1971 etc.), but the researchers of its history are unanimous that the first big wave of Western European lexis refers to the Age of Peter I (Sorokin 1964: 43). According to Birzhakova's data, 52% of the total number of borrowed words entered in the 18th century actually took place within the Age of Peter the Great. (Birzhakova 1972: 170, 172). The transfer of people, ideas, technologies, scientific achievements in the direction from Western Europe to Russia shook fundamentally the layers of the then Russian society affecting its language directly which particularly reflected on its vocabulary. Vinogradov points out that the "Europeanization" of the Russian language from the time of Peter I bears the distinctive trace of the government regime (Vinogradov 1982: 59-60). The reorganization of the Army, the establishment of the Navy, the restructuring of the state-administrative apparatus, the instruction of translators and specialists in various scientific fields, the establishment of close diplomatic, trade, military, political and cultural relations with a number of Western European countries were prerequisites for a significant amount of new words (mainly from German, French, English, Dutch and Italian) to enter in the Russian language, a part of which still belong to its active vocabulary. As one of the first attempts to gather and present the Russian Western European vocabulary from the time of Peter I should be considered N. Smirnov's *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910. Despite the various critical remarks concerning the selection of sources of excerption, the chronology of a part of the borrowings and the ways of their adoption (Ogienko 1911: 356), (Sobolevskiy 2006: 510-515) and others, Smirnov's dictionary is among the main sources, to which all researchers of the history of language contacts and borrowings in the Russian language from the early 18th century refer. In terms of sporadicity and intensity of borrowing foreign words, some researchers compared the Age of Peter I to the post-Soviet period. Grigoryeva notes that "As a matter of fact, regarding the degree of openness to foreign languages Post-Soviet Russia can be compared to the Age of Peter I […] During this age the foreign words were used without a measure, sense and need. (Grigoryeva 2009:39,40).

The intensive adoption of foreign words was expressively compared to a "flood" and "linguistic intervention" (Kostomarov 1993), (Sklyarevskaya 2001) etc.), while the anxiety about the

ISBN 978-84-949838-0-1

“purity of language” in articles of recent times found its analogue in a number of post-Peter’s Age publications and in the early stages of building the Modern Russian language.

These parallels awaken interest in the fate of the first large wave of Western European borrowings in the Russian language and raise a number of questions: how many of them have been preserved in the active vocabulary today, what is the percentage of the so-called “barbarisms”, how many of these nearly 3000 dictionary units are historisms or archaisms, what changes have occurred in their semantics and so on? An attempt to answer to some of these questions will be made with the idea of looking at the past through the prism of the present with which some authors make analogies.

This investigation focuses the attention on the Western European words presented in С*ловарь иностранных* слов, вошедших в русский язык в эпоху *Петра Великого* and their place in the modern Russian language. Due to the restrictions of the volume, the analysis deals only with the borrowings from German; an analysis of the whole content of the dictionary would help to approach the answers to the questions listed above. The German linguistic influence from the Age of Peter I has been researched within monographs devoted to the issue (Bond, 1974, Sherwood 1969 etc.) and in more general publications on the foreign words in the Russian language, as well as in the courses in History of the Russian Literary Language and in Historical Lexicology (Some of them refer to an earlier or later period (Tokareva 2003, Otten 1985, Gainullina 2007 etc). Detailed bibliography from the end of the 19th century to 1970s can be seen in (Birzhakova 1972: 15-19). Some of the recent publications are focused on the thematic lexis and terminology borrowed from German during this period or from a wider span of time (e.g., administrative terminology (Kuvshinova 2007), marine terminology (Popova 2000), on grammatical or semantic adaptation (Grebinnik 2006), (Kuvshinova 2009), the history of their adoption in the Russian language (Potemkina 1971, Rozen 1991 etc.).

A number of extralinguistic factors were a prerequisite for the German language and culture to play an essential role in the process of massive reforms undertaken by Peter I and the opening of Russia to Europe. (See for details Birzhakova 1972, 24-70, Kuvshinova 2007, Rogge 2017, Semenova, Smagina 2017 etc.). Grebinnik pointed out: „The image of Germany takes a specific place in the Russian culture. Europe is most often presented in a German image in the texts of Russian thinkers. Russia’s interest to the West, in particular to Germany, appeared during the Age of Peter I and in the following years it developed in different interpretations, often inadequate and untimely“ (Grebinnik 2005:103). The contacts were direct - through the German specialists, scholars, students, teachers who had arrived after the emperor’s invitation; the Russian youths who were sent to study in Germany; through the intensive translations from German of socio-political, technical and popular science literature. In 1716 Peter I issued a decree for compulsory learning of German by the clerks in his administration. An important place was given to the German scholars in the structure of the first

ISBN 978-84-949838-0-1

Russian Academy of Sciences, established by a decree of the emperor in 1724 based on the example of the Paris Academy of Sciences. Among the academics there were some leading European names, of the first thirteen members, nine were Germans led by their German chairman, and in the first years German was spoken in the academy.(Smagina http://www.genrogge.ru/grbook/04.htm, (Birzhakova 1972:33-34).

In terms of language, all this had a multifaceted effect on the Russian vocabulary, terminology and phraseology, on the development of the business style and the formation of the norms of the new etiquette. Vinogradov notes: “Europeanization of the everyday life introduced new words and notions, new forms of expression in the system of everyday life speech of the high classes, respectively changing the norms of the etiquette… The servile expressions, the Eastern formulas of exaggerations of the skills of the addressee and praising them, and the expression of the pitiful self-humiliation disappeared from the style of letter writing” (Vinogradov 1982: 64).

The task to analyze the German borrowings in Smirnov’s dictionary from the point of view of their place in the Modern Russian language suggests outlining the main thematic groups to which they refer; to comment on their composition in regard to the changes that have occurred and to specify how many of them have active use in the modern language. One of the problems that researchers of foreign language borrowings face is to define the time of borrowing a given lexeme. For some of the scholars, this is the first fixation of the word, others take into account its background in the source languagee and note that one and the same material may undergo “several acts of borrowing” (See for more details Kuvshinova 2012:108). Smirnov faced this problem, too, when defining the source and the path of adoption of the borrowing, and in the study in his dictionary, he pointed out that: “… the scientific terms appear simultaneously in different forms, in Dutch or English, or German, in French or Italian. And sometimes one and the same concept is expressed in Dutch or English terminology, as it will be shown below...” (Smirnov 1910:4, 13). Bearing in mind these circumstances, while excerpting the language material, these principles were followed:

1. After the relevant word the German language is stated as a source or mediator in borrowing. In cases where more than one language is mentioned as a possible source, only the lexemes in which the German is mentioned first have been excerpted.

2. Out of the total number of words in which German is mentioned as a source, the borrowings that Ogienko denied as such pointing out that they occurred in earlier sources (Ogienko 1911: 361-369), and those which Smirnov noted that they also dated back to the 17th century but were actively used in the Age of Peter the Great have been excluded.

3. The German words that entered through Polish or other languages are not included; only those words supposed to have been borrowed through a direct contact.

ISBN 978-84-949838-0-1

After this selection, a total of 576 dictionary units were excerpted, identified by the author as German borrowings. Their thematic range is quite wide, however, several major distinctive groups have been outlined:

1. Lexis related to military and maritime affairs; 2. Administrative lexis; 3. Specialized lexis from different fields of science; 4. Everyday life lexis; 5. Other.

This classification is certainly somewhat conditional in nature, but nevertheless it gives a relatively clear idea of the main thematic areas in which words borrowed from German were distributed.

Each of the excerpted lexemes is analyzed within the thematic group on the following parameters: if it is present in the active vocabulary of the modern Russian language. A criterion to consider this parameter is its presence or absence in the Большой толковый словарь русского языка (Kuznetsov 2014). Among the many contemporary lexicographical sources, this dictionary was selected because it is relatively new (it was published in 1998, in 2014 the second edited edition was published); in the preface the author notes that the basic principle of inclusion of a word in the dictionary is its factual use in literary texts, popular scientific publications, journalism, mass periodical press and oral speech. The dictionary also contains the main terminology of modern science and technology, words indicating phenomena and realias from the productive, cultural and social life and includes about 130,000 articles (Kuznetsov 2014).

The words provided in Kuznetsov's dictionary are analyzed regarding their active use in the modern language, their integration is commented on as well. For this purpose, besides the mentioned source, the data from the National Corpus of the Russian language (http://www.ruscorpora.ru/index.html), containing more than 600 million lexemes, have been used.

The final stage of the analysis aims at determining what parts of the passive vocabulary (such as those known to the native speakers of the language but not used or are rarely found outside the specialized lexicographical reference books) are described today as historisms, archaisms or barbarisms.

Military and maritime lexis and terminology

A total of 194 lexemes corresponding to these excerption criteria belong to this thematic group. The comparison with Kuznetsov's (Kuznetsov 2014) dictionary and other modern resources (As an additional reference source the online resources of Словари и энциклопедии на Академике: https://dic.academic.ru/ have been used) has shown that for some of them the source was not German, but another language (Distributed as follows: with French origin – 19 lexemes, Latin –15, Dutch –2 and Greek – 1).

ISBN 978-84-949838-0-1

After taking into consideration this circumstance, the number of lexemes with unquestionable German origin was reduced to 157. Among them in Kuznetsov's dictionary there are 32 words, of which the borrowings with the highest frequency (in this case frequency means in how many documents the word appears according to the data of the National corpus of the Russian language. The number is given in brackets) are of the type: *бомбардировать (127); командировать (182); лагерь (2126); лозунг (1327); маршрут (1377; маршировать (170); мундир (1155); патрулировать (35); блокировать (228); провиант (239); рапира (32), шпион (705); шпионство (113); штаб (1715)*. A small part of the lexemes in Kuznetsov's dictionary are defined as historisms (compare e.g., *юнкер*, *камер-юнкер*; *рекрут; обер-офицер*, *генерал-адютант)*, and as more specialized military terminology are classified words of the type: *лафет*, *вест*, *берейтор, ефрейтор, генералитет, гауптвахта*, etc. The main part of the vocabulary – 125 lexemes that are out of the content of this dictionary are historisms that name military ranks and positions that existed before 1917 in the Russian army (e.g., *вахмистр; генералъ-аудиторъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, генералъ-вагенмейстеръ, генералъ-гевальдигеръ, генералъ- губернаторъ, генерал-инженеръ; генералъ-кавалеръ, генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, генералъ-кригсъ-комиссаръ, генералъ-полицеймейстеръ, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ фельдцейгмейстеръ, генералъ-фискалъ, генералъ- штабъ-квартирмейстеръ, генералъ-штабъ-фурьеръ* etc.), military concepts and specialized terms of the type *абшнитъ*, *аванжировать*, *гоф штаб квартирмейстер*, *горниверк, винтеръ квартира, деташаментъ, болверк, аркебузировать, амбаркироваться, экзерциций-мейстеръ, шнява, эверсъ, шуфель, ботелерія, кессель*, etc. The number of the so called barbarisms is not big. These are words encountered in Smirnov's dictionary and in some other historical dictionaries; a phonetic or morphological adaption is not observed with them and it is likely that they had a highly restricted specialized usage even then. Lexemes of the type: *бедектеръ-вегъ, белагеръ, болвернъ, блендунгъ, блокиръ, кригскассиреръ, кригсрехтъ* and others fall into this group. The words that most draw attention are a part of the active vocabulary of the modern language. Although the data from the National Corpus of the Russian language illustrate their frequency only in written texts (and do not contain information concerning the oral communication), it can be agreed that they are representative enough to illustrate the extent of their integration. The integration is connected to the deeper "implantation" of the borrowings in the system of the language and with its reverse influence on it. Maria Popova considers integration as the next stage of the adaptation (Understood as accommodating the foreign word to the graphic, phonetic, morphological and word-formation peculiarities of the receptor language) of the foreign word in the linguistic system by expressing its stronger involvement in the receptor language by participating in the word formation and participating

ISBN 978-84-949838-0-1

in secondary nomination (Popova 2003: 141-142). A number of examples illustrating secondary nomination processes in the meanings of borrowed lexemes in their integration into the new language system can be pointed out. This is not in the scope of the present work since such research would significantly exceed the volume of an article. Certain interesting cases are shown below.

Next to the word л**агерь** in Smirnov's dictionary one reads: нѣм. lager, лагеръ — ѡполчёніе.

In Modern Russian a widening of the meaning with which the word was borrowed is observed, as a result a number of secondary uses have been developed. Compare for instance: **лагер** (*labour camp, concentration camp, political prison, sports camp, pioneers' camp, health care camp, tent camp,* etc.).

The lexeme **бригадир** was borrowed from German with the basic meaning: *a military rank between colonel and general-major in the Russian army during the 18th century (until 1799),* which defines it as a historism. In Modern Russian the basic meaning of this lexeme is: *supervisor of a shif.* (Kuznetsov 2014) (The interpretations of all meanings below are according to this dictionary).

In Smirnov's dictionary the borrowing **лозунг** is provided with the meaning: **знак.** It has a high frequency in Modern Russian, but its semantics has undergone a significant transformation.

Compare: **лозунг** 1. *An appeal expressing in a short form a leading idea, task or a political requirement;2. A briefly expressed idea, a leading principle in an individual's life, 3. A banner with such an appeal.*

The borrowings from the active vocabulary in this thematic group that have preserved without any changes the meaning with which they were listed in Smirnov's dictionary are: *берейтор, генералитет, рапира, лафет, патрулировать маршировать, провиант.* Some partial semantic transformations or developing figurative meanings are observed among the rest of the borrowings.

1. Administrative lexis

In regard to the administrative lexis collected in his dictionary N. Smirnov pointed out: „All these words from the administrative language amount to approximately one fourth of the whole dictionary. As their source of borrowing must be considered the German language since at that time Germany had particularly developed administration" (Smirnov 1919:5).

The excerption of the German borrowings, following the defined criteria, proves to a large extent this observation; the administrative lexis is the second most numerous thematic group among those outlined above. It consists of a total of 159 lexemes of which 105 have been proven to have a German origin. The remaining 54, according to the modern lexicographic sources have a French origin (10), Greek (3) or Latin (41) origin. Only 17 of the German borrowings have remained in the dictionary of Modern Russian (Kuznetsov 2014): *авторитет (2236), бухгалтер (693), вексель*

ISBN 978-84-949838-0-1

(350), плакат (790), позумент (17), политизированный (16), принцесса (754), провинциал (190), регистратор (142), регистратура (13), факультет (1356), формуляр (103), фабрикант (289) штат (1452), щемпель (281), штраф (1109), юрист (876). Regarding historisms, 72 borrowings can be defined of the following type: *аудіенцъ-каморъ, бургграфъ, гермейстеръ, гофъ-мейстерина, гофъ-докторъ, гофъ-маклеръ, ербпринц, камердинеръ, камеръ-фрау, камеръ-фрейлина, бергъ-коллегия, ландъ-комиссаръ, полицеймейстеръ* and others. The number of the so called barbarisms is comparatively small – they were not adapted in the language and are found only in Smirnov's dictionary, e.g., *кассиреръ, ратсштуб, вагенгелтъ, бургарской, бургер, ландъ-сасъ, легаціонъ, лицентъ, матеріалистъ* (a trader of pharmaceutical goods), *препозитъ, регирунгсратъ,* etc. Interesting semantic transformations of the borrowings from the active vocabulary of the language are observed in this thematic group, too. For example, in Smirnov's dictionary after *плакат* one reads: **Плакать,** нѣм. placat, **билетъ**. In Modern Russian, this lexeme is realized with several possible meanings, but none of them corresponds semantically to the one stated by Smirnov.

Comapre: **ПЛАКАТ,** *-а; м. [German: Plakat]. 1. A fascinating image, a drawing with a brief explanatory text fulfilling the tasks of visual agitation and propaganda, information, advertising, instruction in training 2. A large piece of paper, a piece of cloth, etc., containing a call, condemnation, greeting, etc. 3. A variety of art graphics*.

The word **Провинциал** in Smirnov's dictionary has only one meaning: *a governer of the province* (after the meaning of the **провинция** one reads: *voivodeship, guberniya*) and it can be referred to the historisms. In modern Russian, this lexeme is realized with a basic meaning: **провинциал** – *a resident of the province,* and with a figurative one, marked with disdain: **провинциал** - *a man with limited interests, narrow-minded*.

Регистраторъ, нѣм. Registrator, in Smirnov's dictionary denotes a low rank in the table of positions and ranks that was introduced by Peter I in 1722. In Modern Russian the lexeme is realized with three meanings, none of them duplicates the one from Smirnov's dictionary. Compare: **РЕГИСТРАТОР,** -а; м. 1. An official who registers someone or something; 2. An automatic device for registering a phenomenon. 3. Cardboard folder for storing paper with a device for attaching it.

The number of the lexemes from the active vocabulary that have preserved unchanged their meaning when borrowed is considerably small. These are the borrowings *юрист, штраф, штат, факультет, принцесса, бухгалтер, авторитет.*

Specialized lexis from different fields of science

ISBN 978-84-949838-0-1

Borrowings from the different fields of the Humanities and Sciences fall into this thematic group. 103 lexemes, which were defined by Smirnov as having German origin, were excerpted from his dictionary. A reference to modern lexicographical sources showed that 40 of them are related to other languages (Latin – 28, French – 3, Greek – 9), thus reducing the total number of German borrowings to 63. Of these, 13 are detected in Kuznetsov's dictionary. The remaining 50 lexemes can be grouped as historisms, archaisms and barbarisms. Present day lexis includes the following borrowings: *абрис, алгебра, ботаник, гипотетический, грифель, криминалист, пастор, позитивный, семинарист, сондировать, шток, зондировать, шпиц, клинкер.*

The borrowings that can be defined as barbarisms are words of the type: *диапента, депендировать, мурверкъ, негоціаннъ, нордлихтъ, оподелдохъ, соціететъ, шмельть, шталтъ, экзерцировать, экзаминировать, екзерциціумъ, фишбеинъ, шпаргинентъ, экземпль.*

A small part may be defined as archaisms and historisms. Compare: *канцель, спеціесъ-талеръ, шпиаутер, шрейберъ* and others.

It is noteworthy that no significant changes in the basic meaning of the lexemes in Kuznetsov's dictionary have been observed in this thematic group. The only exception is the borrowing **фокус** that in Smirnov's dictionary has one meaning noted: "точка зажигания". In the modern language, the lexeme has 5 meanings.

Compare: **Фокусъ, нѣм.** лат. focus. **ФОКУС,** -а; м. [German Fokus from latin focus - очаг] 1. *Физ. Точка, в которой после прохождения оптической системы параллельным пучком лучей последние пересекаются.2. Точка, в которой фотографируемый или рассматриваемый с помощью оптического прибора предмет имеет наилучшую чёткость, резкость. 3. Мед. Очаг воспалительного процесса. 4. Средоточие, центр. 5. Матем. Постоянная точка, обладающая особыми свойствами по отношению к произвольной точке кривых линий <Фокальный, -ая, -ое (1, 5 зн.). Ф-ые точки. Ф-ая плоскость. Ф-ая поверхность. Фокусный, -ая, -ое (1-2 зн.). Ф-ое расстояние.*

Everyday life lexis

The thematic group *Everyday life lexis* is composed of 66 lexemes of which according to modern lexicographic reference books 47 have the German language as a confirmed source of borrowing.

There are 12 borrowings in Kuznetsov's dictionary (one marked as obsolete). These are: *брак, галстук, лацкан, локон, крендель, пакгауз, сталь, торф, шпалеры, шприц, штиблеты, флер (obsolete).*

ISBN 978-84-949838-0-1

The number of barbarisms in this group is significant, some of them are: *аузшпейзеръ, барбиръ, гантлангеръ, гезель, гербергъ, гзыизъ, гордина, гульфарба, доцеріванiе, доцерунгъ, каламенокъ, кохъ, мундъ-кохъ, нахцѣйхъ, шпингаусъ* etc.

The number of the historisms is comparatively small; borrowings that can be defined as such are: *штивер, фантаж, фердинг, фуражировать*.

Other lexis

The last group encompasses 52 borrowings of various content and semantics that do not belong to the above discussed thematic groups. The analysis reveals that 38 of these lexemes were borrowed from German, of which 6 are present in Kuznetsov's dictionary. From the rest of them 6 are historisms and 26 are archaisms and barbarisms.

Compare: Historisms: *албертусъ-талеръ, рейхсталеръ, кунсткамера, маринъ грошъ*.

Archaisms: *сасофрасъ, танцмейстеръ, принцметалный, сардель, ревелія, фартка,* etc.

It may be suggested that the group of barbarisms consists of words such as: *штокфишъ, антвортенъ, интересентъ, постирунгъ, субмиссія, крон* etc.

The following borrowings can be seen in Kuznetsov's dictionary: *валторнист (7), гобоист(13), гульден (20), неглижировать (16) (с маркер остар.), полировать (52), сигнал* (2358).

All of them, excluding *гульден* and *сигнал,* are given 1 meaning which is identical to what was written in Smirnov's dictionary.

There are 2 meanings listed after the currency *гульден*: *ГУЛЬДЕН [дэ], -а; м. [нем. Gulden] 1. В Нидерландах: основная денежная единица; денежный знак этого достоинства. 2. Во Франции, Германии и некоторых других европейских странах в 13 - 20 вв.: золотая, позднее серебряная монета*.

Up to the present moment both meanings of the lexeme fall into the group of historisms. It is only the borrowing *сигнал* that reveals processes of active semantic and word-formative derivation as a result of which it is realized with 5 meaning in the modern language and is part of a number of collocations.

Compare: ***СИГНАЛ,*** *-а;* ***м.*** *[нем. Signal]* ***1.*** *Условный знак для передачи какого-л. сообщения, распоряжения, команды и т.п. Звуковой, световой с. Секретный, условный с. Штормовой с. Морские, дорожные сигналы. С. отправления, подъёма, сбора. С. к атаке, к штурму. Подать с. фонарём, флажком. Протрубить с. Подъём флага - с. к построению. Передаём сигналы точного времени. С. "SOS"* . ***2.*** *Техн. Передаваемый импульс*

ISBN 978-84-949838-0-1

или группа импульсов электромагнитной энергии. Кодированный с. Ответный, отражённый с. Импульсный, синусоидальный, частотный с. С. помехи. С. сбоя (информ.). Сигналы радиомаяка. Принимать, посылать сигналы (о приборах). ***3.*** *Книжн. Проявление существования, функционирования чего-л., вызывающее ответную реакцию какого-л. прибора или организма. Приём сигналов с отдалённых звёзд. Сигналы внеземных цивилизаций.* ***4.*** *О том, что служит толчком к каким-л. действиям, деятельности. Замораживание кредитов послужило сигналом к прекращению финансирования предприятия. .* ***5.*** *Предупреждение, сообщение о чём-л. нежелательном***<*Сигнальчик,** *-а;* ***м.*** *Ласк.*

The high degree of integration of the lexeme in the system of language is confirmed with the data from the National corpus of the Russian language, as well as by the dictionary of the Russian language, where *сигнал* is marked with 53 synonyms (Тришин 2013).

Conclusion

The brief analysis of the German borrowings in N. Smirnov's dictionary that "invaded" the Russian language during the turbulent age of the reformer Peter the Great gives grounds for some general preliminary observations and conclusions.

1. From the total number of lexemes in *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910, Smirnov defined 574 of them as German borrowings. A comparison with modern lexicographic sources reduces their number to 410.

2. The most numerous is the thematic group related to the military and maritime affairs (157 lexemes). 25 of them are actively used in Modern Russian. The main part of the borrowed words in this thematic field are historisms naming military ranks, positions and concepts in the Russian Army from the period before 1917. The number of the so called barbarisms is insignificant.

3. The borrowed administrative lexis comes to be the thematic group that is second in number. Out of 105 administrative terms all together, there are 17 functioning in the active vocabulary of Modern Russian. The biggest number of lexemes (72) are historisms naming realia and relations that were characteristic to the period before 1917. In this case the number of barbarisms may be qualified as insignificant.

4.The thematic group containing specialized lexis from different fields of science have 50 German borrowings out of 63 that can be classified as historisms, archaisms and barbarisms. The remaining 13 are in Kuznetsov's dictionary and belong to the active vocabulary of the language.

5.What draws the attention is the fact that the biggest number of barbarisms is in the field of everyday life lexis and in the lexemes in section *Other lexis*. From the total number of 85 borrowings

ISBN 978-84-949838-0-1

in both sections, there are 18 words in the active vocabulary nowadays. The remaining 67 are historisms and barbarisms, the latter significantly dominate.

6.The final result shows that out of 410 German borrowings from Smirnov's dictionary 73 lexemes (20%) are in active use nowadays. The basic part of the analyzed material belongs to the passive fund of the language; however, some of the lexemes appear to be unknown out of the specialized historical reference books and texts (the so called barbarisms that were not adapted within the system or had a short-lived presence).

7.An analysis of this type would show even more interesting results if it is applied to the whole lexis in the dictionary under investigation. The data from it are of interest not only to the historical lexicology; they concern the parallels made with the similar processes of intensive language contacts and mutual influences we witness from the end of 20th and the beginning of the 21st century.

References:

Vinogradov. V.V. Виноградов, В. В. (1982): Очерки по истории русского литературного языка XVII- XIX веков, изд. 3-е. М.: Вышая школа.

Gaynullina, N. I. Гайнуллина Н.И. (2007): Заимствованная лексика в "Письмах и бумагах Императора Петра Великого" (дисерт.).

Grebinnik, L.V. Гребинник Л. В.(2005): Процесс заимствования из немецкого языка на фоне взаимодействия двух культур. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия "Филология" Том 18 (57), № 1, 103–107.

Grebinnik, L. V. Гребинник Л.В. (2006): Морфемно-словообразовательный аспект освоения немецких заимствований в русском языке. Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін.), К.: Знання України, 53–58.

Grigoryeva, T. M. Григорьева, Т.М.(2009): «Чужесловие» в русском языке и русской ментальности. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2, 38–48.

Epishkin, N.Епишкин, Н. (2010): Исторический словарь галлицизмов русского языка.

М.: Словарное издательство ЭТС.

Eshterkina, L. V. Ещеркина Л. В. (2015): История проникновения германизмов в структуру русского языка. Управление в современных системах Челябинск: Изд. Южно-Уральский институт управления и экономики, №2, 29–32.

Kiparskij, V. R. Кипарский, В.Р. (1978): Проникновение элементов западноевропейской лексики в русский язык XVП-XVШ веков. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVШ–X1X веков. М.: Наука, 124-128.

ISBN 978-84-949838-0-1

Kostomarov, V. G. Костомаров В.Г. (1993): Русский язык в иноязычном потопе. Русский язык зарубежом. М., № 2.

Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2007): Германизмы в русском языке начала XVIII века как отражение исторической эпохи.В:Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия "Филология". Том 20 (59). №3, 43–48.

Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2009): Семантическое освоение немецких заимствований. Современные достижения иностранной филологии. Сборник научных трудов. Выпуск 7. Ужгород, 220 – 226.

Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2012): Историко-лингвистический анализ немецких лексических заимствований в русском языке XVII − XVIII веков. Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова ВИПУСК 8’2012 Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов, 108–114.

Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2014): Немецкие заимствования и пути их проникновения в словарный состав русского языка. В: Система і структура східнослов’янських мов, Вип. 7., 168–174.

Kuznetsov, A. S. Кузнецов, А.С. (2014): Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт.

Meshterskii, N. A. Мещерский Н.А.(1981): История русского литературного языка. Л.: ЛГУ.

Ogienko, I. I. Огиенко И.И. (1915): Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915. 136. https://www.prlib.ru/item/677459(10.02.2018).

Ogienko, I. I. Огиенко И.И. (1911): К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. Русский филологический вестник. Варшава, Т. 66, № 3–4, 352–369.

Popova, M. Попова, М. (2003): Термините “адаптация” и “интеграция” при интернационалните заемки. In: Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Ústav pro jazyk časky. Academie věd České republiky, Praha, p. 141–149.

Popova, M. V. Попова М. В. (2000): Германские заимствования в русской мореходной терминологии: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж.

Potemkina, N. F. Потёмкина Н. Ф. (1971): Из истории немецких заимствований в русском языке // Вопросы русского языкознания. Ученые записки. Т. 98. Рязань, 171−186.

Reformatorskii, A. A. Реформатский А.А. (1996): Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 536.

Rogge, V. O. Рогге, В.О. (2017): Дворянский род Рогге (Rogge). http://genrogge.ru/ (25.02.2018)

Rozen, E. V. Розен Е. В. (1991): Немецкая лексика: история и современность. М., 96.

ISBN 978-84-949838-0-1

Sklyarevskaya, G. N. Скляревская, Г. Н. (2001)”: Слово в меняющемся мире: русский язык начала ххістолетия: состояние, проблемы, перспективы. В: Исследования по славянским языкам. - № 6. Сеул, 177–202.

Semenova, A. B. Smagina G.I. Семенова, А.Б.Смагина, Г.И. (2017): Немцы в России. Немцы на государственной и военной службе. http://genrogge.ru/grbook/03-1.htm (25.02.2018)

Smirnov, N.A. Смирнов Н.А. (1910): Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. отд.яз. и словес. Имп. Акад. наук. Спб., т. 88, №2.

Sobolevskii, A. Соболевский, А. (2006): Труды по истории русского языка. Т. 2, 510–515.

Tokareva, I. V. Токарева И.В. (2003): Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX - XX веков) (дисерт.)

Trishin, V. N. Тришин В.Н. (2013): Словарь синонимов ASIS.

Bond A. (1974): German Loanwords in the Russian Language of the Petrine Period. Bern.

Sherwood P.M. (1969): German loanwords in Russian, 1700–1725. Ph.D. thesis, Manchester.

Thompson D.F (1983): German loan words in 19th century Russian. D.Phil. thesis. Oxford.

ISBN 978-84-949838-0-1

GRAMMATICAL GENDER IN NINILCHIK RUSSIAN

Olga Steriopolo
Leibniz-ZAS, Germany
steriopolo@leibniz-zas.de

ABSTRACT

This work presents an analysis of grammatical gender in Ninilchik Russian, a highly-endangered dialect of Russian spoken in Alaska. Grammatical gender in Ninilchik Russian is compared with that of Contemporary Standard Russian. This is multi-disciplinary research. The anticipated results will be of interest to theoretical linguists, language typologists, language-area specialists, and language educators. Due to the fact that Ninilchik Russian is on the verge of extinction, the findings will also be relevant to the fields of Education and Endangered Language Documentation, Maintenance, and Revitalization.

Key words: Ninilchik Russian, gender features, morphosyntax, mixed gender agreement

* This research was supported by a DFG (German Research Foundation) research grant to Olga Steriopolo (4/2016 – 3/2019). Thank you very much to Dr. Mira Bergelson for her helpful comments.

1. Introduction

Ninilchik Russian is a highly-endangered dialect of the Russian language spoken in the village of Ninilchik on the west coast of the Kenai Peninsula in Alaska. The history of Ninilchik Russian dates back to the second half of the 18th century and is connected to a commercial trading company in Alaska called the Russian-American Company (RAC) (Bergelson and Kibrik 2010). Many Russian traders and officers of the RAC married local women of Eskimo-Aleutian, Athapascan, and other Native American origin. As a result, an ethnically mixed group of people emerged, called Creoles. By the mid-19th century, several RAC-retirees decided not to return to Russia and in 1847, a settlement, later named Ninilchik, was founded for them and their families at the mouth of the Ninilchik River. At first, there were only five families living in Ninilchik. However, by the end of the 19th century, over 80 people called the village home. In 1867, the territory of Alaska was sold to the United States. In the decades which followed, Ninilchik residents were relatively isolated. In the 1930s, an English-language school was opened in Ninilchik and the use of Russian was strongly discouraged. As a result, children ceased to acquire Russian as their first language. At present, only very few, elderly speakers of Ninilchik Russian remain. Though their primary language is English, they still recall how Ninilchik Russian was spoken when they were children (Pereltsvaig 2015).

Ninilchik Russian is a unique dialect of the Russian language, particularly with respect to grammatical gender. Daly (1985, 1986) was the first to observe substantial differences between the grammatical

ISBN 978-84-949838-0-1

gender systems in Ninilchik Russian (NR) and Standard Russian (SR). First, the neuter gender agreement is non-existent in NR. Forms that are consistently neuter in SR generally trigger masculine (*moj akoška* 'my.MASC window') gender agreement in NR. Second, forms that are consistently feminine in SR can trigger either masculine (*durn-óy bába* 'foolish-MASC woman') or feminine (*durn-áya bába* 'foolish-FEM woman') gender agreement in NR. And third, forms that are consistently masculine in SR tend to trigger masculine gender agreement in NR (*chórn-ay m'idwét'* 'black-MASC bear'). Thus, the following two research questions arise: First, has NR developed its own distinct grammatical gender system? And second, how can we account for substantial differences between the grammatical gender systems in SR and NR?

All data for the current research come from a single source – a recently published dictionary of Ninilchik Russian (Bergelson, Kibrik, Leman, and Raskladkina 2017). Part of a larger research project started by Kibrik and Bergelson in 1997, it is the only existing dictionary of Ninilchik Russian. The dictionary entries do not indicate the grammatical gender of nouns. In order to determine the grammatical gender of a noun, I have analyzed all phrases and sentences in the dictionary that contain grammatical gender agreement.

2. Data

In §2.1, I discuss gender on personal pronouns, and in §2.2, I discuss gender on nouns.

2.1. Personal pronouns in NR

Similarly to SR, singular personal pronouns in NR that refer to male referents trigger masculine grammatical agreement and those that refer to female referents trigger feminine agreement[25]. Masculine adjectives in NR carry the endings *–ay*, *–oy* and *–iy* in NOM.SG; and feminine adjectives carry the ending *–aya* in NOM.SG (Bergelson and Kibrik 2010; Kantarovich 2012).

(1) a. Ya ustál. 'I (male) got tired.MASC.' Ya ustál-**a**. 'I (female) got tired-FEM.'
b. Ya harósh-**aya**, ya n'i chud'ú. 'I (female) am good-FEM, I am not raising hell.'
c. T'i pel? 'Did you sing.MASC?' T'i pél-**a**? 'Did you (female) sing-FEM?'
d. Atkúy t'i pr'ishól? 'Where did you come.MASC from?' Atkúy t'i pr'ishl-**á**? 'Where did you (female) come-FEM from?'

25 There is one exception in the dictionary, in which a male referent seems to trigger feminine agreement in a reflexive construction. Since there is only one such example, it is treated as exceptional and is listed in the *Appendix A* at the end of this work, where I include all data which seem exceptional (exceptionality is determined by a dramatically low occurrence of instances in comparison to the rest of data).

ISBN 978-84-949838-0-1

e. On w'isók-**ay**. 'He is tall-MASC.'Aná w'isók-**aya**. 'She is tall-FEM.'
f. On úm'ir. 'He died.MASC. Aná um'irl-**á**. 'She died-FEM.'

The neuter personal pronoun *ono* 'it' used in SR is entirely absent in NR and thus not found in the dictionary. Instead, a substantial number of examples include the demonstrative pronoun *eta* 'it/this'.

(2) a. N'imnóshka rán'shi **éta** búl-**a**. 'It was a little bit earlier.' (SR: et-o byl-o 'It-NEUT was-NEUT')
b. Ya dúmayu ya **étu** pat'irál. 'I think I've lost it.' (SR: eto poteryal 'it-NEUT lost)
c. Ya **étu** waz'mú. 'I'll take it.' d.Ya hachú **étu** wz'at'. 'I want to take it.'

The dictionary contains only three instances of the masculine demonstrative pronoun *etat* 'this' (listed in the *Appendix B*). We can treat these cases as exceptional and thus conclude that the demonstrative pronoun *eta* 'this/it', which is used in a vast majority of cases in NR, has the feminine form. The reason for this assumption comes from the data in (2a-d) above, in which (i) *eta* seems to trigger feminine grammatical agreement with the predicate *bul-a*; and (ii) *eta* is used in the Accusative case in exactly the same morphological form as the feminine demonstrative *eta*[26] in SR.

2.2. Nouns in NR

There are significant differences between NR and SR grammatical gender both in human animate and inanimate nouns. First, consider human nouns.

2.2.1. Human nouns

In SR, human sex-differentiable nouns that denote males are usually masculine, and those that denote females are feminine. In NR, this seems to only be the case for male nouns, as in (3) below.

(3) a. Moy at'éts m'in'é mnóga pamagál. 'My.MASC father helped.MASC me a lot.'
b. Iwón-**ay** s'in mál'in'k-**oy**. 'His-MASC son is small-MASC.'
c. Bahát-**ay** muzhík 'rich-MASC man'
d. T'i hud-**óy** mal'chíshka. 'You are a bad-MASC boy.'

26 However, there are also cases, in which the Nominal form *eta* is used instead of the Accusative form *etu*, as in *On m'in'é pradawát'* ***éta***. 'He (is going) to sell it to me.'

ISBN 978-84-949838-0-1

When it comes to female nouns, two options are available and productively used by the same speakers of NR: either (i) feminine gender agreement, similarly to SR, or (ii) masculine gender agreement as shown in (4), which is ungrammatical in SR.

(4) a. May-**á** star'úha 'my-FEM old woman'; moy star'úha 'my.MASC old woman'
b. May-**á** s'istrá 'my-FEM sister'; moy s'istrá 'my.MASC sister'
c. May-**á** zhiná 'my-FEM wife'; iwón-**ay** zhiná 'his-MASC wife'
d. Iwón-**ay** dóchka tam. 'His-MASC daughter is there.'

There are also two interesting cases of mixed gender agreement in NR that are ungrammatical in SR.

(5) a. Iwón-**ay** doch mán'in'k-**aya**. 'His-MASC daughter is small-FEM'.
b. Násh-**iy** dóchka harósh-**aya**. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'

In the data (5a-b), the possessive pronouns agree in masculine gender with the female nouns *doch* and *dochka* 'daughter', while the predicative adjectives agree in feminine gender.
It is important to note that in NR, optionally feminine or masculine gender agreement with a female noun is used productively mostly with possessive pronouns. There is only one case of a masculine possessive adjective *bózh-**iy*** 'God's-MASC' used with the female noun *mat'ir* 'mother' and one controversial case of a masculine attributive adjective *durn-**óy*** 'foolish' used with the female noun *baba* 'woman'. Both cases are listed in (6).

(6) a. Bózh-**iy** mát'ir 'God's-MASC mother'
b. Durn-**óy** bába 'foolish-MASC woman'; durn-**áya** bába 'foolish-FEM woman'

In (6b), a fluent speakers of NR observes that only feminine gender agreement *durn-**áya*** 'foolish-FEM' is possible with the female noun *baba* 'woman' and considers the masculine agreement *durn-**óy*** 'foolish-MASC' to be ungrammatical (Bergelson and Kibrik, 2010, pp. 309-310). Yet, the masculine example is listed in the dictionary, which means that it is acceptable among other speakers of NR. We can therefore conclude that there must be speakers' variation when it comes to attributive agreement with female nouns (note that this is the only example of masculine attributive agreement with a female noun, found in the dictionary).

ISBN 978-84-949838-0-1

In contrast, when it comes to predicative agreement (verbal or adjectival), feminine gender agreement is productively used with female nouns. Some examples of verbal agreement are given in (7) below; the examples of predicative adjectival agreement were shown earlier (see mixed gender agreement in (5)).

(7) a. Moy-**á** mat' m'in'á paslál-**a** w kur'átn'ik. 'My-FEM mother sent-FEM me to the chicken house.'
b. Bábushka m'in'é nakarm'íl-**a**. 'Grandma fed-FEM me.'
c. Máma t'ibé zwál-**a**. 'Mama was asking-FEM for you (to come).'

2.2.2. Non-human animate and inanimate nouns

A vast majority of masculine nouns that belong to declension class I in SR (*–Ø* ending in NOM.SG), are also masculine in NR, as shown in (8). There are only three entries found in the dictionary (listed in the *Appendix C*), in which such nouns seem to trigger feminine gender agreement with adjectives.

(8) a. Bél-**ay** król'ik'white-MASC rabbit'
b. Chórn-**ay** m'idwét' 'black-MASC bear'; kár-**ay** m'id'wét' 'brown-MASC bear/grizzly bear'
c. Wásh-**iy** dom bal'sh-**óy**. 'Your-MASC house is big-MASC.';
d. Dom bul krépk-**ay**. 'The house was.MASC strong-MASC.'
e. Iwón-**ay** pál'its atrub'ít-**ay**. 'His-MASC finger is chopped off-MASC.'
f. Mókr-**ay** sn'ek 'wet-MASC snow'; sn'izh-**óy** shár'ik 'snow-MASC ball'

Feminine nouns that belong to declension class III in SR (most nouns end in a soft consonant in NOM.SG) trigger masculine gender agreement in NR. Examples are given in (9).

(9) a. Kak-**óy** u was bol'? 'What-MASC pain do you feel ?/What-MASC sickness do you suffer from?'
b. S'íl'n-**ay** bol'. 'Strong-MASC pain'/'It hurts a lot.'
c. Spakóyn-**ay** noch! 'Havea good-MASC night!'
d. Pradáy m'in'é tw-**oy** lóshit'! 'Sell me your-MASC horse!'

A vast majority of feminine nouns that belong to declension class II in SR (*–a* ending in NOM.SG) trigger masculine gender agreement in NR, as shown in (10). There are many such examples in the dictionary. However, there are 12 entries of such nouns triggering feminine gender agreement (given

ISBN 978-84-949838-0-1

in *Appendix D*). A majority of these nouns can also optionally trigger masculine gender agreement (shown in *Appendix D* as a comparison in brackets).

(10) a. Sabáka s'ird'ít-**ay**.'The dog is mean-MASC.' Sabáka m'in'é prógnal.'The dog chased.MASC me.'
b. Kúra yáytsu sn'isl-**á**. 'The chicken laid-FEM an egg.'
c. Krásn-**ay** r'íba 'red-MASC salmon'; swézh-**ay** pr'isól'n-**ay** r'íba 'lightly/freshly salted fish'
d. R'íba na sétk'i absóh. 'The fish in the nets went dry.MASC.'
e. D'ík-**ay** kóshka 'wild-MASC cat/lynx'; krásn-**ay** l'is'ítsa 'red-MASC fox'
f. U t'ibé bal'sh-**óy** galawá a u n'iwó mál'ink-**uy**. 'You have a big-MASC head and he has a small-MASC one.'
g. Shéya slamál-**sa**. 'The neck broke-REFL.MASC.'
h. U n'iwó pálachn-**ay** nagá, d'ir'iw'án-**ay**. 'He has a peg-MASC leg, a wooden-MASC (one).'
i. Rabóta sam n'i pr'id'ót; iwó náda iskát. 'A job won't arrive by itself.MASC; it is necessary to look for it.MASC.; N'ikak-**óy** rabóta n'i l'óhk-**ay**. 'No one-MASC job is easy-MASC.'
j. Pl'itá swétl-**ay**. 'The stove is shiny-MASC.' Pl'itá pragarél. 'The stove went out.MASC.'

A vast majority of nouns that are neuter in SR trigger masculine gender agreement in NR, as shown in (11). There are four entries in the dictionary in which such nouns trigger feminine gender agreement (given in the *Appendix E* – one of them is also attested with optional masculine agreement). No data triggering neuter gender agreement have been found in the dictionary (see Daly 1986; Bergelson and Kibrik 2010; and Kantarovich 2012 on the loss of neuter gender in NR).

(11) a. Moy akóshka tsíst-**ay**. 'My.MASC window is clean-MASC.'
b. Akóshkaslamál-**sa**. 'The window broke-REFL.MASC.'
c. Balsh-**óy** spas'íba shto zashól. 'Big-MASC thank you for coming/Thanks a lot for coming.'
d. Chésn-**ay** slówa. 'Honest-MASC word/I bet.'
e. Dazhiw-**óy** pal'tó 'rain-MASC coat'
f. A gd'éta tw-**oy** pal'tó? 'Where is your-MASC coat?'
g. Myása krépk-**ay** 'meat is hard-MASC'; s'ir-**óy** myása 'raw-MASC meat'

ISBN 978-84-949838-0-1

h. Iwón-**ay** mésta ‘his-MASC place (house)’. Éta mésta bal’sh-**óy**. ‘This room is big-MASC.’

i. Sukawát-**ay** d’ér’iwa ‘knotty-MASC wood (tree)’; suh-**óy** d’ér’iwa ‘dry-MASC wood’

j. Katór’-**iy** wrém’ya? What-MASC time is it? (not used by some speakers)

3. Conclusions

Similarly to SR, personal pronouns in NR consistently trigger masculine gender agreement (both attributive and predicative) referring to a male, and feminine gender agreement referring to a female. However, unlike in SR, there is no neuter personal pronoun *ono* ‘it-NEUT’ in NR. Instead, the demonstrative pronoun *eta* ‘it/this’ is used, the forms of which in NOM.SG and ACC.SG seem to correspond to the forms of feminine demonstrative pronoun *eta* ‘this’ in SR (although not in all NR data). This is summarized in table 1.

Table 1.A comparison of personal pronouns in NR and SR

Personal Pronouns	**NR**	**SR**
1-st Person Singular	✔	✔
2-nd Person Singular	✔	✔
3-rd Person Singular MASC/FEM	✔	✔
3-rd Personal Singular NEUT	*	✔

A vast majority of non-human animate and inanimate nouns in NR trigger masculine gender agreement (both attributive and predicative). However, there are a number of examples - all listed in the *Appendices C, D, E* - that seem to trigger feminine gender agreement. They are treated as exceptional cases for the following two reasons: (i) the small number of them found in the dictionary; and (ii) most of them can also optionally trigger masculine gender agreement in NR. No nouns have been found triggering neuter gender agreement in NR, unlike in SR. This is summarized in table 2.

Table 2. A comparison of non-human animate and inanimate nouns in NR and SR

Non-human animate and inanimate nouns	**NR**	**SR**
Masculine	✔	✔
Feminine	* (12 exceptions)	✔
Neuter	*	✔

ISBN 978-84-949838-0-1

Human sex-differentiable nouns in NR present a very interesting case when they denote females. They can productively trigger two kinds of gender agreement with possessive pronouns: (i) masculine and (ii) feminine. In addition, one example of a possessive and one example of attributive adjectives with both kinds of gender agreement have been found. In contrast, in SR, sex-differentiable nouns denoting females can only trigger feminine gender agreement and masculine gender agreement is ungrammatical, as shown in (12) (compare data in SR and NR).

(12) a. NR: May-**á** star'úha 'my-FEM old woman'; moy star'úha 'my.MASC old woman'
b. SR: May-**á** star'úha 'my-FEM old woman'; *moy star'úha 'my.MASC old woman'

In addition, sex-differentiable nouns that denote females can trigger mixed gender agreement in NR, which is ungrammatical in SR. Thus, in the sentences (13) below, the possessive pronoun *násh-**iy*** 'our-MASC' agrees in masculine gender; and the predicative adjective *harósh-**aya*** 'good-FEM' agrees in feminine gender with the female noun *dóchka* 'daughter'.

(13) a. NR: Násh-**iy** dóchka harósh-**aya**. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'
b. SR: *Násh dóchka harósh-**aya**. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'
Násh-**a** dóchka harósh-**aya**. 'Our-FEM daughter is good-FEM.'

In SR, such data are ungrammatical and only feminine gender agreement can be used (see a comparison in (13a-b)). Although mixed gender agreement is attested in SR with nouns denoting female professions (Corbett 1991, Pereltsvaig 2007; Matushansky 2013, Pesetsky 2013, Steriopolo 2018, among others), it is ungrammatical with human sex-differentiable nouns, as, for example, kinship terms. These findings are summarized in table 3.

Table 3. A comparison of human sex-differentiable nouns (denoting females) in NR and SR

Human sex-differentiable nouns	**NR**	**SR**
Masculine	✔	*
Feminine	✔	✔
Mixed gender (masc and fem)	✔	*

ISBN 978-84-949838-0-1

References

Bergelson, M., and A. Kibrik. (2010): The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. Slavica Helsingiensia 40. 320-335. Available online: http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html

Bergelson, M., Kibrik, A., Leman, W., and M. Raskladkina. (2017): A dictionary of Ninilchik Russian. Minuteman Press, Anchorage. Available online: http://www.ninilchikrussian.com/recordings/recordings.html

Corbett, G. (1991): Gender. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Daly, C. (1985): Russian language death in an Alaskan village. Paper presented at UCB Linguistics colloquium, 10.

Daly, C. (1986): Evonaj mat‘ ves‘ noc television karaulil – His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian, Ms. 31 pp. Available online: http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html

Kantarovich, J. (2012): The Linguistic Legacy of Russians in Alaska. Russian Contact and Linguistic Variation in Alaska, with Special Attention to Ninilchik Russian. Ms., The University of Chicago. Available online: http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html

Matushansky, O. (2013): “Gender Confusion.” In Diagnosing Syntax, edited by L.L.-S. Cheng and N. Corver, 271–94. Oxford: Oxford University Press.

Pereltsvaig, A. (2007): Copular Sentences in Russian. Springer: The Netherlands.

Pereltsvaig, A. (2015): The Fast-Disappearing Ninilchik Russian of Alaska—And Some of Its Linguistic Peculiarities. In Languages Of The World: Exploring The Rich Diversity Of Human Languages. Available online: http://www.languagesoftheworld.info/geolinguistics/endangered-languages/fast-disappearing-ninilchik-russian-alaska-linguistic-peculiarities.html

Pesetsky, D. (2013): Russian Case Morphology and the Syntactic Categories. The MIT Press.

Steriopolo, O. (2018): “Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns.” Questions and Answers in Linguistics 5(1): 1–15. Available online: https://www.degruyter.com/view/j/qal.ahead-of-print/qal-20180001/qal-2018-0001.xml

Appendix

(Exceptional cases – non-standard use of grammatical gender in NR in NOM.SG)

A. On zaikál-**as**. ‘He stuttered-REFL.FEM.’ (compare with: Aná zaikál-**asa** ‘She stuttered-REFL.FEM.’)

B. Mayá mat’ zawál’iwala, a at’éts n’i l’ub’íl .. aná at atsá pr’átala .. **état** zawal’ít.

ISBN 978-84-949838-0-1

‘My mother chewed snoose, but my father did not like it. She was hiding it from my father .. this snoose.’

Wot **état** mashén’ik tam pr’istál. ‘That rogue hassled (us) there.’

Padazhg’í **état** yáshchik! ‘Burn this box!’

C. Ádn-**a** ras ‘one-FEM time’. Ádn-**a** ras sama rás! ‘Once is enough!’

D’ir’ówn-**aya** yaz’ík ‘village-FEM language’ (compare with: Moy az’ík n’i hóchit skazát’ chiwó ya dúmayu. ‘My.MASC tongue does not want to say what I’m thinking.’)

Aná harósh-**aya** pówar. ‘She’s a good cook.’

D. Bába Yagá kost’an-**áya** nagá; nos w patalók wros ‘Old Lady Yaga had a bony-FEM leg; her nose grew to the ceiling’. Usage: An old Russian saying.

Nóga slamát-**aya**. ‘The leg is broken-FEM.’ (compare with: pálachn-**ay** nagá, d’ir’iw’án-**ay** ‘peg-MASC leg, wooden-MASC’; zádn-**ay** nagá ‘hind-MASC leg’)

Póln-**aya** wadá ‘high-FEM water/tide’ (compare with: póln-**ay** wadá ‘high-MASC water/tide’)

Réchka bl’íska búl-a. ‘The river was-FEM close.’ (compare with: star-ay réchka ‘old-MASC creek’; zast’íl-**ay** réchka ‘frozen-MASC river’)

Chórn-**aya** pt’ítsa ‘black-FEM bird’ (compare with: chórn-**ay** pt’ítsa ‘black-MASC bird’)

Krásn-**aya** br’úshka ‘red-FEM belly/robin’ (compare with: krásn-**ay** br’úshka ‘red-MASC belly’)

Zap’isn-**áya** kn’íshka ‘note-FEM book’ (compare with: moy kn’íga ‘my.MASC book’)

Krásn-**aya** smaród’ina ‘red-FEM currant’; s’ín’-**aya** smaród’ina ‘blue-FEM currant’

Chórn-**aya** tr’iská ‘black-FEM cod’

Éta may-**á** s’imyá. ‘This is my-FEM family.’

Raspúh-l-**a** zhíla. ‘The vein got swollen-FEM.’

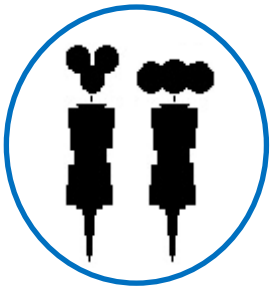
Kúra yáytsu sn'isl-**á**. ‘The chicken laid-FEM an egg.’

E. Akóshka atkr’ít-**a**. ‘The window is open-FEM.’ (compare with: Moy akóshka tsíst-**ay**. ‘My.MASC window is clean-MASC.’ Akóshkaslamál-**sa**. ‘The window broke-MASC.REFL’)

Dóbr-**aya** útra! ‘Good-FEM morning!’

Másla pagásl-**a**! ‘The oil burned-FEM out.’

Usage: a rhyme which people in Ninilchik liked to repeat.

Sám-**aya** gláwn-**aya** kushan’a – p’irók. ‘The most-FEM important-FEM food is cake.’

ISBN 978-84-949838-0-1